И. ЕФРЕМОВ

ИВАН ЕФРЕМОВ

ТАИС АФИНСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА
1980

Р 2
Е 92

Четвертое издание

Ефремов И. А.
Е 92 Таис Афинская: Исторический роман/ Изд. 4-е.— Алма-Ата: Жазушы, 1980.— 480 с.

Последнее произведение Ивана Ефремова освещает один из переломных моментов истории — переход от национализма пятого — четвертого веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, происшедший под влиянием войн Александра Македонского, а также благодаря проявлениям общечеловеческой морали в учениях греческих философов-гуманистов. В романе красной нитью проходит мысль о вечности красоты искусства и ее вдохновительницы — женщины.

Главная героиня романа — знаменитая гетера Таис Афинская — такая же подлинная историческая личность, как и Александр Македонский. Она участница его походов. Ею сожжена одна из столиц персидского царства — Персеполис. Этот эпизод лег в сюжетную основу романа.

Р 2

Е $\frac{70302-141}{402(05)-80}$ без объявления 4702010200

© Издательство «Молодая гвардия», 1973, 1976, 1977.
© Издательство «Жазушы», 1980.

ОТ АВТОРА

Роман «Таис Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса — одной из столиц персидского царства — знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского. Эпизод этот одно время отрицался буржуазными историками, в том числе и столь крупным знатоком эпохи Александра, как В. Тарн.

Современные исследователи — а среди них и такой авторитет, как М. Уилер,— восстанавливают достоверность эпизода. М. Уилер в своей недавно опубликованной и только что вышедшей в русском издании книге «Пламя над Персеполисом» дает не лишенное юмора объяснение замалчиванию роли Таис Тарном и ему подобными учеными. Пуританские взгляды Тарна, ханжеская буржуазная мораль не позволили ему придать столь большое значение «жрице любви», как в его времена рассматривали греческих гетер.

Следует отметить, что ранее, в конце восемнадцатого века, в той же Англии взгляды на этот счет были куда свободнее и исторически правильнее. О том свидетельствует, например, картина Дж. Рейнольдса 1781 года, изображающая артистку с факелом в роли Таис, поджигающей Персеполис.

В превосходной художественно-исторической биографии Александра Македонского, написанной Г. Лэмбом, в монографии А. Боннара Таис отводится надлежащее ей место: нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов, сообщающих о ней.

Почти нет сведений о судьбе Таис после смерти Александра — о ее возвращении в Египет с Птолемеем. А. Боннар, Г. Лэмб и другие утверждают, что Таис «играла роль императрицы в Мемфисе».

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно, однако и не без влияния удивительной личности Александра Македонского. Меня интересовало его время как переломный момент истории, переход от национализма пятого — четвертого веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, к первым проявлениям общечеловеческой морали, появившимся в третьем веке со стоиками и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, аргивянин, беотиец, спартанец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полуименами.

В эту эпоху произошли также большие религиозные кризисы. Повсеместная замена древних женских божеств на мужские, нарастающее обветшание культа богов-олимпийцев, влияние индийской религиозно-философской мысли повели к развитию тайных вероучений. Уход в «подполье» верований, в которых живая человеческая мысль пыталась найти выход расширяющимся представлениям о вселенной и человеке, скованным требованиями официальных религий, очень мало исследован в исторических работах, которые тонут в датах, сменах царств, войнах и оставляют за бортом духовное развитие человечества.

Мне представилось интересным показать древнейшие религиозные культы — остатки матриархата, связанные с великой женской богиней, которые исчезают, точнее — теряют влияние в эпоху эллинизма. Поэтому главным действующим лицом у меня должна была стать женщина, допущенная к тайным обрядам женских божеств и, разумеется, достаточно образованная, чтобы, не страдая узким религиозным фанатизмом, понимать происходящее.

В эпоху Александра такой женщиной могла быть только гетера высшего класса. Таис, как реальная историческая личность, как нельзя лучше подходит для этой цели. Гетеры, особенно афинские, были женщинами выдающегося образования и способностей, достойными подругами величайших умов и деятелей искусства того времени. Самое слово «гетера» означает «подруга», «товарищ». По новейшим правилам следует писать «гетайра», но мне пришлось оставить прежнее название, а гетайрами именовать близких товарищей Александра Македонского, чтобы избежать путаницы.

Подобно современным гейшам Японии, гетеры развлекали, утешали и образовывали мужчин, не обязательно торгуя телом, а скорее щедро обогащая знаниями.

Плохую услугу гетерам оказал Лукиан Самосатский, известный писатель древности, Вольтер античности, предавший пошлому осмеянию многие древние обычаи и выставивший гетер как вульгарных блудниц, а Афродиту — богиней разврата. К сожалению, с его легкой руки это стало традицией, которой следовали и многие поздние авторы.

Первые главы романа могут произвести впечатление некоторой перегруженности бытовыми деталями и древнегреческими словами, особенно на человека, плохо знакомого с античной историей. Такую же перегрузку впечатлений испытывает каждый, кто впервые попал в чужую страну с неизвестными обычаями, языком, архитектурой. Если он достаточно любознателен, то быстро преодолеет трудности

первого знакомства, и тогда завеса незнания отодвинется, раскрывая ему разные стороны жизни. Именно для того, чтобы отдернуть эту завесу в моих произведениях, я всегда нагружаю первые двести главы специфическими деталями. Преодолев их, читатель чувствует себя в новой стране бывалым путником.

Нашему читателю известна социальная сторона античности, что древнегреческие государства были рабовладельческими демократиями или деспотиями.

Современному читателю может показаться чрезмерным изобилие храмов, статуй, преувеличенным — значение художников и поэтов. Следует знать, что вся духовная жизнь того времени вращалась вокруг искусства и поэзии, в меньшей степени вокруг философии. Эллин не мог представить себе жизни без любования — долгого и многократного — предметами искусства и созерцания прекрасных построек. Нечто похожее мы видим в современной Японии: созерцание камней, цветов, самоуглубленное слияние с природой в чайных домиках над лотосовыми прудами, под шум журчащей воды и звучание бамбуковых колокольчиков.

Еще большее значение имело для эллина созерцание человеческой красоты, прежде всего в живых людях, а не только в статуях, картинах и фресках. Очень много времени они посвящали своим атлетам, гетерам, танцовщицам. Значение художников как воплотителей красоты и их живых моделей было огромно и не имело аналогий в последующих временах и странах, за исключением Индии в первом тысячелетии нашей эры.

Количество скульптур в храмах, галереях, на площадях и в садах, не говоря уже о богатых частных домах, трудно вообразить. В каждой декаде века выделялись десятки художников, создававших многие сотни произведений (например, Лисипп с его полутора тысячами скульптур, Праксителъ — с 600, Фидий — с 800). Общее количество художественных произведений, преимущественно скульптуры, накопленных за несколько веков процветания эллинского искусства, колоссально. Ничтожная часть этого гигантского художественного наследия дошла до нас лишь в римских мраморных копиях. Металлические скульптуры в позднейшие времена были переплавлены невежественными завоевателями в пушки и ядра. Например, от столь плодовитого скульптора, каким был Лисипп, до нас не дошло ни одной оригинальной статуи, потому что он работал преимущественно в бронзе. Эти особенности истории эллинского искусства следует иметь в виду при чтении моего романа. Знаменитые храмы являлись центрами культов того или иного божества и одновременно как бы школами религиозных верований, с особыми мистериями для воспитания смены жрецов и жриц.

Читатели, хорошо знакомые с географией, не должны удивляться отличиям от современности в географических описаниях рома-

на. IV и III века до нашей эры были периодом значительного увлажнения климата. Вся Азия вообще была менее сухой, чем в настоящее время. Этим объясняется, в частности, что битвы и походы множества людей происходили там, где сейчас не хватило бы воды и корма на один кавалерийский полк. В Ливийской пустыне была богатая охота, а могучие древние леса Эллады, Финикии, Кипра и малоазиатского побережья еще не были нацело сведены вырубкой и позднее чрезмерными выпасами коз.

Я убежден, что торговые и культурные связи древности гораздо шире, чем мы представляем по неполной исторической документации. В основном наша беда в плохом знании исторической географии Востока, которая еще только начинает открываться европейцам. Каждое крупное археологическое открытие приносит неожиданное «углубление» культур и усложнение связей обмена между отдаленными и труднодоступными областями обитаемой суши — Ойкумены.

Особенные неожиданности таят в себе методы антропологического изучения скелетного материала в погребениях. Безвременно умерший наш антрополог и скульптор М. М. Герасимов положил начало портретным реконструкциям типов древних людей, и это сразу же принесло очень интересные открытия.

Из одного древнейшего парного погребения неолита, содержащего останки мужчины и женщины, М. М. Герасимов восстановил два различных портрета: женщины, с тонкими монголоидными чертами, скорее всего — китаянки, и европеоида южного типа — арменоида. Китаянка и арменоид, вместе похороненные в Воронежской области,— прекрасный пример того, как далеко могло заходить смешение народов в самой незапамятной древности. Писателям остается угадать, кто были эти двое: невольники или знатная чета — муж с привезенной издалека женой, и написать интересную историческую новеллу.

Реконструкции М. М. Герасимова из погребения южных зон СССР показали наличие дравидийских и даже малайских обликов людей эпохи верхнего неолита, бронзы и конца I тысячелетия до нашей эры.

Я принимаю гораздо более широкое распространение дравидийских народов (древнейших народов Южной Индии), чем это обычно делается, и причисляю к ним древнейшие народности, некогда населявшие Крит, центральную часть современной Турции, южные области нашей Средней Азии, протоиндийскую цивилизацию. Несомненно, и Восточная Азия в доисторические времена была гораздо более открыта взаимовлиянию, например, Китая и западных окраин, чем позднее, когда произошла самоизоляция Китая.

Имеющаяся в настоящее время историческая документация сохранена в романе полностью. Я домыслил лишь неизвестную судь-

бу исторических лиц, ввел некоторые новые персонажи, например, начальника тессалийских конников Леонтиска, делосского философа, Эрис, Менедема, Эосипея.

Единственное нарушение хронологии в романе: создание статуи Афродиты Милосской (Мелосской) отнесено мною к концу четвертого века до н. э. Традиция датирует ее II или III веком, однако точная датировка не установлена по сие время. Некоторые удивительные находки, неизвестные прежним историкам, я считаю лишь первыми свидетельствами очень больших умозрительных открытий прежних цивилизаций. Счетная машина для планетных орбит существует на самом деле; хрустальные линзы тщательной шлифовки найдены в Междуречье и даже в Трое, счет времени у индийцев, достижения врачевания, астрономии и психофизиологии известны в исторических свидетельствах и в древних философских книгах.

Описание самого древнего святилища Великой Матери и сопутствующих объектов — обсидиановых зеркал, статуэток, фресок — я заимствовал из новейших открытий неолитических городов Центральной Анатолии: Чатал-Хююка, Хачилара, Алишар-Хююка, возникших в десятом-седьмом тысячелетии до нашей эры, а может быть, и в еще более древние времена. Храм в Гиераполе неоднократно упоминается древними авторами.

Некоторые события романа могут показаться читателю невероятными, например, обряд поцелуя Змея. Однако он описан мною документально. Имеется фильм обряда, снятый в тридцатых годах нашего века в северной Бирме известным кинопутешественником Армандом Денисом.

Выносливость и здоровье эллинских и македонских воинов по нашим современным меркам также неимоверны. Стоит поглядеть на статуи Дорифора, Апоксиомена, Дискобола, так называемого «Диадоха» (иначе «Эллинистического принца») или припомнить расстояния, пройденные в непрерывных походах македонской пехотой. Нередко приходится слышать, что марафонский вестник — спартанец царя Леонида, пробежав марафонскую дистанцию, упал мертвым, а наши спортсмены бегают побольше — и живы. Знатоки спорта все же забывают, что юноша бежал свою «дистанцию» не снимая вооружения, после целого дня рукопашного боя, выдержать который уже подвиг. А накануне, как свидетельствуют античные источники, он «сбегал» из Афин в Спарту и обратно, то есть пробежал ровным счетом двести километров!

Короче говоря, суровый отбор многих поколений и жизнь, в которой физическое развитие считалось первейшим делом, создали, может быть, и не чересчур сильных, но чрезвычайно выносливых людей. Сам Александр и его приближенные остались в веках поразительными образцами такой выносливости к ранам и лишениям,

жизненной крепости в боях и походах, не говоря уже о мужестве, не уступавшем легендарной храбрости спартанцев.

Согласно новейшему словарю древнегреческого языка С. И. Соболевского (1967), я пишу дифтонги (кроме омикрон-ипсилон=у) двузвучно, без латинизации. Поэтому разночтение с некоторыми общеизвестными словами пусть не удивляет читателя. Везде, где это возможно, я отказываюсь от передачи «теты» звуком «ф», «эты»—«и» и «беты»—«в», как это было принято в старой России, согласно чтению этих букв по церковнославянской традиции, возникшей на основе южнославянских языков. До сих пор мы пишем «Вифлеем», а не «Бетлеем», «алфавит», а не «альфабет», «Фивы», а не «Тебай». Не так давно даже писали вместо «библиотека»— «вивлиофика».

Позволю себе напомнить известный языковедческий анекдот с беотийскими баранами, выступившими в роли филологов. После яростных дискуссий, как читать «бету» и «эту», было найдено стихотворение Гесиода о стаде баранов, спускающихся с гор. Блеяние баранов, переданное буквами «бета» и «эта», положило конец спорам, потому что даже во времена Гесиода бараны не могли кричать «ви».

Наиболее укоренившиеся слова оставлены в прежнем правописании. Я избегал формы женских имен, принятой в целях сохранения поэтического размера в старых переводах, с окончанием «ида»— Лаида, Эрида. Окончания «ида», «ид» аналогичны нашему отчеству, означают принадлежность к роду: Одиссей Лаэртид (сын Лаэрта), Тесей Эрехтеид (из рода Эрехтея), Елена Тиндарида (дочь Тиндара). Окончание географических названий на «эту» со времен, когда она читалась, как «и», заставило придавать названиям множественное число: Гавгамелы, Сузы. На самом деле следует писать русифицированные окончания аналогично всем женским именам, оканчивающимся на «эту»: Елена, Афина, Гера, то есть «Гавгамела», «Суза». Исключение составят названия, оканчивающиеся на дифтонг «ай»: Афины, Фивы. Они ближе всего к русским наименованиям принадлежности: «Афинское», «Фивское» («Тебайское»). Однако, подобно другим укоренившимся словам, исправление их — дело будущих специальных работ.

Я постарался изложить здесь некоторые особенности своих взглядов на описываемую эпоху вовсе не для того, чтобы обосновать роман как научное изыскание. Это литературное произведение со своими возможностями использования материала.

Для чтения слов и понимания терминов, не получивших прямого объяснения в тексте, служит нижеследующая

СПРАВКА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

I. Все древнегреческие слова и имена, за малым исключением, следует произносить с ударением на предпоследнем слоге. В двусложных словах и именах ударение ставится, собственно, на первом слоге: Та́ис, Эрис. Исключения большей частью кажущиеся: в русифицированных или латинизированных словах: гопли́т (гопли́тос), Алекса́ндр (Алекса́ндрос), Менеде́м (Менеде́мос), Неа́рх (Неа́рхос), где сняты греческие окончания.

II. Эллинский Новый год — в первое новолуние после летнего солнцестояния, то есть в первую декаду июля.

Календарь по олимпиадам начинается с первой олимпиады в 776 г. до н. э., по четыре года на каждую олимпиаду. Годы называются по олимпиадам от первого до четвертого: первый год 75-й олимпиады — 480 г. до н. э. Чтобы перевести счет по олимпиадам на наш, надо помнить, что каждый греческий год соответствует второй половине совпадающего нашего года и первой половине следующего за ним. Надо умножить число лет текущей олимпиады и полученную сумму вычесть из 776, если событие совершилось осенью или зимой, и из 775, если весной и летом.

Перечень аттических месяцев года:

Лето.

1. Гекатомбейон (середина июля — середина августа).
2. Метагейтнион (август — первая половина сентября).
3. Боэдромион (сентябрь — первая половина октября).

Осень.

4. Пюанепсион (октябрь — первая половина ноября).
5. Маймактерион (ноябрь — первая половина декабря).
6. Посидеон (декабрь — первая половина января).

Зима.

7. Гамелион (январь — первая половина февраля).
8. Антестерион (февраль — первая половина марта).
9. Элафеболион (март — первая половина апреля).

Весна.

10. Мунихион (апрель — первая половина мая).
11. Таргелион (май — первая половина июня).
12. Скирофорион (июнь — первая половина июля).

III. Некоторые меры и денежные единицы.

Стадия длинная — 178 м; олимпийская — 185 м; египетский схен, равный персидскому парасангу,— 30 стадий, около 5 км; плетр — 31 м; оргия — 185 см; пекис (локоть) — 0,46 м; подес (ступня) — 0,3 м; палайста (ладонь) — около 7 см; эпидама, равная 3 палайстам,— 23 см, кондилос, равный 2 дактилам (пальцам),— около 4 см.

Талант — вес в 26 кг, мина — 437 г; денежные единицы: талант — 100 мин, мина — 60 драхм.

Распространенные аттические монеты: серебряная дидрахма (2 драхмы) равна золотому персидскому дарику. Тетрадрахма (4 драхмы) с изображением совы Афины — главная аттическая расчетная единица (в серебре, золото вошло в обращение в эпоху Александра, когда ценность таланта и драхмы сильно упала).

Меры жидкости — хоэс (кувшин) — около 3 с небольшим литров; котиле (котелок) — около 0,3 литра.

IV. Греческое приветствие «Хайре!» («Радуйся!») соответствует нашему «Здравствуй!». На прощание говорили или «Хайре!», или, при ожидаемой длительной разлуке, «Гелиайне!»: «Будь здоров!» (в нашем просторечии: «Ну, бывай здоров!»).

Т. И. Е.— теперь и всегда

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

Западный ветер крепчал. Тяжелые, маслянистые под вечереющим небом волны грохотали, разбиваясь о берег. Неарх с Александром и Гефестион уплыли далеко вперед, а Птолемей, плававший хуже и более тяжелый, начал выбиваться из сил, особенно когда Колиадский мыс перестал прикрывать его от ветра. Не смея отдалиться от

берега и опасаясь приблизиться к белым взметам брызг у мрачно черневших скал, он злился на покинувших его друзей. Критянин Неарх, молчаливый и несговорчивый, непобедимый пловец, совершенно не боялся бури и мог просто не сообразить, что переплыть Фалеронский залив от мыса к мысу опасно в такую погоду для не столь дружных с морем македонцев. Но Александр и его верный Гефестион, афинянин, оба неистово упрямые, стремясь за Неархом, забыли о затерявшемся в волнах товарище.

«Посейдонов бык»— громадный вал, поднял Птолемея на свои «рога». С его высоты македонец заметил крохотную бухточку, огражденную острыми каменными глыбами. Птолемей перестал бороться и, опустив отяжелевшие плечи, прикрыл руками голову. Он скользнул под волну, моля Зевса-охранителя направить его в проход между скал и не дать ему разбиться.

Вал рассыпался с оглушающим грохотом и выбросил его на песок дальше обычной волны. Ослепший и оглохший, Птолемей, извиваясь, прополз несколько локтей, осторожно привстал на колени и наконец поднялся, шатаясь и потирая гудевшую голову. Волны, казалось, продолжали колотить его и на земле.

Сквозь шум прибоя ему послышался короткий смешок. Птолемей повернулся так резко, что не устоял и снова очутился на коленях. Смех зазвенел совсем близко.

Перед ним стояла небольшого роста девушка, очевидно, только что вышедшая на берег. Вода еще стекала по ее гладкому, смуглому от загара телу, струилась с массы мокрых иссиня-черных волос, купальщица склонила голову набок, отжимая рукой вьющиеся пряди.

Птолемей поднялся во весь свой огромный рост, крепко утвердившись на земле. Он посмотрел в лицо девушке и встретил веселый и смелый взгляд серых, казавшихся синими от моря и неба глаз. Некрашеные, ибо все искусственное было бы смыто бурными волнами Эгейского моря, черные ресницы не опустились и не затрепетали перед горячим, властным взором сына Лага, в двадцать четыре года уже известного покорителя женщин Пеллы, столицы Македонии.

Птолемей не мог оторвать взгляда от незнакомки, как богиня возникшей из пены и шума моря. Медное лицо, серые глаза и иссиня-черные волосы — совсем необыкновенный для афинянки облик поразил Птолемея. Позднее он понял, что медноцветный загар девушки позволил ей не бояться солнца, так пугавшего афинских модниц. Афинян-

ки загорали слишком густо, становясь похожими на лилово-бронзовых эфиопок, и потому избегали быть на воздухе неприкрытыми. А эта — меднотелая, будто Цирцея или одна из легендарных дочерей Миноса с солнечной кровью, и стоит перед ним с достоинством жрицы. Нет, не богиня, конечно, и не жрица эта невысокая, совсем юная девушка. В Аттике, как и во всей Элладе, жрицы выбираются из самых рослых светловолосых красавиц. Но откуда ее спокойная уверенность и отточенность движений, словно она в храме, а не на пустом берегу, нагая перед ним, будто тоже оставила всю свою одежду на дальнем мысу Фоонта? Хариты, наделявшие женщин магической привлекательностью, воплощались в девушках небольшого роста, но они составляли вечно неразлучное трио, а здесь была одна!

Не успел Птолемей додумать, как из-за скалы появилась рабыня в красном хитоне, ловко окутала девушку грубой тканью, стала осушать ее тело и волосы.

Птолемей зябко вздрогнул. Разогретый борьбой с волнами, он начал остывать — ветер сегодня был резок и для закаленного суровым воспитанием македонца.

Девушка откинула с лица волосы, внезапно по-мальчишески свистнув сквозь зубы. Свист показался Птолемею презрительным и наглым и совсем неподходящим к девической ее красоте.

Откуда-то появился мальчик, опасливо уставившийся на Птолемея. Македонец, наблюдательный от природы и развивший эту способность в ученичестве у Аристотеля, заметил, как детские пальцы вцепились в рукоять короткого кинжала, торчавшего из складок одежды. Девушка негромко сказала что-то, заглушенное плеском волн, и мальчик убежал. И тут же вернулся и, уже доверчиво подойдя к Птолемею, протянул ему короткий плащ. Птолемей окутался им и, подчиняясь молчаливой просьбе девушки, отвернулся к морю. Через минуту прощальное «хайре!» раздалось за его спиной. Птолемей повернулся и поспешил к незнакомке, затягивавшей пояс не под грудью, а по-критски — на талии, такой же немыслимо тонкой, как у древних жительниц сказочного острова.

Внезапное воспоминание заставило его крикнуть:

— Кто ты?

Веселые серые глаза сощурились от сдерживаемого смеха.

— Я сразу узнала тебя, хоть ты и выглядел как мокрая... птица. Ты слуга македонского царя. Где ж ты потерял его и спутников?

— Я не слуга его, а друг,— гордо начал было Птолемей, но сдержался, не желая выдать опасную тайну.— Но как ты могла видеть нас?

— Вы все четверо стояли перед стеной, читая предложения о свиданиях на Керамике. А ты меня даже не заметил. Я Таис.

— Таис? Ты?— Птолемей не нашелся что сказать.

— Что удивило тебя?

— Я прочитал, что некий Филопатр предлагает Таис талант — стоимость целой триремы, и она не подписала час свидания. Я стал искать эту богиню...

— Высокую, золотоволосую, с голубыми глазами Тритониды, отнимающую сердце?

— Да, да, как ты угадала?

— Не первый ты, далеко не первый. Но прощай еще раз, мои лошади застоялись.

— Постой!— вскричал Птолемей, чувствуя, что не может расстаться с девушкой.— Где ты живешь? Можно прийти к тебе? С друзьями?

Таис испытующе и серьезно посмотрела на македонца. Ее глаза, утратив веселый блеск, потемнели.

— Приходи,— ответила она после некоторого раздумья,— ты сказал, что знаешь Керамик и Царскую Стою? Между Керамиком и холмом Нимф, к востоку от Гамаксита — большие сады. На окраине их найдешь мой дом — две оливы и два кипариса!— Она внезапно оборвала речь и, кивнув на прощанье, скрылась в скалах. Утоптанная тропка вела наверх.

Птолемей нагнулся, вытряс песок из просохших волос, не спеша выбрался на дорогу и скоро оказался совсем недалеко от Длинных Стен Мунихиона. К лесистым склонам гор, уже покрывшимся предвечерней синей мглой, тянулся хвост пыли за колесницей Таис. У юной гетеры были великолепные лошади — так быстро неслась ее пароконная повозка.

Грубый окрик сзади заставил Птолемея отскочить. Мимо него пронеслась другая колесница, управляемая огромным беотийцем. Стоявший с ним рядом щегольски одетый юноша с развевающимися прядями завитых кудрей, недобро усмехаясь, хлестнул Птолемея бичом на длинной рукоятке. Бич пребольно ожег едва прикрытое тело македонца. Оскорбитель не знал, что имеет дело с закаленным воином. В мгновение ока Птолемей схватил камень, каких валялось множество по обеим сторонам дороги, и, бросив его вдогонку, попал афинянину в шею, ниже затылка. Бы-

строта удалявшейся колесницы смягчила удар. Все же обидчик упал и вывалился бы, если бы возница не схватил его и не осадил лошадей. Он осыпал Птолемея проклятиями, крича, что тот убил богатого гражданина Филопатра и подлежит казни. Разъяренный македонец отбросил плащ и, подняв над головой камень в талант весом, двинулся к колеснице. Возница, оценив могучие мышцы македонца, потерял охоту к схватке. Поддерживая своего господина, уже приходившего в себя, он умчался, изощряясь в угрозах и проклятиях во всю мощь своего гулкого голоса.

Птолемей, успокоившись, отбросил камень, подобрал плащ и быстро зашагал по прибрежной тропинке, наискось поднимавшейся на уступ и спрямлявшей широкую петлю колесной дороги. Что-то вертелось в его памяти, заставляя припомнить: «Филопатр»— так кричал возница, уж не тот ли это, что написал на стене Керамика предложение Таис? Птолемей довольно усмехнулся: оказывается, в лице своего оскорбителя он приобрел соперника. Правда, обещать гетере за короткую связь талант серебра, подобно Филопатру, македонец не мог. Разве несколько мин? Но слишком много он слышал о Таис, чтобы так легко отказаться от нее. Несмотря на свои семнадцать лет, она считалась знаменитостью Афин. За искусство в танцах, образование и особенную привлекательность ее прозвали «четвертой Харитой».

Гордый македонец не стал бы просить денег у родичей. Александр, будучи сыном отвергнутой жены царя Филиппа, тоже не смог бы помочь другу. Военная добыча после битвы при Херонее была невелика. Филипп, очень заботившийся о своих воинах, поделил ее так, что друзьям царевича досталось не больше, чем последнему пехотинцу. И еще отправил Птолемея с Неархом в изгнание, удалив от сына. Они встретились лишь здесь, в Афинах, по зову Александра, когда отец послал его с Гефестионом посмотреть Афины и показать себя. И хотя афинские остряки говорили, что «от волка может произойти только волчонок», настоящая эллинская красота и выдающийся ум Александра произвели впечатление на видавших виды граждан «Гла́за Эллады», «Матери искусств и красноречья».

Птолемей считал себя сводным братом Александра. Его мать, известная гетера Арсиноя, была одно время близка с Филиппом и отдана им замуж за племенного вождя Лага (Зайца) — человека, ничем не прославившегося, хотя и знатного рода. Птолемей навсегда остался в роду Лагидов и вначале очень завидовал Александру, соперни-

чая с ним в детских играх и военном учении. Став взрослым, он не мог не понять выдающихся способностей царевича и еще более гордился тайным родством, о котором поведала ему мать под ужасной клятвой.

А Таис? Что же, Александр навсегда уступил ему первенство в делах Эроса. Как это ни льстило Птолемею, он не мог не признать, что Александр, если бы хотел, мог первенствовать и в неисчислимых рядах поклонников Афродиты. Но он совсем не увлекался женщинами, и это тревожило его мать Олимпиаду, божественно прекрасную жрицу Дéметры, считавшуюся колдуньей, обольстительницей и мудрой владычицей священных змей. Филипп, несмотря на свою храбрость, дерзость, постоянное бражничанье с первыми попавшимися женщинами, побаивался своей великолепной жены и шутя говорил, что опасается в постели найти между собой и женой страшного змея. В народе упорно ходили слухи, без сомнения поддерживаемые самой Олимпиадой, что Александр — вовсе не сын одноглазого Филиппа, а высшего божества, которому она отдалась ночью в храме.

Филипп почувствовал себя крепче после победы при Херонее. Накануне своего избрания военным вождем союза эллинских государств в Коринфе он развелся с Олимпиадой, взяв в жены юную Клеопатру, племянницу крупного племенного вождя Македонии. Олимпиада, проницательная и хитрая, все же сделала один промах и теперь пожинала его плоды.

Первой любовью Александра в шестнадцать лет, когда в нем проснулся мужчина, была никому не ведомая рабыня с берегов Эвксинского Понта. Мечтательный юноша, грезивший приключениями Ахилла, подвигами аргонавтов и Тесея, решил, что встретился с одной из легендарных амазонок. Гордо носила свои корзины эта едва прикрытая короткой эксомидой светловолосая девушка. Будто и не рабыня, а принцесса-вонтельница шла по обширным садам царского дворца в Пелле.

Встречи Александра не стали тайной — за ним по велению Олимпиады следили соглядатаи, доносившие о каждом шаге юноши. Властная и мечтавшая о еще большем могуществе, мать не могла допустить, чтобы ее единственный сын сам выбрал возлюбленную, да еще из непокорных, не знавших языка варварских понтийских народов. Нет! Она должна дать ему такую девушку, которая была бы послушной исполнительницей ее воли, чтобы и через

любовь Олимпиада могла влиять на сына, держа его в руках. Она приказала схватить девушку, остричь ее длинные, не как у рабыни, косы и отвезти для продажи на рынок рабов, в дальний город Мелибою в Тессалии.

Мать недостаточно знала своего сына. Этот тяжкий удар разрушил у мечтательного юноши храм его первой любви, куда более серьезной, чем обычная первая связь знатного мальчика с покорной рабыней. Александр без лишних расспросов понял все, и мать навсегда потеряла ту самую возможность, ради которой погубила любовь и девушку. Сын не сказал ей ни слова, но с тех пор никто — ни красивые рабыни, ни гетеры, ни знатные девушки не привлекали царевича. Олимпиаде не было известно ни про одно увлечение сына.

Птолемей, не опасаясь соперничества Александра, решил, что он придет к Таис вместе с друзьями, в том числе с повесой Гефестионом, знакомым со всеми гетерами Афин, для которого денежная игра и добрая выпивка первенствовали над забавами Эроса, уже потерявшими для него былую остроту чувств.

Но не для Птолемея. Каждая встреча с незнакомой красивой женщиной всегда порождала у него жажду близости, обещала неведомые дотоле оттенки страсти, тайны красоты тела — целый мир ярких и новых ощущений. Ожидания обычно не оправдывались, но неутомимый Эрос снова и снова влек его в объятия веселых подруг.

Не талант серебра, обещанный Филопатром, а он, Птолемей, окажется победителем в борьбе за сердце знаменитой гетеры. И пусть Филопатр назначает хоть десять талантов!.. Жалкий трус!

Македонец погладил рубец от удара, вздувшийся поперек плеча, и оглянулся.

Слева от берега в тревожное гривастое море отходил короткий, окаймленный отмелью мыс — место, куда плыла вся четверка македонцев... Нет, тройка — он выбыл из состязания, а пришел раньше. По суше хороший ходок всегда пройдет быстрее, чем пловец в море, особенно если волны и ветер угнетают находящегося в его власти.

Рабы поджидали пловцов с одеждой и удивились при виде Птолемея, сбегавшего с обрыва. Он смыл с себя песок и пыль, оделся и тщательно свернул женский плащ, данный ему мальчиком, слугой Таис.

Две очень старые оливы серебрились под пригорком, осеняя небольшой дом со слепящими белизной стенами. Он казался совсем низким под кипарисами гигантской вы-

соты. Македонцы поднялись по короткой лестнице в миниатюрный сад, где цвели только розы, и увидели на голубом наддверии входа обычные три буквы, тщательно написанные пурпурной краской: «омега», «кси», «эпсилон» и ниже — слово «кохлион» (спиральная раковина). Но в отличие от домов других гетер имени Таис не было над входом, как не было и обычного ароматного сумрака в передней комнате. Широко распахнутые ставни открывали вид на массу белых домов Керамика, а вдали из-за Акрополя высилась, подобная женской груди, гора Ликабетт, покрытая темным густым лесом — недавним обиталищем волков. Как желтый поток в темном ущелье кипарисов, сбегала вниз к афинской гавани, огибая холм, Пирейская дорога.

Таис приветливо встретила дружную четверку. Неарх — очень стройный, среднего для эллина и критянина роста, казался небольшим и хрупким перед двумя рослыми македонцами и гигантом Гефестионом.

Гости осторожно уселись на хрупкие кресла с ножками, воспроизводившими длинные рога критских быков. Огромный Гефестион предпочел массивный табурет, а молчаливый Неарх — скамью с изголовником.

Таис сидела рядом с подругой Наннион, тонкой, смуглой, как египтянка. Тончайший ионийский хитон Наннион прикрыла синим, вышитым золотом химатионом с обычным бордюром из крючковидных стилизованных волн по нижнему краю. По восточной моде химатион гетеры был наброшен на ее правое плечо и через спину подхвачен пряжкой на левом боку.

Таис была одета розовой, прозрачной, доставленной из Персии или Индии тканью хитона, собранного в мягкие складки и зашпиленного на плечах пятью серебряными булавками. Серый химатион с каймой из синих нарциссов окутывал ее от пояса до щиколоток маленьких ног, обутых в сандалии с узкими посеребренными ремешками. В отличие от Наннион ни рот, ни глаза Таис не были накрашены. Лицо, не боявшееся загара, не носило и следов пудры.

Она с интересом слушала Александра, время от времени возражая или соглашаясь. Птолемей, слегка ревнуя, впервые видел своего друга-царевича столь увлеченным.

Гефестион овладел тонкими руками Наннион, обучая ее халкидикской игре пальцев — три и пять. Птолемей, глядя на Таис, не мог сосредоточиться на разговоре. Он раза два нетерпеливо передернул плечами. Заметив это, Таис

улыбнулась, устремляя на него сузившиеся смешливые глаза.

— Она сейчас придет, не томись, морской человек.

— Кто?— буркнул Птолемей.

— Богиня, светловолосая и светлоокая, такая, о которой ты мечтал на берегу Халипедона.

Птолемей собрался возразить, но тут в комнату ворвалась высокая девушка в красно-золотом химатионе, принеся с собой запах солнечного ветра и магнолии. Она двигалась с особой стремительностью, которую утонченные любители могли назвать чересчур сильной в сравнении со змеиными движениями египетских и азиатских арфисток. Мужчины дружно приветствовали ее. К общему удивлению, невозмутимый Неарх покинул свою скамью в теневом углу комнаты.

— Эгесихора, спартанка, моя лучшая подруга,— коротко объявила Таис, метнув косой взгляд на Птоломея.

— Эгесихора, песня в пути,— задумчиво сказал Александр.— Вот случай, когда лаконское произношение красивее аттического.

— А мы не считаем аттический говор очень красивым,— сказала спартанка,— они придыхают в начале слова, как азиаты, мы же говорим открыто.

— И сами открытые и прекрасные,— воскликнул Неарх.

Александр, Птолемей и Гефестион переглянулись.

— Я понимаю имя подруги как «Ведущая танец»,— сказала Таис,— оно лучше соответствует лакедемонянке.

— Я больше люблю песню, чем танец! сказал Александр.

— Тогда ты не будешь счастлив с нами, женщинами,— ответила Таис, и македонский царевич нахмурился.

— Странная дружба спартанки и афинянки,— сказал он.— Спартанцы считают афинянок безмозглыми куклами, полурабынями, запертыми в домах, как на Востоке, без всякого понимания дел мужа. Афинянки же называют лакедемонянок похотливыми женами легкого поведения, плодящими тупых воинов.

— И оба мнения совершенно ошибочны,— засмеялась Таис.

Эгесихора молча улыбалась, в самом деле похожая на богиню. Широкая грудь, разворот прямых плеч и очень прямая посадка крепкой головы придавали ей осанку коры Эрехтейона, когда она становилась серьезной. Но брыз-

жущее веселостью и молодым задором лицо ее быстро менялось.

К удивлению Таис, не Птолемей, а Неарх был сражен лаконской красавицей.

Необыкновенно простую еду подала рабыня. Чаши для вина и воды, изукрашенные черными и белыми полосами, напоминали ценившуюся дороже золота древнюю посуду Крита.

— Разве афиняне едят как тессалийцы?— спросил Неарх, слегка плеснув из своей чаши богам и поднеся ее Эгесихоре.

— Я афинянка только наполовину,— ответила Таис,— моя мать была этеокритянкой древнего рода, бежавшей от пиратов на остров Теру под покровительство Спарты. Там в Эмборионе она встретилась с отцом, и родилась я, но...

— Эпигамии не было между родителями, и брак был недействительным,— докончил Неарх,— вот почему у тебя столь древнее имя.

— И я не стала «быков приносящей» невестой, а попала в школу гетер храма Афродиты Коринфской.

— И сделалась славой Афин!— вскричал Птолемей, поднимая свою чашу.

— А Эгесихора?— спросил Неарх.

— Я старше Таис. История моей жизни прошла следом змеи, не для каждого любопытного,— презрительно сказала спартанка.

— Теперь я знаю, почему ты какая-то особенная,— сказал Птолемей,— по образу настоящая дочь Крита!

Неарх коротко и недобро засмеялся.

— Что ты знаешь о Крите, македонец? Крит — гнездовье пиратов, пришельцев со всех концов Эллады, Ионии, Сицилии и Финикии. Сброд разрушил и вытоптал страну, уничтожил древнюю славу детей Миноса.

— Говоря о Крите, я имел в сердце именно великолепный народ,— морских владык,— давно ушедший в царство теней.

— И ты прав, Неарх, сказав, что перед нами тессалийская еда,— вмешался Александр,— если верно то, что критяне родичи тессалийцев, а те — пеласгов, как писал Геродот.

— Но критяне — повелители моря, а тессалийцы — конный народ,— возразил Неарх.

— Но не кочевой, они кормящие коней земледельцы,— вдруг сказала Таис,— поэты издавна воспевали «холмную Фтию Эллады, славную жен красотою»...

— И гремящими от конского бега равнинами,— добавил Александр.

— Потомки повелителей моря, по-моему,— спартанцы,— Неарх бросил взгляд на Эгесихору.

— Только по законам, Неарх! Взгляни на золотые волосы Эгесихоры,— где тут Крит?

— Что касается моря, то я видел критянку, купавшуюся в бурю, когда ни одна другая женщина не посмела бы,— сказал Птолемей.

— А кто видел Таис верхом на лошади, тот видел амазонку,— сказала Эгесихора.

— Поэт Алкман, спартанец, сравнивал лаконских девушек с энетийскими лошадьми,— рассмеялся Гефестион, уже вливший в себя немало вкусного черно-синего вина.

— Тот, кто воспевает их красоту, когда они идут с танцами и пением приносить жертву богине, нагие, с распущенными волосами, подобными густым гривам золотисто-рыжих пафлагонских кобыл,— заметила Эгесихора.

— Вы обе много знаете!— воскликнул Александр.

— Их профессия — они продают не только Эрос, но и знания, воспитанность, искусство и красоту чувств,— сказал с видом знатока Гефестион.— Знаете ли вы,— поддразнил Гефестион,— что такое гетера высшего круга в самом высоком городе искусств и поэзии во всей Ойкумене? Образованнейшая из образованных, искуснейшая танцовщица, чтица, вдохновительница художников и поэтов, с неотразимым обаянием женственной прелести... вот что такое Эгесихора!

— А Таис?— прервал Птолемей.

— В семнадцать лет она знаменитость. В Афинах это выше многих великих полководцев, владык и философов окрестных стран. И нельзя стать ею, если не одарят боги вещим сердцем, кому с детства открыты чувства и сущность людей, тонкие ощущения и знание истинной красоты, гораздо более глубокое, чем у большинства людей...

— Ты говоришь о ней как о богине,— сказал Неарх, недовольный тем, что Гефестион расценил спартанку ниже Таис,— смотри, она сама себя не чувствует такой...

— Это и есть верный признак душевной высоты,— вдруг сказал Александр и задумался,— ...длинные гривы...— Слова спартанки пробудили его тоску о черном белолобом Букефале,— здесь афиняне режут гривы своим лошадям, чтобы они торчали щеткой, как на шлеме.

— Для того чтобы лошади не соперничали с афинянка-

ми, среди которых мало густоволосых,— пошутила Эгесихора.

— Тебе хорошо говорить,— вдруг вмешалась молчавшая до сих пор Наннион,— когда волосы спартанок вошли в поговорку, так же как их свобода.

— Если сорок поколений твоих предков ходили бы голобедрыми, в полотняных пеплосах и хитонах круглый год, тогда и у тебя были бы волосы не хуже.

— Почему вас зовут «файномерис»— показывающими бедра?— удивился Птолемей.

— Покажи им, как должна быть одета спартапка по законам своей страны,— сказала Таис Эгесихоре,— твой старый пеплос висит у меня в опистоцелле с той поры, когда мы разыгрывали сцену из Кадмийских преданий.

Эгесихора молча удалилась внутрь дома.

Неарх следил за ней, пока она не скрылась за занавесью.

— «Много странных даров посылает судьба»,— пропел насмешник Гефестион, подмигивая Птолемею.

Он обнял застенчивую Наннион, шепча ей что-то. Гетера зарделась, послушно подставив губы для поцелуя. Птолемей сделал попытку обнять Таис, подсев к ней, едва Александр отошел от нее к столу.

— Подожди, увидишь свою богиню,— отстранила она его рукой.

Птолемей повиновался, удивляясь, как эта юная девушка умеет одновременно очаровывать и повелевать.

Эгесихора не заставила себя ждать, явившись в белом длинном пеплосе, полностью раскрытом на боках и удерживавшемся только узкой плетеной завязкой на талии. Сильные мышцы играли под гладкой кожей. Распущенные волосы лакедемонянки струились золотом по всей спине, закручиваясь в пышные кольца ниже колен, и заставляли еще выше и горделивее поднимать голову, открывая крепкие челюсти и мощную шею. Она танцевала «Танец волос»— «Комитеке»— под аккомпанемент собственного пения, высоко поднимаясь на кончиках пальцев, и напомнила великолепные изваяния Каллимаха — спартанских танцовщиц, колеблющихся, как пламя, и кажется, что вот-вот они взлетят в экстатическом порыве.

Вздох общего восхищения приветствовал Эгесихору, медленно кружившуюся в сознании своей красоты.

— Поэт был прав!— Гефестион оторвался от Наннион.— Как много общего с красотой породистой лошади и ее силой!

— Андраподисты — похитители свободных — хотели однажды захватить Эгесихору. Их было двое — зрелые мужчины... Но спартанок учат сражаться, а они думали, что имеют дело с нежной дочерью Аттики, предназначенной жить на женской половине дома,— рассказывала Таис.

Эгесихора, даже не раскрасневшись от танца, подсела к ней, обняв подругу и нисколько не стесняясь жадно глядящего на ее ноги Неарха.

Александр нехотя поднялся.

— Хайре, критянка! Я хотел бы любить тебя, говорить с тобой, ты необычно умна, но я должен идти в Киносарг — святилище Геракла. Мой отец приказал прибыть в Коринф, где будет великое собрание. Его должны выбирать главным военачальником Эллады, нового союза полисов, конечно, без упрямой Спарты.

— Опять они отделяются!— воскликнула Таис.

— Что ты разумеешь под словом «опять»? Это было много раз...

— Я думала о Херонее. Если бы спартанцы объединились с Афинами, то твой отец...

— Проиграл бы сражение и ушел в Македонские горы. И я не встретился бы с тобой,— засмеялся Александр.

— Что же принесла тебе встреча?— спросила Таис.

— Память о красоте!

— Везти сову в Афины! Разве мало женщин в Пелле?

— Ты не поняла. Я говорю о той, какая должна быть! Той, что несет примирение с жизнью, утешение и ясность. Вы, эллины, называете ее «астрофаэс»— звездносветной.

Таис мгновенно скользнула с кресла и опустилась на подушку около ног Александра.

— Ты совсем еще юн, а сказал мне то, что запомнится на всю жизнь,— и, подняв большую руку царевича, она прижала ее к своей щеке.

Александр запрокинул ее черную голову и сказал с оттенком грусти:

— Я позвал бы тебя в Пеллу, но зачем тебе? Здесь ты известна всей Аттике, хоть и не состоишь в эоях — Списке Женщин, а я — всего лишь сын разведенной царской жены.

— Ты будешь героем, я чувствую!

— Что ж, тогда ты будешь моей гостьей всегда, когда захочешь...

— Благодарю и не забуду. Не забудь и ты — Эргос и Логос (Действие и Слово) едины, как говорят мудрецы.

Гефестион с сожалением оторвался от Наннион, успев

все же договориться о вечернем свидании. Неарх и Эгесихора скрылись. Птолемей не мог и не хотел отложить посещение Киносарги. Он поднял за руку Таис с подушки, привлекая к себе.

— Ты и только ты завладела мной. Свободна ли ты и хочешь, чтобы я пришел к тебе снова?

— Об этом не сговариваются на пороге. Приходи еще, тогда увидим. Или ты уедешь в Коринф тоже?

— Мне нечего делать там! Едут Александр с Гефестионом.

— А тысячи гетер храма Афродиты Коринфской? Они служат богине и не берут платы.

— Я сказал и могу повторить — только ты!

Таис лукаво прищурилась, показав кончик языка между губами удивительно четкого и в то же время детского очерка.

Трое македонцев вышли на сухой ветер и слепящие белизной улицы.

Таис и Наннион, оставшись вдвоем, вздохнули, каждая о чем-то своем.

— Какие люди,— сказала Наннион,— молодые и уже столь зрелые. Могучему Гефестиону всего двадцать один, а царевичу девятнадцать. Но сколько людей они оба уже убили!

— Александр красив. Учен и умен, как афинянин, закален, как спартанец, только...— Таис задумалась.

— Он не как все, совсем другой, а я не умею сказать,— подхватила Наннион.

— Смотришь на него и чувствуешь его силу и еще, что он далеко от нас, думает о том, что нам не придет в голову. От этого он одинок даже среди своих верных друзей, хотя они тоже не маленькие и не обычные люди.

— И Птолемей? Я заметила, он нравится тебе.

— Да. Он старше царевича, а ближе, понятен насквозь.

За поворотом тропинки, огибающей холм Баратрон, показались гигантские кипарисы. Не испытанная прежде радость вошла в сердце Птолемея. Вот и ее дом, теперь, после десятидневного пребывания в Афинах, показавшийся бедным и простым на вид. Порыв ветра словно подхватил македонца — так быстро он взлетел на противоположный склон. У сложенной из грубых кусков камня ограды он остановился, чтобы обрести спокойствие, приличествующее воину. Серебристо-зеленая листва олив шепталась над

головой. В этот час окраина города с разбросанными среди садов домами казалась безлюдной. Все от мала до велика ушли на праздник, на высоты Агоры и Акрополя и к храму Деметры — богини плодородия, отождествленной с Геей Пандорой — Землей Всеприносящей.

Как всегда, Тесмофории должны были состояться в первую ночь полнолуния, когда наступало время осеннего посева. Сегодня праздновалось окончание трудов вспашки — один из самых древнейших праздников земледельческих предков афинян, ныне в большинстве своем отошедших от самого почетного труда — возделывания лика Геи.

Утром через Эгесихору и Неарха Таис передала Птолемею, что он должен прийти к ней на закате солнца. Поняв, что означало приглашение, Птолемей взволновался так, что удивил Неарха, давно признавшего превосходство друга в делах любви. Неарх и сам изменился после встречи со спартанской красавицей. Угрюмость, свойственная ему с детства, исчезла, а под личиной уверенного спокойствия, которую он, бывший заложник, с малых лет очутившийся на чужбине, привык носить, стало проступать лукавое озорство, свойственное его народу. Критяне слыли обманщиками и лжецами потому, что, поклоняясь Великой Богине, были уверены в смертной судьбе мужских богов. Показывая эллинам могилу Зевса, они совершали тем самым ужасное святотатство. Судя по Неарху, эллины оболгали критян сами — не было во всей Пелле человека более верного и надежного, чем Неарх. И переданный им призыв Таис, несомненно, не был шуткой.

Солнце садилось медленно. Птолемею казалось нелепо стоять у ворот сада Таис, но он хотел точно выполнить ее желание. Он медленно опустился на еще теплую землю, опершись спиной о камни стены, стал ждать с неистощимым терпением воина. Последние отсветы зари погасли на вершине Эгалейона. Темные стволы олив расплывались в сумерках. Он взглянул через плечо на закрытую дверь, едва обрисовывающуюся под выступом портика, и решил, что время настало. Предчувствие небывалых переживаний заставило его задрожать, как мальчика, крадущегося на первое свидание с приглянувшейся податливой рабыней. Птолемей взлетел по лестнице, стукнул в дверь и, не получая ответа, открыл ее, незапертую.

В проеме прохода, под висевшим на бронзовой цепи двухпламенным лампионом стояла Таис в темной эксомиде, короткой, как у амазонки. Даже в слабом свете масля-

ной лампы Птолемей заметил, как пылали щеки юной женщины, а складки ткани на высокой груди поднимались от частого дыхания. Глаза, почти черные на зетемненном лице, смотрели прямо на Птолемея. Заглянув в них, македонец замер. Лента в цвет хитона стягивала крутые завитки волос на темени. «Как у Афины Лемнии»,— подумал Птолемей и тут же решил, что Таис, серьезная и сосредоточенная, как воин перед боем, с пристальным взглядом и почти угрожающим наклоном гордой головы, в самом деле похожа на грозную Лемниянку.

— Жду тебя, милый,— просто сказала она, впервые так назвав македонца и вложив в это слово столько нежного значения, что Птолемей нетерпеливо вздохнул и приблизился, протянув руки.

Таис, отступив на полшага, сняла откуда-то из-за выступа двери широкий химатион и взмахом его загасила светильник. Птолемей озадаченно остановился во тьме, а молодая женщина скользнула к выходу. Ее рука нашла руку македонца, крепко сжала ее и потянула за собой.

— Пойдем.

Они вышли через боковую калитку в кустах и направились по тропинке вниз к речке Илиссу, протекавшей через Сады от Ликея и святилища Геракла до слияния с Кефисом. Низкий полумесяц освещал дорогу.

Таис шла быстро, почти бегом, не оглядываясь, и Птолемею передалась ее серьезность. Он следовал за ней в молчании, любуясь ее походкой, прямой, со свободно развернутыми плечами, придававшей величавость ее небольшой фигурке. Стройная шея гордо держала голову с тяжелым узлом волос на высоком затылке. Она плотно завернулась в темный химатион, при каждом шаге западавший глубоко то с одной, то с другой стороны ее талии, подчеркивая гибкость тела. Маленькие ноги ступали легко и уверенно, и перисцелиды — ножные браслеты — серебристо звенели на ее щиколотках. Тени гигантских платанов перекрыли путь. За этой стеной темноты вспыхнула холодным светом беломраморная площадка — полукруг гладких плит. На высоком пьедестале стояло бронзовое изображение богини. Внизу едва слышно журчал Илисс.

Чуть склонив голову, богиня откидывала с плеч тонкое покрывало, и взгляд ее глаз из зеленых светящихся камней приковывал внимание. Особенное, редкое для изображений божества выражение сочувствия и откровенности поразительно сочеталось с таинственной глубиной всезнающего взора. Казалось, богиня склоняется к смертным, что-

бы в тиши и безлюдье звездной ночи открыть им тайну — каждому свою. Левой рукой богиня — это была знаменитая на весь эллинский мир «Афродита Урания, что в Садах»,— протягивала пышную розу — символ женской сущности, цветок Афродиты и любви. Сильное тело, облитое складками пеплоса, замерло в спокойном энтазисе. Одеяние, необычно раскрытое на плече по древнему азиатскому или критскому канону, обнажало груди, высокие, сближенные и широкие, как винные кратеры, резко противоречившие своей чувственной силой вдохновенной тайне лица и строгой позе Небесной Афродиты.

Из всех художников Эллады Алкамену впервые удалось сочетать древнюю силу чувственной красоты с духовным взлетом, создав религиозный образ неодолимой привлекательности и наполнив его обещанием пламенного счастья. Богиня — Мать и Урания вместе.

Таис благоговейно подошла к богине и, шепча что-то, обняла ноги знаменитого творения Алкамена. Она замерла у подножия статуи и вдруг отпрянула назад к недвижно стоявшему Птолемею. Опершись на его мощную руку, она молча и пытливо заглянула македонцу в лицо, пытаясь найти нужный отклик. Птолемей чувствовал, что Таис ищет в нем что-то, но продолжал молча стоять, недоуменно улыбаясь. А она столь же внезапно, одним прыжком, оказалась в середине мраморной площадки. Трижды хлопнув в ладоши, Таис запела гимн Афродите с подчеркнутым ритмом, как поют в храмах богини перед выходом священных танцовщиц.

— ...Не сходит улыбка с милого лика ее, и прелестен цветок у богини,— в мерном движении танца она опять приблизилась к Птолемею.

— Песню, богиня, прими и зажги Таис страстью горячей!— вдруг загремел Птолемей и схватил девушку.

На этот раз она не отстранилась. Обвив руками его шею, крепко прижалась к нему. Химатион упал наземь, и сквозь тонкую ткань хитона горячее, крепкое тело Таис стало совсем близким.

— Ты, воин, знаешь Афродитины гимны?! Но не нужно просить богиню об огне, смотри сам не сгори в нем,— шепнула девушка.

— Тогда...— Птолемей нашел губы Таис и оба замерли. Неожиданно юная гетера изо всех сил уперлась в широкую грудь Птолемея и вырвалась.

— Пойдем дальше,— задыхаясь, сказала она,— я нарочно ждала этого дня. Сегодня увели быков в горы...

— И что же?— не понял Птолемей.

Таис, поднявшись на цыпочки, приникла к его уху.

— Я хочу быть твоей. По древнему обычаю афинских земледельцев, на только что вспаханном поле.

— На поле? Зачем?

— Ночью, на трижды вспаханном поле, чтобы принять в себя плодоносящую силу Геи, пробудить ее...

Птолемей сжал плечи девушки, безмолвно соглашаясь, и Таис устремилась вниз по течению речки, затем повернула на север к святой Элевзинской дороге.

В долине Илисса легла глубокая тьма, луна скрылась за гребнем горы, звезды блестели все ярче.

— Как ты видишь дорогу?— спросил Птолемей.— Она знакома тебе?

— Знакома. Мы идем на поле Скирона. Там в ночь полнолуния справляется женщинами праздник Деметры Закононосительницы.

— Разве гетерам позволено участвовать в Тесмофориях? И что же делается на поле Скирона? Я постараюсь попасть туда, если пробуду в Афинах до полнолуния.

— Не попадешь! Только женщинам, только молодым разрешен доступ туда в ночь Тесмофорий после бега с факелами. Но не гетерам!

— Как же ты узнала дорогу?

— Еще не став гетерой. После бега с факелами жрицы Деметры выбрали меня в числе двенадцати. И когда празднество закончилось для непосвященных, мы, нагие, бежали глубокой ночью те тридцать стадий, что отделяют поле от храма.

— И дальше?

— Это нельзя рассказывать. Женская тайна, и все мы связаны ужасной клятвой. Но запоминается на всю жизнь. И бег на поле тоже нельзя забыть. Бежишь под яркой высокой луной, в молчании ночи, рядом с быстрыми и красивыми подругами. Мы мчимся, едва касаясь земли, все тело — как струна, ждущая прикосновения богини. Ветки мимолетно касаются тебя, легкий ветер обвевает разгоряченное тело. И когда минуешь грозные перепутья со стражами Гекаты...— Таис умолкла.

— Говори дальше, ты так хорошо рассказываешь,— нетерпеливо сказал Птолемей.

— Приходит чувство освобождения от всего. Остановившись, а сердце так бьется... раскинешь руки и вздохнешь глубоко, и кажется: еще миг — и унесешься вдаль, в запах травы, леса, моря. Исчезнешь в лунном свете, как соль,

брошенная в воду, как дымок очага в небе. Нет ничего между тобой и матерью-Землей. Ты — Она, и Она — ты!

Таис ускорила замедленный было шаг и повернула налево. Зачернела впереди полоса деревьев, ограничивавших поле с севера.

Все молчало кругом, только чуть шелестел ветер, разносивший запах тимьяна. Птолемей ясно различал Таис, но ничего не видел в отдалении. Они постояли, прислушиваясь к ночи, обнявшей их черным покрывалом, потом сошли с тропинки в поле. Много раз паханная земля была пушистой, сандалии глубоко погружались в нее. Наконец Таис остановилась, вздохнула и бросила химатион, знаком дав понять Птолемею, чтобы он сделал то же. Таис выпрямилась и, подняв руки к голове, сняла ленту и распустила волосы. Она молчала. Пальцы ее рук сжимались и разжимались, лаская волосы Птолемея, скользя по его затылку и шее.

От влажной, теплой, недавно перепаханной земли шел сильный свежий запах. Казалось, сама Гея, вечно юная, полная плодоносных соков жизни, раскинулась в могучей истоме.

Птолемей ощутил в себе силу титана. Каждый мускул его мощного тела приобрел твердость бронзы. Схватив Таис на руки, он поднял ее к сверкающим звездам, бросая ее красотой вызов равнодушной вечности.

Прошло немало времени, когда они снова вернулись в окружающий мир, на поле Скирона. Склоняясь над лицом возлюбленной, Птолемей зашептал строчку из любимого стихотворения. Он сожалел сейчас, что знал их мало в сравнении с Александром.

— «Асперос эйсаугазо астер эймос!» («Ты смотришь на звезды, звезда моя!»).

Таис медленно повернула голову, всматриваясь в Птолемея.

— Ты хорошо образован, милый. Глупы мои соотечественники, считающие македонцев дикими горцами. Но я поняла — ты далек от Урании, тебе лучше быть с Геей.

Птолемей увидел ее ресницы, пряди волос на лбу и темные круги вокруг глаз. Он оглянулся. Края поля, во тьме казавшегося необъятным, были совсем близки. Долгая предосенняя ночь кончилась. Таис приподнялась и удивленно смотрела на поднимавшуюся из-за Гиметта зарю. Внизу, в просвете рощи, послышалось блеяние овец.

Таис медленно встала и выпрямилась навстречу первым лучам солнца, еще резче подчеркнувшим оттенок красной меди, свойственной ее загорелому телу. Руки поднялись к волосам извечным жестом женщины — хранительницы и носительницы красоты, томительной и зовущей, исчезающей и возрождающейся вновь, пока существует род человеческий. Таис покрылась химатионом, будто озябла, и медленно пошла рядом с гордым Птолемеем, задумчивая, со склоненной головой.

Выйдя на Элевзинскую дорогу, Таис пошла к храму Афродиты Урании прямиком через Керамик.

— Ты снова к своей небесной царице любви,— засмеялся македонец,— будто ты и не афинянка вовсе. Аристотель говорил, что поклоняться Урании под именем Анахиты начали древние народы — ассирийцы, что ли?

— А на Крите еще раньше, потом на Китере, где Урания стоит вооруженной, а потом отец Тесея, Эгей, учредил ее храм в Афинах,— нехотя промолвила Таис,— но ты не должен идти со мной. Пойди к своим друзьям... Нет, подожди, стань слева от меня!— И Таис, не стесняясь прохожих, прижалась к Птолемею, а правой рукой сделала отвращающий знак Гекаты.

Македонец посмотрел в том направлении и увидел лишь старый, заброшенный жертвенник, хотя некогда он был построен богато, с мрачной отделкой из массивного темного камня.

— Что это, могущее напугать храбрую Таис, не боящуюся ночи, звездого неба и грозных перекрестков, где владычествует Геката?

— Жертвенник Антэросу — богу антилюбви, страшной и жестокой ее противоположности. Если сама Афродита страшится могучего Эроса, то тем более мы, ее служительницы, боимся Антэроса. Но молчи, идем скорее отсюда.

— Расскажи мне об Антэросе,— попросил Птолемей, когда они поднялись в мраморное сияние площадей и храмов, выше Керамика и Стои.

— Потом! Гелиайне!— Таис подняла руку прощальным жестом, взбегая по белой лестнице храма Урании.

Птолемей подал Таис простой кедровый ящичек, прикоснувшись к ее колену. Гетера сидела в саду, любуясь поздними бледными розами, и куталась в химатион от пронизывающего ветра. Шуршали сухие листья, будто при-

зраки крались осторожными шагами к своим неведомым целям.

Таис вопросительно посмотрела на македонца.

— Мой анакалиптерион,— серьезно сказал тот, и звонкий смех был ему ответом.

— Не напрасно ли ты смеешься?— сурово сказал Птолемей.

— Почему же? Ты принес мне подарок, который супруг делает после заключения брака, снимая покров невесты. Но свой анакалиптерион ты даришь в день прощания и после того, как много раз снял с меня все покровы. Не поздно ли?

— Пойми, афинянка или уж критянка, так и не знаю, кто ты на самом деле...

— Не все ли равно? Или ты мечтаешь о девушке, чьи предки из эоев — Списка Женщин?

— Как я понимаю, любая истинная критянка более древнего рода, чем все афинские прародительницы,— возразил Птолемей,— мне это вовсе неважно. Другое: я не дарил тебе ничего, и это зазорно. Но что я имею в сравнении с грудами серебра твоих поклонников? А здесь...— Птолемей опустился на пол и раскрыл ящичек на коленях у Таис. Статуэтка из слоновой кости и золота была, несомненно, очень древней; тысячелетие, не меньше, прошло с той поры, как неповторимое искусство ваятеля Крита создало этот образ участницы Тавромахии — священной и смертельно опасной игры с особой породой гигантских быков, выведенных на Крите и ныне исчезнувших.

Таис осторожно взяла ее, погладила пальцами, восхищенно вздохнула и внезапно рассмеялась, столь заразительно, что на этот раз Птолемей тоже улыбнулся.

— Милый, эта вещь стоит ту самую груду серебра, о которой ты мечтаешь. Где добыл ты ее?

— На войне,— коротко ответил Птолемей.

— Что же не отдал ты ее своему другу Неарху, единственному среди вас настоящему сыну Крита?

— Я хотел. Но Неарх сказал, что это женская вещь и мужчине приносит несчастье! Он подвержен древним суевериям своей страны. Некогда там считали, что женская богиня-мать главнее всех небожителей.

Таис задумчиво взглянула на македонца.

— И здесь немало людей верят и верили в это.

— Может быть, и ты?

Не отвечая, Таис закрыла ларец, встала и повела Птолемея во внутреннюю комнату к теплу и запаху псестио-

нов. Эти ячменные пирожки с медом, зажаренные в масле, были очень вкусны у Таис, которая иногда стряпала сама.

Усадив гостя, Таис принялась хлопотать у стола, приготовляя вино и острую подливку для мяса. Она уже знала, что македонцы не привержены к любимой афинянами рыбе.

Птолемей следил за ее бесшумными движениями. В прозрачном серебрящемся хитоне эолийского покроя из тончайшей ткани, которую ввозили из Персии, среди комнаты, затененной зелеными занавесями, Таис казалась облитой лунным светом, подобно самой Артемиде. Она распустила волосы, как пирейская девчонка, подхватив их к затылку простым шнурком, и была само воплощение веселой юности, дерзкой и неутомимой. Это удивительно сочеталось с уверенной мудростью женщины, сознающей свою красоту, умеющей бороться с ловушками судьбы,— то, что было в ней от знаменитой гетеры самого великолепного города Эллады. Контраст, губительно неотразимый, и Птолемей, вонзив ногти в ладони, едва не застонал. Разлука не могла быть короткой. Скорее всего он терял Таис навсегда.

— Я не могу не уехать. У царевича плохие дела — новая ссора с отцом. Он вместе с матерью бежал в Эпир. Боюсь, жизнь его под угрозой. Александр не покинет мать, которая рвется к власти,— опасная вещь для бывшей жены.

— Разве я упрекаю тебя?

— Нет, но это и плохо,— Птолемей улыбнулся неуверенно и печально.

Таис стало жаль этого молодого и закаленного воина. Она подсела к нему, лаская по обыкновению его жесткие вьющиеся волосы, по-военному коротко остриженные. Птолемей вытянул шею, чтобы поцеловать Таис, и заметил новое ожерелье. Тонкая цепочка из темного золота причудливой вязи соединялась в центре двумя сверкающими звездами из ярко-желтого электрона.

— Это новое? Подарок Филопатра?— ревниво спросил македонец.

Короткий негромкий смешок, отличавший Таис, был ему самым искренним ответом.

— Филопатр и любой другой должен заслужить право подарить мне еще одну звездочку.

— Не уразумел. Какое право? Каждый дарит, что хочет или что может.

— Не в этом случае. Посмотри внимательнее,— Таис сняла цепочку и подала Птолемею.

Каждая звезда в один дактил поперечником имела по десять узких ребристых лучей, а в середине букву «каппа», тоже означавшую цифру десять. Птолемей вернул ожерелье, пожав плечами в знак непонимания.

— Прости, я забыла, что ты из Македонии и можешь не знать обычаев гетер, хотя твоя мать Арсиноя...

— Погоди, припоминаю! Это вроде как отличие?

— В любви.

— И каппа?

— Не только цифра, также имя богини Котитто. Та, что почитается во Фракии и Коринфе и на южных берегах Эвксинского Понта. Ты можешь прибавить сюда третью звезду.

— Афродита Мигонитида! Я не знал и не успею подарить ее тебе.

— Я сделаю это сама.

— Нет. Я пришлю из Пеллы, если боги будут милостивы к Александру и ко мне — наши с ним судьбы сплелись. Выйдем ли мы на простор Ойкумены или сойдем под землю, но вместе.

— Я поверила в Александра. Цель его неизвестна, но у него есть сила, не даваемая обычным людям.

— А у меня нет?

— Такой нет, и я довольна этим. Ты мой сильный, умный, смелый воин и можешь быть даже царем, а я — твоей царицей.

— Клянусь Белой Собакой Геракла, ты будешь ею!

— Когда-нибудь. Я готова,— Таис приникла к Птолемею, и оба перестали заглядывать вперед в неизвестную судьбу.

Из безмерной дали будущего время текло на них медлительным потоком, неизбежно и неумолимо уходя в невозвратимое прошлое. Прошла и их встреча. И вот уже Таис стояла на пороге, а Птолемей, не в силах оторваться от подруги, топтался, подгоняемый необходимостью спешить в Гидафиней, к Неарху, куда должны были привести лошадей. Он не знал, что точный, исполнительный критянин сам еще только пробирался с опущенной головой по переулкам Керамика после прощания с Эгесихорой.

— Ты не сказал мне, что будет, если Александр останется жив и сделается царем после отца,— спросила Таис.

— Будет долгий путь, война и снова путь, помоги нам, Афина Келевтия, богиня дорог. Он мечтает дойти до пределов мира, обиталища богов там, где восходит солнце.

И Стагирит Аристотель всячески разжигает в нем стремление к этому подвигу.

— И ты пойдешь с ним?

— До конца. А ты пошла бы со мной? Не как с воином, а с военачальником.

— Я всегда мечтала о далеких странах, но пути недоступны нам, женщинам, иначе как в колесницах победителей. Будь победителем, и, если я останусь мила тебе...

Птолемей уже давно скрылся за дальним домом, а Таис еще долго смотрела вслед, пока ее не вывело из задумчивости прикосновение рабыни, приготовившей воду для купания.

Птолемей, одолевая власть любви, шел скорым шагом и не позволял себе бросить прощальный взгляд на Таис,— оглядываться уходя было плохой приметой. Даже на ее мраморное воплощение — одну из девушек на балюстраде храма Ника Бескрылой. Там одна из Ник в тонком древнем пеплосе, с откинутой назад головой, как бы собирающаяся взлететь или броситься вперед в безудержном порыве, живо напоминала ему его возлюбленную. Македонец, дивясь сам себе, всегда подходил к храму, чтобы бросить взгляд на барельеф.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОДВИГ ЭГЕСИХОРЫ

Метагейтнион, месяц всегда жаркий в Аттике, в последний год сто десятой олимпиады выдался особенно знойным. Небо, столь чистое и глубокое, что его воспевали даже чужеземцы, приобрело свинцовый оттенок. Кристальный воздух, всегда придававший всем статуям и сооружениям волшебную четкость, заструился и заколыхался, будто набросил на Афины покрывало неверной и зыбкой изменчивости, обмана и искажения, столь характерных для пустынных стран на далеких южных берегах.

Таис перестала ездить на купанье — слишком пропылилась дорога — и лишь иногда на рассвете выезжала верхом, чтобы ненадолго ощутить в быстрой скачке веяние ветра на разгоряченном теле.

Послеполуденный зной тяжко придавил город. Все живое попряталось в тень, прохладу храмов и колоннад, темноту закрытых ставнями жилищ. Лишь изредка стучали колеса лениво влекомой повозки или копыта потной лошади со спешившим в укрытие всадником.

Эгесихора вошла по обыкновению быстро и остановилась, ослепленная переходом от света к полумраку спальной комнаты. Не теряя ни минуты, она сбросила легкий хитон и села в ногах распростертой на ложе столь же нагой подруги. По раздувающимся ноздрям и часто вздымавшейся груди Таис поняла, что спартанка злится.

— Что с тобой? — лениво спросила она.

— Не знаю. Злюсь на все. Мне надоели ваши афиняне — крикливые, болтливые, охотники до сплетен. Неужели это те самые великие строители и художники, мудрецы и воины, о которых так гордо писали во времена Перикла? Или с тех пор все изменилось?

— Не понимаю, что на тебя нашло? Отравили чем-нибудь на позавчерашнем симпосионе? Вино мне показалось кислым...

— Тебе — вино, а мне показалась кислой моя жизнь! В Афинах становится все больше народа. Люди озлобляются от тесноты, шума, крика, вечной нехватки то воды, то пищи. В эту жару все глядят на встречных как на врагов. И гинекономы ярятся без причин — скоро красивой женщине нельзя будет появиться на агоре или Акрополе по вечерам.

— В этом согласна с тобой. Тесно в Афинах, да и во всей Аттике, говорят, собралось пятьсот тысяч человек.

— Святая мать Деметра! Во всей Спарте не больше полутораста тысяч. В таком множестве люди мешают друг другу и озлобляются. Видят роскошь, красоту и завидуют, насыщая воздух испарениями черной желчи.

— Не одна теснота, Эгесихора! Последствия прежних войн и особенно прошлогодней. Наш красавец царевич, он теперь царь македонский и, по существу, владыка Эллады, показал волчьи зубы, да славится Аполлон Ликейский! До сего дня на рынке рабов продают фиванцев-мужчин всего по сотне драхм, а женщин по полторы. Сам город стерт с лица Геи. Ужаснулась вся Эллада!

— Кроме Спарты!

— Разве Спарта одна устоит? Дело вашего царя Агиса плохо — он хотел быть один, когда совместный бой привел бы греков к победе, и остался один против могучего врага.

Эгесихора задумалась и вздохнула.

— Всего три года прошло, как македонские мальчишки явились к нам...

— Только ли македонские? А как насчет Крита?

Лакедемонянка вспыхнула, продолжая:

— Убит Филипп, воцарился Александр, стал вместо него главным военачальником Эллады, сокрушил Фивы и теперь...

— Отправляется в Азию на персов, продолжая дело отца.

— Ты получила вести от Птолемея? Давно?

— В один из тяжелых дней гекатомбейона. И с тех пор — ничего. Правда, он посылает мне одно письмо в год. Сначала писал по пять.

— Когда он прислал тебе эту?— Спартанка дотронулась до третьей звезды ожерелья, сверкавшего на медном теле подруги.

Таис опустила ресницы и, помолчав, сказала:

— Птолемей пишет, что Александр поистине показал божественный дар. Подобно Фемистоклу, он всегда умеет мгновенно изобрести новый ход, принять другое решение, если прежнее не годится. Но Фемистокл стремился на запад, а Александр идет на восток.

— Кто же более прав?

— Как я могу знать? На востоке баснословные богатства, неисчислимые народы, необъятные просторы. На западе людей меньше, и Фемистокл даже мечтал переселить афинян в Энторию, за Ионическое море, но умер в изгнании в горах Тессалии. Теперь его могила на западном мысе Пирейского холма, где он любил сидеть, глядя на море. Я была там. Уединенное место покоя и печали.

— Почему печали?

— Не знаю. Разве ты можешь сказать, почему тяжелая тоска, даже страх охватывает людей в руинах Микен? Недоброе, запретное, отвергнутое богами место. На Крите показывают гробницу Пасифаи, и то же, подобное страху, чувство приходит к путникам, будто тень царицы со сверкающим именем и ужасной славой стоит около них.

— Ты Пантодаей можешь прозываться, милая,— Эгесихора с восхищением поцеловала подругу,— поедем на могилу Фемистокла, погрустим вместе! Какая-то ярость

вскипает во мне против этой жизни, я нуждаюсь в утешении и не нахожу его.

— Ты сама тельктера — волшебница утешающая, как говорят поэты,— возразила Таис,— просто мы становимся старше, и в жизни видится другое, и ожидания делаются больше.

— Чего же ждешь ты?

— Не знаю. Перемены, путешествия, может быть...

— А любовь? А Птолемей?

— Птолемей — он не мой. Он — теликрат, покоритель женщин, но я не буду жить у него затворницей, подобно афинской или македонской супруге, и чтобы меня наказывали рафанидой в случае измены. Меня?! А пошла бы с ним далеко, далеко! Поедем на холм Пирея хоть сегодня. Пошлю Клонарию с запиской к Олору и Ксенофилу. Они будут сопровождать нас. Поплывем вечером, когда спадет жара, и проведем там лунную ночь до рассвета.

— С двумя мужчинами?

— Эти двое настолько любят друг друга, что мы нужны им только как друзья. Это хорошие молодые люди, отважные и сильные. Ксенофил выступал на прошлой олимпиаде борцом среди юношей.

Таис возвратилась домой еще до того, как солнце стало свирепствовать на белых улицах Афин. Странная задумчивость пришла к ней там, на склоне холма выше Фемистоклейона, где они сидели вдвоем с Эгесихорой, в то время как двое их спутников лежали внизу около лодки и обсуждали предстоящую поездку в Парнею для охоты на диких свиней. Эгесихора поверила подруге тайну. Эоситей — младший двоюродный брат Агиса, царя Спарты, уплывает в Египет с большим отрядом воинов, которых нанял египетский фараон Хабабаш для своей охраны. Наверное, он замышляет выгнать персидского сатрапа. Шесть кораблей отплывают сразу. И начальник лакедемонян зовет ее поехать с собой, пророча дивной дочери Спарты славу в стране поэтов и древнего искусства.

Эгесихора крепко прижала к себе Таис и стала уговаривать поехать с нею в сказочный Египет. Она сможет побывать на Крите — с такой надежной охраной можно не опасаться никаких пиратов или разбойников.

Таис напомнила подруге о том, что Неарх рассказывал им обеим о гибели древней красоты Крита, исчезновении прежнего населения, нищете, воцарившейся на острове,

разоренном неуемными нападениями и войнами разных племен.

В груды камней, в пожарах и землетрясениях, обратились дворцы Кносса и Феста, исчезло прежнее население, и никто уже больше не может читать надписи на забытом языке. Только кое-где на холмах еще высятся гигантские каменные рога, будто из-под земли поднимаются быки Держателя Земли Посейдона, да широкие лестницы спускаются к площадкам для священных игр. Иногда среди зарослей вдруг наткнешься на обломки тяжелых амфор в два человеческих роста с извивами змей на их толстых боках, а рядом в чистых сверкающих бассейнах плещется вода, еще бегущая по трубам водопроводов...

Таис достала ларец с критской статуэткой — подарком Птолемея, вынула драгоценную скульптуру и, растянувшись на ложе, стала рассматривать ее, как будто увидела впервые. Новые глаза дали ей время и грустные думы последних дней. Больше тысячи лет — огромная даль времени, еще не было великолепных Афин, а герой Тесей еще не ездил в Кносс убивать Минотавра и сокрушать могущество великой морской державы! Из этой неизмеримой глубины отдаления явилось к ней это живое, тонко изваянное напряженное лицо с огромными пристальными глазами и маленьким скорбным ртом. Согнутые в локтях руки были подняты ладонями вперед — сигнал не то остановки, не то внимания. Длинные ноги, слегка расставленные, девически тонкие, вытянутые и поставленные на пальцы, выражали мгновение толчка от земли для взлета. Одежда из листового золота в виде короткого узорного передника с широким поясом, стянувшим невероятно тонкую талию. Облегающий корсаж поддерживался двумя наплечниками и оставлял грудь открытой. На ключицах, у основания крепкой шеи, лежало широкое ожерелье. Именно лежало — от сильной выпуклости грудной клетки. Повязка, обегавшая подбородок девушки, стягивала высокую коническую прическу. Очень молода была тавропола, четырнадцать лет, самое большее — пятнадцать.

Таис вдруг поняла, что назвала безвестную критскую девочку охотницей на быков — эпитетом Артемиды. Боги завистливы и ревнивы к своим правам, но не может богиня ничего сделать той, которая ушла в недоступное самому Зевсу прошлое и скрылась тенью в подземельях Аида. Правда, Артемида может прогневаться на живую Таис... Что общего у девственной охотницы с нею, гетерой, служанкой Афродиты?

И Таис спокойно вернулась к созерцанию статуэтки. Ничего детского не осталось в лице и фигуре бдительной девочки опасной профессии. Особенно трогал Таис ее скорбный рот и бесстрашный взгляд. Эта девочка знала, что ей предстоит. Очень недолгой была ее жизнь, отданная смертельной игре — танцу с длиннорогими пятнистыми быками, олицетворявшими сокрушительного Колебателя Земли Посейдона. Девушки-тавроколы представляли главных действующих лиц в этом священном ритуале, древний, позднее утраченный смысл которого заключался в победе женского начала над мужским, богини-матери над временным своим супругом. Мощь грозного животного растрачивалась в танце — борьбе с невероятно быстрыми прыгунами-девушками и юношами — специально подготовленными для балета смерти знатоками сложного ритуала. Критяне верили, что этим отводится гнев бога, медленно и неумолимо зреющий в недрах земли и моря.

Обитатели древнего Крита будто предчувствовали, что их высокая культура погибнет от ужасающих землетрясений и приливов. Откуда они взялись, эти ее отдаленные предки? Откуда пришли, куда исчезли? Из того, что знала она сама из мифов, что рассказывал Неарх своим двум зачарованным слушательницам, прекрасные, утонченные люди, художники, мореходы, дальние путешественники жили на Крите еще тогда, когда вокруг бродили полудикие предки эллинов. Необъяснима тонкая, поэтическая красота критской культуры среди грубых, воинственных кочевников берегов Внутреннего моря и может быть сравнена только с Египтом...

Встряхивая коротко стриженными жесткими волосами, вошла Клонария — рабыня.

— Там пришел этот,— голос девушки дрогнул от глубоко укоренившейся ненависти к торговцу человеческим товаром.

Таис вернулась к жизни.

— Возьми шкатулку с деньгами, отсчитай, на три мины сов и дай ему.

Рабыня засмеялась. Таис улыбнулась и жестом приказала ей подойти ближе.

— Посчитаем вместе. Три мины — сто восемьдесят драхм. Каждая сова — четыре драхмы, всего сорок пять сов. Поняла?

— Да, кирия. Это за фиванку? Недорого!— девушка позволила себе презрительную усмешку.

— Ты мне стоила дороже,— согласилась Таис,— но не

суди по цене о качестве. Могут быть разные случаи, и если тебя купили дорого, то могут продать и подешевле...

Не успела Таис закончить фразы, как Клонария прижалась лицом к ее коленям.

— Кирия, не продавай меня, если уедешь. Возьми с собой!

— Что ты говоришь? Куда я уеду?— удивилась Таис, отбрасывая со лба рабыни ее спустившиеся волосы.

— Может быть, ты уедешь куда-то. Так думали мы, твои слуги. Ты не знаешь, как будет ужасно оказаться у кого-нибудь другого после тебя, доброй, прекрасной.

— Разве мало на свете хороших людей?

— Мало таких, как ты, госпожа. Не продавай меня!

— Хорошо, обещаю тебе. Возьму с собой, хотя я никуда не собираюсь ехать. Как фиванка?

— После того как ее накормили, мылась так, что извела всю воду на кухне. Теперь спит, будто не спала месяц.

— Беги, торговец ждет. И не тревожь меня больше, я усну.

Клонария быстро отсчитала серебро и весело, вприпрыжку побежала из спальни.

Таис перевернулась на спину и закрыла глаза, но сон не приходил после ночного путешествия и взволнованных разговоров с подругой.

Они причалили к кольцам Пирейской гавани, когда в порту уже было полным-полно народу. Оставив лодку на попечение двух друзей, Таис с Эгесихорой, пользуясь относительной прохладой левконота — «белого» южного ветра, расчистившего небо, пошли вдоль большой стои, где торговля была уже в полном разгаре. У перекрестка дорог, Фалеропской и Средостенной Пирейской, находился малый рынок рабов. Вытоптанная пыльная площадка, с одной стороны застроенная длинными низкими сараями, которые сдавали внаем работорговцам. Грубые плиты, доски помостов, истертые ногами бесчисленных посетителей — вместо обширного возвышения из светлого мрамора под сенью крытой колоннады и огороженных портиков, какие украшали большой рабский рынок в пятнадцати стадиях выше, в самих Афинах.

Обе гетеры равнодушно направились в обход по боковой тропинке. Внимание Таис привлекла группа тощих людей, выставленных на окраине рынка, на отдельном деревянном помосте. Среди них были две женщины, кое-как прикрытые лохмотьями. Вне сомнения, это были эллины,

скорее всего — фиванцы. Большинство жителей разрушенных Фив было отправлено в дальние гавани и давно продано. Эту группу из четырех мужчин и двух женщин, наверное, пригнал на портовый рынок какой-нибудь богатый землевладелец, чтобы избавиться от них. Таис возмутила эта продажа свободных людей некогда знаменитого города.

Перед помостом остановился высокий человек с напудренным лицом, окаймленным густейшей бородой в крупных завитках, видимо, сириец. Небрежным движением пальца он велел торговцу вытолкнуть вперед младшую из женщин, остриженные волосы которой густым пучком лежали на затылке, перехваченные вокруг головы узкой синей лентой. По пышности и густоте пучка на затылке Таис определила, каких великолепных кос лишилась фиванка, красивая девушка лет восемнадцати, обычного для эллинок небольшого роста.

— Цена?— важно бросил сириец.

— Пять мин, и это даром, клянусь Афиной Алеей!

— Ты обезумел! Она музыкантша или танцовщица?

— Нет, но девственна и очень красива.

— Сомнительно. Военная добыча... Взгляни на очертания бедер, груди. Плачу мину, ладно, две — последняя цена! Такую рабыню не будут продавать в Пирее, а поставят в Афинах. Ну-ка обнажи ее!

Торговец не шелохнулся, и покупатель сам сдернул последний покров рабыни. Она не отпускала ветхую ткань и повернулась боком. Сириец ахнул. Прохожие и зеваки громко захохотали. На круглом заду девушки красовались вздувшиеся полосы от бича, свежие и красные, вперемежку с уже поджившими рубцами.

— Ах ты, плут!— крикнул сириец, видимо хорошо говоривший на аттическом наречии. Схватив девушку за руку, он нащупал на ней следы ремней, стягивавших тонкие запястья. Тогда он приподнял дешевые бусы, нацепленные на шею девушки, чтобы скрыть следы от привязи.

Опомнившийся торговец встал между сирийцем и рабыней.

— Пять мин за строптивую девчонку, которую надо держать на привязи!— негодовал сириец.— Меня не проведешь. Годится только в наложницы да еще возить воду. После разгрома Стовратных Фив девушки здесь подешевели, даже красивые,— ими полны дома во всех портах Внутреннего моря.

— Пусть будет три мины — совсем даром!— сказал присмиревший торговец.

— Нет, пусть платит тот, кто захотел избавиться от неудачной покупки этого сброда,— сириец показал на фиванцев, подумал и сказал:— Дам тебе половину, все-таки девяносто драхм. Беру для своих матросов на обратный путь. Я сказал последнюю цену!— И сириец решительно шагнул к другой кучке рабов, сидевших на каменном помосте в нескольких шагах от фиванцев.

Торговец заколебался, а девушка побледнела, вернее — посерела сквозь пыль и загар, покрывавший ее измученное гордое лицо.

Таис подошла к помосту, откинула со своих иссиня-черных волос легкий газ покрывала, которым спасались от пыли богатые афинянки. Рядом стала золотоволосая Эгесихора, и даже угрюмые глаза продаваемых рабов приковались к двум прекрасным женщинам.

Темные упрямые глаза юной фиванки расширились, огонь тревожной ненависти погас в них, и Таис вдруг увидела лицо человека, обученного читать, воспринимать искусство и осмысливать жизнь. Теопоя — божественное разумение оставило свой след на этом лице. И фиванка то же самое увидела в лице Таис, и ресницы ее задрожали. Будто невидимая нить протянулась от одной женщины к другой, и почти безумная надежда загорелась в пристальном взгляде фиванки.

Торговец оглянулся, ища колесницу красавиц, ехидная усмешка наползла было на его губы, но тут же сменилась почтением. Он заметил двух спутников Таис, догонявших приятельниц. Хорошо одетые, бритые по последней моде, они важно прошли через расступившуюся толпу.

— Даю две мины,— сказала Таис.

— Нет, я раньше пришел!— вскричал сириец, вернувшийся поглядеть на афинянок и, как свойственно всем людям, уже пожалевший, что покупка достанется другому.

— Ты давал только полторы мины,— возразил торговец.

— Даю две. Тебе зачем эта девчонка — все равно с ней не справишься!

— Перестанем спорить — я плачу три, как ты хотел. Пришли за деньгами или придешь сам в дом Таис, между холмом Нимф и Керамиком.

— Таис!— почтительно воскликнул стоявший поодаль человек и еще несколько голосов подхватили:

— Таис, Таис!

Афинянка протянула руку фиванской рабыне, чтобы свести ее с помоста в знак своего владения ею. Девушка

вцепилась в нее, как утопающая за брошенную ей веревку, и, боясь отпустить руку, спрыгнула наземь.

— Как зовут тебя?— спросила Таис.

— Гесиона,— фиванка сказала так, что не было сомнения в правде ее ответа.

— Благородное имя,— сказала Таис,— «Маленькая Исида».

— Я дочь Астиоха — философа древнего рода,— с гордостью ответила рабыня...

Таис незаметно уснула и очнулась, когда ставни с южной стороны были распахнуты Ноту — южному ветру с моря, в это время года сдувавшему тяжелую жару с афинских улиц. Свежая и бодрая, Таис пообедала в одиночестве. Знойные дни ослабили пыл поклонников Афродиты, ни одного симпосиона не предстояло в ближайшие дни. Во всяком случае, два-три вечера были совсем свободны. Таис не ходила читать предложения на стене Керамика уже много дней.

Стукнув два раза по столешнице, она велела позвать к себе Гесиону. Девушка, пахнувшая здоровой чистотой, вошла, стесняясь своего грязного химатиона, и опустилась на колени у ног гетеры с неловким смешением робости и грации.

Заставив ее сбросить плащ, Таис оглядела безупречное тело своей покупки и выбрала скромный полотняный хитон из своего платья. Темно-синий химатион для ночных похождений завершил наряд Гесионы.

— Мастодетона — грудной повязки — тебе не надо, я не ношу ее тоже. Я дала тебе это старье...

— Чтобы не выделить меня из других,— тихо досказала фиванка,— но это вовсе не старье, госпожа.— Рабыня поспешно оделась, умело расположив складки хитона и расправив завязки на плечах. Она сразу же превратилась в полную достоинства девушку из образованных верхов общества. Глядя на нее, Таис поняла неизбежную ненависть, которую вызывала Гесиона у своих хозяек, лишенных всего того, чем обладала рабыня. И прежде всего знаний, какими не владели теперешние аттические домохозяйки, вынужденные вести замкнутую жизнь, всегда завидуя образованным гетерам.

Таис невольно усмехнулась. Завидовали от незнания всех сторон ее жизни, не понимая, как беззащитна и легкоранима нежная юная женщина, попадая во власть того,

кто иногда оборачивался скотом. Гесиона по-своему поняла усмешку Таис. Вся вспыхнув, она торопливо провела руками по одежде, ища непорядок и не смея подойти к зеркалу.

— Все хорошо,— сказала ей Таис,— я думала о своем. Но я забыла,— с этими словами она взяла красивый серебряный пояс и надела его на рабыню.

Гесиона снова залилась краской, на этот раз от удовольствия.

— Как мне благодарить тебя, госпожа? Чем смогу я отдать тебе за твою доброту?

Таис поморщилась смешливо и лукаво, и фиванка снова насторожилась. «Пройдет немало времени,— подумала Таис,— пока это молодое существо вновь приобретет человеческое достоинство и спокойствие, присущее свободным эллинам. Свободным эллинам... Не в том ли главное различие варваров, обреченных на рабство, что они находятся в полной власти свободных. И чем хуже обращаются с ними, тем хуже делаются рабы, а в ответ на это звереют их владельцы». Странные эти мысли впервые пришли ей на ум, прежде спокойно принимавшей мир, каков он есть. А если бы ее или ее мать похитили пираты, о жестокости и коварстве которых она столько наслышалась? И она стояла бы сейчас, исхлестанная бичом, на помосте, и ее ощупывал бы какой-нибудь жирный торговец?..

Таис вскочила и посмотрела в зеркало из твердой бронзы светло-желтого цвета, которые привозили финикийцы из страны, державшейся ими в секрете. Слегка сдвинув упрямые брови, она постаралась придать себе выражение гордой и грозной Лемниянки, не вязавшееся с веселым блеском глаз. Беспечно отмахнувшись от путаных мыслей о том, чего не было, она хотела отослать Гесиону. Но одна мысль, оформившись в вопрос, не могла остаться без объяснения.

И Таис принялась расспрашивать новую рабыню о страшных днях осады Фив и плена, стараясь скрыть недоумение: почему эта гордая и воспитанная девушка не убила себя, а предпочла жалкую участь рабыни?

Гесиона скоро поняла, что именно интересовало Таис.

— Да, я осталась жить, госпожа. Сначала от неожиданности, внезапного падения великого города, когда в наш дом, беззащитный и открытый, ворвались озверелые враги, топча, грабя и убивая. Когда безоружных людей, только что всеми уважаемых граждан, выросших в почете и славе, сгоняют в толпу, как стадо, нещадно колотя отставших

или упрямых, оглушая тупыми концами копий, и загалкивают щитами в ограду, подобно овцам, странное оцепенение охватывает всех от такого внезапного поворота судьбы...

Лихорадочная дрожь пробежала по телу Гесионы, она всхлипнула, но усилием воли сдержала себя и продолжала рассказывать, что место, куда их загнали, в самом деле оказалось скотным рынком города. На глазах Гесионы ее мать, еще молодая и красивая женщина, была увлечена двумя щитоносцами, несмотря на отчаянное сопротивление, и навсегда исчезла. Затем кто-то увел младшую сестренку, а Гесиона, укрывшаяся под кормушкой, на свою беду, решила пробраться к стенам, чтобы поискать там отца и брата. Она не отошла и двух плетров от ограды, как ее схватил какой-то спрыгнувший с коня воин. Он пожелал овладеть ею тут же, у входа в какой-то опустелый дом. Гнев и отчаяние придали Гесионе такие силы, что македонец сначала не смог с ней справиться. Но он, видимо, не раз буйствовал в захваченных городах и вскоре связал и даже взнуздал Гесиону так, что она не смогла кусаться, после чего македонец и один его соратник попеременно насиловали девушку до глубокой ночи. На рассвете опозоренная, измученная Гесиона была отведена к перекупщикам, которые, как коршуны, следовали за македонской армией. Перекупщик продал ее гиппотрофу Бравронского дема, а тот после безуспешных попыток привести ее к покорности и боясь, что от истязаний девушка потеряет цену, отправил ее на Пирейский рынок.

— Я была посвящена богине Бирис и не смела знать мужчину раньше двадцати двух лет.

— Не знаю этой богини,— сказала Таис,— она владычествует в Беотии?

— Везде. Здесь, в Афинах, есть ее храм, но мне нет больше доступа туда. Это богиня мира у минийцев, наших предков, берегового народа до нашествия дорийцев. Служение ей — против войны, а я уже была женой двух воинов и ни одного не убила. Я убила бы себя еще раньше, если бы не должна была узнать, что сталось с отцом и братом. Если они живы и в рабстве, я стану портовой блудницей и буду грабить негодяев, пока не наберу денег, чтобы выкупить отца — мудрейшего и добрейшего человека во всей Элладе. Только для этого я и осталась жить...

— Сколько тебе лет, Гесиона?

— Восемнадцать, скоро девятнадцать, госпожа.

— Не зови меня госпожой,— сказала, вставая, Таис,

охваченная внезапным порывом,— ты не будешь моей рабыней, я отпускаю тебя на волю.

— Госпожа!— девушка крикнула, и горло ее перехватили рыдания.— Ты, наверное, ведешь свой род от богов. Кто мог бы еще в Элладе так поступить?! Но позволь мне остаться в твоем доме и служить тебе. Я много ела и спала, но я не всегда такая. Это после голодных дней и долгих стояний на помосте у торговца рабами...

Таис задумалась, не слушая девушку, чья страстная мольба оставила ее холодной, как богиню. И снова Гесиона внутренне сжалась и опять распустилась, словно бутон, поймав внимательный и веселый взгляд гетеры.

— Ты сказала, твой отец — знаменитый философ? Достаточно ли он знаменит, чтобы быть известным Элладе, и не только в Стовратных Фивах?

— Бывших некогда Фивах,— горько сказала Гесиона,— но Астиоха-философа знает Эллада. Как поэта, может быть, и нет. Ты не слыхала о нем, госпожа?

— Не слыхала. Но я не знаток, оставим это. Вот что придумала я...— И Таис рассказала Гесионе свой план, заставив фиванку задрожать от нетерпения.

После убийства Филиппа Македонского приглашенный им Аристотель покинул Пеллу и перебрался в Афины. Александр снабдил его деньгами, и философ из Стагиры основал в Ликии — в священной роще Аполлона Волчьего — свою школу, собрание редкостей и обиталище для учеников, исследовавших под его руководством законы природы. По имени рощи учреждение Аристотеля стало называться Ликеем.

Пользуясь знакомством с Птолемеем и Александром, Таис могла обратиться к Стагириту. Если отец Гесионы был жив, то, где бы он ни оказался, молва о столь известном пленнике должна была достигнуть философов и ученых Ликея.

От жилья Таис до Ликея пятнадцать олимпийских стадий, полчаса пешего хода, но Таис решила ехать на колеснице, чтобы произвести нужное впечатление. Она велела Гесионе надеть на левую руку обруч рабыни и нести за ней ящичек с редким камнем — зеленым, с желтыми огнями — хризолитом, привезенным с далекого острова на Эритрейском море. Подарили его Таис купцы из Египта. От Птолемея она знала о жадности Стагирита к редкостям из дальних стран и думала этим ключом отомкнуть его сердце.

Эгесихора почему-то не появилась к обеду. Таис хоте-

ла поесть с Гесионой, но девушка упросила не делать этого, иначе ее роль служанки, которую она хотела честно исполнять в доме Таис, стала бы фальшивой и лишила бы ее доброго отношения слуг и рабынь гетеры.

Священные сосны безмолвно и недвижно уносились вершинами в горячее небо, когда Таис и Гесиона медленно шли к галерее, окруженной высокими старыми колоннами, где занимался с учениками старый мудрец. Стагирит был не в духе и встретил гетеру на широких ступенях из покосившихся плит. Постройка новых зданий еще только начиналась.

— Что привело сюда гордость продажных афинских женщин?— отрывисто спросил Аристотель.

Таис сделала знак, Гесиона подала раскрытую шкатулку, и хризолит — символ Короны Крита — засверкал на черной ткани, устилавшей дно. Брюзгливый рот философа сложился в беглой усмешке. Он взял камень двумя пальцами и, поворачивая его в разные стороны, стал разглядывать на просвет.

— Так ты подруга Птолемея? Неталантливым он был учеником, слишком занят его ум войной и женщинами. И тебе надо, конечно, что-то узнать от меня?— Он бросил на Таис острый, пронизывающий взгляд.

Гетера спокойно встретила его, смиренно склонила голову и спросила, известно ли ему что-нибудь об участи фиванского философа. Аристотель думал недолго.

— Слышал, что он не то умер от ран, не то попал в рабство. Но почему он тебя интересует, гетера?

— А почему не интересует тебя, великий философ? Разве участь собрата, славного в Элладе, тебе безразлична?— вспыхнула Таис.

— Девчонка, твоя речь становится дерзкой!

— Помилосердствуй, великий Стагирит! Меня по невежеству удивило твое безразличие к судьбе большого философа и поэта. Разве не драгоценна жизнь такого человека? Может быть, ты мог бы его спасти...

— Зачем? Кто смеет пересекать путь судьбы, веление богов? Побежденный беотиец упал до уровня варвара, раба. Можешь считать, что философа Астиоха больше не существует, и забыть о нем. Мне все равно, брошен ли он в серебряные рудники или мелет зерно у карийских хлебопеков. Каждый человек из свободных выбирает свою участь. Беотиец сделал свой выбор, и даже боги не будут вмешиваться.

Знаменитый учитель повернулся и, продолжая рассматривать камень на свет, показал, что разговор окончен.

— Далеко же тебе до Анаксагора и Антифонта, Стагирит!— вне себя крикнула Гесиона.— Ты просто завистлив к славе Астиоха, певца мира и красоты! Мир и красота — вот что чуждо тебе, философ, и ты знаешь это!

Аристотель гневно обернулся. Один из стоявших рядом и прислушивавшихся к разговору учеников с размаху ударил Гесиону по щеке. Та вскрикнула и хотела броситься на кряжистого бородатого оскорбителя, но Таис ухватила ее за руку.

— Дрянь, рабыня, как смеешь ты!..— вскричал ученик.— Пошли отсюда, порнодионки!

— Философы заговорили без притворства,— озорно сказала Таис,— бежим скорее из обители мудрости!

С этими словами Таис ловко выхватила хризолит у растерявшегося Аристотеля, подобрала химатион и пустилась бежать по широкой тропе между сосен к дороге. Гесиона — за ней. Вслед девушкам кинулось несколько мужчин — не то усердных учеников, не то слуг. Таис и Гесиона вскочили на колесницу, поджидавшую их, но мальчик-возница не успел тронуть лошадей, как их схватили под уздцы, а трое здоровенных пожилых мужчин кинулись к открытому сзади входу на колесницу, чтобы стащить с нее обеих женщин.

— Не уйдете, блудницы! Попались развратницы!— заорал человек с широкой неподстриженной бородой, протягивая руку к Таис.

В этот миг Гесиона, вырвав бич у возницы, изо всей силы ткнула им в раззявленный кричащий рот. Нападавший грохнулся наземь.

Освобожденная Таис раскрыла сумку, подвешенную к стенке колесницы, и, выхватив коробку с пудрой, засыпала ей глаза второго мужчины. Короткая отсрочка ни к чему не привела. Колесница не могла сдвинуться с места, а выход из нее был закрыт.

Дело принимало серьезный оборот. Никого из путников не было на дороге, и злобные философы могли легко справиться с беззащитными девушками. Мальчик-возница, которого Таис взяла вместо пожилого конюха, беспомощно озирался вокруг, не зная, что делать с загородившими путь людьми.

Но Афродита была милостива к Таис. С дороги послышался гром колес и копыт. Из-за поворота вылетела четверка бешеных коней в ристалищной колеснице. Управля-

ла ими женщина. Золотистые волосы плащом развевались по ветру — Эгесихора!

— Таис, малакион (дружочек), держись!

Зная, что спартанка сделает что-то необычайное, Таис схватилась за борт колесницы, крикнув Гесионе держаться изо всех сил. Эгесихора резко повернула, не сбавляя хода, объехала колесницу Таис и вдруг бросила лошадей направо, зацепившись выступающей осью за ее ось. Бородатые, державшие лошадей, с воплями пустились прочь, стараясь избежать копыт и колес, кто-то покатился в пыли под ноги лошадей, закричал от боли. Лошади Таис понесли, а Эгесихора, сдержав четверку с неженской силой, расцепила неповрежденные колесницы.

— Гони, не медли!— крикнула Таис, давая мальчишке крепкий подзатыльник.

Возница опомнился, и гнедая пара помчалась во весь опор, преследуемая по пятам четверкой Эгесихоры.

Позади из клубов пыли неслись вопли, проклятия, угрозы. Гесиона не выдержала и принялась истерически хохотать, пока Таис не прикрикнула на девушку, чувства которой были еще не в порядке после перенесенных испытаний.

Не успели они опомниться, как пролетели перекресток Ахарнской дороги. Сдерживая коней, они повернули назад и направо, спустились к Илиссу и поехали вдоль речки к Садам. Только въехав под сень огромных кипарисов, Эгесихора остановилась и спрыгнула с колесницы. Таис, подбежав к ней, крепко поцеловала подругу.

— Хорошо вышла аматрохия? В ристалище очень опасно такое сцепление колес.

— Ты действительно наследница Киниски, Эгесихора. Но как ты оказалась на дороге? Слава богам!

— Я заезжала за тобой, чтобы покататься, а ты поехала в Ликей. Не стоило труда понять, что ищешь отца Гесионы, и это встревожило меня. Мы не умеем говорить с мудрецами, а они недолюбливают гетер, если те и красивы, и умны. По их мнению, сочетание этих свойств в женщине противоестественно и опасно,— спартанка звонко рассмеялась.

— И как ты сообразила явиться вовремя?

— Я проехала от Ликейской рощи выше к горам, остановилась там с лошадьми и послала конюха стоять на повороте и следить, когда ты поедешь. Он прибежал с известием, что вас бьют философы. Я едва успела, бросила его на дороге...

— Что будем делать? Надо скрыться, чтобы избежать наказания,— ты же покалечила моих врагов!

— Я проеду к Семи Бронзам, где живет Диорей, отдам ему колесницу, а потом поедем купаться на наше излюбленное место. Пусть твой эфеб едет за мной до поворота, а там ждите!

И отважная спартанка понеслась на своей бешеной четверке.

Они резвились, плавали и ныряли до вечера в уединенной бухточке, той самой, куда два года назад выплыл Птолемей.

Утомившись, Таис и Эгесихора растянулись рядом на песке, гудевшем под ударами волн, как бронзовый лист в полу храма. С визгом и скрежетом катилась галька с уходившего под воду каменного откоса. Благодатный ветер нежно касался усталых от зноя тел. Гесиона сидела у самой воды. Обхватив колени и положив на них подбородок, она напевала что-то неслышное в шуме волн.

— Разгневанный Стагирит подаст на тебя жалобу гипекономам,— сказала Таис,— он не простит нам.

— Меня он не знает,— поддразнила спартанка,— а ты назвалась ему. Скорее всего он пришлет десяток своих учеников разгромить твой дом.

— Придется просить друзей ночевать у меня в саду. Может быть, нанять двух-трех вооруженных сторожей — это будет проще, только подобрать людей похрабрее,— задумчиво сказала Таис,— они мне надоели, мои афинские друзья.

— Я не боюсь Стагирита, даже если дознаются, кто наехал на философов,— твердо молвила Эгесихора,— ведь я уже решила плыть со спартанцами в Египет. Об этом я и хотела сказать тебе на прогулке.

— Так что же ты молчала?— Таис поднялась, уселась на коленях и, поняв нелепость своего упрека, рассмеялась. И через мгновение снова озабоченно нахмурилась.

— И ты бросаешь меня одну в Афинах?

— Нет, зачем же,— невозмутимо парировала Эгесихора,— ты едешь со мной.

— Я не обещала этого ни тебе, ни себе самой!

— Так решили боги. Я была у прорицателя, того, чье имя не произносят, как и богини, которой он служит.

Таис вздрогнула и побледнела, зябко согнув гибкие пальцы на ногах.

— Зачем ты сделала это, зачем?

— Мне трудно расстаться с тобой, а я должна была дать ответ Эоситею Эврипонтиду.

— Он из древнего рода лаконских царей? И что ты сказала ему?

— Да!

— А что сказал тот, кто видит вдаль?

— Что тебе будет дорога кольцом на много лет. И мне, но мой путь короток, хотя буду вместе с тобой до его конца.

Таис молча смотрела перед собой в каменистую осыпь склона на трепещущие под ветром былинки. Эгесихора следила за ней, и странная печаль углубила уголки полного, чувственного рта спартанки.

— Когда они плывут?— вдруг спросила Таис.

— В двадцатый день боэдромиона. Из Гития.

— А туда?

— За неделю до того надо плыть из Пирея. Его собственный корабль возьмет нас со всем имуществом.

— Времени осталось немного,— молвила Таис, поднимаясь и стряхивая песок с живота, бедер и локтей.

Встала и Эгесихора, разделяя ладонью вьющиеся пряди тяжелых волос. Гесиона подбежала к Таис с куском ткани, служившим для стирания соли, обтерла ее. Почти не разговаривая, подруги доехали до дома Таис. Эгесихора, скрыв лицо под покрывалом, в сопровождении сильного конюха пошла домой уже в сумерках.

На следующий день вся Агора возбужденно обсуждала происшествие у Ликейской рощи. Афиняне, большие любители судачить и сплетничать, изощрялись в описании случившегося. Число «покалеченных» неуклонно возрастало, к полудню достигнув пятнадцати. Имя Таис повторялось то с восхищением, то с негодованием, в зависимости от возраста и пола говоривших. Но все почтенные женщины сходились на том, что надобно проучить «та метротен Кресса», критянку по матери, в своей наглости не постеснявшуюся нарушить покой обители великого мудреца. Гинекономы уже послали своего представителя к Таис, чтобы вызвать ее в суд для дачи показаний. И хотя сама Таис не обвинялась в серьезном преступлении и, кроме денежной пени, ей ничего не грозило даже при несправедливом обороте дела, ее подруга могла понести суровое наказание. Свидетели видели женщину, несущуюся на колеснице, а весь город знал, что тетриппой — четверкой лошадей, могла управлять только гетера Эгесихора. Ее покровители задержали дело, но вскоре выяснилось,

что один из сыновей влиятельного и знатного Аристодема изувечен копытами и колесами. Еще три ученика Стагирита требовали удовлетворения за поломанные ребра, руку и ногу.

В «тяжелые дни» метагейтниона (три последних дня каждого месяца, посвященные умершим и подземным богам) к Таис ночью внезапно явилась Эгесихора в сопровождении своих рабов и целого отряда молодых людей, нагруженных узлами с наиболее ценным имуществом.

— Все кончено,— объявила спартанка,— остальное я продала.

— А лошади?!— испуганно воскликнула Таис.

Хмурое лицо подруги вдруг просияло.

— Они уже на корабле, в Мунихионе. И я сама буду там еще до рассвета. Что же, прорицатель оказался не прав и воля богов разлучает нас?!

— Нет!— пылко сказала Таис.— Я решила тоже...

— Когда решила?

— Сейчас.

Лакедемонянка сжала подругу в сильных объятиях и вытерла слезы радости о ее волосы.

— Но мне нужно время, чтобы собраться. Я не буду продавать дом, оставлю его верному Акесию. И садовник с женой тоже останутся. Других — Клонарию, Гесиону и конюха — я возьму с собой. Нужно дня три...

— Пусть будет так: мы плывем в Эгину, а через три дня вернемся за тобой.

— Нет, лучше не возвращайся, а жди меня в Гераклее. Я найду моряков, которые охотно и не привлекая ничьего внимания перевезут меня. Поспеши, мы все решили.

— Таис, милая!— Эгесихора еще раз обняла ее.— Ты сняла камень с моей печени.

И спартанка, напевая, стала спускаться на пирейскую дорогу во главе своего импровизированного отряда.

«Я сняла, а ты положила»,— подумала Таис, глядя ей вслед. В вышине, над черными остриями кипарисов, сияли любимые созвездия, столько раз выслушивавшие ее немые мольбы к Афродите Урании. Гетера почувствовала небывалую тоску, будто она прощалась навсегда с великим городом, средоточием могущественной красоты, сотворенной десятками поколений эллинских художников.

Она послала Клонарию за Талмидом, могучим атлетом, жившим по соседству. Вооруженный кинжалом и медной дубинкой, он не раз сопровождал гетеру, любившую иногда побродить ночью. Таис хорошо платила, и Талмид не-

слышно крался позади, не мешая девушке чувствовать себя наедине с ночью, звездами, статуями богов и героев.

Таис медленно шла к Пеласгикону — стене из громадных камней, воздвигнутой далекими предками у основания Акрополиса. Может быть, то был могущественный народ, чья кровь текла в жилах полукритянки? Эти камни всегда привлекали Таис. И сейчас она коснулась рукой глыбы, прижалась всем телом к камню, ощущая сквозь тонкий хитон его неиссякаемую теплоту и твердость.

Темнота безлунной яркозвездной ночи была подобна просвечивающей черной ткани. Только в прозрачном и светоносном воздухе Эллады можно было испытать такое ощущение. Ночь одевала все вокруг, как тончайшее покрывало на статуе нагой Анахиты в Коринфе,— скрывая и одновременно открывая неведомые глубины тайных чувств.

Таис тихо взошла по истертым ступеням к храму Победы. Из-за плеча Пникса блеснул далекий огонек — лампада над Баратроном — страшной расселиной, напоминавшей афинянам про гнев Земледержца Посейдона. Туда низвергали жертвы грозным подземным богам и Эриниям. Таис еще не думалось об Аиде, и она не совершила ничего, чтобы опасаться богинь мести. Правда, боги завистливы! Яркая красота, веселье, успех и поклонение — все, чем была избалована Таис с пятнадцати лет, могут навлечь их гнев, и тогда последуют несчастья. Мудрые люди даже нарочно хотят, чтобы удачи перемежались с неудачами, счастье — с несчастьями, считая, что этим они предохраняют себя от более сокрушительных ударов судьбы. Таис это казалось нелепым. Разве можно купить себе счастье, склоняясь перед богами и моля о ниспослании несчастья? Коварные женщины-богини сумеют нанести удар настолько болезненный, что после него любое счастье покажется горьким. Нет, лучше, подобно Нике, подниматься на вершину утеса и, если уж падать с него, то навсегда...

Таис оторвалась от созерцания огонька над Баратроном и подумала, что завтра надо испечь магис, жертвенный пирог, Гекате — богине перекрестков, далеко разящей и не пропускающей запоздалых путников. И еще жертву Афине Калевтии — богине дорог. А там не забыть Афродиту Эвплою — богиню благоприятного плавания. Об этом позаботится Эгесихора.

Легкие, быстрые шаги Таис четко отдавались под колоннадой ее любимого храма Нике Антерос. Она присела

на ступенях и долго, прощаясь, глядела на крохотные огоньки, кое-где, как разбросанные ветром светлячки, мерцавшие на улицах милого города; на маяк в Пирее и два низких фонаря Мунихии. Наверное, корабль с Эгесихорой уже вышел в Саронский залив, держит путь на юг, в недалекую Эгину.

Таис спустилась к Агоре и, когда шла мимо старого, запустелого храма Ночи — Никтоона, сразу два «почных ворона» (ушастые совы) пролетели с правой стороны — двойное счастливое предзнаменование. Хотя и вокруг Афин, и в самом городе водилось множество этих священных птиц богини Афины, такое совпадение случилось с Таис впервые. Облегченно вздохнув, она ускорила шаги к угрюмым и массивным стенам древнего святилища Матери Богов. С упадком древней минийской религии святилище стало государственным архивом Афин, но те, кто продолжал верить во всемогущество Реи и женского начала в мире, приходили сюда ночью, чтобы, приложив лоб к угловому камню, получить предупреждение о грозящей опасности. Таис долго прижималась то лбом, то висками к отполированному веками камню, но не услышала ни легкого гула, ни чуть ощутимого дрожания стены. Рея-Кибела не знала ничего, и, следовательно, в ближайшее время гетере ничего не угрожало. Таис почти побежала к Керамику, своему дому, так быстро, что недовольный Талмид заворчал позади. Гетера подождала атлета, обняла его за шею и наградила поцелуем. Слегка ошеломленный, богатырь вскинул ее на руки и, несмотря на смешливый протест, понес домой.

В день отплытия, назначенный Таис, погода изменилась. Серые облака громоздились в горах, низко висели над городом, припудрили пеплом золотистый мрамор статуй, стен и колонн.

Эвриклидион, сильный северо-восточный ветер, оправдал свое название «вздымающего широкие волны» и быстро гнал маленький корабль к острову Эгине.

Таис, стоя на корме, повернулась спиной к уходящему назад берегу Аттики и отдалась успокаивающей качке на крупной зыби. Из памяти не выходила вчерашняя встреча с незнакомым ей человеком, воином, со следами ран на обнаженной руке и шрамом на лице, полускрытым бородой. Незнакомец остановил ее на улице Треножников, у статуи Сатира Перибоэтона («Всемирно известного»), изваянного Праксителем.

На нее в упор смотрели проницательные глаукопидные

глаза, и гетера почувствовала, что этому человеку нельзя сказать неправду.

— Ты — Таис,— сказал он тяжелым низким голосом,— и ты покидаешь наши Афины следом за Хризокомой-спартанкой.

Таис, дивясь, утвердительно склонила голову.

— Плохо идут дела в Афинском государстве, если его покидает красота. Красота женщин, искусства, ремесел. Прежде сюда стекалось прекрасное, теперь оно бежит от нас.

— Мне кажется, о незнакомец, что мои сограждане куда больше заняты тем, чтобы перехитрить соперников в войне и торговле, а не любуются тем, что создали их предки и их земля.

— Ты права, юная. Запомни — я друг Лисиппа, скульптора, и сам скульптор. Скоро мы отправимся в Азию, к Александру. Тебе не миновать той же цели — раньше или позже мы встретимся там.

— Не знаю. Навряд ли. Судьба влечет меня в другую сторону.

— Нет, так будет. Там Лисипп — он давно хочет повидаться с тобой. И я тоже. Но у него свои желания, у меня — другие...

— Поздно,— сказала гетера, искренне сожалея. Внимание одного из величайших художников Эллады льстило ей. Красивые легенды ходили о любви Праксителя к Фрине, Фидия — к Аспазии.

— А я не говорю: сейчас! Ты слишком юна. Для наших целей нужна зрелость тела, а не слава. Но время придет, и тогда не отказывай, Гелиайне!

Незнакомец, так и не назвав себя, удалился широким, полным достоинства шагом, а смущенная гетера поспешила домой...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
БЕГСТВО НА ЮГ

Стоя на палубе легкого судна, Таис думала о незнакомце. Неужели, когда сила жизни слабеет в народе и стране, тогда красота оскудевает в ней и ищущие ее уходят в иные земли? Так случилось с Критом, с Египтом. Неужели пришла очередь Эллады? Сердце сжимается при одном воспоминании о дивном городе Девы. Что перед ним Коринф, Аргос, ныне сокрушенные Фивы?..

Неловко ступая по качающейся палубе, к Таис подошла Клонария.

— Ты хочешь есть, госпожа?

— Нет еще.

— Кормчий сказал, что скоро Гераклея. Смотри, Эгина уже вся встала из моря.

— Где Гесиона?

— «Рожденная змеей» спит, как ее прародительница.

Таис рассмеялась и погладила девушку по щеке.

— Не ревнуй, буди «Рожденную змеей».

Гесиона, наскоро плеснув в лицо морской воды, появилась перед своей хозяйкой. Таис спросила фиванку о ее дальнейших намерениях. Хоть Гесиона умоляла взять ее с собой, гетере казалось, что та совершает ошибку, покидая Аттику, где больше возможностей отыскать отца. Самый большой в Элладе рынок рабов был в Афинах. Ежедневно на его помостах продавали по нескольку сотен людей. Через торговцев, связанных со всеми городами Эллады и окружающих Внутреннее море стран, была надежда узнать что-нибудь о философе Астиохе. Гесиона призналась, что после ночного появления Эгесихоры ходила к прорицателю. Он потребовал какую-либо вещь, принадлежащую ее отцу. Фиванка не без страха вручила ему маленькую гемму на тонкой цепочке, которую она прятала в узле своих волос. На зеленоватом «морском камне» — берилле — искусный камнерез воспроизвел портрет ее отца; тот подарил его дочери в ее нимфейный (невестин) день — всего три года тому назад. Прорицатель недолго подержал гемму в своих странных пальцах с квадратными концами, вздохнул и с непоколебимой уверенностью заявил, что философ мертв и, вероятно, та же участь постигла брата Гесионы еще на стенах их города.

— Теперь у меня только ты, госпожа,— сказала Гесиона, упорно называя так Таис, несмотря на запрещение,— как же мне не следовать за тобой и не делить судьбу? Не отвергай меня, хорошо?— девушка прижалась к коленям Таис.

— Видно, судьба!— согласилась Таис.— Но я не жена и не дочь аристократа, не царского рода, всего лишь гетера, игрушка судьбы, всецело зависящая от случая.

— Я никогда не покину тебя, госпожа, что бы ни случилось!

Таис посмотрела на фиванку лукаво и знающе, слегка высунув кончик языка, и девушка вспыхнула.

— Да, да! Власти Эроса страшится сама Афродита, что же делать нам, смертным?

— Я не люблю мужчин,— с отвращением воскликнула Гесиона,— а если полюблю... убью его и себя!

— Ты гораздо больше девочка, чем я думала, глядя на твое тело,— медленно сказала гетера, прищуривая глаза, чтобы разглядеть открывшуюся Гераклейскую гавань.

Их поджидали, верно рассчитав сроки плавания. Таис увидела Эгесихору, окруженную группой воинов, могучая стать которых была заметна издалека. В тот же день корабль, увезший Эгесихору из Афин и стоявший в Гераклее в ожидании Таис, вышел в трехдневное плавание к Гитию, недалеко от устья реки Эврота, в самой глубине Лакопского залива, где снаряжались спартанские суда. Если бы эвриклидион продолжал дуть, то плавание сократилось бы до двух дней, но в это время года северо-восточные ветры не были устойчивыми.

Друг Эгесихоры находился в Гитии, собирая свой большой отряд. Кораблем командовал его гекатонтарх — сотник, не понравившийся Таис слишком откровенными взглядами, которыми он старался пронизать ее химатион. Но Эгесихора помыкала воином как хотела, не стесняясь откровенного обожания со стороны меньших начальников и простых копьеносцев, исполнявших роль гребцов, и старого кривого кормчего, чей единственный, круглый, как у циклопа, глаз успевал замечать все творившееся вокруг. Малейшая неточность в ударе весла, несвоевременная отдача рулей, чуть-чуть замедлившая ход корабля,— все вызывало резкий окрик, за которым следовала ядовитая шутка. Воины прозвали старого кормчего Финикийцем, но относились к нему с почтением.

Воды Лаконского залива, гладкие, как голубое зеркало дочери Лебедя, подаренное ей самой Афродитой, казалось, замедляют ход судна, подобно густому напитку. На полпути, против мыса Кипарисов, море стало травянисто-зеленым. Сюда доходили воды Эврота — большой реки, в верховьях которой — в двухстах сорока стадиях от гавани — стояла столица Лакедемонии —Спарта. Слева высился крутой, скалистый и суровый кряж Тайгета — знаменитое на всю Элладу место, куда относили новорожденных, у которых знатоки из старейшин находили недостатки сложения или здоровья. Приблизилось устье Сменоса с пристанью Лас, заполненной множеством маленьких судов. Корабль прошел мимо нее, огибая широкий мыс, за которым находилась главная гавань Лакедемонии — Гитий.

Причалили к южной бухте, там, где крутой склон мыса загибался на север, запирая внутреннюю часть гавани. Глубокая вода стояла темным зеркалом, хотя несущий дождевые облака нот — южный ветер — с силой срывался

с прибрежной гряды, ударяя в противоположный край залива. Палуба корабля оказалась локтя на четыре ниже пристани и обтертые бревна ее закраины — на уровне голов Таис и Эгесихоры, стоявших на корме. Обеих гетер, одетых в яркие хитоны, Таис — в золотисто-желтый, а спартанка — в черный, как ночь, удивительно оттенявший золотую рыжину ее волос, заметили сразу. С криком «Элелеу!», «Элелеу!» к ним подбежало несколько воинов и впереди всех бородатый гигант Эоситей, протянувший обе руки Эгесихоре. Та отклонила помощь Эоситея и показала ему на переднюю часть корабля, где под навесом из тростника переступали копытами четыре коня. Спартанцы застыли в не меньшем восхищении, чем перед женщинами, когда воины и два конюха начали осторожно выводить косящихся, прядающих ушами жеребцов. Пара дышловых была той редкостной масти, что афиняне зовут левкофаэс — ослепительно белые, а пристяжная пара — левкопирры, или золотисто-рыжие, под цвет своей хозяйки. Сочетание белого с золотым считалось особенно счастливым с тех пор, как от древнего Крита пришло искусство делать хрисоэлефантинные статуи богов.

С пристани спустили мостки. Один из дышловых жеребцов, шедший первым, вдруг отказался ступать на гнущееся дерево и прыгнул прямо на пристань. Судно накренилось от мощного толчка, и второй белый конь, последовавший за собратом, не смог выскочить из корабля, а, зацепившись передними копытами за край пристани, остался стоять на дыбах. Корабль начал отходить от причала. Щель между стенкой и бортом стала увеличиваться. Эгесихора увидела, как в усилии удержаться напряглись все мышцы коня, вздулась большая жила на боку живота. Спартанка бросилась к коню, но ее опередил спрыгнувший с причала воин. Судно качнулось, копыта лошади начали соскальзывать с бревна, но воин с удивительной отвагой и силой подтолкнул жеребца под круп, буквально выбросив его на пристань. Он не сумел избежать удара задних ног и упал на шаткую палубу, однако тотчас же поднялся невредимый.

— Хвала Менедему!— крикнул предводитель спартанцев, а Эгесихора наградила силача горячим поцелуем.

— Ха, ха! Смотри, Эоситей, как бы не упустить свою хризокому!

— Нет, не бывать!

Вождь лакедемонян спрыгнул на судно, схватил Эгесихору и в мгновение ока оказался на пристани. По сходням

повели золотистых жеребцов, а Таис осталась на корме, смеясь над усилиями подруги освободиться от мощных объятий. Герой Менедем стоял на палубе, замерев от восхищения перед черноволосой афинянкой, чей медный загар и серые глаза подчеркивались желтым хитоном. Спартанец был одет только в эпоксиду — короткий хитон, закрепленный на одном плече. Единственным признаком воина на нем был широкий пояс. В борьбе с лошадью хитон упал с плеча, обнажив спартанца до талии. Таис с любопытством разглядывала его, вдруг вспомнив Поликлетова Копьеносца, моделью которому служил тоже лаконский юноша. Менедем обладал столь же могучим торсом, шеей и ногами, как знаменитая статуя. На выпуклой широченной груди могучими плитами лежали грудные мускулы, нижним краем немного не достигая правильной арки слегка выступающего реберного края. Ниже брюшные мышцы были столь толсты, что вместо сужения в талии нависали выступами над бедрами. Такая броня брюшных мускулов могла выдержать удар задних ног бешеного коня без всякого вреда. Самое узкое место тела приходилось на верхнюю часть бедер, хотя их мускулы и особенно голени вздувались широко выше и ниже колен.

Таис взглянула в лицо смущенному атлету. Он покраснел так, что маленькие уши и детски округлые щеки превратились в сплошное пунцовое пятно.

— Что же, Менедем,— поддразнила Эгесихора,— пожалуй, тебе не поднять Таис. Она — пентасхилиобойон (стоимостью в пять тысяч быков).

Спартанка намекала на цену, назначенную Филопатром на стене Керамика. Старинные серебряные монеты Афин, выпущенные еще Тесеем с изображением быка, когда-то равнялись стоимостью быку и потому так и назывались быками. Выкуп за невесту в древних земледельческих Афинах вносился всегда быками, почему девушка в семье называлась «быков приносящей». Самый большой выкуп равнялся ста быкам — гекатонбойон — примерно стоимости двух мин, и потому чудовищная цена «выкупа» Таис рокотом удивления прошла по группе воинов.

Менедем даже отступил на шаг, а Таис, звонко рассмеявшись, крикнула:

— Лови же!

Инстинктивно воин поднял руки, и девушка прыгнула с кормы. Ловко подхваченная Менедемом, она удобно уселась на широком плече, но тут Гесиона с воплем: «Не

оставляй меня, госпожа, с воинами!»— уцепилась за ногу афинянки.

— Возьми и ее, Менедем,— под общий смех сказала Таис, и атлет легко понес обеих девушек на пристань.

Весь следующий день, несмотря на налетавший временами дождь с ветром, Эгесихора и Эоситей проезжали, разминая вычищенных и выкупанных коней. Едва погода прояснилась и солнце высушило скользкую грязь, как спартанка предложила Таис съездить в столицу Лакедемонии. Дорога по долине Эврота исстари славилась удобством для конского бега. Двести сорок стадий, разделенные на два перегона, не составили дальней поездки для бегунов Эгесихоры. Колесница, на которой ехали Эоситей и Менедем, все время отставала от бешеной четверки. Весь путь до столицы промелькнул для Таис очень быстро, и, захваченная ездой — надо было крепко держаться на рискованных поворотах,— она совсем почти не обращала внимания на окрестность. Никогда прежде не бывала она в Спарте. Чем ближе они подъезжали к городу, тем большее число людей приветствовало Эгесихору. Вначале Таис думала, что возгласы и взмахи рук относятся к Эоситею, стратегу и племяннику царя Агиса, но люди бежали к ним с не меньшим энтузиазмом и тогда, когда колесница воинов осталась далеко позади. Они въехали в рощу могучих дубов, кроны которых сходились так плотно, что в лесу царствовал полумрак. Сухая земля, покрытая толстым слоем листьев, накопившихся, казалось, за сотни лет, напоминала пустыню. Миновав рощу, подхлестнули коней и так мчались до самого города. Эгесихора остановилась лишь у статуи Диоскуров, в начале прямой улицы, или аллеи, называвшейся Дромосом — Бегом. Спартанские юноши постоянно состязались здесь в беге. Прохожие с удивлением разглядывали колесницу с великолепными конями и двумя прекрасными женщинами. Но если в Афинах на такое явление сбежалась бы тысячная толпа, то в Спарте приезжих окружили лишь несколько десятков воинов и эфебов, очарованных красотой девушек и лошадей. Тем не менее, когда спутники догнали их и вместе выехали на широкую аллею, осененную гигантскими платанами, крики и приветствия возобновились с особенной силой.

Эоситей остановился около небольшого святилища, построенного на самом краю Платановой рощи — так называлась аллея. Эгесихора сошла с колесницы. Преклонив колени, она совершила возлияние и зажгла кусочек ароматной смолы лавзониевого кустарника. Менедем объяснил

Таис, что этот храм посвящен памяти Киниске, дочери Архидема, спартанского царя, первой из женщин Эллады одержавшей на Олимпийских играх победу в состязании тетрипп — очень опасном деле, требовавшем великого конного искусства.

— Она разве сестра Агиса? Святилище выглядит древним,— недоуменно спросила Таис.

Спартанец улыбнулся детской, чуть наивной улыбкой.

— Это не тот Архидем, отец нашего царя, а древний. Очень давно это было...

Спартанцы, видимо, признали Эгесихору наследницей своей героини, они несли ей цветы и наперебой звали в свои дома. Эосителй отклонил все приглашения и повез своих прекрасных спутниц в большой дом с обширным садом. Множество рабов разного возраста выбежали принять лошадей, а спартанец повел свою возлюбленную и ее подругу во внутренние, довольно скромно обставленные покои. Когда девушки остались на женской половине, вовсе не так строго отграниченной от мужской, как в Афинах, Таис спросила подругу:

— Скажи, зачем ты не останешься здесь, в Спарте, где ты родная, где нравишься народу?

— Пока у меня есть моя четверка, красота и молодость. А дальше что? Спартанцы бедны — видишь, даже племянник царя едет наемником в чужую страну. Поэтому я — гетера в Афинах. Мои соотечественники, мне кажется, увлеклись физическим совершенством и воинским воспитанием, а это недостаточно теперь для успеха в мире. В древности было иначе.

— Ты хочешь сказать, что лаконцы променяли образованность и развитие ума на физическую доблесть?

— Еще хуже. Они отдали свой мир чувства и разума за боевое военное превосходство и тотчас попали под жестокую олигархию. В беспрерывных войнах они несли смерть и разрушение другим народам, никому не желая ничего уступать. И теперь моих соотечественников в Спарте много меньше, чем афинян в Аттике. И спартанки отдаются даже своим рабам, лишь бы было больше мальчиков, которых рождается очень мало.

— Я понимаю теперь, почему ты не хочешь оставаться здесь, прости меня за незнание,— Таис обняла Эгесихору, и та, растроганная, прижалась к ней подобно Гесионе.

Спартанцы не хотели так быстро отпускать своих очаровательных гостей, день за днем заставляя их откладывать отъезд. Наконец Таис категорически заявила, что ее

люди разбегутся и ей пора приводить в порядок наспех собранные в путь вещи.

Обратный путь был гораздо более долгим. Таис хотела хорошенько посмотреть незнакомую ей страну. Поэтому Эгесихора и Эоситей умчались вместе на четверке, а Менедем стал возницей Таис. Они ехали не спеша, иногда сворачивая с главной дороги, чтобы посмотреть легендарное место или старый храм. Таис поразило огромное количество храмов Афродиты, нимф и Артемис. Святилища, скромные по размерам, укрывались в священных рощах, которыми была усеяна буквально вся Лакедемония. Поклонение женским божествам в Спарте соответствовало высокому положению спартанских женщин, свободно разъезжавших и ходивших повсюду без сопровождавших, отправлявшихся в одиночку в дальние поездки. Участие девушек в гимнастических упражнениях, атлетических соревнованиях, общественных празднествах наравне с юношами не удивляло гетеру — она много об этом слышала. Праздники здесь собирали не только показывавших свои достоинства обнаженных юношей, но и девушек, гордо шествовавших мимо толпы восхищенных зрителей в храм для жертвоприношений и священных танцев.

Все гетеры высшей коринфской школы считали себя знатоками танцев и руководили юными ученицами — аулетридами. Древнее сочинение о танцах Аристокла учили наизусть. Но превосходное исполнение танцев множеством людей прямо на улицах Таис впервые в жизни увидела в лаконской столице. В честь Артемис, здесь считавшейся богиней безупречного здоровья, совершенно нагие девушки и юноши танцевали «Кариотис» — очень гордый и величавый танец, или «Лампротеру» — танец чистоты и ясности. Танец «Гормос» исполнялся людьми постарше — обнаженные мужчины и женщины кружились кольцом, взявшись за руки, изображая ожерелье.

Совсем очаровал гетеру «Ялкаде» — детский танец с чашами воды. Слезы восторга подступили к горлу, когда она следила за рядами прелестных спартанских детей, полных здоровья и удивительно владевших собою. Все это воскресило в глазах Таис обычаи древнего Крита и предания о праздниках Бритомартис — критской Артемис.

Влияние древней религии с главенством женских божеств здесь ощущалось гораздо сильнее, чем в Аттике. В Спарте при меньшем числе людей было больше земли, и лаконцы могли отводить места под луга или рощи. Действительно, Таис видела по дороге гораздо больше стад,

чем на таком же отрезке пути от Афин до Соуниона — оконечного мыса Аттики, где над страшным обрывом у берегового утеса воздвигается новый храм Голубоокой Девы.

Менедем и Таис доехали до Гитейона лишь после заката и были встречены пожеланием долгой жизни и многих детей, какие раздаются во время гимфия — брачного торжества. Менедема это почему-то рассердило, он хотел было покинуть круг веселых соратников, как вдруг явился маленький мессенец и объявил, что все готово к завтрашней охоте. Военачальники, от самого стратега Эсхитея до последнего декарха возликовали.

В обширных камышовых зарослях между Эвротом и Геласом обосновалось стадо громадных кабанов. Их ночные вылазки нанесли немалый урон окрестным полям и даже священной роще, которую всю изрыли голодные свиньи. Охота на кабанов в камышах особенно опасна. Охотник ничего не видит вокруг, кроме узеньких тропинок, протоптанных животными в разных направлениях. В любое мгновение камыш может расступиться, пропуская разъяренного секача с длинными острыми, как кинжалы, клыками или взбешенную свинью. Движения животных подобны молнии. Растерявшийся охотник нередко не успеет сообразить, как оказывается на земле с ногами, рассеченными ударом клыков. Кабан еще не столь злобен: ударив, он пробегает дальше. Свинья хуже — свалив охотника, она топчет его острыми копытами и рвет зубами, выдирая такие куски мяса и кожи, что раны потом не заживают годами. Зато неистовое напряжение в ожидании зверя и короткое, яростное сражение с ним очень привлекают храбрецов, желающих испытать свое мужество.

Воины с таким увлечением принялись обсуждать план завтрашней охоты, что обе гетеры почувствовали себя забытыми. Этесихора не преминула напомнить о своей великолепной особе. Эсхитей прервал совещание, подумал недолго и внезапно решил:

— Пусть наши гостьи тоже примут участие в охоте. Вместе так вместе — и в Египет и в камыши Эврота!

Менедем поддержал его с такой горячностью, что старшие воины невольно рассмеялись.

— Это невозможно, господин,— возразил мессенец,— мы погубим красавиц, и только!

— Подожди!— поднял руку Эсхитей.— Ты говоришь, что тут,— он показал на чертеж местности, сделанный на земле,— древнее святилище Эврота. Наверняка оно стоит на холме.

— Совсем небольшой пригорок, от святилища осталось лишь несколько камней и колонн,— сказал охотник.

— Тем лучше. А здесь должна быть поляна: камыши ведь не растут на холме?

Мессениец согласно кивнул, и начальник воинов тут же распорядился изменить направление гона. Главные охотники укроются на окраине камышовой заросли, перед поляной, а обе гетеры спрячутся в развалинах храма. Другая часть воинов будет сопровождать загонщиков на случай нападения зверей. Небольшой щит и копье — вот и все вооружение смельчаков, более опытные прибавили к этому длинные кинжалы.

Кутаясь в светлые, под цвет сухих камышей химатионы, Эгесихора и Таис старались улечься поудобнее на широких глыбах перекрытий, еще уцелевших на шести низких колоннах святилища Эврота. Им строго приказали не подниматься и не шевелиться, когда загонщики погонят кабанов к реке, и обе подруги старались заранее найти удобное положение. Поляна была как на ладони. Отчетливо различались фигуры Эоситея, Менедема и еще двух охотников, укрывшихся за пучками сухого камыша у высокой стены зарослей, к западу от поляны. Чтобы показать презрение к опасности, лакедемоняне были без одежды, как в военных упражнениях, и разрешили себе только боевые положья. Гетеры понимали, что каждый из них рискует очень многим. Уход из жизни для профессионального воина не представлял ничего ужасного — в каждом эллине было воспитано мудрое и спокойное отношение к смерти. Надгробные памятники и в Аттике, и в Лаконике, и в Беотии говорили о задумчивом прощании, светлой и грустной памяти об ушедших, без протеста, отчаяния или страха. Но для спартанца-воина куда хуже, чем смерть, было увечье, лишавшее его возможности сражаться в рядах своих соплеменников, а свободный лакедемонянин ничего больше не хотел.

Послышался треск камыша, и на поляне показался огромный секач. Подруги замерли, вжавшись в камень. Зверь принюхивался, поворачивая туда-сюда свое тело. Негнущаяся шея не давала возможности кабану вертеть головой, и эта особенность зверей спасла немало охотничьих жизней.

Из-за камышовой кочки медленно поднялся Менедем. Опустив левую руку так, что щит прикрыл нижнюю часть живота и бедра, он слегка свистнул. Кабан мгновенно повернулся и получил удар копья глубоко в правый бок; со

звонким хрустом сломав древко, он ринулся на атлета. Клыки глухо лязгнули по щиту, и Менедем не устоял. Оступившись, спартанец полетел вверх тормашками в неглубокую яму. С боевым кличем на зверя набросился Эоситей. Кабан подставил ему левый бок, и все было кончено. Сконфуженный Менедем начал укорять своего начальника за вмешательство. Гораздо интереснее было бы самому прикончить зверя!

А через несколько минут, едва только зашумели-загремели загонщики, от камышей внезапно выскочило сразу не меньше десятка крупных кабанов. Звери опрокинули двух воинов, стоявших у правого угла поляны, понеслись к реке, повернули и напали на Эоситея и Менедема. Менедем отбивался от взбешенной свиньи, а Эоситей сразу же был повержен особенно громадным секачом. Седая щетина высоко вздыбилась на могучем хребте, слюна и пена летели с лязгающих клыков в ступню длиной. Эоситей, потеряв щит, выбитый ударом зверя, бросив копье, вжался в землю и крепко сжимал длинный персидский нож. Секач резким толчком рыла старался подбросить его, чтобы достать клыками, клал на спину спартанца огромную голову и, подгибая передние ноги, силился зацепить клыками. А Эоситей отодвигался, напряженно следя за чудовищем, и все никак не мог нанести ему смертельный удар. Эгесихора и Таис не дыша следили за борьбой, забыв про Менедема, сдерживавшего атаку старой, опытной в сражениях свиньи. Эгесихора вдруг вцепилась в плечо Таис: секач подталкивал Эоситея к выступу кочковатой почвы, еще немного, и стратегу некуда будет подвигаться, и тогда...

— Аи-и-и-и!— издала пронзительный «ведьмин» визг Таис.

Кабан резко метнулся в сторону, чтобы взглянуть на нового врага. Этого мгновения хватило Эоситею, чтобы ухватить секача за заднюю ногу и погрузить кинжал в его бок. Кабан вырвался, только Геркулес или Тесей могли бы удержать такого гиганта, и прянул к Таис. Знаменитая танцовщица обладала реакцией амазонки, успела откинуться назад и свалиться по ту сторону каменной плиты. Секач всей тяжестью грянул о камень, проборозднв на пестрых лишайниках глубокую, забрызганную кровью рытвину. Эоситей, подобрав копье, прыгнул к зверю, который уже изнемог от раны и позволил нанести себе еще удар, закончивший схватку. Слева раздался победный вопль — это товарищи Эоситея и Менедема справились наконец со своими зверями, да и Менедем прикончил свинью.

Спартанцы собрались вместе, отирая пот и грязь, восхваляя Таис, получившую все же два порядочных синяка при падении на камни. Загонщики уже миновали заросли перед поляной, и гон ушел к северу там, где стояли младшие военачальники. Четверо охотников, сражавшихся на поляне, решили идти к Эвроту, омыться и поплавать после битвы, пока слуги будут разделывать добычу и готовить мясо для вечернего пира. Эоситей посадил Таис на свое широкое, порядком исцарапанное плечо и понес к реке, сопровождаемый шутливо-ревнивой Эгесихорой и неподдельно угрюмым Менедемом.

— Смотри, Эоситей, предупредил ли ты наших красавиц об опасных свойствах Эврота?!— крикнул Менедем в спину начальнику, широко шагавшему со своей прекрасной ношей. Эллины любили носить обожаемых женщин — это служило знаком уважения и благородства стремлений. Стратег не ответил и, только опустив Таис на землю у самого берега, сказал:

— Эгесихора знает, что Эврот течет из-под земли. В его верховьях, около Фения в Аркадии, где «Девять Вершин», есть развалины города, называвшегося в честь жены Ликаона, пеласга, сына Каллисто. Под девятиглавой горой Ароанией есть ущелье страшной глубины, в котором даже летом лежит снег. Из ущелья небольшим водопадом падает на скалу ручей Стикс. Вода его смертельна для всего живого, разъедает железо, бронзу, свинец, олово и серебро, даже золото. Черная вода Стикса бежит в черных скалах, но потом становится ярко-голубой, когда скалы испещряются вертикальными полосами черного и красного — цветами смерти. Стикс впадает в Критос, а тот — в нашу реку и, растворяясь в ней, делается безвредным. Но в какие-то дни, известные лишь прорицателям, струи Стиксова ручья не мешаются с водой Эврота. Говорят, их можно увидеть — они отливают радугой старого стекла. Того, кто пробудет в этой струе некоторое время, ждет аория — безвременная смерть. Вот почему купанье в нашей реке иногда может причинить беду.

— А как же вы все? Неужели не решаетесь?

— Клянусь Аргоубийцей, мы даже не думаем об этом,— сказал подоспевший Менедем,— всех нас ждет аоротанатос (ранняя смерть).

— Тогда зачем же пугаете нас?— укорила спартанцев Таис, распуская узел ленты под тяжелым пучком волос на затылке. Черные их волны рассыпались по плечам и спине. Словно бы в ответ Эгесихора выпустила на свободу свои

золотые пряди, и Эоситей восхищенно хлопнул себя по бедрам.

— Смотри, Менедем, как хороши они рядом. Золотая и черная, им всегда надо быть вместе.

— А мы и будем вместе!— воскликнула Эгесихора.

Таис медленно покачала головой.

— Я не знаю. Я не договорилась еще с Эоситеем о навлоне — цене моего проезда в Египет. У меня не так много серебра, как сплетничают в Афинах. Мой дом там стоил немало.

— Зачем же ты поселилась вблизи Пеларгикона!— сказала Эгесихора,— я давно говорила тебе...

— Как ты сказала?— невольно рассмеялась Таис.

— Пеларгикона — Аистового склона. Так шутя называют лакедемоняне ваш Пеласгикон в Акрополе. Ну, пойдем выше по течению. Я вижу там ивовую рощу.

Ивы особенно почитались гетерами, как деревья, посвященные могучим и смертоносным богиням — Гекате, Гере, Цирцее и Персефоне. Ивы играли немалую роль в колдовских, в лунные ночи, обрядах Богини-Матери.

Низко нависшие над водой стволы старых деревьев купали свои ветви в быстрых светлых струях, как бы отгородивших занавесью глубокую заводь. Таис, закрутив натуго волосы, поплыла к другому берегу, оставив позади хуже плававшую и осторожную на воде подругу. Белые водяные лилии — ненюфары сплошь покрыли своими листьями глубокий омут под берегом, весь залитый полуденным солнцем. Таис с детства любила заросли ненюфар: казалось, в темной и глубокой воде они скрывали какую-то тайну — или обиталище прекрасных нимф реки, или утонченную драгоценную вазу, или сверкающий перламутр раковины. Таис быстро научилась нырять. Как ей нравилось уходить вглубь, под кувшинки, и любоваться солнечными столбиками, просекающими сумрачную воду! И вынырнуть вдруг на ослепительный зной среди плавающей зелени и цветов, над которыми вьются радужнокрылые стрекозы!..

И сейчас, как в детстве, Таис выпырнула средь лилий. Нащупав ногой ослизлый корявый ствол на дне, она стала на него, широко раскинув руки поверх листвы и озираясь вокруг. Было тихо. Только журчанье струй по камешкам и ветвям нарушало знойную тишину боэдромиона — последнего месяца лета. В подмыве берега чернели гнезда щурков. Красивые, зеленые с золотом, птицы уже давно вывели птенцов и научили их летать. Остроносые наряд-

ные и быстрые щурки сидели в ряд на сухой ветке, греясь на солнце после ночной прохлады. «Скоро, совсем скоро они улетят на юг, в Либию, откуда появляются каждый год,— подумала Таис,— а еще раньше поплыву туда я». Она оглянулась на тихую, горящую в солнце заводь, железно-зеленую листву старых ив и заметила двух гальцион — зимородков. Они мелькали ярко-синей пестрядью своих коротких крыльев над сломанным деревом. В детстве Таис жила на небольшой реке. Милые воспоминания подступили к ней, пробежали грустной радостью и умчались вдаль. Светлый и горький опыт жизни! Она узнала необъятное море, его власть и мощь, так же как и людское море жизни. Но оно не страшило молодую гетеру. Полная сил и уверенности в себе, она стремилась дальше в Египет, всегда бывший для эллинов страной мудрости и тайны...

В протоке, казавшейся сумрачным коридором из деревьев, сплетавших свои ветви-руки с противоположных берегов, она не сразу нашла Эгесихору. Спартанка удобно устроилась над водой на толстом изгибе ствола, распустив свои великолепные волосы по обе стороны дерева, подобно покрывалу золотистого шелка. Ее белая кожа, оберегаемая от загара, отливала молочно-опаловым блеском, свойственным только истинным хризеидам, золотоволосым. Таис, смуглая наперекор аттической моде, выбралась на дерево и в тени, с иссиня-черными волосами критянки, показалась сожженной солнцем жительницей южных стран.

— Довольно нежиться, слышишь, нас зовут,— сгибая пальцы, как когти хищника, Таис угрожающе подбиралась к ступням подруги.

— Не боюсь,— сказала спартанка, толкнув ногой Таис, которая не удержалась на стволе и сразу полетела в воду. Эгесихора тоже скатилась с дерева и с негодующим воплем:— Волосы! Напрасно сушила!— окунулась с головой в глубокий омут.

Обе гетеры дружно поплыли на берег, оделись и принялись расчесывать друг другу косы.

Купанье, пробудившее детские воспоминания Таис, вызвало приступ грусти. Как бы ни манили далекие страны, надолго покидать родину всегда печально. И афинянка спросила у подруги:

— Скажи, тебе не хотелось бы вернуться в Афины сейчас, без промедления?

Эгесихора удивленно и насмешливо сощурила один глаз.

— Что тебе взбрело в голову? Меня схватят при первом появлении...

— Мы можем причалить к Фреатто и вызвать туда судилище.— Таис напомнила спартанке о древнем обычае афинян. Каждый изгнанник или беглец мог причалить на корабле к берегу около Пирея, где находился колодец, и с борта корабля оправдываться перед судом в возведенных на него обвинениях. Место считалось священным, и, даже если изгнанник признавался виновным, ему не грозила погоня, пока он был на своем корабле.

— Я не верю в святость этого обычая. Твои соотечественники стали вероломны за последние века, после Перикла,— ответила Эгесихора,— впрочем, я не собираюсь возвращаться. И тебе нечего бояться — мои спартанцы довезут до самого места...

Опасения Таис, что ей не хватит серебра, на уплату за проезд, не оправдались. Эоситей позволил, не без участия Эгесихоры, ей взять всех слуг и обещал доставить не до Навкратиса, а прямо до Мемфиса, где в бывшем тирском стратопедопе — военном лагере — должен был разместиться отряд спартанских наемников.

Таис отлично переносила морскую качку. Навсегда запомнился ей энатэ фтинонтос — девятый день убывающего боэдромиона, когда корабль стратега и наварха Эоситея вплотную подошел к берегам Крита. Они плыли, не заходя на Китеру, прямиком по Ионическому морю, пользуясь последними неделями предосеннего затишья и стойким западным ветром. Лакедемонцы всегда были отличными мореходами, а вид их судов внушал ужас всем пиратам Критского моря, сколько бы их ни было. Корабли прошли близ западной оконечности Крита, обогнули Холодный мыс, иначе Бараний лоб, на юго-западе острова, где в дремучих лесах, по преданиям, еще обитали древние демоны. Леса покрывали весь остров, казалось, состоящий из одних гор, почти черных вдали и светлых, белеющих обрывами известняков у побережья.

Корабль Эоситея вошел в широкий, открытый всем южным и западным ветрам Срединный залив. Над ним расположились сразу три древних города, и среди них самый старый, не уступающий Кноссу — Фест, чье основание тонет во тьме прошедших времен. Перед тем как идти к Прекрасным Гаваням, где надлежало запастись водой для долгого перехода к Египту, корабли причалили у Маталы. Здесь они должны были пробыть несколько дней.

Темные закругленные выступы горных склонов, покры-

тых лесом, спускались к воде, разделенные серповидными вырезами светлых бухт, сверкающих на солнце пеной наката и колеблющимися зеркалами прозрачной воды. Сияющая синева открытого моря у берегов Крита превращалась в лиловую, а ближе к берегу в зеленую кайму, с упорным равнодушием моря плескавшуюся на источенные черными ямами и пещерками белые известняки.

Туманная синева плоскогорий укрывала развалины громадных построек невообразимой древности. Неохватные тысячелетние оливковые деревья выросли из расселин разбитых землетрясениями фундаментов и лестниц, из исполинских камней. Мощные, расширявшиеся кверху колонны еще подпирали портики и лоджии; угрюмо и грозно чернели входы в давно покинутые дворцы. Платаны и кипарисы, поднявшиеся высоко, затеняли остатки стен, где из-под обрушенных обломков, там, где уцелевшие перекрытия защищали внутренние росписи, проступали человеческие фигуры в красках ярких и нежных.

У одного из хорошо сохранившихся зданий Таис, повинуясь неясному влечению, взбежала на уцелевшие ступени верхней площадки. Там, в кольце растрескавшихся колонн, местами сохранивших темные пятна,— следы пожарища, под уложенными ступенчатыми плитами кровли оказался круглый бассейн. Великолепно притесанные глыбы мрамора с зелеными прожилками слагали верхнее кольцо глубокого водоема. Вода просачивалась через пористый известняк, загородивший выход источника, фильтруясь, приобретала особенную прозрачность и стекала по отводной трубе, поддерживавшей постоянный уровень водоема уже в течение многих столетий. Яркая синева неба через центральное отверстие кровли высвечивала голубизной священную воду. Бассейн предназначался для ритуальных омовений жрецов и жриц, перед тем, как приблизиться к изображениям грозных божеств — Великой Матери и Потрясателя Земли (Посейдона), погубившего критское царство и великий народ.

Странный запах почудился Таис. Возможно, камни бассейна еще хранили аромат целебных трав и масел, которыми некогда славился Крит. Стены водоема впитали навсегда аромат священных омовений, совершавшихся здесь тысячелетиями... Таис вдруг сбросила одежду и погрузилась в чуть слышно журчавшую воду, как бы прикоснувшись к чувствам своих далеких предков. Встревоженный зов Эгесихоры вернул ее к действительности.

Спартанка поддавалась смутному ощущению страха,

внушенного величественными развалинами непонятного и неизвестного назначения. Таис оделась и поспешила навстречу подруге.

Эгесихора остановилась около изображения женщины в светло-голубой одежде, с развевавшимися крупными завитками черных волос, и поманила к себе спутников.

Большой глаз, смотревший открыто и лукаво, гордые — тонкой чертой — брови, прямой нос, немного длинный и не с такой высокой переносицей, как у эллинов, особая форма рта, соединившая чувственность с детским очерком короткой верхней губы, чуть выступающая нижняя часть лица...

Эгесихора обняла ладонями необычайно тонкую талию подруги, стянув складки хитона, и спартанцы с восторгом захлопали в ладоши: если не сестра, то родственница изображенной на стене дворца женщины стояла перед ними в образе Таис.

Странное чувство тревоги проникло в душу Таис. Слишком велика была древность смерти, откуда выступила эта критская женщина, слишком давно ушли в подземное царство те, кто строил эти дворцы, писал портреты красавиц, сражался с быками и плавал по морям. Таис поспешила на солнечный свет, зовя за собой притихших спутников и смущенную, словно она заглянула в запретное, Эгесихору.

На южном берегу Крита солнце заливало землю ослепительным светом, но не было дивной прозрачности воздуха, свойственного Элладе. Голубоватая дымка задергивала дали, и зной казался злее и сильнее, чем на аттических берегах.

По слабо всхолмленному плоскогорью от развалин протянулась полоса каменных плит, углубившихся в почву, заросших высокой сухой травой и покрытых лишайниками. В конце этой древней дороги, там, где она скрывалась во впадине, стояла громадная глыба, а на ней высеченные высокие бычьи рога, словно один из подземных быков Посейдона начал выбираться на поверхность, напоминая людям, что они всего лишь эфемерные обитатели Геи и ходят по зыбкой почве, под которой гнездятся, зреют и готовятся к ужасным потрясениям невидимые стихии.

Длинные тени пролегли от рогов и протянулись к Таис, стараясь захватить ее между своими концами. Так, должно быть, священные пятнистые быки Крита нацеливались на девушек — исполнителей ритуального танца-игры. Гетера быстро прошла между полосами теней до залитой солнцем вершины второго холма, остановилась, посмотрела кругом

и всем своим существом поняла, что земля ее предков — это область мертвых, стертых временем душ, унесших свои знания, мастерство, чувство красоты, веру в богов, песни и танцы, мифы и сказки в темное царство Аида. Они не оставили после себя ни одного надгробия, подобного эллинским, в которых лучшие ваятели отражали живую прелесть, достоинство и благородство ушедших. Глядя на них, потомки стремились быть похожими на предков или превзойти их. Таис не могла забыть чудесные надгробия Керамика, посвященные молодым, как она сама, женщинам, вроде столетней давности памятника Гегесо, сохранившего образ юной женщины и ее рабыни. А здесь не было видно некрополей. Замкнувшись на своем острове, недоступном в те времена никому, критяне не передавали своего духовного богатства окружавшим народам.

Богоравные дети моря, они закрыли свой остров завесой морской корабельной мощи, не опасаясь нападений диких народов. Никаких следов укреплений не видела Таис, не описывали их и путешественники. Прекрасные дворцы у самых гаваней, богатые города и склады, настежь открытые морю и незащищенные с суши, наглядно говорили о силе морского народа.

Непостижимо прекрасное искусство критян совсем не изображало военных подвигов. Образы царей-победителей, избиваемых жертв, связанных и униженных пленников отсутствовали во дворцах и храмах.

Природа — животные, цветы, морские волны, деревья, и среди них красивые люди, преимущественно женщины, жертвоприношения и игры с быками, странные звери, невиданные ни в Элладе, ни на финикийских побережьях. Высота их вкуса и чутья прекрасного удивляла эллинов, считавших себя превыше всех народов Ойкумены.

Легкая радостная живопись, полная света и чистых красок. Изваяния, посвященные женщинам, зверям и домашним животным, удивительные раковины, сделанные из фаянса, и... никаких могучих героев, размахивающих мечами, вздымающих тяжкие щиты.

Разве была еще где-нибудь в мире такая страна, отдавшая все свое искусство гармонической связи человека и природы и прежде всего женщине? Могущественная, древняя, существовавшая тысячелетия? Разве не знали они простого закона богов и судьбы, что их нельзя искушать длительным процветанием, ибо следует расплата, страшное вмешательство подземных божеств? Вот боги и покарали их за то, что дети Миноса забыли, в каком мире

они живут. Обвалились великолепные дворцы, остались навсегда непрочитанными письмена, утратили свой смысл фрески тончайшей живописи... И заселили остров чужие племена, враждующие между собой и со всеми другими народами, которые так же относятся к истинным обитателям Крита, как варвары гиперборейских лесов к эллинам и их предкам пеласгам.

Спартанцы шли позади задумчивой Таис, с удивлением взирая на нее, не решаясь нарушить ее размышлений.

Неужели и солнечная красота, созданная и собранная Элладой, тоже исчезнет в Эребе, как сверкающий поток исчезает в неведомой пропасти? А Египет, куда она так стремится! Не будет ли он тоже царством теней, растворяющейся в новой жизни памятью о былом? Не поступила ли она легкомысленно, оставив Элладу? Что ж, назад путь не закрыт, в Афинах остался ее дом и...

Таис не додумала. Беззаботно тряхнув головой, она побежала вниз по вьющейся меж горных отрогов тропинке, не слушая удивленных спутников. Она остановилась только в виду бухты с мерно качавшимися кораблями. Скоро великое море разделит ее и все то родное, что осталось в Элладе. Единственно близким человеком с ней будет Эгесихора — подруга полудетских грез и взрослых разочарований, спутница успеха...

Кормчий говорил, что до берега Либии отсюда четыре тысячи стадий. И еще плыть тысячу стадий вдоль берегов до Навкратиса. При благоприятном ветре дней десять пути. На других кораблях египтяне повезут их по одному из рукавов великой дельты Нила. Не меньше тысячи стадий надо проплыть до Мемфиса вверх по реке.

Афродита Эвплоя — богиня моряков — была милостива к Таис необыкновенно. Очень редко в конце боэдромиона стояла погода, похожая на гальциоковые, зимородковые дни перед осенним равноденствием. В самую середину шумно-широкого моря вошли корабли, когда безветрие вдруг сменилось знойным и слабым Нотом. Гребцы выбились из сил, гребя против ветра, и Эоситей велел отдохнуть до вечера, щадя силы свободных воинов. Он намеренно не взял рабов, чтобы корабли вместили весь большой отряд.

На синей поверхности моря, распыляющейся вдали голубой дымкой, ходили плавные волны мертвой зыби, раскачивавшей неподвижные корабли, словно уток на ветреном озере. С либийских берегов дул несильный, но упорный горячий ветер, приносивший сюда, за две тысячи стадий, на середину моря, дыхание яростных пустынь. Та-

кое же расстояние отделяло корабли и от критских берегов.

Эгесихора со страхом вглядывалась в темно-синие впадины между волнами, стараясь представить себе страшную, никем не измеренную бездну морской глубины. Таис лукаво поглядывала по подругу, распаренную и утратившую свой обычный вид победоносной богини. На палубе под навесом и в трюме лениво разлеглись люди. Более крепкие или более нетерпеливые, стояли, прислонившись к ивовым плетенкам над бортами, и пытались найти прохладу в веянии ливийского Нота, под легким напором которого корабли едва заметно отступали назад, к северу.

Хмурый Эоситей, недовольный задержкой, сидел в кресле на корме. Около него в различных позах развалились на тростниковой циновке, подобно простым воинам, его помощники, снявшие с себя одежду.

Таис незаметно поманила Менедема.

— Ты можешь подержать мне весло?— и объяснила недоумевающему атлету, что она хочет сделать.

Менедем втащил огромное весло поглубже в отверстие уключины, чтобы его лопасть стала перпендикулярно борту. Под удивленными взглядами всех находившихся на палубе Таис сбросила одежду, прошла по обводному брусу снаружи, держась за плетеную стенку, ступила на весло, немного постояла, примеряясь к размахам качки, и вдруг оттолкнулась рукой от борта. С ловкостью финикийской канатоходки Таис пробалансировала на весле, мелкими шажками пробежала до конца и бросилась в воду, скрывшись в глубине темноцветной маслянистой волны.

— Она сошла с ума!— крикнул Эоситей, а Гесиона с горестным воплем кинулась к борту.

Черная голова Таис, туго обтянутая традиционной лентой лемнийской прически, уже появилась на вершине волны. Гетера поднялась из воды, посылая смотревшим на нее спартанцам поцелуй и звонко хохоча. Эоситей, забывший обо всем, удивленно вскочил и подошел к борту в сопровождении Эгесихоры.

— Это еще что такое? Уж не дочь ли самого Посейдона твоя черноволосая афинянка? Ее глаза не голубые, однако!

— Не нужно искать потомков богов среди нас, смертных,— засмеялась спартанка,— ты видел ее таинственное сходство с теми, кто покинул критские дворцы тысячу лет назад? От матери-критянки в ней возродились ее предки. Критянин Неарх рассказывал мне, что они нисколько не боятся моря.

— Мы, спартанцы, тоже владеем морским искусством лучше всех других народов!

— Но не лучше критян! Мы боремся с морем, опасаемся его, избегаем без крайней нужды его коварных объятий, а критяне дружат с морской стихией и всегда готовы быть с ней — в радости и в печали. Они понимают море как любовника, а не изучают как врага.

— И все это тебе открыл Неарх? Я что-то слышал, будто вы обменялись клятвой Трехликой Богини? Он бросил тебя как ненужную игрушку и ушел в море, а ты ночами рыдала на берегу. Если мы встретимся...

Начальник воинов не кончил, встретившись с потемневшим взглядом гетеры. Она вскинула голову, раздув ноздри, и вдруг рванула головную повязку, сбросив на спину всю массу своих золотистых волос. Едва она поднесла руки к застежкам хитона, как Эоситей остановил ее.

— Что ты хочешь делать, безумная?! Ты плаваешь хуже Таис...

— И все же последую за ней, доверяясь критскому чутью, если никто из храбрых моих соотечественников не может одолеть своего страха. Они больше любят сплетничать, как афиняне!

Эоситей подпрыгнул, как от удара бичом, метнул на свою возлюбленную яростный взгляд и, не сказав ни слова, рипулся за борт. Огромное тело спартанца упало неловко в провал между волнами, издав тупой и громкий всплеск. Таис, издалека наблюдавшая сцену между подругой и начальником, стрелой скользнула под волнами на помощь Эоситею. Она поняла, что лаконский начальник, хоть и отличный пловец, не умеет прыгать с высоты в волнующееся море и сильно ушибся о воду. Эоситей, оглушенный и опрокинутый волной, почувствовал, что кто-то подтолкнул его из глубины. Вынырнув, он очутился на гребне встающего вала, набрал воздуха и опомнился, увидев рядом веселое лицо Таис. Рассерженный собственной неловкостью, еще более уязвленный при воспоминании о великом пловце Неархе, спартанец оттолкнул протянутую руку афинской гетеры, окончательно справился с собой и поплыл прочь с каждым взмахом рук все увереннее. С боевым кличем следом за начальником с его корабля и других в шумящую синюю воду посыпались десятки тел.

— Лови ее!— кричали воины, строясь в цепочку наподобие невода и окружая Таис, будто легендарную морскую нереиду. Афинянка, легко скользя, уплывала все дальше, а воины старались догнать ее.

Эоситей, охладившись в море, снова стал энергичным навархом.

— Остановите ее! Шалая девчонка перетопит моих воинов!— завопил он, поднимаясь над водой и делая энергичные жесты, приказывая Таис вернуться.

Она поняла и повернула назад, прямо в полукруг гнавшихся за ней спартанцев. Те остановились, поджидая, чтобы с торжеством схватить беглянку. Под ликующие крики Таис оказалась в тесном кольце преследователей, десятки рук протянулись к ней со всех сторон, и тут гетера исчезла. Воины заметались, ныряя в разные стороны, но Таис, нырнувшая глубже всех, успела проплыть под водой четверть стадии и появилась далеко за линией преследователей. Пока они поворачивали и набирали скорость, афинянка была уже у корабля и уцепилась за брошенный канат. Менедем вытащил ее на палубу, к разочарованию «охотников». В довершение позора многие из пловцов ослабели в погоне и борьбе с волнами, и их пришлось поднимать на корабли. Эоситей, запыхавшийся, усталый, но незлой, вылез по сброшенной ему лестнице и первым делом подошел к афинянке, которую Гесиона уже обернула простыней, осушая волосы египетским полотенцем.

— Тебя следовало бы оставить посреди моря!— воскликнул лакедемонянин.— И клянусь Посейдоном, в следующий раз я принесу ему эту жертву!

— И ты не побоишься мятежа?— спросила Эгесихора, вступаясь за подругу.— Впрочем, я уверена, что она приплывет верхом на дельфине раньше нас. Вот они, явились,— спартанка показала на белые пятна пены, сопровождавшие мельканье стремительных черных тел, привлеченных игрой своих собратьев-людей.

— Где научилась она так плавать?— буркнул Эоситей.— И еще ходить по веслу в качку: это потруднее, чем по канату!

— Нас всех учили искусству равновесия в школе гетер Коринфа — без этого нельзя исполнять танец священных треугольников. А искусству плавать так не научишься, надо родиться дельфином!..

Гесиона, осторожно массируя голову Таис, робко выговаривала ей, упрекая в искушении судьбы.

— И как не боишься ты, госпожа, предстать обнаженной перед таким сборищем воинов. Они ловили тебя, как дельфина!— закончила девушка, оглядываясь кругом и как бы опасаясь нового нападения.

— Если вокруг тебя много истинно храбрых и сильных

мужчин, ты можешь считать себя в полной безопасности,— смеясь, отвечала ей гетера,— они ведь эллины и, особенно, спартанцы. Запомни это, пригодится. Кроме всего, помни, что мужи обычно застенчивее нас. Если мы следуем обычаям, то оказываемся гораздо смелее, а они смущаются.

— Почему же именно спартанцы?

— Потому что спартанцы — гимнофилы, любящие наготу, как тессалийцы, в противоположность гимнофобам — вам, беотийцам, македонцам. Тут спартанцы стоят против моих афинян, как в Ионии эолийцы против лидийцев.

— Про эолийцев я читала. У них даже наш месяц Мунихион называется Порнопионом.

— Впрочем, все эллины не считают одежду признаком благовоспитанности. А спартанцы и тессалийцы взяли обычаи и законы древних критян. У тех появляться нагими на праздниках и пиршествах было привилегией высшей аристократии.

— Наверное, отсюда родилась легенда о тельхинах — демонах обольщения, до сих пор живущих на Крите и в глухих местах Ионии?

— Может быть... Но пойдем за нашу загородку, мне хочется отдохнуть после моря. Клопария разотрет меня.

— Я, госпожа, позволь мне!

Таис кивнула головой и, закутанная в простыню, удалилась в крошечное отделение под рулевой палубой, отведенное ей, Эгесихоре и их рабыням.

Растирая Таис душистым маслом, Гесиона спросила, вновь возвращаясь к беспокоившей ее теме.

— А египтяне, они кто: гимнофилы или нет?

— Гимнофилы, самые древние из всех народов, а слыхала ли ты об Афродите Книдской?

— Той, что изваял Пракситель, твой соотечественник?

— Он создал две статуи Афродиты с одной и той же модели, гетеры Фрины,— одетую в пеплос и нагую. Обе одновременно выставил для продажи. Одетую купили строгие правители острова Коса, а совершенно нагую за ту же цену взяли жители Книда. Она стояла в открытом алтаре, светясь желтовато-розовым мрамором своего тела, и, говорят, сама Афродита, спустившись с Олимпа в храм, воскликнула: «Когда же это Пракситель видел меня голой?!»

Прозрачная поверхность статуи придавала ей особое сияние, окружая богиню священным ореолом. Уже много лет поэты, художники и военачальники, ремесленники и земледельцы переполняют корабли, идущие в Книд. Афро-

дита Книдская почитаема несравненно больше Косской, ее изображение выбито на монетах. Какой-то царь предлагал за статую простить все долги острова, но книдцы отказались.

Славу Праксителя разделила его модель — гетера Фрина. Благодарные эллины поставили ее портретную статую из покрытой золотом бронзы на лестнице, ведущей к святилищу Аполлона в Дельфах. Такова сила божественно прекрасной наготы, и ты не опасайся гимнофилов. Именно они настоящие люди!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЛАСТЬ ЗВЕРОБОГОВ

В Мемфисе, называвшемся египтянами Весами Обеих Земель, было много эллинов, издавна живших здесь. Таис полюбила этот город, один из самых старых городов древней земли, стоявший на границе Дельты и Верхнего Египта, вне дождливой зимы низовий Нила и летнего зноя южной части страны.

Греки Мемфиса, в особенности молодежь, были взбудоражены приездом двух красавиц из Афин. Поэты, художники и музыканты пытались завоевать сердце Таис, посвящая ей стихи и песни, умоляя стать моделью, но афинянка

появлялась везде или в паре с Эгесихорой, или в сопровождении застенчивого богатыря, при одном взгляде на которого отпадала охота с ним соперничать. А царственная спартанка прочно связала себя с начальником лаконских наемников и не увлекалась ничем, кроме своих неслыханно быстрых лошадей. Впервые здесь видели женщину, управлявшую тетриппой. Молодые египтянки поклонялись Эгесихоре почти как богине, видя в ней олицетворение той свободы, которой они, даже в самых знатных домах, были лишены.

Таис соглашалась иногда выступать на симпосионах как танцовщица, но покидала их, когда общество становилось буйным от сладкого вина Абидоса. Гораздо чаще она оставляла Мемфис для поездок в знаменитые города и храмы, спеша познакомиться со страной, множество легенд и сказок о которой с детства прельщало эллинов. С беспечностью, удивлявшей Эгесихору и Гесиону, продолжавшую считать себя рабыней Таис, она не спешила обзавестись богатым любовником и тратила деньги на путешествия по стране.

Мнема, мать всех муз, к дарам Афродиты прибавила Таис еще и великолепную память. Память, вбиравшая в себя все подробности мира, неизбежно породила любознательность, подобную той, какой обладали знаменитые философы Эллады. Новое и необычное встречала Таис на каждом шагу, и все же первое ее впечатление от страны не изменилось, и, удивительно, оно упорно воскрешало в памяти одно из ярких видений далекого детства.

Мать привезла ее в Коринф, чтобы посвятить храму Афродиты и отдать в школу гетер. В городе, раскинувшемся у подножия огромной горы, стояла сильная жара. Маленькой Таис очень хотелось пить, пока они с матерью поднимались в верхнюю часть Коринфа. Навсегда запомнилась очень длинная узкая галерея — стоя, которая вела к священному источнику, знаменитому на всю Элладу. Внутри чуть притененной галереи веял слабый ветерок, а по обе стороны высокое солнце обрушивало на каменистые склоны море света и зноя. Впереди, под круглой крышей, державшейся на двойных колоннах, ласково журчала, переливаясь, чистая и прохладная вода. А дальше, за бассейнами, где начинался крутой отрог, слепил глаза отраженный свет. Жар и запах накаленных скал были сильнее влажного дыхания источника.

Вот и египетская галерея воды и зелени между двумя пылающими пустынями, протянувшаяся на десятки

тысяч стадий,— расстояние, колоссальное для небольших государств Эллады. Сады и храмы, храмы и сады, ближе к воде поля, а с внешнего западного края этой полосы жизни бесконечные некрополи — города мертвых — с неисчислимыми могилами. Здесь не было памятников, но зато строились дома усопших: в размер обычного жилья человека — для богатых и знатных; с собачью конуру — для бедняков и рабов. И уж совсем подавляли воображение три царские гробницы-пирамиды с титаническим сфинксом, в семидесяти стадиях ниже Мемфиса. Таис немало слышала об усыпальницах фараонов, но и представить не могла их подлинного величия.

Геометрически правильные горы, одетые в зеркально полированный камень, уложенный так плотно, что следы швов между отдельными глыбами были едва заметны. В утренние часы каждая из больших пирамид отбрасывала в серое небо вертикальную колонну розового света. По мере того как поднималось солнце, зеркальные бока каменных громад горели все ярче, пока в полуденные часы пирамида не становилась звездой — средоточием четырех ослепительных лучистых потоков, бивших над равниной во все стороны света. А на закате над могилами фараонов вставали широкие столбы красного пламени, вонзавшиеся в лиловое вечернее небо. Ниже их резкими огненными лезвиями горели ребра усыпальниц царей-богов Черной Земли, как называли египтяне свою страну. Эти ни с чем не сравнимые творения казались делом рук титанов, хотя знающие люди уверяли Таис, что пирамиды построены самыми обыкновенными рабами.

— Если человека крепко бить,— цинично усмехаясь, рассказывал гелиопольский жрец, знаток истории,— он сделает все, что покажется немыслимым его потомкам.

— Самые большие постройки в Египте — значит, здесь людей били крепче всего,— недобро сказала Таис.

Жрец остро глянул и поджал губы.

— Разве эллины не бьют своих рабов?

— Бьют, конечно. Но тот, кто много бьет, пользуется недоброй славой!

— Ты хочешь сказать, женщина...— начал жрец.

— Ничего не хочу!— быстро возразила Таис.— В каждой стране свои обычаи, и надо долго жить в ней, чтобы понять.

— Что же ты не понимаешь?

— Великую сложность власти. У нас все просто: или свободен, или раб. Если свободен, то или богат, или беден:

славен или искусством, или знаниями, воинской или атлетической доблестью. А у вас каждый свободный на какую-то ступеньку выше или ниже другого. Одному что-то позволено, другому меньше, третьему совсем ничего, и все преисполнены зависти, все таят обиду. Кажется, будто здесь только рабы, запертые между двух пустынь, как в большой клетке. Я почти не встречала людей, побывавших в других странах Ойкумены. Правда, я здесь недавно...

— Ты наблюдательна, эллинка, даже слишком,— угроза проскользнула в словах жреца, говорившего по-гречески с легким прищелкиванием.— Я лучше удалюсь...

Храмы Египта поразили воображение Таис резким контрастом с Элладой.

Каждый греческий храм, за исключением разве самых древних, стоял на возвышенном месте, открытый, легкий и светлый, он как бы улетал в пространство, в море и небо. Изваяния богинь, богов и героев привлекали к себе волшебством красоты. Грань, отделявшая богов от смертных, казалась совсем тонкой, незаметной. Верилось, что боги, склоняясь к тебе, внимают мольбам и вот-вот сойдут со своих пьедесталов, как в те легендарные времена, когда они одаряли вниманием всех людей, от земледельцев до воинов, а не только общались со жрецами, как ныне.

Храмы Египта! Сумрачные, стиснутые толстыми стенами, чащей массивных колонн, исписанных и исчерченных множеством рисунков и знаков. Святилище укрывало от просторов земли и неба, от ветра и облаков, журчания ручьев и плеска волн, от людских песен и голосов. Мертвое и грозное молчание царило в храмах, незаметно переходивших в подземелья. С каждым шагом мерк умирающий свет, сгущался мрак. Человек как бы погружался во тьму прошедших веков. Если в храмах Эллады только грань отделяла смертного от обитателей светоносной вершины Олимпа, то здесь, чудилось, всего один шаг до царства Аида, где с незапамятных времен бродят во мраке души умерших. Это ощущение бесконечной ночи смерти угнетало юную женщину. Таис устремлялась прочь, к свету и жизни. Храмы и дворцы стерегли ряды страшных в своей одинаковости статуй львов с человеческими или бараньими головами. Образ сфинкса, ужасной душительницы из мифов Эллады, здесь, в Египте, приняв мужское обличье, стал излюбленным символом власти и силы. Не только сфинксы — все боги Египта, вплоть до самых высших, носили облик зверей и птиц, удивительно сочетали человеческие и животные черты. Таис и раньше видела египетские

амулеты, статуэтки и драгоценности, но всегда думала, что египтяне хотели выразить в образе животного лишь особенное назначение талисмана или безделушки. На деле оказалось, что образы богов лишь в редких случаях носили человеческое обличье. Гораздо чаще верующие склонялись перед полулюдьми-полузверями или птицами, иногда уродливыми до гротеска, подобно бегемотообразной Туэрис. Бегемоты и крокодилы внушали Таис отвращение и страх, воздавать им божеские почести казалось афинянке недостойным. Некрасивы были и шакалоголовый Анубис, Тот с длинным клювом Ибиса, злая львица Сехмет, корова Хатор, баранье воплощение Хнума. Огромные изваяния хищных птиц — коршун Ра и сокол Гор, какими их изображали в самые древние времена, производили куда более величественное впечатление. Сложная иерархия богов осталась столь же непонятной афинянке, как и множество чинов и званий и сложнейшая лестница общественных отношений египтян. В каждом мало-мальски значительном городе главенствовал свой бог, а большие храмы, владевшие огромными землями и множеством рабов, также отдавали предпочтение одному из сонма божеств, за тысячелетия существования страны много раз сменявших и терявших свое главенство.

Больше всего удивляло Таис звероподобие богов. И это у народа, перед мудростью и тайными науками которого эллины преклонялись! Она знала, что в Саисе учились великие мудрецы Эллады — Солон, Пифагор и Платон. Обширные знания почерпнул в Египте и Геродот. Как же мог житель Египта склоняться перед чудовищами вроде крокодила — бессмысленной и гнусной твари? Неужели нельзя было выразить характер бога иначе, чем насадив на человеческое тело голову шакала или ястреба? Если бы египтяне не были столь искусными художниками, можно было бы подумать, что они не умеют иными способами выразить дух божества.

Но вскоре Таис увидела и живое божество — священного быка Аписа, воплощение Пта — главного бога Мемфиса. Руководствуясь двадцатью девятью признаками, жрецы находили Аписа среди тысяч быков, мирно пасшихся на лугах страны, и воздавали ему божеские почести до самой смерти. Затем искали новое воплощение, а умершего бальзамировали, подобно другому живому богу — фараону. Мумии священных быков погребали в огромном храме — Серапеоне, охраняемом сотнями каменных сфинксов.

По таблицам, начертанным на стенах погребальных камер, можно было проследить множество поколений боговбыков со столь древних времен, что Серапейон был уже наполовину засыпан песками.

Поклонение черному быку с белым пятном на лбу и теперь процветало в Мемфисе. Местные греки пытались очеловечить культ Аписа, слив его в одно божество с Осирисом, под именем Сераписа. Религия эллинов далеко ушла от первобытного зверобожия, даже на Крите, древностью почти равнявшемся с Египтом, гигантские священные быки почитались лишь как символы Посейдона. Их убивали, принося в жертву на алтарях или игровых площадках. В Египте же Апис считался настоящим божеством, как и мерзкий крокодил или воющий по почам камышовый кот. Все это не совмещалось с укоренившейся верой в особенную мудрость египтян. Афинянка осмелилась высказать свои сомнения главному жрецу Пта на приеме, устроенном в ее честь эллинскими поклонниками Сераписа. В пылу спора она довольно резко выразила отвращение к Себеку, богу-крокодилу. Двое служителей этого бога, присутствовавшие при споре, возмутились. И Таис стало стыдно. В Коринфе ее воспитывали в уважении к религиям восточных стран. Только годы жизни в Афинах посеяли в ней презрение ко всему чуждому и непонятному для эллинов. Таис и не подозревала, как тяжко ей придется расплатиться за это несвойственное ей выражение афинского превосходства над всей остальной Ойкуменой.

Вскоре Таис решила поехать в ном Белой Антилопы, вверх по Нилу, чтобы посмотреть второе чудо света, описанное Геродотом,— египетский Лабиринт. Подруга отказалась наотрез, и Таис отправилась в сопровождении Гесионы и верного Менедема, отпущенного стратегом по просьбе Эгесихоры.

Они плыли недолго, всего четыреста стадий* вверх по реке и около сотни по каналу, в сторону знаменитого озера Мерида. В это время года соединительный канал и рукав реки заполнялись илом, а дорога становилась непроезжей. Таис со спутниками пришлось оставить судно и продираться по мелководью в легкой лодке, лавируя между зарослями тростников.

К счастью, в это осеннее время отсутствовали комары — бич речных зарослей и озер Египта.

---

* Около семидесяти километров.

Специально нанятый на поездку переводчик — мемфисский грек тревожно оглядывался, уверяя, что в окрестностях Крокодилополиса великое множество зухосов — воплощений бога Себека, некоторые из них по тридцать локтей живут здесь с незапамятных времен.

Менедем наивно осведомился, почему за столько лет не убили вредных чудовищ. Он узнал, что, если во время неожиданных спадов воды крокодилы, особенно молодые, гибнут, завязая в пересыхающем иле, их трупы бальзамируют. Целые склады крокодиловых мумий хранятся в особых помещениях храмов Себека в Крокодилополисе, древнем Хетеп-Сенусерте и даже в Лабиринте.

Как ни спешили лодочники доставить путников к Лабиринту пораньше, чтобы осмотреть его дотемна, они прибыли туда только в середине дня. Здесь, на священной земле, чужеземцам ночевать не позволяли, разрешалось останавливаться лишь в ксеноне — гостинице — в восьми стадиях к северу, на том же перешейке между болотом и рекой, где стояли Лабиринт и две пирамиды. Ученый жрец из Гераклеополиса сказал Таис, что Лабиринт воздвиг как заупокойный храм себе Аменемхет Третий. Великий фараон умер, по исчислению жреца, за четыреста лет до разрушения Кносса и воцарения Тесея в Афинах, за шесть веков до Троянской войны и за полтора тысячелетия до рождения самой Таис.

Не мудрено, что неробкая гетера с трепетом вступила в бесконечные анфилады комнат Лабиринта, примыкавшего к белой пирамиде, вдвое меньшей, чем мемфисские. Огромный коридор разделял Лабиринт на две половины. Стены его были украшены изумительными росписями, яркие краски которых ничуть не поблекли за пятнадцать веков. Здесь не было обычных канонических фигур богов и фараонов, припимавших дары, избивавших врагов, унижавших пленников. Вместо них — сцены быта, совсем естественные, написанные с поразительной живостью и изяществом: охота, рыбная ловля, купанье, сбор винограда, пастьба животных, танцы и праздничные собрания с музыкантами, акробатами и борцами.

Таис словно очутилась в Египте того времени, запечатленном талантливыми художниками по повелению мудрого царя.

Из зала в зал без устали бродили Таис, Менедем и Гесиона между белых колонн, покрытых рельефными изображениями в обычном египетском стиле, по расписанным коридорам, по комнатам, украшенным фризами и орнамен-

тами необычайной красоты — синими зигзагами, белым и лиловым узором, похожим на груботканые ковры, еще более сложными многокрасочными росписями. Утомленные глаза отказывались разбираться в хитросплетениях спиралей, завитков колес с двенадцатью спицами, сказочных лотосов с красными чашами на высоких стеблях. Искусно сделанные прорези под каменными плитами потолков давали достаточно света, чтобы в верхних помещениях Лабиринта не пользоваться факелами. По словам переводчика, верхней части храма соответствовал такой же лабиринт нижних помещений, где хранились мумии священных крокодилов и находились особенно интересные древние святилища, расписанные изображениями ныне уже исчезнувших животных — гигантских гиен-бориев и единорогов. Священнослужитель, ведший их по Лабиринту, нижние помещения показывать не стал, объяснив это древним запретом: чужеземцев туда не пускали. День начал меркнуть. В залах и особенно в коридорах стало темно. Пора было выбираться из тысячекомнатного строения. Жрец повел их к выходу, и усталые путешественники охотно подчинились. Недалеко от северной главной лестницы, где в широкие прорези стен свободно проникал вечерний красноватый свет, Таис остановилась, чтобы рассмотреть рельефное изображение молодой женщины, высеченное в желтоватом камне с необычайным даже для Египта искусством. Одетая в тончайшее, прозрачное одеяние, завязанное узлом под обнаженной грудью, женщина держала неизвестный музыкальный инструмент. В ее лице, обрамленном густой сеткой схематически изображенных волос, несомненно, были эфиопские черты и в то же время такое благородство, какого Таис не видела и у знатнейших египтянок. Пока гетера размышляла, к какому народу причислить древнюю музыкантшу, ее спутники прошли вперед. Легкое прикосновение к обнаженной руке заставило ее вздрогнуть. Из полумрака темного прохода чуть выступила женщина в обычной для египтянок белой полотняной столе — длинной одежде. Позади нее стоял жрец в ожерелье из синих фаянсовых и золотых бус. Он тряхнул стриженой головой и прошептал на ломаном языке: «Вниз туда можно, я проведу». Таис подошла к женщине, согласно кивнула ей и обернулась, чтобы позвать Менедема и Гесиону: те дошли уже до конца галереи. Но не успела — сзади ее обхватили сильные руки, заткнули рот тряпкой, заглушили крик, понесли. Таис отбивалась отчаянно, но ее подхватили другие, скрутили, связали полосами из ее же

разорванной одежды, и она сдалась, позволив без сопротивления тащить себя дальше. Похитители, очевидно, знали дорогу и рысцой спешили в беспросветную тьму, не нуждаясь в факелах...

Слабый свет рассеивал мрак впереди, запахло влажной травой и водой. С нее наконец сорвали душившую ее тряпку и подтащили к каменной стене. Поблизости, не далее полуплетра*, в последних лучах зари блестела неподвижная темная вода. Обретя возможность говорить, Таис гневно и удивленно спрашивала похитителей на греческом и ломаном египетском, чего они хотят от нее. Но темные фигуры — их было шесть, все мужчины с неразличимыми в скудном свете лицами, упорно молчали. Заманившая Таис женщина куда-то исчезла.

Афинянку поставили на ноги у самой стены, освободили от пут и заодно сорвали с нее последние остатки одежды. Таис попыталась обороняться и получила удар в живот, лишивший ее дыхания. Похитители распутали звенящие предметы, которые принесли с собой,— тонкие, но крепкие ремни с пряжками, как на конской сбруе. Запястья Таис привязали к вделанным в стену кольцам на уровне груди, обвили талию и, пропустив ремень между ног, притянули к скобе за спиной. Полная недоумения, гетера снова стала спрашивать, что они собираются с ней делать.

Тогда один из людей приблизился к ней. По голосу Таис узнала жреца, бывшего вместе с женщиной и говорившего на греческом.

— Братья велели тебя, богохульствовавшую в собрании, поставить перед лицом бога. Да познаешь ты его мощь и склонишься перед ним в свой последний час!

— Какого бога? О чем говоришь ты, злодей?

Жрец не ответил, повернулся спиной и сказал несколько непонятных слов своим спутникам. Все шестеро прошли по направлению к воде, опустились на колени и подняли руки. Из громких, произнесенных нараспев, наподобие гимна, слов Таис поняла лишь одно: «О Себек... приди и возьми...», но и этого было достаточно. Внезапная догадка заставила ее онеметь. Почти теряя сознание, она закричала хрипло и слабо, потом все сильнее и звонче, призывая на помощь Менедема, любых людей, неподвластных этим темным фигурам, склоненным у воды в торжественном песнопении. Жрецы встали. Говоривший по-гречески сказал:

* Около пятнадцати метров.

— Кричи громче, Себек услышит. Придет скорее. Тебе не придется мучиться ожиданием.

В словах жреца не было ни насмешки, ни злорадного торжества. Полная безнадежность овладела Таис. Молить о пощаде, грозить, пытаться убеждать этих людей было столь же бесполезно, как и просить жуткое животное, которому они служили, полузверя-полурыбу, не подвластное никаким чувствам. Жрец еще раз оглядел жертву, сделал знак спутникам, и все шестеро бесшумно исчезли. Таис осталась одна.

Она рванулась, ощутила несокрушимую крепость ремней и в отчаянии склонила голову. Распустившиеся волосы прикрыли ее тело, и Таис вздрогнула от их теплого прикосновения. Впервые испытывала она смертную муку. Близость неизбежной гибели обратила весь мир в крохотный комочек надежды. Менедем! Менедем — опытный бесстрашный воин и пылкий влюбленный, он не может оставить ее на произвол судьбы!

Глаза Таис обладали свойством хорошо видеть в темноте. Она присмотрелась и поняла, что привязана у пьедестала какой-то статуи в полукруглом расширении подземного хода, выходящего к озеру или рукаву реки. Поодаль, справа, различалось гигантское изваяние. Это была одна из двух колоссальных сидящих статуй, возвышавшихся на тридцать локтей над водой, недалеко от пирамиды. Таис сообразила, что галерея обращена на северо-запад и находится недалеко от северного входа. Согревший ее огонек надежды стал было разгораться. Гнет ужасной опасности притупил его, едва афинянка вспомнила, что в Лабиринте три тысячи комнат. Найти к ней путь если и возможно, то много времени спустя, после того как чудовища-зухосы разорвут ее на куски и, пожрав, исчезнут в зарослях.

Таис забилась, стараясь освободиться от пут, вся ее юная плоть протестовала против надвигающейся смерти. Жесткие ремни отрезвили ее болью. Стиснув зубы, она сдержала рыдания и снова принялась осматриваться в инстинктивных поисках избавления. Пол расширенного конца галереи полого спускался к узкой полоске мокрого берега. Два тонких столба подпирали выступ кровли, из-за которой нельзя было видеть небо. Очевидно, портик выходил к воде. Но почему без ступеней? Снова первобытный ужас пронзил Таис. Она сообразила, для чего этот наклонный пол, подходивший к воде.

— Менедем, Менедем!— звонко, изо всей силы закри-

чала Таис.— Менедем!— И похолодела, вспомнив, что на крики придет тот, которому она предназначена. Она замерла, повиснув на ремнях. Камень леденил спину, ноги онемели.

Когда погасли последние отсветы зари на черной воде, Таис потеряла счет времени.

Ей почудился слабый всплеск в непроглядной тьме тростников, где-то там, где обрывалось тусклое мерцание отраженных звезд. Глухой, низкий, подобный мычанью рев пронесся по болоту. Далекий и негромкий, он был отвратителен особой, таившейся в нем угрозой, непохожестью на все звуки, издаваемые животными, привычными человеку. Трепеща, сжав кулаки, Таис напрягла все свои силы, чтобы не дать темному страху овладеть собой. Беспредельной была храбрость ее боровшихся с быками предков; неподвластных ранам амазонок; стойких, как Леэна*, афинянок. Но ведь все они сражались свободными, в открытом бою!.. Кроме Леэны, связанной, как и она, и не сдавшейся людям, лживо изображавшим закон...

А здесь, в одиночестве и холодном молчании болота, в ожидании чудовища, Таис снова принялась биться в своих путах, пока, укрощенная, теряя сознание, не прислонилась опять к сырому кампю. Ночь молчала, более не доносилось всплесков с болота.

Таис очнулась от судорог в затекших ногах. Сколько еще прошло времени? Хотя бы увидеть небо над головой, движение созвездий. Переминаясь, изгибаясь, она восстановила кровообращение. Позади, в подземной галерее, ей почудились едва слышные медленные, крадущиеся шаги. Кровь прихлынула к голове Таис, радостная надежда обожгла ее. Менедем? Но нет, разве Менедем будет подкрадываться, замирая после каждого шага, он примчится, как бешеный бык, сокрушая все на пути! И звонкий вопль опять понесся над ночным болотом. Что это? Будто слабый отклик. Таис затаила дыхание. Нет, ничего! А шаги позади? Подпожие статуи скрывало вход в галерею. Таис прислушалась и поняла, что в проходе нет никого: звуки доносились с болота и отражались эхом в подземелье. О могучая Афродита и Зевс Охранитель! Поступь тяжелых лап на мягкой илистой почве, там, за столбиками портика, выходившего к озеру. Редкое и неравномерное хлюпанье с долгими паузами. Под самым берегом всплыла гребнистая

*Подруга известного в истории Афин тираноубийцы Аристогейтона.

спина, загорелись красным тусклым светом два глаза под костяными надбровными буграми. Очень медленно, так, что минутами чудовище казалось неподвижным, на узкий берег вползло бесконечно длинное тело, извивавшееся налево-направо в такт движениям широко распяленных лап. Огромный хвост еще был в воде.

Красные огоньки исчезли: это крокодил поднял голову, и глаз его не стало видно. Раскрылась огромная пасть, усеянная смутно белевшими зубами. Чудовище замерло надолго, будто прислушивалось к чему-то. Таис напряглась, ее бил озноб, но голова ее, как никогда, была ясной: пережив первый смертельный страх, она чуть успокоилась, смутная надежда еще теплилась в ней. О, если бы не держали ее ремни, она знала бы, как ускользнуть от исполинского зухоса! Со стуком захлопнулась пасть, снова вспыхнули красные точки. Таис почувствовала на себе взгляд — холодный, равнодушный. Крокодил не торопился, вглядываясь в темноту галереи, он словно бы изучал Таис. Много раз на протяжении своей долгой жизни он пожирал здесь привязанные беспомощные жертвы. Зухос приподнялся на лапах, с громким чмоком оторвав брюхо от ила. Мерзкие твари и по земле бегали быстро, что стоит ему пробежать расстояние чуть больше длины собственного тела?! Словно услышав ее мысли, крокодил сделал два быстрых шага к ней. Таис завизжала на такой высокой ноте, что чудовище снова плюхнулось на брюхо, а потом вдруг повернулось направо. Из темноты послышалось шлепанье быстрых ног. Грозный нечеловеческий крик разорвал тишину подземелья: «Таис, я здесь»!

На миг смутный силуэт мелькнул перед входом.

— Менедем!— будто во сне позвала Таис.

Да, то был Менедем. В одно мгновение лакедемонянин оказался у подножия статуи, нащупал привязанные ремни и рванул их с неистовой силой. Раз — лопнул ремень на левой руке; правый ремень устоял, зато не выдержало древнее бронзовое кольцо. Третий ремень разъяренный Менедем разорвал, как нитку. Освобожденная от пут, Таис от слабости упала на колени и на секунду потеряла сознание. Менедем повернулся к чудовищу. Без всякого оружия, голый — одежду он сбросил, чтобы бежать быстрее,— весь с головы до пят покрытый грязью. Ярость воина была так велика, что он сделал два шага к чудовищу, расставив безоружные руки, будто собираясь придушить крокодила, как собаку.

Послышался плеск бегущих по грязи ног, багровая до-

рожка побежала по воде вдоль берега. Свет вспыхнул ярче, и вот перед портиком показалась с факелом в руке Гесиона, полумертвая от непосильного бега и страха. Крик ужаса вырвался у девушки при виде чудовищного крокодила. А тот будто не заметил ее, сосредоточив упорный взгляд на Менедеме. Факел в руке Гесионы задрожал, и она от страха и слабости упала на колени, подобно своей хозяйке.

— Свети!— гаркнул Менедем. Он косил глазами по сторонам в поисках чего-либо, с чем встретить нападение чудовища. И вдруг решился. Одним прыжком Менедем подскочил к Гесионе, вырвал у нее факел, сделал им выпад в направлении зухоса, и тот попятился. Менедем швырнул факел обратно Гесионе, но подхватила его уже поднявшаяся на ноги Таис. Спартанец рванул на себя деревянный столб портика, раздался треск. Менедем нажал во всю мочь. Старое сухое дерево подалось. Все последующее произошло так быстро, что оставило лишь смутное воспоминание у Таис. Крокодил двинулся на Менедема, а тот нанес ему обломком столба сильнейший удар по рылу. Чудовище не отступило, а, распахнув пасть, бросилось на воина. Этого только и ждал Менедем. Со всего размаха он всадил столб в глотку пресмыкающегося, но не смог, конечно, остановить напор тяжеленного двадцатипятилоктевого зухоса и потерял равновесие, успев, однако, толчком ноги направить свободный конец бревна на стену пьедестала. Крокодил с разбегу ткнулся столбом в несокрушимый камень и засадил себе дерево в пасть еще глубже. Яростные удары хвоста потрясли галерею. Вмиг в щепки превратился второй столб портика, навесная крыша рухнула. Крокодил, корчась, повалился на бок, но тут же привстал и, взметнув хвостом целый каскад грязи, рванулся в болото.

Менедем и Таис стояли, сотрясаемые нервной дрожью. Опомнившись, Таис бросилась к Гесионе. Девушка лежала ничком у самого входа в подземелье, вся в липкой грязи, закрыв руками лицо и уши. Едва Таис притронулась к ней, Гесиона вскочила с воплем, но, увидев хозяйку невредимой, бросилась к ней.

Менедем взял их за руки.

— Бежим! Это злое место. Еще зухос вернется или придет другой. Или жрецы...

— Куда?

— Как я пришел: вдоль берега, в обход храма.

Все трое быстро пошли по грязи вдоль внешней стены

Лабиринта. Скоро полоска берега расширилась, земля там была сухой, идти стало легче, но тут силы оставили Таис. Не в лучшем состоянии была и Гесиона. Понимая, что оставаться здесь опасно, Менедем подхватил обеих женщин под бедра, ловко вскинул их себе на плечи и, погасив факел, неспешной рысцой побежал от мрачной громады Лабиринта туда, где издалека чуть поблескивал огонек Дома Паломников, давно превратившегося в ксенон — гостиницу.

...Чтобы не привлекать внимания, Таис, на которой из всех одеяний остались грива волос и сандалии, укрылась за пальмами. Менедем и Гесиона, наскоро помывшись у поливного колодца, принесли ей одежду из вещей, заранее доставленных в ксенон проводниками. Грек-переводчик, напуганный исчезновением Таис и яростью Менедема, куда-то исчез.

Гесиона, натирая целебной мазью раны Таис, рассказывала ей, что спартанец после бесплодных поисков в верхних комнатах Лабиринта схватил какого-то жреца и, ударив о колонну, поклялся Эребом, что изувечит его, если тот не объяснит, как могла исчезнуть эллинка и где ее можно искать. Ему удалось вырвать полупризнание-полупредположение, что Таис украли те, кто служит Себеку. Они приносят жертвы в подземельях, там, где они выходят к озеру, в западной части святилища. Если обойти Лабиринт с его озерной стороны и идти налево от главного входа, то можно наткнуться на выходы галерей нижнего яруса. Не теряя ни мгновения, Менедем сорвал с себя одежду, чтобы легче бежать по воде, и понесся вдоль массивных стен храма. Оружие взять было негде — свое он оставил перевозчикам, чтобы не нарушать законов храма. Ему вдогонку крикнули, что надо обязательно взять светильник, но Менедем был уже далеко. Тогда Гесиона схватила два факела, стоявших наготове в бронзовых стойках, прикоснулась одним к пламени ниши-светильника и унеслась вдогонку за Менедемом, легкая и быстрая, как антилопа. Так бежала она в сгущавшихся сумерках, ориентируясь по угрюмой стене слева, неуклонно поворачивавшей с запада на юг. Остальное известно госпоже...

Таис крепко расцеловала верную Гесиону. Еще более нежной награды удостоился Менедем, к кровоточащим ладоням которого были привязаны пучки лекарственной травы, отчего его руки стали похожи на лапы того самого зухоса, который едва не погубил Таис.

Спартанский воин долго посматривал на Лабиринт, воз-

вышавшийся поодаль в первых лучах рассвета. Угадав его мысли, Таис сказала:

— Не надо ничего, милый. Кто сможет найти негодяев в трех тысячах комнат, среди переходов и подземелий?

— А если придет весь отряд Эоситея? Мы выкурим их оттуда, как пустынных лис из нор.

— Зачем? И без того мы, чужеземцы, едящие коров, нечисты в глазах коренных жителей Египта. Только нанесем великое осквернение их святыне. Те, кто виноват, убегут, если уже не убежали, а расправа, как всегда, свершится над теми, кто ничего не знает, и ни к чему не причастен. Прежде всего виновата я сама. Нельзя было спорить со жрецами, выказывая эллинское презрение к чужеземцам и их религии. И потом — надо осторожнее странствовать по храмам, полным ловушек, злых людей, страшных божеств, которым еще тайно продолжают приносить человеческие жертвы.

— Наконец я слышу правильные слова. Давно пора, моя возлюбленная! Ты не радовала нас танцами уже больше месяца, а верховую езду забыла с самого приезда сюда.

— Ты прав, Менедем! И танцы, и езда верхом требуют постоянного упражнения, иначе станешь неповоротливой, как Туэрис.

— Туэрис!

Представив себе эту египетскую богиню, сидящую на толстых задних лапах, с непомерно отвислым животом и безобразной головой бегемота, Менедем долго смеялся, утирая слезы тыльной стороной завязанной руки.

В Мемфисе Таис ожидали новости с востока. Произошло сражение Александра с Дарием у реки Исс на финикийском побережье. Полная победа македонцев. Великий царь персов оказался трусом. Он бежал в глубь страны, бросив все имущество, свои шатры и своих жен. Александр движется на юг по Финикии, захватывая город за городом. Все склоняется перед победоносным героем, сыном богов. Необыкновенные слухи обгоняют македонцев. В Нижнем Египте появились богатые купцы, бежавшие из приморских городов. Они образовали союз и покупают корабли, чтобы плыть в далекий Карфаген. Сатрап Египта Мазахес перепуган, а самозваный фараон Хабабаш приказал спартанским наемникам быть наготове. Отряд послан в Бубастис, где начались волнения среди сирийских воинов.

Приверженцы молодого македонского царя видят в нем избавление от власти персов. Он могучей рукой под-

держит слабого, согнутого перед Дарием сына наследственного фараона Нектанеба.

Эгесихора, пылая от волнения, по секрету сообщила Таис, что флотом Александра командует Неарх и его корабли у Тира. Древний Библос со знаменитым храмом Афродиты Ливанской, или Анахиты, сдался почти без промедления, как и Сидон. Все говорят, что Александр обязательно придет в Египет. Эоситей мрачен, подолгу совещался со своими приближенными и послал гонца в Спарту...

Таис проницательно посмотрела на подругу.

— Да, я люблю его,— ответила Эгесихора на невысказанный вопрос,— это особенный человек, единственный среди всех.

— А Эоситей?

Эгесихора сложила пальцы в жесте, означавшем у гетер равнодушие к поклоннику: «Не тот, так этот».

— И ты ждешь его?

— Жду!— призналась Эгесихора.

Таис задумалась. С Александром явится Птолемей — по слухам, он теперь в числе лучших полководцев македонского царя, чуть ли не самый близкий к нему человек, исключая разве Гефестиона. Птолемей!.. Сердце Таис забилось сильнее, подруга была не менее наблюдательна и спросила без промедления:

— А Менедем?

Таис не отвечала, стараясь понять свои ощущения — память о прежнем, смятение чувств в последний афинский год, новое, что пришло с беззаветной любовью лаконского атлета, доверчивого, как дитя, и мужественного, подобно герою мифов.

— Не можешь решить?— поддразнила Эгесихора.

— Не могу. Знаю лишь одно: или тот, или другой. Никогда не смогу обманывать.

— Ты всегда была такая. Потому не было и не будет у тебя богатства, как у Фрины или у Теро. Тебе оно и не нужно — ты просто не умеешь тратить деньги. Мало прихотей и воображения.

— В самом деле, мало! Ничего не могу придумать, чем потрясти соперниц или поклонников. Зато легче, когда...

— Да, Менедем небогат, если не сказать — просто беден!

С бедностью Таис столкнулась, когда задумала купить верховую лошадь. Продавалась редкая чагравая кобыла из Азиры — той породы ливийских коней, которые якобы

завезены еще гиксосами. Лошади из Азиры славились своей выносливостью в жару и безводье. Салмаах, как звали лошадь, не была очень красивой — пепельного цвета, с длинными передними бабками и вислым задом. Однако это означало мягкую для всадника переступь, и даже мельканье белков в углах глаз — знак недоброго нрава — не отпугивало покупателей. Когда же выяснилось, что Салмаах — триабема, то есть ходит особой «трехногой» рысью, то ее немедленно за высокую цену купил танисский торговец. Таис понравилась диковатая ливийка, и Салмаах, видимо, распознала в афинянке ту спокойную, покоряющую и добрую волю, к которой чувствительны животные, в особенности лошади. В конце концов Таис удалось обменять лошадь на хризолит — тот самый, предназначавшийся Аристотелю за помощь отцу Гесионы.

Менедем достал шкуру пантеры, чтобы закрыть бока лошади сверх маленького потника, употреблявшегося для всадников в боевых поножах или узких азиатских штанах. Таис ездила голоногой, как древние женщины Термодонта, и неминуемо испортила бы себе голени. Конский пот при езде в жару, попадая на кожу человека, вызывает воспаление и язвы.

Мягкая шкура хищной кошки, приятная на ощупь, все же затрудняла езду. Амазонская посадка Таис с сильно согнутыми ногами, так что пятки лежали почти на почках лошади, упираясь в маклаки, требовала особой силы в коленях. Всадница держалась, сжимая ногами верхнюю часть конского туловища. Мягкая, уступчивая шкура пантеры заставляла удваивать усилия ног на скачке. Впрочем, Таис была даже довольна этим. После двухнедельных страданий к ней вернулась прежняя железная хватка колен, за которую учитель верховой езды, пафлагонец, называл ее истинной дочерью Термодонта. Хотя рысь у Салмаах была нетряской, Таис предпочитала носиться вскачь, соревнуясь с неистовой четверкой Эгесихоры, процветавшей в благодатном сухом климате Египта. На главных дорогах вокруг Мемфиса всегда было тесно от медлительных ослов, повозок, процессий паломников, нагруженных корвинами рабов-носильщиков. Но им посчастливилось открыть шедшую на юг, вдоль Нила, священную дорогу, лишь кое-где занесенную песками. На чистых участках протяженностью в сотни стадий можно было ездить беспрепятственно, и Эгесихора с упоением предавалась бешеной езде. Когда Таис выезжала на своей Салмаах, Эгесихора брала на колесницу Гесиону.

Кончался четвертый год сто десятой олимпиады. В Египте наступило время пятидесятидневного Западного ветра — дыхания свирепого Сета, иссушающего землю и озлобляющего людей.

Незнакомые с ветром Сета эллинки продолжали свои поездки. Однажды на них налетела красная туча, дышавшая печным жаром. Закружились, заплясали песчаные вихри, свет померк, испуганные кони Эгесихоры взвились на дыбы. С трудом удалось справиться с жеребцами, и то лишь после того, как Гесиона, спрыгнув с колесницы, отважно схватила двух дышловых за удила и помогла Эгесихоре повернуть их на север, к городу. Салмаах осталась совершенно спокойной, послушно повернулась спиной к буре и побежала своей мягкой рысцой рядом с колесницей, которая вскоре начала скрипеть от насыпавшегося во втулки песка.

Лошади постепенно успокаивались, их бег стал равномерным. Эгесихора неслась в шуме и свисте ветра, обгоняя пыльные тучи, подобно воительнице Афине. Они достигли места, где дорога огибала темное ущелье. Здесь стоял полуразвалившийся заупокойный храм, на ступенях которого они иногда делали привал. Таис первая заметила на белых камнях человека в длинной полотняной египетской одежде. Он лежал, уткнув лицо в согнутую руку, и прикрывал левой голову. Афинянка спрыгнула с лошади и наклонилась над тяжко дышавшим стариком. Немного разведенного водой вина, и он сел согнувшись. К удивлению подруг, на чистейшем аттическом наречии старик объяснил, что ему сделалось худо от пыльной бури и он, не видя помощи, решил ждать.

— Скорее своей кончины, так как ветер Сета дует с упорством, достойным этого бога,— закончил старик.

Три пары сильных женских рук водрузили его на колесницу, Гесиона уселась на Салмаах позади Таис, и все четверо благополучно добрались до Мемфиса.

Старик попросил отвезти его к храму Нейт, стоявшему около большого парка на берегу реки.

— Разве ты жрец этого храма?— спросила Эгесихора.— Ведь ты эллин, несмотря на египетскую одежду.

— Я здесь гость,— ответил старик и повелительным жестом поманил к себе Таис. Афинянка послушно подъехала к ступеням, по которым медленно поднимался старик.

— Ты афинская гетера, брошенная крокодилам и спасшаяся? Что ищешь ты в храмах Черной Земли?

— Теперь — ничего. Думала найти мудрость, утоляющую душу больше, чем философические рассуждения о политике, войне и познании вещей. Я их наслушалась в Аттике, но мне не нужна война или устройство полиса.

— И не нашла здесь ничего?

Таис презрительно рассмеялась:

— Здесь поклоняются зверям. Что ждать от народа, боги которого еще не стали людьми?

Старик вдруг выпрямился, выражение его глаз изменилось. Таис почувствовала, как взгляд незнакомца проник в сокровенные глубины ее души, беспощадно обнажая тайные мысли, надежды и мечты. Афинянка не испугалась. В короткой ее жизни, несмотря на обилие впечатлений и встреч, не совершилось ничего постыдного или недостойного, не было ни подлых поступков, ни злобных мыслей. Эрос, радость сознавать себя всегда красивой, всегда желанной, неуемная любознательность... Ее серые глаза бесстрашно раскрылись навстречу копьеподобному взгляду, и старик впервые улыбнулся.

— По соображению своему ты заслужила немного больше знания, чем дали бы тебе жрецы Египта. Будь благодарна своему имени, что они снизошли до бесед с тобой.

— Мое имя?— воскликнула гетера.— Почему?

— Разве ты не знаешь, что для дочери Эллады носишь очень древнее имя. Оно египетское, обозначает «Земля Исиды», и вдобавок пришло с древнего Крита. Слыхала ли ты о Британартис, дочери Зевса и Кармы? Ты напомнила мне ее изображение.

— Как интересно говоришь ты, отец! Кто ты, откуда?

— Я с Делоса, эллин, философ... Но смотри, твоя подруга едва сдерживает коней, да и Салмаах пляшет на месте.

— Ты знаешь даже имя лошади?

— Не будь наивной, дитя. Я еще не потерял слуха, а ты раз двадцать окликала ее.

Покраснев, Таис засмеялась и сказала:

— Я хотела бы увидеть тебя.

— Это необходимо. Приходи в любой день ранним утром, когда слабеет свирепость Сета. Войдешь под сень портика, хлопни в ладоши три раза — и я выйду к тебе. Хайре!

Рыжие и белые кони бешено понеслись по бесконечной пальмовой аллее в северную часть города. Салмаах, облегченная от двойной ноши, весело скакала рядом. Таис за-

думчиво смотрела на свинцовую воду великой реки, чувствуя, что встреча со старым философом будет в ее жизни важной.

Эгесихора полюбопытствовала, чем так заинтересовал подругу слабый и ничтожный старик. Услышав о намерении Таис вновь «бродить по храмам», как выразилась спартанка, она заявила, что Таис добьется в конце концов своей погибели. Пожаловаться Менедему, чтобы он или не пускал ее в храмы или не спасал больше, когда ее бросят льву, бегемоту, гигантской гиене или еще какому-нибудь из божественных чудовищ? Но и это средство не поможет: атлет, несмотря на свой грозный вид,— влажная глина в пальцах своей красотки!

Эгесихора была права. Встреча с философом разожгла любопытство Таис. На следующий же день она пришла в храм Нейт, едва загорелось красноватыми отблесками свинцовое небо.

Философ, или жрец, явился, как только хлопки маленьких ладоней прозвучали под сенью портика. Философ был одет в прежнее белое льняное одеяние, какое отличало египтян и особенно египтянок от всех других чужеземцев. Приход Таис почему-то обрадовал его. Снова пронзив ее своим копью подобным взглядом, он сделал знак следовать за ним. В глубь стены, из огромных глыб камня, слева шел проход, освещенный лишь узенькой щелью сверху. Надоевший свист ветра здесь не был слышен, покой и уединение сопутствовали Таис. Свет впереди показался ярким. Они вошли в квадратную комнату с узкими, как щели, оконными проемами. Здесь не чувствовалось привкуса пыли, как сейчас во всем городе. Высокий потолок, расписанный темными красками, создавал впечатление ночного неба. Таис, осмотревшись, сказала:

— Странно строили египтяне!

— Строили давно,— поправил философ,— без совершенства, но заботились о тайне уединения, загадке молчания и секретах неожиданности.

— Наши храмы, настежь открытые и светлые, во сто крат прекраснее,— возразила афинянка.

— Ты ошибаешься. Там тоже тайна, только не уходящая во мрак прошлого, тайна единения с небом. С солнцем — днем, звездами и луной — ночью. Разве не ощущала ты просветления и радости среди колонн Парфенона, в портиках Дельф и коринфа?

— Да, да!

Свитки папируса, пергамента, исчерченные дощечки лежали поверх массивных ящиков. Середину комнаты занимал большой широкий стол с пятиконечными звездами и спиралями, ярко-голубыми на фоне серой каменной столешницы. Делосский философ подвел афинянку к столу и усадил напротив себя на неудобный египетский табурет. Философ долго молчал, упорно глядя на Таис. И странное дело, удивительное спокойствие разлилось по всему ее телу. Таис сделалось так хорошо, что она всем сердцем потянулась к серьезному, неулыбчивому, скупому на слова старику.

— Ты удивила меня замечанием о зверобогах Египта,— сказал философ,— что ты знаешь о религии? Тебя посвящали в какие-нибудь таинства?

— Никогда. Я ничего не знаю,— Таис хотелось быть скромной перед этим человеком,— я гетера с юности и не служила ни в каком храме, кроме Афродиты Коринфской.

— Откуда же знаешь ты, что боги возвышаются вместе с человеком? Ведь это означает, что человек изыскивает богов в себе, а за такие убеждения ты подверглась бы опасности, и очень серьезной.

— Ты напрасно считаешь меня столь умной, мудрец. Просто я...

— Продолжай, дочь моя. Мне, не имевшему потомства, неспроста хочется назвать тебя так. Это свидетельствует о близости наших душ.

— Я, изучая мифы, увидела, как боги Эллады от древности до наших дней делались постепенно добрее и лучше. Артемис, охотница и убийца, стала врачевательницей. Аполлон, ее брат, начал издревле беспощадным карателем, убийцей, жадным и завистливым, а сейчас это лучезарный бог-жизнедатель, перед которым радостно склоняются. Моя богиня — Афродита — в древних храмах стояла с копьем, как Афина. Теперь есть Урания, несущая людям святую небесную любовь,— щеки Таис вспыхнули.

Жрец-философ посмотрел на нее еще ласковее, и Таис осмелела.

— И я читала Анаксагора. Его учение о «Нус»— мировом разуме, о вечной борьбе двух противоположных сил: злого и доброго, дружественного и враждебного. Антифонта, учившего, что люди равны, и предостерегавшего эллинов от пренебрежения к чужеземным народам...— Таис запнулась, вспомнив собственные ошибки, за которые чуть не расплатилась жизнью.

Философ догадался.

— А сама не смогла преодолеть этого пренебрежения,— сказал он,— за что и попала к крокодилам.

— Я не смогла и не смогу принять нелепого поклонения богам в зверином облике: безобразным бегемотам, мерзким зухосам, глупым коровам, бессмысленным птицам. Как могут мудрые люди, да любые люди со здравым умом...

— Ты забыла, скорее, не знаешь, что религия египтян на несколько тысячелетий старше эллинской. Чем глубже во тьму веков, тем темнее было вокруг человека и в его душе. Тьма эта отражалась во всех его чувствах и мыслях. Бесчисленные звери угрожали ему. Находясь во власти случая, он даже не понимал судьбы, как понимаем ее мы, эллины. Каждый миг мог быть последним. Нескончаемой чередой шли перед ним ежечасные боги — звери, деревья, камни, ручьи и реки. Потом одни из них исчезли, другие сохранились до наших дней. А давно ли мы, эллины, поклонялись рекам, столь важным в нашей маловодной стране?

— Но не зверям!

— Деревьям и животным тоже.

К удивлению Таис, жрец-философ рассказал ей о культе священных кипарисов на Крите, связанных с Афродитой. Но более всего поразило ее древнее поклонение богиням в образе лошадей. Сама Деметра, или критская Рея, в святилище Фигалия на реке Неда в Аркадии изображена с лошадиной головой. Священная кобыла обладала особой властью по ночам и служила вестницей гибели. Ни философ, ни Таис не могли подозревать, что более двух тысяч лет после их встречи, в одном из самых распространенных языков мира страшное ночное видение, кошмар будет по-прежнему называться «ночной кобылой».

Богиня-кобыла превращалась в трехликую богиню-музу. Ее три лика соответствовали Размышлению, Памяти и Песне. Лишь впоследствии, когда женские божества уступили мужским, трехликая Муза стала Гекатой, а Девы-Музы умножились в числе до девяти и находились в подчинении у Аполлона — водителя Муз.

— Теперь я понимаю, отчего древние имена нимф и амазонок звучат так: Левкиппа — белая кобыла, Меланиппа — черная, Никиппа — победоносная, Айппиппа — милосердно убивающая кобыла.

— А позднее, когда животные божества утратили свое значение, имена переменились,— подтвердил философ.— Уже при Тесее была Ипполита, Ипподамия — властитель-

ница, укротительница лошадей, то есть героини-люди, а не нимфы, подражающие животному облику. Здесь тоже произошло возвышение религии, как ты верно заметила.

— Но тогда...— Таис запнулась.

— Говори, мне ты можешь сказать все.

— Тогда почему облик Богини-Матери, Великой Богини, нежен и ласков, хотя он гораздо древнее мужских богов-убийц?

— Ты опять ошибаешься, принимая ее лишь как богиню любви и плодородия. Разве не слышала ты о бассаридах — опьяненных священными листьями полубезумных женщинах Тессалии и Фракии, в своем неистовстве раздиравших в клочья ягнят, козлят, детей и даже мужчин. Женщины бесились, размахивая пихтовыми ветвями, обвитыми плющом — знаком Артемис или Гекаты. То же было и в Афинах на Ленеях — празднестве «диких женщин» в дни зимнего солнцестояния месяца Посидеона. Лик богини-разрушительницы, богини-смерти противополагался облику матери. Соединительным звеном между ними служил образ любви — единственный, который ты знаешь.

Таис поднесла пальцы к вискам.

— Слишком мудро для меня. Неужели в далекие темные времена даже женские богини были столь же свирепы, как позднее мужчины-боги?

— Свирепы — нет. Беспощадны — да, как сама жизнь, ибо чем же они были, как не отражением жизни, высших сил судьбы, властвующих однозначно и над богами, и над людьми... Беспощадны и милосердны одновременно.

Таис сидела, смятенная и притихшая. Философ встал и положил большую теплую ладонь на завитки непокорных волос на ее лбу. Снова необычайное успокоение разлилось по телу гетеры, доверие и чувство полной безопасности усиливали остроту восприятия.

— Слушай внимательно, Таис-афинянка. Если поймешь, что я скажу тебе, станешь моей духовной дочерью... Верить можно во все, что угодно, но вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом, устремленным в будущее. Мы, эллины, еще очень незрелы — у нас нет морали и понимания людских чувств, как на далеком Востоке. Никогда не созреет до религии вера египтян, но и у нас есть философы, ты сама назвала двух, забыв Платона и еще нескольких мудрецов...

— Платона я не забыла. Но великий мудрец, создавая свой план идеального государства, забыл о женщинах и их

любви. Мне кажется, он признавал только любовь между мужчинами, и потому я не считаю его нормальным человеком, хоть он и знаменитый философ, олимпийский борец и государственный муж. Но ты прав, я забыла Аристотеля, хотя с ним знакома лично,— загадочно улыбнулась Таис.

Делосец поморщился.

— Нет. Этот знаток явлений природы не менее дик в моральных вопросах, чем египтяне. Можешь исключить его. Важнее другое: только в начале своего возникновения любая религия живет и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни — обряды, и все кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почетную жизнь.

— Что ты говоришь, отец?!

— То, что ты слышишь, Таис! Не все ли равно — женская богиня или Аполлон, Артемис или Асклепий? Жизнь на земле без боязни, красивая, простирающаяся вдоль и вширь, как светлая, устланная мрамором дорога,— вот что сделалось моей мечтой и заботой.

— И ты пришел с Делоса в Египет...

— Чтобы узнать корни нашей веры, происхождение наших богов, понять, почему до сих пор эллины живут без понимания обязанностей и целей человека среди других людей и в окружающей Ойкумене. Ты поняла уже, что в Египте нечего искать законов морали — их нет в религии древних охотников, сохранившейся у земледельцев Нила. Но есть другие народы...— философ умолк, проведя рукой по лбу.

— Ты устал, отец,— Таис поднялась, прикоснулась с поклоном к его коленям.

— Ты поняла! Силы мои убывают. Я чувствую, что не увижу своего Делоса и не напишу всего, что узнал в Египте.

— Не утруждай себя, отдохни, ешь здешний розовый виноград и вкусные плоды колючих пальм,— заботливо сказала гетера, и старик улыбнулся.— Да, да, я принесу тебе в следующий раз. Когда ты позволишь мне посетить тебя снова?

Не получив ответа, Таис одиноко пошла по темным проходам, жутковато напоминавшим ей пережитое в Лабиринте.

Свет и зной полудня ощутимо ударили в нее горячей волной, унылый гул «пятидесятидневника» показался сначала даже приятным. Но уже к вечеру в своем насквозь

продуваемом доме, в тревожном беге теней от колеблемых сквозняком светильников Таис опять потянуло в темноту храма, к странному старому эллину, давшему ей впервые в жизни светлый покой отрешения. Юной девушкой Таис видела во сне Афродиту Уранию. Сон, повторявшийся несколько раз в последние годы, вспоминался так: Таис, босая и нагая, поднималась по лестнице необъятной ширины к зеленой стене из густых миртовых деревьев, проскальзывала между их переплетавшимися ветвями и выходила на свет — яркий, но не пронизывающий, теплый, но не знойный. Она приближалась к статуе Афродиты Урании. Богиня из полупрозрачного розового родосского мрамора, пронизанная светом неба, сходила с пьедестала и обвивала плечи Таис сияющей рукой немыслимой красоты. Урания заглядывала в лицо Таис. Чувство необычайной отрады и покоя переполняло юную гетеру. Но она не любила этот сон — с течением лет все резче был контраст между чистым покоем любви, исходившим от Урании, и исступленным искусством и трудом той любви, которая составила славу Таис, образованной гетеры и знаменитой танцовщицы самого знающего народа в мире, каким считали себя афиняне. И вот радостный покой, испытанный прежде только в полудетских снах об Урании, пришел к Таис наяву при встрече с философом.

А в Мемфисе ширились слухи о божественном сыне македонского царя Филиппа. Александр осаждает Тир, его жители упорствуют, но искусные механики македонцев решили создать перешеек между материком и островом, на котором стоит город. Гибель древнего финикийского порта неминуема. Когда Тир падет, то, кроме Газы, больше некому будет сопротивляться победоносному Александру. Его надо ждать в Египте.

Флот Александа, отрезая Тир, проникает все дальше на юг, и недавно эллинский корабль, шедший в Навкратис, встретил пять судов якобы под командой самого Неарха.

Эгесихора сделалась дерзкой и беспокойной, чего прежде не случалось с лакедемонянкой. Может быть, горячий ливийский ветер со своей неослабной силой проникал в души людей, делая их нетерпеливыми, скорыми на расправы, нечуткими и грубыми. Таис давно заметила, что переносит жару легче, чем Эгесихора. Ветер Сета меньше влиял на нее, и она старалась реже встречаться с подругой, чтобы ненароком не вызвать ссоры. Вдвоем с верной Гесионой или с Менедемом Таис ходила на берег реки. Там она подолгу сидела на плавучей пристани. Обилие текучей воды

гипнотизировало эллинов, и каждый погружался в свои думы, глубокие, затаенные, неясные...

Однажды Таис получила приглашение от делосского жреца, переданное устно мальчиком — служителем храма Нейт. С волнением собиралась Таис на рассвете следующего дня, надев скромную одежду.

Делосский философ сидел на спускавшихся к Нилу ступенях храма, погруженный в созерцание удивительно тихого рассвета.

— Ты была в Фивах, которые мы, эллины, называем Диосполисом?— встретил он афинянку вопросом и на утвердительный наклон ее головы продолжал:— Видела ли ты там основание золотого круга, украденного Камбисом два века назад при завоевании Египта?

— Видела. Мне объяснили, что круг был из чистого золота, тридцать локтей в поперечнике и локоть в толщину. Могло ли быть такое?

— Да. Круг весил около тридцати тысяч талантов. Камбису потребовалось пять тысяч верблюдов, чтобы увезти его разрубленным на десять тысяч кусков в Персию.

— Зачем отлили столь бессмысленную массу золота?

— Глупо, но небессмысленно. Величайший фараон-завоеватель хотел доказать всей Ойкумене вечность Египта, его власти, его веры в великом круговороте вещей. Воцарение владык-мужчин, богов и героев, привело к отчаянному желанию увековечения. Женщины знают, как хрупка жизнь, как близка смерть, а мужчины мечтают о бессмертии и убивают без конца по всякому поводу. Таково древнее противоречие, оно неразрешимо. И человек создает для себя, для других, если может, для всей страны замкнутый круг, где он — в центре, а наверху — всемогущий и грозный бог.

— Чего хотят этим добиться?

— Неизменности владычества и благополучия для царей и вельмож, крепости веры для жрецов, устойчивости в мыслях народа, безропотной покорности рабов.

— И потому Египет пронес свою веру сквозь тысячелетия?

— Не только Египет. Есть страны, замкнувшиеся в себе для сохранения своих царей, богов, обычаев и жизни на тысячелетия. Я называю их круговыми. Таков Египет, еще есть Персия, Сирия. На западе Рим, а очень далеко на Востоке — Срединная страна желтокожих раскосых людей.

— А мы, Эллада? У нас есть понимание, что все течет?!

— Начиная с Крита, вся Эллада, Иония, а с нами и Финикия — открытые страны. Нет для нас круга, запирающего жизнь. Вместо него — спираль.

— Я слыхала про серебряную спираль...

— Ты знаешь? Еще не время говорить об этом. Огромна область наследия исчезнувших детей Миноса. В Ливию на запад простирается она и гораздо дальше на восток, где в десятках тысяч стадий за Гирканией лежат древние города. И за Парапамизами, за пустыней Арахозией, до реки, называемой Инд. Говорят, что от них остались лишь развалины, подобно Криту, но открытая душа этих народов живет в других людях тысячелетия спустя.

— Зачем открываешь ты мне это знание, отец? Чем могу я, служительница Афродиты, помочь тебе?

— Ты служишь Эросу, а в нашем эллинском мире нет более могучей силы. В твоей власти встречи, беседы, тайные слова. Ты умна, сильна, любознательна и мечтаешь возвыситься духовно...

— Откуда ты знаешь, отец?

— Мне многое открыто в сердцах людей. И думается, что ты скоро пойдешь на восток с Александром, в недоступные дали азиатских степей. Каждая умная женщина — поэт в душе. Ты не философ, не историк, не художник — все они ослеплены, каждый своею задачей. И не воительница, ибо все, что есть в тебе от амазонки,— лишь искусство ездить верхом и смелость. Ты по природе не убийца. Поэтому ты свободнее любого человека в армии Александра, и я выбираю тебя своими глазами. Ты увидишь то, что я никогда не смогу. Скорая смерть ожидает меня.

— Как же я расскажу тебе?

— Не мне. Другим. Около тебя всегда будут умные, значительные люди, поэты, художники, ибо их привлекает твоя сущность. И это будет еще лучше, чем рассказывал бы я. Останется в памяти людей, войдет в песни поэтов, в писания историков, в легендах разойдется по Ойкумене и достигнет тех, кому следует знать.

— Боюсь, ты делаешь ошибку, отец. Я не та, которая нужна тебе. Не мудра, невежественна, кружит мне голову Эрос, танец, песня, поклонение мужчин, зависть женщин, неистовство скачки.

— Это лишь преходящие знаки твоей силы. Я посвящу тебя, научу внутреннему смыслу вещей, освобожу от страха.

— Что я должна сделать?

— Завтра ты придешь вечером, одетая в новую линостолию, в сопровождении спутника и подождешь на ступеньках, пока Никтур, Страж Неба, не отразится в водах Нила. Устроишь свои дела так, чтобы отсутствовать девять дней.

— Слушаю, отец. Но кто же спутник?

— Появится в назначенное время. Твои месячные в соответствии с Луной?

— Да,— с запинкой, после некоторого колебания призналась Таис.

— Не смущайся. Нет тайны и недостойного в здоровом теле женщины, разве лишь для глупцов. Дай мне левую руку.

Таис повиновалась. Делосец положил ее ладонь на стол, раздвинул пальцы и несколько секунд рылся в небольшом ларце из слоновой кости. Он извлек кольцо из электрона с красным гиацинтом необыкновенного густорозового отлива. На плоском камне был вырезан равнобедренный треугольник с широким основанием, вершиной вниз. Надевая его на указательный палец Таис, философ сказал:

— Это знак власти великой женской богини. Теперь иди!

ГЛАВА ПЯТАЯ

МУЗА ХРАМА НЕЙТ

Рано возвратившаяся из храма, Танс лежала ничком на своем широком ложе, положив голову на руки и болтая в воздухе пятками, в то время как Клонария растирала ей спину ореховым маслом, а обиженная Гесиона молча возилась в углу, подгоняя по фигуре только что купленную льняную одежду — линостолию.

Как всегда, Эгесихора не вошла, а ворвалась, распространяя запах розового масла и сладкой аравийской смолки.

— Ты опять бегала в храм Нейт,— вызывающе спроси-

ла она подругу,— скоро это кончится? Жду не дождусь приезда македонцев — они сумеют взять тебя в руки.

— Спартанцы не сумели?— поддразнила Таис.

— Сегодня эллинские художники и поэты Мемфиса устраивают симпосион,— игнорируя выпад подруги, заявила Эгесихора,— попробуй не быть на нем.

— Что тогда?

— Тогда я тебе не завидую. Они умеют ославить в песнях и рисунках так, что надолго запомнишь.

Таис посерьезнела.

— Ты права. Я пойду.

— То-то. И плясать придется так, что отдохнем получше!

Эгесихора растянулась рядом с Таис, жестом подозвав Гесиону. Та, просияв, отбросила льняную столу и, щедро поливая маслом спартанку, принялась усердно массировать ее.

Обе подруги пришли в полудремотное расслабленное состояние и заснули, укрытые общим одеялом из мягкой каппадокийской шерсти.

Симпосион в просторном доме с большим садом, принадлежавшем самому богатому греческому купцу Мемфиса, собрал невиданное для плохого времени года число гостей. Надменная персидская знать, недавно презиравшая эллинов, затем сторонившаяся их после вторжения Александра и битвы на Гранике, теперь, когда царь царей потерпел жестокое поражение на Иссе, стала искать общества влиятельных греков. Появление Хризосфиры и Аргиропесы («Златоногой» и «Сереброногой»), как прозвали Таис и Эгесихору их поклонники-поэты, вызвало крики восторга. Обе подруги явились в сопровождении спартанских военачальников во главе с самим стратегом Эоситеем.

В стеклянных кратерах с причудливыми извивами разноцветных полос виночерпии смешивали с водой густое фиолетовое вино верхнеегипетских виноградников и ярко-розовое, доставлявшееся из Сирии, через Навкратис. Звучала негромкая музыка, соединяя в одно печаль двойных эллинских флейт и резкие стоны египетских, загадочный, как бы зовущий издалека, звон систров, гудение струн китары, лиры и большой арфы. Изредка вступали хором египетские мандолины с длинным грифом и колокольчиками, заглушавшиеся ударами бубнов-киклом. Подчиняясь искусному руководителю, все собрание разноголосых инструментов создавало печальный ритмический хор со звонки-

ми, восторженными всплесками высоких нот и грубоватыми звенящими ударами, под который так хорошо и проникновенно плясали танцовщицы Эллады, Египта и Финикии.

Обе знаменитые гетеры явились в одинаковых прозрачных серебристо-белых хитонах, но с различными украшениями, по-особому подчеркивавшими и смуглую черноту Таис, и божественно золотую прическу Эгесихоры. Ожерелье из огненно-красного граната (пиропа, или Нофека) — камня весеннего равноденствия — облегало высокую шею афинянки, а длинные серьги из крупных аметистов — амулеты против опьянения — сверкали по обе стороны ее круглого веселого лица. У Эгесихоры такие же серьги были из берилла — морского камня, а широкое египетское ожерелье из ляпис-лазури и белого сирийского агата-яхалема знаменовало скорый приход лета для того, кто понимал язык драгоценностей.

Симпосион начинался, как принято в Элладе, с легкого ужина, затем танцев, выступлений певцов, поэтов и рассказчиков с постепенно нарастающим опьянением и разгулом, когда респектабельные гетеры и артистки покидали распаленную мужскую компанию. Но было еще далеко до утраты чувства меры и красоты. Гости жадно слушали и смотрели, забывая допивать свои чаши. Эллины считали себя выше варваров, то есть всех чужестранцев, еще и потому, что чуждались обжорства. Дикими и нелепыми казались грекам обычаи сирийцев и персов — все время что-нибудь есть или пить, щелкать орехи и семечки, грязно шутить и болтать, обнимать первых попавшихся женщин вместо спокойного раздумья, углубления в себя, радостного любования красотой.

Под звон колокольчиков и систр медленно и плавно развертывался звездный танец египетских девушек: с красными венками в крупновьющихся волосах, в длинноскладчатых одеждах тончайшего льна, они шли чередой, тонкие, как стебельки, сосредоточенные и важные. Их строй поворачивал направо, по солнцу, «строфе», показывая движение звезд. Разрывая ряд, двигались в «антистрофе» налево более быстрые девушки, все одеяние которых состояло из пояска разноцветных стеклянных бус. Танцовщицы в белом склонялись, доставая пол вытянутыми руками, а между ними, подняв сомкнутые над головами руки, изгибались плавными змеиными движениями смуглые тела. Тщательно и благоговейно исполнялись древние египетские танцы — ни одного некрасивого, резкого, даже

просто лишнего движения, ничто не нарушало прелести этих струящихся и клонящихся юных тел. Эллины замерли в немом и почтительном восхищении.

Но когда под стремительные раскаты струн и удары бубнов на смену египтянкам ворвались аулетриды и принялись кружиться, извиваться и вертеть бедрами, в движениях апокинниса — любимого гетерами танца эротической отваги и смелости, сила Эроса воспламенила эллинов. Послышались восторженные крики, выше поднялись чаши с вином, сплескиваемые на пол в честь Афродиты.

— Гречанки здесь превосходно танцуют,— воскликнул Эоситей,— но я жду твоего выступления!— и властно обнял Эгесихору.

Та послушно прильнула к его плечу, возразив:

— Первая будет Таис. И ты ошибаешься, думая, что аулетриды танцуют хорошо. Смотри, наряду с полными совершенства движениями у них немало грубых, некрасивых поз, рисунок танца беспорядочен, чересчур разнообразен. Это не самое высокое искусство, как у египтянок. Те выше похвал.

— Не знаю,— буркнул Эоситей,— я, должно быть, не люблю танца, если в нем нет Эроса.

— И в тех есть, только не в той форме, какую ты понимаешь,— вмешалась Таис.

Перед пирующими появились несколько разнообразно одетых юношей и зрелых мужей. Предстояло выступление поэтов. Эоситей развалился на ложе и прикрыл рукою глаза. Таис и Эгесихора сошли со своих мест и сели с внешней стороны стола. Поэты принадлежали к кикликам, посвятившим себя кругу гомеровских сказаний. Они собрались в круговой хор и пропели поэму о Навзикае под аккомпанемент двух лир. Уподобляясь Лесху Митиленскому, поэты строго следили за напевностью гекзаметрической формы и увлекли слушателей силою стихов о подвигах Одиссея, с детства близких каждому автохтону — природному эллину. Едва замерли последние слова ритмической декламации, как вперед выступил веселый молодой человек в серо-голубой одежде и черных сандалиях с высоким, «женским» переплетом ремней на щиколотках. Он оказался поэтóм-рапсодом, иначе певцом-импровизатором, аккомпанирующим себе на китаре.

Рапсод приблизился к Таис, склонился, коснувшись ее колен, и важно выпрямился. Сзади к нему подошел лирник в темном хитоне, со старомодной густой бородой. Повинуясь кивку юноши, он ударил по струнам. Сильный

голос рапсода разнесся по залу, построенному с учетом законов акустики. Поэма — воспевание прелестей Таис — вызвала веселое возбуждение гостей. Рапсоду стали подпевать, а поэты-киклики снова собрались дифирамбическим кругом и служили голосовым аккомпанементом. Каждый новый эпитет в конце строфы импровизированного гимна, подхваченный десятками крепких глоток, гремел по залу. Анайтис — зажигающая, Тарготеле́я, Анедома́ста — дерзкогрудая, Киклотомерион — круглобедрая, Тельгорион — очаровательница, Панто́рпа — дающая величайшее наслаждение, Толмеро́пис — дерзкоглазая...

Эоситей слушал, хмурился, поглядывая на Эгесихору. Спартанка смеялась и всплескивала руками от восторга.

— Волосы Таис,— продолжал поэт,— это дека оймон меланос кианойо (десять полос черно-вороной стали) на доспехах Агамемнона! О сфайропигеон тельктерион (полная обаяния)! Киклотерезоне...

— О моя Хризокома Эгесихора!— перебил его могучим басом Эоситей.— Левкополо́я — несущаяся на белых конях! О филетор эвнехис — прекрасноплечая любимая! Мелибоя — услада жизни.

Гром рукоплесканий, смех и одобрительные выкрики заглушили обоих. Растерявшийся рапсод замер с раскрытым ртом. Таис вскочила, хохоча и протягивая обе руки поэту и аккомпаниатору, поцеловала того и другого. Бородатый лирник задержал ее руку, глазами указывая на кольцо делосского философа.

— Завтра вечером ты будешь в храме Нейт.

— Откуда ты знаешь?

— Я буду сопровождать тебя. Когда прийти и куда?

— Потом. Сейчас я должна танцевать для всех.

— Нет, не должна!— властно заявил бородатый аккомпаниатор.

— Ты говоришь пустое! Как я могу? Мне надо отблагодарить за рапсодию, показать поэтам и гостям, что не зря они пели. Все равно заставят...

— Я могу избавить тебя. Никто не попросит и не заставит!

— Хотелось бы мне увидеть невозможное.

— Тогда выйди, будто для того, чтобы переодеться, постой в саду. Можешь не менять одежду, никто не захочет твоего танца. Я позову тебя...

Настойчивые крики «Таис, Таис!» усиливались. Сгорая от любопытства, афинянка выбежала в боковой ход, задернутый тяжелой занавесью. Вопреки совету бородатого

она не спустилась на четыре ступени в сад, а осталась наблюдать, чуть отодвинув плотную ткань.

Бородатый отдал лиру и сделал знак подбежавшим помощникам.

— Пока Таис готовится, я покажу вам чудеса восточных стран,— громко объявил он.

Вблизи столов поставили два стеклянных шара. Круглые зеркала отбросили на них пучки лучей от ярких светильников. Загоревшись золотым светом, шары стали вращаться от ремешков, приводимых в движение помощниками. Другие легкими ударами по металлическим зеркалам выбивали долгий, равномерно вибрирующий, идущий издалека звон. Бородатый распростер руки, и тотчас его помощники поставили две огромные курильницы справа и слева. Он устремил на гостей блестящие, пронзительные глаза и сказал:

— Кто хочет увидеть Тихе, богиню счастья, и попросить у нее исполнения желаний, пусть смотрит не отрываясь на любой из шаров и повторяет ее имя в такт звучанию зеркал.

Вскоре весь зал хором твердил: «Тихе, Тихе!» Шары завертелись быстрее. Вдруг бородатый сунул обе руки в свой кожаный пояс и высыпал две горсти курений на угли. Резко пахнущий дым, подхваченный легким током воздуха, быстро распространился по залу. Бородатый отступил назад, оглядел толпу пирующих и воскликнул:

— Вот перед вами Тихе в сребротканой одежде, с зубчатой золотой короной на рыжих волосах! Видите ее?

— Видим!

Мощный хор голосов показал, что в странной игре приняли участие все гости.

— Так что же: танец Таис или милость Тихе?

— Тихе, Тихе!— столь же дружно заревели гости, протягивая руки к чему-то невидимому для Таис.

Бородатый снова бросил курения на угли, сделал несколько странных жестов — и люди оцепенели. Тогда он резко повернулся и шагнул за занавес. Таис едва успела отшатнуться. Бородатый коротко сказал:

— Идем.

— А они?— тихо спросила она загадочного человека.

— Очнутся скоро. И те, что стояли поодаль, засвидетельствуют, что тебя отвергли, взывая к Тихе.

— Она на самом деле явилась им?

— Они видели то, что я приказал.

— Где ты овладел искусством так повелевать толпой?

— Сэтеп-са давно знали в Египте, а я побывал еще в Индии, где владеют этим искусством лучше.

— Кто же ты?

— Друг того, кто ждет тебя завтра после заката солнца. Пойдем, я доведу тебя домой. Не годится Таис разгуливать по ночам одной.

— Чего мне бояться рядом с таким повелителем людей?

— Вовсе не так, но пока ты не поймешь этого. Моя власть заключена лишь в развитой леме (воле), а ее можно употребить лишь в подходящий и подготовленный момент.

— Теперь я понимаю. Твое чародейство — лишь неизвестное нам искусство. А я подумала, что ты сын Гекаты, богини ночного наваждения.

Бородатый коротко засмеялся. Он молча довел Таис до ее дома и, условившись о встрече, исчез. Служанки спали, кроме Гесионы, которая устроилась у светильника с шитьем и ждала госпожу. Она ожидала, что Таис явится на рассвете, с факелами и шумной толпой провожатых. Услышав ее голос в ночной тиши, Гесиона в тревоге и недоумении выбежала на крыльцо. Таис успокоила свою добровольную рабыню, выпила медового напитка и улеглась в постель. Подозвав к себе Гесиону, она объявила об отъезде на декаду и дала фиванке распоряжения на время отсутствия. Девушка попросилась поехать с Таис, и отказ хозяйки поверг Гесиону в отчаяние.

— Ты отвергаешь меня, госпожа, уходишь от меня. У меня нет никого на свете, кроме тебя, а теперь я тебе не нужна. Что я буду делать, если люблю тебя больше жизни? Я убью себя!..

До сих пор Гесиона плакала редко. Сдержанная, чуть суровая, она наотрез отказывалась участвовать в танцах или симпосионах, отвергала мужские домогательства.

Таис велела Гесионе лечь с нею рядом, гладила по голове и щекам и, когда рыдания стихли, объяснила фиванке причину, по которой она не могла ее взять с собою ни в прошлый, ни в этот раз. Гесиона успокоилась, села на постель, глядя на госпожу с восхищением и некоторым страхом.

— Не бойся, я не изменюсь,— рассмеялась Таис,— и ты будешь со мной, как и прежде. Но не всегда же — придет твой черед, появится тот, за которым ты пойдешь куда глаза глядят. Познаешь сладость и горечь мужской любви.

— Никогда! Я их ненавижу!

— Пусть так, пока ты не излечишься от потрясения войны. Любовь возьмет свое. Ты здорова и красива, отважна, не может быть, чтобы ты избежала сетей Афродиты!

— Я буду любить только тебя, госпожа!

Таис, смеясь, поцеловала ее.

— Я не трибада, смятением двойной любви не одарила меня богиня. И тебя тоже. Поэтому Эрос мужской любви неизбежен для нас обеих. Женщин он непременно разделит, а судьба разведет. Будь готова к этому! Но наши с тобой имена означают слуг Исиды. Может быть, нам и суждено быть вместе?

Гесиона соскользнула на пол, упрямо хмуря брови, счастливая сознанием, что Таис не отвергает ее. А та заснула почти мгновенно, усталая от впечатлений длинного дня.

В сумерках Таис и вчерашний поэт-чародей сидели на ступенях храма Нейт над темной рекой, ожидая восхода Стража Неба.

Бородатый поэт сказал, что делосский философ запретил узнавать его имя. Это великий мудрец, хотя известен лишь тем, что познал учение орфиков, пифагорейцев и гимнософистов. Несколько лет он жил на западе Ливийской пустыни, где обнаружил опустелые развалившиеся древнекритские святилища. Именно оттуда прошел сквозь все эллинские страны культ тройной богини Гекаты, змеи-богини Крита и Ливии. Ее прекрасные жрицы-обольстительницы, или Ламии, в Элладе стали страшными демонами ночи. Демоном сделалась и богиня-сова, превратившаяся у обитателей Сирии в Лилит — первую жену первого человека. Сирийская лунная богиня тоже изображалась с телом змеи, а в Египте иногда с львиной головой. Нейт, в сущности, та же трехликая змея — богиня Ливии. Главная богиня Аттики — Афина Мудрость — родилась на берегах озера Тритон в Ливии, как тройная змея-богиня. Повсюду в древних религиях главной является тройственная богиня Любви, отсюда три Музы, три Нимфы. В поздних мифах она обязательно побеждается мужчиной-богом или героем, вроде Персея.

Делосец говорит, что богини и боги древних религий, переходя к новым народам, всегда превращаются в злых демонов. Надо опорочить прежнее, чтобы утвердить новое. Таковы, к сожалению, люди...

Великая Богиня-Мать, или Ана, соединяющая в себе лики Мудрости, Любви и Плодородия, повернулась ныне к людям другой стороной: стала богиней Зла, Разрушения, Смерти. Но память чувства сильнее всего, древние верования постоянно всплывают наверх из-под спуда новых. Образы Аны разделились, стали богинями Эллады: Ур-Ана — Афродита, Ди-Ана — Артемис, Ат-Ана — Афина. Лунная богиня Артемис, самая древняя из всех, сохранила свой тройной облик и стала Гекатой, богиней злых чар, ночного наваждения, водительницей демонов ночи, а ее брат Аполлон Убийца стал светлым богом солнца и врачевания...

— И ты не боишься говорить о богах, будто они люди?— тревожно спросила Таис, до того слушавшая бородатого не прерывая.

— Делосский учитель уже сказал тебе... кроме того, я поэт, а все поэты поклоняются женской богине. Без нее нет поэта, он обращается только к ней. Она должна покориться правде его слов. Ибо поэт ищет истину, познает вещи, которые не интересуют ни Музу, ни Любовь. Она богиня, но и женщина тоже, как ты!

— Ты говоришь мне, как будто я...

— Потому он и поэт!— раздался позади их слабый, но ясный голос.

Оба вскочили, склонившись перед делосским жрецом.

— Вы даже забыли, что Никтурос уже отразился в воде реки.

Бородатый, сразу утративший важность, пробормотал что-то в оправдание, но делосец знаком остановил его:

— Поэт всегда должен быть впереди, в этом его сущность. Если нечто еще могучее перезрело, омертвело — его надо разрушить, и поэт становится разрушителем, направляет сюда удар осмеяния. Если что-то милое еще слабо, не окрепло или даже уничтожено — его надо создать вновь, влить в него силу. Тут поэт — мечтатель, восхвалитель и творец! Потому у него постоянно два лица, еще лучше, если три, как у Музы. Но горе ему и людям, если только одно. Тогда он сеятель вреда и отравы.

— Осмелюсь возразить тебе, мудрец из Делоса,— бородатый поднял голову,— почему ты говоришь только о поэте? Разве философы не в равной мере ответственны за свои слова?

— Я не говорю о мере, которая равна для всех. Ты знаешь, насколько магия слова и звука сильнее тихого го-

лоса софистов. Власть поэта над людьми гораздо большая, оттого и...

— Я понял, учитель, и опять склоняюсь перед твоей мудростью. Не трать больше слов.

— Нет, я вижу, ты еще не достиг всей глубокой силы поэта, хотя и посвящен Пятью Лепестками Лотоса. Понятие стиха происходит от корня слова «борьба», но поэт в своем другом обличье еще непременно разделяет воюющих. Он примиритель, как велось издревле. Почему так?

Бородатый смущенно растопырил пальцы, выдавая этим жестом, что он из Митилены, и делосец улыбнулся.

— Тогда слушай и ты, Таис, ибо это поможет тебе понять многое. После воцарения мужских богов, пришедших с севера вместе с ахейцами, данайцами и эолийцами, племенами, покорившими пеласгов, «Народ Моря», пятнадцать веков назад беспокойный, самоуверенный мужской дух заменил порядок и мир, свойственный женскому владычеству. Герои-воины заменили великолепных владычиц любви и смерти. Жрецы объявили войну женскому началу. Но поэт служит Великой Богине и потому является союзником женщины, которая хотя и не поэт сама, но Муза.

Новые народы отделяют Солнце от Луны, мужского бога от Анатхи-Иштар, наделяя его полнейшим могуществом, считая началом и концом всего сущего... Ты только что говорил Таис, и правильно, что боги старой религии становятся злыми демонами в новой. Я прибавлю еще, что богини, как владычицы злых чар, все больше оттесняются прочь. Это происходит и на востоке, и на западе, и в Элладе. Вместе с богинями уходит поэзия, уменьшается число и сила поэтов. Я предчувствую беды от этого далеко в будущем.

— Почему беды, могу я спросить тебя, отец?— сказала Таис, до сих пор стоявшая молча.

— Единая сущность человека разрывается надвое. Мыслитель-поэт встречается все реже. Преобладает все сильнее разум — Нус, Фронема, более свойственный мужчинам, вместо памяти — Мнемы, Эстесиса и Тимоса — чувства, сердца и души. И мужчины, теряя поэтическую силу, делаются похожими на пифагорейских считальщиков или на мстительные и расчетливые божества сирийских и западных народов. Они объявляют войну женскому началу, а вместе с тем теряют духовное общение с миром и богами. Расплачиваясь с божеством, они считают, как деньги, свои заслуги и грехи и вместо очищения получают роковое чувство вины и бессилия.

— Когда же это началось, отец? Почему так случилось?

— Очень давно! Когда человек потерял веру в себя и стал надеяться на изобретенные им инструменты, все более отдаляясь от естества и ослабляя свои внутренние силы. Женщина жила по-иному и больше сохранила себя, стала сильней мужчины в душе, в любви и знании своей сущности. Так считают орфики... Но довольно об этом, ночь наступила, пора идти...

Волнение участило дыхание Таис. Она пошла следом за мужчинами через небольшой дворик к каменному пилону, возведенному над уходящей в склон холма галереей. Некоторое время они шли молча, осторожно ступая в темноте. Затем Таис услышала, как бородатый поэт спросил делосского философа:

— Надо ли понимать сказанное тобой, что мы, эллины, несмотря на огромные знания и великое искусство, нарочно не стремимся создавать новые орудия и машины, чтобы не расстаться с чувствами Эроса, красоты и поэзии?

— Мне думается, что да, хотя, может быть, мы и не сознаем этого.

— Мудро ли это?

— Если весь мир идет к разрыву поэта и философа, чувства и разума, к приятию всеразумного и всемогущего, карающего бога, от живой природы — в полисы, под защиту стен и машин, тогда наш путь приведет к гибели.

— Но будет славная гибель! Нас воспоют в веках!

— Ты прав. На тысячи будущих лет Эллада останется прекрасной грезой для всех чего-нибудь стоящих людей, невзирая на все наши недостатки и ошибки! Мы пришли!

Делосец остановился и обернулся к Таис. Гетера замерла. Философ ободряюще улыбнулся и взял ее за руку, что-то шепнув поэту. Тот исчез в боковом проходе, а философ провел Таис в очень высокое круглое помещение, освещенное дымящимися факелами ароматического дерева. Он взмахнул рукой — и тотчас загрохотали невидимые барабаны. Они били громко, ускоряя темп, вскоре грохочущие каскады звуков, обрушиваясь на Таис, заставили ее вздрагивать всем телом, увлекая ее ритмом и мощью. Философ наклонился к афинянке и, повысив голос, приказал:

— Сними с себя все. Сандалии тоже.

Таис повиновалась не раздумывая. Делосец одобрительно погладил ее по волосам, велел вынуть гребень и снять ленты.

— В тебе видна кровь Великой Богини. Стань в центре круга.

Таис стала в центре, все еще вздрагивая от грохота, а делосский мудрец исчез. Внезапно, как будто из стен, вышли девять женщин с венками из красных цветов на распущенных волосах, нагие, как Таис, не египтянки, но и не эллинки, неизвестного Таис народа. Одна из них, старшая возрастом, крепкая, широкогрудая, с целой шапкой мелко вьющихся волос, с темно-бронзовой кожей, подбежала к Таис. Остальные построились кольцом вокруг.

— Делай, как мы!— приказала старшая на хорошем греческом, взяв афинянку за руку.

Женщины пошли цепочкой, высоко приподнимая колени и держа друг друга за распущенные волосы. Темп, ускоряясь, перешел в бег. Разъединившись, они закружились волчком — стробилосом, замерли, потом, извиваясь в игдибме — диком танце троянской богини, неистово завращали бедрами; снова понеслись, запрокидывая головы и простирая руки, словно готовы были обнять всю Ойкумену. Грохот барабанов превратился в сплошной рев, танцовщицы выделывали замысловатые движения, изредка хрипло выкрикивая что-то пересохшими ртами. Одна за другой женщины падали на пол и откатывались к стене — из-под ног танцующих. Таис, отдавшая себя всю дикому ритуалу, не заметила, что осталась вдвоем со старшей танцовщицей. Восемь других валялись на полу в изнеможении. Старшая продолжала плясать, залитая потом, с удивлением глядя на Таис, не отставшую от нее и лишь пламеневшую жарким румянцем. Неожиданно танцовщица остановилась, высоко подняв руки. Музыка, если можно было назвать ею этот неимоверный грохот, так же внезапно смолкла. Старшая низко поклонилась Таис и издала резкий вопль. Лежавшие на полу танцовщицы разом поднялись. Афинянка осталась одна, все еще трепеща от возбуждения.

Откуда-то сверху раздался голос делосского философа:

— Очнись, иди направо.

Таис заметила узкий, как щель, выход из круглого зала и пошла туда, чуть пошатываясь, как в тумане. Позади с тяжелым лязгом захлопнулась дверь, и стало совершенно темно. Таис вытянула руки, сделала несколько осторожных шагов. Вдруг на нее сверху обрушилась масса соленой воды, пахнувшей морем. Ошеломленная афинянка отступила, но вспомнила про закрытую позади дверь и снова пошла. Проход поворачивал под прямым углом раз, другой. После второго поворота едва заметный свет мелькнул в углу. Мокрая с головы до ног, еще не остывшая, Таис

с чувством облегчения устремилась было вперед — и остановилась, окаменев от страха. Она очутилась в высоком, без крыши зале, колодцем поднимавшемся в звездное ночное небо. Всю площадь пола занимал бассейн с водой. Только там, где стояла Таис, была неширокая насыпь из настоящей морской гальки, наклонно уходившая в воду. Волна тихо плескалась на гальке, откуда-то дул ветер, крутил, пытался загасить пламя единственного факела, бросавшего красные блики на черноту воды. Зубы Таис стукнули несколько раз, она зябко передернула плечами, стараясь унять дрожь, но гнетущее чувство страха, непонятного и неосознанного, не проходило.

— Не бойся, дочь моя! Я с тобою,— делосский философ показался на противоположной стороне бассейна и медленно стал обходить его по обложенному гранитом краю.

— По ритуалу надо еще приковать к скале, и чтоб морское чудовище пожрало тебя. Однако ты уже подвергалась куда более страшному испытанию в Лабиринте, и мы решили отменить первую ступень. Здесь я рассыплю уголь трех священных деревьев — дуба, орешника и ивы, они употребляются для погребального костра и знаменуют власть, мудрость и очарование. На углях, как на ложе мертвых, ты и будешь ночевать. Возьми,— философ взял из ниши в стене охапку черной овечьей шерсти и подал Таис,— ты проведешь здесь в одиночестве, лежа ничком, ночь до первых признаков рассвета. Начнет светать, иди обратно в галерею, повернешься налево, на мерцание светильника, и войдешь в темную пещеру, где проведешь день. Когда услышишь звон, иди снова на гальку — до следующего рассвета. На этот раз лежи на спине, созерцай небо и повторяй древний гимн Гее. Так будет еще две ночи. Я приду за тобой. Придется поститься. Вода для питья в пещере — в амфоре у ложа. Хайре!

Таис, дрожа в ознобе, расстелила часть шерсти на гальку и, не сразу устроившись на этом необычном ложе, постаралась накрыть себя сверху. Чуть слышный плеск волны нагонял сон...

Она очнулась от холода, чувствуя боль от впившихся в тело галек. Пахло овцой, черная вода в бассейне казалась нечистой, волосы пришли в беспорядок и слиплись от соленого душа. Таис подняла голову и увидела, что небо утратило бархатную черноту и начинает сереть. Вспомнив приказ делосца, она собрала шерсть в кучу, тщательно растерла занемевшее тело и пошла в подземелье. Она ис-

пытывала голод, рот ее пересох, ей казалось, что она очень грязная. Таис недоумевала. Неужели в этих столь простых неудобствах и состоит испытание посвящения? Посвящения во что? Внезапно афинянка припомнила, что философ ничего не сказал ей об том. И она ничего не спросила, проникшись детским доверием к удивительному старику. Раз он считает необходимым посвятить ее, значит, так нужно! Но неудобства ночи, после которой ничего не произошло, настроили ее скептически. Она просто спала, правда, спала на скверном ложе, в мрачном, нелепом колодце. Зачем? Что изменилось в ней?

К своему удивлению, афинянка нашла в подземелье чашу для умывания и все необходимое для туалета. Умывшись, с трудом расчесав свои густые волосы, Таис напилась и, несмотря на голод, почувствовала себя гораздо лучше. Светильник догорел и погас. Наступила полнейшая темнота. Таис ощупью добралась до ложа, покрытого мягкой тканью, и долго лежала в глубокой задумчивости, пока сон не овладел ею. Проснувшись от звенящего медного удара, она направилась к бассейну, расстелила шерсть поудобнее и улеглась на скрипящей гальке, обратив взгляд в яркозвездное небо.

Выспавшись еще днем, она лежала без сна всю ночь, не отрывая глаз от звезд. Странное чувство взлета незаметно пришло к ней. Сама земля вместе с ней устремилась к небу, готовому принять ее в свои объятия. «Радуйся, матерь богов, о жена многозвездного неба!» — пришли ей на память по-новому понятые слова древнего гимна. Таис казалось, что она слилась со щедрой, широкой Геей, ждущей соединения с черной, сверкающей звездами бесконечностью. Великая тайна мира вот-вот должна была открыться ей. Таис раскинула руки, все тело ее напряглось, стон мучительного нетерпения сорвался с губ. А черное покрывало ночи по-прежнему висело над ней неизмеримой бездной, загадочное мерцание светил не приближалось. Резкий спад ее порыва не огорчил, а оскорбил афинянку. Она увидела себя со стороны, жалкую, маленькую, обнаженную, на дне колодца, в безысходном круге высоких и гладких каменных стен. Ее мнимое слияние с Геей было дерзким святотатством, непостижимое осталось прежним, будущее не сулило великого и светлого. Таис захотелось вскочить и убежать прочь, как самозванке, вторгшейся в запретное и наконец понявшей свое ничтожество. Что-то, может быть, воля делосца, еще удерживало ее на месте.

Постепенно Таис подчинилась покою звездной ночи, и ощущение уверенности в себе заменило прежнее смятение. Однако, когда она пришла в пещеру, чтобы забыться тревожным сном, беспокойство вернулось, усиленное голодом и непониманием, зачем ее заставляют проделывать все это.

Третья ночь наедине со звездами на берегу символического моря началась по-иному. После двух дней в темноте звезды виделись особенно яркими. Одна из них приковала внимание Таис. Острый луч ее через глаза проник в сердце, разлился по телу голубым огнем колдовской силы. Устремив свой взгляд на звезду, сосредоточившись, она вспомнила волшебные возгласы ритуальных танцев, что помогают собирать воедино силы и чувства, и стала повторять: «Гея-Таис, Гея-Таис, Гея-Таис...» Беспорядочный поток мыслей замедлился, почва под Таис покачнулась, и ее понесло неощутимо, плавно, подобно кораблю в ночном море.

Наконец-то Таис поняла цель и смысл своего испытания. Конечно, там, на островах Внутреннего Моря, человек, оставленный наедине с морем в ночной тиши, легче проникался первобытным слиянием с природными силами Геи, растворяя себя в вечном плеске волн.

Жалкая символика не позволила ей быстро настроить себя на глубокое чувство, войти в поток времени, подобно Ахелою-Аргиродинесу*, катящему серебряные волны из неизвестности будущего во мрак подземелий прошлого. Если стремления с самого начала были искренни и сильны, то сосредоточие и подъем духа могли достигаться и среди этой почти театральной декорации.

Протекла будто совсем короткая ночь, и разноцветье звезд стало холодеть, серебрясь признаком близкого рассвета. Повинуясь внезапному желанию, Таис встала и, потянувшись всем телом, бросилась в глубину черной воды. Удивительным теплом обдало ее, вода, прежде казавшаяся ей застойной, нечистой, спорила свежестью с морской. Едва ощутимое течение ласковой рукой гладило, успокаивало раздраженную кожу. Таис перевернулась на спину и опять устремила взор в небо. Рассвет катился из восточной пустыни, а Таис не знала, следует ли ей снова удаляться во тьму пещеры или ожидать знака здесь. Ее не-

* Река в древней Спарте, вытекавшая из земли и пропадавшая в земле.

доумение прервалось знакомым медным ударом. На галечной насыпи появился старый философ.

— Иди ко мне, дочь! Пора приступать к обряду.

Почти одновременно с его словами буйная заря ясного дня взвилась в высоту сумрачного неба, отразилась от гладкой стены колодца, и Таис увидела себя в кристально прозрачной воде бассейна из полированного темного гранита. Перевернувшись, она быстро доплыла до галечной насыпи. Ослепленная после долгого пребывания в пещере и сумраке ночей, она вышла из воды и прикрылась мокрыми вьющимися прядями волос.

За спиной делосца появился бородатый поэт с каким-то черным камнем в руке.

— Ты должна быть символически поражена громовым ударом и очищена им — он ударит тебя камнем, упавшим с неба. Откинь назад волосы, склони голову.

Таис безропотно повиновалась — так возросло ее доверие к старому философу.

Удара не последовало. С шумным вздохом поэт отступил, прикрывая лицо свободной рукой.

— Что с тобой, митиленец?— повысил голос старик.

— Не могу, отец, столь прекрасно это создание творческих сил Геи. Взгляни на ее совершенство; я подумал, что оставлю рубец, и рука моя опустилась.

— Понимаю твои чувства, но обряд следует выполнить. Догадайся, где рубец менее всего будет заметен.

Видя нерешительность поэта, делосец взял камень сам.

— Заложи руки за голову,— отрывисто приказал он Таис и нанес резкий удар острой гранью камня по внутренней стороне руки, выше подмышек. Таис слегка вскрикнула, потекла кровь. Жрец собрал немного крови и размешал в воде бассейна. Забинтовав руку афинянки полотняной лентой, он удовлетворенно сказал:

— Видишь, про этот рубец будет знать только она да еще мы двое.

Поэт со склоненной головой подал Таис чашу козьего молока с медом — напитка, которым вспоила Зевса в пещере Крита божественная коза Амальтея. Таис осторожно выпила ее до дна и почувствовала, как отступил голод.

— Этот напиток означает возрождение к жизни,— сказал философ.

Поэт надел на голову Таис венок из сильно пахнувших белых цветов с пятью лепестками и поднес светло-синюю столу, по подолу которой вместо обычной бахромы бежал

узор из крючковатых крестов, показавшийся афинянке зловещим. Делосский философ, как всегда, угадал ее мысли.

— Это знак огненного колеса, пришедший к нам из Индии. Видишь, концы крестов отогнуты противосолонь — против вращения солнца. Колесо может катиться лишь посолонь (по вращению солнца) и знаменует добро и благосклонность. Но если ты увидишь похожие колеса-кресты с концами, загнутыми посолонь, так что колесо катится лишь против вращения солнца — знай, что имеешь дело с людьми, избравшими путь зла и несчастья.

— Как танец черного колдовства, который танцуют ночью противосолонь вокруг того, чему хотят повредить?— спросила Таис, и делосец кивнул утвердительно.

— Вот три цвета трехликой богини-музы,— сказал поэт, обвязывая Таис поясом из продольно-полосатой белосине-красной ткани. Он отдал афинянке низкий египетский поклон, коснувшись ладонью своего правого колена, и безмолвно вышел.

Делосец повел Таис из подземелья через залитый ослепительным светом дворик в верхний этаж надвратного пилона.

Последовавшие семь дней и ночей заполнили странные упражнения в сосредоточении и расслаблении, усилиях и блаженном отдыхе, чередовавшемся с откровениями мудреца о таких вещах, о каких хорошо образованная Таис никогда и не подозревала. Казалось, в ней произошла большая перемена — к лучшему или к худшему, она еще не могла оценить. Во всяком случае, из храма Нейт на волю выйдет другая Таис, более спокойная, мудрая. Она никогда никому не рассказывала о суровых днях, необыкновенных чувствах, вспыхнувших подобно пламени, пожиравшему обветшалые одежды детской веры. О страдании от уходящего очарования успехов, казавшихся столь важными, о постепенном утверждении новых надежд и целей она могла бы рассказать лишь дочери, на нее похожей. Жизнь не лежала перед ней более прихотливыми извивами дороги, проходящей бесчисленными поворотами от света к тьме, от рощ к речкам, от холмов до берегов моря. И везде ждет неведомое, новое, манящее...

Жизненный путь теперь представлялся Таис прямым, как полет стрелы, рассекающим равнину жизни, вначале широким и ясным, далее становящимся все более узким, туманящимся и в конце концов исчезающим за горизонтом. Но удивительно одинаковым на всем протяжении,

будто открытая галерея, обставленная одинаковыми колоннами, протягивалась туда, вдаль, до конца жизни Таис...

Дейра, «Знающая», как тайно именовалась Персефона, вторглась в душу, где до сей поры безраздельно властвовали Афродита и ее озорной сын. Это необыкновенное для юной, полной здоровья женщины чувство не покидало афинянку во время всего ее пребывания в храме Нейт и странным образом способствовало остроте восприятия поучений делосского философа. Старик открыл ей учение орфиков, названных так потому, что они считали возможным выход из подземного царства Аида, подобно Орфею, спасшему свою Эвридику.

Учение, возникшее в глубине прошлых веков из сочетания мудрости Крита и Индии, соединило веру в перевоплощение с отрицанием безысходности кругов жизни и судьбы. Великий принцип «все течет, изменяется и проходит», отраженный в имени великой критской богини Кибелы-Реи, натолкнулся на вопрос — будет ли возвращение к прежнему?

— Да, будет всегда!— отвечали мудрецы Сирии и Пифагор — знаменитый ученик орфиков, пеласт с острова Самоса, который увел орфиков в сторону от древней мудрости, предавшись игре чисел и знаков под влиянием мудрецов Ур-Салима.

— Не будет,— говорили философы староорфического толка.— Не Колесо, вечно совершающее круг за кругом, а Спираль — вот истинное течение изменяющихся вещей, и в этом спасение от Колеса.

«Боги не создавали Вселенную, она произошла из естественных физических сил мира,— так учили орфики.— Космос — это прежде всего порядок. Из Хаоса, Хроноса (Времени) и Этера (пространство эфира) образовалось яйцо Вселенной. Яйцо стало расширяться, одна его половина образовала небо, другая — землю, а между ними возникла Биос — жизнь».

Удовлетворяя потребности мыслящих людей своего времени, орфики не подозревали, конечно, что двадцать шесть веков спустя величайшие умы гигантски возросшего человечества примут подобную же концепцию происхождения Космоса, исключив лишь Землю из главенства во Вселенной.

За двенадцать веков до Таис родился миф о Самсоне — ослепленном богатыре, прикованном к мельнице и осужденном вечно вращать ее колесо. Издревле вращающийся

небосвод сравнивался людьми с мельницей. Как уйти от Колеса, от безысходности кругов жизни и судьбы?

Орфики решили эту проблему по-своему. До сей поры можно найти их наставления на золотых медальонах, которые они надевали на шеи своим умершим. Когда томимая жаждой душа умершего плелась по подземному царству через поля белых лилий — асфоделей, она должна была помнить, что нельзя пить из реки Леты. Ее вода, темная от затенявших берега высоких кипарисов, заставляла забывать прошедшую жизнь. Душа становилась беспомощным материалом для цикла нового рождения, разрушения, смерти, и так без конца. Но если напиться из священного ключа Персефоны, скрытого в роще, тогда душа, сохраняя память и знание, покидает безысходное Колесо и становится владыкой мертвых.

Вместе с пришедшим из Азии учением о перевоплощении орфики сохранили древние местные обряды.

— От тебя,— сказал делосский философ,— учение орфиков требует помнить, что духовная будущность человека находится в его руках, а не подчинена всецело богам и судьбе, как верят все, от Египта до Карфагена. На этом пути нельзя делать уступок, отступлений, иначе, подобно глотку воды из Леты, ты выпьешь отраву зла, зависти и жадности, которые бросят в тебя дальние бездны Эреба. Мы, орфики Ионии, учим, что все люди однозначны на пути добра и равноправны в достижении знания. Разность людей от рождения огромна. Преодолеть ее, соединить всех, так же как и преодолеть различие народов, можно только общим путем — путем знания. Но надо смотреть, что за путь объединяет народы. Горе, если он не направлен к добру, и еще хуже, если какой-нибудь народ считает себя превыше всех остальных, избранником богов, призванным владычествовать над другими. Такой народ заставит страдать другие, испытывая всеобщую ненависть и тратя все силы на достижение целей, ничтожных перед широтою жизни. Мы, эллины, не так давно стали на этот дикий и злой путь, раньше пришли к нему египтяне и жители Сирии, а сейчас на западе зреет еще худшее господство Рима... Оно придет к страшной власти. И власть эта будет хуже всех других, потому что римляне — не эллинского склада, темные, устремленные к целям военных захватов и сытой жизни с кровавыми зрелищами.

Вернемся к тебе,— оборвал сам себя старый философ,— нельзя быть орфиком нашего толка, если, помимо цели, забывать о цене, какой досталось все людям. Я не

говорю о простых вещах, доступных рукам ремесленника, а думаю о больших постройках, храмах, городах, гаванях, кораблях, обо всем, что требует усилий множества людей. Никакой самый прекрасный храм не должен пленять тебя, если он выстроен на костях и муках тысяч рабов, никакое величие не может быть достойным, если для его достижения были убиты, умерли с голоду, потеряли свободу люди. Не только люди, но и животные, ибо их страдания тоже отягощают чашу весов судьбы. Потому многие орфики не едят мяса...

— Отец, а почему боги требуют кровавых жертв?— спросила Таис и вся подобралась, увидев огонь гнева в глазах учителя.

Он помолчал, затем сказал грубо и отрывисто, совсем непохоже на прежнюю спокойную речь:

— Дикие жертвы диким богам приносят убийцы...

Таис смутилась. Не однажды во время бесед делосца приходило к ней чувство, что она вторгается в запретное, кощунственно отстраняет завесу, отделяющую смертных от богов.

— Не будем говорить о том, к чему ты еще не готова!

И делосский философ отпустил Таис.

В последующие дни он учил ее правильному дыханию и развитию особенной гибкости тела, позволяющей принимать позы для сосредоточения и быстрого отдыха. С детства вышколенная физически, великолепно развитая, воздержанная в пище и питье, она оказалась настолько способной ученицей, что старик от удовольствия хлопал себя по колену, воодушевляя афинянку.

— Я могу лишь научить тебя приемам. Дальше, если захочешь и сможешь, ты пойдешь сама, ибо путь измеряется не одним годом!— приговаривал он, проверяя, насколько хорошо запоминает Таис.

На шестой день — цифре жизни пифагорейцев — старик подробнее рассказывал Таис о праматери всех божеств — Великой Богине. Вероучители лгут, стараясь доказать, что изначален бог-мужчина. Тысячелетия тому назад все народы поклонялись Великой Богине, а в семье и роде главенствовали женщины. С переходом главенства к мужчине пути стали расходиться. Древние религии были стерты с лица Геи или целиком предались вражде с женщиной, назвав ее источником зла и всего нечистого.

На Востоке, в безмерной дали отсюда, есть огромная Срединная страна, современница уничтоженной критской. Там желтолицые и косоглазые люди считают мужское на-

чало Янь олицетворением всего светлого, а женское начало Инь — всего темного в небе и на земле.

В знойных долинах Сирии обитает не менее древний, мудрый народ, вначале поклонявшийся Рее-Кибеле, как и критяне. Затем женское имя богини превратилось в мужское — Иегову. Еще совсем недавно в Верхнем Египте существовал культ Иеговы и двух богинь, его жен: Ашима-Бетхил и Анатха-Бетхил. Затем жены исчезли, и бог остался единым. На востоке совместное поклонение великой богине Астарет, или Иштар, и Иегове раскололось на две различные веры. Первая взяла многое от обожествлявшего женщину Крита, из критской колонии Газы и древнего города мудрости Библоса. Знаменитый храм Соломона построен по подобию критских дворцов с помощью строителей Гебала-Библоса.

Вера поклонников Иеговы объявила женщину нечистой, злодейской, своими грехами вызвавшую изгнание людей из первобытного рая. Под страхом смерти женщина не смеет показаться даже мужу нагою, не смеет войти в храм... Чем нелепее вера, тем больше цепляются за нее непросвещенные люди, чем темнее их душа, тем они фанатичнее. Непрерывные войны, резня между самыми близкими народами — результат восшествия мужчины на престолы богов и царей. Все поэтическое, что связано с Музой, исчезает, поэты становятся придворными восхвалителями грозного бога, философы оправдывают его действия, механики изобретают новые боевые средства.

А если царь становится поэтом и поклоняется Музе в образе прекрасной возлюбленной, то ее убивают. Такова была история комагенского царя Соломона и Суламифи. Ее должны были убить еще и за то, что она нарушила запрет и не скрывала своей наготы.

— Но у нас в Элладе так много поэтов и художников воспевают красоту женщин,— сказала Таис.

— Да, у нас женские и мужские боги не разошлись далеко, и в этом счастье эллинов, на вечную зависть всем другим народам. В Элладе женщинам открыт мир, и потому они не так отличаются невежеством, как у других народов, и дети их не вырастают дикарями. Тех, кто во всей красоте позирует художникам и скульпторам, у нас не убивают, а прославляют, считая, что отдать красоту людям не менее почетно, чем мастеру перенести ее на фреску или в мрамор. Эллины поняли силу Эроса и важность поэзии для воспитания чувств. Мы не сумели сделать так, чтобы женщины сочетали все свои качества в одном лице, но, по

крайней мере, создали два вида женщин, в двух ее важнейших обликах: хозяйки дома и гетеры-подруги.

— Какой же из них важнее?

— Оба. И оба едины в Великой Богине-Матери, Владычице Диких Зверей и Растений. Но помни, что Великая Богиня не живет в городах. Ее обиталище — холмы и рощи, степи и горы, населенные зверями. Еще — море, она и морская богиня. Пророки Сирии считали море прародиной всего греховного, с ним связана Рахаб — соблазнительница и наследница вавилонской богини Тиамат. Они восклицали: «Не будет больше моря!» И египтяне тоже боятся моря...

— Как странно! Мне кажется, я не смогла бы долго жить без моря,— сказала Таис,— но меня не пугает город, когда он стоит на морском берегу.

— А разве ты не знаешь, какому облику следовать?— усмехнулся философ.— Не задумывайся! Сама судьба поставила тебя гетерой, пока ты молода. Будешь старше — сделаешься матерью, и многое изменится в тебе, но сейчас ты — Цирцея и обязана выполнять свое назначение.

На вопрос Таис — какое назначение, делосец объяснил ей, что женская богиня — Муза, хотя и не кровожадна, но вовсе не так добра, как это видится влюбленным в нее поэтам. Среди обычных людей существует поговорка о том, что быть поэтом, любить поэта или смеяться над ним — все одинаково гибельно. Древние лунные богини Крита и Сирии были украшены змеями для напоминания, что их прекрасные образы скрывают Смерть, а львы сторожат свои жертвы у их ног. Таковы же их сестры: богиня-сова с горящими мудростью глазами, летающая ночью, возвещая смерть, подобно «Ночной кобылице» Деметре, или беспощадная соколиха Кирка (Цирцея), вестница гибели, владычица острова Плача — Эа на севере Внутреннего моря. Кирка — волшебница любви, превращавшая мужчин в зверей соответственно их достоинству — свиней, волков или львов. Артемис Элате (Охотница), следящая за здоровьем всех диких зверей и людей, уничтожая слабых, больных, малоумных и некрасивых.

Великая богиня Муза обнажена, как дарящая истину, как не привержепная ни к месту, ни к времени. Она не может быть домашней женщиной, она всегда будет противостоять ей. Женщины не могут сколько-нибудь долго выдержать ее роль.

— Я знаю,— грустно и тревожно сказала Таис,—

сколько менад кончают самоубийством на празднествах любви.

— Я доволен тобою все больше!— воскликнул философ.— К твоим словам добавлю, что та, которая родилась быть музой, но вынуждена быть домашней хозяйкой, всегда живет под искушением самоубийства. Твоя роль в жизни — быть музой художников и поэтов, очаровательной и милосердной, ласковой, но беспощадной во всем, что касается Истины, Любви и Красоты. Ты должна быть бродильным началом, которое побуждает лучшие стремления сынов человеческих, отвлекая их от обжорства, вина и драк, глупого соперничества, мелкой зависти, низкого рабства. Через поэтов-художников ты, Муза, должна не давать ручью знания превратиться в мертвое болото.

Предупреждаю тебя — это путь нелегкий для смертной. Но он не будет долог, ибо только молодые, полные сил женщины могут выдержать его.

— А дальше? Смерть?

— Если осчастливят тебя боги умереть еще молодой. Но если нет, то ты повернешься к миру другим лицом женщины — воспитательницы, учительницы детей, сеятельницы тех искорок светлого в детских душах, что потом могут стать факелами. Где бы ты ни была и что бы с тобой ни случилось, помни, ты — носительница облика Великой Богини. Роняя свое достоинство, ты унижаешь всех женщин — и Матерей, и Муз, даешь торжествовать темным силам души, особенно мужской, вместо того чтобы побеждать их. Ты — воительница. Поэтому никогда не падай перед мужчиной. Не позволяй силе Эроса делать противное тебе, разрешать унижающие тебя поступки. Лучше Антэрос, чем такая любовь!

— Ты сказал, отец, Антэрос?

— Ты побледнела. Чего ты испугалась?

— С детства нам внушали, что самое худшее несчастье, которого боится сама Афродита, это неразделенная любовь. Она обрекает человека на невыносимые муки, мир становится для него Нессовой* одеждой. Бог такой любви Антэрос изобретает все новые уязвления и мучения. И я не могу преодолеть детского страха.

— Теперь ты посвящена в знание орфиков и Трехликой богини и победишь этот страх. Ты видела людей, подобных нашему поэту, владеющих даром подчинять людей своей

---

* Отравленная одежда убитого кентавра Несса, которую надел и не мог снять Геракл.

воле? Таких немало. Есть среди них тираны, демагоги, стратеги. Беда, если они служат силам зла, причиняя страдания. Следует избегать всякого общения с подобными людьми, распространяющими вокруг себя вредное дыхание недоброй магии, называемой черной. Знай, что есть способы влиять на людей через физическую любовь, влечение полов, через красоту, музыку, танцы. Подчиняясь целям и знанию черного мага, женщина, обладающая красотой, во много раз увеличивает власть над мужчинами, а мужчина над женщинами. И горе тем, которые будут ползать у их ног, презираемые и готовые на все ради одного слова или взгляда. Вот это и есть истинный Антэрос! Бесконечно разнообразны жизнь и люди. Но ты владеешь силой не подчиняться слепо ни людям, ни любви, ни обманным словам лживых речей и писаний. Зачем же тебе бояться неразделенной любви? Она только укрепит твой путь, возбуждая скрытые силы. Для того я и обучал тебя!

— А грозные спутники Антэроса — месть и расплата?

— Зачем тебе следовать им! Нельзя унижать и мучить мужчину, так же как унижаться самой. Держись тонкой линии мудрого поведения, иначе опустишься до положения унижаемого, и оба будете барахтаться в грязи низкой жизни. Вспомни о народах, считающих себя избранными. Они вынуждены идти на угнетение остальных военной ли силой, голодом или лишением знаний. Неизменно в их душах растет чувство вины, непонятное, слепое и тем более страшное. Поэтому они мечутся в поисках божества, снимающего вину. Не находя такого среди мужских богов, бросаются к древним женским богиням. А другие копят в себе вину и, озлобляясь, делаются мучителями и палачами других, топча достоинство и красоту человека, стаскивая в грязь, где тонут сами. Эти наиболее опасны. Некогда у орфиков были неметоры — тайные жрецы Зевса Метрона, Зевса Измерителя, обязанностью которых было своевременно с помощью яда уничтожать подобных злых людей. Но давно уже нет культа Зевса Измерителя, нет и тайных жрецов его. А число мучителей растет в Ойкумене. Иногда мне кажется, что дочь Ночи, Немесия*, надолго уснула, одурманенная своим венком из дающих забвение наркисов.

— А ты знаешь тайну яда?

---

* Немесия, или Немезида,— карающая богиня греческой мифологии.

— Нет. И если бы знал, то не открыл тебе. Назначение твое иное. Совмещать разные пути нельзя. Это приведет к ошибкам.

— Ты сам меня учил: орфики не губят людей. Хотелось узнать, на случай...

— Случаев нет! Все нуждается в Понимании и Разоблачении — двух великих составляющих Справедливости. Что бы ни встречалось тебе в жизни, никогда не ступай на черную дорогу и старайся отвращать людей от нее. Для этого ты вооружена достаточно! Можешь идти домой. Я устал, дочь моя. Гелиайне!

Таис упала на колени перед учителем. Благодарность переполняла ее, и успокоение отразилось на лице делосского философа, когда она поцеловала его руку.

— Если ты научилась здесь скромности... нет, ты родилась с этим счастливым даром судьбы! Я рад за тебя, прекрасная Таис!— делосец с трудом поднялся с кресла.

Острая тоска, предчувствие долгой разлуки с полюбившимся наставником заставили Таис медлить с уходом. Она пошла к главному входу, но вспомнила про свой странный и яркий наряд и остановилась. Нельзя же в нем идти по улице. А может, эту одежду ей дали лишь на время? Как бы в ответ навстречу ей перебежал дворик знакомый мальчик-служка этого безлюдного храма. Низко поклонившись, он повел ее в боковой притвор, куда она приходила в первый раз. Там она нашла свою одежду и сандалии. Мальчик сказал:

— Я провожу тебя домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НИТЬ ЛАКОНСКОЙ СУДЬБЫ

После девяти дней тесноты и темноты храмовых комнат голова ее слегка кружилась. Ветер Сета стих. Воздух стал прозрачным. В восьмидесяти стадиях отсюда, на севере, снова четко видны были гигантские пирамиды. За храмом два узких озерка почти обмелели. Подобрав подол своей льняной столы, Таис пошла по утоптанной глине между прудами, через большой парк, избегая шумной улицы. Она чувствовала себя неуверенно среди толпы.

Едва она вышла за ограду парка и повернула вдоль нее к набережной, как услышала за спиной быстрый и четкий военный бег. Еще не обернувшись, узнала Менедема.

— Откуда ты, милый?— ласково приветствовала она спартанца.

— Бродил вокруг храма. Сегодня десятый день, и конец твоего плена. Я поздно догадался, что ты пойдешь через пруды. Истосковался без тебя. Я ведь тогда даже не успел попрощаться: проклятый чародей отвел нам глаза на симпосионе. Спасибо фиванке, объяснила мне все, а то бы я переломал кости этому митиленцу.

— Не ревнуй!— Таис положила руку на тяжелое плечо воина.

— О нет, совсем нет! Я знаю теперь, кто ты, госпожа!

Таис даже остановилась.

— Да, да!— продолжал спартанец.— Вот!— он взял ее за руку, склонился и поцеловал кольцо со знаком треугольника на ее пальце.

— Ты орфик?— с изумлением воскликнула Таис.— Ты тоже посвящен?

— О нет. Мой старший брат — жрец Реи. От него я узнал тайны, понять которые не способен. Однако они манят меня, как манит завеса между жизнью и смертью, между любовью и красотой. И я могу чувствовать, хоть и не понимаю, я всего-навсего простой воин и воспитан для сражений и смерти. А истинный орфик не убивает даже зверей и птиц, не ест мяса...

Таис вдруг ощутила прилив необыкновенной нежности к этому могучему мужчине, как мальчику, нежному и чувствительному в делах богов и любви.

— Пойдем ко мне,— сказал Менедем,— я хотел отпраздновать твое посвящение.

— Пойдем,— согласилась Таис,— хорошо, что ты встретил меня!

Менедем для свиданий с Таис нанимал глинобитный домик на западной окраине, среди редких пальм и огородов. Здесь долина реки суживалась, и домик стоял недалеко от третьей главной аллеи. Обставленное бедно даже для спартанца, жилище Менедема всегда приводило в умиление Таис. Она забывала, что с лаконской точки зрения Менедем еще не достиг полного совершеннолетия, не стал андросом, то есть тридцатилетним, и все еще подчинялся мужской дисциплине, куда более жестокой, чем общественный режим свободных спартанок.

Два-три красивых сосуда, несколько звериных шкур —

вот и все, чем мог украсить свое жилище скромный воин. А за эти дни в доме появился бронзовый треножник старинной работы.

Менедем предложил Таис сбросить длинную линостолию, а потом поднял ее и усадил на треножник, как жрицу-прорицательницу или богиню. Удивленная афинянка подчинилась, любопытствуя, что будет дальше.

Спартанец принес из кухни горящих углей, насыпал в две курительницы, стоявшие по бокам, и аромат драгоценных аравийских смол дымными струями стал подниматься рядом с Таис.

Менедем взял ее за руку, еще раз приложился губами к кольцу с треугольником и, склонив голову, медленно опустился на колени. Он оставался в этой позе так долго, что Таис почувствовала неловкость — и от торжественности его позы, и от неудобного положения на высоком треножнике. Она шевельнулась осторожно, боясь обидеть Менедема. Спартанец заговорил:

— Ты так умна и прекрасна! Я верю, что ты — не простая смертная. Благодарю тебя за божественную радость! Я не могу выразить свое великое счастье, язык не повинуется мне, но даже во сне я вижу ласковую улыбку Афродиты. Мне нечего отдать тебе, кроме своей жизни, это ведь так мало — жизнь воина, предназначенного смерти!

— О, ты лучше всех для меня, мой Сотер (спаситель)! Радуюсь под крылом твоей силы и люблю тебя,— Таис наклонилась к спартанцу, положила обе руки на его кудрявую голову,— встань скорее!

Менедем поднял глаза, и Таис ощутила в них восхищение и радость чистой и мужественной души. Смущенная, счастливая и встревоженная великой ответственностью за возлюбленного, для которого она стала и богиней, и главами жизни, афинянка постаралась весельем отогнать набежавшую откуда-то тревогу.

Этот день показался им столь коротким, что Менедем едва успел собраться на ночную стражу, в Стратопедоне.

Менедем, не слушая возражений, посадил ее на плечо и побежал с нею вниз к набережной, нанял там лодочника и велел отвезти к северному концу города. Лишь после того он понесся в лагерь. Неутомимый бегун всегда поспевал вовремя.

Усталая Таис сидела в лодке, глядя на прозрачную и прохладную воду — в это время года Нил был особенно чистым. Может быть, грусть навеяли слова Менедема о предчувствии их близкой разлуки? Голос воина был глух

и печален, когда он рассказал Таис о письме, полученном Эоситеем от царя Агиса, в котором тот призывал его назад в Спарту. Приход македонского царя Александра в Египет и покорение им этой страны неизбежны. Бессмысленно кучке спартанцев сопротивляться победителю персов. Отпадала и надобность в дальнейшем пребывании в Египте. Фараон — слуга жрецов, он отправился в Элефантину, а его казначей уже намекал Эоситею, что выплата денег скоро может прекратиться. Сатрап Дария тоже не давал никаких повелений. Страна сейчас в руках жрецов.

— И ты должен уехать со своими?— испугалась Таис.

— Это неизбежно. Но как я могу расстаться с тобой? Лучше чаша конейона*...

Таис положила палец на губы воина.

— Не говори так. Хочешь, я поеду с тобой? Вернусь в Элладу?

— Это выше всего, о чем я могу мечтать. Но...— спартанец замялся.

— Что же?

— Если бы я возвратился домой после окончания войны, а то... Только ты никому не говори об этом: мне думается, будет война.

— Против эллинского союза и Александра?

— Против кого же еще?

— Вы, спартанцы, отчаянно смелы и тупо упрямы. И кончите плохо. Но ты можешь остаться здесь, со мной?

— Кем? Конюхом Салмаах? Или плести венки?

— Зачем так жестоко? Подумаем, найдем выход. Еще есть время. Эоситей поплывет не скоро?

— Не раньше прихода Александра.

— Как жаль, что ты не можешь пойти к Александру.

— А, ты понимаешь!.. Да, будучи спартанцем, которых он не любит, ты знаешь, он даже отверг имя Спарты на трофее...

— Это преодолимо. Он мой друг.

— Твой друг?! Да, конечно же, я забыл про Птолемея. Но я должен быть со своими, и в славе, и смерти — одинаково.

— Я понимаю. Потому и не думаю, что ты пойдешь на службу к македонцам.

Таис всю дорогу пыталась что-нибудь придумать для Менедема, но так ничего и не нашла.

Как только Таис появилась среди персидских яблонь

---

* Сильнейший яд.

своего садика, Гесиона бросилась к ней с радостным воплем, и она обняла фиванку, как сестру. Прибежала и Клонария, ревниво поглядывая на «Рожденную змеей» и стараясь оттеснить ее от хозяйки.

Без промедления они заставили Таис улечься на жесткую скамью для массажа. Обе девушки принялись хлопотать, укоряя, что она совсем запустила себя.

— Теперь придется возиться всю ночь, чтобы привести тело госпожи в должный вид,— говорила рабыня, умело орудуя бронзовыми щипчиками и губкой, смоченной настойкой корня бриони, уничтожающей волосы и восстанавливающей гладкость кожи.

Гесиона в это время приготовляла ароматную жидкость с любимым запахом Таис — ирисом и нейроном. Тонкоперистые листья нейрона с их острым запахом горьковатой свежести здесь в Египте можно было доставать в изобилии. В Элладе же они распускались только на короткое время в месяце элафеболионе.

Превращение Таис в гладкую, как статуя, и душистую жрицу Афродиты прервал приезд ликующей Эгесихоры. Расцеловала подругу, но ее ждали кони, и она умчалась, пообещав прийти ночевать...

Пламя люкносов*, притушенное пластинками желтого оникса, освещало спальню слабым золотистым мерцанием. У ложа горел ночник, и четкий профиль Таис на его фоне казался Эгесихоре вырезанным из темного камня. Таис подняла высоко руку, и блеснувшее кольцо привлекло внимание спартанки.

— Ты носишь его недавно. Чей дар, скажи?— сказала Эгесихора, разглядывая резной камень.

— Не дар, а знак!— возразила Таис.

Спартанка насмешливо фыркнула.

— Мы все аулетридами носили такие знаки. Было удобно. Повернешь вершиной треугольника от себя — всякий понимает: занята. Вершиной к себе — свободна. Правда, кольца были бронзовые, и камень — синее стекло.

— А рисунок тот же?— лукаво улыбнулась Таис.

— Тот же — треугольник великой богини... Нет, наши были узкими, острее. На твоем кольце широко разведены боковые стороны, как у Астарты. Да еще камень — правильный круг. А ты понимаешь смысл этого знака?

— Не совсем,— неохотно ответила Таис, но Эгесихора, не слушая ее, подняла голову. Откуда-то из глубины дома

---

* Светильник в виде чаши или кувшина.

доносились слабые звуки, складывалась печальная мелодия.

— Гесиона,— пояснила афинянка,— она сама сделала сирингу из тростника.

— Странная она. Почему ты не выдашь ее замуж, если не хочешь учить, как гетеру?

— Надо, чтобы она опомнилась от всего того ужаса, насилия и рабства.

— Сколько же времени она будет приходить в себя? Пора бы!

— Разные люди вылечиваются в разные сроки. Куда ей спешить? Когда Гесиона станет подлинной женщиной и полюбит, взойдет новая звезда красоты. Берегись тогда, золотоволосая!

Эгесихора презрительно усмехнулась.

— Не со мной ли она будет соперничать, твоя несчастная фиванка?

— Все может быть. Вот появится здесь войско Александра...

Эгесихора внезапно стала серьезной.

— Ложись рядом, щека к щеке, чтобы никто не подслушал!

Спартанка рассказала подруге уже известное: Эоситей собирается покинуть Египет. Стратег спартанцев требует, чтобы Эгесихора уехала с ним. Он не хочет и не может расстаться с ней.

— А ты?

— Надоел он своей ревностью. Я не хочу разлучаться с тобой и хочу подождать Неарха.

— А если Неарх давно забыл тебя? Что тогда?

— Тогда,— лакедемонянка загадочно улыбнулась, одним прыжком вскочила с ложа и вернулась с небольшой корзинкой, сплетенной из листьев финиковой пальмы. С такими корзинками ходили на рынок богатые покупательницы косметики. Эгесихора уселась на край ложа, подогнув под себя ногу, воспетую мемфисскими поэтами как «сребroизваянную», и извлекла ящичек из незнакомого Таис дерева. Заинтересованная, она тоже села и коснулась пальцами гладкой сероватой крышки.

— Дерево нартекс, в стволе которого Прометей принес огонь с неба людям. У Александра есть целый ларец из нартекса. Он хранит там список «Илиады», исправленный твоим другом Аристотелем,— и Эгесихора весело захохотала.

— А кто бежал из Афин из-за этого друга?— парирова-

ла Таис.— Но откуда тебе известны такие подробности об Александре?

Спартанка молча извлекла из шкатулки листок папируса, исписанный с двух сторон мелким аккуратным почерком Неарха.

— «Неарх, сын Мериона, шлет пожелания здоровья Эгесихоре и прилагает вот это»,— спартанка высыпала на кровать горсть драгоценных камней и два оправленных в золото флакона из искрящегося огоньками «тигрового глаза».

Гетеры высшего класса понимали в драгоценностях не хуже ювелиров. Таис вынула лампион из ониксового экрана, и подруги склонились над подарком. Пламенно-красные пиропы («огненные очи»), огромный рубин с шестилучевой звездой внутри, густо-синий «царский» берилл, несколько ярких фиолетовых гиацинтов, две розовые крупные жемчужины, странный плоский бледно-лиловый камень с металлическим отблеском, неизвестный гетерам, золотистые хризолиты Эритрейского моря. Неарх понимал толк в камнях и поистине царский дар сделал столь давно разлученной с ним возлюбленной.

Эгесихора, раскрасневшись от гордости, подняла самоцветы на ладони, наслаждаясь их игрой. Таис обняла ее, целуя и поздравляя.

— О, чуть не забыла, прости меня, я становлюсь сама не своя при виде подарка.

Спартанка развернула кусочек красной кожи и подала Таис маленькую, с мизинец, статуэтку Анаитис, или Анахиты, искусно вырезанную из цельного сапфира. Богиня стояла в живой позе, резко отличавшейся от обычной, скованно-неподвижной, закинув одну руку за голову, а другой поддерживая тяжелую сферическую грудь. Синий камень на выпуклых местах отливал шелком.

— Это Неарх передает тебе, просит помнить.

Афинянка взяла драгоценную вещицу со смешанным чувством досады и облегчения. Птолемей также мог бы прислать ей что-нибудь в знак памяти, и если не прислал, то забыл. Хвала Мигонитиде, если Александр и его полководцы явятся сюда, ей не нужно будет решать задачу, как отделаться от прежнего возлюбленного, ставшего полководцем могущественного завоевателя.

— Задумалась о Птолемее?— по-женски проницательная спартанка приложила горячую ладонь к ее щеке.

— Нет!— встряхнулась Таис.— А ты что будешь делать?

— Ждать Неарха!— убежденно ответила Эгесихора.

— А Эоситей?

— Пусть отправляется в Спарту, в Македонию, хоть в Эреб.

— И ты не боишься его ревности?

— Я ничего не боюсь!

— Я знаю, что ты тимолеайна — отважная, как львица, но мой тебе совет: храни эту шкатулку у меня.

— Совет мудр!

В конце последнего аттического месяца весны — скирофориона — Египет встревожился необычайно. Механики Александра построили огромный мол и взяли неприступный Тир после семи месяцев осады. Восемь тысяч защитников города было убито, тридцать тысяч жителей продано в рабство. Три тысячи, страдая от недостатка воды, бичуемые, под жестоким солнцем, громоздили насыпь песка под стенами Газы. Город решил сопротивляться, несмотря на урок могучего Тира, обманутый уверениями посланцев Дария, что царь приближается с неисчислимой армией.

Не Дарий пришел к стенам Газы, а вал песка. Выше ее башен, с гребня которого македонцы поражали защитников, как на равнине. Хитрость механиков этим не ограничилась. Из-под вала македонцы провели подкопы, и стены Газы рухнули. В яростном последнем сражении Александр получил тяжелую рану. Прорицатель Аристандр предупреждал полководца, что он подвергнется большой опасности, если примет участие в бою. Горячая кровь помешала Александру послушаться его совета. Каменный валун из «аппарата», как назывались боевые метательные машины, пробил его щит и ударил в левое плечо, сломав ребро и ключицу. Несомый из боя под горестные клики, Александр улыбался и приветствовал своих воинов поднятием правой руки.

Защитники Газы — мужчины — были истреблены до последнего человека, женщины и дети проданы в рабство. Александр приказал разрушить все храмы. В Тире он ограничился тем, что поставил в главном храме Бела боевую осадную машину, а на центральную площадь по его приказу приволокли корабль Неарха.

Путь на Египет лежал открытым, Александра ожидали в Мемфисе к концу лета — в боэдромионе, как только он оправится от раны. Немало богатых людей бежало за море. Красивые дома с обширными садами в северной части Мемфиса продавались задешево.

Спартанцы собирались в дорогу. Два корабля стратега

Эоситея пришли из Навкратиса. Они стояли у причалов, готовые поднять сотню гоплитов охраны, имущество стратега и коней Эгесихоры. Спартанка ходила как потерянная, узнав о решении подруги возвратиться в Элладу. После двух бессонных ночей Таис придумала для спартанца занятие в Афинах. Дом Таис пока был цел, со всеми оставшимися в нем вещами. Она предлагала Эгесихоре поселиться у нее. Срок преследования за расправу с философами окончился в метагитнионе этого года.

Лакедемонянка умоляла Таис и Менедема не бросать ее одну в Мемфисе.

— Почему ты хочешь остаться?— недоумевала афинянка.— Поплывем вместе с Эоситеем на спартанских кораблях.

— Нельзя. От любви к Менедему тебе изменило прежнее соображение,— возражала Эгесихора,— в Спарте я не вырвусь от Эоситея. И у него планы большой войны...

— Опять? Неужели мало твоим соотечественникам? Как надоела их воинственная жестокость. Даже с нежной юности молодые спартанцы занимаются тайной облавой на илотов.

— Что ж тут плохого? Их учат мужественной свирепости в обращении с рабами. Подавлять у рабов даже мысли об освобождении.

— Рабовладелец сам раб, худший, чем илоты!

Эгесихора пожала плечами.

— Я давно привыкла к афинскому вольнодумству, но вы поплатитесь за него!

— Спарта падет раньше, как состарившийся лев, и станет пищей дряхлых гиен.

— Мы спорим о вещах военных и государственных, будто мы мужчины,— нетерпеливо сказала Эгесихора,— и ты не отвечаешь на мою просьбу. Останься вместе с Менедемом и со мной до прихода македонцев. Они ничего не сделают твоему возлюбленному, я могу поручиться.

— Я тоже сумею охранить его.

— Тогда сделай это для меня!

— Хорошо, я уговорю Менедема!

Лакедемонянка принялась душить подругу в крепких объятиях, поцелуями благодарности покрывая ее смуглые щеки.

Катастрофа разразилась, как всегда, неожиданно, подобно удару молнии.

Обе подруги прогуливались по набережной, привычные к возгласам восхищения встречных горожан и горо-

жанок, высыпавших к реке в мягкое предвечерье конца египетского лета.

Полноводный Нил тек быстрее. На его помутневшей воде сновало меньше лодок с катавшимися, чем в маловодье.

Менедем остался в лагере спартанцев в карауле. Вместо него на шаг позади Таис шла мелкой поступью Гесиона, прикрывая лицо от нескромных взглядов складкой наброшенного на голову шелка. Нескончаемая процессия пешеходов медлительно двигалась в обоих направлениях, обозревая мемфисских знаменитостей. Одевались здесь несравненно скромнее, чем в Афинах и особенно в богатых городах малоазийского и сирийского побережий. Позади подруг, привлекая внимание ростом — более четырех локтей, шествовал Эоситей в компании трех огромных лохагосов — начальников отрядов. Спартанцы, надев военные пояса, плащи и боевые шлемы с высокими гребнями-щетками из конских волос, возвышались над толпой как грозные боги. Ни египетских, ни персидских воинов не было видно.

Там, где Нил огибал древнюю дамбу, служившую для наведения наплавного моста, набережная расширялась в просторную площадь, обсаженную громадными деревьями. Две пальмовые аллеи расходились развилкой от западной стороны площади, украшенной двумя блестевшими полировкой обелисками.

Пыль клубилась по правой аллее. Навстречу ехал всадник в голубом плаще ангарейона — персидской верховой почты. На его копье висел пучок волос наподобие львиного хвоста, означавший, что он послан со специальным поручением. Всадник осадил коня между обелисками и стал всматриваться в гуляющую толпу. Его опытный взгляд быстро нашел кого следовало. Спрыгнув с лошади, неловкой походкой человека, проводящего жизнь в верховой езде, он пошел наперерез людскому потоку и, небрежно растолкав любопытных, предстал перед гетерами. Эгесихора побледнела так, что Таис испугалась за подругу и обняла ее, привлекая к себе извечным женским жестом опеки. Голубой вестник низко поклонился.

— Я еду от твоего дома, госпожа. Там мне сказали, что я найду тебя на прогулке, у реки. Кто же может ошибиться, увидев тебя? Ты — Эгесихора, спартанка!

Гетера молча кивнула, облизнув губы.

Вестник извлек из-за пояса пакет тонкой красной кожи.

— Неарх, критянин, флотоводец божественного Александра шлет тебе это письмо и требует немедленного ответа.

Эгесихора схватила маленький пакет, в нерешительности сжимая его тонкими пальцами. Таис пришла ей на помощь.

— Где найти тебя вечером для ответа и награды?

Посланный назвал ксенон почтовой станции, где он остановился, и Эгесихора махнула рукой, отпуская его. И вовремя. Эоситей сделал попытку схватить письмо, но Эгесихора уклонилась, спрятав кожаный сверток под поясом хитона.

— Эй, поди сюда!— заорал стратег в спину уходившему вестнику.

Человек в голубом плаще повернулся.

— Отвечай, откуда письмо? Кто послал тебя? Или ты будешь схвачен и ответишь под свист бича.

Вестник побагровел, вытер запыленное лицо углом плаща.

— Военачальник, ты грозишь мне вопреки обычаю и закону. Письмо пришло издалека от могущественного человека. Все, что я знаю,— это слова, какие надлежало сказать, отдавая пакет. Тебе придется скакать много парасангов через десятки почтовых статмосов*, прежде чем ты узнаешь, откуда послано письмо златокудрой...

Эоситей опомнился, отпустил вестника и подошел вплотную к Эгесихоре. Он смотрел исподлобья тяжелым и злым взглядом.

— Боги проясняют мне разум. Твое нежелание уезжать... Отдай мне письмо! Оно важно и для военных путей моего отряда.

— Сначала я прочту сама. Отойди!

Тон Эгесихоры был непреклонен. Эоситей отступил на шаг, и гетера мгновенно развернула пакет. Наблюдавшая за ней Таис увидела, как разгладилась суровая морщинка между бровей и легкая, беззаботная улыбка прежней афинской Эгесихоры тронула губы подруги. Она шепнула что-то Гесионе. Девушка шагнула в сторону, наклонилась и подала спартанке увесистый камешек. Прежде чем стратег сумел сообразить, Эгесихора завернула камень в письмо и не по-женски сильно и ловко метнула его в реку. Пакет исчез в глубине реки.

— Ты поплатишься за это!— сказал стратег под смех и шутки наблюдавших эту сцену мемфисцев.

* Станций.

Эоситей хотел было схватить ее за руку, но Эгесихора уклонилась и тут же скрылась в толпе. Военачальник счел ниже своего достоинства преследовать женщину и надменно повернул к лагерю в сопровождении помощников. Таис и Гесиона нагнали разрумянившуюся Эгесихору. Веселая, с блестящими от возбуждения глазами, она казалась столь красивой, что все оборачивались на нее.

— Что в письме?— коротко спросила афинянка.

— Неарх в Навкратисе. Предлагает плыть ему навстречу или ждать в Мемфисе. Еще раньше сюда придет Александр...— слегка задыхаясь, сказала Эгесихора.

Таис молчала, разглядывая подругу, будто незнакомку. Солнце быстро опускалось за обрывы Ливийской пустыни, мягкий свет предсумеречного покоя ясно очертил всю фигуру Эгесихоры. Таис почудилась странная тень, набросившая покров обреченности на лицо спартанки. Черные круги легли в глазницах, темные борозды подрезали тонкие крылья носа, затемнили очерк смелых губ. Словно подруга стала чужой, отдалилась и постарела на десятки лет. Таис вздохнула, поднося руку к прядям золотых волос лакедемонянки, поняла, что это лишь игра теней быстрого египетского заката, и облегченно вздохнула. Охваченная весельем, Эгесихора рассмеялась, не понимая настроения приятельницы. Смутное ощущение беды омрачило настроение Таис.

— Дружочек, тебе надо на время исчезнуть,— она схватила подругу под руку,— пока не отчалит спартанский отряд.

— Никто не посмеет, особенно теперь, под сенью непобедимого,— возразила Эгесихора.

Таис не согласилась.

— Эоситей и его спартанцы — люди особенного мужества. Они не боятся ни смерти, ни судьбы. Если ты не хочешь уплыть из Египта в трюме корабля связанной, советую подумать. Я найду такое убежище, что лазутчики не разыщут тебя.

Эгесихора засмеялась снова.

— Не могу представить, чтобы главный стратег, закаленный воин, родственник царя, в такой решительный час мог думать о женщине, о гетере, хотя бы и столь великолепной, как я.

— Ошибаешься. Он хочет владеть тобой безраздельно именно потому, что ты великолепна, как богиня, окружена всеобщим вниманием и поклонением. А расстаться, тем более отдать кому-нибудь, будь то сам Аргоубийца, для

него — унижение, худшее, чем смерть. Его или твоя... сначала твоя, но не прежде, чем ты до дна осушишь чашу унижений, которыми он воздаст тебе за власть над ним и непокорство.

Таис умолкла. Молчала и Эгесихора, не замечая ни прохожих, ни зажженных у пристани факелов.

— Пойдем домой к тебе,— встрепенулась она,— я должна написать ответ.

— Какой?

— Буду ждать здесь. Боюсь кораблей — мои соотечественники могут подстеречь меня в любом месте выше Навкратиса. Боюсь оставить лошадей — куда я их спрячу? Тем более что ты согласилась остаться здесь со мною до времени,— и Эгесихора обняла, прижимая к себе верную подругу детских лет.

Спартанка попросила Таис ее четким почерком написать короткий, исполненный любви ответ, приложила печать присланного Неархом перстня и заняла у подруги два золотых дарика, чтобы заставить вестника немедля отправиться в обратный путь до следующей станции.

Раб-садовник, спрятав письмо в набедренной повязке, тут же побежал в ксенон почтовой станции, недалеко от древнейшей ступенчатой пирамиды фараона Джосера.

Эгесихора допоздна дожидалась возвращения посланца и, лишь узнав, что вестник-почтальон согласился выехать поутру, отправилась домой с факелами и двумя сильными спутниками.

Вряд ли кто в Мемфисе осмелился бы тронуть возлюбленную самого стратега, но ночью все никтериды (летучие мыши) одинаковы.

Уснувшая поздно, Таис проспала дольше обычного. Ее разбудила Клонария, ворвавшаяся с криком: «Госпожа, госпожа!»

— Что случилось?— Таис выпрыгнула из постели.

— Мы только что с рынка,— торопилась рассказать рабыня,— и там все говорят об одном — убийстве вестника, прибывшего вчера из Дельты. Его нашли на рассвете у ворот станции...

— Беги за Гесионой!— прервала Клонарию афинянка.

Гесиона примчалась из сада и тотчас была послана с наказом привести Эгесихору. Таис приказала приготовить широкие белые египетские плащи и взнуздать Салмаах. Надев короткий хитон для верховой езды, она нетерпеливо ходила перед террасой в ожидании подруги. Наконец, встревоженная задержкой, она велела Клонарии сбегать к

Эгесихоре. Расстояние в четверть схена было пустяковым для здоровой девушки. Когда запыхавшаяся рабыня вернулась одна, Таис поняла, что ее опасения сбываются.

Хрисокома и «Рожденная змеей» уехали вместе на четверке,— сообщила Клонария.

— Куда?

— Никто не знает. Вот по той дороге.— Рабыня показала на юг.

Эгесихора, очевидно, решила укрыть своих драгоценных лошадей в садах, близ могил древнейших царей, у Тупой Пирамиды. Владелец садов был эллином по отцу и одним из ярых поклонников Золотоволосой.

Таис вскочила на Салмаах и пропала в пыли, прежде чем рабыня смогла сказать хоть слово.

Обрыв западных скал приближался к самой реке. Обогнув его, Таис осадила Салмаах. Из-за кустов показалась четверка Эгесихоры, медленно ехавшая навстречу. Одного взгляда было достаточно: случилось что-то ужасное!

Привалившись к арбиле — передней стенке колесницы, с опущенной головой стояла Гесиона. Ее волосы раскосматились на ветру, хитон сполз, обнажая плечо. Послав Салмаах вперед, Таис с пронзительной ясностью поняла, что пыльно-золотые пряди, колеблемые ветром в прорезах правого борта колесницы,— концы волос ее подруги. Подскакав ближе, она увидела залитый кровью хитон Гесионы, темные пятна на желтой краске и медленные страшные капли, падавшие в пыль позади лошадей.

Гесиона, белее афинских стен, намотала вожжи на выступ арбилы, поддерживавший верхний дышловой стержень. Девушка почти не управляла конями, лишь удерживая их. Салмаах пятилась от колесницы, чувствуя кровь и смерть. Таис спрыгнула с кобылы, бросив поводья, и бегом догнала колесницу. Эгесихора лежала, опершись боком на арбилу, низко свесилась отягощенная косами безжизненная голова. Перешагнув через ноги спартанки, Таис обняла находившуюся в полузабытьи Гесиону, отняла вожжи и остановила тетриппу.

Гесиона очнулась. С трудом разомкнув губы, она выдавила: «Нельзя, позади убийцы». Не отвечая, Таис склонилась над милой подругой, подняла ее голову, увидела серые губы и блестевшие сквозь полузакрытые веки белки остановившихся глаз. Широкая рана ниже левой ключицы, нанесенная сверху боевым дротиком, была смертельной. Таис повернула еще теплое и гибкое тело подруги на бок, уложила на дно колесницы. На миг ей показалось, что

Эгесихора, живая и невредимая, устроилась уютным клубком, заснув на пути. Вырвавшееся рыдание сотрясло все тело афинянки. Осилив горе, Таис занялась Гесионой. По правому боку шел длинный разрез от нанесенного удара. Убийца промахнулся и рассек только кожу и поверхностные мышцы, однако кровь широкой лентой продолжала медленно стекать на бедро. Таис затянула рану головным покрывалом и тронула лошадей, свистнув Салмаах, которая затрусила рядом. Они доехали до ручейка чистой воды, так и не обменявшись ни словом с Гесионой. Напоив девушку, обмыв ее лицо и окровавленные руки, Таис застыла в задумчивости. Гесиона, порываясь что-то сказать, не посмела нарушить ее молчания. Лицо гетеры, искаженное горем и отчаянием, становилось все более грозным, при этом странным образом светлея.

Внезапно Таис рванулась к колеснице, осмотрела ее, поправила перекосившийся кринон — кольцо на дышловом стержне. Гесиона последовала за ней, но Таис молча показала ей на Салмаах. Гесиона вышла из оцепенения и неожиданно легко вскочила на лошадь. Разбирая вожжи, Таис искоса взглянула на фиванку и убедилась, что та может держаться в седле. Позади на прямом участке дороги показались подозрительные, бежавшие мелкой трусцой фигуры в белых египетских накидках. Таис недобро усмехнулась и издала пронзительный визг. Кони бешено рванули с места. Испуганная Салмаах отпрыгнула в сторону, едва не сбросив Гесиону. Фиванка распростерлась на ней, вцепившись в гриву. Таис понеслась очертя голову, как никогда не делала бы даже в присутствии Эгесихоры, которая иногда учила ее управлять четверкой.

Эгесихора, златоволосая, среброногая, прекраснoплечая! Ее неразлучная подруга, поверенная всех тайн, спутница всех дорог! Рыдания снова сотрясли Таис, но мысль об убийце и мщении, гнев и ярость перекрыли все другие чувства. Она неслась, как воплощенная Эриния, окаменевшая в стремлении достичь цели. Она не успела научиться у Эгесихоры той музыкальной работе пальцев, какая требуется для гармонизации действий всех четырех лошадей. Таис помнила, что между большими и указательными пальцами правой и левой руки держат вожжи дышловой пары, а средние и безымянные — захватывают вожжи наружных пристяжек, пропущенные через кольца на холках. Повороты тетриппы в ее руках были неуклюжи. Таис мчалась напролом, едва успевая избегать серьезных препятствий.

Порыв Таис передался Гесионе, которая скакала рядом на Салмаах. Кобыла то настигала колесницу, то опережала ее, то оставалась позади, когда дорога становилась прямой и ровной, как поле стадиона.

Из отрывистых, полубессвязных выкриков Гесионы Таис поняла, что подругу подстерегли на дороге к садовому хозяйству, отстоявшему на три схена от центра Мемфиса. Эгесихора попросила Гесиону сопровождать ее, чтобы помочь управиться с лошадьми, если ее приятеля не окажется на месте. Таис поняла, что Эгесихора чувствовала нависшую над собою опасность и не хотела быть одной.

Проехав более двух схен, они достигли маленькой рощи, где дорогу колеснице преградили два человека с копьями. Эгесихора помчалась прямо на них... Люди отпрыгнули в сторону, а в это время кто-то скрывавшийся в ветвях большого дерева бросил копье в Эгесихору. Она упала мгновенно, сраженная насмерть. Гесиона плохо помнит дальнейшее. Она думала только об одном — увезти Эгесихору в город, к госпоже. Наверное, она остановила разбежавшуюся четверку, развернула ее на узкой дороге, когда убийцы явились снова. Кто-то ранил ее, метнув нож.

Она умчалась, несмотря на льющуюся кровь. Оставив далеко позади своих преследователей, она замедлила бег лошадей и намотала вожжи на выступ арбилы, чтобы вытащить копье из тела Эгесихоры. С усилием она вырвала оружие, и тут ей стало дурно.

В этом состоянии и нашла ее Таис. Сами боги привели госпожу сюда, иначе убийцы настигли бы колесницу.

Бешеным галопом пронеслись они по людным улицам под испуганные крики и угрозы разбегавшихся прохожих и носильщиков. Вихрем подлетела четверка к воротам Стратопедона. Воин на страже, одуревший на солнцепеке, сначала даже не двинулся, узнав четверку Эгесихоры. Потом, заметив неладное, нерешительно наклонил копье, преграждая путь. Таис и не подумала сдерживать озверелых коней. Со стуком полетел выбитый из рук щит, хрустнуло под колесами копье, отброшенный к столбу спартанец дико завопил, поднимая тревогу. Колесница промчалась через обширный двор для военных упражнений к огороженному решетчатым барьером навесу. Здесь обычно сидел стратег Эоситей. В глубине навеса помещалось его жилье. Эоситей, привлеченный криками, выскочил из-под навеса. Не в силах остановить тетриппу, Таис заставила ее вильнуть в сторону и зацепила осью за решетку. С треском полетели куски сухого дерева, колесница сокрушила огра-

ду и, задев за столб, остановила лошадей, которые взвились на дыбы, размахивая передними копытами и закидывая оскаленные морды.

Со всех сторон сбегались переполошившиеся военачальники. Из барака около ворот высыпал и построился отряд гоплитов — воинов в металлической броне. Гесиона проскочила в ворота следом за колесницей и подскакала на помощь к Таис.

Афинянка спрыгнула с колесницы прямо под ноги остолбеневшему стратегу.

— Убийца, гадкий трус!— закричала она, вытягиваясь перед гигантом во весь свой небольшой рост и тыча в него пальцем.— Иди смотри на дело твоих рук!— Таис показала на колесницу. От удара о столб тело Эгесихоры перекатилось назад и сползло по подножке. Казалось, спартанка уснула, улегшись головой на массу золотых волос, широко раскинув руки, в неудобной позе.

Эоситей опомнился. Схватив за руку Таис, он рванул ее в тень, в глубину навеса.

— Ты сошла с ума, женщина! Как ты смеешь обвинять меня, потомка спартанских царей, знаменитого воина?

— Вы слышали лживые слова гиены?!— обратилась Таис к собравшимся у сломанной решетки потрясенным воинам. Она презрительно расхохоталась.— Подосланные им убийцы схвачены, они уже сознались во всем!

Таис говорила с такой непоколебимой уверенностью, что Эоситей посерел от злобы.

— Умолкни, скверная блудница!— взревел он, зажимая рот Таис огромной ладонью. Гетера укусила его за пальцы, и стратег заорал от боли и отнял руку.

— Золотоволосая не хотела больше быть с ним, а вам надо покидать Египет,— торопливо объясняла Таис,— тогда он подкупил трех...— Афинянка едва успела отклониться от могучего кулака.

Тут Гесиона, полунагая, с воплем: «Я свидетельница!»— прыгнула на плечи Эоситею, вцепившись ему ногтями в глаза. Стратег сорвал ее, как кошку, отшвырнув в угол, и, не помня себя, устремился на Таис, выхватив широкий киликийский нож. Таис поняла, что сейчас будет убита. Не испытывая страха, она стояла перед гигантом, гневно и мстительно глядя ему в глаза.

В последний миг Таис прикрыл собою неведомо откуда взявшийся Менедем.

— Прочь, щенок, раб потаскухи! Эй, хватайте гнусную бабу!

Никто из воинов не двинулся, несмотря на знаменитую спартанскую дисциплину. Все любили Эгесихору и Таис, и слишком похоже было на правду обвинение.

Эоситей понял, что нерешительность грозит ему разоблачением. Оттолкнув Менедема, он схватил Таис за хитон, потянул к себе, ткань затрещала, и тут Менедем нанес ему такой удар в грудь, что стратег отлетел на несколько шагов и упал, ударившись головой о стену. Когда он вскочил, на его лице не было ни страха, ни злобы. Искусный воин, он обманул безоружного силача боковым выпадом кинжала и, внезапно извернувшись, припадая на согнутую ногу, нанес страшный удар снизу в печень.

Точно в тяжком беспробудном сне Таис увидела, как обмякли могучие мышцы верного ее атлета. Будто сломавшись, сцепив руки над раной, Менедем упал на колени, изо рта его хлынула темная кровь. Эоситей нагнулся, стараясь вытащить глубоко вонзившееся оружие. В этот момент Менедем из последних сил нанес Эоситею удар по темени обеими, сомкнутыми в пальцах руками. Последних сил в теле умирающего атлета осталось еще столько, что шея стратега хрустнула, и он свалился к ногам Таис, вытянув вперед, как для последнего удара, руку с окровавленным кинжалом.

Таис склонилась над Менедемом. Воин успел улыбнуться ей. Каждый истинный эллин умирал с улыбкой, всегда потрясавшей иноземцев. Губы Менедема шевельнулись, но Таис не разобрала ни слова. Свет погас для нее, и она в беспамятстве упала на широкую грудь Менедема, прижавшись к нему щекой.

Военачальники спартанцев молча подняли Таис, передав ее на попечение Гесионы. Менедем был мертв, а Эоситей глухо мычал, мотая головой, не в состоянии двинуть парализованными ногами и руками.

Главный помощник стратега, спартанец знаменитого рода, подошел к Эоситею, вынул меч и показал ему. По священному веками обычаю лаконцы всегда добивали своих смертельно раненных — с их согласия, если они были в сознании. Стратег глазами попросил смерти, и через мгновение его не стало.

Гесиона привела в чувство свою госпожу и умоляла ее обождать, пока заместитель стратега не даст повозку. Гетера оттолкнула фиванку и вскочила.

— Надо ехать. Пусть приведут Салмаах!— ответила она на испуганный взгляд Гесионы.— Я должна похоронить Эгесихору и Менедема, как древних героев Эллады.

Сама! И это надо сделать немедленно, пока они прекрасны,— шепотом добавила Таис.— Где Архимах — заместитель стратега?

Гесиона все же задержала госпожу, чтобы немного причесать и зашпилить одежду. Таис отыскала в толпе возбужденных военачальников хорошо ей знакомого Архимаха, заместителя стратега, сурового пожилого воина, и договорилась с ним о процедуре похорон. А потом с двумя младшими военачальниками поехала в город, послав в дом Эгесихоры Гесиону с закрытой повозкой. Внутри нее на груду плащей положили тела Златоволосой и Менедема. Архимах дал целый отряд, а лесоторговец прислал тридцать рабов с шестьюдесятью повозками брусьев душистого кедра. Таис отдала за них и за пять стволов аравийских ароматных деревьев все оставшиеся деньги, половину драгоценностей и ложе из черного дерева со слоновой костью...

Разложение еще не коснулось двух самых дорогих афинянке людей, а они уже лежали, соединенные смертью, рядом на гигантском костре, головами на север, одетые в праздничные одежды. Рыжие кони, убитые, как в древности, чтобы сопровождать Эгесихору в ее пути по полям асфоделей Аида, лежали по левую сторону. Их гривы и яркая шерсть оттеняли длинные косы спартанки, струившиеся вдоль ее тела почти до ступней босых ног. С правой стороны Менедема уложили белых дышловых жеребцов, а в ноги обоим поставили колесницу.

Костер высился на уступе под стеной западного обрыва, почти напротив дома Эгесихоры. Таис взобралась на высоту пяти локтей, на угол костра, и застыла в прощальной тоске, глядя в последний раз на прекрасные лица безвременно ушедших дорогих ей людей. В полном боевом вооружении стояли вокруг товарищи Менедема, молчаливые, хмурые, ощетинившись наклоненными вперед копьями. Час назад они похоронили своего стратега за стеной маленького эллинского кладбища на восточном берегу Нила. Рыдали рабыни обеих гетер, сдерживая крики, как приличествовало в Элладе. Двух слуг, завопивших по египетскому обычаю, быстро удалили. Теперь только резкие вопли деревянных похоронных флейт — гингр нарушали беспокойную тяжелую тишину. Жрец готовился совершить последнее возлияние и негромко возносил мольбы владыке подземного царства. В почтительном отдалении стояла огромная толпа мемфисцев — поклонников золотоволосой укротительницы коней и просто любопытных.

Спокойны и прекрасны казались лица Эгесихоры и Менедема. Слегка приподнятые брови спартанки придавали несвойственное ей выражение милого недоумения. А Менедем улыбался той слабой улыбкой, которую он послал Таис с последним вздохом.

Таис еще не успела осознать глубину своей утраты. Сейчас острее всего чувствовала она уходящую красоту своих близких, лежавших на общем погребальном ложе, во всем подобных древним героям Эллады.

Таис оглянулась. Ряды спартанцев стояли по-прежнему неподвижно, воины смотрели на погибших. Одним прыжком афинянка соскочила с костра. Тотчас же ей подали горящий факел. Подняв его высоко над головой, Таис замерла на несколько мгновений. Воины через одного, отдав свои копья товарищам, стали брать смолистые палки, зажигать их в жаровнях, дымившихся в четырех углах костра.

Таис обошла костер, стала в головах и сунула факел под груду тонких кедровых щепок. Пламя, почти незаметное на солнце, дохнуло жаром, поднялось до края помоста, взвился редкий голубой дым. Лаконские воины быстро подожгли костер со всех сторон, затрещали конские хвосты и гривы, потянуло резким запахом паленого волоса. Таис сквозь пляшущее пламя взглянула в последний раз на лежавших. Ей показалось, что Менедем шевельнул рукой, как бы прощаясь, и афинянка отвернулась. Опустив на лицо легкий египетский шарф, служивший здесь летом вместо химатиона, Таис, не оглядываясь, пошла домой вместе с Гесионой.

Завтра, когда остынет жар огромного костра, спартанцы соберут пепел от тел Эгесихоры и Менедема, смешавшийся с пеплом ее лошадей, и бросят на середине Нила, стремящегося к Внутреннему морю, на северных берегах которого выросли оба. А еще через день спартанцы поплывут вниз по реке к Навкратису, откуда лежит путь в Лакедемон. Спартанцы настаивали, чтобы Таис уезжала с ними, но гетера отказалась. Она не могла сразу уехать из Мемфиса. Да и возвращаться в Элладу теперь было незачем. Из Афин доходили тревожные слухи о смутах, вызванных речами Демосфена, и весь эллинский мир, растревоженный неслыханными победами македонского царя, казалось, готовился двинуться на восток, в запретные ранее пределы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕСИОНЫ

Таис провела взаперти пять дней. Она лежала, распростершись ничком, в полумраке спальни и допускала к себе только Гесиону, которая старалась заставить госпожу хоть немного поесть. Дружеские чувства к фиванке, крепнувшие исподволь, несмотря на нарочитое старание Гесионы держаться служанкой, теперь, в эти горькие дни, усилились и превратились в настоящую привязанность. Трудно было не полюбить отважную, чистую и красивую дочь Беотии.

Лишь на шестой день Таис вышла из дома вечером, чтобы дойти до храма Нейт. Но, к своему огорчению, узна-

ла, что делосский философ и его ученик-поэт уехали в Элладу еще до новолуния. Уехали и спартанцы. Мемфис, взбудораженный было тройным убийством, быстро позабыл о нем: новые события, связанные с приближением Александра, занимали равно и эллинов и египтян.

Таис наняла лошадь для Гесионы, и теперь почти каждый день обе совершали далекие верховые прогулки. Таис дрессировала Салмаах. Гесиона никогда не думала, что возможны такие трюки и такое взаимное понимание всадницы и лошади. Таис понравилось спускаться по немыслимой круче на песчаных обрывах нильских берегов. Салмаах сползала, поджав задние ноги, а всадница запрокидывалась назад, касаясь затылком крупа лошади; колени Таис сходились на высокой холке. Казалось, еще мгновенье, и лошадь перевернется через голову и полетит вниз, ломая кости наездницы. Уступая мольбам Гесионы, Таис выбирала удобную ровную площадку и принималась за танцы. Гесиона привязывала своего коня, становилась у края площадки и запевала протяжную тессалийскую мелодию, сопровождая ее ударами в небольшой бубен. Салмаах вначале упрямилась, пока через несколько дней не уразумела, что от нее требуется. Чувство ритма у всех породистых лошадей врожденное, оно выработано миллионом лет приспособления к правильному бегу. Без четкого ритма нельзя держать продолжительной рыси. Удары копыт хорошего бегуна должны быть подобны размеренному звону капель в клепсидре — водяных часах. Требование мерного ритма относится и к человеческому бегу. Оно необходимо везде, где от живого тела требуются длительное напряжение и особенная выносливость.

Скоро Салмаах плясала под бубен Гесионы, как заправская танцовщица, и не мудрено — ведь ею управляла сама «четвертая Харита» Эллады. Архаический танец женщин на лошади — иппогиннес, по преданию, был создан амазонками. Легендарные женщины Термодонта исполняли его на равнине Темискиры* — на пафлагонском побережье Эвксинского Понта. Это всегда происходило в полнолуние, под ярким светом высокой луны, в дни эллотий — празднеств в честь Артемис. Ныне иппогиннес почти исчез, лишь изредка отважные тессалийки, профессиональные акробатки на лошадях, исполняют его в Аттике или Спарте по особому приглашению богатых устроителей празднеств.

* Ныне турецкое побережье Черного моря, окрестности Синопа.

В этих занятиях Таис безуспешно пыталась найти забвение и заполнить пустоту жизни, с каждым днем не уменьшавшуюся, а, наоборот, ширившуюся. Для эллина нет веры в радостное загробное существование, каким наполняют скудость жизни народы иных вер, ожидая воздания и встреч с утраченными близкими там, по ту сторону смерти. Достоинство, с каким сыны и дочери Эллады встречают свой конец, основывается на чувстве выпитой полной чаши собственной жизни, горячей любви к земле и морю, телу и страсти, красоте и уму.

Необычайная доблесть и физическое совершенство спартанцев, удивительная тонкая связь с морем у критян, изобретательность, предприимчивость и вечная жажда нового у афинян вошли в поговорки и прославились по всей Ойкумене.

А сейчас у Таис не осталось ни полноты, ни радости. Ее прежний задор угас, уступив место печальным раздумьям о дальнейшем пути. Наступила очередь и Гесионе размышлять о том, как излечить душевную рану ее госпожи и подруги. Она даже стала жалеть об отъезде таинственного учителя Таис, к которому раньше так ревновала. Делосский философ ускорил бы «выздоровление» госпожи, тяжело раненной незримым оружием судьбы и богов. Гесиона женским чутьем предугадывала это неизбежное возрождение Таис. Слишком много сил было в молодом теле, слишком много живого интереса ко всему на свете она унаследовала от своих афинских предков.

Упали воды великой реки, Нил стал прозрачным и медлительным, как зимой. Таис делила время между Салмаах и узкой, легкой лодкой. Они катались втроем — хозяйка дома, «Рожденная змеей» и Клонария. Ни одному из становившихся все более настойчивыми ухаживателей не ответила гетера. Гесиона вообще отвергала все мужское, и только Клонария влюбилась в пожилого греческого купца. Он предлагал выкупить ее у Таис, но рабыня сама отказалась из боязни покинуть дом Таис, где она чувствовала себя в безопасности и привыкла к ласковому обращению. Таис призвала купца и заявила, что отдаст Клонарию без выкупа, но с условием заключения брака. Купец обещал подумать. Он был вдов, но между Родосом, откуда была Клонария, и его родной Лидией не было эпигамии. Однако ничто не препятствовало заключить особое соглашение на «взятие» Клонарии, и Таис решила настаивать. С домом приходилось расстаться. Его владелец захотел было повысить и без того непосильную плату. Только не-

определенность положения в Египте накануне прихода Александра мешала хозяину переменить Таис на более богатых жильцов.

Гесиона с тревогой смотрела, как одно за другим исчезали из большой шкатулки украшения госпожи. Даже в самые богатые периоды своей жизни Таис жила скромно в сравнении с безудержной расточительностью других выдающихся гетер. Смерть Эгесихоры отняла половину ее сердца, а гибель Менедема лишила любви и надежной опоры. Таис, как запнувшаяся на скаку лошадь, потеряла из виду дорогу и вертелась в круге медленных дней, утратив желания, не видя смысла дальнейшей жизни в Египте и не зная, куда направиться, чтобы скорее заполнить душевную пустоту. Только скачки и головоломные трюки с Салмаах на время возвращали прежнюю Таис, с горящими щеками и блеском озорных и в то же время серьезных глаз,— в той самой смеси вдохновенного достоинства и девичьего задора, которая придавала ей неотразимую привлекательность.

В дни «мертвых», «тяжелые дни» (три последних дня каждого месяца) пианепсиона, Таис особенно остро почувствовала, что прежний мир утрачен навсегда. Никогда более не вернется та безмятежная и спокойная жизнь, с непременным ожиданием еще лучшего, еще более прекрасного, божественная уверенность в своей красоте, ощущение здоровья, счастливой судьбы, какая бывает лишь в расцвете юности. Таис исполнилось всего двадцать три года — для эллинской женщины и даже для танцовщицы возраст полного расцвета. А ей казалось, что юность уходит, а вместе с юностью уходит ее прежняя красота. Отсутствие желаний пугало Таис призраком будущей старости. Если бы не уехал мудрец Делоса! Как ей нужен был сейчас друг-наставник! Она скорее бы нашла в себе силы и ожила для новой жизни.

Таис, оставив дом на попечение Гесионы, снова уединилась в храме Нейт. Жрецы приняли ее благосклонно, очевидно предупрежденные делосцем. Гетера облюбовала комнату-библиотеку в верхнем этаже пилона и среди греческих книг разыскала платоновского «Горгия». Таис помнила ироническую усмешку делосского учителя в ответ на ее пренебрежительный отзыв о Платоне. Она тогда еще не почувствовала, что сделала промах, и решила при случае перечитать великого философа. И действительно, в его диалогах Таис увидела не понятую ею прежде глубину заботы о людях Афин, старание возвысить эллинов Аттики

так, чтобы каждый соответствовал духу города Девы. Она ощутила близкую теперешним ее настроениям печаль мудреца о прошлом Афин, от которого после войны со Спартой остался лишь опустелый сосуд былого великолепия. Там, где прежде ей виделось лишь нудное наставление, оказалась твердая вера в то, что только высокая мораль и душевное отношение людей друг к другу могут создать подлинное архэгосударство. Задача улучшения людей, по мнению Платона, была самой главной. Правителям, ввергавшим эллинов в бесправие, учившим подданных только злобе и предательству, ничего не удавалось, кроме позора и бесславия. Интересно, к чему стремится Александр? Куда направит он дальше свою сокрушительную армию? К чему приложит он свою великую мудрость и неотступное покровительство богов? Впрочем, что за дело до этого Таис? Куда она направится сама, что принесет ей любовь к приключениям и перемене мест? Пора покинуть Мемфис, хотя бы для того, чтобы сгладилась утрата Эгесихоры и Менедема. В последние дни к ней настойчиво стремится некто Стемлос, единственный сын одного из самых богатых купцов Мемфиса. Только вышедший из возраста эфеба, он вряд ли старше самой Таис. Чувствует себя мальчиком перед богиней. Но ведь могучий Менедем тоже зачастую был как мальчик! Добрый, доверчивый, бесстрашный! Неужели придется принять предложение Стемлоса? О нет, никого не надо!

Читая седьмое письмо Платона, Таис живо почувствовала, что мудрец преклоняется перед древней и святой, по его словам, религией орфиков. И все же прежняя неприязнь к учению Платона осталась. Именно потому, что в его проповеди было унижение физического, естественного начала в человеке; древние узы ума и чувств закоренелого рабовладельца отвращали ее, обладавшую более широким взглядом на мир и людей. Несколько дней, не покидая храма, Таис предавалась размышлениям и читала, пока не пресытилась и не отказалась от попыток предугадать свое будущее. С облегчением и почти прежним озорным ощущением здоровья и силы она услышала зов служителя, возвещавшего о том, что «прекрасная девушка в розовом хитоне просит Таис выйти к воротам внутреннего двора».

«Прекрасной девушкой» оказалась Гесиона в ярком наряде, не свойственном суровой фиванке. Гесиона неузнаваемо переменилась и очень похорошела с тех пор, как с рынка рабов попала в дом Таис.

Гесиона заметила удивление своей хозяйки и залилась румянцем.

— Всем жителям Мемфиса велено нарядиться в лучшее платье.

— Что? Александр?

— Да!

Таис хлопнула в ладоши, подзывая мальчика-служку.

— Скажи почтенным жрецам, что я благодарю их за гостеприимство. Я должна уйти. Но скоро вернусь...

Таис не могла себе и представить, как она ошибалась. Лишь через девять лет, уже став царицей Египта, она снова переступит порог храма Нейт.

Давно уже улицы Мемфиса не были столь оживленными. Таис с Гесионой с трудом пробивались к дому через взбудораженные толпы. Египтян, обычно на улицах сдержанных и учтивых,— в этом они были похожи на спартанцев — сегодня нельзя было узнать. Они не уступали дороги старшим и женщинам, толкались, как афиняне на агоре. Таис, неузнанная, даже подверглась оскорбительным замечаниям за свой не новый и не яркий наряд. Она не отвечала, склонив голову и прикрыв лицо шарфом.

Мемфисцы восторженно встретили Александра и хотели было учредить всеобщий праздник в его честь. Но великий победитель исчез так же внезапно, как и появился, едва только принял знаки покорности от сатрапа и жрецов, объявивших о низложении фараона.

Таис не хотела видеться с Александром, и судьба пошла ей навстречу. Поздно вечером на второй день возвращения Таис ее отыскал Неарх. Афинянка сразу узнала морехода, хотя он заметно изменился, в речи его появились властные и резкие нотки. Его борода, вопреки моде полководцев Александра, вызывающе торчала. Критянин будто и не удивился давней приятельнице, шагнул к выбежавшей навстречу Таис, крепко взял ее за руку и промолвил единственное слово: «Эгесихора?»

Губы гетеры задрожали, глаза налились слезами. Задержав дыхание, она склонила голову. Так они молча стояли друг перед другом. Руки Неарха сминали браслеты из мягкого золота на ее запястьях. Наконец Таис опомнилась, позвала Гесиону...

— Сядь, выпей вина.

Неарх послушно, с несвойственной ему медлительностью опустился в тяжелое резное кресло, машинально налил неразбавленного вина.

Гесиона, смущенная, с опущенным взглядом, принесла

ларец с драгоценностями Эгесихоры, так и оставшийся у Таис.

Критянин вздрогнул, увидев свои дары. Таис схватила хотевшую удалиться Гесиону и толкнула ее к Неарху.

— Вот свидетельница последнего часа Эгесихоры! Рассказывай!

Та залилась слезами, скользнула на ковер, но быстро овладела собой и довольно связно передала Неарху все, что он хотел знать.

Из-под опущенных век молодого флотоводца скатилось несколько слезинок. Критянин оставался недвижимым, только опущенная на боковину кресла рука вздрагивала, а тонкие пальцы сдавливали шею резному льву. Повинуясь внезапному порыву, Гесиона приподнялась с ковра и прильнула щекой к этой руке. Неарх не отнял ее, а, протянув другую руку, стал гладить волосы фиванки, вполоборота следя за Таис, которая дополнила ее рассказ.

— И мой Менедем ушел сопровождать Эгесихору в подземелья Аида...— Таис расплакалась.

— И проклятый Эоситей тоже там! О спартанцы!— глухо, с ненавистью и угрозой воскликнул Неарх, вставая.

— Эгесихора тоже лакедемонянка!— тихо возразила Таис, и критянин не нашел что ответить.

— Завтра на рассвете принесу жертву в память ее. Я приглашаю тебя,— сказал Неарх после некоторого молчания.— И тебя,— он обратился к Гесионе.— Пришлю колесницу или носилки...

— Хорошо,— ответила Таис за обеих,— но ты забыл про это.— Она протянула ларец Эгесихоры.

Неарх отступил на шаг, отстраняя ящичек рукой.

— Нет, не надо. Отдаю той, которая увезла Эгесихору от убийц,— твоей подруге.

Потрясенная Гесиона от волнения сделалась пунцовой.

— Что с тобою, наварх? Разве можно дарить столь дорогие вещи нищей девушке, ведь я не рабыня только по доброте госпожи? Я не могу взять этого!

— Возьми! На память об ужасном часе, пережитом вместе с моей золотой милой. А о своих достоинствах предоставь судить мне!

Гесиона неуверенно взглянула на Таис. Гетера повела бровями: мол, надо взять, и фиванка низко склонилась, принимая ларец из ее рук под угрюмым взглядом критянина.

Неарх остановился у порога.

— Есть еще у меня к тебе слова Птолемея. Он искал тебя в первый же день, а теперь уплыл с Александром к морю. Он не забыл тебя. Если ты хочешь увидеть его, Александра и Гефестиона, то поплывем вместе. Я жду посланного из Залива Героев и должен присоединиться к Александру. Наш божественный полководец и друг хочет основать новый город — может быть, будущую столицу своего царства. Есть подходящее место, там, где был тысячелетие тому назад критский порт.

— Где же это?— заинтересовалась Таис.

— На побережье. Отсюда плыть на Навкратис и дальше на Канопус, потом вдоль берега моря, на запад. Впрочем, ты знаешь об этом месте из Гомера: обитель морского старца Протея.

— «На море в шумном прибое находится остров, лежащий против Египта. Его называют там жители Фарос»,— моментально вспомнила и речитативом напела Таис.

— Да, Фарос. И это гомеровское место особенно нравится Александру. Знаешь, как он любит Гомера. Так едем?

Таис смутилась.

— Большой ли у тебя корабль?

Неарх впервые за весь вечер усмехнулся.

— Самый большой мой корабль стоит в Тире, на площади перед главным храмом. В знак победы. Так же, как осадная машина Деиада, начальника всех механиков Александра, в знак победы водружена внутри храма в Газе.

Таис всплеснула руками в восхищении.

— Зачем тебе знать размеры моего корабля?— продолжал критянин.— Я дам тебе отдельный корабль, два, три, сколько захочешь.

Пожалуй, впервые афинянка ощутила могущество молодого македонского царя и его не менее молодых сподвижников.

— Так ты согласна плыть к Фаросу? Но зачем тебе большой корабль? Здесь меньше имущества, чем в Афинах.— И Неарх окинул взором небогатую обстановку скромного дома Таис.

— Мне нужно взять с собой мою лошадь,— стесняясь, ответила Таис,— я не могу с ней расстаться надолго.

— Понимаю. Только-то? А еще?

— Кроме меня, конюх и еще две женщины.

Неарх гордо сказал:

— В твоем распоряжении будет целый корабль с опыт-

ными моряками. Я ожидаю своего посланца через два дня. Тогда мы поплывем на Эшмун и Малый Гермополь, мимо Навкратиса. Ты ведь была там?

В воспоминании Таис пронеслись унылые равнины с бесчисленными засоленными озерами, песчаными грядами, необъятными зарослями тростников — весь тот угрюмый барьер Дельты, который отделял Египет от сияющей синевы моря.

Приняв молчание афинянки за нерешительность, Неарх сказал:

— Птолемей просил меня дать тебе столько дариков, сколько ты захочешь. Я пришлю завтра.

Таис задумчиво покачала головой.

— Нет, не надо. Я еще не видела Птолемея. И он меня.

Неарх усмехнулся.

— Напрасно ты сомневаешься. Птолемей будет у твоих колен в тот же час, как увидит тебя!

— Я сомневаюсь в себе. Но я возьму у тебя в долг три сотни дариков.

— Конечно, бери, я привез много денег...

Едва стихло бряцание оружия его охраны, Гесиона стремительно бросилась к Таис и по своей привычке скользнула на пол, обняв ее колени.

— Госпожа, если ты любишь меня, то возьмешь этот царский дар,— она показала на ларец Эгесихоры.

— Я люблю тебя, Рожденная змеей,— с нежностью ответила Таис,— но не возьму того, что отдано. По воле судьбы и богов, оно принадлежит тебе.

— Мне негде хранить драгоценности!

— Спрячь пока у меня. Кстати, пора тебе обзавестись своей комнатой. Хочешь, я отдам тебе маленькую?

— О госпожа, я хотела бы спать на ковре перед твоей постелью!

— Я буду тебя бить всякий раз за это обращение,— и Таис в самом деле крепко ее шлепнула.— Спать нам в одной комнате не годится. Чувствую, что ты скоро проснешься...

Печальный обряд памятного жертвоприношения под скорбные греческие песни длился недолго. Все ушли, и даже Таис, а Неарх долго еще оставался на месте сожжения Эгесихоры.

Критянин вновь явился к Таис только через два дня.

— Прибыл гонец от Александра,— сразу заговорил

Неарх,— и теперь мы можем не спешить к Фаросу. Там уже основана Александрия, а сам великий стратег с Птолемеем, Гефестионом и другими приближенными отправляется в Ливийскую пустыню, к оазису, где находится знаменитый оракул Аммона и его священный дуб.

— Это далеко?

— Больше трех тысяч стадий по пустыне.

— И три тысячи назад? Так это месяц пути!

— Для Александра меньше.

— Тогда вообще зачем плыть к Фаросу?

— Тебе-то не нужно. А мне Александр велит осмотреть место для гавани. Я поеду. Ненадолго.

— Возьмешь меня с собой? На свой корабль? Без лошади, только меня и Гесиону?

— Охотно. Только зачем тебе?

— Посмотреть Фарос. Я хотела повидаться с морем, а вовсе не с Птолемеем. Лошадь останется здесь, и рабыня также.

Клопария рассказала своему купцу про скорый отъезд, и он заторопился «взять» ее в свой дом и подписать брачное условие. В хозяйстве купца на время найдется место и для Салмаах.

Быстроходный корабль начальника флота понес Таис и Гесиону вниз по западному рукаву Нила. Неарх плыл с военной поспешностью, не задерживаясь нигде, делая остановки только для пополнения свежей провизии. Большую часть пути Таис проводила на палубе, сидя под кормовым навесом рядом с критянином и кутаясь от резковатого ветра в персидский голубой плащ тонкой шерсти, привезенный Неархом для Эгесихоры. Гесиона сидела тут же в излюбленной своей позе, поджав ноги, на мягких коврах в три слоя — роскошь, невиданная в Афинах того времени, да и в Египте доступная разве вельможам и жрецам самого высшего круга. Трое рабов — два рослых мизийца и худощавая злая финикиянка — держались поодаль, готовые исполнить любое повеление Таис.

Неарх рассказывал обо всем, что считал достопамятным в походе Александра. Не столько военный по душе, сколько исследователь и мореплаватель, он больше вспоминал поразивших его красотой и мощью природы местах ионийского и финикийского побережий, чем о боях. О бухтах в белых известняковых обрывах, точно мраморные чаши, налитых синей, хрустально-прозрачной водой; глубоких заливах среди красных гор, с таинственно черневшими подводными скалами, покрытыми огромными губками или

кроваво-красными кораллами; узких горных долинах Киликии, заросших исполинскими платанами; кипарисах по шестидесяти локтей высоты, невиданной в Элладе; столь похожих на Крит и Элладу горах и долинах, однако более просторных и более безлюдных, с нетронутыми обширными сосновыми и кедровыми лесами, светлыми и чистыми, продуваемыми ветрами с гор. Там, на холмах пониже, будто сады богов, простирались рощи смоковниц с клубящимися, как зеленые облака, кронами; посаженные самими титанами ряды каштанов, могучих орехов и гранатовых деревьев. Еще ниже, к самому побережью — заросли миндаля, гигантские кусты съедобного орешника, ароматного мирта и лавра, фисташек, рожкового дерева с черными стручками, равными по сладости финикам. Все это богатство пищи, мало тронутое человеком, даже в небольшом удалении от городов, могло прокормить множество людей, сделать их жизнь куда более легкой, чем на берегах Пелопоннеса или Крита, если бы не постоянные нападения пиратов. Но города-полисы требовали новых и новых рабов для построек и ведения хозяйства, и азиатские побережья обезлюдели, опустошенные охотниками за «живыми орудиями».

Неарх рассказывал о городах. Одни радостно открывали ворота победителям-македонцам. Другие — отчаянно оборонялись, и за это были разграблены: Милет, Галикарнасс, Тир, Газа.

Всякий раз, как заходила речь о взятых городах и сражениях, Неарх говорил об Александре. Товарищ детских игр, юношеских приключений, опальный царевич на глазах своих близких друзей, не говоря уже о преданных гетайросах-товарищах — цвете македонской конницы из знатных родов, превращался из неопытного воина в божественного полководца. Александр свершил такое, о чем не мог мечтать никто из эллинов, даже его отец Филипп, давно думавший о войне с Персией. Вопреки советам опытных в политике мужей Александр отверг коварные приемы своего отца и действовал всегда прямо, держал свое слово, точно исполнял обещания. Его способность к молниеносным решениям превосходила даже способности Фемистокла. Он не отступал от задуманного, действовал с такой уверенностью в успехе, что это казалось его полководцам божественной проницательностью. В первой большой битве — при Гранике — старшие военачальники могли еще порицать его за неосторожность. Но после гигантской битвы при Иссе, когда Александр с тридцатью пятью тысяча-

ми македонцев и тессалийских всадников разгромил сотни тысяч воинов Дария с ничтожными для себя потерями, его приближенные стали относиться к Александру с благоговейным страхом. Прежняя простота и даже фамильярность отношений с ним сменилась преклонением. Манера Александра внезапно бросаться в самые опасные места битвы делала его похожим на Ахиллеса, которого он числил в своих предках. И бился он с той же яростью: за короткий срок он получил две тяжелые раны — в бедро и в плечо, от которых оправился нечеловечески быстро.

— Наверное, его окружают лучшие красавицы Ионии, Сирии, Египта?— спросила Таис.

Неарх расхохотался добрым смешком.

— Ты удивишься! Представь, у Александра никого нет, если не считать какой-то невзрачной вдовы, которую он взял к себе в палатку после того, как старшие полководцы посоветовали ему не возбуждать недоумение среди воинов и обзавестись любовницей... Десятки тысяч молодых женщин проданы в рабство — бери любую. В битве при Иссе он захватил все имущество Дария и его семью, включая мать, жену и двух дочерей. Жена Дария Статира считалась первой красавицей Азии, да и царевны красивы.

— А он не взял ее?

— Нет. И не позволил никому из приближенных, сказав, что эти женщины будут заложницами.

Таис взяла с глиняного блюда горсть карийского миндаля — обычной в Элладе еды, по которой соскучилась в Египте.

— Так он совсем не любит женщин?— спросила она.

— Я бы не сказал. Когда Птолемей намекнул ему, что персиянки царской семьи прекрасны, Александр почти с ожесточением ответил: «Да — и это мученье для моих глаз!» Нет, он чувствует женскую красоту и преклоняется перед ней!

— Тогда почему он избегает женщин?

— Мне думается, Александр не совсем обычный человек. Он безразличен к еде и питью. Я видел, как ему претит обжорство товарищей, устраивавших пиры после каждой победы. Он не алчен, хотя ни один человек в Элладе не владел еще такими сокровищами. Любимое занятие у него — читать по ночам, а днем общаться с криптосами — разведчиками пути и беседовать с философами.

— А вдова?

— Она не любит Александра и боится его, укрываясь в заднем отделении шатра, будто мышь.

Наступила очередь засмеяться Таис.

— Ты сам как понимаешь его, близкий друг? Или есть еще ближе? Птолемей? Гефестион?

— Гефестион, пожалуй, но как раз потому, что полностью противоположен Александру. Птолемей себе на уме, хотя сообразительность и быстроту его решений Александр ценит высоко. Я знаю море, а он от него далек. Мы, его ближайшие друзья, в последнее время как-то отошли от него. Решения Александра трудно предвидеть, его поступки часто необъяснимы.

— Например?

— Иногда Александр ведет себя как мудрый правитель, милостивый к побежденным, уважающий чужие обычаи и храмы, исполненный добрых намерений к жителям завоеванных городов. А иногда подобен дикому, необузданному варвару. Разрушает города до основания, устраивает кровавую резню. Македонцы еще в Фивах показали, на что они способны.

— О да!— вырвалось у Гесионы.

Неарх пристально взглянул на нее и продолжал:

— Той же участи подверглись Милет и Галикарнасс, не говоря уже о Газе. Сопротивление приводит Александра в бешенство, он расправляется с противником, как дикарь, забывая все свои прекрасные слова о равенстве людей Азии и Эллады. Мне кажется, мужество и отвага заслуживают хотя бы уважения. Ведь мужество живет в лучших людях. Как же можно убивать мужественных и отважных, оставляя жить лишь слабых душой и телом? Ни один хороший хозяин-скотовод не поступит так с животными, не то что с людьми.

— Есть в этой дикости еще худшая сторона,— внезапно, густо покраснев, сказала Гесиона,— среди избиваемых и продаваемых, подобно скоту, людей есть совсем неповторимые: художники, врачи, философы, певцы, артисты. Каждый полис, город-государство, славен своими мастерами, достижениями в создании прекрасного, в знаниях и ремеслах. Надо ли тебе говорить, что все это требует веков постепенного совершенствования, даже тысячелетий, как Египет, Эллада, погибший Крит. Уничтожая город-островок со всеми носителями искусства и знания, мы обкрадываем сами себя и всю Ойкумену, лишаемся создавшейся веками мудрости и красоты...

Неарх поднял брови, подумал и энергично закивал в знак согласия.

— Скажи, пробовал ты говорить об этом с Александром?— спросила Таис.

— Пробовал. Сначала он слушал меня, зная, что я вообще редко говорю и только о важном.

— А потом?

— Забывал все в очередной ахиллесовой ярости. Он похож не на Филиппа, а гораздо больше на свою мать Олимпиаду.

— Какая она была?

— Почему была? Она жива — ей немногим больше сорока, и она по-прежнему красива — особенной, диковатой красотой. Знаешь ли ты, что она царевна древнего рода из горной Тимфеи, сирота, посвященная Дионису, ставшая жрицей его и, конечно, менадой.

— Значит, она подвержена бешеному экстазу? И Александр унаследовал эту способность. Теперь я больше понимаю его необъяснимое поведение.

— Вероятно, так! Он впадает в неистовство, наталкиваясь на сопротивление, будь то столкновение с врагом или спор с друзьями. Пытается преодолеть препятствие буйным наскоком, не щадя ни своей, ни чужих жизней, не считаясь с достоинством человека, о котором в спокойные минуты он немало говорит, возражая своему учителю Аристотелю.

— Так бывает с очень удачливыми людьми, возлюбленными Тихе, судьбы,— задумчиво сказала Таис.

Собеседники долго молчали, слушая журчание воды под рулевыми веслами.

Корабль шел под парусами. Стойкий восточный ветер ускорил путешествие. Заунывный крик погонщиков и рев ослов доносились издалека. Насколько хватал глаз простирались заросли донакса — камышей, волновавшиеся под ветром подобно буровато-зеленому морю. Ближе к берегам проток и стариц росли тростники с пышными метелками, трепетавшими в такт течению.

— А эту, прекраснейшую из всех, жену Дария, ты видел?— вдруг спросила гетера.

— Видел. Она очень красива.

— Лучше меня? И... Эгесихоры?

— Вовсе нет. Высокая, тонкая. Мрачные черные глаза под широкими черными бровями. Рот большой, тонкогубый, щеки чуть впалые, шея длинная, поги — не разглядишь в их плотной одежде. Еще черные косы, тонкие, как змеи,— вот тебе весь ее облик. На мой взгляд, куда хуже,

чем ты или...— взгляд Неарха остановился на фиванке, покрывшейся жарким румянцем,— чем Гесиона.

«Рожденная змеей» спрятала лицо в ладонях, а Таис весело вскочила, обняла Неарха и поцеловала ниже глаза, избегая колючей бороды.

— Ты заслуживаешь награды. Я буду танцевать для тебя. Зови музыкантшу. Кажется, здесь есть флейтистка, а с китарой управится Гесиона.

Неарх и все спутники были в восторге от неожиданного представления, ибо для эллинов, финикийцев и египтян нет в жизни большего удовольствия, чем танцы красивых женщин.

...Тихие «зимородковые» дни окончились с наступлением зимнего солнцеворота, но погода оставалась спокойной и тогда, когда корабль Неарха вышел из рукава Нила и повернул вдоль берега моря на запад, гонимый стойким восточным ветром. Двое искусных кормчих не отходили от рулевых весел. В этой широкой полосе желтоватой воды, взмученной накатистым прибоем, отмели все время изменяли свое расположение. В жидком песке с примесью нильского ила днище корабля могло прилипнуть к мели так, что никакие усилия гребцов и паруса не смогли бы сдвинуть плененное судно. Потому ночью кормчие не решались плыть и останавливались в маленьких заливах.

Таис и Гесиона находились под покровительством Афродиты: богиня сделала плавание легким и быстрым. Вскоре корабль вышел на чистую воду, вне несомых Нилом песков, и подходил к видной издалека белой полосе пены за островом Фарос. На косе между лиманом Мареотидой и широким проливом, там, где всего месяц назад стояло жалкое селение рыбаков Ракотис, скопилось восемь кораблей с лесом и камнем. В этот утренний час густо поднимался дым от кухонь в лагере воинов и хижинах рабов; подхватываемый ветром, он уносился на запад, по пустынному ливийскому побережью.

Архитектор Александра Динократ успел многое. На месте будущего города пролегали канавки и ряды вколоченных в землю реек, означавшие контуры будущих зданий, храмов, улиц и площадей.

Начальник города, пожилой македонец, иссеченный шрамами, встретил Неарха с большим почетом. Под защитой стены, еще пахнувшей сырой известью, поставили две палатки, сотканные из тонкой шерсти памфилийских горных коз. В ложах, подушках, занавесях не было недо-

статка на корабле командующего флотом. Под всемогущей его опекой Таис и Гесиона разместились роскошно.

Свидание с морем всколыхнуло в Таис память прошлых лет. Чуть печальная, она вновь переживала незабвенные мгновения своей короткой, но богатой впечатлениями жизни под родной шум моря, всплески широких накатов и вечно изменяющиеся извивы пенных полос. Здесь собралось много чаек, их качающийся полет и резкие, тревожные крики наводили на мысли об Эа — острове плача, обиталище Кирки посреди пустынного Ионического моря.

Чтобы развеять нежданно пришедшую грусть, Таис попросила у Неарха лодку и гребцов. Критянин вызвался сопровождать своих гостей, и они поплыли через пролив к легендарному обиталищу морского старца. Солнце перевалило за полдень, и ветер внезапно утих. С высоты повеяло жаром, сверкающие блики медленно закачались на успокаивающейся воде. Лодка подходила к острову — низкому, песчаному и совершенно пустому. Даже чайки утихли. Неарх повернул налево, к западному концу Фароса. Нос лодки ткнулся в песчаный откос. Неарх, став в воду, перебросил обеих женщин на берег. Приказав гребцам ожидать, он повел Таис и Гесиону через отдающие жаром песчаные холмики, поросшие сухой колючкой. За буграми широкая полоса утрамбованного прибоем песка со стороны моря ограничивалась прямой каменной стеной. Гигантские глыбы, еще более крупные, чем в афинском Пеласгиконе, здесь были пригнаны с тщательностью, напоминавшей египетские или критские постройки.

— Что это? Кто жил здесь в давние времена?— вполголоса спросила Таис у Неарха.

Не отвечая, Неарх подвел афинянку к краю стены и показал на раскиданные землетрясением глыбы, лежавшие в прозрачной воде. На ровной поверхности глыб виднелся рисунок в виде клеток, обозначенных правильными глубокими бороздками. Часть квадратов была углублена, часть оставлена вровень с поверхностью камня. Получился сетчатый рисунок темных и светлых квадратов.

Таис сразу вспомнила, где она видела похожее.

— Крит, правда?— с загоревшимися глазами воскликнула она.

Неарх ответил широкой довольной улыбкой.

— Там поглубже есть развалины. Гляди: будто колонна!

— Я хочу это посмотреть,— сказала Таис,— вода не

холодная, несмотря на зимнее время. Не то что у нас в Элладе.

— Здешних окунуться не заставишь!— весело сказал Неарх и внезапно помрачнел.

Таис догадалась: вспомнил Эгесихору. Она ласково погладила его по руке.

— Я нырну.— Она побежала к берегу.

Гесиона понеслась за ней, но обеих обогнал Неарх.

— Если уж так, то вперед пойду я. А-э-о!..— закричал он, продувая легкие, как это делают ловцы губок.

Сбросив одежду, критянин нырнул, а за ним последовала Таис, и, к удивлению ее, Гесиона также оказалась рядом. Таис знала, что фиванка неплохо плавает, но не считала ее способной на большее. Встревоженная, она подала Гесионе знак подниматься, но девушка упрямо мотнула головой и ушла еще глубже, в сумрачную тень, куда Неарх подзывал их жестом. На косой плоскости очень крупной каменной глыбы в полосе света четко виднелось большое изображение осьминога с причудливыми изгибами щупалец. Упавшая широкой капителью вниз колонна суживалась к основанию по критскому образцу. На ее осмотр не хватило дыхания. Таис пошла наверх. Гесиона вдруг отстала. Движения ее рук замедлились. На помощь кинулся Неарх, энергично толкнувший фиванку наверх и подоспевший как раз вовремя, чтобы подхватить ее на поверхности моря. Придя в себя, Гесиона виновато опустила глаза и более не пыталась состязаться с пловцами, подобными Неарху и Таис. А те ныряли, пока не замерзли. Выбравшись на сухую плиту, нагретую солнцем, Таис вторично в тот день удивилась. Гесиона не торопилась одеться, а безмятежно сушила волосы, почему-то не стесняясь Неарха, который прыгал и поднимался на руках, чтобы согреться, исподволь рассматривая своих спутниц, как и подобало вежливому гимнофилу.

Вызывающий загар Таис, некогда поражавший афинских модниц, побледнел в Египте, медная ее кожа стала светлее. Чуть позолоченная солнцем Гесиона выглядела прелестной даже рядом со знаменитой гетерой. Ее ноги, такие же сильные, как у Таис, могли бы показаться чересчур крепкими, не будь они так прекрасно очерчены. Волосы распушились от ветра и окружали голову пышной копной, слишком тяжелой для тонкой девичьей шеи. Гесиона и впрямь склопила голову набок. Глубокие тени, скрыв ее большие глаза, придали лицу девушки выражение усталой печали. Она уперла одну руку в крутой изгиб бедра, а

другой стряхивала песок с тела медленными плавными поглаживаниями. Короткий вздох берегового ветра набросил волосы на лоб Гесионы, и она, вздрогнув от холода, вздернула голову. Вдруг смутившись и закрываясь волосами, она убежала под сомнительную защиту высоких пучков сухой травы.

Неарх ощутил странное чувство жалости и влечения к трагической, нежной и пылкой Гесионе. Чем-то сродни ему, изгнаннику и заложнику с детства, показалась эта девушка, в которой чувствовалась тонкая, светлая душа. По блеску глаз Таис догадалась о переживаниях критянина и негромко сказала, набрасывая одежду:

— Не спеши, мореход, и она будет тебе хорошей подругой.

— Не буду спешить. Я понимаю, что ее надо разбудить. А ты отдашь Гесиону?

— Как я могу не отдать? Она не рабыня, а свободная и образованная женщина. Я люблю ее и рада буду ее счастью. Только смотри и ты. Один неверный шаг, и... ты имеешь дело не с обычной судьбой и не возьмешь ее, как других.

— А ты поможешь мне?

— Прежде всего не буду мешать.

Неарх привлек к себе Таис и поцеловал ее в обнаженное плечо.

— Не спеши с благодарностями,— засмеялась Таис и, вспомнив что-то, слегка оттолкнула Неарха.

Подозвав Гесиону, Таис резким движением разогнула браслет на ее левой руке, знак рабыни, и, сорвав его, бросила в море. Фиванка не успела ничего сказать, а Неарх трижды хлопнул в ладоши, выражая одобрение.

Они переехали через пролив, правя на высокий столб, намечавший место будущего волнореза, и у западного конца пролива нашли еще остатки критских построек.

Неарх сказал, что его снова и снова удивляет верное чутье Александра. Порт, выстроенный столь основательно тысячелетия тому назад, конечно, был важной гаванью на торговых путях великой критской морской державы. А теперь послужит и для государства сына Филиппа.

Таис гостила в будущей Александрии до новолуния, плавая в море даже в ветреные дни. Прибыла часть отряда македонцев, сопровождавших Александра в оазис Аммона. К удивлению всех, Александр из оазиса пошел напрямик к Мемфису — трудным и опасным путем через Ливийскую пустыню. С ним остались Птолемей, Гефестион и брат ня-

ни Александра Клейт, по прозвищу Черный, гигант неимоверной силы. Поход к святилищу Аммона в зимнее время оказался не столь уж труден — воду находили в каждой большой впадине. Путь на восток, к Мемфису, более опасен и тяжел. Громадные горы песка дымились и пересыпались под ветром, бесконечным чередованием гряд пересекая все четыре тысячи стадий пути.

— Непонятно, зачем Александр решился на этот подвиг, мало что прибавлявший к его славе.

Неарх пожал плечами:

— А мне понятно.

— А мне нет. Объясни.

— Александру надо идти в глубь Азии за Дарием, через пустыни и степи, наполненные зноем. Он хочет испытать и закалить себя.

— А что сказал оракул Аммона?

— Ничего никому не известно. Жрецы оракула и гараманты, хранители дуба, встретили Александра с величайшим почетом. Утром он один вошел в храм, а сопровождающие ожидали его день и всю ночь. На рассвете Александр покинул убежище Аммона, сказав, что узнал от бога все, что хотел и в чем нуждался.

— Что же теперь делать?

— Поплывем в Мемфис. Сегодня же. Или ты хочешь еще побыть у моря?

— Нет! Я соскучилась по Салмаах.

И снова потянулись бесконечные равнины Дельты, показавшиеся еще более унылыми после чистых просторов моря. Критянин опять рассказывал о походах Александра. Только теперь Таис часто уходила на носовую палубу, оставляя его вдвоем с фиванкой. Она замечала, что взгляды Гесионы, обращенные к Неарху, становятся нежнее и мечтательнее. Однажды вечером Гесиона скользнула потихоньку в их общую каюту, куда Таис удалилась раньше и лежала без сна. Услыхав, что девушка сдерживает смех, Таис спросила, что случилось.

— Посмотри,— Гесиона поднесла к свету люкноса морскую губку гигантских размеров.

— Подарок Неарха,— догадалась Таис,— редкая вещь, под стать этой чаше.

В углу их каюты стояла огромная, выстланная серебром, круглая плоская чаша (или бассейн) для омовений, носить которую было под силу лишь двум крепким рабам.

— Попробуем?— весело предложила Гесиона. Она выкатила чашу, как колесо, и опрокинула на пол.

Грохот сотряс корабль, и испуганный помощник кормчего вбежал в каюту. Очарованный улыбками женщин, он тут же прислал двух моряков, наполнивших чашу водой.

Таис погрузила в бассейн губку, вобравшую почти всю воду, велела Гесионе стать в него и, с усилием подняв губку, обрушила ее на фиванку. Восторженный вопль вырвался из уст Гесионы, дыхание ее перехватило от целого каскада холодной воды.

— Смотри, чтобы любовь Неарха не утопила тебя, как эта губка,— пошутила Таис, а девушка отчаянно замотала головой.

Однако на четвертый день плавания Гесиона не вышла на корму и осталась в каюте. Таис потребовала командующего к ответу.

— Я полюбил ее. А она... Боюсь, что Гесиона так и не оттает. Как бы я не испортил всего. Помоги чем-нибудь. Вы, искусные жрицы Афродиты, должны знать такие вещи.

— Положись на меня,— успокоила его Таис.— Хоть и странно мне быть союзником мужчины, но уверена, что ты не обидишь мою Гесиону.

— Надо ли говорить?

— Не надо!— И Таис вошла под навес в каюту и оставалась там до самой ночи.

Прошло еще два дня. Судно подходило к Эшмуну во мраке безлунной ночи. Таис лежала в каюте без сна, обдумывая слова Неарха о том, что Александр хотел идти к пределам мира на востоке. А что теперь делать ей?

Неожиданно в каюту ворвалась Гесиона, с размаху бросилась на ковер перед ложем и, пряча лицо, протянула руки к Таис по шелку покрывала.

Таис сильно потянула Гесиону к себе, несколько раз поцеловала в пылающие щеки и, слегка оттолкнув от себя, с безмолвным вопросом взглянула в ее каштановые глаза.

— Да, да, да!— страстно зашептала фиванка.— И он надел мне этот браслет и это кольцо. Он сам купил их в Навкратисе, не думай, это не те, не Эгесихоры!

— И ты пойдешь к нему опять?

— Пойду. И сейчас!

— Подожди немного. Я научу тебя, как стать еще более прекрасной. Хоть ты и так неплоха... Сними эпоксиду!

Таис достала набор красок для тела и душистые эссенции. Она критически осмотрела подругу и спросила лукаво:

— Так ли уж плоха мужская любовь?

— О нет!— горячо воскликнула фиванка, покраснела и добавила:— Только не знаю, как надо, чтобы было хорошо ему.

— Как к поэту, ты должна нисходить к нему богиней, готовой отдаться священному обряду, без опаски и без нетерпения. Служить ему, как перед Афродитой, на морском берегу, без края и предела. Если у тебя так...

— Да, да! Я знаю, он начальник флота у великого Александра, а я?! Но все равно я счастлива, а там что пошлет судьба! Кто может спорить с ней?

— Сами боги не могут и не смеют,— согласилась Таис.— Только мы, смертные, чтобы не погибнуть, должны быть сильны душевно.

— А что дает эту силу?

— Долгая подготовка, крепкая закалка, строгое воспитание.

— И для гетер тоже?

— Для нас — в особенности. Немало девушек, одаренных Афродитой превыше многих, возвысилось, принимая поклонение, как царицы, а кончали жалкими рабынями мужчин и вина, сломленными цветами. Любая гетера, ставшая знаменитой, погибнет, если не будет заранее душевно закалена,— в том и смысл учения в храме Афродиты Коринфской.

— Я не понимаю.

— Скоро поймешь. И когда постигнешь, что нельзя стать знаменитой только одной любовью, будет не поздно заняться танцами, искусством веселого собеседника-рассказчика.

— Как бы я хотела стать танцовщицей, как ты!

— Что ж, увидим. Я знаю в Мемфисе одну финикиянку, она научит тебя тайнам.

— О, мне не нужно тайн. Я люблю Неарха и, кроме него, никогда любить никого не буду.

Таис пристально посмотрела на фиванку.

— Бывает и так, только редко!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РЫЖИЙ ИНОХОДЕЦ

Птолемей увидел Таис верхом на темно-пепельной лошади, когда возвращался вместе с Александром, Гефестионом, Черным Клейтом и Леонтиском, начальником тессалийской конницы, с прогулки к пирамидам. Александр ехал на Букефале, проезжая любимого коня в ранний час дня. Обычно он ездил на нем только в бою, избегая перегревать вороного в дальних поездках под палящим солнцем Азии. Букефал поднял умную широколобую голову с пятном-отметиной и продолжительно заржал, приветствуя ко-

былу. Салмаах кокетливо затанцевала, сдерживаемая крепкой рукой Таис.

Три возгласа удивления прозвучали почти одновременно. Три друга безошибочно узнали «четвертую Хариту». Тессалиец замер, рассматривая небольшую, одетую без роскоши женщину, перед которой остановились три могущественных человека и в их числе сам божественный полководец.

— Она, моя мечта — афинянка!— вскричал Птолемей, спрыгнув с коня и хватая под уздцы Салмаах.

— Самоуверенность!— насмешливо заметил Гефестион.— Твоя без тебя?

— Я сказал — мечта!— упрямо повторил Птолемей, испытующе глядя на Таис.

Она положила обе руки на холку лошади, подняв высоко голову, и смотрела только на Александра, словно завороженная его взглядом. Чуть сведя брови, Таис закинула ногу и соскользнула с левого бока лошади на землю. Она казалась совсем небольшой перед тремя гигантами на огромных конях. Александр, Гефестион и Клейт были выше четырех локтей на целую палесту (ладонь), а рост Таис — три локтя, три палесты. Тем не менее гетера не теряла достоинства и даже дерзкой независимости, удивившей Птолемея еще в Афинах. Теперь он во все глаза смотрел на нее. В расцвете женской силы, утратившая прежнее мальчишеское, она стала необъяснимо привлекательной, далекой и еще более желанной. Лошадь Таис отступила в сторону, и Птолемею пришлось смотреть на нее против солнца. Могучий золотой свет проник сквозь легкое одеяние гетеры и облек все ее тело сияющим огнем, словно сам Гелиос принял в свои объятия прекрасную дочь Эллады и Крита. По манере смотреть вдаль, словно она видела нечто неведомое остальным, Таис вдруг напомнила ему Александра. Птолемей задрожал и опустил взгляд, чтобы не выдать себя.

Александр, спешившись, бросил поводья Букефала Клейту и подошел к Таис.

Александр держал голову еще выше, чем при первой встрече, и прищуривал нижние веки с выражением гордым и проницательным.

— Хайре,— сказала Таис, поднимая ладонь к подбородку полководца.

— О чем ты хочешь просить меня?

— Ни о чем, царь,— ответила Таис, называя Александ-

ра титулом владык Персии.— За прошедшие годы ты стал так величествен, что мы, простые смертные, перед тобой невольно застываем в молитве.

Александр прислушался к словам Таис, нет, они не отдавали лестью.

— Пусть простит меня мой прародитель Ахиллес, право, ты стала прекраснее Елены Троянской, дочери Тиндара!

И царь македонцев еще раз оглядел гетеру, но как-то по-иному ощутила его любопытство афинянка в сравнении с Птолемеем.

«Ее глаза кристально чисты, как источник Артемис,— думал Александр,— серые, с проблесками золота и лазури, спокойные и доброжелательные. А губы будто вырезаны из пурпурного камня — так четок их рисунок, резкий, как и длинный разрез век под узкими бровями. Кожа — светлой меди, прозрачная и шелковистая, будто тонкая пелена огня, горящая на алтаре в ясный полдень...»

После некоторого молчания, нарушавшегося лишь бряцанием уздечек и ударами копыт лошадей, Александр сказал:

— Помнишь мои слова в Афинах: «Ты будешь моей гостьей, когда захочешь»? Так хочешь ли?

— Конечно, хочу! Особенно когда ты удивил меня памятью о короткой встрече.

— Я давно собирался позвать тебя,— вмешался Птолемей,— к твоим услугам любые лошади, палатка, рабы — всего этого у меня в изобилии...

Птолемей осекся под взглядом Александра. Полководец смотрел на своего соратника без гнева, а с сожалением,— так показалось Таис.

— Путь мой только еще начинается,— сказал царь,— но ты можешь сопровождать нас. Не в боях и погонях, а следуя в мирной половине моего войска — с художниками, философами, артистами. Птолемей позаботится о тебе — он умеет это делать,— легкая улыбка рассеяла смущение спутников царя.

Таис склонила голову с тяжелым узлом высоко зачесанных волос и по-детски поджала губы дужкой.

— Благодарю тебя, царь!

— Зови меня по-прежнему Александром. И приходи на праздник, который я устраиваю для города. Покажи там высокое искусство эллинских женщин.

Александр с удивительным для его мощной фигуры проворством вскочил на своего вороного, покрытого по

персидскому образцу потником, укрепленным тремя ремнями, и блиставшего золотой персидской уздечкой в виде лежачей буквы Х (хи), с золотыми розетками на скрещении ремней и под ушами. Таис взвилась на потертую шкуру пантеры, заставив Салмаах подняться на дыбы и ловко повернуться вслед ускакавшим македонцам. Затем снова повернула лошадь и медленно поехала к месту, где ее ждала Гесиона, расставшаяся на несколько дней с Неархом. Начальник флота обещал вернуться к большому симпосиону, их разлука не могла быть долгой.

Мемфис был во власти праздничных настроений. Люди приветствовали молодого «фараона» Александра, восхищаясь его красотой, силой, чувством превосходства и власти, исходившими от обожествленного полководца.

Как всегда, народ надеялся на большие перемены в своей судьбе, долженствующие изменить печальную жизнь по мановению нового царя, испокон веков надеясь на лучшее и не понимая, что ход истории медлителен и тяжек. Ничего для этих ныне живущих людей измениться к лучшему не могло. Только военные беды, погромы, пожары и наводнения вторгались в неизменно бесцветное существование людских толп с ошеломляющей внезапностью. Опыт истории существовал только для мудрецов.

Среди тех, кто приветствовал победоносных македонцев и эллинов, было немало подобных Таис, веселых крупиц жизни, с телом и мускулами как из бронзы, с твердой душой, мнящих себя хозяевами Ойкумены.

— Ты поможешь мне, Гесиона?— спросила гетера накануне симпосиона, устраиваемого Александром для знати Мемфиса в так называемых Южных Садах.

— Ты очень храбрая, если хочешь выступать перед таким скопищем людей. Не испугается ли Салмаах?

Таис лениво потянулась и достала флакон мутного стекла. Из него она насыпала в маленькую чашку щепотку зеленоватого, неприятно пахнущего порошка.

— Я добавлю в воду и напою завтра Салмаах. Этой азиатской травы надо очень немного, чтобы человек или животное сбросили с себя цепи застенчивости или страха. Чуть больше — и тело выйдет из-под власти сердца, потому я, не имея опыта, дам лишь капельку...

Из наполненных смолой каменных сосудов на столбах пламя вырывалось в темное небо дымными крутящимися колоннами. Глубокий навес укрывал собравшихся от северного ветра. На гладких плитах двора музыканты и греческий хор с артистами исполнили «Трагедию» («Песнь

козлов») — отрывок из приключений Диониса в его индийском странствовании. Эту легенду особенно любил Александр.

Великий победитель полулежал в окружении своих приближенных, хмельных и запосчивых. Только Неарх и Леонтиск уселись немного в стороне, слушая великолепную тиносскую певицу. Высокая, в черном, как ночь, пеплосе, она походила на Гекату. Только вместо мрачных собак, спутниц богини,— две веселые, обнаженные, как полагалось, флейтистки аккомпанировали ее низкому голосу, силе которого могли бы позавидовать военачальники. Широкий разлив песни смывал, подобно морю, человеческие огорчения, повелевая быть спокойней, внимательней и добрее.

Загудели барабаны. Ритм заострила дробь деревянных палок. Рабы раздули курильницы, извилистые ленты тяжелого ароматного дыма потянулись над плитами импровизированной сцены.

Нагие финикийские танцовщицы, все на подбор тонкие, узкобедрые, смуглые и низкогрудые, извиваясь, завертелись в дыму курений. Их было шесть. То разъединяясь, то бешено бросаясь навстречу одна другой, они дерзко, грубо и недвусмысленно изображали ярость овладевшего ими желания. Жертвы богини Котитто, одержимые одной целью — быстрее освободиться от ее мучительной власти.

Хриплые крики одобрения понеслись со всех сторон. Только сам Александр и угрюмый Черный Клейт не выразили восхищения. Неарх с Леонтиском тоже остались спокойными. Рабы обнесли всех новыми чашами вина. Угасли курильницы, тела танцовщиц заблестели от пота, пронзительная дробь смолкла. Под замирающие удары барабанов финикиянки скрылись.

Тотчас же, без всякого перерыва, перед дворцом-сценой упала завеса тончайшей серебрящейся ткани, протянутая от одного факельного столба до другого. За ней поставили большие зеркала из посеребренных листов меди, отразившие яркий свет больших масляных лампионов.

Зазвенели струны, протяжно запели флейты, и еще восемь нагих девушек появились в полосе света от зеркал, стоявших за тканью. Все небольшого роста, крепкие и полногрудые. Их волосы не метались тонкими косами-змеями по плечам, как у финикиянок, а были коротко острижены, как у мифических амазонок. Маленькие ноги ступали дружно, одним слитным движением. Тессалийки — дочери

древней страны колдуний, и танец их казался волшебным действом, тайной мистерией.

Слабо колышущаяся серебристая ткань дымкой отделяла танцующих от полутьмы пиршественного навеса. Гибкие тела тессалиек подчинялись иному музыкальному напевному ритму. Танец был широким, плавным, в убыстрявшемся темпе, юные танцовщицы, одержимые не менее финикиянок, словно бы неслись по просторам конно-бежных равнин Тессалии. Зрители оценили полет их фантазии, смотрели в молчании, захваченные чувствами типоэстезиса — ощущения через сердце, для эллинов олицетворявшее душу. Леонтиск наклонился к Неарху, чем-то опечаленный, и негромко сказал:

— Когда-то давно я видел тессалиек, исполнявших танец амазонок. Как это было прекрасно!

— И ты хотел бы увидеть?— загадочно улыбаясь, спросил критянин. Он-то знал обо всем через Гесиону.

— Я готов заплатить талант той, которая сможет исполнить танец амазонок.

— Что ж, плати,— невозмутимо сказал Неарх, протягивая сложенную горстью ладонь.

Начальник тессалийской конницы удивленно рассмеялся. В это время убрали занавес. Красноватые блики смоляных факелов вновь побежали по плитам двора. Девушка в очень короткой эксомиде, открывавшей левое плечо и грудь, с распущенными волосами, появилась у левого факельного столба. Неарх узнал Гесиону. Сначала на нее не обратили внимания. Фиванка подняла над головой бубен и резкими ударами привлекла внимание пирующих. Зазвенели звонки, прикрепленные к ободку инструмента, и в ярко освещенный круг ворвалась Таис верхом на Салмаах. Ничего, кроме уздечки, не было на лошади и, кроме боевого браслета амазонки, на всаднице. Грациозной переступью лошадь пошла боком от одного столба до другого, поднялась на дыбы, склонив набок маленькую сухую голову и приветственно размахивая передними копытами. Отсюда Салмаах, в такт ударам бубна, двинулась обратно, поочередно забрасывая в сторону то зад, то перед, а Таис сидела прямо, с неподвижными плечами.

Потанцевав три круга, афинянка внезапно послала Салмаах вскачь. Гесиона бешено забила в бубен, а македонцы, все отличные наездники, заорали в ритме скачки.

Подражая легендарным стиганорам*, Таис на всем

* Буквально — мужененавистники, эпитет амазонок.

скаку становилась на одно колено, переворачивалась лицом к хвосту, растягивалась на спине, обнимая широкую крутую шею кобылы. Потом снова поднимала лошадь на дыбы, Салмаах вертелась быстро и красиво, делая по два оборота в разные стороны. Подгоняемая восторженными криками зрителей, Таис пустила лошадь равномерной рысью и встала во весь рост на ее спине, придерживаясь за прядь длинной гривы и безукоризненно балансируя.

Рабы незаметно настелили на дворе тяжелые пальмовые доски. Таис снова села верхом, перестала улыбаться, лицо ее посерьезнело. Бубен Гесионы, рассыпаясь в ритме горделивого танца, повел перекличку с ударами копыт. Салмаах, подчиняясь коленям гетеры, отстукивала всеми четырьмя копытами по гулкому дереву. Два, четыре удара передними ногами, затем шаги назад, снова гулкая дробь передних. Два, четыре, восемь, двенадцать — спаренные удары учащались, лошадь то устремлялась вперед, то приседала назад. Таис откидывалась, выгибаясь дугой и устремляя груди к темному небу.

Гесиона, не в силах стоять спокойно, танцевала на месте, изо всех сил потрясая бубном. Возбужденная лошадь тоже начала подпрыгивать, как в галопе, ударяя сразу тремя ногами, подбрасывая круп и задирая голову.

Внезапно Таис спрыгнула со спины Салмаах. Опираясь на лошадь правой рукой, она стала исполнять странный обрядовый танец. Поднимаясь на пальцы правой ноги, гетера высоко поднимала левую, обхватывала ее щиколотку протянутой вперед левой рукой. Изогнутое луком медное тело Таис обрисовывало треугольник, как бы замкнутую вверху букву «гамма» на темно-пепельной шерсти лошади. Затем обе руки простерлись на уровне плеч в такт сильному прогибу тела, а правая нога перешла в положение левой. И снова на миг обрисовался треугольник. Салмаах, подпрыгивая, продвигалась по кругу, готовая повернуться другим боком. Таис взлетела на спину лошади и соскользнула с другого ее бока, повторяя треугольник странного танца. Сплошной рев стоял под навесом. Леонтиск ринулся было вперед. Его остановил Неарх. Птолемей казался внешне спокойным. Крепко сцепив руки, он прижимал их к груди, бросая взгляды на тессалийца. Даже Александр поднялся и чуть было не сбил с ног широкоплечего сутуловатого человека, стоявшего рядом с ним, который следил за танцем Таис так, как будто от этого зависела вся его жизнь. Последний прыжок Салмаах. И снова Таис на ее спине; поднятая на дыбы лошадь поклонилась на обе сто-

роны. Затем Таис поставила кобылу на колени, головой к Александру, и сама, спрыгнув на землю, под восторженные крики зрителей приветствовала его. Толпа неистовствовала. Салмаах испугалась, вскочила, заложив уши и кося глазом, стала пятиться к заднику «сцены». Ее подхватила под уздцы Геснона.

Александр поманил Таис. Но гетера накрылась бахромчатым египетским плащом и убежала. Надо было как можно быстрее смыть едкий конский пот. Да и одеться для пира.

Через несколько минут Таис появилась под навесом в оранжевом хитоне с тремя лентами — синей, белой и красной, вплетенными в черную чащу ее волнистых волос.

Прежде чем Птолемей или Леонтиск успели что-либо сказать, гетера подошла к Александру. Царь македонцев взял ее за обе руки, поцеловал и усадил за трехногий греческий столик между собой и широкоплечим сутуловатым человеком с короткой бородой на худом лице, с умным и усталым взглядом.

— Посмотри на нее хорошенько, Лисипп!

Таис вздрогнула. Она впервые видела знаменитого ваятеля, покинувшего Элладу, чтобы сопровождать победителя персов. Скульптор обнял Таис за плечи и стал рассматривать ее лицо с бесцеремонностью художника или врача. Гетера увидела, что он вовсе не сутул, а лишь кажется таким из-за привычки наклоняться вперед, всматриваясь в лица.

— Зачем, царь?— Таис не смогла назвать македонца по имени, хотя и знала, что Александру всего двадцать четыре года: всего на год старше ее: фамильярность была не в ее характере.

— Александр хочет,— ответил за царя Лисипп,— чтобы я когда-нибудь сделал твою статую в образе царицы амазонок. С детства он мечтал повторить историю Тесея и Ипполиты, но с огорчением узнал, что всадницы Термодонта давно исчезли, осталась лишь легенда. Однако ты сегодня явилась истинной их наследницей. Смотри, как пожирает тебя глазами наш герой Леонтиск!

Таис склонилась перед Александром в преувеличенной мольбе.

— Пощади, о царь! Уже триста лет художники изображают, как доблестные эллинские воины расправляются с амазонками, убивают их, тащат в плен. Примечал ли ты, что амазонки по большей части даже пешие, чтобы никак не возвышаться над мужчинами?

— Что ты подразумеваешь?— с любопытством спросил Лисипп.

— Любые сосуды: краснофигурные, чернофигурные, времен первой олимпиады и даже до того. Художники всякие — знаменитые и незнаменитые. Ефроний, Евхаридес, Андокидес, Архесилай, да разве их упомнишь? И везде герои Тесей, Геракл, Ахиллес тащат за волосы несчастных амазонок, бьют дубинами упавших на колени, вонзают им в грудь мечи и копья. Я почти не видела рисунков, где бы амазонки изображались верхом на лошадях, как им и следует быть, еще меньше — где они поражают мужчин в бою.

— Ну это на сосудах, да еще старинных!— возразил Лисипп.

— Отнюдь нет! Вспомни сцены похищения Антиопы на барельефах храма Аполлона! А наш Парфенон! Да неужели ты забыл огромную картину Микона в пинакотеке Афин, в левом крыле Пропилей, где эллинские воины беспощадно избивают амазонок. Она написана столетие назад или больше.

— Что же ты хочешь этим сказать?— нахмурился Александр.

— Когда мужская гордость уязвлена, вы начинаете выдумывать для своего оправдания небылицы. А художники стараются изобразить эту ложь как можно правдивее.

— Зачем это художникам?— сказал Лисипп.

— Так ведь они мужчины тоже! И им тоже нестерпима даже мысль о женском превосходстве.

Незаметно подошедший Леонтиск захлопал в ладоши.

— Чем ты восторгаешься?— недобро спросил Птолемей.

— Умом амазонки. И правдой.

— Ты видишь правду?

— Хотя бы в том, что только у амазонок все эти поражения, которые с такой охотой изображали афиняне, не отняли мужества, как у беотийцев и афинян. Темискиру, их столицу, взял Геракл, часть амазонок погибла под Афинами, и все же они пришли к стенам Трои сражаться против эллинов. Им не могут простить этого потомки тех, кого амазонки били, вселяя страх своей нечувствительностью к ранам!

Александр весело рассмеялся, а Птолемей не нашел что возразить тессалийцу. Лисипп спросил Таис:

— Скажи, почему тебе пришло в голову выступать в иппогиннесе нагой?

— Прежде всего — соответствие легендам. Истинные амазонки, посвященные Артемис девушки Термодонта, жившие за тысячу лет до нас, всегда сражались нагими и ездили на лошадях без потников. То, что будто бы они выжигали себе одну грудь для стрельбы из лука — нелепая выдумка, хотя бы потому, что нет ни одного древнего изображения безгрудой амазонки. Стиганоры стреляли или прямо перед собой над ушами лошади, или, когда проскакивали мимо врага, поворачивались и били с крупа коня. Настоящих амазонок вы можете видеть на старых клазоменских вазах и кратерах. Это крепкие, даже очень плотные нагие девушки, верхом на сильных лошадях, в сопровождении бородатых конюхов и собак. Ионийские и карийские женщины, привыкшие к свободе, не могли смириться с грубыми дорийскими завоевателями. Самые смелые, сильные, юные уходили на север, к Эвксинскому Понту, где образовали полис Темискиры. Это не народность, а священные девы Артемис, потом Гекаты. Невежественные историки и художники спутали их со скифскими женщинами, которые также прекрасные воительницы и наездницы. Поэтому очень часто амазонок изображают одетыми с ног до головы, в скифской одежде или каппадокийками с их короткими эксомидами.

— Ты должна учить истории в Ликее или Академии!— воскликнул удивленный Лисипп.

Веселые огоньки заиграли в глазах Таис.

— Из Ликея я едва унесла ноги, познакомившись с Аристотелем.

— Мне он ничего об этом не рассказывал,— прервал ее Александр.

— И не расскажет — по той же причине, по какой рисуют избиения амазонок. Но скажи, о ваятель, слышал ли ты, чтобы женщина чему-нибудь учила взрослых людей, кроме любви! Разве Сапфо, но как с ней разделались мужчины! А мы, гетеры-подруги, не только развлекаем, утешаем, но также учим мужчин, чтобы они умели видеть в жизни прекрасное...

Таис умолкла, успокаивая возбужденное дыхание. Мужчины с нескрываемым интересом смотрели на нее, каждый по-своему осмысливая сказанное.

— И еще,— заговорила Таис, обращаясь к скульптору,— ты, чье имя неспроста «Освобождающий лошадей», поймешь меня, как и все они,— гетера показала в сторону Леонтиска и македонцев,— властители коней. Когда ты едешь верхом по опасной дороге или мчишься в буйной

скачке, разве не мешают тебе персидский потник или иная подстилка? А если между тобой и телом коня нет ничего, разве не сливаются в одном движении твои жилы и мышцы с конскими, работающими в согласии с твоими? Ты откликаешься на малейшее изменение ритма скачки, ощущаешь нерешительность или отвагу лошади, понимаешь, что она может... И как прочно держит тебя шерсть при внезапном толчке или заминке коня, как чутко отвечает он приказу пальцев твоих ног или повороту колен!

— Хвала подлинной амазонке!— вскричал Леонтиск.— Эй, вина за ее здоровье и красоту!— И он поднял Таис на сгибе руки, а другой поднес к ее губам чашу с драгоценным розовым вином.

Гетера пригубила, погрузив пальцы в его короткие остриженные волосы.

Птолемей деланно рассмеялся, еле сдерживая готовую прорваться ревность.

— Ты хорошо говоришь, я знаю,— сказал он,— но слишком увлекаешься, чтобы быть правдивой. Хотел бы я знать, как можно заставить яростного коня почувствовать эти маленькие пальцы,— он небрежно коснулся ноги гетеры в легкой сандалии.

— Сними сандалию!— потребовала Таис.

Птолемей повиновался недоумевая.

— А теперь опусти меня на пол, Леонтиск!— И Таис напрягла ступню так, что, опершись на большой палец ноги, завертелась на гладком полу.

— Понял теперь?!— бросила она Птолемею.

— Таким пальчиком, если метко ударить, можно лишить потомства,— засмеялся Леонтиск, допивая вино.

Симпосион продолжался до утра. Македонцы становились все шумнее и развязнее. Александр сидел неподвижно в драгоценном кресле фараона из черного дерева с золотом в слоновой кости. Казалось, он мечтал о чем-то, глядя поверх голов пирующих.

Птолемей тянулся к Таис жадными руками. Гетера отодвигалась по скамье к креслу Александра, пока великий повелитель не опустил на ее плечо свою тяжелую и надежную руку.

— Ты устала. Можешь идти домой. Лисипп проводит тебя.

— А ты?— внезапно спросила Таис.

— Я должен быть здесь, как должен еще многое, независимо от того, люблю я это или нет,— тихо и, как показалось, досадливо ответил Александр.— Я хотел бы иного...

— Царицу амазонок, например!— сказал Лисипп.

— Я думаю, что амазонки, посвятившие себя Артемис и единственной цели — отстоять свою самостоятельность, были никуда не годными возлюбленными. И ты, о царь, не узнал бы ничего, кроме горя,— сказала гетера.

— Не то что с тобой?— Александр склонился к Таис, вспыхнувшей, как девочка.

— Я тоже не для тебя. Тебе нужна царица, повелительница, если вообще может женщина быть рядом с тобой.

Победитель персов пристально посмотрел на Таис и, ничего не сказав, отпустил ее движением руки.

Едва они очутились в тени деревьев, как Лисипп негромко спросил:

— Ты посвященная орфиков? Как твое имя в посвящении? Много ли открыто тебе?

— Мало,— откровенно призналась гетера.— А орфическое имя мое — Тию...

Узнав о делосском философе, Лисипп утратил свою недоверчивость и стал рассказывать ей о том, что в глубине Персии он встретил близкий орфикам культ Зороастры. Поклонники Зороастры поклоняются доброте в образе мужского божества Ормузда, вечно борющегося со злом — Ариманом. Одежда Ормузда — те же три цвета Музы: белый, красный и синий. Лисипп посоветовал и Таис, если она поедет в Персию, носить там трехцветные ленты.

— Я должен встретиться с тобой, как только Дарий будет окончательно побежден, и я устрою себе в Персии постоянную мастерскую. Ты — нелегкая модель для художника. В тебе есть что-то редкое.

— А не состарюсь я до той поры?— рассмеялась Таис.

— Глупая, ты не знаешь Александра!— ответил Лисипп. Он был убежден, что окончательная победа над персами — дело скорое, что Александр непреклонен в достижении этой гигантской цели.

Дома ждала Гесиона вместе с Неархом. Восторженный критянин поздравил Таис с небывалым успехом.

— Этот предводитель конницы, он совсем-совсем поражен Эросом!— с хохотом вспомнила Гесиона.— Ты покорила знаменитого героя, подобно Ипполите!

Таис попросила Неарха рассказать, чем прославился Леонтиск.

В битве при Иссе армия Александра оказалась зажатой в прибрежной долине огромными силами персов. Их

конница, в несколько раз превосходившая числом конницу македонцев, бросилась с холмов на берег, перешла речку и атаковала правое крыло Александра, состоявшее из тессалийской конницы.

Тессалийская конница, правда с помощью фракийских всадников и великолепных критских лучников под командой очень опытного полководца Пармения, сумела удержать берег моря до тех пор, пока гвардия Александра — тяжелая конница «товарищей»-гетайров и щитоносцы — не подготовила страшный удар в центр персидских сил, обратя в бегство Дария и обеспечив победу.

За геройство в битве на морском берегу тессалийские конники удостоились права первыми грабить Дамаск. В Дамаске оказалось собранным все снаряжение персидской армии: повозки, рабы, деньги и сокровища. Поэтому Леонтиск сейчас владеет немалыми богатствами. Его Александр наградил и среди других, отличившихся в битве, разделив между ними три тысячи талантов, захваченных на поле битвы в лагере персов.

— Правда, наверное, у Птолемея богатств еще больше. Этот военачальник мудр и терпелив, умеет собирать и выжидать. Я полагаю, что он будет владеть тобой, а не пламенный, подобно Александру, Леонтиск,— заключил свой рассказ критянин.

Таис только вздернула голову под лукавым и любящим взглядом Гесионы.

Еще не наступил первый месяц весны — мунихион, а Таис снова оказалась на корабле Неарха вместе со своей подругой и Салмаах. Они плыли по восточному рукаву Нила через Бубастис до прорытого по указу Дария Первого канала, соединявшего Египет с Эритрейским морем и Персией. Триста лет назад канал приказал рыть египетский фараон Нехо, тот самый, по чьему указу финикийские моряки совершили беспримерный подвиг, обошли кругом всю Ливию, от Египта до Геркулесовых Столбов, и прибыли снова в Египет. Однако труд египетских рабов остался незавершенным. Лишь через два столетия Дарий Первый, располагая огромным числом военнопленных, закончил путь от рукава Нила до Суккота, лежащего на Горьких озерах в преддверии Залива Героев — узкого ответвления моря между Аравийской и Синайской пустынями. В Суккоте Таис покидала судно Неарха, впервые расставаясь с Гесионой надолго, может быть, навсегда. Неарх

отправился на Евфрат строить флот, чтобы в случае необходимости двинуться на Вавилон. В глубоко продуманных планах великого полководца учитывалась и возможность поражения. В этом случае Александр не хотел повторять тяжкого Анабазиса* — похода греков к морю через горы и степи Каппадокии и Армении. Греческих наемников тогда никто не преследовал, и все равно они потеряли многих. А тут на плечах будет огромная армия персов. Александр считал лучшим исходом отступать к Евфрату, посадить войско на суда и уплыть от преследователей. В случае победы Неарх тоже должен был явиться в Вавилон. Там-то и рассчитывали встретиться обе подруги.

Последнюю ночь перед Суккотом они провели без сна в помещении Таис. Холодноватый синайский ветер проникал сквозь плотные занавеси, колебля тусклое пламя светильника и заставляя подруг теснее прижиматься друг к другу. Гесиона вспомнила годы, проведенные у Таис. Обе вдоволь поплакали, горюя и о Эгесихоре, и о собственной разлуке.

Из-за низких и унылых восточных холмов встало слепящее солнце, когда на пристань были брошены причальные канаты. Появился Птолемей в шитом серебром финикийском плаще, с целой толпой своих товарищей. Они приветствовали прибывших громкими криками, напугавшими Салмаах, как на мемфисском симпосионе. Храпевшую, бьющую передом и задом кобылу сама Таис перевела на пристань и передала опытным конюхам. Таис и Гесиону повезли на колеснице по северному берегу небольшого соленого озера, на восток, где на уступе долины располагался стан высших начальников Александра. Неизбежный симпосион окончился рано — Неарх спешил. К полуночи Таис с припухшими от слез глазами вернулась с проводов в приготовленную ей роскошную палатку, принадлежавшую прежде какому-то персидскому вельможе.

Никогда не думала гетера, что так сильно будет горе разлуки со своей бывшей рабыней.

Еще не залечилась рана от потери Эгесихоры и Менедема. Афинянка чувствовала себя особенно одинокой здесь, на пустынном склоне, перед походом в неизвестность. Как бы угадав ее состояние, несмотря на поздний час, к ней явился Птолемей. Он увлек Таис рассказами о Персии, и

---

* Описанный Ксенофонтом знаменитый поход отряда греческих наемников, отступавших из пределов Персии дальним окружным путем.

она снова подпала под обаяние его ума, искусной речи, удивительной наблюдательности. С начала похода македонец вел путевой дневник, скупо, точно запечатлевая удивительные события. Если критянин Неарх замечал главным образом природу морских побережий, то Птолемей оказался на высоте не только как военный, но и как исследователь обычаев и жизни народов покоренных стран. И конечно, большую долю внимания Птолемей уделял женщинам, обычаям любви и брака, что также сильно интересовало и Таис. Он рассказывал о странных народах, обитавших в глубине Сирии и Аравии. Они очень низко ставят женщин, считают Афродиту Пандемос богиней разврата, не понимая ее высокого дара людям. Не понимают потому, что боятся любви, перед которой чувствуют себя неполноценными и, очевидно, уродливыми, так как странно боятся обнаженности тела. Именно у них женщина не смеет даже перед мужем показаться нагою. Неполноценные в Эросе, они жадны до пищи и драгоценностей и очень страшатся смерти, хотя их жизнь глуха и некрасива. Подумать только, они не понимают рисунков и картин, не в силах распознать изображения. Бесполезно толковать им о красоте, созданной художником.

— Что ж, они совсем отвергают женщин?— удивилась Таис.

— Отнюдь нет! Они жаждут иметь их как можно больше. Но все это оборачивается скотством и грубостью. Их жены — рабыни, они могут воспитывать только рабов. Такова расплата за темных и запуганных их женщин.

— Ты прав!— загорелась Таис.— Очень свободны лакедемонянки, а храбрее спартанцев как народа нет на свете. Героизм их легендарен, как и слава женщин.

— Может быть,— с неохотой согласился Птолемей и, заметив золотую цепочку на шее гетеры, спросил сурово:— Прибавилось ли звездочек после моей?

— Конечно. Но мало — всего одна. Я постарела.

— Хорошо бы все так старели,— буркнул Птолемей,— покажи!— И, не дожидаясь, сам вытащил цепочку наружу.

— Двенадцать лучей! И «мю» в центре — тоже двенадцать, или это имя?

— Имя и цифра. Но не пора ли — за холмами начинает светать?

Птолемей вышел не прощаясь. Таис еще не видела его таким угрюмым и недоуменно пожала плечами, ныряя под легкое, теплое покрывало и отказавшись даже от массажа, который собиралась сделать ей новая рабыня За-Ашт —

финикиянка. Злая и гордая, похожая на жрицу неведомого бога, она сумела завоевать уважение своей госпожи и, в свою очередь, стала выказывать ей симпатию. Мрачные глаза За-Ашт заметно теплели, останавливаясь на Таис, особенно когда госпожа не могла видеть ее взгляда. Весь следующий день Таис провела в своем шатре. Унылая равнина вокруг не возбуждала любопытства, а весь большой отряд македонской конницы был в горячке подготовки к дальнейшему походу. Все время подходили новые сотни, собранные из македонцев, временно расселившихся в Дельте на захваченных участках плодородных земель.

По древней дороге, через Эдом в Дамаск, войска шли до Тира — главного места сбора армии. Начинался первый этап пути, в четыре с половиной тысячи стадий, как насчитывали опытные проводники и разведчики дорог.

Через пустынные плоскогорья, горы, покрытые дремучими лесами, долины и побережья пролегала эта дорога — свидетельница походов множества народов, забытых кровавых сражений и скорбного пути увлекаемых в рабство. Гиксосы, ассирийцы, персы — кто только не стремился на протяжении тысячелетий попасть в плодородный и богатый Египет. Даже скифы с далекого Востока, от кавказских владений, и те проходили здесь, достигнув границ Египта.

Пешие отряды отборных воинов, пользуясь сотнями колесниц, захваченных у персов, не желая расставаться с полученными богатствами, уже отправили свое имущество в Тир и сами шли туда. Александр со свойственной ему стремительностью опередил Птолемея и находился уже в Тире.

Таис сказала Птолемею, что не хочет пользоваться колесницей. Зубодробительная тряска этих экипажей по каменистым горным дорогам омрачила бы весь путь. Македонец согласился и приказал привести Салмаах, чтобы знатоки осмотрели кобылу перед долгой поездкой. Явился и Леонтиск — едва ли не лучший знаток лошадей во всей армии Александра. Несколько дней, считая и проведенные на корабле, в корм Салмаах добавляли льняное семя, чтобы очистить кишечник. Теперь ее чагравая шерсть, отлично вычищенная пафлагонскими конюхами, блестела темным шелком.

Леонтиск провел ногтями по спине Салмаах, сильно надавливая. Лошадь вздрогнула и потянулась. Тессалиец вскочил на нее и понесся по равнине. Ровный стук копыт

заставил знатоков одобрительно закивать, однако начальник тессалийской конницы возвратился недовольный.

— Тряская рысь! Смотри — передние копыта, хотя и круглее, но не больше задних. Бабки слишком крутые — скоро стопчет копыта на каменистых дорогах Сирии...

Таис, подбежав к кобыле, обняла ее за шею, готовая защищать свою любимицу.

— Неправда! Она хороша, ты сам восторгался ею на празднике. Смотри, как она стоит — нога в линию ноги.

— Ноги длинноваты, лучше бы покороче...

— А какая широкая грудь!

— Да, но узковат зад. Потом смотри — у нее длинный и вытянутый пах, на всю ладонь и еще два пальца. Хоть ты и легка, но если делать по двадцать парасангов, то у нее не хватит дыхания.

— Прежде всего не хватит у меня. Иль ты равняешь меня с собой?

Тессалиец расхохотался, вертикальная морщина под его переносьем разгладилась, насупленные непреклонные брови поднялись, и афинянка увидела в грозном воине совсем молодого человека, почти мальчика. В противоположность спартанцам, считавшим зрелость лишь с тридцати лет, македонцы начинали служить воинами с четырнадцати-пятнадцати лет и к двадцати пяти годам становились закаленными, все испытавшими ветеранами. Начальник тессалийской конницы, видимо, тоже был юным ветераном, как многие высшие начальники Александра.

— Прости меня. Ты привязана к своей лошади, как истинный конник. И Салмаах совсем неплохая лошадь. Все же, если поедешь в Азию с нами, тебе следовало обзавестись другим конем, а Салмаах останется при тебе, хотя бы для танцев.

— Откуда я возьму другую лошадь!— сказала обиженная за свою кобылу Таис.— Да еще лучше моей красавицы.

Она похлопала Салмаах по крутой шее, а та покосилась недобрым глазом на Леонтиска, будто понимала, что ее унижают.

Леонтиск переглянулся с Птолемеем, и македонец махнул кому-то рукой.

— Эй, привести коня госпоже Таис!

Гетера не успела ничего спросить, как откуда-то послышался чеканный дробный топот. Мальчик, сдерживая рыжего с медным отливом коня, вынесся вперед и едва

осадил горячую лошадь, запрокинувшись назад и налегая на поводья.

Этот конь был весь медно-рыжий, без единого пятнышка, блестящий, переливающийся искрами. Подстриженная грива и пышный, тонкий у репицы хвост, совсем черные и отливающие синим глаза удивительно украшали животное. Афинянка никогда не видела лошадей такой масти.

Таис сразу бросились в глаза удлиненное тело с крутыми боками и более короткие, чем у Салмаах, ноги, передние с бо́льшими, чем у задних, копытами. Длинная отлогая лопатка, длинная холка, широкий круп — все эти достоинства были очевидны и не знатоку. Поднятая голова и высоко несомый хвост придавали коню особенно гордый вид. Из-за широко раздутых ноздрей морда лошади казалась серьезной, почти злой. Но стоило поглядеть в большие добрые глаза животного, как опаска исчезала. Таис смело подошла к коню, приняв поводья из рук мальчика, потрепала его по шее, и рыжий жеребец издал короткое, легкое ржание.

— Он признает тебя!— довольно воскликнул Птолемей.— Ну что ж, владей! Я давно присматривал для тебя энетского коня таких качеств, что встречаются у одного на сотню самых чистокровных.

— Как зовут его?

— Боанергос (Дитя Грома). Ему шесть лет, и он хорошо выезжен. Садись попробуй.

Таис сбросила военный плащ, в который куталась от ветра, еще раз погладила рыжего жеребца и вскочила ему на спину. Конь, словно ожидал этого, сразу пошел широкой, размашистой рысью, все сильнее ускоряя ход. Удивительное дело — после рыси Салмаах Таис почти не чувствовала толчков. Лошадь покачивалась из стороны в сторону, ударяя двумя копытами одновременно. Заинтересовавшись, афинянка заметила, что лошадь переставляет сразу обе ноги одной стороны — переднюю левую с задней левой, переднюю правую с задней правой. Это был иноходец — род лошадей, на которых Таис еще не ездила.

Восхищенная бегом иноходца, Таис обернулась, чтобы послать улыбку великим знатокам лошадей, и невольно крепче свела колени. Чуткий конь рванулся вперед так, что афинянка откинулась назад, и ей пришлось на мгновение опереться рукой о круп лошади. Ее сильно выступившая грудь как бы слилась в одном устремлении с вытянутой шеей иноходца и прядями длинной гривы. Волна свободно подвязанных черных волос заструилась по ветру

над развевающимся веером хвостом рыжего коня. Такой навсегда осталась Таис в памяти Леонтиска.

Как бы желая показать, на что он способен, рыжий иноходец помчался быстрее ветра, ровно неся туловище и раскачиваясь из стороны в сторону. Все чаще становилась дробь копыт, но не уменьшался размах хода, и Таис казалось, что земля сама мчится под ноги коня. Чуткое ухо танцовщицы не могло уловить ни одной ошибки в точном ритме, который напомнил темп танца менад в празднество Диониса,— два удара на один звон капель быстрой клепсидры, употреблявшейся для расчета времени в танцах.

Рыжий иноходец сильно выбрасывал передние ноги, будто стремясь захватить побольше простора. Таис, преисполнившись нежностью, гладила его шею, а затем стала осторожно сдерживать порыв коня. Боанергос понял умение и силу всадницы и подчинился ей без дальнейшего промедления. Когда иноходец пошел шагом, она почувствовала, что его походка менее удобна для такой езды, и она пустила иноходца во весь мах к лагерю, подлетела к группе знатоков и осадила коня как раз в тот момент, когда они собрались отпрыгнуть в сторону.

— Как нравится тебе Боанергос?— спросил Птолемей.

— Очень!

— Теперь ты понимаешь, что такое конь для дальних походов? Пройдет рысью тридцать парасангов. Хотя у сирийцев есть пословица, что кобыла лучше жеребца, ибо подобна змее — от жары только делается сильнее, но не та у нее стать.

— Да! Посмотри на ширину его горла, погляди, как высоко он несет хвост,— в нем до краев налита сила жизни,— сказал один из знатоков,— такого коня не купишь за целый талант, потому что он — редкость.

— Таис тоже редкость!— сказал Леонтиск.— Кстати, кто заметил...

— Я,— выступил вперед молодой лохагос,— и госпожа, и конь одномастны! Только глаза разные!

— Заслужил ли я прощенье?— спросил Птолемей.

— За что?— удивилась гетера.— Впрочем, если виноват, про то знаешь сам. Все равно — заслужил. Лови!— И Таис спрыгнула прямо с лошади в объятия Птолемея, как не раз делала так с Менедемом. Но если могучий спартанец стоял скалой, то Птолемей, несмотря на всю его силу, пошатнулся и чуть не выронил гетеру. Она удержалась, лишь крепко обхватив его шею.

— Дурное предзнаменование!— засмеялась Таис.— Не удержишь.

— Удержу!— самоуверенно бросил Птолемей.

Таис освободилась из его рук, подбежала к иноходцу и, нежно лаская, поцеловала в теплую, мягкую морду.

Боанергос переступил несколько раз, выгнул шею и с коротким приглушенным ржанием слегка толкнул Таис головой. Нельзя было выразительнее дать понять, что новая хозяйка ему нравится. По знаку Птолемея раб подал Таис кусок медовой ячменной лепешки, и она, разнуздав иноходца, накормила его лакомством. Поев, конь потерся о ее плечо, и, когда его уводили, Таис показалось, что он, оглянувшись, подмигнул ей, настолько лукавой была его морда.

Несмотря на все старания Птолемея, прежние отношения с Таис не возрождались. Горячая, шаловливая и отважная девчонка, казавшаяся македонцу идеальной возлюбленной, уступила место женщине, не менее отважной, но с бо́льшей внутренней силой, загадочной, непонятной. Ее интересы не совпадали с интересами самого Птолемея, зоркого практика и хорошего стратега. По жадности к знаниям Таис напомнила ему самого Александра. Надолго запомнился Птолемею один ночной разговор, когда он пытался увлечь Таис политикой.

Распространяясь об идеях Платона, Аристотеля, афинской демократии, спартанском военном государстве, он говорил о необходимости создания нового города, более блестящего и славного, чем Афины. Владения Александра уже превратились в прочную империю, захватывая все побережье Внутреннего моря от Геллеспонта до либийских берегов. Ни одно из прежних государственных установлений: полис (город-государство), монархия, олигархия не подходили этому царству,— ничто, кроме тирании, то есть правления одного человека, властвующего военной силой. Но тирания недолговечна, военное счастье изменчиво, еще случайнее жизнь полководца, в особенности столь ярого бойца, как Александр. Необходимо теперь же составить четкий план построения империи Александра, а царь даже не подумал о названии своего государства...

Птолемей заметил, что Таис скучает и слушает только из вежливости. В ответ на его нарочитое негодование Таис спокойно сказала, что все эти мысли кажутся ей незрелыми. Нельзя фантазировать о будущем, о несбыточном, а надо делать то, что лучше для людей сейчас, в настоящий момент.

— Людей? Каких людей?— раздраженно спросил Птолемей.

— Всех!

— Как так всех?!— Македонец осекся, увидев снисходительную улыбку, мелькнувшую на ее лице, и вдруг вспомнил, что то же самое говорил ему Александр в своих рассуждениях о гомонойе — равенстве в разуме всех людей.

Дорога неуклонно шла на север. Посреди сероватого моря кустарниковых зарослей на склонах все чаще стали встречаться зеленые острова лесов. Таис с детства привычны были жесткие, царапающие чащи кустарникового дуба, фисташки, мирта. Как и в Элладе, встречались заросли черноствольного земляничного дерева, темные рощицы лавра, где становилось душно даже в свежие дни. Таис любила высокие сосны, раскидистые, длинноиглые, с мягким ковром хвои и косыми лучами солнца, пробивавшегося сквозь кроны. Когда дорога пошла через гребни и плоские вершины горных кряжей, войско обступили первобытной мощью древние кедровые и пихтовые леса. Толстенные, буграстые стволы пихт, с прямыми, опущенными, как у елей, ветвями, загораживали весь мир, создавая глухое, полутемное царство тишины и отчуждения. Сквозь их блестящую жесткую и короткую хвою едва проникало могучее сирийское солнце. Незгладимое впечатление произвела на афинянку первая же встреча с рощей ливанских кедров. До сих пор только дубы и очень большие сосны, росшие в священных местах, внушали Таис чувство благоговения. В рощах и лесах, как бы велики ни были подчас деревья, они утрачивали свою особость, становились толпой, из которой глаз выхватывал лишь отдельные черты, в сумме составлявшие образ дерева.

Здесь же каждый кедр был «личностью», и множество колоссальных деревьев не сливалось в одно впечатление леса. Ряд за рядом замечательные, неповторимые гиганты приближались, позволяя обозреть себя, и скрывались позади за поворотами дороги. Стволы толщиной до десяти локтей, с чешуей грубой, но нетолстой коры, цвета шерсти Салмаах словно оплывали от собственной тяжести, буграми и вздутиями внедряясь в каменистую почву. Кедры начинали ветвиться очень низко, извиваясь громадными ветвями самой замысловатой формы. Змеи, гидры, драконы вырисовывались на слепящем небе. Деревья напомнили Таис гекантохейров — сторуких порождений Геи, восставших против неба со всей своей тяжкой силой.

Ниже по склонам виднелись более стройные деревья, уцелевшие от топоров финикийских судостроителей и библосцев, заготовлявших дерево для Соломонова храма. Эти исполины стояли прямо, нередко разветвляясь на две вершины и раскидывая могучие ветви в необъятную ширь. Миллионы мелких веточек, опушенные короткой темно-зеленой, иногда голубоватой хвоей, простирались горизонтально, образуя плоские узорные слои, ряд за рядом, подобно лестнице древожителей — дриад, вздымавшихся ввысь.

Птолемей объяснил, что это лишь остатки некогда могучих лесов. Севернее они становятся все обширнее и величественнее, особенно в таврских горах Киликии, в Южной Каппадокии и во Фригии. Таис, услыхав об уничтоженных здесь лесах, внезапно подумала, несмотря на свою любовь к красивым кораблям, что даже эти важнейшие изделия человеческих рук не стоят срубленного великана. Уничтожить колоссальное дерево казалось посягательством человека на святые права Геи, кормилицы всеприносящей. Несомненно, это должно караться особой немилостью матери-Земли. Здесь наказание проявилось в бесчисленных грядах выжженных солнцем хребтов, раскаленные камни которых днем и ночью источали душный жар.

Миновав рощу кедров, дорога вывела македонский отряд на уступ обрывистых светлоскальных гор со скудной растительностью, исполосованных вертикальными темными ребрами, как выступы на стенах города. Путь приближался к морю.

— И здесь нет зверей?— спросила Таис.— Можно не опасаться за коня?

— Кое-где в горах попадаются львы и пантеры, но они стали редкими из-за постоянной охоты на них. Несколько веков назад на равнинах и холмах Сирии водились слоны мелкой породы. На них охотились египтяне. Финикийцы добывали слоновую кость для Крита и окончательно истребили слонов.

Таис легко совершала переходы по триста стадий в день. Птолемей не торопился, чтобы дать подтянуться последним отрядам из Дельты. Леонтиск со своими тессалийцами умчался вперед. Прощаясь, он научил Таис пользоваться персидским потником с широкими ремнями и боевым нагрудником. Афинянка вскоре оценила его удобства в дальнем походе. Леонтиск подарил Таис сосуд с настойкой из листьев и зеленой скорлупы грецкого ореха, варенных в уксусе. Ею обтирали лошадей — ее запах отгонял

кусачих насекомых. Тессалиец объяснил Таис правила обтирания вспотевших коней, и теперь гетера неуклонно наблюдала за тем, чтобы конюхи обтирали лошадь, всегда начиная с ног. Если лошадь утомлялась, у нее холодели уши. Леонтиск рассказал, как надо их растирать, возвращая коню силы. И еще много мелких, очень нужных секретов узнала Таис от Леонтиска в течение тех пяти дней, пока тессалийцы шли вместе с отрядом Птолемея. Теперь, после декады пути, около трех тысяч стадий отделяло отряд от границы Египта.

Перевалив невысокие горы, они вышли к равнине. В восточной ее части над беспорядочно стеснившимися домишками обитаемого городка приметно возвышались развалины древних массивных строений. Это был Армагеддон, один из «колесничных» городов древнего царя Соломона, с конюшнями, семь веков тому назад вмещавшими несколько сот лошадей. Птолемей рассказал Таис о древнем пророчестве еврейских мудрецов. Именно здесь, на равнине Армагеддона, произойдет последняя решающая битва между силами зла и воинством добра. Пророки не назвали сроков битвы. Позднее Таис узнала, что философы Индии предсказали время решающего сражения Света и Тьмы, но не назвали места. Считалось, что великое сражение, затеянное полубожественными властителями в утеху тщеславию и властолюбию, погубило цвет их народов и открыло новую историческую эпоху накопления злобы и деспотизма — Калиюгу. После окончания Калиюги и должна была произойти ужасающая битва.

Соединив в единое оба пророчества, Таис определила, что битва у Армагеддона произойдет только через двадцать три с половиной века, после года ее рождения, и удивилась, как могли люди интересоваться тем, что может случиться в невероятно далеком грядущем. Однако вспомнила, что индийцы еще сильнее, чем орфики, верят в перевоплощение и череду повторных рождений, и поняла: если человек верил в бесконечную длительность своего обитания на земле, то не мудрено, что его интересовали события и столь отдаленного будущего. Однако сама Таис не верила в возможность бесконечных перевоплощений. Откровения орфиков еще не преодолели всосанных с молоком матери эллинских представлений о бренности земной жизни. Бесконечное же блуждание во мраке Аида никого не привлекало...

Дорога спустилась к морю и пошла вдоль берегов до самого Тира. Птолемей вдруг заторопился, и они проскакали

оставшиеся четыреста стадий за день и часть лунной ночи. Для Таис, закалившейся уже достаточно, с ее превосходным конем, этот последний бросок не доставил особых затруднений. Финикиянке За-Ашт Таис поручила повозку со своими вещами и Салмаах. Примчавшись в громадный лагерь около Тира, гетера узнала причину спешки Птолемея. У Александра произошла первая крупная стычка с наиболее опытными и старыми военачальниками македонского войска. Дарий прислал письмо, в котором предлагал мир, гигантский выкуп и отдавал всю прибрежную часть Азии с Египтом. Александр отверг предложение, отметив, что до тех пор, пока Дарий не явится сюда для решительного сражения или же для того, чтобы сложить свой титул к ногам Александра, он будет преследовать его до конца Ойкумены.

Старейший из македонских военачальников, Пармений, сподвижник Филиппа, первый возроптал против столь заносчивого ответа. «Если бы я был Александром, я принял бы условия персов»,— сказал Пармений. «И я бы принял,— согласился Александр,— если бы я был Пармением». Старшие полководцы считали, что нельзя без конца испытывать военное счастье, особенно когда у противника еще есть огромные силы. Удаление от моря в глубь страны, в беспредельные равнины опасно. Армия македонцев может оторваться от путей снабжения: совершенно неизвестно, где Дарий собирает свои войска и когда нанесет решительный удар. Хотя армия отдохнула за зиму, но впереди знойное лето, напряженный поход в неизмеримую даль. Войско измотается, особенно главная сила македонцев — пехота: фаланга и щитоносцы. Последние теперь назывались аргироаспидами — «серебряными щитами»; они получили эти украшения за неслыханную отвагу при Иссе. Соображения, подкрепленные подсчетом невиданной добычи, завоеванных земель и захваченных рабов, были настолько вескими, что старший, более осторожный, состав начальников принял сторону Пармения. Молодые военачальники, среди которых не хватало одного Птолемея, решительно стали за продолжение похода, окончательный разгром Дария и захват земель до края Ойкумены.

Александр понимал, что молодежью руководят азарт битв и любовь к приключениям больше, чем какие-либо другие соображения. Сам великий стратег понимал грозную опасность дальнейшей войны, но в отличие от старших видел еще и невозможность прекратить ее. После битвы при Иссе, разгрома финикийских городов и захвата

Египта уже нельзя было остановиться на полдороге. Через несколько лет его великолепная армия, рассредоточенная по гарнизонам, перестанет быть той надежной боевой силой, с которой можно было бы противостоять полчищам персов. Даже если не будет новых сражений, все равно тридцать тысяч македонцев растворятся на этих землях, как соль в воде. Для Александра не было выбора. А главное, он с упорством, унаследованным и от матери и от Филиппа, хотел осуществить свою давнюю, юношескую мечту: пройти на восток, туда, где вздымается на небо колесница солнца из-за края земли и вод океана — предела смертной жизни, до мыса Тамар древних карт...

С последнего перевала лагерь македонцев раскинулся россыпью огоньков. Несмотря на поздний час, костры еще горели, освещая круги оживленно беседовавших воинов. Другие, почему-либо не поевшие, ожидали, пока испекутся лепешки и поджарится мясо, всю зиму в изобилии доставлявшееся армии по распоряжению Александра.

Птолемей сдержал утомленного коня и повернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с Таис. Гетера подъехала вплотную, видя намерения Птолемея сказать нечто тайное.

— Слушай, орфеянка! Иногда ты обладаешь даром прозрения, подсказываешь верные решения. Как бы ты посоветовала Александру — мириться с Дарием или идти на него?

— Царь не нуждается в советах, тем более моих!

— Я понимаю это более, чем кто другой. Вопрос касается тебя, если бы тебя спросили?

— Я отвечу: вперед, только вперед! Нельзя останавливаться! Это гибель!

— Так и знал!— восхищенно воскликнул Птолемей.— Ты истинная подруга для полководца и, может быть, царя!

С этими словами Птолемей обнял Таис, привлекая к себе, чтобы поцеловать, и вдруг с криком отпрянул. Пришпоренный пятками конь его прыгнул в темноту. Озадаченная исчезновением македонца, Таис оглянулась и, сообразив, что произошло, начала громко смеяться. Боапергос, ревниво охранявший свою всадницу, больно укусил Птолемея. Через мгновение македонец явился снова.

— Поехали вниз!— И, не посмотрев на гетеру, дал поводья своей лошади.

В боковом приделе шатра Александра горели пеяркие светильники. Утомленный полководец лежал на широкой и жесткой постели, слушая Таис. Он призвал к себе гостью

накануне выступления, после того, как запретил ей танцевать для военачальников. Таис любовалась вспышками внезапного стремительного любопытства в его глазах под массивным покатым лбом, когда он поднимал тяжелую голову от подложенного под нее локтя. Черный от времени щит Ахиллеса висел над его ложем. Александр не расставался с ним с тех пор, как взял его в храме на развалинах Трои, а там повесил вместо него свой. Тяжесть щита свидетельствовала о принадлежности могучему герою, образ которого с детства увлекал македонского царевича. Но Александр носил в своей душе обидное разочарование, испытанное им и многими до него на холме Илиона. Здесь сражались все герои Илиады. Это трудно было представить себе, стоя перед небольшим холмом. Конечно, прошло почти тысячелетие, однако гигантские храмы Египта, дворцы Крита и города Финикии еще старше! Александр примирился с утратой детских фантазий о Трое, лишь когда понял, что с каждым столетием увеличивается число людей на лике Геи, ширятся просторы Ойкумены и все больших свершений требуют истинно величественные дела. Он с лихвой исполнил мечту своего отца Филиппа и воинственного Изократа*. Теперь, если удастся полностью разгромить Дария и завоевать Персию...

Таис как будто угадала его мысли, спросив:

— А когда ты уничтожишь Дария и откроешь путь в Азию, что тогда?

— На восток, до океана!— ответил Александр, испытывавший необъяснимое доверие к афинской гетере.

— Далек ли путь?

— Имеешь ли ты понятие о диафрагме хребтов, разделяющих сушу?

— Немного знаю.

— Отсюда до восточной оконечности ее — мыса Тамар на дальнем краю суши — тридцать тысяч стадий.

— Иохеэра! («Стрелометательница» Артемис.) И это пройти, непрерывно сражаясь?

— Не так уж много. Чтобы добраться сюда из Мемфиса, ты уже проехала больше четырех тысяч стадий. Я думаю, что после победы над Дарием там не останется большого войска. За год-полтора я дойду до берегов океана, где не был еще ни один смертный и даже бессмертный, кроме Гелиоса...

Пронизательный взгляд Александра не уловил в лице

---

* Эллинский полководец, мечтавший о реванше персам.

Таис ожидаемого восхищения. Казалось, гетера впала в задумчивость.

— Это и есть твоя заветная мечта?— тихо спросила она, опустив голову.

— Да! С юности она преследует меня. Теперь я стою у порога ее осуществления.

— А сколько тысяч человек погибнет, устилая твой путь трупами? Стоит ли того таинственный мыс? Наверное, голая скала на берегу мертвого океана?

Великий полководец расхохотался — неожиданно и радостно.

— Женщина, даже самая умная, останется всегда короткомыслящей. Такова была и Аспазия у Перикла!

— Если бы он послушал ее, не кончил бы дни в позоре!

— Не будем вспоминать ошибки великих. Ты же считаешь только потоптанную траву, не видя табуна, на ней вырастающего!

— Мой ум действительно мал. Я не понимаю тебя, царь!

— Это так просто! Я убью лишь тех, кто противится продвижению моего войска. Оно пройдет, как борона, равняющая людей. Разве не говорила ты сама о том, что хорошие люди повсюду похожи, разве не восхищалась моим противодействием учителю Аристотелю? Я думаю, что умные люди — всюду достойны, и гомоной, равенство в разуме, должно соединить Персию, Индию, Элладу и Египет, Италию и Финикию. Сделать это можно только военной силой...

— Почему?

— Потому что владыки и тираны, полководцы и архонты боятся потерять свои права в новом государстве, раствориться среди множества достойнейших. Они заставят свои народы сражаться. Принудить их к повиновению можно, только сломав их крепости, убив военачальников, забрав богатства.

— И ты в силах сделать это в громадной необъятности Ойкумены?

— Только я. Боги сделали меня непобедимым до самой смерти, а Ойкумена не столь уже необъятна, как я говорил тебе. Пройду к Парапамизу за Крышу мира, до Инда и дальше на юг до океана, а Неарх обмерит берега от Вавилона до встречи со мною на краю земли.

— Слушая тебя, веришь учению еврейских мудрецов!— воскликнула Таис.— У них Сефирот — Разум, ина-

че Сердце, Бина — женское начало, Мудрость, или Хокма,— мужское. С тобой я понимаю, что если женщины — это разумный порядок, то мудрость, его разрушающая, истинно мужская!

Философические рассуждения Таис были прерваны появлением Черного Клейта. Он оглянулся на афинянку, уловил едва заметный кивок полководца и сказал:

— Тебя домогается некий мудрец. Он говорит, что владеет важным аппаратом (под этим именем македонцы подразумевали боевые машины) и может рассказать о нем только тебе. А ты завтра покидаешь лагерь...

— Вот как! Они знают даже раньше меня! Пожалуй, это в самом деле мудрец или великий механик. Пусть войдет.

Полноватый человек небольшого роста, с быстрыми глазами вошел, низко кланяясь, настороженно осмотрел Таис, нашел, очевидно, что столь красивая женщина, несомненно, глупа, как беотийская овца, и опустился на колени перед Александром.

— Каков же твой аппарат и где он?— спросил царь.

— Пока только здесь,— пришелец показал на лоб и сердце.

— Как же ты смел!..

— Не гневайся, о царь! Идея настолько проста, что создать аппарат можно за полчаса.— Изобретатель извлек из складок одежды массивный, очень острый и заершенный медный гвоздь в эпидаму* длиной.— Надо взять широкие кедровые доски и усеять их этими гвоздями. Сотня таких досок, разбросанная перед защищающимися, остановит любую, самую бешеную атаку конницы, а ведь можно изготовить не одну, а многие сотни. Они легки для перевозки и просты в обращении. Представляешь, насколько действенна такая защита? Лошадь, наступившая на гвоздь, оторвет ногу, лишь оставив копыто, а наступив обеими ногами, упадет и сбросит своего всадника. А тот, если доски будут настелены достаточно широко, тоже упадет на гвозди, и — конец, более уже не подымется с заершенных гвоздей, умрет страшной смертью. Твоим воинам останется лишь подобрать оружие и украшения... Очень простая и очень действенная защита!

— Действительно, очень простая и действенная,— медленно сказал Александр, пристально оглядывая изобретателя.

---

* 21 сантиметр.

Уголком глаза царь увидел отвращение на лице Таис, которого афинянка и не пыталась скрывать.

— Ты один придумал такое? Больше никто не знает?

— Нет, нет, великий победитель! Я — только тебе... Думал, что только ты сможешь оценить все значение придуманного мною! И — наградить...

— Да... наградить,— задумчиво и тихо сказал Александр, и вдруг глаза его загорелись гневом.— Есть вещи, которых не позволено переступать ни смертному, ни даже богам. Истинная судьба решается в честном бою лучших с лучшими... Клейтос!— крикнул он так, что поднявшийся было с колен изобретатель вновь упал перед царем.

Гигант вихрем ворвался в шатер.

— Возьми его и убей, заткнув рот, немедленно!

Вопли изобретателя за палаткой оборвались. В наступившем молчании Таис опустилась к ногам Александра, восхищенно глядя на него снизу и поглаживая ладонями глубокие шрамы на его обнаженных коленях. Александр положил руку на ее затылок, под тяжелый узел волос, и хотел приподнять афинянку для поцелуя. За шатром послышались веселые голоса. Кого-то окликнул Черный Клейт. Вошли приближенные Александра, и среди них Птолемей.

Оказывается, прибыл посланный от Лисимаха: мост через Евфрат у Тхапсака готов. Передовой отряд агриан уже перешел на левый берег. Сведения от криптиев-тайноглядов путаны и противоречивы, поэтому переправа приостановлена...

Александр поднялся во весь рост, забыв о Таис. Гетера выскользнула из шатра, сделала прощальный знак Черному Клейту, восседавшему, подобно статуе, на крепком сундуке в первом отделении царского шатра, вышла под крупные звезды сирийской ночи. Осторожно спустившись по сыпкой щебнистой тропке к ручейку, у которого стояла ее палатка, Таис в задумчивости остановилась у входа. За-Ашт позвала ее для вечернего омовения. Гетера отослала финикиянку спать и уселась на дамасской кожаной подушке — слушать слабый плеск ручья и посмотреть на небо. За последнее время ей редко удавались свидания с небом, необходимые для восстановления душевного мира. Колесница Ночи склонялась за холмы, когда на тропе посыпались камешки от твердых, тяжелых шагов Птолемея.

— Я пришел проститься!— сказал македонец.— Завтра

мы помчимся впереди всех на Дамаск и оттуда на север, через Хамат, на евфратскую переправу.

— Как далеко?

— Три тысячи стадий.

— Артемис, агротера!— вырвалось у Таис. От неожиданности она всегда призывала Артемис.

— Пустяки, милая, в сравнении с тем, сколько еще предстоит пройти. Тебя я поручаю начальнику отряда, назначенного охранять переправу. Ты переждешь тут решение судьбы.

— Где? В воинском лагере, на реке?

— Нет. Сам Александр посоветовал... Он почему-то заботится о тебе.

— Разве ты забыл, что он пригласил меня еще в Афинах?

— Забыл! Он поступает, как будто ты...

— Может быть, я и хотела бы, но это не так. Что же советовал Александр?

— В трехстах стадиях на север от переправы, на царской дороге из Эфеса в Сузу, в сосновых рощах на священных холмах лежит Гиераполь с древними храмами Афродиты Милитис. Ты передашь главной жрице этот серебряный ларец с печатью Александра, и они примут тебя, как посланницу бога!

— Кто не слыхал о гиерапольском святилище! Благодарю и завтра же тронусь в путь!

— До переправы тебе не нужно охраны, а потом это будет обязанностью одноглазого Гигама — у него триста воинов... Но довольно о делах — все решено! Ты подождешь меня или послапного за тобой, или иного известия!

— Не хочу «иного известия», верю в победу!— Таис обняла Птолемея, привлекая к себе.— Потния Терон (владычица зверей) будет за вас. Я принесу ей богатые жертвы, ибо все уверены, что она владычествует на равнинах за рекой и дальше...

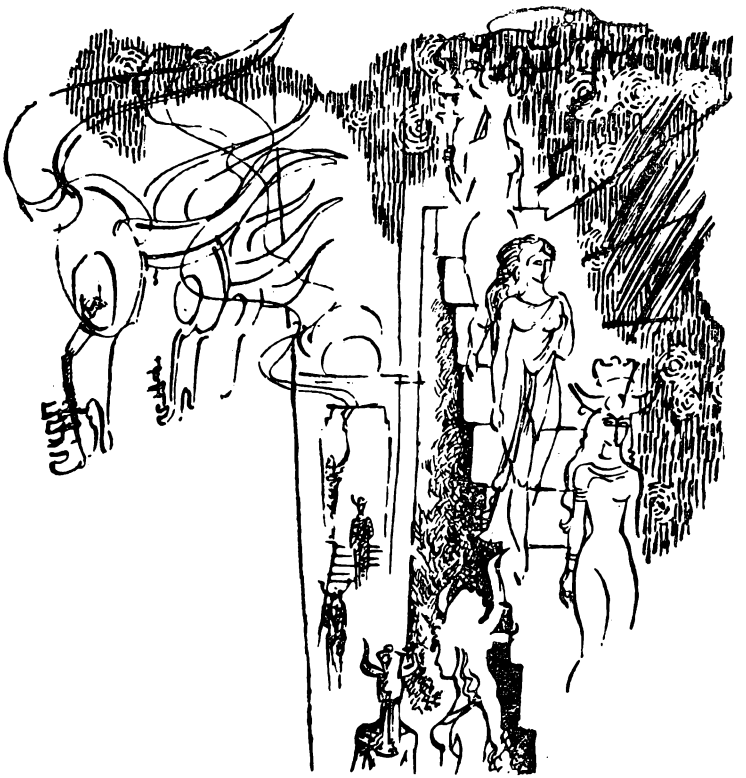
— Это будет хорошо,— сказал македонец.— Неизвестность лежит перед нами, пугая одних, разжигая других. Только что мы с Александром вспомнили, как в Ливийской пустыне охотились на бория — зверя, которого никто из жителей Египта не видел, а ливийцы страшились настолько, что опасались даже упоминать о нем. Мы не нашли бория — не повторится ли с Дарием то же самое?..

Македонец покинул Таис, когда начинало светать и бряцание конской сбруи разнеслось по лагерю. Отбросив

занавесь, Птолемей остановился у входа, глаза его горели, ноздри раздувались.

— «Кинюпонтай фонон халинои!» — произнес он звучно строфу известной поэмы: «Удила коней звенят о смерти!»

Таис сделала пальцами охранительный знак, занавесь упала, и македонец поспешил к шатру полководца, где собирались его приближенные. Гетера по своему обыкновению простерлась на ложе, раздумывая и прислушиваясь, пока шум в лагере не прекратился и звук копыт не затих вдали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

У МАТЕРИ БОГОВ

Страшен и дик был храм Великой, или Превышней Богини, Ашторет, Владычицы Нижней Бездны, Женственной Триады: Аны, Белиты и Давкины, Царицы Земли и Плодородия, Кибелы и Реи Всеносящей, Матери богов, Властительницы Ночей. Вовсе не Афродиты, как ошибочно назвал его Александр, а за ним и Птолемей.

На опушке рощи громадных сосен двойные стены с кубическими башнями очерчивали квадрат обширного двора с рядами низких раскидистых деревьев, неизвестной Таис породы. К ее изумлению, между деревьями ходили и лежа-

ли огромные пятнистые быки, лошади и львы, а на степах восседали черные орлы.

Стража в позолоченной броне с копьями длиной в десять локтей пропустила только Таис и За-Ашт, оставив в междустенье всю охрану гетеры. Прядая ушами, кони чуяли присутствие хищников, в то время как их собратья во дворе храма не обращали па львов никакого внимания. Даже сюда достигал аромат аравийских благовоний, струившихся из раскрытых дверей храма, стоявшего на платформе неотесанных камней. Таис поспешила дойти до лестницы, но странная компания зверей пе удостоила женщин и провожатых даже взглядами.

Столбы черного гранита по сотне локтей вышины, по преданию воздвигутые якобы Дионисом, охраняли вход в южную часть двора с широко раскинувшимися крыльями храма из крупных зеленых кирпичей. На крышах боковых пристроек росли сливы и персидские яблоки. С платформы белокаменная лестница вела к главному входу над широким кубическим выступом, облицованным блестевшей на солнце глазурованной темно-красной керамикой. Вход разделялся двумя колоннами на три проема в широкой раме из массивных глыб черного камня, по сторонам которой по семь квадратных колонн поддерживали плоскую крышу с садом и прогулочной площадкой. Центр крыши увенчивала прямоугольная надстройка без окон и дверей.

Кто-то из могущественных покровителей Таис предупредил о ее приезде. Едва гетера ступила на площадку у входа, как перед ней очутилась целая толпа женщин. В центре группы стояли мужчина и женщина в тяжелых расшитых одеяниях одинакового покроя, но разного цвета — белом у мужчины, черном у женщины.

Таис передала ящичек от Александра и удостоилась низкого поклона. Жрица в черном пеплосе взяла ее под руку и повела в глубь храма. За дверями, обитыми зеркально полированным электроном, находилось святилище с потолком из листового золота.

На прямоугольной глыбе белого камня восседала небольшая в два с небольшим локтя вышины статуя Великой Матери, Астарты или Реи. Очень древнее изображение (по преданию, ему было несколько тысяч лет) нагой женщины из терракоты, покрытой светло-коричневой глазурью цвета очень загорелой кожи. Женщина сидела на подогнутых под себя ногах, слегка повернув туловище направо и подбоченившись, упиралась ладонями в свой выпуклый живот. Необъятные бедра, куда шире массивных

плеч, служили пьедесталом могучему телу с тяжелыми руками, большими и правильными полусферическими грудями. Шея, прямая и высокая, почти равная по окружности узкой удлиненной голове с едва намеченным лицом, придавала статуе гордую напряженность — энтазис.

Сетчатые цепочки из золота, унизанные фиолетовыми гиацинтами и изумрудами, спускались с плеч статуи, а на ее лбу горел живым огнем какой-то невиданный камень. Позднее Таис узнала, что камень ночью светится ярко, озаряя святилище.

На шаг позади в тени ниши на такой же глыбе стояло изваяние бога-мужчины с грубо нарезанной лопатообразной бородой. Бронзовые колеса с широкими ободьями подпирали оба пьедестала. В большие лунные празднества эти тяжкие колесницы как-то спускались во двор храма. Дальше Рею-Астарту везли львы, а бога-мужчину, имя которого Таис не разобрала,— священные быки.

Главная жрица, не хотевшая или не умевшая говорить на койне, молча расстегнула застежки хитона Таис, опустив его до пояса. Из темной глубины святилища быстро и бесшумно вышли две группы жриц, молодых, с сосредоточенными, хмурыми, почти грозными лицами, удивительно подобранные по росту и цвету волос. Они выстроились по правую и левую стороны статуи Кибелы-Реи, и Таис смогла их рассмотреть вблизи. Те, что стояли направо, все имели темно-рыжие «финикийские» волосы и вместо одежды были обтянуты от шеи до колен сеткой, вроде рыболовной, из толстых нитей красного цвета, сплетенной точно по фигуре. Черная цепь с квадратными звеньями-пряжками стягивала вместо пояса этот необыкновенный наряд. У основания шеи сетка прикреплялась к черному же широкому ремню с металлическим набором. Черные браслеты закрепляли сеть выше колен и на запястьях. Волосы, подрезанные как у рабынь, отброшенные назад и скрученные тугим узлом, обрамляли низкие широкие лбы, подчеркивая недоброе пламя темных глаз.

Жрицы принадлежали к разным народностям, но походили одна на другую не только цветом волос, но и строгой правильностью лиц, совершенством сильных тел, одинаковым ростом не выше средней эллинки...

Слева стояли женщины с темно-бронзовой кожей, черноволосые, в черных, более толстых сетках, с поясами, браслетами и шейными перевязями из красной бронзы. Диким пламенем горели их блестящие упорные глаза. В тяжелых узлах их длинных волос торчали золотые ру-

коятки кинжалов. Жрицы с любопытством разглядывали меднотелую знаменитую гетеру. Таис было улыбнулась им, но даже тени ответной усмешки не промелькнуло в сумрачных взорах служительниц Астарты-Реи-Кибелы.

Красные жрицы стояли, держа кисти рук на уровне плеч, с ладонями, направленными вперед. Черные — уперев прижатые к телу руки ладонями в крутые бедра и отставив в стороны пальцы.

Самая правая, красная, осторожно подала верховой жрице маленький золотой сосуд. Та обмакнула в него мизинец и помазала Таис над бровями красным маслом с запахом жгучим и свежим. Голова афинянки слегка закружилась. Она смутно припомнила где-то слышанный рассказ о красном масле Асторет, одна драхма которого стоила баснословных денег.

Черная жрица слева подала чашку из халцедона. Только сейчас Таис заметила, что у всех, черных и красных, ногти были покрыты заостренными пластинками электрона, сверкавшими маленькими зеркальцами. Верховная жрица вынула из чашки немного темной мази, крестообразно прочертила ею Таис между грудей, под ними и обвела соски. На коже выступила синеватая окраска. Таис встревожилась, не останутся ли пятна.

По-прежнему молча жрица расстегнула ожерелье с золотыми звездами, рассмотрела их и впервые улыбнулась. Она сняла с себя необычайной красоты ожерелье из ярко-голубых, как небо, бериллов, заделанных в светлое золото. Таис сделала протестующий жест, жрица не обратила на него внимания, обвивая шею афинянки бериллами. Она обхватила руками тонкий стан гетеры, еще раз улыбнулась и застегнула звездное ожерелье на ее талии. Еще один взмах тонких пальцев, и синяя стрела обозначилась вдоль живота Таис. Жрица отступила, хлопнула в ладоши. Тотчас ей поднесли кратер с каким-то напитком. Она пригубила, велела отпить Таис, и чаша обошла всех красных и черных жриц, которых Таис насчитала восемнадцать, по девять с каждой стороны. Таис стало не по себе от пристальных глаз, со всех сторон устремленных на нее, без осуждения или одобрения, симпатии или вражды.

— Случилось знаменательное,— внезапно заговорила по-эллински главная жрица с четким эолийским произношением,— наша гостья носит древний знак женской тайны и силы букву «мю»,— она показала на звездное ожерелье, перекочевавшее на талию гетеры.— Поэтому я посвящая ее в высший разряд. Отведите ее в жилье, приго-

товленное заранее,— с этими словами жрица поцеловала Таис горячими и сухими, как в лихорадке, губами и повторила сказанное на языке, афинянке неизвестном.

Две стоявшие с внешних сторон шеренги, черная и красная, подошли к Таис, почтительно поклонясь, застегнули хитон и осторожно взяли ее под руки. Рассмеявшись, Таис освободилась и пошла между двумя женщинами, не забыв поклониться статуе Реи.

Очень длинный коридор в толще стен полого спускался вниз. Он напомнил гетере египетские храмы. На миг тоска по минувшему, еще столь живому в памяти, резанула ее по сердцу. В конце коридора масляный светильник тускло озарял массивную медную решетку, перекрывавшую проход. Черная жрица издала шипящий свист. Звякнула цепь, у решетки появилась женщина, очень похожая на черную жрицу, но без сетки, пояса и браслетов, с растрепанными волосами. Она распахнула решетку, прикрывая лицо, и отскочила к стене. Таис увидела, что женщина прикована к стене легкой цепью.

— Разве это рабыня?— спросила гетера, забыв, что ее спутницы могут не знать языка эллинов.— Она похожа на...— Таис показала на черную жрицу.

Легкая усмешка впервые мелькнула у черной, но ответила красная, с трудом подбирая слова койне:

— Она жрица, наказана...

Тяжелая дубовая дверь преградила выход из коридора. Красная жрица трижды постучала, и дверь открылась, ослепив дневным светом. Ее отворила За-Ашт, обнаженная и с распущенными волосами.

— Прости, госпожа, я не успела одеться. Они привели меня сюда через нижний храм и сняли одежду...

— Зачем?

— Стали меня рассматривать, как на рынке.

Как бы в подтверждение ее слов красная жрица подошла к финикиянке, прощупала ее плечи и руки. Таис негодующе оттолкнула бесцеремонную женщину, красноречивым жестом приказывая убираться.

Все вещи гетеры уже лежали на коврах во второй комнате, выходившей на открытую террасу. Лестница спускалась к дороге под высокими соснами. Отведенное Таис жилье находилось с внешней стороны храмовых стен, а проход с решеткой, очевидно, пронизывал их толщу.

Таис глубоко вдохнула сухой, насыщенный запахами сосновой смолы и полыни воздух. Она чувствовала себя заболевшей — такого с ней еще не бывало. Непрерывно

кружилась голова, горели грудь и живот, намазанные синим снадобьем. Во рту остался терпкий вкус храмового напитка. Озноб пробегал по спине. Таис вернулась в комнаты. Смутно, будто в дремоте, она заметила странный блеск глаз За-Ашт, хотела спросить, давали ли ей что-нибудь в храме, но, объятая внезапной истомой, повалилась на ложе среди подушек и покрывал с чужим запахом. Таис заснула мгновенно, вскакивала в тревоге, падала, объятая снова дремой. Череда видений и ощущений неиспытанной силы, более ярких, чем сама жизнь, была мучительна. Колдовская мазь или напиток, или то и другое вместе вызвали в гетере любовное стремление неодолимой мощи. Таис с испугом ощутила собственное тело как нечто отдельное, наполненное дикими желаниями, сковавшими разум и волю, сосредоточившими все силы и чувства тела в едином фокусе женской его природы. Глубочайшая жаркая тьма, без проблеска света и прохлады, окутала Таис. Она металась, стонала и вертелась в чудовищных сновидениях, каких прежде не могла представить даже в самой горячей грезе. Ужас перед раскрывшейся в ней самой бездной заставлял ее несколько раз просыпаться. Таис не знала противоядия данной ей жрицей отравы. Дурман одолевал ее, пламя бушевало в горящем от мази теле. Таис опускалась все ниже в своих желаниях, воплощаясь в первобытных мифических героинь — Леду, Филарренипну, Пасифаю. Гетера изнемогала под бременем темных сил Антэроса. Если бы не духовная закалка, приобретенная у орфиков, она бросилась бы в храм Реи молить богиню об освобождении. В очередное пробуждение она, шатаясь и дрожа, добралась до ларца с лекарственными снадобьями, и кое-как растолкла в вине кусочки сухого сока маковых головок. Осушив целую чашку, Таис вскоре забылась в глухой пелене сна без памяти и видений...

Ветер, чистый и холодный, на рассвете прилетел из восточных равнин, ворвался в раскрытую дверь и оконные проемы и заставил проснуться окоченевшую афинянку. Таис едва сдержала стон, чувствуя боль во всех мышцах будто после непрерывной скачки в двадцать парасангов. Искусанные губы распухли, до грудей нельзя было дотронуться. Таис нашла За-Ашт в соседней комнате на ковре из плетеного тростника, разметавшейся словно в лихорадке. Разбуженная, она никак не могла прийти в себя, поглядывая на госпожу не то с испугом, не то с яростью. Холодная злость нарастала и в самой Таис, мысленно посылавшей к воронам столь интересовавшие ее прежде храмо-

вые обычаи и коварных жриц Астарты, нарочито давших ей сильного зелья, чтобы поклонница Афродиты испытала силу Великой Матери.

Она напоила финикиянку, растерла ей виски освежающим маслом. Наконец, За-Ашт, едва передвигаясь, достала теплой воды, выкупала и растерла Таис и сама очнулась окончательно. Из храма принесли еду, по счастью очень простую,— мед, молоко, лепешки, сухой виноград, куда нельзя было подмешать еще какой-нибудь отравы.

Поев, Таис окрепла, спустилась к роще и пошла проведать свою охрану, поселенную вне пределов храма. Она ускоряла шаг, ощущая возрождение сил и, наконец, радуясь всем телом, пустилась бежать. За поворотом дороги гетера едва не попала под копыта лошадей. Пять всадников мчались навстречу, ведя в поводу двух покрытых персидскими потниками лошадей. Одна из них взвилась на дыбы с пронзительным ржанием. Таис узнала Салмаах лишь после того, как кобыла позвала хозяйку, и удивилась своей рассеянности, приписав ее действию отравы. Бежавший рядом с Салмаах Боанергос тихо заржал, как будто стесняясь проявления чувств. Салмаах, заложив уши, попыталась его лягнуть, мешая ему подбежать к хозяйке. Иноходец пропустил кобылу вперед и вдруг укусил ее за круп. Салмаах рванулась вперед и проскочила мимо, а Боанергос остановился прямо перед афинянкой. Без долгого раздумья Таис взвилась ему на спину, выдернула повод у коновода. Боанергос тронулся с места с такой быстротой, что сразу оставил позади всю компанию. Таис промчалась около схена, углубившись в рощу, и остановила рыжего, крепко сжав его коленями, оглаживая широкую шею. Начальник охраны — лохагос (сотник), догнав ее, сурово заметил, что здесь, в неизвестной стране, нельзя ни ходить, ни ездить одной. На веселую шутку гетеры македонский ветеран печально ответил, что хвалит ее смелость. Однако ему придется вскоре расстаться с жизнью, так и не оправившись как следует от ран и не побывав в новой славной битве.

— Почему?— воскликнула Таис.

— Потому что тебя украдут или убьют. Тогда мне останется лишь попросить товарищей заколоть меня от позора, что я не сумел оберечь тебя, и чтобы избежать казни, которую придумает Птолемей... да что он, сам божественный наш Александр!

Искренность старого воина пристыдила гетеру. Она поклялась стиксовой водой, что будет послушна. Она не со-

бирается удаляться от храма даже на лошади. «В таком случае достаточно одного воина,— решил начальник,— он сумеет прикрыть отступление, пока Таис поскачет за подмогой». Тут же юный гестиот Ликофон, красивый, как Ганимед, пересел со своего коня на Салмаах, покорившуюся наезднику, и помчался к дому македонцев за оружием. Четверо товарищей дождались его возвращения и с пожеланием здоровья прекрасной подопечной поскакали на соединение с семью другими македонцами, проезжавшими коней к югу от храма. Таис знала провожатого по совместному пути в Гиераполь и не раз замечала его восторженные взгляды. Улыбнувшись ему, она направила иноходца на восток, где сосны мельчали, редея, и начинались холмы песка с шапками тамарисков. В нескольких стадиях впереди волны песчаных бугров окружали крупную рощицу незнакомых, сходных с тополями деревьев. Таис вдруг захотела загляпуть в уединенную заросль, казалось скрывавшую нечто запретное. Лошади добросовестно трудились, увязая в песке, пока не приблизились к особенно большому холму. Едва всадники достигли его вершины, как у обоих вырвался возглас изумления. Синим серпом прилегая к подножию холма, блестело маленькое озеро чистейшей воды. Там, где озеро углублялось и тень высоких деревьев стелилась по водной глади, густой бирюзовый цвет очаровывал взгляд. Ветер с востока не залетал сюда, и тростники, зеленым полукругом обнимавшие синюю воду, чуть покачивали тонкими вершинками. Пришельцы не заметили признаков человека, Таис загорелась желанием искупаться в этом прекрасном месте. Растительность указывала на пресную воду. У северо-восточной оконечности озера, «рога серпа», кипели выходившие там ключи.

— Поезжай вниз, только недалеко,— сказала Таис Ликофону,— покормить лошадей, а я искупаюсь и приду к тебе.

Молодой тессалиец отрицательно покачал головой.

— Там растет иппофонт — трава-конеубийца. Надо будет предупредить товарищей, чтобы не гоняли туда лошадей.

За буграми на пологой равнине колыхалась бледно-зеленая тонкостеблистая трава, прорезаясь полосами между кустиками полыни и высокими пучками чия. Заросль тянулась до опушки удаленного соснового леса по краю покрытых дубняком предгорий.

— Тогда держи коней, не давай спускаться к озеру. Мы не знаем, какая там вода...

— А для тебя, госпожа Таис...

Афинянка успокоительно подняла руку.

— Я попробую, прежде чем нырять. Ты лучше привяжи лошадей к дереву.

И Таис скользнула по крутому песчаному склону, едва остановившись у края воды, сбросила сандалии, попробовала ногой, потом плеснула себе в лицо. Чистая холодноватая, ключевая вода. Давно Таис не видела такой воды после мутных рек Нила и Евфрата. Как истая эллинка, она очень ценила хорошую воду. С радостным визгом гетера кинулась в стеклянистую бирюзовую глубь, переплыла узкое озерко, выскочила на отмель белого песка, снова стала плескаться, наконец устремилась к северному «рогу». Здесь восходящее течение подземных ключей подбросило ее, затем, будто переваливая в мягких огромных лапах, потащило вниз. Таис не испугалась, а всплыла, откинувшись на спину и широко взмахивая руками. Ключи оказались не холодными. Таис поиграла на бурлящих водяных куполах, потом, утомившись, вернулась на глубину и снова легла на спину. Так она плавала, ныряла и плескалась, смывая все кошмары Антэроса, пока нетерпеливое ржание иноходца не напомнило ей о времени. Освеженная и счастливая, Таис взобралась на холм, где под деревом приютились кони и ее провожатый. По румянцу щек и легкому смущению Таис поняла, что молодой воин любовался ею.

— Ты наслаждалась водою, как лучшим вином, госпожа,— сказал Ликофон,— и мне захотелось тоже...

— Иди и убедишься, насколько это лучше вина. Я побуду у лошадей,— гетера потрепала по шее Боапергоса, в то же время поглаживая морду ревниво косившейся Салмаах.

Тессалиец расстался с оружием и военным поясом только на самом берегу. Таис одобрительно осмотрела его отлично сложенную мускулистую фигуру, гармонировавшую с красотой лица.

— Ты не женат?— спросила она Ликофона, когда воин, накупавшись, взобрался на вершину холма.

— Нет еще! У нас не женятся раньше двадцати пяти лет. До войны я не мог, а теперь не знаю, когда попаду домой. Может быть, совсем не попаду...

— Все в руках богов, но, мне думается, они должны быть милостивы к тебе. От тебя пойдут хорошие дети!

Воин покраснел, как мальчик.

— Но я не хочу накликать беду,— спохватилась афинянка,— бывают завистливы боги... Поедем?

Салмаах и Боапергос понеслись во весь опор, как только выбрались из песков. Чтобы хорошенько размять лошадей, Таис повернула по дороге на север и, проехав около парасанга, поднялась на перевал в поперечную долину притока Евфрата. Корявые раскидистые дубы окружили замшелый портик с четырьмя колоннами, приютивший статую Иштар Кутитум из гладко полированного серого камня. Зелено-золотистые хризолитовые глаза блестели в тени. Слегка скуластое скифское лицо, обрамленное спускающимися на плечи подстриженными волосами, хранило презрительное выражение.

В глубине портика за статуей узкий проход вел в маленькую келью, хорошо освещенную широкими проемами под крышей. В нише восточной стены над почерневшим деревянным алтарем была вделана плитка обожженной глины с очень выпуклыми скульптурными изображениями. Обнаженная богиня стояла, тесно сомкнув оканчивавшиеся когтистыми совиными лапами ноги и подняв на уровень лица руки с обращенными вперед ладонями. В левой руке отчетливо изваян был узел веревки. За спиной изображения совиные крылья спускались до половины бедер, следы оперения виднелись над щиколотками.

Богиня стояла на спине льва, позади которого возлежал еще один лев, головой в другую сторону, а по сторонам нижние углы плитки занимали огромные совы, значительно больше львов. По нижнему краю чешуйчатые выступы символически означали горный кряж. Все изваяние было раскрашено в яркие цвета: красный для тела богини, черный — для львиных грив. В оперении ее крыльев и сов чередовались черные и красные перья.

В энтазисе выпрямленного струной тела богини, ее грозных спутниках, ужасных лапах и крыльях для Таис промелькнуло что-то пугающее, сразу же исчезнувшее в восхищении телесной красотой ее. Стройные сильные ноги, очень высокие полусферические груди, подобные которым Таис видела лишь на критских или позднеэллинских изваяниях, узкий стан и крутые бедра — все было слито в гармонический образ, полный чувственной силы. Богиня была обольстительной Ашторет-Иштар, агрессивной в женской власти над зверями и людьми, грознее Реи-Кибелы, таинственнее Артемис и Афродиты.

Таис низко поклонилась древнему изваянию, пообещала принести ей цветов.

Позднее, когда афинянка расспросила главную жрицу о странной крылатой богине, она узнала, что при храмах

Матери Богов во времена древних царей Месопотамии около полутора тысяч лет тому назад существовали отдельные святилища Иштар-Кутитум, которой поклонялись вместе с царицей ночей, богиней Лилит, которая всего лишь одно из обличий Великой Матери: Лилит — богиня служения мужской любви, и веревка в ее руке — символ этой обязанности. Таис вспомнила рассказ Геродота о вавилонских обычаях служения Великой Богине, когда лучшие женщины города отправлялись в храмы Астарет, чтобы там отдаваться чужеземцам. В знак своего служения они обвязывали толстую веревку вокруг головы. Наверное, Иштар-Кутитум дала начало сирийской и финикийской богине Коттито, почитавшейся владычицей безумной страсти.

Но при первой встрече Лилит не показалась ей благожелательной. Стараясь отогнать вещее чувство недоброго, Таис погнала иноходца бешеной рысью вниз, в сосновую рощу. Наслаждаясь быстротой, теплым ветром и свежестью омытого тела, Таис подъехала к храму Великой Матери, отдала поводья Ликофону и поблагодарила воина. С того момента, как они выбрались из озера Прибывающей Луны, как прозвала его Таис, тессалиец хранил молчание, словно под заклятием.

За-Ашт сказала, что явилась посланница верховной жрицы и оставила бронзовый диск. Как только госпожа отдохнет, то пусть ударит в него. Посланная придет снова и поведет в храм. Гетера поморщилась. Ей вовсе не хотелось идти в обиталище могучей богини. Она предчувствовала новые испытания.

Прекрасная, ясная и шаловливая радость богов и людей Афродиты отличалась от грозной необоримой Матери Богов, не противостоя ей, но и не соглашаясь. Одна была глубью плодоносящей Земли, а другая — как полет ветра на облаках...

Таис обедала по обыкновению вместе с рабыней. Финикиянка, любившая поесть, почти не притронулась к пище. Молчаливая, с опущенными глазами она уложила гетеру и принялась массировать ей утомленные скачной ноги. Таис исподтишка присматривалась к рабыне и наконец спросила:

— Что с тобой, За-Ашт? Со вчерашнего вечера ты сама не своя. Или много выпила отравы?

Финикиянка вдруг бросилась на пол и, крепко сжимая колени хозяйки, страстно прошептала:

— Отпусти меня в храм, госпожа. Они говорят, что

после года испытаний я сделаюсь жрицей — служить Ашторет-Кибеле, как они.

Удивленная Таис села.

— Называли ли жрицы испытания? Может быть, они таковы, что ты не захочешь даже думать о храме? Наверное, тебя заставят служить Кибеле с низшей ступени, отдаваться каждому пришельцу...

— Мне все равно! Я ничего не боюсь! Только бы остаться здесь и служить той, власть которой я испытала вчера и чьей силе покорилась!

Афинянка пристально рассматривала свою рабыню, прежде язвительную, злую и скептическую, а теперь вспыхнувшую пламенем и верой, как в четырнадцать лет. Может быть, мойра — судьба финикиянки привела ее для служения в храме? Если она нашла здесь себя, это все равно что встреча с любовью. В таких случаях Таис никогда не препятствовала, теряя красивых рабынь и вновь находя их, с радостью готовых служить ей. Таис заколебалась. Она всегда была осторожной при решении судьбы своих людей. Кроме того, сейчас За-Ашт у ней одна. Можно ли будет здесь в уединенном храмовом городке найти замену За-Ашт? И Таис покачала головой, не отказывая и не соглашаясь.

— Подожди. Сначала я узнаю, как поступят с тобой, потом поищу, кем заменить тебя.

— Ты не отказываешь, о благодарю тебя, госпожа!

— Не спеши радоваться! Еще ничего не решено,— предостерегла Таис финикиянку, которая принялась растирать ее с удвоенной энергией.— Скажи, За-Ашт,— задумчиво спросила, переворачиваясь на спину, Таис,— неужели не видишь ты иного пути в жизни, кроме служения Матери Богов? Ты умна и хороша собой, а что судьба сделала тебя рабыней, это может измениться... в храме же рабство худшее, ибо безгранична власть Кибелы.

— Ты не знаешь, госпожа, как ревнивы финикийцы, сирийцы и другие здешние народы! Мы, женщины, не любим красоты в других женщинах, а Великая Мать уравнивает всех в своей руке.

— Мне кажется, и ей служат по-разному?— возразила Таис.— Правильно ли я поняла? Ты совсем не любишь меня?

— Да, госпожа! Ты слишком прекрасна. Я давно ищу и не могу найти в тебе порока. Ты столь же гибкая, как наши тринадцатилетние девочки-танцовщицы, сильна, как

кобылица, груди твои тверды, как на заре юности у нубиек...

— Перечисление, достойное любовника,— рассмеялась гетера,— но что же обижает тебя?

— Ты лучше всех вокруг и меня тоже!

— И из-за этого ты готова на рабство в храме?

— Да, да!

Таис пожала плечами, так и не поняв свою рабыню. После долгого молчания За-Ашт сказала:

— Как красивы голубые камни на твоей медной коже, госпожа! И твои серые глаза становятся еще глубже. Тот, кто подарил тебе ожерелье, понимает красоту вещей.

— Это главная жрица Кибелы-Реи, Ашторет, или Иштар, многоименной Матери Богов.

— А прежнее ожерелье ты теперь будешь носить пояском?

— Да, как Ипполита, царица амазонок!— Таис критически осмотрела золотой поясок и решила снять все звезды, кроме одной. Давно ушли в прошлое первые победы и успехи, ничего не значила для нее и подаренная Птолемеем звезда. Только последняя с буквою «мю»... жрица сказала М — женский символ с незапамятных времен...

— Поищешь мастера снять звездочки, кроме одной?— вслух сказала гетера.

— Позволь мне. Я ведь дочь ювелира и кое-что умею...

Финикиянка сняла поясок и, отойдя в угол комнаты, извлекла из своих вещей маленькие щипчики, поколдовала с ними и с торжеством надела на Таис цепочку с одной звездой.

— Теперь равновесие в центре,— поправила она бывшее ожерелье и подала Таис остальные звезды.

— Положи в шкатулку. Ты, оказывается, мастерица, разве я могу расстаться с тобой?

Финикиянка было огорчилась, но поняла, что Таис дразнит ее, и побежала за шкатулкой.

— Хочешь, завтра я возьму тебя с собой?— сказала гетера, лениво устраиваясь в подушках,— поблизости есть озерко синей воды, подобное серпу Луны. Я купалась там сегодня и давно не получала такого удовольствия.

— Что ты сделала, госпожа?— лицо За-Ашт исказилось от страха. Таис недовольно приподнялась на локте.

— Ты кричишь, как на сирийском базаре! Что случилось?

— Мне сказали, что на востоке от храма есть священное озеро Иштар в форме лунного серпа. Там уединенно

от всех совершается омовение Ашторет в дни празднества... Артемис, кажется, так зовут ее эллины. Всякого, кто посмотрит священное действо, жрецы с длинными копьями убивают на месте. Я боюсь за тебя, госпожа. Ашторет мстительна, а ее служители не меньше.

Таис призадумалась.

— Пожалуй, следует молчать о моем поступке. И я не возьму тебя с собой, хотя и поеду купаться снова.

— О госпожа...— начала За-Ашт и метнулась к двери на террасу, откуда послышалось бряцание оружия. Таис потянула на себя серебристое покрывало. Немного спустя в комнату вошел Ликофон.

— Прости, госпожа, что потревожил тебя без времени,— поклонился он.

— Что-нибудь случилось? Боапергос или Салмаах?

— Нет, лошади живы и здоровы. Примчался посланец из войска и привез тебе письмо стратега Птолемея. Вот,— воин протянул зашнурованный пакет из тонкой кожи с привязанным к нему дельторионом — писчей дощечкой, на которой было обозначено имя Таис и приказание доставить без промедления.

Таис положила пакет на подушку, приказала воину сесть и выпить вина. Финикиянка, давно очарованная красотой Ликофона, мигом разбавила и подала розовое вино, вся извиваясь и бросая на тессалийца короткие и острые взгляды. Молодой воин приосанился, выпил чашу, и тотчас же За-Ашт налила вторую. Ликофон махнул рукой, отказываясь, и сбросил лежавший на краю стола бронзовый диск. Ударившись о плиты пола, бронза зазвенела громко и протяжно. Очень скоро в дверь из храмового прохода раздался стук. По знаку Таис финикиянка отодвинула засов. В комнате появилась жрица в черной сетке. Поднеся руку ко лбу, она выпрямилась и бесстрастно окинула взглядом присутствующих.

— Ах! Что ты наделал!— сказала Таис воину.— Теперь я должна идти!

Ликофон не заметил укора, медленно поднимаясь с сиденья. Он смотрел, не отрываясь, на черную жрицу, как будто сама Афродита явилась ему в пене моря и блеске звезд. Даже афинянку встревожило ощущение чуждой силы, нечто не совсем человеческое, исходившее от диковинной женщины, будто она была ореадой — горной нимфой или мифическим оборотнем, титанидой. Жрица не осталась равнодушной к восхищению тессалийца, слегка склонила голову, и будто темные молнии вылетели из ее

огромных глаз, добивая жертву. Юноша покраснел, вся кровь бросилась ему в голову. Он опустил взгляд, задержавшись на сильных ногах с удивительно правильными ступнями. Жрица, сверкая острыми зеркально-металлическими ногтями, откинула черную прядь, открывая, как перед боем, свое хмурое и прекрасное лицо.

Таис, обычно далекая от ревности, не могла перенести, чтобы одного из ее воинов при ней сгибали как тонкую веточку.

— За-Ашт, ты предложишь Ликофону еще вина? Может быть, он захочет поесть? Пойдем,— небрежно кивнула она черной жрице, которая улыбнулась бегло и снисходительно, послав молодому воину еще один долгий, все обещающий взгляд.

Таис хотела пройти вперед, но жрица, так и не сказав ни слова, скользнула в проход и быстро пошла не оглядываясь. Только у загораживавшей коридор решетки она подождала гетеру, призывая прикованную привратницу, валявшуюся в едва освещенной нише на охапке сухой травы. Провожатая не пошла прямо в святилище, а повернула направо, в боковой ход, ярко освещенный и кончавшийся лестницей наверх. Они вышли на верхний этаж, поднялись еще по одной лестнице и оказались на веранде. Позади них высилось самое верхнее помещение без окон, с единственной бронзовой дверью огромной тяжести и прочности. Таис угадала сокровищницу и подумала, как неосторожно хранить драгоценности на высоте. Вдруг приключится пожар... Конические выступы красной плотной терракоты облицовывали стены сокровищницы и верхнего этажа.

— Что ты рассматриваешь, дочь моя?— окликнула главная жрица.

Обернувшись, Таис увидела ее в кресле слоновой кости рядом с мужчиной, вероятно главным жрецом. Афинянка подошла к ней, присела на скамью, тоже отделанную слоновой костью, и поделилась своими опасениями.

— Я знаю, что ты умна, служительница Афродиты. Но и те, кто строил это святое место, не были глупцами. Весь храм состоит только из кирпичей, изразцов, плит гранита и мрамора, перекрывающих потолки. Строители сделали так, чтобы даже при намеренном поджоге ничего не могло сгореть, кроме нескольких занавесей и кресел.

Заинтересованная Таис ответила, что подобные приемы вечного строительства из одного камня она увидела в Египте. Главная жрица задала ей несколько вопросов и замолчала. Таис с высоты любовалась искусным располо-

жением храма. В Элладе храмы строились на естественном возвышении — вершинах высоких холмов, на краю обрывов, на гребнях склонов. Поднимаясь к храму, человек возвышался сам, готовясь встретить образы богов.

Этот храм (как объяснила жрица, построенный по образцам древнейших святилищ Междуречья — равнинной страны) стоял в центре округлой равнины, замкнутой горами с юга, запада и севера и открытой только на восток, к Евфрату. С верхней надстройкой и пьедесталом храм вздымался на порядочную высоту. Люди, подходившие и подъезжавшие с равнины, издалека видели святилище. По мере приближения здание громоздилось, наплывая на людей и угнетая их чувством ничтожества перед могучей богиней и ее слугами...

Таис с особенным наслаждением разглядывала окрестности, может быть, впервые ощутив влияние высоты на сознание человека. Отрешенность от всего копившегося внизу, чувство собственной недоступности, возможности охватить взглядом большее пространство — все было иначе, чем в горах. Там человек, поднявшийся на высоту, был частью окружавшей его природы, а здесь искусственное сооружение надменно выпячивалось посреди равнины, отрываясь от естественной почвы и наделяя находившихся в нем людей чувством превосходства, чистоты и независимости. Далеко на востоке, за пыльной дымкой пролегала долина Евфрата, а на севере темнело ущелье его притока — большой речки, на перевале к которой стоит маленький храм Иштар Персидский.

Молчание нарушил главный жрец, сказавший что-то на неизвестном гетере языке. Жрица небрежно потянулась в своем глубоком кресле и спросила, не хочет ли гостья продолжить ознакомление с тайнами Матери Богов. На ответ Таис, что она ночью чувствовала себя отравленной и если «знакомство» пойдет так и дальше, то она не выдержит, жрица усмехнулась сурово и одобрительно, признав, что ей дали слишком сильную мазь, не сообразив, что вряд ли эллинка привыкла к подобным втираниям. В дальнейшем они будут осторожнее.

Чтобы повременить с ответом (прямой отказ хозяевам священного места был недопустим), Таис спросила о смысле одеяния высших жриц и их разделения на две группы.

— Это не составляет тайны,— сказала главная жрица,— красные жрицы служат днем и олицетворяют дневные силы Кибелы, а черные — ночные. В Либии и Элладе

их назовут ламиями — спутницами Гекаты. Считается, что снискавший любовь такой жрицы приобщается к силам Кибелы-Реи, по-вашему — Геи. Всю жизнь ему сопутствуют здоровье, удача и славное потомство. Искусство жриц, особенно черных, выше всего, что может дать смертная женщина, вдохновлено Великой Матерью и укреплено ее могучей силой.

— И любой человек может добиться этого?

В глазах главной жрицы зажглось пламя как у дикого зверя. Дрожь пробежала по спине Таис, но она не опустила взгляда.

— Любой!— отвечала жрица.— Если он не урод, здоров и достаточно силен.

— Как определить, достаточно ли?

— Для этого и служит одеяние-сеть. Она очень прочна и, чтобы овладеть жрицей, надо разорвать сеть руками. Только необычайно сильный человек в огне неистовых чувств способен на это.

— А если не способен и не разорвет?

Главная жрица склонилась к Таис и тихо сказала:

— Тогда кара Кибелы обрушится на него. Если он захотел красную жрицу дня, она крикнет, и неудачника схватят, оскопят на жертвеннике перед Кибелой и превратят в храмового раба, если останется жив. Черная жрица — Ламия никого не зовет. Крепко обняв незадачливого мужа, она дает ему поцелуй Кибелы, вонзая нож вот здесь,— жрица положила пальцы на ямку за левой ключицей?

— Какой смысл вложен Великой Матерью в подобную жестокость?

— Только очень сильные, красивые, уверенные в себе герои приходят, чтобы стать возлюбленными Дня и Ночи. Рождаются дети, и девочки становятся высшими жрицами, а мужи — стражами и охранителями святилища. Заметила ли ты, какие они могучие, как велики их копья и тяжелы мечи?

— Заметила, что прекрасны и высшие жрицы — все на подбор. Но неужели смысл только в получении потомства для храма? Среди тысяч можно найти и выбрать не худших,— возразила Таис.

— Ты, пожалуй, слишком умна для непосвященной,— с легкой насмешкой («Как Иштар»,— подумала Таис) сказала жрица,— разумеется, истинный смысл не в этом. С веками слабеет порода людей, и страстное безумие Кибелы-Ашторет-Атаргатис уже не захватывает их, как в

прежние времена. Кибеле угоден пламень чувственной ярости, так же как любовь — Афродите...

Таис подумала об Урании. Жрица продолжала:

— Служение наших девушек погружает людей в природу, объединяя их со всем живущим, вскормленным Реей-Кибелой. В этом счастье и судьба мужа, иного пути не дано богами. Мужи находят себя и делают то, для чего предназначены. Если же они оказываются непригодными, Великая Мать призывает их обратно к себе, чтобы возродить к жизни лучшими. И мужи идут к ней, не познав горечи старения, в пламенной юности.

— Почему ты уверена, что слабеют люди?— в свою очередь скрывая насмешку, спросила Таис, и жрица вдруг рассмеялась.

— Посмотри еще раз на облик Кибелы-Реи в древней статуе и поймешь, что только ненасытное желание может искать такой образ, и только необычайная сила и крепость может надеяться быть ее парой...

Таис вспомнила необычайную мощь в пределах гармонического сложения, излучаемую статуей Реи, и не смогла возразить.

— А где живут черные и красные?— спросила она, меняя тему.

— Они не покидают храма, пока молоды. Нередко они выходят замуж за не маленьких людей или странствуют, занимая высокие должности в других, менее значительных храмах Реи. В определенные дни месяца они ходят купаться на священное озеро, и горе тем мужам, какие окажутся нарушителями их покоя.

— А если встретится женщина?— гетера сообразила, о каком озерке идет речь.

— С женщиной нечего делать. Лишь в том случае, если несчастная нарушила чистоту священной воды, ее ждет смерть!

— А жрицы живут там?— поспешила спросить Таис, показывая на южное крыло храмовой постройки, плоская крыша которого приходилась на уровне пола главного храма.

— Ты угадала! Хочешь посетить их?

— О нет! А что находится в северном крыле?

Снова дикий блеск мелькнул и угас во взгляде жрицы.

— Туда я и хочу повести тебя на закате. Но прежде ты принесешь клятву на алтаре Кибелы-Реи, клятву молчания. Древние тайны Великой Матери сохраняются нами. Обряды незапамятных времен, перенесенные сюда

тысячелетия назад из Ликаонии и Фригии, дают силу служителям Авторет.

В святилище, совершенно безлюдном в этот час, гетера поклялась хранить тайну. Хозяйка храма налила ей напитка. Таис отступила с опаской.

— Не бойся, это не вчерашнее! Тебе понадобится мужество, когда увидишь тайну. Помни, что Великая Мать — владычица зверей...— Последние слова, сказанные напряженным шепотом, вселили в гетеру неопределенный страх. Она выпила чашу залпом.

— Отлично! Теперь прими дар,— и жрица протянула Таис два лекитиона — флакончика из молочно-белого стекла, плотно закрытых пробками из драгоценного густо-розового индийского турмалина. На одном из лекитионов был вырезан серп луны, на другом — восьмиконечная звезда.

— Как можно! Я не могу принять такие дорогие вещи!— воскликнула Таис.

— Ветерок (пустое)!— ответила главная жрица.— Храм Великой Матери богат и может делать и не такие дары наиболее прекрасным женщинам, ибо они сами — драгоценности, созданные Реей для ее собственных целей. Но ты не спросила — что во флаконах. В этом,— она показала лекитион со звездою,— средство, растворенное в питье, данном тебе вчера. Если ты захочешь когда-нибудь и с кем-нибудь испытать всю мощь Авторет-Кибелы в облике Анаитис — шесть капель в чашку воды и пейте пополам. Этот — с Луной — освободит тебя от действия первого. Если выпить только его, он сделает тебя холодной, как далекая Луна. Не больше трех капель, а то можешь похолодеть навсегда...— жрица рассмеялась резко и недобро, подвела гетеру к нише в боковой стене и вынула оттуда блестящий черный круг, как показалось сначала Таис, из стекла. Она увидела в нем свое отражение так же четко и ясно, как в обычном зеркале из покрытой серебром бронзы.

— Это зеркало не стеклянное, а каменное и сделано в те времена, когда люди знали лишь камень. Руды металлов служили им только для вечных красок, ибо и тогда уже писали картины на стенах. В это зеркало смотрелись женщины много тысяч лет назад, когда не существовало ни Египта, ни Крита... Возьми и его в дар!

— Ты даришь мне вторую бесценную вещь, зачем?— спросила Таис.

— Вместе с лекитионами, хранящими яд. Красота и смерть всегда вместе, с тех пор как живет человек.

— Смерть для кого?

— Или для того, у кого красота, или тому, кто берет ее, или обоим вместе.

— Разве нельзя иначе?

— Нельзя. Таково устроение Матери Богов, и не нам обсуждать его,— сурово, почти угрожающе сказала владычица храма.

— Благодарю тебя! Твой дар поистине превыше всех драгоценностей!

— И не боишься?

— Чего?

— Тайн Великой Матери, нет? Тогда идем!

С северной стороны святилища в полу темнело огромное отверстие, в центре занятое толстой колонной. По ее окружности спускалась спиралью каменная лестница. Скудно освещенный проход вел в храм никогда не виданной Таис обстановки. По обе стороны прохода широкие кирпичные скамьи были густо усажены настоящими рогами исполинских быков — туров, изогнутыми круто, со сближающимися вверху вертикальными концами. Квадратное низкое помещение святилища в простенках между грубыми полуколоннами из красной терракоты украшали великолепно исполненные головы быков из камня или глины с настоящими рогами. Рога бычьих голов на западной стене торчали вверх по-турьему, на северной — были загнуты вниз, а по восточной — широко расходились горизонтально-волнистыми остриями, как у диких быков Месопотамии. Странное, зловещее, даже пугающее впечатление производило это святилище незапамятных времен. Огромные рога торчали повсюду: на невысоких квадратного сечения столбиках и длинных скамьях, затрудняя передвижение по храму. Контурные фрески красной охры обрисовывали бычьи фигуры на ближайших к входу стенах. Между головами быков были прикреплены слепки женских грудей кроваво-красного цвета, в соски которых зачем-то вставили клювы черных грифов или оскаленные черепа куниц. За первым помещением находилось второе, меньшее, с остроконечной нишей в северной стене. Три рогатых бычьих головы, вертикально расположенные одна над другой, увенчивались фигурой богини, парящей над ними, широко раскинув руки и ноги. По обе стороны ниши чернели два прохода.

Рога чем-то тревожили Таис, и вдруг яркое воспоминание осветило ее память. Те же символы, только каменные, увеличенные до титанических размеров, отмечали священные места на Крите. Афинянка видела на одной из хорошо

сохранившихся фресок изображение святилища, очень похожего на то, в котором она находилась сейчас. Там тоже рога разных размеров отгораживали какие-то отделы комнаты жертвоприношений, изображенной на фреске. Но здесь натуральные рога диких быков казались особенно зловещими и в силе впечатления не уступали исполинским каменным рогам, вздымавшимся из-под земли на Крите. Для Таис стало совершенно ясной глубокая связь древнейшей религии Великой Матери в Азии и веры ее предков на Крите.

Скульптуры быков в святилище казались особенно страшными. Они не были похожи на тупомордых критских великанов с их высокими, устремленными вверх рогами.

Быки древнейшего святилища изображались с опущенными низко длинными головами, с громадными рогами, направленными вперед. Они или сходились надо лбом с жутко загнутыми кверху остриями, или же были широко разведены и загнуты наподобие кривых ножей. Без сомнения, это была иная порода, и афинянка подумала, что с этими грозными существами, как бы целиком устремленными в бой, вряд ли успешной стала бы священная критская игра с быками.

Главная жрица остановилась, прислушиваясь. Глубокие, низкие, ритмические звучания гипат — крайних струн самого низкого тона в китарах — доносились издалека, переплетаясь с женскими голосами, стонами и криками. Сердце Таис тревожно забилось в предчувствии чего-то ужасного. Жрица подняла с рогатой тумбы факел, зажгла его о тлевшие на жертвеннике угли и вступила в левый проход. Еще один длинный, темный, как подземелье, коридор, и Таис очутилась в просторном здании на уровне храмового сада.

Никогда никому не рассказала Таис об увиденном здесь, хотя каждое мгновение навсегда осталось в памяти. В Египте ее потрясли фрески в подземелье Мертвых, изображавшие Тиау, или Тропу Ночного Солнца,— ад египтян, помещенный на обратной, невидимой стороне Луны. Но то были лишь изображения, а здесь, в храме, соперничавшем древностью с каменным зеркалом, необычайные обряды Великой Матери тоже давностью в десять тысячелетий происходили наяву, исполнялись живыми людьми.

Укрепленная напитком Реи, Таис выдержала зрелище до конца. Все четыре ступени невероятного действа прошли перед ее глазами, постепенно проясняя их сокровенный смысл. Корни Земли-Геи и всего на ней обитающего

спускаются в бездну хаотических вихрей, беснующихся под Тартаром в ужасном мраке Эреба. Подобно этому корни души тоже поднимаются из тьмы первобытных чувств, вихрями крутящихся в лоне Кибелы. Эти чувства, мрак и страхи нужно пережить, чтобы освободиться от их тайной власти, выпуская на волю перед глазами женщин одновременно жертв и участниц великого слияния с корнями всей природы в ее облике Ананки — неотвратимой необходимости. Но, понимая смысл древних обрядов, Таис не могла принять их. Слишком далеко расходились стремления Урании с темной властью Кибелы-Анаитис.

Поздно ночью, провожаемая черной жрицей, она явилась в свой временный дом, потрясенная, усталая и подавленная. За-Ашт не спала, поджидая госпожу. Глаза рабыни припухли от слез, пораненные ногтями ладони тоже не ускользнули от внимания Таис. Она была не в силах расспрашивать, а повалилась ничком на ложе, отказавшись даже от омовения. И письмо Птолемея осталось непрочитанным до утра.

Таис не удалось уснуть. Финикиянка тоже ворочалась, вздыхала, пока гетера не позвала ее к себе.

— Сядь и расскажи, что случилось. Тебя обидел Ликофон?— За-Ашт молча кивнула, закусив губу, и темная глубь ее глаз загорелась злобой.

— Я позову его, когда настанет день, и попрошу лохагоса наказать тессалийца.

— Нет, нет, госпожа! Он не сделал ничего, и я не хочу больше видеться с ним.

— Неужели! Странный юноша! Ты красива, и я не раз видела, как он смотрел на тебя... ты давала ему еще вина и кормила чем-нибудь?

— Он выпил чашу залпом, будто плохую воду пустыни. К еде не притронулся и молчал, глядя на дверь, в которую ушла эта ламия, дочь тьмы! Так продолжалось без конца, пока, потеряв терпение, я не выгнала его. И он ушел, не поблагодарив и не попрощавшись, как упившийся просяного пива...

— Вот чего не ожидала!— воскликнула Таис.— Неужели ламия так сразила его Эросом? Почему? Он смотрел, как ты пляшешь балариту, как гибок твой стан и стройны ноги!

— Ты добра ко мне, госпожа!— ответила финикиянка, сдерживая набегавшие слезы,— но ты женщина и не поймешь силу черной ламии. Я ее рассмотрела как следует. У нее все противоположно мне.

— Как так?

— Все, что у меня узко,— у ней широко: бедра, икры, глаза, а что широко — плечи, талия, то у ней узко,— финикиянка огорченно махнула рукой.— Она сложена как ты, госпожа, только тяжелее, мощнее тебя! И это сводит с ума мужчин, особенно таких, как этот мальчишка...

— Так он отверг тебя и думает о ней? Ничего, скоро мы поедем дальше, и ламия сотрется из памяти Ликофона... Да, я забыла — ты хочешь остаться? По-прежнему хочешь?

— Теперь еще больше, госпожа! У нас, финикиян, есть учение Сенхуниафона. Оно говорит, что желание уже творит. И я хочу заново сотворить себя!

— И у нас желание, Потос, есть творчество. Неистовое желание порождает или нужную форму, или кончается анойей — безумием. Исполнится время — увидим. Дай мне письмо!

Птолемей посылал привет, просил помнить и ни в коем случае не ехать дальше, пока не явится посланный за ней отряд во главе с его другом. Если придут плохие вести, Таис не следовало оставаться в храме, а со своей охраной из выздоравливающих воинов мчаться к морю, в бухту Иса, всего в пятнадцати парасангах через горы на запад. Там стоят три корабля, начальник которых примет Таис и будет ждать еще полмесяца. Если Птолемей с Александром не появятся к этому сроку, надлежит плыть в Элладу.

Таис подумала, что Птолемей в глубине души благороднее, чем сам хочет казаться среди грубых македонских полководцев. Она поцеловала письмо с нежностью. Птолемей писал о походе через жаркую степь — море высокой травы, уже поблекшей от летней сухости. Они ехали и ехали день за днем, все дальше уходя за бесконечно расстилающийся на восток горизонт. Смутное опасение тревожило всех и даже Александра. Птолемей видел, как подолгу горел ночами светильник в его шатре. Полководец совещался с разведчиками, читал описания — периэгеск. Постепенно Александр отклонял путь армии левее, дальше к северу. Проводники убедили его в скором наступлении еще большей жары. Выгорит трава, и пересохнут мелкие речки и ручьи, пока в достатке снабжавшие войско водой. Тридцать пять тысяч человек теперь шло за Александром, но здесь, в необъятных равнинах Азии, полководец впервые почувствовал, что для этих просторов его армия невелика. Жаркие ветры дули навстречу дыханием гибельных пустынь, простиравшихся за степью. Как де-

мон носились вихри пыли, а на горизонте горячий воздух как бы приподнимал землю над мутными голубыми озерами призрачной воды.

Когда повернули на север, трава стала выше и гуще, а желто-мутные речки приняли серый цвет. Случилось полное затмение Луны. (Как она пропустила его?— подумала Таис.) Знающие люди возвестили, что армия пришла в страну, где царствует Владычица Зверей. Всех — небесных, земных и подземных, та, которую зовут Ашторет, Кибелой или Реей, а эллины считают еще Артемис или Гекатой. Если она появится верхом на льве, то всем не миновать гибели.

Александр обратился к воинам с речью, убеждая не бояться. Он знает предначертанное наперед и ведет их к концу войны и несметным сокровищам...

Таис читала между строк Птолемея — прирожденного писателя — новое, незнакомое прежде македонцам чувство. Это чувство скорее всего было страхом.

Впервые серьезно задумалась гетера, насколько безумно смелым было предприятие Александра. Каким божественным мужеством надо обладать, чтобы удалиться от моря в глубь неизвестной страны навстречу полчищам Царя Царей. Представив себе дерзость задуманного, афинянка поняла, что в случае поражения македонская армия будет стерта с лица земли и ничто не поможет ей. Перестанут существовать и божественный полководец, и Птолемей, и Леонтиск... Может быть, только Неарх спасет свой флот и вернется к родным берегам. С какой злобой и нетерпением ждут этого бесчисленные враги, крупные и мелкие, пылающие справедливой местью и трусливым торжеством гиены... Да, ждать пощады всем ее друзьям не придется, и мудр Птолемей, оставивший про запас вторую возможность спасения Александра и себя. Первая заключена во флоте Неарха, ожидающем в низовьях Евфрата, если встреча с Дарием произойдет не на севере, а на юге. Птолемей писал о слухах, что Дарий собрал все свои силы, всадников без числа от знаменитой персидкой гвардии Бессмертных до бактрийцев и согдов.

Удивительное дело, несмотря на тревогу, проскальзывающую в письме Птолемея, оно наполнило Таис уверенностью в скорой победе. Тем с большим нетерпением она будет ждать новых вестей...

На следующий день вместо Ликофона лохагос прислал рябого македонца с еще не зажившими рубцами на плече и шее.

— Вместо гестиота,— осклабился воин, очевидно довольный поездкой со знаменитой красавицей Афин, города баснословной элегантности и учености.

— А Ликофон?

— Ушел в городок купить лекарство, что ли. Он вроде заболел...

Таис хлопнула в ладоши, вызывая За-Ашт, послала воина за его лошадью. Финикиянка уселась на Салмаах, как не раз делала на пути от границы Египта, и печальное ее лицо осветилось мальчишеским задором. Обе стали состязаться в быстроте коней, то и дело оставляя далеко позади охранника, сдерживаемые только его сердитыми окриками. Выехав на окраину пустынной степи, обе женщины остановились очарованные. Степь цвела необычно яркими цветами, не виданными в Элладе.

На высоких голых стеблях качались под ветром шарики дивного небесно-голубого цвета с яблоко величиной. Они росли разбросанно со столь же редко растущими солнечно-желтыми, совсем золотыми шаровидными соцветиями высоких растений с узкими и редкими листьями. Золотой с голубым узор расстилался вдаль по пыльно-зеленому фону в прозрачном утреннем воздухе.

— Небылица, а не цветы!— воскликнул македонец, пораженный сказочной пестротой. Жаль было мять их красоту копытами лошадей.

Они повернули направо, дабы объехать стороной, и снова остановились перед порослью еще более диковинных цветов. До ног всадников доставала трава с жесткими вершинками, усеянными крупными пурпурными цветами в форме пятиконечных звезд с сильно расширенными кнаружи и прямо срезанными по концам лепестками. Таис не выдержала. Соскочив с иноходца, она нарвала охапку пурпурных цветов, а финикиянка собрала золотые и голубые шары. Стебли последних оказались очень похожими на обычный лук с резким луковым запахом.

Таис помчалась во весь опор назад и поднялась на северный перевал к маленькому храму неласковой, насмешливой чужеземной Иштар. Стараясь не смотреть в узкие зелено-золотистые глаза, она поспешно разложила цветы на жертвеннике, постояла с минуту и прокралась в святилище к горельефу грозной Лилит. Там она отстегнула заколку и вонзила ее в палец левой руки, помазала брызнувшей кровью алтарь и, зализывая ранку, ушла не оглядываясь. На пути домой веселость покинула ее, и она за-

грустила, как в прошлый день гессалиец. Иль таково уж было волшебство богини персов?

Скоро Таис нашла причину своей задумчивости. Почему-то после посещения Иштар родилось опасение за красивого воина. Что, если юноша решился просить любви черной жрицы, не зная ничего о законах Кибелы? Но должны же они предупреждать неофита, что ему грозит? Иначе это не только жестоко, но и гадко! Таис решила без зова пойти к главной жрице и расспросить ее. Однако увидеться с ней оказалось непросто.

После вечерней еды гетера открыла внутреннюю дверь своего дома в длинный коридор, восходивший к святилищу. Она дошла лишь до запертой бронзовой решетки и постучалась, вызывая прикованную привратницу. Падшая жрица выглянула из своей ниши, приложила палец к губам и отрицательно замотала головой. Таис улыбнулась ей и послушно повернула назад, запомнив голодный блеск глаз осужденной, ее впалые щеки и живот. Она послала финикиянку с едой. За-Ашт пришла не скоро. Лишь после долгих уговоров, поняв, что ее не подкупают и не предадут, привратница взяла еду. С тех пор финикиянка или сама Таис кормили ее по два раза в день, узнав время, в какое не было риска попасться служителям храма.

Прошло несколько дней. В храме как будто забыли о гостье, и Таис приписала это разочарованию главной жрицы. Ей не удалось покорить гетеру и привлечь к служению Кибеле-Астарет, не удалось и заинтересовать ее тайнами Матери Богов. Тьма, жестокость и мучения вызывали непреклонное сопротивление в душе Таис. Она по-прежнему отправлялась на поездки то с рябым воином, которого товарищи почему-то прозвали Онофорбосом — пастухом ослов, то с самим начальником — лохагосом. Несмотря на искушение, Таис только раз решилась искупаться в чудесном озерке Прибывающей Луны, не из-за боязни быть схваченной — от этого ее спасла бы быстрота Боанергоса, а чтобы не наносить оскорбления служительницам Реи. За-Ашт всегда просилась сопровождать хозяйку и с каждым днем становилась все молчаливее. Таис уже решила отпустить рабыню.

Дни шли, а вестей с востока не приходило. Где-то там, в необъятно просторных степях и лабиринтах холмов, затерялось войско Александра. Таис успокаивала себя соображениями, что попросту не случилось оказии для письма. И все же даже слухов, всегда каким-то образом достигавших воинов, не доходило из-за Евфрата. Таис даже

перестала выезжать, не ходила в храм и почти ничего не ела. Ночью она часто лежала без сна, засыпая лишь на рассвете. Столь сильное беспокойство было несвойственно полной здоровья афинянке. Она приписывала его зловещей атмосфере святилища Кибелы. Если бы не предупреждение Птолемея, Таис давно бы покинула это «убежище», тем более что храм Реи вовсе не был убежищем ни для кого. Стоило только ознакомиться поближе с ее служительницами, чтобы понять, какая судьба ожидает «знатную гостью» при поражении и гибели войска Александра. Горсточка конвоя будет перебита могучими стражами внезапно, во время сна, а сама Таис отправлена в нижний храм зарабатывать деньги Матери Богов. При сопротивлении — что же, здесь много мест, где требуется прикованный сторож. И это еще лучший исход. В худшем же... Таис с содроганием вспомнила таинства Анаитис, и дрожь пробежала по ее спине. Как бы отвечая ее мыслям, раздался слабый частый стук в дверь из храмового коридора. Таис вскочила, прислушалась. Позвав За-Ашт, Таис осторожно спросила, приблизив лицо к притолоке:

— Кто?

— Госпожа... открой... во имя...— голос прервался.

Таис и рабыня узнали Ликофона. Гетера метнулась за лампионом, а финикиянка распахнула дверь. За порогом не в силах поднять головы, залитый кровью, лежал молодой воин. Таис втащила Ликофона в комнату, а За-Ашт заперла дверь и по приказанию Таис помчалась во весь дух за македонцами.

Ликофон открыл глаза, слабо улыбнулся, и эта улыбка умирающего резанула ее нестерпимым воспоминанием о смерти Менедема.

Из левого плеча воина торчал знакомый Таис кинжал жрицы Ночи, безжалостной и твердой рукой вогнанный по самую рукоятку. Кинжал пробил заодно с одеждой и широкое золотое ожерелье, застряв между звеньями. Таис, как всякая эллинская женщина, кое-что смыслила в ранах. Ликофон не мог жить с такой раной, тем более проползти по длинному проходу, хотя и под спуск. Что-то было не так! Несмотря на кровь, продолжавшую медленно струиться из-под кинжала, Таис не решилась вынуть оружие до прихода лохагоса, который, как опытный воин, был и хирургом и коновалом своего отряда.

Воины не заставили себя ждать. Следом за финикиянкой ворвалась целая декада (десятка) с обнаженными мечами и копьями. Воины подняли тессалийца, положили

на ложе, и лохагос, сумрачно покачав головой при виде раны, принялся ощупывать плечо Ликофона. Раненый застонал, не открывая глаз, а ветеран вдруг осклабился радостной усмешкой.

— Что, не смертельно?— задыхаясь от волнения, спросила Таис.

— Красивый воин всегда любимец Афродиты! Видишь, кинжал ударил сюда и, если бы пошел прямо, то пронзил бы сердце. Но Ликофон нарядился, надел тяжелое ожерелье. Кинжал, раздвинув одно из колец, отклонился к спине и прошел между ребрами и лопаткой. Если бы не разрезанная жила, то с такой раной можно сражаться правой рукой. Но мальчик потерял слишком много крови. Готовь побольше вина с теплой водой! Дай скорее чистого полотна.

Не теряя времени, лохагос велел двум воинам держать Ликофона за плечи, обтер рукоять кинжала от крови, удобно взялся и, уперевшись левой рукой в плечо, мощным рывком вынул оружие. Пронзительный вопль вырвался у юноши, он приподнялся, вытаращив глаза, и снова рухнул без памяти на промокшую кровью постель. Лохагос свел края раны пальцами, смоченными в уксусе, обмыл вокруг кровь и натуго забинтовал полосками разорванной льняной столы, привязав руку к туловищу. Тессалиец лежал немо и безучастно, шевеля сухими почерневшими губами. По знаку сотника За-Ашт принялась поить Ликофона, который глотал воду с вином без конца. Начальник воинов выпрямился, отер с лица пот и принял чашу вина, поднесенную Таис. Кувшин пошел по кругу.

— Кто это его?— задал один из воинов вопрос, интересовавший всех.

Таис постаралась объяснить обычаи храма, встречу Ликофона с черной жрицей и очевидную недостаточность сил юноши. Возможно, тессалиец не сообразил, что только недавно оправился от ранения.

— Что ж, виноваты обе стороны и никто. Условие есть условие!— сказал лохагос.— Взялся — исполняй, не можешь — не берись! А он жив остался, осел молодой. Для меня это радость. Ликофон хороший воин, только слабоват насчет женщин. А я-то думал, что мальчишка около нее кружится,— ткнул он пальцем в За-Ашт.

— Нет, нет, нет!— финикиянка выскочила вперед, сверкая глазами.

— Оставь, кошка! Влюбилась, так молчи!— оборвал ее начальник воинов.

За-Ашт хотела ответить, как вдруг раздался резкий стук чем-то твердым в дверь из храма.

— Идет погоня!— почему-то весело ухмыльнулся лохагос.— Открой дверь, Пилемен!

Воин, стоявший ближе к двери, повиновался. Ворвалась целая группа черных жриц с факелами под предводительством увенчанной золотой диадемой старшей. Рядом с ней в слезах шла та черная жрица, что приходила за Таис и покорила Ликофона.

— Видишь, Кера, сколько крови? Я не жалела, я ударила верно, и что спасло его, не знаю.

— Ты ударила верно,— ответил вместо старшей начальник македонцев,— а спасло его золотое ожерелье, надетое молодым ослом для тебя!

— Вижу,— согласилась старшая.— С тебя снята вина, Адрастея. Мы не можем добить его,— она качнула диадемой в сторону македонцев, взявшихся за мечи, — пусть рассудит великая жрица. Но за свое второе преступление Эрис должна быть убита. Или, если хочешь, пошлем ее исполнять обряды в святилище Анахиты!

Тут только Таис вспомнила о привратнице в коридоре и сообразила, что, не сжалься она над воином, Ликофон истек бы кровью у запертой решетки и никогда не добрался бы до ее двери!

Позади во мгле коридора одна из жриц держала за волосы осужденную. Ее освободили от цепи, связав руки назад. Старшая пошла назад в коридор, равнодушно окинув взглядом македонцев и злорадно усмехнувшись ужасному виду окровавленного пепельно-бледного юноши.

— Остановись, Кера!— воскликнула Таис, запомнив грозное имя этой совсем еще молодой женщины,— отдай мне ее!— она показала на связанную привратницу.

— Нет! Она провинилась дважды и должна исчезнуть из жизни!

— Я дам за нее выкуп! Назначь цену!

— Нельзя ценить жизнь и смерть,— отказала старшая жрица и вдруг остановилась раздумывая.— Можешь отдать жизнь за жизнь,— продолжала она.

— Не понимаю тебя!

— Жаль. Это просто. Я отдам тебе Эрис, а ты свою финикиянку.

— Невозможно! Ты ее убьешь!

— За что? Она ни в чем не повинна. Я сужу так — если мы теряем жрицу, упавшую непозволительно низко, то приобретаем другую, годную для начала.

— Но, убив, вы все равно потеряете, если и получите взамен,— возразила Таис.

— Для Великой Матери смерть или жизнь без различия!

Таис нерешительно оглянулась на свою рабыню. Та стояла бледная, как меленая стена, подавшись вперед и прислушиваясь к разговору.

— Смотри, За-Ашт, ты хотела служить в храме. Сейчас предоставляется случай, и я отпускаю тебя. Я не меняю и не отдаю тебя. Следуй только своему желанию!

Финикиянка упала на колени перед Таис, поцеловав ей руку.

— Благодарю тебя, госпожа!

За-Ашт выпрямилась, гордая и стройная, добавив:

— Я иду.

— Возьми свои вещи и одежду,— напомнила Таис.

— Не нужно!— сказала старшая и подтолкнула финикиянку к Адрастее. За-Ашт слегка отшатнулась, но черная жрица обняла ее за талию и повела во тьму коридора. Жрицы расступились, и та, что держала связанную за волосы, пнула ее ногой в спину. Привратница влетела в комнату и растянулась лицом вниз на окровавленном ковре. Дверь захлопнулась, наступила тишина. Озадаченные воины стояли, пока один из них не поднял упавшую, разрезал ремни на запястьях и пригладил упавшие на лоб волосы.

— Сядь, Эрис,— ласково сказала Таис,— дайте ей вина!

— Какие странные имена,— воскликнул лохагос,— беда, мщение, раздор.

— Я слышала, как двух других назвали Налия и Ата: демон и безумие,— сказала Таис,— очевидно, страшные эллинские имена даются всем черным жрицам. Так, Эрис?

Привратница молча наклонила голову.

— Делайте носилки, мы понесем Ликофона,— прервал лохагос наступившее молчание.

— Надо оставить здесь!— возразила Таис.

— Нет! Главная их начальница может изменить решение. Тессалийца надо убрать отсюда подальше. Но как оставить тебя одну, госпожа Таис?

— У меня есть новая служанка.

— Она зарежет тебя, как Ликофона, и удерет.

— Удирать ей некуда. Она спасла уже две жизни, рискуя своей.

— Вот оно что! Молодец девчонка! И все же я оставлю двух стражей на веранде,— сказал начальник.

Воины удалились. Таис заперла храмовую дверь на оба засова и принялась убирать испачканную кровью комнату. Эрис вышла из своего оцепенения, помогла скоблить и мыть. Не придавая никакого значения своей полной наготе, она сбегала несколько раз к цистерне за водой и успела вымыться, яростно отскребывая грязь после своего житья в грязной нише у решетки. Рассвело. Утомленная событиями гетера закрыла входную дверь и задернула тяжелую занавесь оконной решетки, затем показала Эрис на второе ложе в своей комнате, так как постель финикиянки была испачкана кровью.

Таис улеглась и вытянулась во весь рост, изредка взглядывая на Эрис, неподвижно сидевшую на краю ложа, сосредоточенно и ожидающе глядя вдаль широко раскрытыми глазами. Теперь гетера рассмотрела свое новое «приобретение». «Кажется, она меласхрома — чернокожая,— мелькнуло в уме афинянки,— нет, она просто мелена, очень темно-бронзовая, с примесью африканской крови». Черная жрица без сетки, браслетов, пояса и ножа оказалась совсем юной женщиной с громадными синими глазами, в которых все же отражалось темное упорство, как и у других жриц. Ее волосы вились мелкими кудрями, круглые щеки казались нежными, как у ребенка. Только очень полные полураскрытые губы и очевидный для Таис отпечаток большой чувственности на всем ее юном и уже женски мощном теле говорили о том, что эта юная девушка действительно могла быть черной служительницей Ночи и Великой Матери.

Глядя на синеглазую темнокожую Эрис, Таис вспомнила эфиопок с синими глазами, высоко ценимых в Египте и происходивших из очень далекой страны за верховьями Нила. Освобожденная привратница могла быть дочерью такой негритянки и человека светлой кожи.

Афинянка встала, подошла к Эрис и погладила ее по плечам. Черная жрица вздрогнула и вдруг приникла к Таис с такой силой, что та чуть не упала и обхватила рукой стан Эрис.

— Ты будто из камня!— удивленно воскликнула Таис.— Вы все, что ли, такие?

— Все! Тело из камня и медное сердце!— вдруг сказала девушка на ломаном койне.

— О, ты заговорила! Но у тебя сердце женщины, не ламии!— сказала Таис и поцеловала Эрис. Та задрожала, чуть заметно всхлипнув. Таис, шепча успокоительные слова, велела ей ложиться спать. Девушка показала на дверь,

прикладывая палец к губам. Таис поняла, что ей надо пробраться к решетке за какой-то очень важной вещью, пока там не прикуют другую привратницу. Гетера и черная жрица бесшумно приоткрыла дверь, и Эрис, прислушавшись, скользнула в непроглядную темноту. Она вернулась, тщательно заперла засовы. В ее руке блестел золотой рукоятью священный кинжал жриц Ночи. Эрис опустилась на колени и положила кинжал к ногам Таис, потом прикоснулась им к своим глазам, губам и сердцу. Через несколько мгновений Эрис спала, вольно разметавшись поверх покрывала и приоткрыв рот. Таис полюбовалась ею и сама погрузилась в крепкий сон.

Начальник охраны Таис оказался прав. Ликофон не погиб. Кинжал жрицы не был отравлен, как опасался лохагос, и глубокая рана быстро заживала. Только после потери крови воин был слабее котенка. Верховная жрица не посылала за Таис и не требовала недобитого воина. Весь городок и храм Великой Богини как будто насторожился в ожидании вестей об Александре. Таис велела своему конвою готовиться к выступлению.

— Куда?— спросил настороженно лохагос.

— К Александру!

Но не прошло и трех дней, как все изменилось. Поздно вечером, когда Таис уже собиралась спать, и Эрис расчесывала ее тугие вьющиеся волосы, со стороны городка послышались крики, замелькали факелы. Таис выскочила на веранду в коротеньком хитониске, не обращая внимания на северный ветер, дувший уже несколько дней. Бешеный топот копыт разнесся по сосновой роще. Лавина всадников на массивных парфянских лошадях, высоко держа факелы над головами, примчалась к дому Таис. Среди них были и македонцы ее отряда, отличавшиеся от запыленных, сожженных солнцем приезжих своей чистотой и тем, что вскочили на лошадей спросонок, неодетыми.

Сверкавший золотом всадник на белоснежной кобыле подъехал к самым ступенькам веранды.

— Леонтиск, о Леонтиск!— Таис бросилась к нему. Начальник тессалийской конницы ловко подхватил ее и поднял к себе на лошадь, отбросив задымивший факел.

— Я за тобой, афинянка! Да здравствует Александр!

— Победа, значит, победа, Леонтиск! Я знала!— невольные слезы вдруг покатились по щекам Таис. Она обняла тессалийца за шею и осыпала поцелуями. Леонтиск поцеловал ее сам и, подняв могучими руками, посадил себе на плечо. Вознесенная над всеми, Таис смеялась, а воины

восторженно завопили, ударяя в щиты и размахивая факелами.

Огромный воин с гривой рыжих, развевавшихся на ветру волос, на высоком сером жеребце увидел на веранде недоумевающую Эрис, подъехал к ограде и зычно пригласил к себе. Эрис посмотрела на хозяйку, та кивнула, и девушка смелым прыжком оказалась в объятиях всадника. Подражая Леонтиску, гигант посадил Эрис на плечо. Бывшая жрица поднялась выше Таис под новый взрыв восторга.

Тессалийцы поскакали вокруг святилища, горланя, махая факелами под бряцание оружия, грохот копыт и щитов. На крышу святилища выбежали все служительницы храма во главе с верховной жрицей. Радостная, торжествующая Таис успела заметить волнение, какое вызвало среди жриц появление Эрис на плече у воина. Владычица храма сделала какие-то резкие движения руками, и вдруг веранда опустела. Таис лишь усмехнулась, понимая разочарование властительницы, перед глазами которой ее жертву, осужденную на унижение и рабство, несли перед храмом будто богиню! Шествие вернулось к дому Таис, и обеих женщин, не спуская на землю, бережно передали на руках в дом. Сюда же вошел Леонтиск, всадники были отпущены. Только двое приближенных остались ждать.

— Так победа, милый?

— Полная и окончательная! Дарий разбит наголову, огромное войско его рассеяно. Мы убили десятки тысяч, пока не изнемогли и валились на трупы, не выпуская из рук мечей и копий. Вся Персия лежит перед нами открытая. Царем Царей теперь — Александр, сын бессмертных богов!

— Я только недавно поняла, что завоевать Азию под силу лишь избраннику судьбы, титаноподобному герою, как Ахиллес.

— А я это увидел!— тихо сказал тессалиец, тяжело опускаясь в кресло.

— Ты очень устал? Отдохнешь здесь? Эрис даст вина и орехов в меду со сливками — самая подкрепляющая еда!

— Поем и поеду. Мне поставили палатку на опушке рощи, там, где все мои люди.

— Сколько их?

— Шестьдесят всадников, сто пятьдесят лошадей.

— Неужели ты приехал только за мной?

— Только. После великой битвы, где снова отличились мои конники, я лежал два дня будто во сне. Александр решил, что я нуждаюсь в отдыхе, и послал сюда за тобой.

— А сам?

— А сам идет со всем войском прямо на Вавилон.

— И мы поедем туда?

— Разумеется. Только дадим отдохнуть лошадям — я ведь скакал весь путь, так хотелось увидеть тебя.

— Далеко?

— Сотня парасангов!

Таис без слов поблагодарила воина долгим поцелуем, спросив:

— Александру далеко идти до Вавилона?

— Немного больше...

— Вот, Эрис! Ешь и пей. Я выпью с тобой за победу!

— Тебе стало служить подземное царство?— спросил Леонтиск, прихлебывая вино и рассматривая новую рабыню.

— Эта история интересна, но длинна. Надеюсь, в пути будет время рассказать ее и послушать самой о великой битве.

— Будет!— заверил тессалиец, наскоро прожевал горсть варенных в меду орехов и поднялся. Таис проводила его до ступенек веранды.

Леонтиск появился снова после отдыха в таком роскошном вооружении, какое не описывал и сам Гомер. Сверкающий золотом, загорелый всадник в белых шелках на чудесной белой лошади казался полубогом. И хотя глубокая морщина пересекала лоб между бровей, а углы рта окружала двойная борозда, прищуренные глаза, светлые и бесстрашные, смеялись.

— Какая красивая у тебя лошадь! Будто титанида — оборотень Левкиппа! И как зовут ее?— восклицала восхищенная гетера.

— Мелодия.

— Песня! Кто назвал так красиво?

— Я. Помнишь, есть река Мелос, которая поет, протекая по звенящим камням. Моя Мелодия бежит, будто льется и журчит река...

— Ты поэт, Леонтиск!

— Просто любитель лошадей! А это тебе,— тессалиец развернул и подал Таис наряд персидской царевны. Гетера отвергла его, сказав, что не хочет рядиться в чужеземный наряд, и надела лишь диадему из редкостных камней, искрившихся на солнце тысячами огоньков. На шее она оставила голубое ожерелье храма Реи, а щиколотки, как для танца, украсила звенящими перисцелидами из электрона с бирюзой.

Она попросила подать ей Салмаах вместо Боанергоса и ахнула, когда увидела свою кобылу в золотой сбруе с форбеей, украшенной крупными турмалинами, такой же дивной розовой окраски, как на подаренных ей флаконах Кибелы. На потнике лежала шкура редкостного рыжего с черными полосами зверя — тигра.

Кинеподы — ножные щетки лошади украшали сверкающие на солнце серебряные браслеты с бубенчиками. Салмаах как будто чувствовала красоту своего наряда и гордо выступала, перезванивая копытами, так же как и подходящая к ней Таис, чьи ножные браслеты звенели при каждом шаге.

Кортеж из тридцати воинов сопровождал Леонтиска и Таис, ехавших бок о бок по широкой дороге к главному входу в святилище Кибелы. Тессалийцы пели, и Таис попросила их ударять в щиты в такт боевой песне. Как в день большого праздника, стражи распахнули ворота в обеих стенах. Воинственная кавалькада вступила в первый двор. Здесь Таис и Леонтиск спешились и встреченные жрецами-копьеносцами пошли к калитке в низкой ограде, отделявшей мощеный двор от аллеи кипарисов, в конце которой находился горбатый мостик и лестница, перекинутая над бассейном сада прямо на нижнюю террасу. По ту сторону калитки к ним приблизилась нагая привратница. Она собрала в горсть свои густые волосы, окунула их в серебряную чашу с ароматной водой и брызнула на входящих. Внезапно она вскрикнула и закрыла лицо руками. Таис узнала свою финикиянку.

— О Леонтиск! Задержи их на минуту!— кивнула она на суровых жрецов, подошла к За-Ашт и с усилием отвела ее ладони от пунцового лица.

— Они тебя уже наказали? За что? Тебе плохо? Говори скорей!

Из бессвязно торопливых слов Таис поняла, что финикиянку заставили делать что-то невыносимое, она отказалась, ее послали в храм Анаитис и после вторичного бунта приставили сюда — привратницей и первой утехой усталых паломников.

— Что было в храме Анаитис? Первая ступень таинств?

— Да. Они хотели заставить меня участвовать во второй.— За-Ашт снова спрятала лицо, вздрогнув от нетерпеливого стука копий, резко опущенных жрецами на землю.

— Бедная ты! Плохая из тебя жрица! Надо выручать тебя!

— О госпожа!— в голосе финикиянки теперь было гораздо больше мольбы, чем в ее просьбах отпустить в храм.

Таис, не рискуя больше задерживать жрецов, пошла дальше. Верховная жрица вместе со жрецом встретила их не в храме, а на нижней веранде — новый знак почтения. Леонтиск поклонился ей и, подражая Таис, принял на лоб мазок душистого масла. Затем он развязал большую кожаную сумку, которую бережно нес сам всю дорогу, и подозвал копьеносца, тащившего вторую. На широкий выступ цоколя храма высыпалась груда золотых и серебряных цепей, браслетов, крупных драгоценных камней, искусно выкованных бесценных диадем. Из второго мешка с глухим тяжким стуком высыпались золотые слитки.

— Это только часть. Сейчас принесут еще четыре таланта — жрецы не привыкли носить такие тяжести.

Верховная жрица глубоко вздохнула, и глаза ее заблестели от жадности — воистину дар Александра был царским.

— Мы заботились здесь о нашей прекрасной гостье,— ласково сказала она,— надеюсь, что она довольна?

— Довольна и благодарна, хвала Великой Матери,— отозвалась гетера.

— Могу ли я еще что-нибудь сделать для тебя?

— Можешь, властительница храма! Отдай мне назад мою рабыню, финикиянку За-Ашт.

— Ведь ты обменяла ее...

— Да, так. Но сейчас видела ее на цепи у ворот. Она не прижилась в храме.

— Поэтому несет наказание.

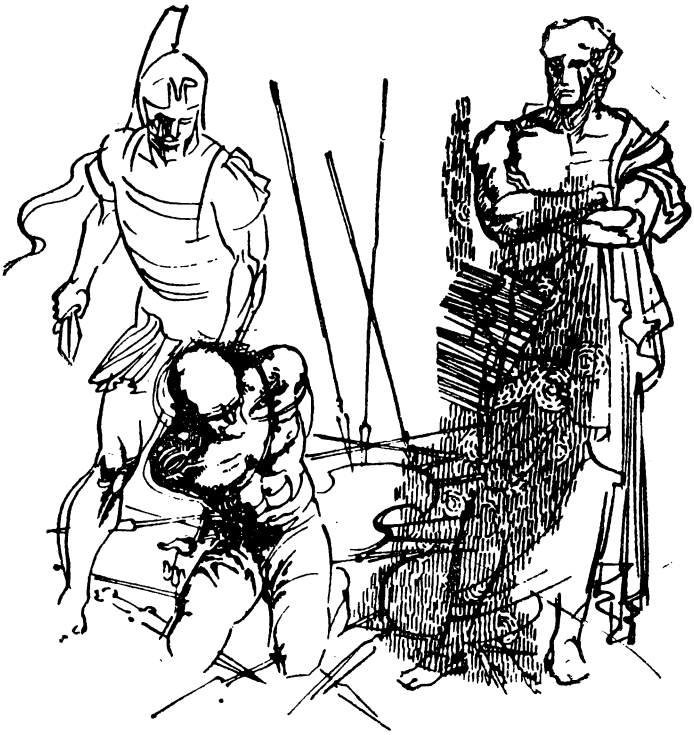
Таис посмотрела на Леонтиска, и он без слов понял ее.

— Пожалуй, я верну тех, что несут золото,— как бы в раздумье сказал.

— Не возвращай!— подняла руку верховная жрица.— Негодная финикиянка не стоит и сотой части. Можешь получить свою строптивую рабыню назад!

— Благодарю тебя!— снова поклонилась Таис и, скрыв улыбку, попрощалась с властительницей знаменитого храма.

За-Ашт, забыв обо всем, с криком «Ты здесь, моя красавица!» бросилась к Салмаах, оросив ее шею слезами. Один из воинов дал ей нарядную хламиду и посадил за спину. Тем же порядком тессалийцы выехали со двора, и Таис навсегда покинула обитель Кибелы, Великой Матери и Владычицы Зверей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВОДЫ ЕВФРАТА

Пыльное небо раскаленным медным котлом опрокинулось над выгорающей степью. Конный отряд Леонтиска переправился на левый берег Евфрата и пошел на юг наперерез большой излучине, параллельно древней «царской» дороге из Эфеса в Сузу. Восемьсот стадий было до устья реки, впадающей в Евфрат с востока. Там их ожидали большие лодки. Евфрат мог нести целые корабли, и единственным недостатком плавания была извилистость реки. Расстояние до Вавилона более чем удваивалось, однако можно было плыть безостановочно, целыми сутками, сберегая силы лошадей, которых тоже погрузили на корабли.

Даже такие ярые конники, как тессалийцы, и те согласились с планом своего начальника.

Ликофон еще не мог совершить конный переход. Товарищи решили довезти его до Вавилона и добыли повозку. Таис приказала За-Ашт сопровождать тессалийца. Финикиянка сверкнула глазами на Эрис, вытеснившую ее из сердца госпожи. Но Таис притянула к себе обиженную финикиянку и шепнула ей несколько слов. Та вспыхнула, опустила глаза и послушно стала собирать удобную постель для перевозки юноши.

Больше всего Таис беспокоилась за Эрис, жрица Кибелы плохо ездила верхом. Хмуря брови, Эрис клялась не подвести хозяйку. Поколебавшись, Таис решила уступить Боанергоса рабыне, а самой ехать на Салмаах. Она посоветовала Эрис поддерживать ноги в согнутом положении с помощью ремня, накинутого на плечи и прикрепленного к обеим щиколоткам. Персидский потник накрыли тонкой шершавой тканью, сохраняющей разгоряченную кожу всадницы. Конические афинские солнечные шляпы здесь не годились из-за ветра. Женщины решили замотать головы тюрбанами из черной материи. Этот совет дали Таис освоившиеся со зноем месопотамских равнин воины Леонтиска. Жара угнетала даже дружных с солнцем эллинов и закаленных походами македонцев. Как всегда, сборы и неполадки оттянули выступление. Отряд тронулся вперед при высоко стоящем солнце, которое, как гневный владыка, стремилось согнуть неугомонных людей в рабской покорности.

Таис на Салмаах и Леонтиск на своей белоснежной Песне ехали рядом. Ноздри гетеры раздувались, вдыхая знойный и горький сухой воздух.

Дерзкая радость переполняла Таис, как выпущенную на свободу узницу. Победа! Под Гавгамелой Александр разбил новые полчища Дария! Хотелось петь, гарцевать, подняв Салмаах на дыбы, учинить какую-нибудь шалость. Сдерживая смех, она слушала Леонтиска. Начальник конницы сперва рассказывал разные смешные приключения, случившиеся во время похода к Гавгамеле, а потом увлекся описанием великой битвы.

Македонская армия вначале шла по вымершей стране. На севере Междуречья равнины были почти безлюдными. Немногочисленные скотоводы, кочевавшие на этом пути, или разбежались, или скорее всего ушли в горы перед наступлением летней жары. Разведчики доносили о скоплении врагов за Тигром. Верный своей стратегии, Александр

поторопился перейти реку. Прошли мимо полуразрушенной Ниневии, одного из древнейших городов всей Ойкумены. С высоких стен кучка людей наблюдала за армией. Среди них пестрым одеянием выделялись жрецы древних богов. Александр не велел трогать город. Его ничтожное население не представляло опасности. Грозный враг стоял впереди. От Ниневии македонцы отклонились еще к северу — там были холмы с хорошими кормами и не пересохшие пока ручьи чистой воды. Александр стремился дойти до текущей с севера речки, где хватало воды напоить всю армию. Речка впадала в приток Тигра, текущий с северо-востока. На этом притоке и собрал Дарий свою громадную армию. Когда войско македонцев, двигавшееся без спешки (великий полководец не хотел утомлять воинов), подошло к речке у маленького населения Гавгамела, Птолемей обратил внимание, что дуга низких холмов с севера походила на передок колесницы — арбилу. Записанное в летописях похода прозвище тысячелетия спустя путало историков: по южной дороге, в двухстах стадиях от Гавгамелы, между пустой равниной и скалами находилось укрепление Арбила.

Александр дал трехдневный отдых своей армии, прошедшей уже не одну тысячу стадий. Конные разъезды доставляли пленников. Разведчики доносили об огромном скоплении вражеской конницы, которая собиралась тучей всего в нескольких парасангах. Александр не торопился. Он хотел нанести окончательный удар всей армии персов, а не гоняться по бесконечным равнинам за отдельными ее отрядами. Если Дарий не понимает, что нужно было решительно сражаться еще у Евфрата, если он по примеру своих предков надеется на многочисленность своих полчищ — тем лучше. Судьба решится в этом бою. Для македонцев во всяком случае, ибо поражение означает гибель всей армии.

— Разве нельзя было бы отступить?— спросила внимательно слушавшая гетера.— Спаслись же десять тысяч эллинских воинов примерно из тех же мест?

— Ты имеешь в виду «Анабазис» Ксенофонта? Тогда греческие наемники отступали, не будучи окружены врагами, да еще столь многочисленными, как персы под Гавгамелой.

— Значит, опасность была велика?

— Очень. В случае поражения — смерть или рабство всем нам.

Гигантское скопление конницы перед лагерем македонцев изумило и испугало самых бывалых воинов. Издалека

серыми призраками маячили боевые слоны, впервые встреченные македонцами. Сверкали на солнце позолоченная броня и копья «Бессмертных» — личной гвардии Дария, проезжавших тесно сомкнутым строем на удивительно высоких конях. По пестрым одеждам опытные люди узнавали парфян, согдов, бактрийцев, даже скифов-массагетов из-за великой реки Азии Оксоса. Казалось, что полчище пронесется бурей, и под копытами бесчисленных коней найдет свою гибель дерзкая армия, осмелившаяся вторгнуться так далеко в чужую страну, на границу степи и лабиринта горных хребтов.

К вечеру поднялся ветер, всю равнину затмило красной пылью, и страх еще сильнее овладел македонцами. На военном совете Пармений, командир всей конницы, и другие военачальники стали просить Александра ударить ночью, когда конница персов не будет иметь преимущества над македонской пехотой. Александр отклонил предложение и назначил бой сразу после рассвета, но не раньше, чем воины будут накормлены. Птолемей поддержал друга, хотя великий стратег и в одиночестве оставался непоколебим. Улегшись спать, он быстро и крепко заснул. Позже Гефестион рассказал Леонтиску о соображениях Александра. Полководец видел и чувствовал, что страх все сильнее овладевает воинами, но не сделал ничего, чтобы его рассеять. Александр проявил необычайное для него спокойствие. Он знал, что человек опаснее всего для врага, именно когда он испуган, но многолетняя тренировка и воинская дисциплина заставляют его держать свое место в рядах товарищей. Армия знала, что будет в случае поражения. Александру это заменило и зажигательные речи, и громкие обещания.

Ночью же, когда люди не чувствуют общей поддержки, не видят полководцев, страх мог сыграть на руку персам и расстроить тот отчаянный боевой порыв, каким отличаются пехота и конница македонцев. Расчет Александра полностью оправдался.

Не испытанная в сражениях, не сплоченная в совместных боях, гигантская армия Дария, бросившись на македонцев, создала в центре невероятную толчею и хаос. Левое крыло Александра под начальством Пармения, где сражался Леонтиск со своими тессалийцами, было смято персидской конницей, разорвано на две части и частично отступило за временные укрепления македонского лагеря. Пармений два раза просил помощи, Александр не отзывался. Леонтиск почувствовал, что приходит конец. Тесса-

лийские конники, решив дорого продать свои жизни, сражались отчаянно, отражая натиск конных сил персов. Крепкие, широкогрудые тессалийские кони бешено грызлись со степными лошадьми, толкали и били их копытами. В это время в центре битвы в ужасной сумятице македонская пехота-фаланга шаг за шагом продвигалась вперед, клином врезаясь в массу противника, настолько плотную, что Дарий не смог использовать ни слонов, ни колесниц с серповидными ножами, предназначенными косить врагов на быстром ходу. Александр тоже не мог ввести в бой свою тяжелую конницу — гетайров — и, уже сев на Букефала, что обычно означало атаку, вынужден был выжидать, не отвечая на призывы Пармения.

Наконец фаланге удалось глубоко внедриться в центр. Легкая конница персов отхлынула вправо, и в образовавшийся прорыв ударили гетайры. Они смяли «Бессмертных» и опять, как в битве при Иссе, оказались перед ближайшим окружением персидского царя.

Аргироаспиды, Серебряные щиты, оправдывая свою боевую славу, бегом ринулись на ослабевший строй персов. Все на подбор люди выдающейся силы, щитоносцы с ходу ударили в противника своими щитами. Персы нарушили строй, открывая незащищенные бока для мечей македонцев.

Дарий, увидев прорыв гетайров, понесся на колеснице прочь от центра битвы. Следом повернули «Бессмертные». На флангах сражение продолжалось с неослабевающей яростью. Александр с частью гетайров пробился к Пармению на левое крыло, сразу улучшив положение тессалийских конников Леонтиска. Бок о бок с неистовым в бою Александром Леонтиск смял и отбросил противника.

В тучах пыли никто не заметил постепенного отступления персов. Неожиданно началось их повальное бегство. Конная армия бежит куда быстрее пехоты. Где-то на правом фланге фракийцы и агриане-горцы Александра еще бились с наседавшими согдийцами и массагетами, а главные силы персов уже бежали на юго-восток мимо левого крыла македонской армии. Александр приказал Пармению и Леонтиску, как наиболее потрепанным в битве, остаться на поле боя, собирая раненых и добычу, а сам с частью резерва помчался преследовать бегущих. Измотанные страшной битвой воины смогли гнаться за ними лишь до реки. Полководец сам остановил погоню, которая хотя и не уничтожила отступавших, все же заставила их в панике побросать все сколько-нибудь отягощавшее лошадей. Военная

добыча оказалась еще большей, чем при Иссе. Помимо ценностей и оружия, одежд, палаток и великолепных тканей, македонцы впервые захватили боевых слонов, колесницы с серпообразными ножами, шатры из белого войлока, изукрашенные серебром.

Не давая времени отпраздновать победу, Александр после пятичасового отдыха устремился дальше к югу, приказав Пармению идти позади со всем колоссальным обозом и пленниками. Тут-то Леонтиск и свалился от истощения сил. Но Дарий пошел не на юг, к главным городам своего царства, а убежал на северо-восток, в горы. Вторично Александр наткнулся на его брошенную колесницу и оружие, но не стал преследовать его в лабиринте хребтов и ущелий, а повернул на юг к Вавилону, Сузе и Персеполису, дав армии несколько дней отдыха и распределив добычу. Птолемея отправили с отрядом на разведку, и тогда он попросил Леонтиска послать за Таис.

— Пармений хотел оставить меня в лагере раненых на отдых, а я приехал сам!

Таис подъехала вплотную. Всадники соприкоснулись коленями. Обняв могучие плечи Леонтиска, она притянула его к себе для поцелуя. Начальник конницы поспешно оглянулся и слегка смутился, встретив насмешливую улыбку афинянки.

— Побаиваешься Эрис?

— Смешно, но ты права! Ее взгляд так упорен и немилосерден, что в душе возникает какой-то не то чтобы страх, но...

— Скажи: опасение,— засмеялась Таис.

— Именно так! Боюсь не кинжала в прическе и не изящного ножичка для распарывания живота, который она прячет за браслетом, боюсь ее самой.

— А я боюсь только, что она устанет с непривычки верхом.

— Ты всегда возишься со своими рабынями больше, чем они с тобой!

— Как же иначе? Я хочу, чтобы они не оставались мне чужими. Разве можно, чтобы меня касались злобные пальцы и смотрели ненавидящие глаза? Это принесет болезни и несчастье. Ведь люди живут в моем доме, знают каждый час моей жизни!

— Ты говоришь — люди!— А множество других эллинок сказали бы: варвары, и предпочли бы в обращении с ними шпильку, палку, а то и плетку.

— Ты сам попробовал бы плетку на Гесионе?

— Конечно, нет! Гесиона знатная эллинка и очень красива. Настолько, чтобы заставить менее прекрасную, чем ты, хозяйку мучить ее.

— А что ты знаешь о достоинствах других, ну той же Эрис?

— Собьет она спину Боанергосу, тогда...

— Не собьет! Эрис поклялась сидеть как надо.

— Устанет, ехать далеко!

— Я смотрю за ней. Но расскажи мне еще о битве! Если я поняла верно, то ошибка Дария в том, что он напал на вас сразу всеми силами. Персидская армия стеснилась так сильно, что не смогла сражаться как надо. А если бы он этого не сделал? Как пошло бы сражение?

— Наверное, хуже для нас. Но я не Александр, он нашел бы выход из любого положения. Хотя...— Леонтиск задумался.

— Что ты хотел сказать?

— Я вспомнил один случай. Пленных вождей и начальников всегда приводили к Александру. Он разговаривал с ними через переводчиков, расспрашивал главным образом о том, как оценивают они свое поражение. Молодой массагет, предводитель скифской конницы, связанный, несмотря на рану, ответил на вопрос Александра коротко: персы поплатились за неумение воевать!

«А ты бы сумел?»— с любопытством спросил победитель.

«С моими силами в пятьсот всадников смешно и подумать! Но, обладай я половиной царского войска, я покончил бы с тобой в два-три месяца».

«Каким образом?»

«Вооружил бы свою конницу тяжелыми луками. Засыпал бы твою пехоту стрелами, не приближаясь на удар копья. Отряды прикрытия отражали бы твою конницу, которой у тебя в семь раз меньше, я подсчитал».

«А что бы ты смог поделать со щитоносной пехотой?»— серьезно и сурово спросил Александр.

«Когда она в строю — почти ничего! Можно нанести ей малый урон и так понемногу, день за днем, месяц за месяцем. Но не может же она вечно стоять в строю. Не знаю, успела бы твоя пехота унести ноги за Евфрат, так и не завязав большого решающего боя».

Александр помолчал и спросил, загораясь гневом:

«Так вы воевали с персами двести лет назад, когда убили их царя Кира?»

«Я не знаю. Если ты сам думаешь так, тем лучше»,— гордо ответил массагет.

Александр пристально разглядывал скифа и наконец сказал, обращаясь к окружавшим его военачальникам:

«Он умен и смел и потому очень опасен! Но он — дитя! Кто же раскрывает опасную тайну, стоя связанным перед победителем? Убейте его, и без промедления!»

— И убили?— тихо спросила Таис.

— Тут же!— ответил Леонтиск.

Долгое время они ехали в молчании. Изредка Таис оглядывалась на Эрис, мерно покачивающуюся на иноходце в стороне от воинов, которых она дичилась. Природа покровительствовала любимице Афродиты. К полудню небо закрылось туманной мглой, не сулившей дождя и не позволившей солнцу свирепствовать и наказать путников за поздний выезд.

В зеленой травянистой долинке, в тринадцати парасангах от переправы, для Таис был поставлен легкий шатер. Воины, расседлав и стреножив лошадей, устроились как попало, разостлав свои хламиды прямо на земле, не боясь скорпионов и больших прыгающих пауков-фаланг, внушавших Таис омерзение и в Элладе, где они куда мельче.

Укрывшись в шатре, гетера принялась разминаться от долгого перехода. От тряской рыси Салмаах у нее заболели отвыкшие от напряжения ноги. Вошла Эрис, неся воду для омовения. Она держалась так прямо, что напомнила Таис девушек на Празднике Кувшинов, справлявшемся в Афинах на второй день Антестериона — Празднества Цветов. Чуткая афинянка заподозрила неладное, велела Эрис раздеться и ахнула. Нежная кожа на внутренних сторонах бедер вздулась и покрылась ссадинами, икры и колени распухли, а большие пальцы ног кровоточили, стертые о потник. Девушка едва держалась на ногах. Только уступая категорическому приказу хозяйки, она отдала сосуд с водой и опустилась на расстеленный для нее самой ковер.

— Не бойся, госпожа, спина лошади невредима!

— Зато ты искалечилась,— сердито сказала Таис и вышла, чтобы найти среди вещей лекарства и ткань для повязок. Целебная египетская мазь уничтожила боль. Эрис уснула почти мгновенно. Таис вымылась и, освеженная, пошла к небольшому костерку, где уже расселись Леонтиск с лохагосом и старшим из десятников в ожидании шипевшего на угольях жаркого. По ее просьбе привели Боанергоса. Тессалийцы тщательно обследовали спину коня. Эрис сдержала слово, однако для Таис стало очевидным, что вто-

рой половины пути девушка не вынесет или, принимая во внимание ее огромную физическую и духовную крепость, выдержит, но повредит драгоценную лошадь. Гетера решила устроить Эрис на одну из повозок, которые должны были догнать отряд ночью. Когда афинянка вошла в свою палатку, Эрис очнулась. Таис объявила, что ее повезут отсюда вместе с За-Ашт. Черная жрица ничего не ответила, но отказалась от пищи. Гетера уснула крепко и беззаботно, как давно уже не спала. Ее разбудил Леонтиск, позвавший к утренней еде — куску соленого сирийского сыра и горсти очень вкусных, почти черных фиников. Лошади стояли поодаль, уже взнузданные и покрытые потниками. У повозок люди еще спали, и Таис не стала будить финикиянку. Поискав глазами Эрис и не найдя ее ни у лошадей, ни у повозок, она недоуменно спросила Леонтиска — не видел ли он ее рабыни. За начальника конницы ответил лохагос, чему-то улыбнувшийся:

— Эта черная сказала, чтобы я не тревожил тебя раньше времени. Она просит тебя простить ее, но она не вынесет позора: ехать на повозке вместе с финикиянкой!

— Так что же она сделала?— встревожилась Таис.

— Не беспокойся за нее, госпожа. С такой фармакис (колдуньей) ничего не случится. Просто она убежала вперед и сейчас уже далеко.

— Когда она сказала тебе?

— За полсмены первой ночной стражи. Примерно шесть часов тому назад.

— Артемис агротера! Одна ночью на безлюдной тропе, среди шакалов и гиен. К тому же совсем разбитая дневной ездой?!

— Ничего не случится с твоей черной! Как пустилась она бежать! Я смотрел ей вслед — бежит не хуже иной лошади!

Леонтиск принялся хохотать. Таис озабоченно покусывала губы, крепилась и вдруг тоже облегченно прыснула, почему-то уверенная, что приключения Эрис кончатся хорошо.

И действительно, они нагнали беглянку всего в двух парасангах от конечной цели путешествия. С низкого увала, откуда начинался спуск в широкую долину притока Евфрата, Таис увидела вдали бегущую Эрис. Белый хитониск выше колен — ее единственное одеяние — развевался попутным ветром, замотанная черной тканью голова гордо поднята. Черная жрица плавно покачивалась, и видно было, что она знает приемы ровного, продолжительного бега.

Таис пожалела, что не увидела, как она бежала ночью, под поздней луной, подобная бесстрашной богине, самой Артемис. Слегка суеверное отношение к своей новой служанке овладевало гетерой.

Таис с Леонтиском быстро догнали Эрис и велели сесть на Боанергоса. За ночь и полдня Эрис пробежала около четырнадцати парасангов, и, странное дело, ее вчерашние раны закрылись и были почти незаметны. Она успела отдохнуть около четырех часов под кустом тамариска, пока ее догнали всадники, и только истертые сандалии показывали, какой путь она преодолела.

Таис так обрадовалась, что обняла черную жрицу, которая не ответила на ласку, только странная дрожь пробежала по всему ее крепкому, разгоряченному телу.

В назначенном месте лодки ожидали всадников. «Какие это лодки — целые корабли!— подумала Таис.— Неуклюжие плоскодонные сооружения». В самую большую из лодок свободно помещалось двенадцать лошадей. Леонтиск решил взять с собой своих коней и конвой с лошадьми. Лохагос с остальными всадниками поехал налегке берегом, к большой радости сурового сотника, которому надоела опека над ранеными. На носовом помосте передовой лодки поставили рядом легкие навесы для Леонтиска и Таис.

— Нельзя ли устроить твою богиню раздора подальше?— смешливо спросил Леонтиск, обнимая за талию афинянку, следившую за погрузкой своих лошадей.

— Нельзя! Она не пойдет на корму, где конюхи и лодочники.

— А если я захочу поцеловать тебя? Она убьет?

— А ты потихоньку,— посоветовала Таис.

Три дня лодки шли мимо сплошных садов, широко окаймлявших берега реки. Но сады самого Вавилона вскружили голову даже испытанным ветеранам. Деревья взбегали на крыши целых кварталов и высоко поднятые над рекой улицы и площади. Знаменитые висячие сады Семирамис!

Леонтиск приказал выгрузиться на торговой пристани вне пяти рядов городских стен. Застоявшиеся в лодках кони нетерпеливо били копытами, требуя проездки, и афинянка с тессалийцем проскакали около парасанга, пока их лошади успокоились настолько, чтобы идти шагом по переполненным народом улицам.

Они въехали в город по Аккадской дороге через двойные ворота Иштар (гетера увидела в этом счастливое

предзнаменование), башни которых были сплошь облицованы синими изразцами. Изображения драконов, чередовавшиеся с изображениями длинноногих диких быков из желтого и белого кафеля, украшали блестевшую на солнце синюю гладь. Прямая Дорога Процессий из белых и красных плит, шириной в пятнадцать локтей, шла к Эсагиле, бывшему священному внутреннему городу, где помещался громадный храм Мардука — главного бога Вавилона. От Таис храм закрывала гигантская башня Этеменанки, сильно поврежденная временем, но все еще знаменитая на всю Ойкумену, из семи разноцветных ступеней, увенчанная маленьким синим храмом. Она господствовала над всем городом, как бы напоминая каждому жителю, что недремлющее око бога смотрит на него с высоты в двести локтей.

Направо располагался обширный дворец, ныне никем не занятый и развалившийся, дальше за стенами — второй дворец, а слева — маленькие сады Семирамис на высоких арках, такие же ступенчатые, как почти все постройки Вавилона. Удивляло обилие зелени в удаленности от реки. У южной стены дворца протекал глубокий канал, но, чтобы поливать высоко расположенные сады старого города, нужны были тысячи и тысячи рабов. Похоже на Египет. Однако там старые насаждения у заупокойных храмов царей и древних дворцов давно погибли под песком. Лишь у больших и богатых храмов, владевших множеством рабов, остались большие сады на недоступных разливу высотах, все остальное зеленое убранство египетских городов произрастало в низинах, на уровне Нила. Здесь, в Вавилоне, еще сохранялось древнее устройство, может быть, из-за тесной собранности города, не в пример Египту. Во всяком случае, башня Этеменанки произвела на гетеру куда большее впечатление, нежели сады легендарной царицы.

Посланный вперед конник вернулся на взмыленной лошади с известием, что Птолемей отправился в Сузу, а главные военачальники разместились во дворцах Старого Города. Леонтиск обрадовался. Таис обещала ему устроить маленький симпоспон — отпраздновать окончание длинного пути.

Дорога Процессий заполнилась тессалийцами, встречавшими своего начальника. В их толпе Таис и Леонтиск поехали дальше, миновали большую синюю стену, украшенную глазурованными рельефами львов с белыми и красными гривами, пересекли несколько шумных улиц и, повернув направо, через священный город снова выехали к берегу Евфрата.

Здесь был наплавной мост, соединявший Старый Город, восточную половину Вавилона, и западную — Новый Город, с меньшим количеством храмов, внутренних стен и укреплений, еще более зеленый. В его северной части, между воротами Лугальгиры и рекой, нашелся прекрасный домик в тенистом саду, приютивший Таис. Вскоре прибыла Эрис со всеми вещами, а немного позднее явилась и За-Ашт. Таис с ее умением устраиваться быстро нашла хорошего конюха (садовник жил при доме), рабыню, умеющую приготовить блюда, приятные на эллинский вкус, и вечером танцевала для своих тессалийцев на импровизированном симпосионе.

Молва о появлении в Вавилоне знаменитой афинской гетеры разнеслась молниеносно. Дом близ Лугальгиры стал осаждаться любопытными, будто и не было войны, словно в городе и не находилась чужая победоносная армия. Леонтиску пришлось прислать воинов для охраны ворот от назойливых вавилонян. Рассказы о военном могуществе македонцев и непобедимости божественного Александра распространялись все дальше. Суза, куда отправился Птолемей, и даже находившаяся вдали, на севере, Экбатана — летняя резиденция персидских царей и одна из главных сокровищниц — изъявили покорность, сдавшись без боя и вручив все ключи посланцам Александра.

Несмотря на осень, жара приносилась к Вавилону ветрами из необъятных просторов Персии и каменистых плоскогорий Сирии, Элама и Красноморских пустынь. Ночи тонули во влажной духоте. Но особенно утомляла Таис скрытая вражда между служанками — ей всегда хотелось мира и покоя в своем доме. Хорошо еще, что финикиянка отчаянно боялась «колдуньи» и не смела выказывать своей дикой ревности открыто.

Постепенно рабыни разделили обязанности. К большой радости За-Ашт, Эрис уступила ей непосредственный уход за Таис, взяв на себя наблюдение за домом, лошадьми и охрану госпожи. Последнее, несмотря на протесты Таис, она считала своим первейшим долгом.

Финикиянка призналась, что Ликофон, молодой воин из отряда Леонтиска, хочет выкупить ее у госпожи, как только окончится война и он поедет на родину. Тогда они вступят в брак. Таис усомнилась — есть ли эпигамия между Финикией и Тессалией, и с удивлением узнала о распространении законности брака на всю новую империю Александра и союз эллинских государств-полисов. Великий

полководец продолжал именовать себя их верховным стратегом, фактически царствуя.

— Ты мечтаешь уйти от меня,— полушутливо укоряла Таис свою рабыню,— а почему-то злишься на Эрис?!

— Я никогда бы не рассталась с тобой, госпожа, но Ликофон прекрасен и полюбил меня. И ты всегда отпускала своих рабынь для замужества...

— Отпускала,— согласилась Таис, слегка хмурясь,— Афродита не позволяет мне удерживать их. А жаль — ведь я тоже привыкаю и привязываюсь!

— И ко мне, госпожа?— внезапно спросила Эрис, перебирая цветы, только что принесенные садовником.

— И к тебе, Эрис.

Синие глаза под мрачными бровями вдруг осветились. Необычное выражение совершенно изменило лицо черной жрицы, промелькнуло и исчезло.

— И ты тоже покинешь меня для любви и семьи!— улыбнулась Таис, желая поддразнить странную рабыню.

— Нет,— равнодушно ответила Эрис,— мужчины мне надоели в храме. Единственное, что есть у меня на свете,— ты, госпожа. Бегать за любовью, как За-Ашт, я никогда не буду.

— Слыхала такие речи!— сверкнула черными глазами финикиянка.

Эрис величественно пожала плечами и удалилась.

В одну из особенно жарких ночей Таис захотела поплавать в Евфрате. От сада, через узкий проулок между глухих глинобитных стен, тропинка вела к маленькой пристани. Таис ходила туда в сопровождении Эрис, но настрого запретила ей купаться вместе с ней: дочь южной страны могла жестоко простудиться. Эрис, поплескавшись чуть, послушно вылезала и терпеливо ждала хозяйку в ночной тишине спящего города, нарушаемой лишь лаем собак да взрывами шумных голосов какой-нибудь веселой компании, отчетливо доносившимися во влажном речном воздухе.

Когда чуть-чуть прохладная вода снимала одурь жаркой ночи, Таис чувствовала возвращение обычной для нее энергии. Тогда она плыла, борясь с течением, к Старому Городу, выбиралась на ступени какого-нибудь забытого храма или маленького дворца и сидела, наслаждаясь одиночеством, надежно укрытая тьмой глухой безлунной ночи. Думала об Александре, живущем где-то поблизости, в южном дворце Старого Города, о Птолемее, может быть в этот момент мирно спавшем в пути. Три тысячи стадий

песков и болот отделяло загадочную Сузу от Вавилона. Птолемей должен скоро явиться. Таис узнала от Леонтиска, что отдан приказ готовиться к выступлению всей армией неизвестно куда.

Афинянка мечтала подробнее познакомиться с Вавилоном — древнейшим городом, столь непохожим на Афины и на Мемфис. Скоро уйдет на восток армия, а с ней и воины, которые переполняют сейчас Вавилон, приветствуют ее на каждом шагу, узнавая приятельницу своего вождя, подругу Птолемея, любимую «богиню» Леонтиска. Всего на второй день ее приезда в Вавилон, когда Таис шла по Дороге Процессий к храму Иштар, навстречу попался отряд аргироаспидов — Серебряных щитов. Начальник узнал афинянку, впрочем, ее запомнили и другие воины еще в стане Александра под Тиром. Таис не успела опомниться, как ее окружили, подняли на сомкнутые щиты и, расталкивая толпу, к изумлению вавилонян, с торжеством понесли по Дороге Процессий к храму. В погоню устремилась встревоженная Эрис. Под пение хвалебного гимна Харитам хохочущую Таис принесли ко входу в святилище Иштар и отпустили прежде, чем перепуганные служительницы богини успели захлопнуть решетку.

Естественно, из посещения храма ничего не вышло. Гетера гадала, не разгневалась ли богиня?

На следующий день она пыталась жертвой и молитвой убедить богиню, что вовсе не смеет соперничать с нею, а поклонение мужей в обычае Эллады, где женская красота ценится превыше всего на свете... «Холмную Фтию Эллады, славную жен красотою»,— вспомнился ей милый распев поэмы тогда, в безмерно далеких Афинах...

Аргест, восточный ветер, пронесся над крышами Старого Города. Зашумели прибрежные аллеи, чуть слышно заплескалась вода на нижней ступеньке лестницы. Таис бросилась в темную воду ночной реки. Внезапно она услыхала мерные четкие всплески сильного и умеющего хорошо плавать человека. Гетера нырнула, рассчитывая под водой выйти на середину стрежня и, миновав его, вторым нырком уйти в заводь, где находилась тростниковая пристань и ждала ее терпеливая, как хищник, Эрис. В глубине вода оказалась прохладнее. Таис проплыла меньше, чем думала, поднялась на поверхность и услышала негромкое: «Остановись, кто ты?», сказанное с такой повелительной силой, что афинянка замерла. Голос как будто негромкий, но глубокий и могучий, словно приглушенный рык льва. Не может быть!

— Что ты молчишь? Не вздумай нырять еще раз!

— Ты ли это, царь? Ты ночью один в реке? Это опасно!

— А тебе не опасно, бесстрашная афинянка?— сказал Александр.

— Кому я нужна? Кто будет искать меня в реке?

— В реке ты не нужна никому, это верно!— рассмеялся великий македонец.— Плыви сюда. Неужели только мы с тобой изобрели этот способ отдыха? Похоже!

— Может быть, другие просто хуже плавают,— сказала Таис, приближаясь на голос царя,— или боятся демонов ночи в чужой стране.

— Вавилон был городом древнего волшебства задолго до персидских царей,— Александр протянул руку и дотронулся до прохладного плеча гетеры,— в последний раз я видел тебя нагой лишь на симпосионе, где ты поразила всех амазонским танцем.

Таис перевернулась на спину и долго смотрела на царя, едва пошевеливая раскинутыми руками и забросив на грудь массу тяжелых, будто водоросли, черных волос. Александр положил на нее ладонь, источавшую теплую силу.

— Отпусти себя хоть раз на свободу, царь,— помолчав, сказала Таис, в то время как течение реки сносило их к мосту.

— С тобой?— быстро спросил Александр.

— И только со мной. После поймешь почему...

— Ты умеешь зажигать любопытство,— ответил завоеватель Азии с поцелуем, от которого оба ушли под воду.

— Плывем ко мне!— приказал Александр.

— Нет, царь! Ко мне! Я — женщина и должна встретить тебя убранной и причесанной. Кроме того, за тобой во дворце слишком много глаз, не всегда добрых. А у меня — тайна!

— И ты сама — тайна, афинянка! Так часто оказываешься ты права, будто ты мудрая пифия, а не покорительница мужчин!

Они вовремя отвернули от течения, несшего их на наплавной мост, и приплыли в тихую заводь, где Эрис, мечтавшая, глядя на звезды, вскочила с шипением и быстротой дикой кошки.

— Эрис, это сам царь-победитель!— быстро сказала гетера. Девушка опустилась на колени в почтительном поклоне.

Александр отказался от предложенной накидки, пошел через проулок и сад не одеваясь и вступил в слабо осве-

щенную переднюю комнату во всем великолепии своего могучего тела, подобный Ахиллу или иному прекрасному герою древности. Вдоль стен здесь по вавилонскому обычаю были пристроены удобные лежанки. Таис приказала обеим служанкам вытереть, умастить и причесать царя, что и было выполнено с волнением. Афинянка удалилась в свою спальню, бросила на широкое ложе самое драгоценное покрывало из мягкой голубой шерсти таврских коз и скоро явилась к царю во всем блеске своей удивительной красоты — в прозрачном голубом хитоне, с бирюзовым венчиком-стефане в высоко зачесанных волосах, в берилловом ожерелье храма Кибелы.

Александр привстал, отстраняя За-Ашт. Гетера подала обеим рабыням знак удалиться.

— Ты хочешь есть?— спросила она, опускаясь на толстый ковер. Александр отказался. Таис принесла вычурную персидскую чашу с вином, разбавила водой и налила два походных потериона из зеленого кипрского стекла. Александр со свойственной ему быстротой поднял кубок, чуть сплеснув.

— Афродите!— тихо сказал он.

— Подожди, царь, одно мгновение!— Таис взяла с подноса флакон с пробкой из розового турмалина, украшенный звездой,— это мне,— шепнула она, отливая три капли в свое вино,— а это тебе — четыре...

— Что это?— без опаски, с любопытством спросил македонец.

— Дар Матери Богов. Она поможет тебе забыть на сегодня, что ты царь — владыка и победитель народов, снимет бремя, которое ты несешь с той поры, как снял щит Ахилла в Трое!

Александр пристально посмотрел на Таис, она улыбнулась ему с тем неуловимым оттенком превосходства, который всегда привлекал царя. Он поднял тяжелый стеклянный сосуд и без колебаний осушил жгучее и терпкое питье. Таис налила еще, и они выпили во второй раз.

— Отдохни немного!— Таис повела Александра во внутреннюю комнату, и он растянулся на необычной для женщины постели, с тюфяком, сшитым из шкур леопардов.

Таис села рядом, положив горячую ладонь на его плечо. Оба молчали, чувствуя неодолимость Анапки (судьбы), привлекавшей их друг к другу.

Таис испытала знакомое ей ощущение пламени, бегущего вверх по ее спине, растекающегося по груди и живо-

ту. Да, это было то страшное зелье Реи-Кибелы! На этот раз она не испугалась.

Стук собственного сердца отозвался в голове гетеры ударами дионисийских бубнов. Ее сознание начало раздваиваться, выпуская на свободу иную Таис, не человеческое существо, а первобытную силу, отдельную и в то же время непостижимо слитую со всеми, до крайности обостренными чувствами. Таис, застонав, выгнулась дугой и была подхвачена мощными руками Александра...

Сквозь глухое покрывало сна Таис слышала неясный шум, сдержанные восклицания, удаленный стук. Медленно приподнялся на локте, открывая глаза, Александр. Голоса слышались все громче. Леонтиск, Гефестион, Черный Клейт — гетера узнала их всех. Друзья и охранители царя замерли на пороге, не смея войти в дом.

— Гефестион!— зычно позвал вдруг Александр.— Скажи всем, чтобы шли к воронам*. И ты тоже! Не сметь тревожить меня, хотя бы Дарий шел к городу!

Торопливые шаги по лестнице были ответом.

Великий полководец опомнился лишь поздно вечером. Он потянулся, глубоко вздохнув, потряс головой. Таис выскочила из комнаты и вернулась с охапкой одежды, которую молча положила перед царем.

— Моя!— с удивлением воскликнул Александр.— Кто привез?

— Они!— коротко ответила Таис, молчаливая и сосредоточенная, подразумевая примчавшихся на взмыленных конях друзей македонца, носившихся по всему городу в поисках своего царя.

Эрис и За-Ашт успели рассказать ей о страшном переполохе, поднявшемся поутру, когда Александр не вернулся с купания.

— Как же сумели разыскать меня тут?— недоумевал Александр.

— Это Леонтиск догадался. Он знал, что я купаюсь по ночам в Евфрате, услыхал, что ты тоже плаваешь в реке...

Александр негромко рассмеялся.

— Ты опасна, афинянка. Твое имя и смерть начинаются с одной и той же буквы. Я чувствовал, как легко умереть в твоих объятиях. И сейчас я весь очень легкий и как будто прозрачный, без желаний и забот. Может быть, я — уже тень Аида?

---

* К черту! —

Таис подняла тяжелую руку царя и прижала к своей груди.

— О нет, в тебе еще много плоти и силы!— ответила она, опускаясь на пол к его ногам.

Александр долго смотрел на нее и наконец сказал:

— Ты — как я на поле битвы. Та же священная сила богов наполняет тебя. Божественное безумие усилий. В тебе нет начала осторожности, сберегающего жизнь...

— Только для тебя, царь!

— Тем хуже. Я не могу. Один раз я позволил себе побыть с тобой, и сутки вырваны из моей жизни начисто!..

— Я понимаю, не говори ничего, милый,— впервые Таис назвала так царя,— бремя Ахиллова щита!

— Да! Бремя задумавшего познать пределы Ойкумены!

— Помню и это,— печально сказала Таис,— я больше не позову тебя, хоть и буду здесь. Только и ты тоже не зови. Цепи Эроса для женщины куются быстрее и держат крепче. Обещаешь?

Александр встал и, как пушинку, поднял Таис. Прижав к широкой груди, он долго держал ее, потом вдруг бросил на ложе. Таис села и, опустив голову, стала заплетать перепутавшиеся косы. Внезапно Александр нагнулся и поднял с ложа золотую цепочку со звездой и буквой «мю» в центре.

— Отдай мне на память о том, что случилось,— попросил царь. Гетера взяла свой поясок, задумалась, затем, поцеловав украшение, протянула Александру.

— Я прикажу лучшим ювелирам Вавилона в два дня сделать тебе другую. Из драгоценного красного золота со звездой о четырнадцати лучах и буквой «кси».

— Почему «кси»?— недоумевающе вскинулись длинные ресницы Таис.

— Запомни. Никто не объяснит тебе, кроме меня. Древнее имя реки, в который мы встретились,— Ксаранд. В эросе ты подобна мечу — ксифосу. Но быть с тобой мужу — эпи ксирон эхестай, как на лезвии бритвы. И третье: «кси»— четырнадцатая буква в алфавите...

Глаза афинянки опустились под долгим взглядом царя, а побледневшие щеки залились краской.

— Посейдон-земледержец! Как я хочу есть!— сказал вдруг Александр, с улыбкой глядя на притихшую гетеру.

— Так идем, все готово!— встрепенулась афинянка.— Потом я провожу тебя до южного дворца. Ты поедешь на Боанергосе, я — на Салмаах...

— Не надо. Пусть едет со мной один из твоих стражей — тессалийцев.

— Как тебе угодно!..

...Уединившись в своей спальне, Таис вышла лишь к вечеру и приказала Эрис принести киуры из запасов, которые они сделали с незабвенной Эгесихорой еще в Спарте.

Эрис протянула руку и слегка коснулась горячими пальцами запястья афинянки.

— Не трави себя, госпожа,— сказала черная жрица.

— Что ты знаешь об этом?— грустно и убежденно ответила гетера.— Когда бывает так, то Гея неумолима. А я не имею права позволить себе иметь дитя от будущего владыки Ойкумены.

— Почему, госпожа?

— Кто я, чтобы родившийся от меня сын стал наследником великой империи? Кроме плена и ранней смерти, он ничего не получит от судьбы, игравшей всеми, кто таит думы о будущем, все равно — темные или светлые.

— А девочка?

— Нельзя, чтобы божественная кровь Александра испытала жестокую судьбу женщины!

— Но дочь должна быть прекрасной, как сама Афродита!

— Тем хуже для нее.

— Не опасайся, госпожа,— меняя тон, твердо сказала Эрис,— у тебя ничего не будет. И не пей киуры.

— Как ты можешь знать?

— Могу и знаю. Все мы посвящены в древнее знание Кибелы о тайне влияния луны на человека. От нее зависит все в женском теле. У тебя ничего не будет — ты встретилась с царем как раз в такое время, когда все позволено.

— Почему же мы, обучаемые всей мудрости женского искусства, не знаем этого?— изумленная Таис даже привскочила.

— Потому что знание это тайное. Нельзя освободить женщину от власти Геи-Кибелы, иначе прекратится род человеческий.

— Может быть, ты откроешь мне эту тайну?

— Тебе можно. Ты служишь другой богине, но цели ее те же, что у Великой Матери. Однако, пока я с тобой, я всегда скажу тебе, какие дни будут без последствий.

— Пока ты со мною. Но когда тебя не будет...

— Я буду с тобой до смерти, госпожа. Умирая, расскажу тебе все...

— Кто это собирается умирать?— прозвенел веселый голос.

Таис, взвизгнув от радости, бросилась навстречу Гесионе. Женщины обнялись и долго не отнимали рук. Каждая ждала этой встречи, после того как разошлись в противоположные стороны пути всадницы Таис и морехода Гесионы.

Афинянка потащила подругу на солнечный свет веранды.

«Рожденная змеей», как некогда прозвала ее ревнивая Клонария, очень похудела, лицо и руки ее обветрились, она остригла волосы, как наказанная за неверность жена или беглая рабыня.

— На кого ты стала похожа!— воскликнула Таис.— Неарх возьмет другую, здесь, в Вавилоне, полно обольстительниц.

— Не возьмет,— с такой уверенностью и спокойствием ответила фиванка, что гетера почувствовала: действительно не возьмет.

— Надолго?— спросила Таис, ласково гладя загрубевшую руку подруги.

— Надолго! Неарх после победы у Гавгамелы устроит здесь верфь и стоянку кораблей. Будет плавать к Арабии, но ненадолго и без меня. Как хорошо, звезда моя! Победа, окончательная!

— Не все так. Не все еще кончено с Персией. А потом, насколько я понимаю Александра, предстоит еще долгий поход до края Ойкумены. Мы-то с тобой не пойдем туда, останемся где-нибудь здесь...

— Мне Вавилон не нравится! Обветшалый город былой славы... А мне еще не нашли здесь жилья!

— С Неархом?

— Неарх будет жить около кораблей, приезжая сюда.

— Тогда поселись у меня. Места достаточно.

— Таис, филэ, лучшее, о чем я могла думать,— найти тебя и жить с тобой!.. У меня пока нет и городской служанки.

— Найдется. У меня они тоже не вавилонские, а издалека.

— Очень интересна эта, черная. Как ее зовут?

— Эрис.

— Жуткое имя: богиня раздора из темного мира.

— У них у всех такие имена. Она ведь бывшая жрица, как и ты, только павшая, а не плененная. Служила куда

более грозной Матери Богов. Я расскажу тебе о ней потом, сначала мне надо узнать о вашем плавании.

— Хорошо. Знаешь, у Эрис странные глаза.

— А, ты заметила!

— Мне показалось, что в ней вся женская глубина, темная, как в мифической древности, и в то же время жадная к новому и прекрасному.

— Но довольно о рабыне, рассказывай о себе.

Повествование Гесионы не затянулась. Все было куда проще, чем у Таис. Вначале она сопутствовала Неарху до верхнего течения Евфрата, где были спешно устроены заготовки леса для кораблей. Затем они объехали несколько городов Сирии, где можно было найти запасы сухого, выдержанного дерева. Бесчисленные обозы свозили дерево к «царской дороге», а потом по реке его сплавляли до нижней переправы через Евфрат. Там Неарх устроил верфи для боевых судов.

— Подумать только! Я проплывала мимо них ночью,— воскликнула Таис,— и не подумала о тебе!

— А меня и не было там. После вести о великой победе Неарх поплыл вниз, и мы с ним побывали у самого слияния обеих рек, там, где болота занимают громадное пространство. Туда, наверное, придется ехать еще раз, а это очень плохое место...

— Кто же направил тебя сюда, в Лугальгиру?

— Твой герой — тессалиец Леонтиск. Как он влюблен в тебя, милая Таис!

— Знаю и не могу ответить ему тем же. Но он согласен на все, лишь бы быть около меня.

— На эти условия согласятся еще тысячи мужчин. Ты все хорошеешь и, пожалуй, никогда еще не была столь красива.

К великому удивлению Гесионы, Таис разрыдалась.

В большом тронном зале Южного дворца из темно-синих глазурованных кирпичей с орнаментом в виде желтых столбиков Александр председательствовал на совете военачальников. Только что прибывший Птолемей, едва успев смыть пот и пыль знойной дороги, доложил о сокровищах, захваченных в сдавшейся без боя Сузе. Помимо серебра, золота, драгоценного вооружения в Сузе хранились статуи, вывезенные Ксерксом из разграбленной им Эллады, и особенно афинская бронзовая группа тираноубийц Гармодия и Аристогейтона. Александр велел немедленно отпра-

вить скульптуру в Афины. Эта пара мощных воинов, делающих совместный шаг вперед, подняв мечи, на тысячелетия вперед будет вдохновлять скульпторов, как символ боевого братства и вдохновенной целеустремленности.

Птолемей оставил сокровища на месте под охраной всего своего отряда, слишком малочисленного, чтобы сражаться в открытой степи, но достаточного, чтобы защитить добычу в укрепленном городе. Пятьдесят тысяч талантов лежало в Сузе — столько серебра рудники на родине Александра могли добыть разве за полвека. Но, по сведениям персов, главная газафилакия — казна персидской державы — собрана в области Парсы, в столице царей Ахеменидов, названной греческими географами Персеполисом. Больших скоплений войск в Парсе нет, Дарий пока находится на севере.

Александр действовал, как всегда, молниеносно. В семидневный срок он приказал собраться лучшим отрядам конницы, а пехоте через три дня выступать на Сузу. Обозы с продовольствием отправить немедленно. Главные силы и весь обоз под командой Пармения должны были идти следом, не спеша. По уверению вавилонян, жара спадет через несколько дней. В долинах Сузы и Парсы прохладная зима — лучшее время походов. Корма для коней и воды везде вдоволь. Александр настрого приказал оставить в Вавилоне всю многотысячную массу сопровождающих армию артистов, художников, женщин, слуг и торговцев. Никто не смел следовать за передовым отрядом. Только после выхода в путь главных сил и обозов Пармения неизбежные спутники войска получали право двигаться на Сузу и Персеполис.

После совещания Александр отправился в храм Мардука, где жрецы древних богов Вавилона устроили в его честь священное действо. Великий победитель сидел на почетном троне рядом с верховным жрецом, не старым еще человеком с длинной и узкой, тщательно ухоженной бородой.

Процессия жриц в красных одеяниях, настолько легких, что малейшее дуновение взвивало их наподобие вспышек прозрачного огня, несла на головах золотые сосуды, из которых струились столбики ароматных голубых дымков.

Александр выглядел усталым и мрачным. Верховный жрец поманил молодого служителя храма, хорошо говорившего на койне*, чтобы переводить.

* Греческий разговорный язык, употреблявшийся на всем Средиземноморье.

— Победитель царей, обрати благосклонный взор на ту, что идет впереди, неся серебряное зеркало. Это дочь знатнейшего рода, более благородного, чем Ахемениды. Она изображает Шаран — приближенную богини Иштар.

Александр еще раньше заметил высокую девушку с удивительно белой кожей и змеистыми тонкими черными косами почти до пят. Он кивнул жрецу, отвлекаясь от дум, и тот улыбнулся вкрадчиво и многозначительно.

— Скажи слово желания, о победитель и владыка! Она этой же ночью будет в час летучей мыши ожидать тебя на роскошном ложе славы Иштар в верхних комнатах храма. Тебя приведут...— жрец умолк, увидев отрицательный жест Александра.

— Неужели любовь благородной служительницы Иштар не привлекает тебя?— помолчав, сказал жрец, явно обманувшийся в своих чаяниях.

— Не привлекает!— ответил македонец.

— Прости, о владыка, если осмелюсь спросить запретное по неведению твоих божественных путей...— жрец умолк в нерешительности, и переводчик остановился, будто споткнувшись.

— Продолжай, я не наказываю за неудачные слова,— сказал Александр,— мы с тобой из разных народов, тем важнее понять друг друга.

— Говорят, единственная женщина, которую ты здесь избрал, это афинская блудница. Неужели ничего не значат для тебя знатность, целомудрие, освященное божеством?

— Та, о ком говоришь ты, не блудница в вашем понимании, то есть не доступная любому за определенную плату женщина. В Элладе все свободные женщины разделяются на жен, хозяек дома и матерей и, с другой стороны, на гетер — подруг. Гетеры знают много разных искусств: танца, умения одеться, развлечь разговором, стихами, могут руководить пирушкой-симпосионом. Гетеры окружены художниками и поэтами, черпающими вдохновение в их красоте. Иначе говоря, гетеры дают мужу возможность приобщиться к красоте жизни, стряхнуть с себя однообразие обычных дел.

— Но ведь они берут деньги и отдаются!

— И немалые деньги! Искусство и долгое обучение стоят много, врожденный талант — еще больше, и мы это хорошо понимаем. А в выборе мужчин гетера свободна. Может отдать себя за большую цену, может отказать, может не взять никакой цены. Во всяком случае, Таис нель-

зя заполучить на ложе так, как ты предлагаешь свою «целомудренную» Шаран.

Жрец быстро опустил глаза, чтобы не выдать вспышки гнева.

Разговор прервался, и Александр до конца действа-церемонии оставался таким же мрачным и безразличным, как и вначале.

Всю неделю Таис убеждала Птолемея взять ее в поход. Птолемей пугал гетеру невероятными опасностями пути через неведомые горы, населенные дикими племенами, трудностью непрерывного марша с излюбленной Александром быстротой. Все эти тяготы ни к чему: ведь она сможет поехать с удобствами в обозах Пармения. Таис считала, что хоть одна женщина-афинянка должна присутствовать при захвате священной и недоступной до сих пор столицы персов, тех самых, кто безнаказанно разорил Элладу и продал в рабство десятки тысяч ее дочерей. Мужи, они сами по себе и за себя, а из жен лишь она одна способна совершить этот поход, закалившись в пути и обладая великолепным конем.

— Для чего тогда ты подарил мне такого замечательного иноходца?— лукаво и задорно спрашивала она Птолемея.

— Не о том я мечтал!— сердился Птолемей.— Все получилось не так, не предвидится конца походу!

— Разве Александр не будет зимовать в теплой Парсе?

— Так ведь «зима» здесь всего два месяца!— ворчал Птолемей.

— Ты стал совсем несговорчивым. Скажи лучше, что боишься гнева Александра!

— Приятного мало, когда он приходит в ярость...

Таис задумалась и вдруг оживилась.

— Я поеду с тессалийской конницей. Там есть друзья, и они укроют меня от глаз Александра. А Леонтиск, их начальник, только воин, не полководец, и не боится ничего и никого! Решено: ты ничего не знаешь, а встречу с Александром в Персеполисе я беру на себя!..

Птолемей в конце концов согласился. Гораздо труднее было уговорить Эрис остаться без нее в Вавилоне. Помогла Гесиона. Две бывшие жрицы, должно быть, нашли что-то общее друг в друге. С помощью фиванки мрачное упорство Эрис было преодолено. Гесиона обещала приехать к подруге, если она останется в Персеполисе, и привезти с собой обеих рабынь и Салмаах. На сборы оставались счи-

танные дни, надо было предусмотреть многое. Она ничего бы не сумела, если б не Леонтиск и ее старый приятель лохагос, ныне вступивший в строй во главе своей сотни, именно той, с которой предстояло ехать Таис.

Прежде ускоренный поход такой дальности, наверное, устрашил бы ее. Но сейчас, проехав на своем иноходце еще большее расстояние, Таис ни на минуту не колебалась и ни о чем не тревожилась. И вот поздним осенним утром она поцеловалась с Гесионой, обняла безмолвную Эрис, и Боапергос, высоко расстилая по ветру черный хвост, понесся по пустынным улицам Вавилона — за воротами Ураша по дороге в Ниппур Таис должна была присоединиться к отряду тессалийцев...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РОК ПЕРСЕПОЛИСА

Суза, построенная на холмах, с центральной высокой частью наподобие афинского Акрополя, напомнила Таис о родине. Хотя бы один день подышать благословенным воздухом Эллады, взойти на мраморные лестницы храмов, укрыться от солнца в афинских галереях-стоях, продуваемых чистым дыханием моря! Еще больше напоминали о прошлом празднество и бег с факелами, разрешенные Александром, несмотря на его нетерпение двигаться дальше на юг, к Персеполису, где находилась главная казна персидской державы. Александру необходимо было прий-

ти к Персеполису раньше, чем Дарий успел бы собрать и подвести туда войска. И полководец показывал пример неутомимости и в седле, и в пешем походе, изредка покидая коня, чтобы пройти один-два парасанга рядом с пехотинцами.

Когда слева, на востоке, показались покрытые снегом горные пики, а долины стали более крутыми и изрезанными, македонцы столкнулись с яростным сопротивлением персидских войск. На перевале, с обеих сторон стесненном крутыми склонами, называемом Воротами Парсы, дорогу преградила наскоро возведенная, но крепкая каменная стена, которую оборонял большой отряд персов. Македонцы несколько раз пытались преодолеть ее, но были отбиты и имели немалые потери.

Тогда Александр отправил Филотаса и Кеноса с частью войска по нижней дороге, чтобы захватить переправу и навести мосты через реку Аракс — последнее крупное препятствие на подходе к Персеполису. А сам при дружеском содействии местных горных племен, которых он не тронул и даже простил им первое нападение на македонцев, прошел горными тропами с гетайрами, тессалийской конницей, агрианами и критскими лучниками в тыл отряду, оборонявшему Ворота Парсы. Атакованные с двух сторон персы разбежались. Путь к реке лежал открытым.

Таис вместе с двумя сотнями тессалийских конников оказалась в авангарде отряда Филотаса, который без остановки быстро продвигался по холмистой, выжженной солнцем местности, не встречая никого на своем пути.

Утром следующего дня, немного опередив своих, Таис и сопровождавшие ее два сотника поднялись на вершину большого пологого холма. Впереди открылась широкая равнина, границы ее пропадали в предрассветном сумраке; подул ветер, повеяло прохладой. Таис опустила поводья и повернула лицо к востоку, всматриваясь в светлеющую кромку горизонта. И вдруг ее спутников точно сдуло ветром. Они повернули назад, боевыми воплями призывая свой отряд, подтягивавшийся к подножию холма. Таис не сразу поняла причину тревоги, не сразу заметила лавину полуголых всадников, бешено мчавшихся навстречу по сумеречной долине. Их серые контуры казались волнами на реке среди клонящейся под ветром высокой сухой травы.

Страх закрался в мужественное сердце гетеры. Призрачная орда, молча несущаяся навстречу македонцам, как

будто выходцы из подземных далей Аида, воскрешенные колдовством здешних жрецов-магов!

Навстречу грозному потоку ринулись конники Александра. Дикий вой поднялся к небесам и отрезвил Таис. И как бы в ответ на крики из-за гор брызнули лучи рассвета, озаряя вполне реальное побоище. Тессалийцы бросились слева, отрезая орду от гор, справа ударили агриане, а в середину устремилась пехота с гигантскими — в четырнадцать локтей длины — копьями-сариссами. Бой окончился, как все схватки конных сил, очень быстро. С криками злобы и ужаса нападавшие, вернее, те, кто уцелел, повернули обратно. Македонцам досталось много превосходных, хотя и плохо объезженных, низийских лошадей.

Больше до самого Аракса никто не встретился на пути отряда. Мосты наводились с исключительным рвением. Все знали, что Александр не замедлит явиться, как только покончит с персидским отрядом на перевале.

Задержка оказалась продолжительней, чем ожидали Филотас и Кенос. Мосты были готовы, а войско с Александром не подходило. Как выяснилось, битва на горной дороге превратилась в массовое избиение. Гонимые беспощадными врагами, персы низвергались с крутых обрывов в загроможденные камнями русла речек. Некоторые сами бросались со скал, предпочитая вольную смерть рабству или мучительной гибели от мечей и копий.

Передовые отряды македонского войска во главе с Александром подошли к реке только в полночь.

Александр не ожидал столь упорного сопротивления персов и был в ярости. Однако, увидев, что все приготовлено к переправе, у мостов горят факелы, а передовой отряд стоит на том берегу, ожидая приказаний, Александр смягчился. Он велел гетайрам, тессалийцам и агрианам немедленно переправляться на другой берег. А сам выехал на верном Букефале (он не сражался на нем в горном проходе, а брал более легкую, привыкшую к крутым горам лошадь) на высокий берег Аракса, чтобы проследить за переправой и построением отрядов. Внимание Александра привлек закутанный в плащ всадник маленького роста на длиннохвостом и долгогривом коне: он так же, как и царь, следил за переходившими мосты воинами, одинокий и неподвижный. Александр по всегдашнему своему любопытству подъехал к всаднику, властно спросил:

— Кто ты?

Всадник откинул плащ, открыв закрученные вокруг

головы черные косы,— это была женщина. Александр с удивлением стал всматриваться в ее плохо различимое в темноте лицо, стараясь угадать, что это за женщина могла очутиться здесь, в пяти тысячах стадий от Вавилона и трех тысячах от Сузы?

— Ты не узнал меня, царь?

— Таис!— вне себя от удивления воскликнул Александр.— Как! Я же приказал всем женщинам остаться в Вавилоне!

— Всем женщинам, но не мне, я твоя гостья, царь! Ты забыл, что трижды приглашал меня: в Афинах, в Египте и Тире?

Александр промолчал. Поняв его, афинянка добавила:

— Не думай обо мне плохо. Я не желаю пользоваться нашей встречей на Евфрате и не бегу за тобой, чтобы вымолить какую-нибудь милость.

— Тогда зачем же ты пустилась в столь трудный и опасный путь?

— Прости, царь! Мне хотелось, чтобы хоть одна эллинская женщина вошла в сердце Персии наравне с победоносными воинами, а не влачась в обозах среди добычи, запасов и рабов. У меня великолепный конь, ты знаешь, я хорошо езжу. Пойми меня: я здесь только с этой целью!

Не видя лица Александра, Таис ощутила перемену его настроения. Ей показалось, что царь улыбается.

— Что же, гостья,— совсем иным тоном сказал он,— поедем, пора!

Букефал и Боанергос спустились с откоса. До рассвета Таис ехала около Александра, пустившего Букефала широкой рысью, пренебрегая усталостью своих воинов, считавших, что божественный полководец не поддается человеческой слабости.

Горы понижались от реки и на юго-востоке переходили в широкую равнину. Легендарная Парса ложилась под копыта македонской конницы. Леофорос — так звали эллины удобную дорогу, приспособленную для тяжелых повозок,— вел к заветному Персеполису, самой большой газафилакии, сокровищнице Персии, священному месту коронаций и тронных приемов Ахемепидской династии.

На рассвете в нескольких часах пути от Персеполиса македонцы увидели на дороге огромную толпу. Пожилые люди с зелеными ветками — в знак мира и преклонения — шли им навстречу. Это были эллины, захваченные в плен или уведенные обманом для работы в столице Персии. Искусные ремесленники и художники, они все без исклю-

чения были жестоко и намеренно искалечены: у кого отрублены ступни, у других кисти левых рук, у третьих обрезаны носы или уши. Калечили людей с расчетом, чтобы они могли выполнять работу по своему умению, но не могли бежать на родину в столь жалком или устрашающем виде.

У Александра навернулись слезы негодования. А когда калеки, упав перед его конем, стали просить о помощи, Александр спешился. Подозвав к себе нескольких безносых предводителей толпы, он сказал, что поможет им возвратиться домой. Вожаки посоветовались и, вновь подойдя к терпеливо ожидавшему их Александру, стали просить о позволении не возвращаться на родину, где они будут предметом насмешек и жалости, а поселиться всем вместе по их выбору. Александр одобрил их решение, велел им идти навстречу главным обозам Пармения и далее в Сузу, где каждому выдадут по три тысячи драхм, по пяти одежд, по две запряжки волов, по пятьдесят овец и пятьдесят мер пшеницы. Со счастливыми криками, славя царя, калеки двинулись дальше. Александр понесся к самому ненавистному городу Азии, как он назвал Персеполис.

К Александру и Таис, которая ехала чуть приотстав, потрясенная увиденным, подъехал взволнованный Птолемей.

— Я сосчитал их,— сказал он,— около тысячи человек! Изуродовать такую массу людей, искусных мастеров, зачем? Как это они могли?

— А как персы могли разрушить прекрасные Афины — храмы, стои, фонтаны. Зачем?— спросила в свою очередь Таис.

Александр искоса глянул на Птолемея.

— Что тут ответит мой лучший наблюдатель стран и государств?

— Очень просто, великий царь!

Непривычное титулование не ускользнуло от гетеры.

— Очень просто,— повторил Птолемей,— прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметав, мы ломаем устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо!

— Отлично, друг!— воскликнул Александр.— Ты разве не согласна?— обратился он к гетере.

— Птолемей прав, как обычно, но не во всем. Ксеркс прошел с разрушениями и пожарами через всю Аттику и сжег Акрополь. На следующий год его сатрап Мардоний пришел в Афины и сжег то, что уцелело от Ксеркса. Птолемей прав — Мардоний жег и разрушал прежде всего храмы, стои и галереи скульптур и картин. Но мои соотечественники не стали ничего восстанавливать: обрушенные стены, почерневшие колонны, разбитые статуи, даже головешки пожарищ оставались до той поры, пока персы не были изгнаны из Эллады. Черные раны на нашей прекрасной земле укрепляли их ненависть и ярость в боях с азиатскими завоевателями. И в битве при Платее они сокрушили их — через долгих тридцать лет! И вот появились Перикл, Аспазия, Фидий, и был создан Парфенон!

— Ты хочешь сказать, что не только само прекрасное, но и лицезренье его поруганья укрепляет душу в народе?— спросил Александр.

— Именно так, царь!— ответила Таис.— Но только в том случае, если народ, сотворивший красоту своей земли, накопивший прекрасное, понимает, чего он лишился!

Александр погрузился в молчание.

Лошади, будто предчувствуя близкий конец пути, приободрились и резво побежали по дороге, спускавшейся в густой лес. Толщина древних дубов указывала, что лес истари был заповедным, защищая равнину Персеполиса от северных ветров. А когда лес кончился, впереди на плоской равнине показались приметные издалека белые громады дворцов Персеполиса. Построенные на высоких платформах, они как бы плавали над землей среди множества мелких городских построек. Даже с большого расстояния было видно, как сверкали на солнце крыши из чистого серебра. Дорога спустилась еще ниже. Справа и слева пошли возделанные поля, заботливо орошаемые горными ручьями. Мирные земледельцы, скорее всего рабы царских хозяйств, вспахивали землю на могучих черных быках с рогами, загнутыми внутрь, апатичных и медлительных.

Пехотинцы и лучники перешли на бег, стараясь не отстать от конницы. Войско развернулось широким фронтом. Разбившись на маленькие отряды, македонцы пробирались через лабиринт оросительных канав, садов и бедных домов городской окраины, жители которых или бежали при виде их, или прятались где попало. Итак, план внезапного захвата Персеполиса удался. Никто из персов не подозревал о подходе крупных македонских сил. По-

этому Александр не стал придумывать никакого плана сражения и боевого порядка, предоставив всю инициативу начальникам отрядов и даже сотникам. Сам он с наиболее выносливыми гетайрами и тессалийцами поскакал в центр города, к сокровищнице, с тем чтоб не дать ее хранителям что-либо предпринять для сокрытия серебра, золота, драгоценных камней, пурпурной краски и благовоний.

Пока в вишневых и персиковых садах пехотинцы вступали в бой с наскоро сбежавшимися воинами слабой персидской охраны города, покрытые грязью от пота и пыли всадники ринулись к стоявшим на высоких платформах дворцам.

Легкие, белые, покрытые тонкими бороздками колонны по сорок локтей высоты стояли целым лесом, скрывая таинственное обиталище персидских владык. Лестницу, которая вела в ворота Ксеркса, в северном углу дворцовой платформы, защищали лучники и несколько десятков Бессмертных избранной царской охраны в сверкающей позолотой броне. Большая часть этих храбрых воинов погибла при Гавгамеле, часть ушла с Дарием на север. Оставшихся в Персеполисе было слишком мало, чтоб оказать сопротивление бешеному напору отборнейшей македонской конницы. Проскочив незапертые ворота Ксеркса с их огромными изваяниями крылатых быков, македонцы и тессалийцы на взмыленных конях через портик из двенадцати круглых колонн влетели в ападану — Залу Приемов, квадратное помещение в двести локтей по каждой стене, высокая крыша подперта массивными квадратными колоннами, стоявшими правильными рядами по всей площади пола, как, впрочем, и во всех других гигантских залах персеполисских дворцов.

Спешившись, Александр остался в прохладной ападане, а Птолемей, Гефестион и Филотас во главе своих воинов, разгоняя перепуганную дворцовую прислугу, бросились на поиски знаменитой газафилакии. Сокровищница персидских царей размещалась позади залов «Ста Колонн» и «Девяноста девяти колонн» в запутанных коридорах восточного угла дворцовой платформы. Последний короткий бой произошел в узком проходе между сокровищницей и Южным дворцом. А в это время отряд Кратера, отличившийся при взятии Персидских Ворот, успел захватить помещения для стражи, расположенные рядом с сокровищницей за тронным Стоколонным залом. Через несколько минут были разысканы и приведены в ападану и царские казначеи; стоя на коленях, они протягивали

Александру хитроумные ключи, с помощью которых отпирались комнаты с казной. Двери сразу же были опечатаны, поставлена надежная охрана.

Измотанные до предела македонские воины устраивались на отдых тут же в залах дворцов, поручив лошадей дворцовой прислуге. Усталость была такова, что не было сил даже для грабежа. Александр не хотел трогать местных жителей по примеру Сузы, хотя Персеполис не сдался и не выслал заранее парламентеров. Оправданием служило внезапное появление македонцев — предпринимать что-либо подобное было уже поздно.

Леонтиск и Кратер объехали площади и главные улицы, расставляя стражу — предосторожность не излишняя, так как в городе могли затаиться немалые отряды вражеских воинов. Везде, на улицах и в садах, в тени деревьев и у стен, лежали спящие македонцы, кто как мог — на коврах, одеялах и циновках, отобранных у жителей.

В это сонное царство Таис, дожидавшаяся в загородном саду с небольшой охраной, вступила уже под вечер. По условию она подъехала к западной лестнице, где служители дворца усердно смывали кровь, обильно натекшую на белые ступени. Трупы погибших защитников дворца были уже убраны, но резкий запах крови еще стоял в предзакатном безветрии. Первую ночь в Персеполисе Таис провела в богатом доме бежавшего царедворца, окруженная и без того перепуганными рабами и рабынями, которые с трепетом старались исполнять любые желания чужеземки, усталой, черной от солнца и пыли, казавшейся им грозной, несмотря на красоту и небольшой рост. Видно, страху им прибавили выразительные жесты Леонтиска и Птолемея, которые, водворив сюда Таис, тут же исчезли. А может, еще больше они боялись соседства отряда конников, который расположился на отдых в саду, а своих лошадей устроил не только в опустелых конюшнях, но и в доме. Простившись с македонскими военачальниками, Таис почувствовала себя одинокой перед целой толпой слуг, брошенных хозяевами на произвол судьбы, но добросовестно сохранявших их имущество. Первым делом она потребовала ванну. А когда ей знаками показали, что ванна готова и можно идти, она прошла в большое круглое помещение, заткнув кинжал за пояс коротенького хитониска. Там ее встретила старая рабыня, гречанка из Ионии, заговорившая на понятном Таис диалекте. Взволнованная встречей с первой за долгие годы свободной эллинской женщиной, примчавшейся в сердце Персии вместе с непо-

бедимым войском страшных завоевателей, она по-матерински взялась опекать Таис. После ванны старая гречанка старательно растерла все тело гетеры, а загрубевшие, покрытые ссадинами колени смазала каким-то коричневым, резко пахнущим составом. Она объяснила, что это драгоценное лекарство дороже серебра. Его собирают в пустынных горах за Персеполисом, где оно встречается натеками на голых скалах.

— Может быть, это горючее зеленое масло?— спросила Таис.

— Нет, госпожа. Горючего масла сколько угодно на востоке и севере, на берегах Гирканского моря. А это редкостный дар Геи, имеющий силу излечивать все, особенно раны. Увидишь, что завтра все твои царапины исцелятся.

— Благодарю тебя! Приготовь на завтра этот состав для лечения ран моих друзей,— сказала Таис. В схватке у ворот получили легкие раны Птолемей и старый лохагос.

Рабыня согласно закивала, заворачивая Таис в редкую ткань, чтобы не остудить после растирания, и кликнула двух служанок, которые стали расчесывать гребнями слоновой кости блестящие после мытья черные волосы афинянки. А Таис уже ничего не чувствовала. Она крепко спала, запрокинув голову и чуть приоткрыв небольшой рот с детской верхней губой.

Старая рабыня, едва чесальщицы кончили свое дело, укрыла эллинку с нежностью, как собственную дочь.

На следующий день Александр, чистый и свежий, как юный бог Эллады, в золотой броне, принял кшаттру, или, по-гречески, сатрапа, Парсы и его приближенных вельмож в тронном зале дворца, который совсем недавно занимал несчастный «царь царей». Персы принесли списки находившегося в городе ценного имущества и благодарили за то, что великий завоеватель не позволил разграбить Персеполис. Александр загадочно улыбался, переглядываясь со своими военачальниками. Они знали, что удержать воинов от грабежа легендарной столицы смогла только неимоверная усталость, сморившая их у самой цели. Навести порядок теперь, когда миновал боевой азарт, было легко, и Александр на самом деле отдал приказ ничего не трогать в городе.

Македонцы, как бы надломились в этом последнем рывке и апатично взирали на неслыханную роскошь дворцов и богатство жилых домов жрецов и царедворцев. Старые ветераны, утомленные чередой походов и ужасающих

сражений, плакали от счастья, лицезрея своего божественного вождя на троне персидских владык. Война закончена, цель похода достигнута! Жаль погибших товарищей, которые не дожили до такой славы.

Александр считал, что, овладев Азией, он может идти на восток до края мира, но свои планы пока держал в тайне даже от самых близких друзей. Предстоял неизбежный поход в погоню за Дарием, ибо, пока царь персов не был уничтожен, Александр, несмотря на всю покорность народа, не мог занять место владыки. Всегда оставалась опасность внезапного удара, если Дарию удастся собрать достаточно войска. Как только весна придет в северные горы, настанет время двинуться в погоню и заодно перенести резиденцию в Экбатану.

Экбатана, расположенная в пяти тысячах стадий на север от Персеполиса и выше его в горах, была прохладной летней столицей Ахеменидов и в то же время укрепленным городом, совсем не похожим на надменно открытый во все стороны Персеполис. Александр решил перенести туда сокровища трех газафилакий — Сузы, Персеполиса и Вавилона. Туда же он приказал повернуть и гигантский обоз Пармения, ибо вознамерился сделать Экбатану и Вавилон своими двумя столицами, а первую еще и лагерем для подготовки похода на восток.

Неожиданно явилась Эрис, опередившая даже вспомогательные отряды пехотинцев. Она привезла Таис письмо от Гесионы, которая вместо Персеполиса поехала в Экбатану с Неархом, решившим дожидаться там Александра и отдохнуть от великих трудов подготовки флота. Неарх пообещал найти дом и для Таис. Птолемей настойчиво советовал афинянке обосноваться в Экбатане на все время похода на восток. Гетера не спешила, еще не оправившись как следует от убийственной скачки к Персеполису.

Черная жрица приехала на Салмаах и теперь сопровождала Таис в ее прогулках по городу вместе с двумя старыми друзьями — Ликофоном и лохагосом, вновь назначенными для охраны прекрасной афинянки. За-Ашт, неохотно расставшаяся с молодым тессалийцем, была увезена Гесионой в Экбатану для устройства жилья Таис.

И афинянка подолгу бродила с ними по огромным залам дворцов, лестницам и порталам, удивляясь тому, как мало истерты ступени, сточены острые ребра дверных и оконных проемов квадратных колонн. Дворцы Персеполиса, огромные залы приемов и тронных собраний посеща-

лись малым числом людей и выглядели совсем новыми, хотя самые ранние дворцовые постройки возведены были почти два века назад. Здесь, у подножия гор Милости, владыки Персии построили особенный город. Не для служения богам, не для славы своей страны, но единственно для возвеличивания самих себя.

Гигантские крылатые быки с человеческими лицами, с круглыми, выпирающими, как у детей, щеками считались портретами пышущих здоровьем и силой царей. Великолепные барельефы львов, поставленные у основания северной лестницы, прославляли мужество царей-охотников. Кроме крылатых богов и львов, барельефы изображали только вереницы идущих мелкими шажками воинов в длинных неудобных одеждах; пленников, данников, иногда с колесницами и верблюдами, однообразной чередой тянувшихся на поклонение восседавшему на троне «царю царей». Таис пробовала пересчитать фигуры с одной стороны лестницы, дошла до ста пятидесяти и бросила. В гигантских дворцовых помещениях поражал переизбыток колонн: по пятьдесят, девяносто и сто в тронных залах — подобие леса, в котором люди блуждали, теряя направление. Было ли это сделано нарочно или от неумения иным способом подпереть крышу, Таис не знала. Ей, дочери Эллады, привыкшей к обилию света, простору храмов и общественных зданий Афин, казалось, что залы для приемов выглядели бы куда величественнее, не будь они так загромождены колоннадой. Тяжелые каменные столбы в храмах Египта служили иной цели, создавая атмосферу тайны, полумрака и отрешенности от мира, чего нельзя было сказать про белые, в сорок локтей высоты, дворцы Персеполиса. И еще одно открытие сделала Таис: ни одного изображения женщины не нашлось среди великого множества изваяний. Нарочитое отсутствие целой половины людского рода показалось афинянке вызывающим. Подобно всем странам, где Таис встречалась с угнетением женщин, государство персов должно было впасть в невежество и наплодить трусов. Гетере стали более понятны удивительные победы небольшой армии Александра. Гнев богинь — держательниц судеб, плодородия, радости и здоровья — неотвратимо должен был обрушиться на подобную страну. И метавшийся где-то на севере царь персов и его высшие вельможи теперь испили полную чашу кары за чрезмерное возвеличение мужей!

Персеполис не был городом в том смысле, какой вкладывали в это слово эллины, македонцы, финикийцы. Не

был он и местонахождением святилищ, подобных Дельфам, Эфесу или Гиераполю.

Персеполис создавался как место, где владыки Ахеменидской державы вершили государственные дела и принимали почести. Оттого вокруг платформ белых дворцов стояли лишь дома царедворцев и помещения для приезжих, опоясанные с южной стороны широким полукольцом хижин ремесленников, садовников и прочей рабской прислуги, а с севера — конюшнями и фруктовыми садами. Странный город, великолепный и беззащитный, надменный и ослепительный, вначале покинутый персидской знатью и богачами, быстро заполнялся народом. Любопытные, искатели счастья, остатки наемных войск, посланники дальних стран юга и востока съезжались невесть откуда, желая лицезреть великого и божественного победителя, молодого, прекрасного, как эллинский бог, Александра.

Царь македонцев не препятствовал сборищу. Главные силы его армии тоже собрались здесь, готовясь к празднику, обещанному Александром перед выступлением на север.

Таис почти не видела Птолемея и Леонтиска. Занятые с рассвета до поздней ночи, помощники Александра не имели времени для отдыха или развлечений. Время от времени в дом Таис являлись посланные с каким-нибудь подарком — редкой ювелирной вещицей, резным ящиком из слоновой кости, жемчужными бусами или стефане (диадемой). Однажды Птолемей прислал печальную рабыню из Эдома, искусную в приготовлении хлеба, а с ней целый мешок золота. Таис приняла рабыню, а золото отдала лохагосу для раздачи тессалийским конникам. Птолемей рассердился и не подавал о себе вестей до тех пор, пока не приехал со специальным поручением от Александра. Царь пригласил афинянку по срочному делу. Он принял ее и Птолемея на южной террасе, окруженной сплошной белорозовой чашей цветущего миндаля. Таис не видела Александра после переправы через Аракс и нашла, что он изменился. Исчез неестественный блеск глаз, они стали, как обычно, глубокими и пристально глядящими вдаль. Исхудавшее от сверхчеловеческого напряжения лицо вновь обрело цветущий румянец и гладкость молодой кожи, а движения стали чуть ленивыми, как у сытого льва. Александр весело приветствовал гетеру, усадил рядом, велел принести лакомств, приготовленных местными мастерами из орехов, фиников, меда и буйволиного масла. Афинянка

положила пальцы на широкую кисть царя и вопрошающе улыбнулась. Александр молчал.

— Погибаю от любопытства!— вдруг воскликнула гетера.— Зачем я понадобилась тебе! Скажи, не томи!

Царь сбросил маску серьезности. В эту минуту Александр напомнил Птолемею давнюю пору, когда они были товарищами по детским проказам.

— Ты знаешь мою мечту о царице амазонок. Сама же ты постаралась убить ее в Египте!

— Я ничего не убивала!— вознегодовала Таис.— Я же хотела сказать правду.

— Знаю! Иногда хочется видеть осуществленной мечту, пусть в сказке, песне, театральном действе...

— Начинаю понимать,— медленно сказала Таис.

— Только ты, наездница, артистка, прелестная, как богиня, способна выполнить мое желание...

— Видеть у себя царицу амазонок? В театральном действе? Зачем?

— Угадала! Но это не будет игрой в театре, нет! Ты проедешь со мной через толпы собравшихся на праздник. Пойдет слух, что царица амазонок приехала ко мне, чтобы стать моей женой и подданной. Возникнет легенда, которой поверят все. Сотня тысяч очевидцев разнесет весть по всей Азии.

— А дальше? Куда денется «царица»?

— Уедет в «свои владения» на Термодонт. А ты, Таис, придешь гостьей ко мне на пир во дворец.

Гетера фыркнула.

— Согласна. Но где взять спутниц-амазонок?

— Найди двух, больше не надо. Ведь ты поедешь около меня.

— Хорошо, я возьму одну — свою Эрис, она будет моей «военачальницей». Ее грозный вид убедит кого угодно.

— Благодарю тебя! Птолемей, прикажи, чтобы лучшие мастера сделали Таис золотой шлем...

— А Эрис — серебряный. И круглые щиты с изображением змеи и сокола. И луки с колчанами и стрелами. И короткие копья. И маленькие мечи с золотыми рукоятками. Еще — хорошую леопардовую шкуру!

— Ты слышал, Птолемей?— сказал очень довольный Александр.

— Конечно! Но как быть с броней? Ее не сделают так быстро. И не подобрать на женщин. Если броня не придется совершенно по мерке, получатся ряженые.

— Ничего!— сказала Таис.— Мы поедем, как настоящие амазонки, нагими, только в поясах для мечей и ремнях для колчанов.

— Великолепно!— воскликнул Александр, обнимая и целуя Таис...

Афинянка вместе с Эрис и целой сотней тессалийской конницы — почетным эскортом будущей «царицы амазонок»— отправилась в царские купальни на одном из больших озер в десяти парасангах к югу от Персеполиса. Туда впадал быстрый Аракс. Принесенная его вешними водами муть успела осесть, и голубое зеркало озер снова приняло девственную чистоту и прозрачность. Белые строения маленького дворца, веранды на берегу, лестницы, нисходящие к воде, и удаленные берега, пропадающие в синей дымке полуденных испарений, были совершенно безлюдны. Это место могло быть обиталищем богини или бога. Здесь, как в родной Элладе, строения, созданные человеком, сливались с окружающей природой, становились ее неотъемлемой частью. Строители дворцов и храмов Египта, Вавилона и Персии стремились отгородиться от природы. Тут было исключение. На этом тихом озере Таис впервые за несколько лет испытала умиротворение и покой, растворяясь в чистом горном воздухе, сиянии солнца, едва слышном плеске волн и шуме раскидистых сосен.

Обе женщины облюбовали квадратную беседку. Ведущая к воде лестница ограждалась высоким парапетом, полностью скрывавшим их от постороннего взгляда. Таис подолгу лежала на мраморе у самой воды, выравнивая свой медный загар, а Эрис сидела около на ступени, задумчиво глядя на воду и слушая ветер. Когда спадала жара, на легкой лодке из белого дерева приплывал старый служитель, раб из далекой Кадусии.

Он привозил свежие фрукты и катал Таис по озеру. Когда-то старый кадусиец служил у греческого наемника и выучился говорить на койне. Простыми и убедительными словами он рассказывал предания об озерах, о прекрасных пери — нимфах огня, любви и мудрости, обитавших в окрестных горах, о мрачных и злобных джиннах — мужских божествах пустынных ущелий, которые были в подчинении у пери.

Лодка медленно скользила по прозрачной воде, размеренно всплескивало весло. Под негромкий рассказ старика Таис грезила с открытыми глазами. Воздушные, с проблесками огня, в легких одеждах, беззаботные красавицы скользили над водой, обольстительно изгибаясь в по-

лете, манили к уступам голых обветренных скал, стоявших стеною на страже запретных обиталищ духов пустыни. И Таис хотелось стать такой же пери, ни человеком, ни богиней,— свободной от тревог, увлечений, раздоров и соперничества, обуревавших равно людей и богов Олимпа. Пробуждаясь от грез, Таис с грустью и смехом ощупывала свое плотное, гладкое, очень земное тело и, вздохнув, бросалась в холодную глубь озера, недоступную огненным красавицам.

Шесть дней прошли быстро, наступил канун праздника. Посоветовавшись с тессалийцами, афинянка решила появиться в городе вечером. С гиканьем и свистом, ударяя в щиты, под бряцание оружия и сбруи, топот и ржанье лошадей бешеная орда с факелами ворвалась в город и промчалась на северо-восточную окраину в заранее приготовленный просторный дом. Слух о прибытии царицы амазонок разнесся по городу мгновенно. Сотни людей, потрясенных шумным вторжением, рассказывали о событии. Приняв тессалийцев за амазонок, они насчитали чуть не тысячу свирепых всадниц с метательными ножами в зубах.

И вот наступил долгожданный праздник. Его открыл сам божественный победитель «царя царей», новый владыка Азии Александр, который выехал на заполненную народом площадь у южной стороны дворцов в сопровождении знаменитых военачальников. Яркое солнце играло на золотой броне и шлеме в форме львиной головы огромного и прекрасного македонца. Золотая уздечка резко выделялась на черной шерсти могучего боевого коня Букефала, не менее знаменитого, чем его всадник.

По левую, почетную, сторону Александра ехала царица амазонок, тоже в золотом вооружении. Народ затаив дыхание смотрел на Александра и его прекрасную, как богиня, спутницу. Амазонка в чистой и презрительной наготе сидела на неслыханно красивом коне — золотистом рыжем, с длинным черным хвостом и гривой, в которые были вплетены золотые нити. Иноходец, небольшой и гибкий, казался ящерицей рядом с громадным Букефалом. Меднокожее тело царицы амазонок стягивал пояс из золотых квадратиков с коротким мечом, спину прикрывала леопардовая шкура, на которой размещались лук и колчан в обрамлении длинных золотистых кос, спадавших из-под назатыльника нестерпимо сверкавшего шлема. Лицо царицы охватывала толстая перевязь шлема, что вместе с низким козырьком придавало ей воинственный и непреклонный вид. На левой руке, над сгибом локтя, амазонка

несла щит с изображением золотого сокола Кирки в центре.

На шаг позади царицы ехала на темно-пепельной кобыле другая амазонка, темнокожая, в серебряном шлеме, с серебряным вооружением. В центре ее щита извивалась серебряная змея, а из-под шлема горели дикие синие глаза, внимательные и недобрые. В правой руке темнокожая амазонка держала короткое посеребренное копье. Ее лошадь перебирала ногами, приседала, танцуя, взмахивала украшенным серебряными нитями хвостом.

Александр с полководцами и амазонками медленно ехал сквозь толпы народа к южной окраине Персеполиса. Там, на гладком участке степи, построили сиденья и навесы, выровняли площадку для состязаний атлетов, сделали сцену для актеров и танцовщиц. Казалось поразительным, как быстро съехались сюда фокусники, знаменитые музыканты и акробаты...

На перекрестке двух больших улиц знатные персы выделялись пестротой одежд и отсутствием женщин. Состоятельные горожанки, закутанные в легкие покрывала, жались к стенам домов и оградам, а рабыни, опережая мужчин, едва не лезли под копыта. Персидская знать восхищенно рассматривала превосходных лошадей и величественных всадников царского окружения.

— Смотри!— воскликнул высокий, воинственного вида человек, обращаясь к приятелю, черты лица которого выдавали примесь индийской крови.— Я считал, что легенда об амазонках лжива хотя бы потому, что они должны быть столь же кривоноги, как женщины массагетов, от езды верхом с детских лет.

— А теперь ты понял, что посадка амазонок...

— Совсем другая!

— Да, голени их не спущены, а лежат на спине коня, сильно согнуты в коленях, пятки отведены к хребту...

Полуиндиец, замерев, провожал глазами царицу амазонок, удалявшуюся вместе с Александром в другой квартал, где улица была еще шире и многолюдней.

— Эн аристера! (Слева!)

Люди вздрогнули от резкого вопля темнокожей амазонки. Царица мгновенно прикрылась щитом. Громко стукнул тяжелый, с силой брошенный нож. Лошадь черной амазонки сделала рывок налево, раздвинув толпу. Прежде чем кто-либо успел схватить нападавшего, он уже лежал на земле с копьем, глубоко всаженным в ямку над левой

ключицей — удар, от которого не было спасения. Таис узнала выучку храма Кибелы.

Еще мгновение — и разъяренные гетайры ворвались в толпу, давя лошадьми всех, кто не успел увернуться. Они окружили веревкой группу зрителей около убитого и погнали в боковую улицу. Двух, которые попытались перепрыгнуть веревку, тут же закололи. Ни малейшего испуга не отразилось на лице царицы. Она беспечно улыбнулась Александру. Царь бросил несколько слов Птолемею, который повернул коня и поскакал за гетайрами.

Торжественное шествие не замедлилось ни на минуту. За пределами города выстроенные многорядными шпалерами воины встретили царя громовым кличем. Аргироаспиды в первых рядах стали ударять в свои звенящие серебряные щиты. Зарокотали барабаны. Лошадь черной амазонки неожиданно заплясала, отбивая такт копытами и кланяясь направо и налево. Тогда охапки синих, розовых и желтых цветов полетели под ноги лошадей. Обеих амазонок забрасывали цветами, а те, смеясь, прикрывались щитами от душистых пучков, вызывая еще больший восторг.

Птолемей догнал Александра уже недалеко от построек импровизированного театра.

— У чернокожей слишком верная и быстрая рука!— недовольно сказал он, обращаясь к царю.

— Удалось все же узнать причину нападения?— не оборачиваясь, спросил Александр.— Зачем и кому понадобилось убивать красоту, безвредную в войне и не вызывающую мести?

— Эти народы на окраине пустынь презирают женщин, не чувствуют красоты и, загоревшись идеей, готовы на любое убийство, не боясь последствий и все же нападая из-за угла.

— Что же сделала им царица амазонок?

— Говорят, что метнувший нож — родственник какой-то красавицы, которую предназначали тебе в жены...

— Не спросив меня,— рассмеялся Александр.

— Говорят, они знают особую магию. Никто не может устоять перед чарами их женщин.

Александр сказал презрительно:

— И, увидев великолепие царицы амазонок, ее решили убить хотя бы ценой жизни?

— Они живут плохо и не ценят ничего, кроме служения своим богам,— сказал Птолемей, выглядевший на этот раз слегка растерянным.

— Прикажи убить всех, кто помогал этому, а его красавицу выдать замуж за одного из конюхов при гетайрах!

Александр спешился и принял спрыгнувшую с Боанергоса «царицу амазонок». Взяв за руку, он повел ее на самый высокий ряд скамей под навесом из драгоценной пурпуровой ткани, взятой из кладовых Восточного дворца...

Солнце скрылось за холмами, когда Александр покинул празднество. Они ехали все в ряд: Таис, по-прежнему в обличье амазонки, Птолемей, Гефестион и Кратер. Остальные полководцы следовали на несколько шагов позади, а по сторонам двойной цепочкой ехала охрана из одетых в броню гетайров.

Гефестион вполголоса говорил что-то Кратеру, тот внимательно слушал его и вдруг захохотал. Таис покосилась, удивляясь неожиданной веселости всегда серьезного Кратера.

— Они вспоминают конец представления,— пояснил Птолемей.

Да, Таис тоже запомнился в конце удивительный танец со змеей. Высокая, тонкая, необыкновенно гибкая нубийка и вавилонянка — бледнокожая, с пышными формами; было такое впечатление, будто кольца черного змеиного тела в самом деле обвивают белую девушку. Черная «змея», казалось, то поднималась из-за спины своей «жертвы», кладя голову на ее плечо, то вздымалась от земли, проскальзывая между ног вавилонянки.

— Ты говоришь о танце со змеей?— спросила Таис.

— Вовсе нет. Разве это тонкое искусство может пронять Кратера? Нет, он вспоминает компанию вавилонских акробатов, изобразивших пантомиму любви.

— Что же тут хорошего?— удивилась гетера.— Изображали гадость! Правда, девушки были очень красивы, но мужчины...

— Но как они искусны в позах! Такое не придет в голову и служителям Котитто!

— Ты тоже восхищен этим представлением?— спросила Таис.

— Ты мало знаешь меня! Или притворяешься?

Таис хитро прищурилась, поправляя за спиной цепочку, соединявшую ее «заемные» косы.

— Любой мужчина не может смотреть на это иначе как с негодованием! Другое дело — евнухи!— рассердился Птолемей.

— Интересно, почему? Я, например, негодую оттого, что святое служение Афродите и Кибеле, тайна, которую

знают лишь богиня и поднявшиеся до нее двое, выставляется напоказ, унижает человека до скота и служит порождению низших чувств, осмеянию красоты. Мерзкое нарушение завета богов!— негодующе сказала Таис.

— Это я хорошо понимаю. Но к тому же еще чувствую, что меня обокрали,— улыбнулся Птолемей.

— А, тебе хотелось быть на месте этих акробатов!— догадалась Таис.

— В самом деле! Не на подмостках, конечно! Если красивую женщину обнимают и ласкают у меня на глазах, это оскорбляет меня. Не могу припять такого зрелища!

Александр с интересом прислушался к разговору, одобрительно кивая.

— Мне хочется задать тебе вопрос,— обратился он к Таис.

— Слушаю тебя, царь.

По знаку Александра афинянка подъехала вплотную.

— Хотела бы ты быть царицей амазонок на самом деле?— вполголоса спросил Александр.

— Для тебя — да, для себя — нет! Ты не можешь продолжать придуманную тобою сказку.

— Пожалуй! Почему ты знаешь?

— Сказку можно осуществить только через женщину. А ты не мог быть со мной больше суток.

— Ты взяла меня всего и столь же неистово, как и я.

— Жрица Кибелы сказала, что Красота и Смерть неразлучны. Я тогда не поняла ее, а теперь...

— Что теперь?

— А теперь поцелуи великого Александра памятны мне с той евфратской ночи. Я еду с тобой, на миг осуществилась легенда о твоей любви... не ко мне, а к царице амазонок! А царица исчезла!— И Таис послала Боанергоса вперед в темноту, не обращая внимания на предостерегающий возглас Птолемея...

Дома при свете трех лампионов рабыни поспешно расчесывали Таис. Ее волосы утром пришлось высоко взбить под шлем, чтоб превратить ее в белокурую амазонку. Спутанная вьющаяся масса прядей едва поддавалась скользким гребням из слоновой кости. Афинянка нетерпеливо притоптывала ногой, глядя сквозь щель в занавеси на освещенную платформу дворца. Гости Александра уже собрались. Последняя ночь перед выступлением полководцев на север!

Все же к приходу Леонтиска, явившегося проводить гетеру на пир, Таис была совершенно готова. Тессалиец с

удивлением смотрел на ее скромный девический наряд. Короткая снежно-белая и прозрачная эксомида не скрывала ни одной линии тела, обнажая левое плечо, грудь и сильные ноги в серебряных сандалиях с высоким переплетом. Черные волосы Таис заплела в две толстые косы, спускавшиеся до подколенок. Никаких других украшений, только простые золотые, кольцами, серьги и узкая диадема надо лбом с крупными сверкающими топазами золотистого цвета.

Контраст с «царицей амазонок» показался Леонтиску настолько сильным, что воин замер, оглядывая афинянку. Она приходилась Леонтиску чуть выше плеча, и тем не менее он не мог отделаться от чувства, что смотрит на нее снизу вверх.

Эрис неотступно сопровождала хозяйку и спряталась где-то в нише платформы с твердым намерением дождаться рассвета и окончания пира.

Александр позвал на пир кроме своих друзей — военачальников, избранных гетайров, историков и философов — еще восемь человек высшей персидской знати.

Странным образом, никого из женщин, кроме Таис, не пригласили сюда, в тронный зал Ксеркса, где за столом собралось все командование победоносной армии.

Платформа с громадами белых дворцов темнела утесом в тридцать локтей высоты под звездами ранней южной ночи. Сквозь зубчатое ограждение террасы пробивались широкие лучи света от плясавших в бронзовых котлах языков пламени горящего масла.

Поднимаясь по широкой белой лестнице в сто ступеней, Таис чувствовала, как нарастает в ней смешанное с тоской лихое возбуждение, точно перед выходом в священном танце. Она увидела стену восточных гор в отсвете звездного безлунного неба. Словно завеса спала перед ее мысленным взором. Она перенеслась в напоенную золотом солнца и сосен Элладу, услышала журчанье и плеск чистых ручьев в обрывистых мшистых ущельях; белые, розовые, бронзовые статуи нагих богинь, богов и героев, дикие четверки вздыбленных, замерших в скульптурах коней, яркие краски фресок и картин в стоях, пинакотеках, жилых домах. Прошла босыми ногами по теплой пыли каменистых тропинок, спускающихся к лазурному морю. Кинулась, как в объятия матери в детстве, в волны, несущие к благоуханным пестрым берегам то ласковых нереид — девушек моря, спутниц Тетис, то бешеных коней Посейдо-

на, развевающих пенные гривы в шуме ветра и грохоте валов.

— Таис, очнись!— ласково притронулся к ее обнаженному плечу Леонтиск.

Афинянка вернулась на платформу дворцов Персеполиса, под сень огромных крылатых быков Ксерксова павильона.

Вздрогнув, она поняла, что простояла здесь несколько минут, пока терпеливый тессалиец решился напомнить, что все собрались в Стоколонном зале Ксеркса...

Таис прошла насквозь привратную постройку с четырьмя колоннами и тремя входами по 25 локтей высоты, минуя выход направо, к ападане и дворцам Дария. Она направилась по дорожке снаружи стены, к северо-восточной части платформы, где располагались Ксерксовы дворцы и сокровищница. Здесь она не боялась, что на ее чистейший белый наряд попадет копоть от огромных пылающих чаш. Ночь выдалась тихая, клубы черного дыма взвивались вертикально, и сажа не летела по сторонам. Леонтиск пошел направо по дорожке из плит сверкающего известняка, через незаконченный постройкой четырехколонный павильон на площадке перед тронным залом Ксеркса. Широкий портик с шестнадцатью тонкими колоннами также освещался чашами. Тут горел бараний жир, не дававший ни запаха, ни копоти и употреблявшийся персами для светильников во внутренних помещениях.

Таис вошла в мягкий полусвет гигантского зала и остановилась у одной из ста колонн, которые, несмотря на пропорциональную стройность, теснились в зале, как пальмовые стволы в роще. Западный угол зала, ярко освещенный и уставленный столами, заполняла шумная толпа слуг и музыкантов, из-за которых Таис не сразу увидела пирующих. Группа девушек-флейтисток расположилась между колоннами. Другие музыканты устроились в конце линии столов, у крайнего ряда колонн, за которыми виднелись колыхаемые сквозняком тяжелые занавеси на высоких трехстворчатых окнах. Таис глубоко вздохнула и, подняв голову, вышла на свет множества лампионов и факелов, прикрепленных к стенам. Приветственные крики и хлопанье в ладони взорвались бурей, когда хмельные сподвижники Александра увидели ее. Она стояла неподвижно несколько минут, как бы предлагая всем полюбоваться собою, без надменного величия, всегда требующего унижения и умаления другого человека. Таис предстала перед пирующими с великолепным чувством внутреннего покоя и достоин-

ства, которое дает возможность не бояться хулы и не преодолевать смущение заносчивостью.

Гости Александра были пресыщены и избалованы доступностью женщин. Огромное количество пленниц, рабынь, музыкантш-аулетрид, вдов перебитых персов — любого возраста, нации, цвета кожи, на любой вкус — неизбежно испортило отношение к женщине как к драгоценности, воспитанное в Элладе и перенимаемое македонцами. Но Таис, известная гетера, была куда более недоступной, чем все женщины в окружении македонской армии. Перед лампионами, освещенная насквозь через тончайший хитон, улыбаясь, она поправила непокорные волосы и затем неторопливо пошла к подножию трона Ксеркса, где восседал великий полководец.

В ее походке торжество женской красоты и наслаждение собственной гибкостью сочетались с той стройностью линий фигуры, которую воспел поэт в гимне о Каллирое*.

Плавные изгибы струились от плеч к ступням, словно стекая по твердому полированному камню ее тела, и «пели движением», как волны источника Каллирои.

Персы, никогда не видевшие Таис, сразу поняли, что перед ними — сокровище Эллады, где множество поколений, преданных здоровью и нелегкому труду земледельца на скудных морских побережьях, живя в слиянии с близкой людям природой, создали великолепный облик человека. Они не знали, что в Таис была примесь еще более древней, тоже здоровой и сильной крови людей морского Крита, родственников и современников прародителей народов Индии.

Таис уселась у ног Александра, рядом с Птолемеем. Прерванный ее появлением пир возобновился. Только что гонец привез донесение, что казна, захваченная в Сузе, Пасаргадах и Персеполисе, прибыла благополучно в Экбатану. По предварительным подсчетам, в распоряжении Александра оказалось больше ста пятидесяти тысяч талантов. О таком богатстве не могла мечтать вся Эллада. Если все это богатство перевезти в страны Эллады, Македонию, Ионию, то оно обесценило бы все состояния и разорило бы всех имущих. Александр решил хранить добычу за семью стенами Экбатаны.

---

* Каллироя — Прекрасноструйная (из мифа о нимфе источника).

Еще одна радостная весть: криптии-разведчики донесли, что Дарию не удалось собрать большого войска. Две тысячи наемников, три-четыре тысячи легкой кавалерии не составляли угрозы для победоносной армии. Добить врага и покончить с бывшим «царем царей» теперь было сравнительно простой задачей.

И, опьяненные неслыханными победами, восхищенные гигантской добычей, множеством рабов и просторами лежавшей в покорности страны, молодые воины и пожилые ветераны македонской армии неустанно поднимали чаши, славя великого Александра, хвастая победами, проливая внезапные слезы о погибших товарищах.

А двадцатишестилетний герой, повелитель Египта, Финикии, Сирии, Малой и Великой Азии, опьяненный своей славой, успехом, вином и еще более — великими замыслами, с любовью смотрел на шумных товарищей, положив могучие руки на золотые с синей эмалью подлокотники трона грозного опустошителя Эллады. С беспечной улыбкой склонившись к Таис, он спросил вполголоса, почему она в простом наряде.

— Разве ты не понял? Я только что похоронила...

— Кого? Что ты говоришь!

— Царицу амазонок и ее любовь,— едва слышно прошептала афинянка.

Александр нахмурился, откинулся на спинку трона. Птолемей подумал, что царь разгневался, и, чтобы перебить разговор, стал громко просить Таис станцевать.

— Здесь негде. Я лучше спою,— ответила гетера.

— Спеть, спеть, Таис будет петь!— закричали со всех сторон.

Шум стих, сильно опьяневших утихомирили соседи. Таис взяла у музыканта семиструнную китару с колокольчиками и запела ударным гекзаметром старинный гимн о персидской войне, о сожженных Афинах и боевой клятве не служить ничему, кроме войны, пока последний перс не будет выброшен в море. Яростную мелодию Таис пропела с таким диким темпераментом, что многие повскакали с мест, отбивая ногами такт и раскалывая о колонны ценные чаши. Вскоре весь зал загремел боевым напевом. Сам Александр встал с трона, чтобы принять участие в песне. С последним призывом всегда помнить злобу врагов и особенно сатрапа Мардония Таис швырнула китару музыкантам и села, прикрыв лицо руками. Александр поднял ее за локоть вровень со своим лицом. Целуя, он сказал, обращаясь к гостям:

— Какую награду присудим прекрасной Таис?

Перебивая друг друга, военачальники стали предлагать разные дары, от чаши с золотом до боевого слона. Таис подняла руку и громко обратилась к Александру:

— Ты знаешь, я никогда не прошу наград и подарков. Но если тебе хочется, разреши сказать речь и не гневайся, если она тебе не понравится.

— Речь! Речь! Таис, речь!— дружно заорали воины.

Александр весело кивнул, выпил неразбавленного вина и снова опустился на трон. Леонтиск и Гефестион расчистили место на столе, но Таис отказалась.

— Человек не должен становиться ногами туда, где он ест. Это привычка варваров! Дайте мне скамью!

Услужливые руки мигом поставили тяжелую скамейку, отделанную слоновой костью. Таис вскочила на нее, похлопала в ладоши, призывая к вниманию. Она могла бы и не делать этого. Все глаза были прикованы к ней.

Гетера начала со слов благодарности Александру за приглашение, Птолемею и Леонтиску за помощь в странствовании и за чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только проехать десять тысяч стадий через страны Сирии и Финикии до Вавилона, но и единственной из эллинских женщин совершить поход в пять тысяч стадий до Персеполиса.

— Этот город,— продолжала Таис,— сердце и душа Персии. К моему великому удивлению, кроме сокровищ и роскошных дворцов, здесь нет ни храмов, ни собрания ученых и философов, ни театров, ни гимнасионов. Не созданы статуи и не написаны картины, прославляющие красоту и подвиги богов в образе людей и божественных героев. Кроме надменных толстомордых быков-царей, принимающих дары, и процессий раболепствующих и пленных, здесь нет ничего. Чаши колонн по сорок локтей на платформе в тридцать локтей высоты — все это лишь для того, чтобы возвысить владык унижением подданных. Ради этого здесь трудились искалеченные эллины, ионийцы, македонцы и фракийцы, толпу которых мы встретили? Ради этого Ксеркс со своим злым сатрапом принес кровь и смерть в Элладу, дважды сжигал мои родные Афины, увел в плен тысячи и тысячи искусных мастеров нашей страны? Я здесь одна с вами, герои-победители, повергшие в прах могущество недобрых владык. Я служу богине красоты и знаю, что нет хуже преступления, чем поднять руку на созданное человеком прекрасное. Разве может красота служить злой власти? Разве есть красота без добра и света?

Таис простерла вперед руки, как бы спрашивая весь зал. Воины одобрительно и грозно загудели. Гетера вдруг выпрямилась, как спущенная тетива.

— Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обиталище сокрушенной вами деспотии! Неужели я одна ношу в своем сердце пожарище Афин? А мучения пленных эллинов, длившиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад?! Неужели божественный Александр нашел удовольствие усесться на троне разорителя Эллады, будто слуга, забравшийся в покои господина?

Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами, как бичом. Александр вскочил будто ужаленный. Люди оцепенели.

Александр молчал, глядя на Таис, склонившую голову, как в ожидании удара.

— Что же ты хочешь, афинянка?— спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

Вся напрягшись в волевом усилии, Таис поняла великую власть полководца над людьми, магическую силу его голоса, подчинявшего громадные толпы людей.

Таис подняла на Александра огромные горящие глаза и протянула руку.

— Огня!— звонко крикнула она на весь зал.

Александр обхватил ее за талию, сорвал со скамьи и подвел к стене.

— Возьми!— он снял факел и подал гетере, сам взял второй.

Таис отстранилась в почтительном поклоне.

— Не мне первой! Начать приличествует тому, чей божественный разум и сила привели нас сюда!

Александр повернулся и повел вдоль стен Таис за руку. Два факела мгновенно подожгли занавеси на окнах, подвески и шнуры, легкие деревянные переплеты для цветов.

Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями восторга и боевыми кликами воины хватали факелы и разбегались по дворцам, поджигая все, разбивая лампионы, опрокидывая чаши с горящим жиром и маслом.

Через несколько минут зал Ксеркса, пустая сокровищница и помещения охраны были в огне. Подожгли и ападану, откуда огонь перекинулся (или был перенесен) на жилые дворцы Дария и Ксеркса в юго-западном углу платформы. Оставаться на ней дольше не было возможности.

Александр, не отпуская руки Таис, сбежал по северной лестнице на городскую площадь. Здесь, окруженный военачальниками, он стоял, зачарованно глядя на титаническое пламя, взвивающееся в почерневшее небо. Балки крыш и потолков, простоявшие столетия на сухой жаре, вспыхивали, как облитые горючим маслом. Серебряные листы кровли плавились, низвергаясь ручьями жидкого металла на лестницы и плиты платформы, и, застывая, летели звонкими раскаленными лепешками в пыль городской площади. Пламя ревело и свистело, перекрывая вопли жителей, столпившихся у края площади, боясь приблизиться.

Звездное небо, казалось, потухло. Никто никогда не видел более черной ночи, окружавшей слепящий жар исполинского костра. Люди взирали на пожар с суеверным ужасом, будто не руки Александра и маленькой афинянки сделали это, а силы подземного мира и ввергнутых туда титанов вырвались на поверхность Геи. Жители города попадали на колени в предчувствии большой беды. И действительно, ни Александр, ни его военачальники не стали сдерживать воинов, для которых пожар послужил сигналом к грабежу. Толпа ошеломленных горожан стала разбегаться, надеясь спасти имущество от распалившихся македонцев.

С раздирающим уши треском одна за другой стали проваливаться перекрытия, выбрасывая вихрящиеся столбы искр.

Александр вздрогнул и, очнувшись, выпустил руку Таис, онемевшую в крепкой ладони царя. Он устремил на гетеру пристальный взгляд, как после речи в зале, и вдруг вскрикнул:

— Уйди!

Таис подняла руку перед лицом, будто защищаясь.

— Нет!— еще решительнее сказал царь.— Не навсегда. Я позову тебя.

— Не позовешь!— ответила Таис.

— Как можешь ты знать?

— Ты знаешь свои слабости, побеждаешь их, и это дает тебе силу и власть над людьми.

— Так моя слабость — женщины? Никто не говорил мне этого!

— И не мудрено. Не в женщинах, а в божественно-безумном стремлении ко всему недостижимо далекому твое сердце. Ничего нет в мире неуловимее женской красоты. И ты уклоняешься от этой безнадежной борьбы, вести которую обречены лишь поэты и художники. Красота ускольз-

зает, как черта горизонта. Ты выбрал горизонт и уйдешь туда.

— А когда вернусь?

— О том знают лишь мойры*. Гелиайне, великий царь.

— Прошу тебя, останься пока здесь. Только побережись, не выходи без охраны. Весть о той, кто сжег Персеполис, разнесется скорее и шире, чем сказка об амазонках!

Таис, не ответив, повернулась и медленно пошла в темноту. В нескольких шагах позади, зорко глядя по сторонам, неслышно кралась Эрис.

---

* Мойры — богини судьбы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
НАСЛЕДНИКИ КРИТА

Горный ветер, прохладный даже в сверкающий полдень лета, подхватил лежавший перед Таис лист пергамента. Она придавила письмо золотой рукояткой кинжала.

Мысленный образ подруги отдалился, исчез в знойной равнине, распростершейся на восток от семи стен Экбатаны.

Гесиона, после двух лет молчания, прислала длинное письмо! Верной подруге Неарха пришлось испытать нема-

ло, чтобы быть рядом с возлюбленным. Можно позавидовать критянину, нашедшему в фиванке такую любовь и терпенье. Грандиозные замыслы Александра потребовали большого флота. Корабли строились в устье Евфрата и на Тигре. Там распоряжался новый помощник Неарха — подвижный, как жидкое серебро, полукритянин-полуфиникиец Онесикрит.

Кедры, черные сосны, дубы и вязы с гор из вершин Евфрата и Тигра сплавлялись до верфей Неарха. Гесиона со свойственным фиванке эпическим стилем описывала свои скитания между Вавилоном и маленькими городками кораблестроителей, оазисами пальм, одинокими храмами и бедными селениями рыбаков, затерявшихся среди моря тростниковых зарослей.

Мухи — бич Вавилона и Суз, черными роями кишевшие на рынках, в жилищах и даже в храмах, оказались пустяком перед бедствием мириад кусающихся кровопийц, тучами реявших над тихими водами. Ветер, к счастью, не столь уж редкий, приносил избавление. Все остальное время люди проводили в дыму, и Гесиона уверяла подругу, что прокоптилась насквозь и стала нетленной, как мумия Египта.

Таис огляделась. В чистом воздухе Экбатаны мухи не доставляли беспокойства. Гесиона была бы счастливее в этом городе, напоминавшем ей родные разрушенные Фивы.

На мраморных плитах высокой террасы звонко зашлепали босые детские ноги. Сын Птолемея походил больше на мать, чем на отца. Военачальник убедил Таис вступить с ним в официальный брак, как только македонцы вернулись после погони за Дарием. Хромая и ворча, появился в конце террасы искалеченный тессалиец, оставшийся в Экбатане у Таис смотрителем дома и лошадей, после того как тессалийские конники вместе с другими эллинскими воинами были отпущены Александром на родину. Теперь Ройкос приглядывал и за мальчиком, которому требовалась мужская рука и умение воина. Не вернулся на родину и начальник конников Леонтиск, отправившийся на восток вместе с Александром. Таис не любила вспоминать об этом — рана еще болела.

Мальчик выпрашивал позволения покататься на Боанергосе. Ройкос уверял, что лучше обождать, пока не будет окончательно объезжен маленький конь из-за гор Иберии, присланный Птолемеем. Таис примирила обоих обещанием самой прокатить сына на вечерней поездке, которую она

свято соблюдала, чтобы оставаться в форме на случай внезапного отъезда.

Леонтиск поскакал по широким ступеням вниз в сад к павильону из грубого серого камня, облюбованному Эрис для уединения. Никто не смел нарушать ее покой в те часы, когда бывшая черная жрица сидела и грезила неизвестно о чем с открытыми глазами. Сыну Таис позволялось прибегать к павильону и окликать Эрис, вызывая на борьбу и состязание в беге. В дикой возне нередко принимала участие и мать, в упоении носившаяся по просторной площадке перед домом. Финикиянка За-Ашт все-таки уехала в Тессалию со своим Ликофоном. В доме появилась Окиале — печальная, добрая и застенчивая девушка из северной Сирии. Для Окиале не существовало никого выше Леонтиска. Она баловала мальчика свыше всякой меры, не слушаясь даже Эрис, которую страшно боялась. Впрочем, единственный ребенок в окружении бездетных женщин не мог не быть баловнем, тем более такой живой, сообразительный и хорошенький, как сын Таис. Главную опасность представляла повариха, всегда готовая перекормить мальчишку в укромном уголке. Только теперь Таис поняла смысл обычая, распространенного по всей Элладе: обязательно отдавать сыновей на воспитание многодетным родственникам. Или же мальчики объединялись в группы под руководством умелых воспитателей. Во всяком случае — вон из материнского дома, особенно если дом богатый, с многочисленными рабынями и слугами. Спартанцы считали, что воинами могут сделаться лишь дети, выросшие отдельно от родных в специальных военных общежитиях. Более просвещенные афиняне, беотийцы, тессалийцы применяли воинское воспитание, сочетая его с необходимой образованностью. Наблюдая за подрастающим сыном, наделенным энергией и живостью обоих его родителей, Таис с нетерпением ждала возвращения Птолемея, чтобы отец устроил воспитание мальчика в окружении сверстников и умелых учителей. Почему-то ни разу не приходила мысль, что Птолемей в безвестных далях востока, у края земли и на Крыше Мира, может погибнуть, как погиб Леонтиск у Александрии Эсхаты — Самой Дальней, там, за Согдианой и Рекою Песков — Яксартом, после ожесточенной битвы со скифами. Его тело укрыто надежной плитой в городе-крепости Александрии Эсхате, прозванной македонскими воинами «Нимфе Танатон»— Невестой Смерти. Много жертв унесли стрелы слишком быстрых для тяжелой македонской конницы всадников с

длинными мечами и круто изогнутыми луками. Сам Александр долго хромал от стрелы, перебившей ему малую берцовую кость. Он охлаждал свой гнев бешеной отвагой, бросаясь на врагов впереди всех. И получил такой удар по черепу камнем из пращи, что двенадцать дней плохо видел и до конца похода не мог мыслить так божественно ясно и быстро, как прежде. Последние сражения со скифами надорвали его силы. От Александрии Эсхаты царь возвращался на носилках уже после заключения мира с этими удивительными племенами из степей, простиравшихся далеко в холодную страну мрака за Море Птиц, Танаис и Эвксинский Понт. Кто мог бы подумать, что через несколько столетий на месте Александрии Эсхаты вырастет прекрасный город и его назовут на языках будущих народов «Тирози Чахон»— Невестой Мира!

Не однажды вспоминала Таис рассказ Леонтиска о массагете, казненном Александром после битвы при Гавгамеле. Молодой вождь оказался пророком. Способы сражения, о которых он говорил Александру, были применены скифами и в конце концов остановили непобедимую армию в ее движении на восток. Александр повернул на юг, вверх по течению Реки Песков, к гигантским ледяным хребтам Крыши Мира и Парапамиза, которые мерцали на горизонте еще в начале похода, почти три года назад. Безмерно отважный, скромный и мечтательный, как всякий тессалиец, Леонтиск ушел из ее жизни... Он умер от раны на третий день после сражения, улыбаясь, как положено эллину. Призвав Гефестиона, он передал Таис последний привет и все имущество, оставленное в Экбатане — немалое количество золота и драгоценностей. Через год, по поручению Таис, разыскали родственников начальника конницы в селенье близ Фтии, которым афинянка отправила все, за исключением памятных вещей.

Птолемей — храбрый и осторожный, очень дальновидный, не стремящийся к показному блеску, знающий себе цену, но отнюдь не хвастливый, постепенно выдвинулся перед остальными шестью полководцами Александра как наиболее надежный и всесторонне осмотрительный. Он вел дневник похода и в подробных письмах Таис проявил талант писателя. Его жене казалось, что ничего не может случиться с этим умным воином, которого судьба вела к высокому взлету. Только близость сверхчеловеческого Александра оставляла его в тени...

Таис вернулась к прерванному чтению письма Гесионы.

Фиванка звала ее в Вавилон, в свой дом, приобретен-

ный Неархом накануне его отъезда. Александр призвал его на помощь другому моряку — Онесикриту, заместителю Неарха в определении путей и чтении карт. Неарх отправился в Бактриану с отрядом корабельщиков для участия в походе за Индию к тем самым пределам мира на краю океана, до которых не удалось дойти через степи. За колоссальными горами Парапамиза и Гиндукуша протекала река Инд, где-то на западе сливавшаяся с Нилом. Дальше на юг всего в нескольких тысячах стадий находились пределы суши.

Неарх надолго простился с Гесионой. «И представь себе...— Таис мысленно услышала заливистый смех Гесионы...— последнее известие от Неарха! Отважный мой моряк назначен командовать агрианской конницей кроме своих соплеменников, критских лучников, которых осталось совсем немного...»

«Мне тоже, видимо, надо оставить надежду на скорое возвращение Птолемея и самой позаботиться о воспитателях сына»,— подумала Таис и быстро пробежала конец письма. Гесиона писала о строящемся в Вавилоне большом театре. Для ускорения доставки материалов Александр приказал разломать и снести башню Этеменанки, содеяв варварство, для истинного эллина немыслимое, даже если башня была сильно повреждена временем.

Статуя Александра, созданная Лисиппом, поставлена во дворе одного из храмов. Нашлись жрецы нового культа, совершают перед ней богослужение... Пряча письмо под кинжал, Таис долгое время сидела в раздумье, слушая ветер в жесткой листве деревьев, затенявших террасу. Резко выпрямилась, ударила в серебряный диск, на восточный манер призывая рабыню, и велела принести принадлежности для письма.

«Первый год сто тринадцатой олимпиады. Гесиона, радуйся. Думается, надлежит тебе приехать в Экбатану и здесь ожидать возвращения армии из индийского похода. Я живу в этом городе уже три года. Однажды зимой несколько минут падал снег! Так вспомнились родные Афины, где бывают суровые зимы, и снег раз в год ложится почти на целый день! Сходство с твоими Фивами ты заметила еще в первый приезд! И воздух здесь, на возвышенности, немного схож с лучезарным, тонким и животворным воздухом нашей Эллады, дуновением Олимпа и крыльев священных птиц. Повсюду в Азии, за исключением трех благословенных городов Ионии: Хиоса, Клазомен и Эфеса, солнце тяжелое, слепящее, угнетает ум и чувства, а пыль

застилает горизонт. Даже в Египте свет слишком силен, а воздух не искрится, переливаясь волшебными лучами, в которых так четки все предметы, так облекаются очарованием женщины и статуи, что каждый эллин становится художником. Пора тебе отдохнуть от влажной жары и мух Вавилона. Я боюсь за Александра, Птолемея, Гефестиона и всех наших людей, проведших эти три года в боях и походах за пределами Персии, от Гирканского Моря Птиц, в степях и горах, где зима несет снежные ветры и холода, никогда не испытанные в Элладе. Сопротивление бактрийцев, согдиан и особенно скифов превысило воображение Александра и возможности его армии. Пробиваясь дальше на восток, армия испытанных ветеранов постепенно тает, а жители покоренных стран, составившие почти половину войска, куда менее надежны.

Возвеличенный неслыханными в истории победами, Александр, божественный фараон Египта, которому уже поклонялись, как богу в древнейших городах Месопотамии — Матери Народов, стал ревниво относиться ко всякому противоречию. Прежде уверенный в своей мудрости и силе, он спокойно выслушивал споривших с ним товарищей. Теперь это кажется ему унижающим достоинство великого царя и завоевателя. К несчастью, азиаты оказались искусными льстецами, готовыми на любые унижения. Мой учитель в Египте как-то сказал, что самая страшная отрава даже для очень мудрого и сильного человека — это постоянное восхваление его и его деяний. Александр выпил полную чашу этой отравы и стал способен на прежде несовместимое с его действительно великой личностью. Ты знаешь уже об убийстве доблестного, хотя и глупо тщеславного Филотаса, начальника гетайров и личной охраны Александра. Прикончив Филотаса, Александр немедленно послал убийц сюда, в Экбатану, где начальствовал старый испытанный его воин Пармений, и того убили, прежде чем он услышал о казни сына. Обвинения в заговоре против Александра, мне кажется, придуманы услужливыми советниками, дабы оправдать убийства. За этими проявлениями несправедливости последовали другие. Вряд ли ты слышала об избиении бранхид? Когда наше войско с большим трудом и опасностями переправилось через многоводный и быстрый Оксос, называемый еще Рекой Моря, навстречу появилась огромная толпа оборванных, диких и грязных людей. Они размахивали зелеными ветвями — бранхиями (отсюда их прозвище), плясали и вопили от радости на искаженном до неузнаваемости койне. Так выгля-

дели потомки, внуки и правнуки эллинских пленников, вывезенных Ксерксом в самую глубь Персии для работ на восточных ее границах. Александр, отъехав в сторону, хмурясь, рассматривал одичалых оборванцев и, внезапно рассвирепев, приказал перебить всех до единого. Жалкая толпа не успела разбежаться.

В начале похода через богатые зверями леса и степи на окраине Моря Птиц Александр охотился на львов, тигров и медведей, поощряя своих друзей к единоборству с могучими зверями на коротких копьях. Один Птолемей не принимал участия в диких забавах, спокойно снося насмешки самого Александра. Однако, когда Кратер был жестоко искусан медведем, Александр прекратил охоту...»

Таис устала писать. Позвав Ройкоса, она велела приготовить лошадей: Боанергоса для себя и Салмаах для Эрис. Черная жрица не мыслила прогулки своей госпожи иначе, как под своей охраной.

— Все равно нам придется когда-нибудь разлучиться,— выговаривала ей Таис,— не можем же мы умереть вместе в одно и то же мгновение.

— Можем!— спокойно отвечала Эрис.— Я пойду за тобой,— она многозначительно притронулась к узлу волос на затылке.

— А если ты умрешь первая?— спросила афинянка.

— Я подожду тебя на берегу Реки Смерти. Рука об руку мы пойдем в царство Аида. Я уже просила Великую Мать оставить меня дожидаться на полях асфоделей.

Таис внимательно рассматривала эту странную не то рабыню, не то богиню, сошедшую к смертным для ее охраны. Чистое и твердое ее лицо вовсе не выражало кровожадность, смертельную угрозу для врагов, как некогда казалось Таис. Вера во что-то такое, чего не знала вольнодумная афинянка, победа над страхом и болью как некогда у девственных жриц Артемис в Эфесе, породивших легенды об амазонках. Но те впадали в священное неистовство менад, сражаясь с яростью диких кошек. А для Эрис характерно выражение, которое скульпторы Афин должны были придать статуе подруги тираноубийц, героини Леэны, а не изображать символическую львицу с отрезанным языком. Суровое поведение Эрис, очевидно, лишь отражение ее сосредоточенности и серьезности, в прямом взгляде ее кристально-чистых синих глаз, слегка сведенных вместе бровей, в ясном, чуть-чуть металлическом звуке ее голоса. И только темнота ее кожи, волос и губ напоминали о том,

что это — дочь Ночи, владеющая темным знанием Геи-Кибелы.

Эллины особенно почитали тех своих атлетов-победителей на олимпийских играх, которые одолевали соперников качеством, отсутствующим у простых смертных,— спокойствием, даром и свойством богов.

Поэт говорил, что «все свои годы они хранили медовое спокойствие, самое первое из их высоких дел. Ничего нет выше этого благородства, украшающего каждый прожитый день...»

Спокойствие олимпийского победителя отличало и Эрис, придавая особенный оттенок каждому ее жесту и слову. И сейчас Таис с удовольствием смотрела на ее прямую посадку на плящущей, по обыкновению, капризной Салмаах. Бережно, как хрупкую милетскую вазу, передала рабыня-сирийка брыкающегося и повизгивающего от восторга Леонтиска. Обе женщины поехали по замощенным улицам, выбирая короткие и крутые спуски и не обращая внимания на восторженные взгляды прохожих. Таис и Эрис давно привыкли к ним. Действительно, эта пара, как в свое время Таис с Эгесихорой, не могла не привлекать внимания. А у юношей попросту захватывало дух, и они долго провожали глазами прекрасных всадниц.

После буйной скачки по полю ристалищ, пустынному и заброшенному после того, как прекратились персидские гонки колесниц, еще не возобновленные македонцами, Таис вернулась умиротворенная. Смыв пыль и уложив усталого сына, она вернулась к письму в другом настроении.

«Александр,— писала она,— все более отдаляется от своих воинов и даже военных советников, философов, географов и механиков.

Великий македонец совершил подвиг, превосходящий деяния мифических героев — Геракла, Тесея и Диониса. Эллада всегда была обращена более к востоку, чем к темному и дикому западу. Она как бы тянулась к древним искусствам и великому знанию, накопленному в исчезнувших царствах, через зацепившуюся за край Азии Ионию, через легендарный Крит. Александр широко распахнул ворота Востока. Туда, на свободные или опустошенные войной земли, хлынул поток предприимчивых эллинов: ремесленников, торговцев, художников, учителей. Македонцы со своими награбленными в войне деньгами и рабами получали обширные имения и селились в местах, куда более плодородных и теплых, чем их гористая родина. Новые города требовали съестного, дерева и камня для по-

строек. Воины жили в достатке и быстро обогащались. Так велики оказались завоевания страны, что в Элладе стали чувствовать недостаток людей, подобно тому как это ранее случилось в Спарте, отдавшей своих мужчин в качестве наемников и окончательно сникшей в последнем усилии борьбы против Александра. Вся Эллада постепенно обезлюдеет, устремляясь в Азию, рассеиваясь среди масс ее населения и по необъятным просторам степей и гор. Если так пойдет, то в какую Элладу мы вернемся?..»

Таис задумалась, пощекотала подбородок тростинкой и продолжала:

«...Александр и все македонцы ожесточились в тяжелой войне,— продолжала афинянка письмо,— взаимные отношения подчиненных и властителя сделались натянутыми, как никогда прежде. Униженная покорность новых соратников сделала полководца еще чувствительнее. Забылась прежняя мечта о гомонойе — равенстве людей в разуме. Божественность великого македонца стала доказываться способами, более приличествующими вождю дикого племени, нежели владыке мира. Александр с помощью персидских советников вздумал ввести обычай простираться перед ним на земле, но натолкнулся на резкое сопротивление старых сотоварищей. Когда ветераны — полководцы и воины личного окружения Александра — гетайры увидели своего вождя, восседающего на троне из золота, в длинном персидском одеянии, с высокой тиарой на голове, они сначала рассмеялись, спрашивая Александра, какой маскарад или игру он затеял. Каллистен, афинский философ, присланный Аристотелем, полный энтузиазма, вначале поверил в божественность Александра и начал писать «Анабазис»— историю, прославляющую его походы. Теперь он первый заявил, что обожествление никогда не имело места при жизни любого героя, даже сына бога. Геракл с его величайшими подвигами, Дионис, совершивший первый поход в Индию, были возведены в божественное достоинство лишь после смерти. В своей земной жизни Дионис был фиванцем, а Геракл — аргивянином. Поклонение живому человеку, хотя бы и сыну бога, противоречит духу эллинизма и является не более как варварством.

«Александр не бог,— публично заявил философ,— не сын Зевса от земной женщины. Он самый храбрый среди храбрых, самый умнейший из всех талантливых полководцев. Только деяния его, божественные по значению, могут создать ему славу героя и возвеличить до полубога».

Александр затаил злобу на Каллистена. Философа

поддерживали македонские ветераны, но он не имел влиятельных друзей. В конце концов вместе с юношами из ближайших прислужников царя его осудили за намерение убить Александра и еще за какие-то преступления. Юношей побили камнями собственноручно военачальники Александра, а Каллистена заковали в цепи, посадили в клетку и, по последним слухам, повесили в Бактриане. Однако простирание перед собой Александр отменил. Еще до того, отступив от Реки Песков в Мараканду, Александр много пил, стремясь облегчить страдания — головные боли после ранения камнем. В припадке ярости он убил Черного Клейта, верного, туповатого гиганта, дважды спасавшего его жизнь, брата Ланисы, няни Александра в Пелле. После тяжких приступов меланхолии и раскаяния Александр отправился штурмовать заоблачную крепость Бактрианы. Там он женился на дочери бактрианского вельможи Роксане, схваченной как военная добыча.

Птолемей писал, что брак не смягчил порывов жестокости, повторявшихся все чаще. Даже им, ближайшим друзьям, надлежало соблюдать большую осторожность в отношениях с царем.

Еще в начале странствования по восточным степям Александр заменил свой шлем с львиной головой на другой, украшенный крыльями большой птицы. Местные жрецы уверяли, будто в царя вселился Симург — дух высоких холмов, спускающийся на землю в образе грифа, чтобы помочь людям в их бедах.

Не знаю, чем помогал Александр жителям восточных степей...»

Таис оборвала начатую фразу, тихо засмеялась и дописала: «...видишь, я попала под влияние Птолемея. Мудрый воин любит предсказывать беды и перечислять прошлые несчастья, хотя это нисколько не мешает его храбрости и веселому нраву. Слишком веселому в том, что касается женщин! Тут он поистине равен Александру в неутомимости исканий. Впрочем, ты это знаешь. Давно, еще в Египте, ты предсказала ему, что женщин у него будет много, а богиня одна. Теперь эта «богиня» — его жена и что же дальше?

Довольно, я устала писать, а ты утомишься читать. Приезжай сюда в Экбатану, и мы с тобой наговоримся вдоволь, покатаемся на лошадях, потанцуем. Здесь собралось много поэтов, философов, художников, музыкантов и артистов. Здесь и Лисипп со своей мастерской, и эвбеец Стемлое, славный статуями коней, знаменитая певица Амино-

мена... много прекрасных людей. Сюда же в ожидании Александра прибывают путешественники из очень далеких стран Индии, Иберии. Приезжай, тебе будет веселее, чем одной в Вавилоне! Не будем слишком страдать за наших мужей. Помимо боевых и походных тягот у них есть своя доля счастья. Птолемей писал о необъятных равнинах, поросших ароматным сильфием, о захватывающем дух зрелище исполинских снежных гор, ряд за рядом, вершина за вершиной заграждающих путь на юг и восток. О горных озерах волшебной голубизны, таких же глубоких, как небо. О невообразимом просторе степей, где плоские холмы, увенчанные странными изваяниями плосколицых и широкобедрых женщин, вздымаются бесконечной чередой, как волны моря между Критом и Египтом. И наверное, выше всего для них чувство каждодневных перемен, ожидание неслыханных чудес по мере приближения к пределам суши...

Птолемей писал, что, чем ближе они продвигаются к Индии, тем больше становится деревьев, одинаковых с нашими в Элладе. Ели и сосны в горах за Парапамизом совсем такие же, как в горах Македонии, иногда кажется, приходишь снова на родину. Этому нет объяснения...»

Таис закончила письмо, запечатала и, чтобы оно ушло поскорее, велела отнести в дом начальника города и казначея Гарпала, заменившего убитого Пармения. Четыре тысячи пятьсот стадий — немалое расстояние отделяло Экбатану от Вавилона, но ангарейном — государственной почтой письмо шло всего шесть дней.

Утомившись писанием (Птолемей поставил Таис условие не пользоваться искусными писцами, раскрывателями всех секретов), она опустилась к бассейну у лестницы, куда Птолемей провел воду горного источника, холодную даже в жаркую пору. С веселым воплем она кинулась в раковиноподобное углубление, через которое, журча, переливалась чуть зеленоватая вода. На крик прибежала Эрис, никогда не упускавшая случая поплескать и потом растереть меднокожую госпожу толстым и жестким покрывалом.

Едва Эрис успела набросить покрывало на Таис, как появился посланный Лисиппа. Великий ваятель звал Таис почему-то вместе с Эрис посетить его дом завтра в утренние часы.

Таис протянула письмо черной жрице со словами:

— Приглашают и тебя! Кто-то хочет делать с тебя статую. Давно пора, я удивлялась ваятелем, хоть раз увидев-

шим тебя... хотя сам Лисипп и его ученики любят изображать мужей, военные сцены, лошадей и мало интересуются красотою жен!

Эрис отвела руку афинянки с письмом.

— Ты забыла, я не умею читать на твоем языке, госпожа. И разве почтенный Лисипп тоже забыл, что я обязана идти с тобой?

— Ты всегда сопровождаешь меня, верно. Если Лисипп упоминает тебя в приглашении, значит, до тебя есть какое-то дело. Какое? У скульптора прежде всего — ваяние. Превыше всего в жизни мы, эллины, считаем совершенство человека, гармонию его развития, физического и духовного, каллокагатию, как мы говорим. А в искусстве — изображение человека. Оттого неисчислимо количество статуй и картин в наших городах и храмах, каждый год прибавляются новые. Ты хотела бы, чтобы с тебя сделали статую богини или нимфы?

— Нет. Вернее — мне безразлично. Но если ты прикажешь...

— Конечно, прикажу. Имей это в уме, если будет предложено... и не три меня с такой силой! Я ведь не статуя.

— Ты лучше всех изваяний в мире, госпожа.

— Много ли ты видела их? И где?

— Много. Мне пришлось путешествовать девочкой в свите главной жрицы.

— Я ничего не знаю об этом!

Черная жрица позволила улыбке на мгновение осветить свое лицо.

Александр велел построить для Лисиппа огромную мастерскую при дворце персидского вельможи, подаренном скульптору для жилья. В комнатах за толстыми стенами из красного камня всегда царствовала прохлада, а зимой приходилось топить. В полукруглых нишах горели сухие кедровые поленья с добавлением ароматических веток тимьяна, лаванды, розмарина или ладанника.

Лисипп принял гостей на веранде под высокой крышей, подпертой пальмовыми столбами и обнесенной барьером из розового гранита. Веранда служила и мастерской и аудиторией для учеников, съехавшихся из Эллады, Ионии, Кипра и даже Египта, чьи мастера стали перенимать приемы своих прежних учеников — эллинов, около семи веков назад начавших учиться у египтян.

Обычно присутствовали несколько философов, богатые ценители искусства, поэты, черпавшие вдохновение в мудрых беседах, путешественники из дальних стран, до кото-

рых дошла весть об открытом доме знаменитого художника.

Лисипп, давний друг афинянки, орфик высокого посвящения, обнял Таис за плечи. Оглядевшись, он поманил замершую у входа Эрис и молча указал на широкую скамью, где сидели двое его учеников. Эрис блеснула глазами в их сторону и уселась на краешке, подальше от веселых молодых людей. Те посылали ей восхищенные и многозначительные взгляды, дополненные жестами. Тщетные попытки! С таким же успехом они могли привлечь внимание любой из статуй, в изобилии украшавших мастерскую, дом и сад Лисиппа!

— Пойдем, афинянка, я покажу тебе старого друга и твоего соотечественника скульптора Клеофрада. Он презирает войну, не делает статуй царей и полководцев, только лишь жен, а потому не столь знаменит, как того заслуживает. К тому же он знает тебя...

Таис собралась возразить, но слова застряли у нее в горле. Эти жесткие голубые (глаукопидные, как у самой Афины) глаза, шрамы на лице, под густой седой бородой и на руке воскресили в памяти мимолетную встречу у Тесейона на пути к холму Нимф!

— Я пообещал увидеть тебя через несколько лет,— сказал Клеофрад своим низким голосом,— что ж, прошли две олимпиады, и я вижу не девчонку, а женщину в расцвете сил и красоты. Тебе, должно быть, сейчас лет двадцать шесть,— ваятель бесцеремонно оглядел Таис,— ты рожала?

— Да,— почему-то послушно ответила Таис,— один раз.

— Маловато — надо бы два. У женщины такой, как у тебя, силы и здоровья это только улучшит тело.

— Гнезиотес ап'амфойн,— сказал Лисипп на аттическом наречии, указывая на Таис, и она вдруг покраснела от прямого взгляда одного и прямых слов второго художника.

— Да, ты прав!— согласился сурсвый Клеофрад.— Чистота происхождения по обеим линиям — отца и матери. Ты будешь моей моделью, афинянка! Судьба назначила тебя мне! Я ждал терпеливо твоей зрелости,— он вперил в Таис повелительный взгляд.

Помолчав, Таис кивнула.

— Ты выбираешь опять то, что не принесет тебе богатства — задумчиво сказал Лисипп,— Таис слишком обольстительна для образа богини, слишком мала и гибка

для коры, не грозна для воинтельницы. Она — женщина, а не канон, образ, веками установившийся в эллинском искусстве.

— Мне думается, ты прав и не прав, великий мастер. Когда ты создавал своего Апоксиомена*, образ атлета, ты смело отошел от Поликлетова канона и прежде всего от Дорифора. И я понимаю почему. Дорифор — канон могучего спартанца, воина, который создавался у лакедемонян за тысячелетие выбора родителей, убиения слабых и труднейшего воспитания силы и выносливости. Огромная грудная клетка, брюшные мышцы, в особенности косые боковые, неимоверной толщины. Такой человек может бежать в тяжелой броне много стадий, вести бой с массивным щитом и копьем дольше любого воина любого народа, останется невредим под колесами тяжелой повозки. До появления сильных луков и камнеметов спартанцы били всех врагов без исключения.

— Ты очень верно понял меня, Клеофрад, хоть ты и ваятель жен. Мой Апоксиомен легче и подвижнее. Однако ныне снова все переменилось. Воины пересели на коней, а пехота бьется не один на один, как прежде, а сотнями бойцов, скованными в единую машину дисциплиной и умением сражаться совместно. Отошли времена и Дорифора, и Апоксиомена!

— Не совсем, о Лисипп,— сказала Таис,— вспомни гипаспистов Александра, завоевавших звание серебряных щитов. Им понадобилось и тяжелое вооружение, и стремительный бег, и сила удара.

— Правильно, афинянка. Но это особая часть войска, вроде боевых слонов, а не главная масса воинов.

— Боевых слонов, какое сравнение!— засмеялась Таис, умолкла и добавила:— Все же я знала одного спартанца. Он мог служить моделью для Дорифора...

— Конечно, такие мужи еще есть,— согласился Лисипп,— они стали редкостью именно потому, что более не нужны. Слишком многое надо для создания их, слишком это долго. Войско теперь требует все больше людей и поскорее!

— Мы говорим о мужчинах,— пророкотал Клеофрад,— разве для того мы позвали Таис?

— Да!— спохватился Лисипп.— Таис, помоги нам. Мы

---

* Апоксиомен — очищающий себя, знаменитая статуя атлета.

начали спор о новой статуе и с нашими гостями,— ваятель показал на группу из четырех человек с густейшими бородами и в странных головных повязках, стоявших особняком от завсегдатаев дома,— индийскими ваятелями, и разошлись в главных критериях женской красоты. Они отрицают выдающуюся прелесть статуи Агесандра, и вообще модная ныне скульптура жен им кажется стоящей на неверном пути, не так ли?— Он повернулся к индийцам, и один из них, видимо переводчик, быстро проговорил что-то на красивом певучем языке.

Один из гостей с самой дремучей бородой энергично закивал и сказал через переводчика:

— Наше впечатление: эллинские художники перестали любить жен и теперь больше любят мужей.

— Странное впечатление!— пожал плечами Лисипп, а Клеофрад впервые широко, с оттенком злорадства, улыбнулся.

— Я ничего не знаю!— сказала Таис.— Кто такой Агесандр и что за статуя?

— Новый скульптор появился, великий мастер. Его статуя Афродиты для храма на Мелосе,— пояснил Лисипп,— прославилась среди ваятелей, хотя, мне кажется, она больше похожа на Геру.

— Моделью служила явно не эллинка, а скорее сирийка. У этих женщин прекрасные груди и плечи, но отсутствует талия, зад плоский и вислый. Ноги всегда негармонично тонкие,— перебил Клеофрад.

— Все это Агесандр умело задрапировал,— сказал Диосфос, еще один ваятель, знакомый Таис.

— Но не сумел скрыть неуклюжей средней части тела,— возразил Лисипп,— и плохо развитой нижней части живота.

— Не понимаю восторгов,— спокойно сказал Клеофрад,— я не обсуждаю мастерства Агесандра, и нет у меня зависти к его великому умению, а только неприятие выбора модели. Разве у его богини эллинское лицо? Он придал ей канонический профиль, но кости головы покажутся хрупкими и узкими, как и следует для сириянки или иной женщины из народов восточного берега. Разве никто не заметил, как сближены ее глаза и узки челюсти?

— Что же в этом плохого?— успехнулся Стемлос.

— Плохо даже для твоих лошадей,— парировал Клеофрад,— вспомни широкий лоб Букефала. А для нас, эллинов, древних критян и египтян самый излюбленный образ — это Европа, переводи, как хочешь, это древнее имя:

эвриопис — широкоглазая или эвронис — широколицая, а, вернее, и то и другое. До сих пор кости Европы носят на празднике Эллотии на Крите в огромном миртовом венке. Следовало бы и нам, художникам, больше смотреть на своих жен и их прародительниц, а не щеголять поисками чужеземных моделей, которые, может быть, и хороши, но наши прекрасней.

— Здоровья тебе, Клеофрад!— воскликнул Лисипп.— Одно из многих прозвищ моей приятельницы Таис как раз широкоглазая. Разве ты не заметил, как похожа она лицом на Афину Партенос Фидия? Знаешь, та парадигма — модель для нескольких копий, в короне и с глазами из хризолита?

К удивлению присутствующих, индийцы стали кланяться, складывая руки и восклицая что-то одобрительное.

— Тебе-то хорошо, Эвриопис,— улыбнулся Лисипп Таис, посмотрел на Эрис и добавил:— Мы звали тебя послужить моделью для спора. Придется тебе и Эрис постоять обнаженными. Мы хотим увидеть в тебе сочетание древней критской и нашей эллинской крови. А в Эрис тоже слились древняя нубийская и другая, ливийская, что ли.— Он показал на тяжелый широкий табурет для модели. Таис послушно сбросила одеяние на руки не терявшей спокойствия Эрис. Общий вздох восхищения пронесся по мастерской. Здесь все преклонялись перед женской красотой, ценя ее как величайшую драгоценность природы.

— Морфе телитерес гоэтис! О чарующие, обворожительные женские формы!— воскликнул один из молодых поэтов, хиосец. Клеофрад замер, приложив ладонь щитком к левому виску, и не сводил глаз с меднозагорелой фигуры, стоявшей непринужденно, как будто наедине с зеркалом, а не на подставке перед собравшимися. Спокойная уверенность в собственном совершенстве и в том, что она не может вызвать среди художников ничего, кроме благоговения, окружили молодую женщину ощутимым покровительством бессмертных.

— Нашел ли то, что искал?— спросил Лисипп.

— Да!— почти крикнул Клеофрад.

Индийцы вздрогнули, с удивлением взирая на загоревшегося вдохновением эллина.

— Вот древнейший облик жены,— с торжеством сказал Лисипп,— крепкая, невысокая, широкобедрая, круглолицая, широкоглазая — разве она не прекрасна? Кто из вас может возразить?— обратился он к ученикам.

Лептинес, ваятель из Эфеса, сказал, что именно этот

облик два века назад воссоздавали художники Ионии, хотя бы Экзекиас или Псиакс.

— Они будто копировали ее лицо и тело,— ваятель показал на Таис.

— Я не могу пояснить тебе причину,— сказал Лисипп,— всего два канона скульптур модны с прошлого века. Один — в подражание непревзойденным Корам Акрополя — воспроизводит высокую жену с могучей грудной клеткой, с широко расставленными грудями, широкими плечами и брюшными мышцами, подобными атлетам — мужам. Они малоподвижные и не нуждаются в сильном развитии задних мышц, поэтому более плоски позади. Другой канон, введенный Поликлетом, Кресилаем, может быть, даже Фрадионом,— это широкоплечая, узкобедрая, малогрудая жена, без талии, более похожая на мальчика, также с неразвитыми позади мышцами. Таковы бегуньи, амазонки, атлетки этих художников. Ты, эфесец, знаешь статуи, что создали для святилища Артемис в твоем городе названные мною ваятели сто или больше лет?

— Они испортили облик Артемис и амазонок!— воскликнул Лептинес.— Влюбленные в юношей-эфебов, они старались в жене найти тот же образ мальчика. А зачем истинному мужу мальчик вместо жены? Простая и суровая жизнь моих предков, бежавших от дорийских завоевателей на берега Малой Азии, создала крепких, сильных, гибких жен небольшого роста. От них и карийских и фригийских жен, что ушли дальше к северу и добрались до Понта на реке Термодонт, возник город амазонок. Они служили Артемис с девизом «Никакого подчинения никакому мужу».

— Как интересно ты говоришь, ваятель,— воскликнула Таис,— так я — жена для нелегкой жизни?

— Из чистого древнего рода, тех, кто жил трудно,— отвечал Лептинес.

— Эфесец, ты увлек нас в сторону,— вмешался Лисипп,— хотя и говоришь интересно. Эрис, становись сюда!— Он показал на второй табурет рядом с Таис.

Черная жрица вопросительно посмотрела на хозяйку.

— Становись, Эрис, и не смущайся. Это не обычные люди, это художники. И мы здесь не просто жены, а воплощение богинь, нимф, муз — всего, что возвышает мужа-поэта, устремляя его мечты в просторы мира, моря и неба. Не сопротивляйся, если они будут ощупывать тебя. Им нанадо знать, какие мышцы скрыты под кожей, чтобы изобразить тело правильно.

— Я понимаю, госпожа. Почему здесь только мужи, а нет жен-ваятельниц?

— Ты задала глубокий вопрос. Я спрошу Лисиппа. Самой мне думается, что между нами нет такой любви и стремления к облику жены, как у мужей. А до понимания красоты вне личных отношений мы еще не доросли... может быть, из последовательниц Сапфо лесбосской есть и ваятели — жены?

Эрис стала рядом, темная, как египетская бронза, без того уверенного кокетливого превосходства, какое переполняло Таис, но с еще большим спокойствием равнодушной к земным хлопотам богини, лишь юная живость которой избавляет от впечатления суровой, даже печальной судьбы.

— Бомбакс!— издал возглас изумления Лептинес.— Они похожи!

— Я так и полагал,— сказал Лисипп,— одинаковое назначение их тел и равная степень гармонии ведут к неизбежному сходству. Но разберем эти черты по отдельности, чтобы понять Агесандра и его предшественников, повернувших моду эллинской скульптуры к чуждым образам и моделям. Ты, Клеофрад, и ты, Лептинес, хотя и молодой, но, видимо, смыслящий в истинном языке форм тела, будете поправлять или дополнять меня, не слишком большого знатока женской красоты.

Не следует повторять распространенной ошибки художников Эллады, от которой были свободны ваятели и живописцы Египта и Крита. Особенно это важно, когда вы стараетесь создать собирательный образ, назначенный донести красоту до всего народа, а не только сделанный для одного заказчика и рождающийся служить лишь двум: ему и самому художнику. Часто боги, одаряя художника даром видения и повторения, вкладывают ему нежную, чувствительную душу, отнимая за это часть мужества...

Лисипп заметил, как вспыхнули щеки и сошлись брови у его слушателей.

— Я не хочу обвинить художников в малой мужественности в сравнении со средним обычным человеком. Я говорю о Геракловом мужестве в гневной душе, наполняющем героев и людей выдающихся. По сравнению с ними вы нежны...

— И что же в этом плохого?— не стерпел Лептинес, перебив учителя.

— Ничего. Но спрос с большого художника, как с героя, не меньше, если он задался созданием великого про-

изведения искусства! А малое мужество ведет нас к ошибке в выборе модели и образа жены, мы говорим о женах, и здесь это важнее всего. Как часто художник выбирает модель и создает изваяние девы или богини с крупными чертами лица, мужеподобную, широкоплечую и высокую. Герой никогда не выберет такую, не выберет ее и сильный, мужественный человек, водитель людей. Герою нужна жена, полная женственной силы, способная быть ему подругой и могучее потомство вырастить. Такие избранницы были ведомы художникам ранних времен, ибо сами они были одновременно и воинами, и земледельцами, и охотниками...

Смотрите и слушайте! Рост обеих, как и полагается Харитам, невысок и почти одинаков. У Таис он,— Лисипп прищурил безошибочный глаз,— три локтя три палесты, у Эрис на полпалесты выше. Это меньше современного нашего канона персидских и финикийских жен в жизни.

Вторая важная особенность — сочетание узкой талии с крутизной бедер, образующих непрерывные без малейших западинок линии амфоры, издревле воспетые нашими поэтами и когда-то столь ценившиеся ваятелями. Теперь, с Поликлета до новомодного Агесандра,— у жен брюшные мышцы такие же, как у мужей, а бедра — про них забыли. Глубокая ошибка! Вот смотрите,— он подошел к Таис, проводя ладонями по ее бедрам,— широкий таз жены-родительницы требует уравновешивания. Чем? Конечно, развитием тех мышц, которые слабы у мужей и менее им нужны. Вместо толстого слоя верхних мышц живота хорошо сложенная жена имеет глубоколежащие мышцы, вот эти,— Лисипп надавил на бок Таис так, что у нее вырвался полувздох, полустон.

И Лисипп перешел к Эрис, кладя свои шершавые, высветленные работой в мокрой глине руки на ее темную кожу.

— Вот видите, и у нее тоже очень сильна мышца, скрытая под косой брюшной. Она широким листом распространяется отсюда, от нижних ребер до костей таза и до лобка. К средней линии от нее лежит еще одна в форме пирамиды. Смотрите, как резко она выделяется под гладкой кожей.

— Эти мышцы поддерживают нижнюю часть живота и вдавливают ее между выпуклыми передними сторонами бедер, у пахов. Это также результат их усиленного развития. Запоминайте лучше, ибо тут очень наглядны отношения, обратные статуе Агесандра, у которой живот внизу слишком сильно выступает. Насколько я понимаю, восхи-

тительную выпуклость бедер спереди дают упражнения мышц, поднимающих ноги вперед. Но этого мало. У нее,— ваятель перешел к Таис,— чрезвычайно сильны те глубокие мышцы, что притягивают ногу к тазу. И у крито-эллинки, и у нубийки нет ни малейшей западинки против сочленения ноги с тазом. Это тоже не случай. Многие обладают этим даром Харит от рождения. У Таис очертания бедер еще круче от упражнения идущих сзади и вверх мышц: вот этой, посредине между двух больших, и других, которых не прощупать, но они приподнимают слой верхних. Все они соединяют таз и бедро, поворачивают ногу, отводят ее назад и в сторону, выпрямляют туловище. Я бы назвал их танцевальными, а те, что сводят ноги,— наездническими! Запомните, жены должны развивать свои глубокие мышцы, а мужи — наружные. Имейте это перед собой, когда создаете образ прекрасный, здоровый и гармоничный, сильный без грубости, какими и надлежит быть дочерям Эллады. И не только Эллады — всей Ойкумены! Гибкость без утраты силы Эроса и материнства! Вот идеал и канон, далекий от милосской статуи Агесандра и в равной степени от бегуний и амазонок Поликлета. Жена не есть нежный юноша, она противоположна и более сильна. У жен всех народов распространены танцы с извивами талии, виляниями и покачиванием бедрами. Это естественные для них движения, упражняющие глубокие мышцы, создающие гибкую талию и полирующие внутренние органы ее чрева, где зачинается и создается дитя. Там, где нет этих танцев, ибо, как я слышал, некоторые народы их запрещают, там деторождение мучительно и потомство слабее.

Великий ваятель закончил речь и отступил довольный, а бурный восторг учеников, слушавших затаив дыхание, выразил общее согласие.

Клеофрад перешел со своего места и встал между Таис и Эрис.

— Никто не мог сказать более ясно и мудро, чем ты. Я добавлю только одно, может быть, потому, что агесандровская Афродита запомнилась как пример, мне антагонистичный. Взгляните, перед вами две прекрасные жены очень разных народов. Великий Лисипп сразу показал нам, насколько они похожи, созданы богами по одному канону. Но он забыл об очень важной черте красоты — у обеих груди расположены высоко, широкочашные и более округлы, чем у модели Агесандра. У его Афродиты, несмотря на зрелость тела, груди приострены, как в юности,

и в то же время их метрические средоточия по меньшей мере на целый дактиль опущены ниже, чем у Таис и Эрис. Это не ошибка мастера, а лишь слепое следование модели — у сириек нередки такие пропорции.

— Ты прав, Клеофрад, я хуже тебя запомнил творение Агесандра, и я согласен с тобою,— ответил Лисипп.

И великий скульптор Эллады, и оставшийся безвестным мастер немногих изваяний женщин, если бы смогли прозревать будущее, огорчились бы куда сильнее, узнав, что тысячелетия спустя неправильная трактовка Агесандром женского тела будет принята художниками грядущего за истинный канон эллинской красоты...

— Ты тоже хочешь добавить что-то, Лептинес?— спросил Лисипп.

Эфесский ваятель простер руку, призывая к тишине.

— Ты также ничего не сказал о задней стороне тела.

— Там нет особенностей в сравнении с Агесандром, то есть со статуей, пробудившей спор между нами,— нахмурился Лисипп.

— Нет, великий мастер, есть! И ты сам сказал об опущенных и плоских ягодицах сирийской модели Агесандра. Как видишь, наша модель сфайропигеон (круглозадая),— он провел ладонью по воздуху, повторяя очертания Таис и не смея коснуться ее тела.

Да, конечно! Причина та же — развития танцевальных мышц, выгибающих тело назад и вперед. Их наибольшая выпуклость перемещена выше и сильнее выступает, образуя резкую округлость. Милосская статуя плоска в верхней части, модели Поликлета и Кресилая вообще плоскоспинные. Глядя на эти модели, ясно видишь, что, танцуя не только бларитy, но даже эвмелейю, они не достигнут первенства. А наши гостьи способны на любой самый трудный танец, не правда ли, Таис?

— Зачем спрашивать у «четвертой Хариты»?— воскликнул Лептинес.— Может ли она?— он указал на Эрис.

— Покажи им, Эрис, прошу тебя, что-нибудь из танцев Великой Матери,— сказала Таис.— Это нужно для них.

— Зачем?

— Для понимания женской силы и красоты, для создания изображений богинь, захватывающих воображение тех, кому не пришлось в жизни встретить тебе подобных.

— Хорошо, госпожа!

Эрис вынула из волос кинжал и благоговейно подала его Таис. Лептинес попытался было посмотреть оружие,

но Эрис так сверкнула на него глазами, что он отдернул руку. Зато Лисиппу она позволила взять кинжал. Великий художник замер при виде древней драгоценности. Узкий клинок из твердейшей черной бронзы, отделанный параллельными золотыми бороздками, увенчивал рукоятку из электрона в форме тау очень тонкой работы. Верхняя горизонтальная перекладина, слегка выгнутая, с головами грифов на обоих концах, была отлита заодно с утолщенной посередине цилиндрической ручкой, пересеченной поперек кольцеобразными бороздками. Между бороздками с внешней стороны ручку украшали три круглых черных агата. У клинка рукоятка разветвлялась надвое, охватывая утолщенное основание двумя когтистыми лапами грифов. Оружие создавали мастера, умершие немало веков тому назад. Оно стоило больших денег, однако все черные жрицы были вооружены точно такими кинжалами. Таис взяла нож у Лисиппа, и Эрис облегченно вздохнула. Повернув голову к Таис, она попросила напеть утренний гимн Матери Богов.

— Начни медленно, госпожа, и ускоряй ритм через каждую полустрофу.

— «Ранней весной я иду по белым цветам асфоделей,— начала Таис,— выше встает солнце, ускользает тень ночи...»

Эрис подняла руки над головой, сложив их особенным способом — ладонями вверх, и медленно стала выгибаться назад, устремив глаза на свою грудь. Когда темные кончики ее широких, как степные холмы, грудей встали вертикально, будто указывая в зенит неба, Эрис повернула лицо направо и, отбивая ритм правой ногой, начала поворачиваться справа налево, поднимая и вытягивая для равновесия правую ногу. Между полузакрытыми веками ее глаз просвечивали полоски ярких голубых белков, а рот сложился в недобрую белозубую усмешку.

Таис ускорила ритм напева. Не меняя позы, Эрис вращалась то в одну, то в другую сторону, неуловимо перебрасывая ступни босых ног.

Лисипп радостно показывал на нее — кто еще мог бы сделать такое?

Таис хлопнула в ладоши, останавливая Эрис, и та, распрямившись рывком, замерла.

Фрагмент танца произвел сильнейшее впечатление на индийских художников. Старший из них склонился вперед, простирая руки. Эрис остановилась. Он сорвал драгоценный камень, сверкавший над его лбом в головной повязке,

и протянул Эрис, проговорив что-то на своем непонятном языке. Эрис посмотрела на хозяйку, та — на переводчика.

— Наш прославленный мастер подносит свою единственную драгоценность в знак предельного восхищения совершенством души, тела и танца: всех трех главных составляющих читрини,— сказал переводчик.

— Видишь, Эрис? Придется взять дар. От такого знака уважения не отказываются. Чужеземец разглядел в тебе совершенство души. Как сказал индиец? Читрини? Что это такое?— громко спросила она.

— Попросим почтенного гостя разъяснить,— поддержал Лисипп.

Пожилой индиец попросил доску с нанесенным на нее слоем алебастра. Такие употреблялись художниками для больших эскизов. Переводчик выступил вперед, поклонился, воздел руки и сложил их передо лбом в знак готовности служить гостю и хозяину.

— Поклонение женщине, ее красоте у нас, мне кажется, сильнее,— начал индиец,— и сила прекрасного в нашей стране больше, чем у вас. Мы считаем, что любовное соединение мужчины и женщины в должной обстановке увеличивает духовность обоих и улучшает Психею — душу зачинаемого потомства. Сами великие и величайшие боги не только покорны чарам небесных красавиц — апсар, гетер в вашем понимании, но и пользовались ими, как могущественным оружием. Главная гетера небес Урваши назначена соблазнять мудрецов, когда они достигают слишком высокого совершенства в могуществе с богами. У нас физическая любовь возвышена не только до служения красоте и тайнам природы, как в Элладе, но и до служения богам, как это было у предков индийского народа на Крите, в Азии и Финикии.

В сонме богов и богинь многочисленны солнечные красавицы небес — сурасундари или апсары, помощницы Урваши. Одно из главных дел их — вдохновлять художников на создание прекрасного для понимания и утешения всем людям. Солнечные девушки несут нам, художникам, собственный образ, и потому называются читрини: от слова читра — картина, изваяние, словесное поэтическое описание. Наделяя волшебной силой искусства, способностью творить чудо красоты, читрини подчиняют нас всеобщему закону: кто не выполнит своей задачи, теряет силу и слепнет на невидимое, становясь простым рукоделом...

— Как это похоже на орфическое учение о музах,—

шепнул Лисипп Таис,— недаром, по преданию, Орфей принес свои знания из Индии.

— Или Крита,— чуть слышно ответила афинянка.

— Один из главных секретов мастерства художников,— продолжал индиец,— неисчерпаемое многообразие красок и форм мира. Душа любого человека всегда найдет отклик на свой зов (если позовет), а тайна разожжет интерес. Но есть главные формы, как и главные боги. Выражение их — самое трудное и требует от мастера возвышенного подвига. Зато созданное переживет горы и реки на лике Земли, уподобившись вечной жизни высшего мира. Вот почему весь сонм читрини отличается общими, свойственными им всем чертами. Женский облик этот описан поэтом за полторы тысячи лет до нас.

Индиец простер руки, заговорил нараспев на каком-то другом языке, очевидно цитируя. Переводчик беспомощно оглянулся. Тогда другой индиец стал переводить ему на обычный, доступный для его понимания язык.

— «Эта женщина — радостная танцовщица, смелая возлюбленная, гибкая и сильная Читрини — невысокого роста, с очень тонкой талией и круто выгнутыми бедрами, с сильной стройной шеей, с маленькими руками и ногами. Ее плечи прямые, уже, чем бедра, ее груди очень крепкие, высокие, сближены между собой, потому что широки в основании. Лицо ее кругло, нос прямой и маленький, глаза большие, брови узкие, волосы чернее индийской ночи. Ее естественный запах — меда, уши маленькие и высоко посаженные...»— индиец перевел дух.— А теперь взгляните на них,— вдруг сказал он, простирая руку к Таис и Эрис,— вдохновленный богами поэт, столь давно умерший, описал и ту и другую. Разве нужно другое доказательство бессмертия красоты читрини?

Эллины разразились шумными возгласами одобрения и восторга.

Лисипп, который несколько времени назад велел принести ларец из другой комнаты, подошел к оратору, бережно неся статуэтку из слоновой кости и золота в один подвес высотой.

— Дар тебе, индиец, в подтверждение сказанного тобой.— Лисипп поднял изваяние на ладони.

Статуэтку полуобнаженной женщины время повредило немного, попортив лицо, головной убор и правую руку. Левой женщина придерживала широкую до пят юбку с двумя набегающими сверху воланами, глубокими клиньями,

опущенными вниз по средней линии, подобно букве «мю» с удлиненной и острой серединой. Свободный широкий пояс отвисал косо, открывая почти весь живот, осиную талию и верхнюю часть крутого изгиба бедер. Большие, полушариями выдающиеся, высоко и тесно посаженные груди казались чрезмерно развитыми для узкого торса и нешироких плеч. Лицо, поврежденное временем, сохранило круглое очертание и упорный взгляд длинных, широко расставленных глаз.

— Читрини?— спросил, улыбаясь, Лисипп.

— Читрини!— закивал индиец.— Откуда?

— С острова Крит. Знатоки считают, ей тысяча пятьсот лет. Значит, она — ровесница твоего поэта. Возьми.

— Мне?— индиец отступил в благоговейном ужасе.

— Тебе! Отвези в свою страну, где верования, каноны искусства и отношение к женам так перекликаются с великим погибшим искусством Крита.

Индиец что-то сказал сотоварищам, и те заговорили громко и возбужденно, взмахивая руками, будто афиняне на агоре.

— Сегодня для нас в твоем доме поистине празднество, о мудрый учитель,— снова заговорил старший индиец,— мы давно слышали о твоей славе, самого неподкупного и самого великого художника Эллады, пришедшего в Азию вместе с Александром. И убедились в том, что куда больше славы в глубине и щедрости твоих знаний, увидели в твоем доме сразу двух сурасундари — читрини. Но этот твой дар совершенно особенный. Возможно, при всей твоей мудрости ты не знаешь о предании, что на западе существовала страна, погубленная страшными землетрясениями, подводными извержениями вулкана...

— Знаю, знает и она,— ответил Лисипп, указывая на Таис,— и те из моих учеников, что читали «Критий» и «Тимей» Платона. На западе лежала богатая и могущественная морская держава со столицей — Городом Вод, погибшая от гнева Посейдона и Геи. Египетские жрецы, от которых узнал предание Платон, не дали точного нахождения этой страны, прозванной Атлантидой. Последователи Платона считают Атлантиду лежавшей западнее Геркулесовых Столбов в великом океане. Правда, «Критий» остался неоконченным, и мы не знаем, что еще сказал бы нам сам мудрец.

— Тогда тебе известно другое. Наша легенда говорит, будто морская держава находилась в вашем море. Ее положение, описание и время совпадают с островом Крит.

Время гибели — не страны, а ее мудрости и цвета народа — совершилось одиннадцать веков тому назад.

— Как раз время падения Критской державы при страшном извержении и наводнении,— сказал Лисипп, обращаясь к Таис.

— Некоторые из наиболее умелых и знающих людей Крита, уцелевших от гибели и пленения народами, напавшими на Крит, едва рухнуло его могущество и погиб флот, бежали на восток, на свою прародину в Ликаонию и Киликию, а также Фригию. Найдя места для поселения занятыми, они продолжали странствовать. Предание не говорит ничего о том, как достигли они реки Инд, где основали свои города, найдя родственные им народы дравидов и научив их искусствам. Прошли они сухим путем через Парфию, Бактрию и горы или сумели сплыть вниз по Евфрату и попасть в устье Инда морем, пользуясь умением выдающихся мореплавателей, в предании нет ни слова. Теперь ты видишь, что дар твой — священен, ибо сквозь тысячу лет передает нам изделие ваятеля из тех, что основали искусство нашей страны. Нет слов благодарности тебе, Лисипп!

Индийцы, как один, согнулись в низком поклоне перед несколько ошеломленным великим ваятелем. Затем старший индиец приблизился к Таис и Эрис, ослепительно красивым в солнечно-желтой и темно-голубой эксомидах. Взяв руку каждой поочередно, он приложил их ко лбу и сказал непонятные, похожие не то на молитву, не то на заклинание, слова, оставшиеся без перевода.

Затем четверо индийских гостей, накрыв статуэтку белоснежной тканью, благоговейно понесли ее домой. Эрис стояла потупив взгляд, еще более смуглая от жаркого румянца. Лисипп, глядя вслед гостям, только развел руками.

— Я согласен с индийским мастером, что в жизни редко выпадают такие интересные дни встреч и бесед,— заявил он.

— Хотелось бы встретиться с ним еще,— сказала Таис.

— Ты скоро увидишься с путешественником из еще более далекой и странной Срединной империи, только что прибывшим в Экбатану.

— Я приглашу его к себе?

— Нет, у них это, может быть, не принято. Лучше приходи ко мне. Я устрою так, чтобы избежать сборища и беседовать наедине. Уверен, что тебя, да и меня, ожидает немало нового.

Таис обрадованно хлопнула в ладоши и нежно поцеловала своего друга, заменившего ей мемфисского учителя.

Однако новости начались совсем в другом виде, чем ожидала этого Таис.

Через день после знакомства с Клеофрадом к Таис явился один из участников собрания в доме Лисиппа, ценитель искусства — богатый молодой лидиец, умноживший свое состояние на торговле рабами и скотом. Он приехал в сопровождении писца и сильного раба, тащившего тяжелый кожаный мешок.

— Ты не откажешь мне в просьбе, госпожа Таис,— начал он без промедления, обмахиваясь душистым лиловым платком.

Афинянке сразу не понравился тон полупросьбы, полуутверждения, небрежно оброненного с красивых губ лидийца. Не понравился и он сам. Все же по законам гостеприимства она спросила, в чем состоит просьба.

— Уступи мне свою рабыню!— настойчиво сказал лидиец,— она прекрасней всех, кого я видел, а через мои руки прошли тысячи...

Таис облокотилась на балюстраду веранды, уже не скрывая презрительной усмешки.

— Ты напрасно усмехаешься, госпожа. Я принес тебе, зная цену хорошей вещи, два таланта,— он показал на могучего раба, вспотевшего под тяжестью небольшого мешка с золотом.— Цена неслыханная для темнокожей рабыни, но я не привык себе отказывать. Увидев ее, я воспылал необоримым желанием!

— Не говоря о том, что в этом доме ничего не продается,— спокойно сказала Таис,— о том, что Эрис не рабыня, эта жена тебе не под силу, она не для обычного смертного.

— А я и есть не обычный смертный,— важно сказал лидиец,— и понимаю толк в любви. И если она не рабыня твоя, то кто же?

— Богиня!— серьезно ответила Таис. Лидиец захохотал.

— Богиня у тебя в услужении? Это слишком даже для такой знаменитой и красивой гетеры, как ты.

Таис выпрямилась.

— Пора тебе уходить, гость! Невоздержанного на язык и не знающего правил приличия у нас в Афинах скидывают с лестницы!

— А у нас помнят слова и добывают желаемое любыми способами. Цель оправдывает средства!— с угрозой

сказал богач, но Таис, не слушая, взбежала на верхний балкон.

Спустя день, когда Эрис пошла в сопровождении Окиале для каких-то покупок, лидийский знаток женщин остановил ее и соблазнял всяческими обещаниями. Эрис, не дослушав, пошла дальше. Разъяренный торговец рабами схватил ее за плечо и застыл перед острием кинжала.

Эрис со смехом рассказала хозяйке о неудачном поклоннике, и афинянка смеялась вместе с ней. К несчастью, обе молодые женщины оказались легкомысленными, не зная тяжелой и мелочной злобы азиатских торговцев живым товаром.

Прибыл очередной караван из Бактрии. Таис прихорашивалась, собираясь повидать начальника и узнать последние военные новости. К своей досаде, она обнаружила, что кончилась темно-пурпурная краска из кипрских раковин для подкрашивания кончиков грудей и пальцев ног. Эрис взялась пробежать до рынка. Быстрее нее мог съездить лишь верховой, но не в рыночной тесноте. Таис согласилась.

Эрис отсутствовала гораздо дольше. Обеспокоенная афинянка послала быстроногую девчонку, падчерицу Ройкоса, узнать, не случилось ли чего. Девочка примчалась, едва дыша, бледная, потеряв поясок, и сообщила, что Эрис связана, окружена толпой мужчин и ее собираются убить.

Таис предчувствовала недобрую тень над Эрис, и вот несчастье пришло. Ройкос уже вывел Боанергоса и Салмаах, вооружился щитом и копьем. Таис вспрыгнула на Салмаах. Сломя голову понеслись они по узкой крутой улице. Эрис всегда ходила этим путем. Таис не ошиблась. В широком полупортике — углублении высокой стены она увидела небольшую толпу, обступившую пятерых здоровенных рабов, схвативших Эрис. Руки ее были нещадно закручены назад, шею под горлом оттягивала толстая веревка, а один из рабов старался поймать ее ноги. На солнце в уличной пыли перед Эрис валялся знакомый уже Таис лидиец с распоротым животом. В мгновение Таис сообразила, как действовать.

— И-и-и-эх!— дико взвизгнула она над ухом Салмаах. Кобыла, точно взбесившись, ринулась на людей, брыкаясь и кусаясь. Ошеломленные люди выпустили из рук Эрис. В тот же миг Таис перерезала левой рукой веревку, а Салмаах опустила передние копыта на спину согнувшегося к ногам Эрис человека. Ройкос тоже не бездействовал. От крепкого удара щитом прямо в лицо упал навзничь один

из крутивших руки Эрис рабов, другой отскочил, хватаясь за нож, но старый воин занес копье. Со всех сторон с криком сбегались люди. Таис подала руку Эрис, повернула вздыбившуюся кобылу. Черная жрица легко вспрыгнула на круп позади Таис. Лошадь вынесла женщин из толпы. Ройкос прикрывал бы отступление, если бы это понадобилось. Рабы не посмели преследовать Таис и Эрис, сочувствие толпы полностью было на их стороне.

Таис велела Ройкосу сказать обступившим раненого людям, чтобы его не трогали до прихода помощи, и привезти к нему самого знаменитого врача Экбатаны.

Афинянка помчалась домой, осмотрела Эрис, велела искупаться в бассейне и принялась смазывать лекарством многочисленные царапины на ее необычайно плотной и упругой темной коже. Эрис, чрезвычайно довольная, что ее священный кинжал остался неприкосновенным, рассказала хозяйке о приключении.

Лидиец с пятью силачами-рабами подкарауливал Эрис, выследив ее дорогу. Они схватили ее так, что она не смогла вырваться, и повели в портик. Лидиец постучал. Дверь в глубине приоткрылась. Вероятно, Эрис затащили бы внутрь и накрепко связали. На свою беду, лидиец рано восторжествовал, пожелав сорвать одежду черной жрицы.

— На случай насилия над нами мы носим в сандалии...— Эрис подняла правую ногу. На подошве, впереди межпальцевого ремня, выступал продольный валик кожи. Передвинув большой палец в сторону, Эрис стукнула носком по полу, и выскочило скрытое в коже, подобно когтю леопарда, отточенное, как бритва, острие. Взмах страшного когтя мог нанести огромную рану. Выпущенные кишки лидийца служили наглядным примером.

Таис покончила с лечением Эрис, дала ей отвара мака и, невзирая на протесты, уложила. Явился Ройкос с запиской от врача, которому уже стало известно все происшествие.

«Я зашил живот негодяя толстой ниткой,— писал Алькандр,— если не помешает жир, будет жить». И лидиец действительно выжил. Три недели спустя он появился у Лисиппа с жалобой на Таис, показывая отвратительный рубец, косо и криво рассекавший его изнеженное тело. Таис сочла необходимым рассказать все начальнику города. Лидийца выслали с запрещением появляться в Экбатане, Сузе и Вавилоне.

На следующий день после нападения Таис призвала к себе Эрис и встретила рабыню стоя, необычайно серьезная и строгая.

В удобных креслах вавилонской работы восседали с видом судей Лисипп и Клеофрад. По трепету ноздрей Таис заметила скрытое беспокойство черной жрицы.

— Я свидетельствую перед двумя уважаемыми и всем известными гражданами старше тридцати лет,— произнесла афинянка установленную формулу,— что эта жена по имени Эрис не является моей рабыней, а свободна, никому ничем не обязана и в своих действиях сама себе госпожа!

Эрис вздрогнула. Белки ее глаз казались громадными на бронзовом лице.

Клеофрад, как старший, встал, скрывая усмешку в серо-черной бороде.

— Мы должны осмотреть ее, дабы установить отсутствие каких-либо порочащих отметин и клейм. Но в этом нет надобности, ибо не далее как пять дней назад мы оба видели ее без одежды. Я предполагаю подписать,— он склонился над заготовленным заранее документом и черкнул свой знак вечными чернилами дубовых орешков. Подписавшись в свою очередь, Лисипп и Таис подошли к окаменевшей Эрис. Лисипп мощными пальцами ваятеля разогнул и снял серебряный браслет выше левого локтя.

— Ты прогоняешь меня, госпожа?— печально сказала Эрис, бурно дыша.

— Нет, совсем нет. Только ты не можешь больше считаться моей рабыней. Довольно напрасного ношения маски. Рабыней считала себя Гесиона, тоже бывшая жрица, как и ты, только другой богини. А теперь, ты знаешь, «рожденная змеей»— моя лучшая подруга, заменившая мне прекрасную Эгесихору.

— Кого же заменю я?

— Тебе не нужно никого заменять, ты сама по себе.

— И я буду жить здесь с тобой?

— Сколько захочешь! Ты стала мне близким и дорогим человеком,— афинянка крепко обняла за шею и поцеловала, почувствовав, что тело черной жрицы дрожит.

Две крупные слезинки скатились по темным ее щекам, плечи обмякли, и вздох вырвался следом за исчезающей, как проблеск зарницы, улыбкой.

— А я подумала, что пришел мой смертный час,— просто, без всякой позы, сказала Эрис.

— Каким образом?

— Я убила бы себя, чтобы ждать на берегу Реки!

— А я догадался о твоей ошибке,— сказал Клеофрад,— и следил, чтобы помешать тебе.

— Не все ли равно — раньше или позже?— пожала плечами Эрис.

— Не все равно. Позже ты поняла бы все, что не сумела сообразить сейчас, и подвергла бы Таис и нас тяжким переживаниям от глупой неблагодарности.

Эрис с минуту смотрела на ваятеля и вдруг склонилась на колено и поднесла к губам его руку. Клеофрад поднял ее, поцеловал в обе щеки и усадил в кресло рядом с собой, как и полагалось свободнй женщине. Таис встала и, кивнув Эрис: «Сейчас вернусь», вышла.

— Расскажи нам о себе, Эрис,— попросил Лисипп,— ты должна быть дочерью известных родителей, хорошего рода по обеим линиям — мужской и женской. Такое совершенство, каллокагатия, приобретается лишь в долгой огранке поколений. Это не то что талант.

— Не могу, великий ваятель! Я не знаю ничего и лишь смутно помню какую-то другую страну. Меня взяли в храм Матери Богов совсем маленькой.

— Жаль, мне было бы интересно узнать. Наверняка подтвердилось бы то, что мы знаем о наших знаменитых красавицах: Аспазии, Лаис, Фрине, Таис и Эгесихоре...

Таис вернулась, неся на руке белую, отороченную голубым эксомиду.

— Надень! Не стесняйся, не забывай, это — художники.

— В первое же посещение я почувствовала, что они другие,— ответила Эрис, все же укрываясь за хозяйку.

Таис причесала Эрис и надела ей великолепную золотую стефане. Вместо простых сандалий, хотя бы и с боевыми когтями, афинянка велела надеть нарядные, из посеребренной кожи, главный ремешок которых привязывался двумя бантами и серебряными пряжками к трем полоскам кожи, охватывающим пятку, и широкому браслету с колокольчиками на щиколотке. Эффект получился разительным. Художники стали хлопать себя по бедрам.

— Так ведь она — эфиопская царевна!— воскликнул Лисипп.

— Я отвечу тебе, как и тому одержимому злобой лидийцу. Она не царевна — она богиня!— сказала Таис.

Великий ваятель испытующе посмотрел на афинянку — шутит или говорит серьезно, не понял и на всякий случай сказал:

— Согласится ли богиня служить моделью для моего любимого ученика?

— Это непременная обязанность богинь и муз,— ответила вместо Эрис Таис.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
КЕОССКИЙ ОБЫЧАЙ

Жизнь Таис в Экбатане после того, как Клеофрад начал лепить ее, а Эхефил — Эрис, приняла однообразное течение. Обеим пришлось вставать с первыми лучами рассвета. Ваятели, как и сам Лисипп, любили утренние часы, едва солнце вставало из-за восточных холмов и облака над гигантским гранитным хребтом на западе розовели и разбегались от мощи Гелиоса. Эхефил не торопился, работал медленно и не слишком утруждал Эрис. Зато Клеофрад, будто одержимый священным безумием, трудился яростно. Выбранная им поза была очень нелег-

кой даже для столь хорошо развитой физически женщины, как Таис.

Лисипп, отгородивший ваятелям часть веранды, неоднократно являлся выручать приятельницу.

От Птолемея приходило удивительно мало вестей. Он перестал писать длинные письма и только два раза сообщил о себе устными донесениями возвращавшихся в столицу Персии заболевших и раненых военачальников. Все шло благополучно. Оба отряда, на которые разделилась армия,— Гефестиона и Александра, разными дорогами одолели ледяные перевалы ужасной высоты, где человек не мог согреться и страдал сонной одурью. Теперь войска спускались к желанному Инду.

Однажды Лисипп увел Таис в свои покои. Там, за тщательно скрытой дверью, находилась абсида с высоким, щелью, окном, напоминавшим Таис мемфисский храм Нейт. Узкий луч полуденного солнца падал на плиту чистого белого мрамора, отбрасывая на Лисиппа столбик света. Суровая серьезность и этот свет на голове ваятеля придавали ему вид жреца тайного знания.

— Наш великий и божественный учитель Орфей открыл овомантию, или гадание по яйцу. В желтке и белке иногда удается распознать заложенное в него будущее птицы. То, что она, родившись, должна перенести в своей жизни. Разумеется, только посвященные, умеющие найти знаки и затем разгадать их посредством многоступенчатых математических исчислений, могут предсказывать. Разные птицы имеют разное жизненное назначение. Для того, что я хочу узнать, необходимо яйцо долго живущей и высоко летающей птицы, лучше всего грифа. Вот оно,— ваятель взял из овечьей шерсти большое серое яйцо,— в помощь ему будет второе, от горного ворона!— Лисипп ловко рассек острым кинжалом яйцо грифа вдоль и дал содержимому растечься по мрамору. Яйцо ворона он вылил на черно-лаковую плитку. Зорко вглядываясь в то и другое, сопоставляя, он что-то шептал и ставил непонятные значки на краях мраморной плиты. Не смея пошевелиться, Таис, ничего не понимая, наблюдала за происходящим.

Наконец Лисипп принялся подсчитывать и соображать. Таис, наслаждаясь отдыхом после нелегких сеансов у беспощадного Клеофрада, и не заметила, как солнечный луч сдвинулся влево, сползая с доски. Лисипп резко встал, отирая пот с большого лысоватого лба.

— Индийский поход ждет неудача!

— Что? Все погибли там?— очнулась Таис, до нее не сразу дошел смысл слов, сказанных ваятелем.

— На это нет и не может быть указаний. Течение судьбы неблагоприятно, и пространство, которое они рассчитывают преодолеть, на самом деле непреодолимо.

— Но ведь у Александра карты, искусные географы, криптии, кормчие — все, что могли ему дать эллинская наука и руководство великого Аристотеля.

— Аристотель оказался слеп и глух не только к древней мудрости Азии, но даже к собственной науке эллинов. Впрочем, так всегда бывает, когда прославленный, преуспевший на своем пути забывает, что он — всего лишь ученик, идущий одним из множества путей познания. Забывает необходимость оставаться зрячим, храня в памяти древнее, сопоставляя с ним новое.

— Что же он забыл, например?

— Демокрита и Анаксимандра Милетского, пифагорейцев, Платона, учивших, согласно с нашими орфическими преданиями, что Земля полушарие и даже шар. Потому все исчисленные для плоской Земли расстояния карты Гекатея неверны. Эвдокс Книдский, живший в Египте, исчислил по звезде Канопус размеры шара Геи в 330 тысяч стадий по окружности. Мудрецы эти писали, что до звезд расстояния непостижимо велики для человеческого ума, что есть темные звезды и есть множество земель обитаемых, подобно нашей Гее. Что, кроме известных планет, есть еще далекие, и мы их не можем видеть своим зрением, как не всякий видит рога планеты Утра, посвященной твоей богине.

Таис оглянулась встревоженно, словно боялась увидеть за спиной кого-нибудь из разгневанных олимпийцев.

— Как же мог узнать Демокрит о планетах, невидимых для него?

— Думаю, от учителей, владевших познаниями древних. В одном вавилонском храме мне показали маленькую башню с медным куполом, вертящимся на толстой оси. В купол было вделано окно из выпуклого куска прозрачного горного хрусталя, великолепно полированного. Круглое это окно, в три подеса диаметром, называлось издревле, еще халдеями, Око Мира. Через него в ночном небе жрецы разглядели четыре крохотные звездочки у самой большой планеты и увидели зеленоватую планету дальше мрачного Хроноса. Видел ее и я...

— И Аристотель не знал ничего об этом?

— Не могу сказать тебе: пренебрег или не знал. Пер-

вое хуже, ибо для философа преступно! Что Земля шар — он пишет сам, однако оставил Александра в невежестве.

— Чего же еще не знает учитель Александра?

— Ты задаешь вопрос для орфика, верящего в безграничность мира и познания, недопустимый!

— Прости, учитель! Я невежественна и всегда стараюсь черпать из источника твоих знаний.

— Аристотель должен был знать,— смягчился Лисипп,— что несколько столетий назад финикийцы по приказу фараона Нехо совершили плавание вокруг берегов Либии; затратив на этот подвиг два с половиной года, они доказали, что Либия — остров, величиной превосходящий всякое воображение. Они не встретили края мира, богов или духов, только солнце стало выделывать странные вещи на небе. Оно поднималось в полдень прямо над головой, дальше тень опять с наклоном, хотя мореплаватели по-прежнему направлялись к югу. Потом солнце стало вставать не по левую, а по правую руку.

— Не понимаю, что бы это значило?

— Прежде всего, что они обогнули Либию и, плывя все время вдоль берегов, повернули на север. Изменение же полуденной точки солнца по мере их плавания то к югу, то к северу говорит об одном, что давно уже знали орфики и жрецы Индии и Вавилона, избравшие символом мира колесо.

— Но колесом выглядит Земля и на картах Гекатея!

— Плоским. Орфики давно знают, что это колесо — сфера, а индийцы давно считают Землю шаром.

— Но если так, то Александр старается достичь пределов мира, не зная его истинного устройства и размеров. Тогда Аристотель...

— Тысячи мнимых пророков обманывали тысячи царей, уверенные в истинности своих жалких знаний.

— Их надо убивать!

— Разве ты столь кровожадна?!

— Ты знаешь, что нет! Те, кто проповедует ложные знания, не ведая истины, принесут страшные бедствия, если им следуют такие могущественные завоеватели и цари, как Александр.

— Пока Аристотель не принес Александру беды. Даже обратное. Убедив его в близости пределов мира, он заставил его рваться изо всех сил к этой цели. У Александра есть доля безумия от вакхической матери. Он вложил ее в свои божественные силы и способности полководца.

— А когда истина откроется? Простит ли ему Александр невежество в географии?

— Частично оно уже раскрыто. Недаром Александр повернул в Индию путем Диониса. Может быть, он узнал о Срединной Империи?

— Ты хотел показать мне человека оттуда!

— Хорошо! Завтра! А сейчас иди к Клеофраду, или он разнесет все мое собрание египетских статуэток. Я неосторожно оставил их в мастерской.

Действительно, афинский ваятель, дожидаясь ее, метался по веранде подобно леопарду. Таис была наказана позированием до вечера. Эрис, давно освободившись, ждалась ее в саду Лисиппа.

— Скажи, госпожа,— спросила Эрис на пути к дому,— что заставляет тебя послушно служить моделью, утомляясь сильнее, чем от любого дела, теряя столь много времени? Или они дают много денег? Я не верю, что Клеофрад богат.

— Видишь ли, Эрис, каждый человек имеет свои обязанности, соответственно тому, как одарила его судьба. Чем дар выше, тем больше должны быть обязанности. У царя — забота о своих подданных, о процветании своей страны, у художника — сотворить такое, что доставило бы радость людям, у поэта...

— Я все поняла,— перебила Эрис,— меня учили, что если дана красота большая, чем у подруг, то служение мое должно быть тоже большим и трудным.

— Ты сама ответила на свой вопрос. Мы одарены Афродитой, и мы обязаны служить людям, иначе исчезнет божественный дар прежде исполнения предназначенного. Есть немало ваятелей и художников, которые заплатили бы нам горсть золота за каждый час позирования, но я без единого обола буду покорной моделью Клеофрада. А ты?

— Эхефил спрашивал меня, и я отказалась, я понимаю, что служу Великой Матери, а за это, как ты знаешь, нельзя брать деньги. Хотя иногда мне хочется много денег!

— Зачем?— удивилась Таис.

— Чтобы сделать тебе подарок, дорогой-дорогой, красивый-красивый!

— Ты давно это сделала, подарив мне себя.

— Вовсе нет. Ты купила, вернее, обменяла меня, приговоренную.

— Разве ты не понимаешь, жрица Превышней Богини, Царицы Земли и Плодородия? Как я тебя нашла и приобрела — это случайность. Так могла быть добыта любая рабыня. Но ты не стала рабыней, а совсем другой, неповторимой и не похожей ни на кого. Тогда я и приобрела тебя вторично, а ты — меня.

— Я счастлива, что ты понимаешь это, Таис!— она назвала ее по имени в первый раз за все годы их совместной жизни.

Бывали случаи, когда Клеофрад был просто человеком: подлинным афинянином, общительным, веселым, жадным до новостей. Таким, несомненно, оказался он в день приема гостя с далекого Востока, желтолицего, с глазами еще более раскосыми и узкими, чем у обитателей восточных далей Азии. Его лицо с тонкими чертами напоминало вырезанную из древесины барбариса маску. Одежда, потертая и выгоревшая, была сшита из особого толстого и плотного материала, серики или шелка, чрезвычайно редкого и дорогого на берегах Малой Азии и Финикии. Свободная блуза болталась на тощем теле, а широкие штаны, хотя и составляли принадлежность одеяния варвара, сильно отличались от скифских, обтягивавших тело. Глубокие морщины выдавали и возраст путешественника, и усталость от бесчисленных тягот странствия. Темные глаза смотрели зорко, остро и умно, пожалуй, с несколько неприятной проницательностью. Сложное имя с непривычными интонациями не запомнилось Таис. Гость довольно свободно изъяснялся на старом персидском языке, забавно возвышая голос и проглатывая звук «ро». Друг Лисиппа, ученый перс, легко справился с обязанностями переводчика, да и сами Лисипп и Таис уже научились понимать по-персидски.

Путешественник уверял, что исполнилось восемь лет, как он покинул родную страну, преодолев за это время чудовищные пространства гор, степей, пустынь и лесов, населенных разными народами. По его подсчетам, он прошел, проехал и проплыл расстояние в три раза больше, чем пройденное Александром от Экбатаны до Александрии Эсхаты.

Таис и Лисипп переглянулись.

— Если я правильно понял почтенного путешественника, он утверждает, что за Александрией Эсхатой населенная суша — Ойкумена — простирается гораздо дальше, чем на карте Гекатея, по которой до мыса Тамарос, там, где огромная стена снежных гор достигает берега

Восточного океана, всего двадцать тысяч стадий, и то ненаселенных.

Лицо гостя отразило сдержанную улыбку.

— Моя страна Небес, как мы ее зовем иначе Срединная, лежит по вашей мере на двадцать тысяч стадий восточнее реки Песков. Нас, жителей ее, больше, чем я видел по всему пути, включая Персию.

— А что вы знаете о Восточном океане?

— Наша империя простирается до его берегов, и мои соотечественники ловят рыбу в его водах. Мы не знаем, как велик океан и что лежит за ним, но до его берегов отсюда примерно шестьдесят тысяч стадий.

Лисипп, не скрывая удивления, раскрыл рот, а Таис почувствовала холодок, бегущий по спине. Только вчера Лисипп рассказал о колоссальных пространствах Либии, простершихся к югу, а сегодня странный желтолицый человек с несомненной правдивостью говорит о невообразимо огромной населенной суше — Ойкумене. Путешествие Диониса в Индию, с детства воспринятое как деяние могущественного бога, оказалось малым перед тем, что содеял этот среднего роста пожилой тонкокостный человек с изборожденным морщинами желтым лицом, пришедшим из стран далеко за мнимыми обиталищами богов.

И сердце Таис переполнилось острой жалостью к Александру, со сверхчеловеческим героизмом пробивавшемуся через сонмы врагов, находясь от цели на все еще вдвое большем расстоянии, чем до сих пор пройденное. Ученик великого философа не подозревал, что его ведет невежественный слепец. Может быть, овомантия Лисиппа наполнила Таис уверенностью, что и в Индии пределы Ойкумены окажутся гораздо дальше показанных на эллинских картах.

Мир, оказывается, устроен гораздо сложнее и куда более огромен, чем это думали сподвижники Александра и его философы. Как передать это Александру, не желавшему слушать даже собственных криптий, разведавших про большую пустыню и длинные ряды гор, находящиеся на восток от Крыши Мира. Если бы не яростные в битвах скифы, он пошел бы дальше к востоку, за Александрию Эсхату. Невесту Смерти, унесшую Леонтиска! Отнять у Александра мечту — первым из смертных достичь пределов мира — нельзя. И где эти пределы? Миллионы желтокожих обитателей империи Неба на Восточном океане, судя по путешественнику с непроизносимым именем, обладают высокими для варваров познаниями и искусством.

Так думала афинянка, глядя на гостя, который, сложив тонкие пальцы, отдыхал в глубоком персидском кресле. Он с охотой принял приглашение остановиться в доме Лисиппа перед тем, как уехать в Вавилон, где рассчитывал познакомиться со столицей мудрецов и магов западной Азии, а затем встретиться с Александром.

За несколько дней, пока путешественник гостил у Лисиппа, Таис узнала множество вещей, которые у себя на родине посчитала бы за сказку. Небесная империя возникла в древности не менее глубокой, чем Египет. Крит и Месопотамия. Путешественник говорил о точном календаре, рассчитанном за две тысячи лет до постройки Парфенона. По его уверениям, основание государства произошло еще за две тысячи лет до установления этого календаря. Он рассказывал об искусных ремесленниках и художниках, об астрономах, составивших карты неба, о механиках, создавших сложные водоразборные устройства, необыкновенные высокие мосты, башни храмов из железа, фарфора и бронзы, о дворцах на холмах, насыпанных человеческими руками, об искусственных озерах, выкопанных тысячами рабов.

Мудрецы Небесной страны придумали машину для предсказаний землетрясений и узнавания мест, где они случались. Путешественник красочно описал украшенную трудами людей природу, горы с храмами на вершинах, к которым построили широкие лестницы в тысячи ступеней, обсаженные вековыми деревьями; дороги из политого голубой глазурью синего кирпича, ведущие к священным местам, аллеи высокоствольных сосен с белой корой, одинаковой высоты и возраста, протянувшиеся на сотни стадий.

Сын Небесной страны говорил об искусных врачах, исцеляющих при посредстве золотых иголочек, вонзаемых в больное место. Невероятным показалось эллинам упоминание о двух зеркалах из стекла и металла, находившихся во дворце императора. С помощью их врач якобы мог рассматривать человека насквозь и находить внутри тела места, пораженные болезнью. Таис, заслужившая уважение путешественника неуемным любопытством и умными вопросами, получила в подарок маленькую фарфоровую чашку с необыкновенным синим рисунком камышей и летящих птиц, завернутую в кусок шелка изумительного золотого цвета.

Афинянка не поскупилась отдарить раскосого мудреца, поднеся ему блюдце черного фарфора, какого он не

видел никогда, несмотря на множество пройденных стран. С догадливостью заботливой женщины Таис заставила путешественника принять кедровую шкатулку с золотыми статерами, только что отчеканенными, с профилем Александра по модели Лисиппа. Мудрец, явно стесненный в деньгах и, очевидно, надеявшийся на помощь Александра, очень растрогался. Следом за Таис Лисипп тоже дал ему немалую сумму для окончания путешествия. Теперь желтолицый мог спокойно ехать в Вавилон и дожидаться Александра хоть два-три года.

Тогда он принес Таис серьги изумительной работы, видимо, последнюю драгоценность, уцелевшую за дальний путь. Серьги из прозрачного бледно-зеленого камня необычайной прочности состояли из колец и миниатюрных шариков — одни внутри других, выточенных из цельного куска, без нарушения монолитности камня. Подвешенные к ушам на золотых крючках, серьги нежно и тихо звенели отзвуком далекого ветра по сухим тростникам. Заключенные внутри шариков крошечные розетки из ограненных кусков камня, называемого в далекой империи «глазом тигра», переливались сквозь прорези таинственным лунным светом. Искусство камнерезов страны желтолицых превосходило все виденное до сих пор эллинами и заставляло верить рассказам путешественника. Афинянка подолгу любовалась изделием из неслыханно далекой страны, боясь часто надевать такую редкость.

Желтолицый удивил Лисиппа и Таис легендой о рождении первых существ из яйца, которое Бог Неба Тьянь уронил в Великие Воды с небес на землю. Эта легенда близко напоминала орфические учения о начале начал.

Гуань-Инь, матерь милосердия и познания, могуществом равная мужским божествам Неба и Грома, очень походила на Великую Матерь Крита и Малой Азии. Под конец путешественник огорчил Таис убеждением, что все в мире имеет два начала — Янь и Инь. Все светлое, дневное, небесное связано с мужским началом Янь, все темное, ночное, земное — с женским Инь. Инь должна находиться в строгом подчинении Янь. Тогда жизнь будет направляться к свету и небесам. Возмущенная Таис предсказала желтолицему, что его империя будет всегда на более низком уровне духовного развития, чем те страны, где женское начало признается благотворным и созидающим. Кроме того, страны с угнетенной женской половиной человеческого рода никогда не отличались доблестью и мужеством в войне и борьбе с врагами. Порабощение

женщины неизбежно влечет за собой рождение рабских душ и у мужчин.

Лисипп напомнил разгорячившейся афинянке о некоторых именах Кибелы, Великой женской богини, например, Владычица Нижней Бездны, Царица Земли, совпадавших с аспектом Инь. На это Таис сердито ответила, что обликов у Великой Матери много, но дело не в них, а в тех последствиях общественного устройства, какие созданы мужчинами и чем пытаются они доказать свое главенство. К удивлению афинянки, желтолицый внезапно сник. Острые огоньки его узких глаз потухли от печали. Несмотря на все могущество страны, искусство мастеров, трудолюбие народа, Небесное государство, оказывается, раздираемо междоусобными войнами и частыми нападениями извне умелых в битвах кочевых племен.

Жестокость правителей, далеких от жизни народа и равнодушных к постоянным бедам — неурожаям, наводнениям или засухе, делает жизнь невыносимой. Его соотечественники давно бы взбунтовались, свергли бы злобных правителей и уничтожили жестокие законы, имей они больше храбрости, хотя бы столько, сколько самый слабый воин в армии Александра. Или совсем немного мужества для того, чтобы попросту разбежаться из страны, где они живут в тесноте, терпя нищету и несправедливость именно из-за многолюдия.

Эллины поняли, что сказочная империя, хотя и носит гордое название, нисколько не лучше всех тех многочисленных стран, где процветает тирания. Окончательно расстроила Таис еще одна откровенность путешественника. Его побудила идти на запад легенда о рае, населенном Драконами Мудрости, находившемся где-то в центре Азии, в кольце высочайших гор. Он прошел насквозь Центральную Азию, все ее каменистые пустыни и явился сюда, в Месопотамию, где западные предания помещали другой рай безоблачного счастья. И тут не оказалось ничего похожего. Просто сказка, придуманная еврейскими мудрецами, чтобы вывести свой народ из рабской жизни в Египте и повести на восток.

Пусть он не нашел рая, зато встретился с мудростью, сильно отличающейся от всего строя мысли его родного народа,— так утешался желтолицый.

Таис с неохотой рассталась с путешественником. Он отказался начертить какие-либо карты и обозначить расстояния до того, как увидится с Александром.

И снова непобедимое очарование афинянки сломило

сдержанность путешественника. Он доверительно сообщил ей, что вместо рая и Драконов Мудрости он встретил приветливых, добрых людей, живших в каменных постройках, на уступах высочайших гор, в истоках самой большой реки Небесной страны — Голубой. Эти люди считали себя последователями великого индийского мудреца, учившего всегда идти срединным путем между двумя крайностями, между добром и злом, между светом и тенью, ибо все в мире меняется со временем. То, что хорошо, становится плохим, и, наоборот, зло оборачивается добром. Он хотел остаться учеником мудрецов, но они послали его дальше на запад, туда, где ничего не знают о великих странах Востока, но появился человек, которому под силу соединить Восток с Западом вершинами мудрости того и другого. Ему надлежит увидеть этого человека, великого полководца Александра, поведать ему о путях и странах, лежащих дальше Крыши Мира, если он окажется столь мудрым и прозорливым, как об этом слышали последователи Среднего пути!

— А если нет?— быстро спросил Лисипп.

— Тогда не открывать ничего,— бесстрастно ответил путешественник.

— Могут выведать силой,— настаивал ваятель.

Желтолицый презрительно усмехнулся.

— Дорога велика, расстояния громадны, горы и пустыни без воды, со страшными ветрами. Малая неточность в указаниях объявится лишь годы спустя, а уведет на тысячи стадий в сторону, на погибель,— и путешественник вдруг засмеялся визгливым дробным смешком.

Внезапно в Экбатане появился огромный караван, присланный Александром из-за высочайшего хребта Парапамиза. У подножия сверкающих льдом вершин, вдвое выше Олимпа или даже еще более грандиозных, ко всеобщему ликованию, македонская армия, вернее, та ее часть, которая возглавлялась самим Александром и Птолемеем, наткнулась на поросшие плющом холмы. Среди них расположился город Ниса. И плющ, и название города доказывали, по мнению Александра, что здесь остановился бог Дионис, в конце его пути в Индию. Обитатели здешних мест, не темные, а с легким медным оттенком кожи, не похожие на другие племена, несомненно, пришли с запада. Поразили македонцев и многочисленные стада прекрасного скота, в особенности быки — длинно-

рогие, огромные и пятнистые. Караван этих быков царь немедля отправил на запад для Македонии. Посланные прибыли в Экбатану, сохранив три четверти животных. С замиранием сердца Таис бегала смотреть быков, взволнованная ими больше, чем письмом от Птолемея. Таис с трудом оторвалась от созерцания великолепных быков. Они будут два месяца отдыхать на горном экбатанском пастбище перед дальнейшим переходом до Тира и плавания на родину Александра.

Быки походили на знаменитую критскую породу, употреблявшуюся для священных игр. Пришельцы с запада, согласно преданию индийского ваятеля, могли быть критянами. Лисипп согласился с возможностью подобного истолкования. Мифы о Дионисе имеют начало в древности, столь же глубокой, как и Крит. Великий художник прибавил, что, может быть, и само путешествие Диониса в Индию было не чем иным, как исходом спасшихся с Крита людей. Афинянка запрыгала от восторга и расцеловала Лисиппа за интересное соображение.

Она поехала домой читать письмо Птолемея. Его послания из Согды и Бактрианы отзывались накопившимся раздражением и усталостью. Последнее письмо, наоборот, напоминало прежнего Птолемея. Без радужных мечтаний, предчувствуя грядущие труды, военачальник, сделавшийся главой советников Александра, ожидал скорого конца похода.

В самом деле, после празднеств в Нисе и молниеносного взятия горной крепости Аорнос они миновали трехвершинную гору Меру, согласно вычислениям географов и кормчих очень близкую к границам Ойкумены, и спустились в Сват. Сюда прибыл гонец от Гефестиона, проведшего свои конные и пешие силы и обозы под начальством Кратера на берег Инда. Гефестион приступил, как обычно, к постройке наплавного моста через не очень широкую здесь реку, по мнению Аристотеля и Александра, протекавшую к Восточному океану. Неарх с кавалерией агриан поспешил туда, собрав всех искусных в кораблестроении финикийцев, ионян и киприотов, дабы построить суда для плавания на восток.

План Александра прост: перейдя Инд, армия пройдет еще две-три тысячи стадий суши, ненаселенных до берегов океана, а флот Неарха будет готов к перевозке всех океаном на запад, в Нил и Александрию на Внутреннем море. «Жди нас теперь не с востока, а с запада,— писал Птолемей,— мы приплывем в Тир, а через Дамаск,

царской дорогой, явимся в Вавилон. Не больше полугода потребуется для этого, хотя возможны остановки по дороге. Милостью Афродиты, через восемь месяцев после получения моего письма выезжай встречать в Вавилон. Это будет конец азиатских походов, совсем, навсегда. Потом мы будем воевать только на Внутреннем море, завоевывая Либию, Карфаген, италийские города — все до Геракловых Столбов!

С нами согласны плыть в Египет и новые отряды конницы из персидской аристократии, и превосходные конные лучники из Согдианы и Бактрианы. Нам удалось сформировать конницу не хуже доблестных тессалийцев. Твои поклонники аргироаспиды так истощились в боях со скифами и бактрийцами, что теперь перешли в охранные силы Александра, войдя в состав Агемы и гетайров... Только пехота — фаланга из ветеранов осталась прежней, однако армия, выросшая до ста тысяч, наполовину состоит из кавалерии, и значение пехоты, когда-то важнейшей опоры в боях, сильно уменьшилось. Несокрушимая изгородь из щитов и длинных копий, сминавшая ряды самого отважного врага, здесь, на бесконечных равнинах или в лабиринте горных долин, подвергалась обстрелу издалека быстрыми, как ветер, конными лучниками...

Александр сумел всего за полтора года перестроить армию применительно к условиям войны в Азии.

Выдвинулись новые военачальники, среди них Селевк, громадного роста и превосходящий силой Черного Клейта, но веселый и куда более умный, чем несчастный брат Ланисы.

Птолемей писал, что по мере продвижения в Индию горы становятся все выше, все больше снегов и ледников встречается на труднопроходимых перевалах, все бурнее реки, завалепные огромными валунами. Александр видел в увеличивавшихся затруднениях предзнаменование близкого конца похода. Именно так должны были быть заграждены пределы Мира, недоступные простым смертным. За этими препятствиями обитают полубоги — в садах, где растут деревья с плодами Вечной Мудрости, на берегах Вод Жизни, в лоне которых отдыхает солнце. Эти воды давали бессмертие богам или титанам. Да и не были ли титанами сами жители последних пределов мира?

Аристотель прислал со специальными гонцами свои новые рассуждения для ученика. Александр не имел времени их прочесть во время тяжелого похода на высоты

Парапамиза и Бактрии. Теперь он размышлял над писаниями великого философа и делился сомнениями с Птолемеем. Аристотель прежде всячески поощрял стремления полководца на восток, навстречу колеснице Гелиоса, а в последних трудах он остерегал Александра от безоговорочной веры в древние мифы, к которым был так склонен сын Олимпиады. Аристотель писал, что вряд ли Александр встретится со сверхъестественными существами, ибо никто из серьезных путешественников не встречал богоподобных людей или человекоподобных богов во всей известной Ойкумене.

Александр только усмехался. Для него следы Диониса, найденные им в Нисе, казались убедительнее софистических рассуждений старого мудреца...

Птолемей еще раз напоминал Таис о встрече в Вавилоне и просил не привозить туда, в жаркий климат, сына. Он обещал рассказать много интересного о странах, никогда не виденных даже мифическими героями.

Уже сейчас он прошел дальше Диониса, а плавание аргонавтов в Колхиду, по исчислению Неарха, было втрое короче пути, проделанного армией по суше через препятствия, куда тяжелее и сопротивление врагов, гораздо более многочисленных.

Птолемей писал из долины Свата, где «утренние туманы сверкают миллионами жемчужин над рощами низких деревьев, усыпанных густо-розовыми цветами. Быстрая река мчит изумрудную воду по лиловым камням, берега окаймлены ярко-голубыми цветами — широким бордюром, простирающимся до пологих склонов, заросших деревьями невероятных размеров, какие никогда не встречаются в Элладе и могут быть сравнимы лишь с кедрами Финикии и Киликии. Но те растут вширь, а эти — ввысь, вздымая свои темно-зеленые вершины на высоту полустадии. И здесь, как прежде, ели и сосны были очень похожи на македонские, и сердце вдруг сжималось от тоски по родным горам». Таис остро пожалела, что не участвует в столь необычайном путешествии, но быстро утешилась, поняв, насколько затруднительно для Птолемея было бы оберегать ее в походе, тяжелом даже для закаленных мужей выдающейся силы. И уже нет ее верных тессалийцев и милого Леонтиска, всегда готового прийти на помощь...

Птолемей пишет о Роксане, сопровождающей царя. То жена великого полководца, божественного Александра! К ее услугам вся армия, а если она понесет ребенка от

царя, то любой воин отдаст свою жизнь, чтобы уберечь наследника непобедимого властелина Азии!

А кто Таис? Гетера, любви которой Александр и хочет и бежит от нее, отвергая всенародно. Жена Птолемея, но после скольких возлюбленных этого собирателя красоты? Даже веселый тон письма настраивает на мысли, что Птолемей нашел в Бактрии и в долинах Инда прекрасных девушек и собрал хорошую добычу драгоценных камней. Конечно, из последнего кое-что достанется и ей, очевидно, выкупом за первое?..

Нет, Птолемей знает ее равнодушие, подчас терзаясь этим признаком безразличия. Впрочем, оно для него и удобно...

Не успели быки Диониса откормиться на пастбищах Экбатаны, как появилась Гесиона, ничего не знавшая о Неархе и с жадностью перечитавшая письмо Птолемея. Было ясно, что критский флотоводец снова оказывался в своей стихии кормчего, составителя карт и строителя кораблей. «Рожденная змеей» уже оправилась от тягот совместного житья с беспокойным мореходом и в своей вавилонской розовой одежде стала красивой по-прежнему. Таис пригласила ее к Лисиппу, но Гесиона предпочла в утренние часы, когда ваятели занимались своим делом, оставаться дома и возиться с Леонтиском. К неудовольствию афинянки, прибавилась еще одна бездетная обожательница ее сына. Неарх не хотел детей, считая, что он не может быть им опорой: слишком неверна судьба моряка! На вопрос Гесионы, что он думает о ней самой, Неарх, скупо улыбаясь, ответил, что она достаточно умна, красива и богата, чтобы в случае его гибели позаботиться о себе. Гесиона пыталась втолковать критянину, что, помимо обеспеченности, ей нужно от него многое, именно от него и ни от кого другого в мире. Флотоводец говорил фиванке, что она вполне свободна, однако он будет рад, если она станет дожидаться его возвращения, ибо, к его удивлению, он не нашел нигде женщины лучше ее.

— А искал?— спросила Гесиона.

— Все мы не отказываемся от случая,— пожал плечами мореход.

Понемногу фиванка поняла, что избранник сердца столь же одержим мечтами заповедного Океана, как и друг его детства Александр. Александр не чувствовал себя хорошо без Неарха и старался всегда найти ему дело около себя, именуя главным кормчим своей армии. В результате Гесиона так долго оставалась одна в большом

доме, что начала подумывать разойтись со своим знаменитым, растворившимся в недоступных далях мужем.

«Рожденная змеей» спрашивала, как мирится Таис с еще более долгими отсутствиями Птолемея. Подруга по-прежнему отвечала, что Птолемей ей не нужен так, как Неарх Гесионе.

— Я поджидаю его теперь с большим нетерпением,— сказала Таис,— из-за сына. Пока ты и тебе подобные не испортили его окончательно, Леонтиска надо оторвать от материнского дома.

— Будешь тосковать!— воскликнула Гесиона.

— Не больше и не меньше, чем любая эллинская мать, а для смягчения тоски заведу себе девчонку. Эта будет при мне восемнадцать лет, до той поры и я окончу свои скитания и займусь домом.

— Домом Птолемея?

— Вряд ли. Чем старше будет он (и я, разумеется), тем моложе станут его возлюбленные. А мне трудно будет терпеть блистательную юность рядом, когда мне уже нечем будет соперничать с ней, кроме знаменитого имени и положения. Если же остается лишь имя и положение, то прежняя жизнь кончена. Пора начинать другую...

— Какую?

— Почем я знаю? Ты спросишь меня об этом через... пятнадцать лет.

Гесиона, засмеявшись, согласилась, не подозревая, что судьба готовит обеим совсем разные и необыкновенные дороги, которые разведут их вскоре и навсегда.

Подруги катались верхом на своих прежних лошадях, а для Эрис приобрели вороного, без единого пятнышка, как ночь черного парфянского жеребца. Эрис, сделавшись незаурядной наездницей, справлялась с сильным конем. Вечером они поднимались в горы по склонам, поросшим полынью и тимьяном, где выступали сглаженные ветром ребра и редкие уступы плотного темного камня. Отпустив лошадей пастись, три женщины выбирали плоский большой камень и простирались на нем, чувствуя приветливое тепло вобравшей солнце скалы. Сверху из леса смоляной аромат смешивался со свежим и резким запахом трав в дуновении прохладного ветра, тянущегося по каменистой долине. Громадная снеговая вершина рано загоражива ла солнце на западе, и ласка каменного тепла приходилась кстати. Иногда слабые звездочки успевали зажечься в сумеречном небе, и бриас — пустынный филин

ухал по нескольку раз, прежде чем вещицы возвращались в город.

Каждая из подруг вела себя по-своему на этих молчаливых горных посиделках. Эрис садилась, обняв колени и подпирая ими подбородок, смотрела на иззубренные скалы хребта или на зыбкое жемчужное марево дальней степи. Гесиона подбиралась к самому краю выступа, нависавшему над долиной, и, лежа на животе, зорко высматривала горных козлов, наблюдала за игрой воды в ручье на дне ущелья, подстерегала появление сурков, пеньками возникавших близ своих нор, пересвистываясь с соседями. Таис ложилась на спину, раскинув руки и подогнув одно колено, смотрела в небо, где плыли редкие медленные облака и появлялись могучие грифы. Созерцание неба погружало ее в оцепенение, и Гесиона, искоса наблюдая за той, которую считала образцом жены, удивлялась смене выражений на ее лице при полной неподвижности тела. Это напоминало ей таинственное искусство египтян, которые умели придавать смену настроений даже статуям из твердого полированного камня.

Таис, глядя в небо, вдруг улыбалась, тут же меняясь на олицетворение глубокой печали, то выражением грозного упорства бросала вызов судьбе, едва уловимыми движениями губ, век, бровей и ноздрей ее прямого, как отглаженного по линейке камнереза, носа с критской западинкой у бровей, смягчавшей тяжелую переносицу классического эллинского типа.

Однажды, когда Таис показалась Гесионе более печальной и задумчивой, чем всегда, фиванка решилась спросить:

— Ты все еще продолжаешь любить его?

— Кого?— не поворачивая головы, спросила Таис.

— Александра, разве не он самая большая твоя любовь?

— Лисипп как-то сказал мне, что искусный ваятель может одними и теми же линиями дать плоть, могучую и тяжелую, как глыба, и может вложить в свое творение необыкновенную силу внутреннего огня и желания. В одном и том же образе... почти в одном.

— Не совсем поняла тебя, одичала среди болот и корабельщиков,— улыбнулась Гесиона.

Афинянка осталась серьезной.

— Если человек хочет следовать богам, то его любовь должна быть такой же свободной, как у них,— продол-

жала Таис,— а вовсе не как неодолимая сила, давящая и раздирающая нас. Но странно, чем сильнее она завладевает своими жертвами, чем слабее они перед ней, в полном рабстве своих чувств, тем выше превозносятся поэтами эти жалкие люди, готовые на любые унижения и низкие поступки, ложь, убийство, воровство, клятвопреступление... Почему так? Разве этого хочет светоносная и сребронога Афродита?

— Я поняла. У тебя нет никакой надежды?

— Знаю давно. Теперь узнала и ты. Так зачем же рыдать под звездой, которую все равно не снять с неба? Она совершит начертанный ей путь. А ты совершай свой.

Они бывали на симпосионах, до которых персы, увлеченные примером художников, стали большими охотниками. Только Эрис наотрез отказалась присутствовать на этих симпосионах — ей противно было смотреть на людей, много жрущих и пьющих.

Таис тоже призналась Гесионе в своем отвращении к обжорам, она с детства была очень чувствительна ко всякому проявлению грубости, а теперь сделалась и вовсе нетерпимой. Нелепый смех, пошлые шутки, неумеренные еда и питье, жадные взгляды, прежде скользившие не задевая, раздражали ее. Афинянка решила, что начинает стареть. Оживленные разговоры, подогретые вином, поэтические экспромты и любовные танцы стали казаться пустяками. А когда-то и ее, и золотоволосую спартанку звали царицами симпосионов.

— Это не старость, мой красивый друг,— сказал Лисипп на вопрос афинянки, слегка ущипнув ее за гладкую щеку,— назови это мудростью или зрелостью, если первое слово покажется тебе слишком важным. С каждым годом ты будешь отходить все дальше от забав юности. Шире станет круг твоих интересов, глубже требовательность к себе и людям. Обязательно сначала к себе, а потом уже к другим, иначе ты превратишься в запосчивую аристократку, убогую сердцем и умом... И умрешь... Не физически! Со своим здоровьем ты можешь жить долго. Умрешь душой, и по земле будет ходить лишь внешний образ Таис, а по существу — труп. Ты вряд ли имеешь понятие, сколько таких живых мертвецов топчут лик Геи. Они лишены совести, чести, достоинства и добра — всего, что составляет основу души человека и что стремятся пробудить, усилить, воспитать художники, философы, поэты. Они мешают жить живым, внешне не отличаясь от них.

Только они ненасытны в пустых и самых простых желаниях: еде, питье, женах, власти над другими. И добиваются этого всеми способами... Знаешь ли ты спутниц Гекаты?

— Ламий, мормо или как их там еще называют? Те, что ходят с нею по ночам и пьют кровь встречных на перекрестках? Вампиры?

— Это простонародная символика. А в тайном знании сосущие живую кровь порождения Тартара и есть мертвые ненасытные люди, готовые брать и брать все, что возможно, из полиса, общины, людей — чужих и своих. Это они забивают до смерти рабов на тяжкой работе, лишь бы получить больше золота, серебра, домов, коней, новых рабов. И чем больше они берут, тем жаднее делаются, упиваясь трудом и пóтом подневольных им людей.

— Страшно ты говоришь, учитель!— Таис даже зябко повела плечами,— теперь я невольно буду присматриваться к каждому...

— Тогда цель моих слов достигнута.

— Что же делать с этими живущими мертвецами?

— Их, конечно, следовало бы убивать, лишая фальшивого живого облика,— подумав, сказал Лисипп.— Беда в том, что распознавать их могут лишь редкие люди, достигшие такой высоты сердца, что убивать уже не в силах. Мне думается, окончательная расправа с вампирами — дело неблизкого будущего; когда воцарится гомоной я — равенство людей по уму, число этих редких людей возрастет во много раз.

Таис, опечаленная и задумчивая, пошла в мастерскую. Клеофрад поджидал ее у глиняной модели. В последние дни ваятель стал медлить с окончанием работы, рано отпускал ее или вдруг останавливался, забывая про натурщицу и думая о чем-то другом. И сегодня он не сделал ей обычного нетерпеливого знака становиться на куб из тяжелого дерева, а остановил ее простертой рукой.

— Скажи, ты любишь деньги, афинянка?— с суровой застенчивостью спросил Клеофрад.

— Зачем задал ты мне такой вопрос?— удивилась и опечалилась Таис.

— Погоди, я не умею говорить, умею только работать руками.

— Не только руками, но головой и сердцем,— возразила Таис,— так скажи, почему начал ты речь о деньгах?

— Видишь ли, ты богата, как Фрина, но Фрина была безумно расточительна, а ты по своему достатку и по-

ложению жены первого военачальника Александра живешь скромно.

— Теперь ты говоришь понятнее,— она облегченно вздохнула,— вот мой ответ: деньги не цель, а возможность. Если относишься к ним как к силе, дающей разные возможности, то ты будешь ценить деньги, но они не поработят тебя. Поэтому я презираю людей скупых, однако не меньше противно мне глупое мотовство. В деньгах — великий труд людей, и бросать их все равно что бросать хлеб. Вызовешь гнев богов и сам опустошишься, умрешь, как говорит Лисипп.

Клеофрад слушал, хмуря брови, и вдруг решился.

— Я скажу тебе. Я задумал отлить статую из серебра, но собрал недостаточно, а у меня нет времени ждать, пока накоплю еще. В гекатомбеоне мне исполнится шестьдесят лет!

— Почему ты хочешь взять столь дорогой металл?

— Я мог бы ответить тебе, как юноша: разве ты недостойна его? Скажу другое — это лучшее произведение моей жизни и лучшая модель. Исполнилась бы мечта достойно завершить свой жизненный путь! Попросить у Лисиппа? Я и так ему очень многим обязан. Кроме того, этот творец атлетов и конных воинов признает только бронзу и, даже страшно сказать, пользуется тельмесским сплавом*.

— Сколько надо тебе серебра?

— Я пользуюсь не чистым металлом, а в сплаве с четырнадцатью частями красной кипрской меди. Такое серебро не покрывается пятнами, не подергивается, как мы говорим, пыльной росой, держит полировку, как темный камень Египта. На отливку мне надо чистого серебра двенадцать талантов, а я собрал немногим больше четырех с половиной. Огромная нехватка!

— И надо добавить семь с половиной талантов? Хорошо, завтра я прикажу собрать, послезавтра пришлю на всякий случай восемь.

Клеофрад замер, долго смотрел на свою модель, потом взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб.

— Ты не знаешь цены своему благодеянию. Это не только огромнейшее богатство, это... После гекатомбеона поймешь. Придется тебе постоять еще, после отливки, когда пойдет чеканка. В ней чуть не главная работа вая-

* Сплав грубо очищенной меди и шлаков от серебра, главным образом — цинка.

теля,— закончил он своим обычным отрывисто-деловым тоном,— но быстрая. И сам я очень спешу.

Смысл последних слов Клеофрада Таис не поняла. Афинский ваятель и Эхефил закончили свою работу почти одновременно, молодой иониец — дней на десять раньше. Клеофрад пригласил Таис и Эрис прийти попозже в дом Лисиппа, провести конец ночи до утра. Чтобы ничего не случилось с ними в такое позднее время, несколько друзей явились провожать их. Поздняя половина луны ярко освещала отшлифованные светло-серые камни улицы, придавая им голубоватый отблеск небесной дороги между темных стен и шелестящей листвой сада.

У дверей их встретили Эхефил и Клеофрад в праздничных светлых одеждах. Они надели своим натурщицам венки из ароматных желтых цветов, слабо мерцавших при луне будто собственным светом. Каждый взял свою модель за руку и повел за собой во мрак неосвещенного дома, оставив провожатых в саду. У выхода на залитую лунным светом веранду с раскрытыми настежь занавесями Клеофрад велел Таис закрыть глаза. Придерживая за плечи, он поставил афинянку в нужное место и разрешил смотреть. Так же поступил и Эхефил с Эрис.

Перед ними, стоя на носке одной ноги и отбрасывая другую назад в легком беге, вставала из ноздреватого, как пена, серебра нагая Афродита Анадиомена с телом и головой Таис. Поднятое лицо, простертые к небу руки сочетали взлет ввысь и ласковое, полное любви объятие всего мира.

Игра лунного света на полированном серебряном теле придавала богине волшебную прозрачность. Пенорожденная, сотканная из света звезд, возникла на берегу Кипра из моря, чтобы поднять взоры смертных к звездам и красоте своих любимых, оторвав от повседневной необходимости Геи и темной власти подземелий Кибелы. Ореол душевной и телесной чистоты, свойственный Таис и усиленный многократно, облекал богиню мягким, исходящим изнутри блеском. Никогда еще Таис, эллинка, с первых шагов жизни окруженная скульптурами людей, богов и богинь, гетер и героев, без которых никто не мог представить себе Эллады, не видела статуи, вызывающей такое могучее очарование...

А рядом с ней, на полшага позади, Артемис Аксиопена, отлитая из очень темной, почти черной бронзы, простирала вперед левую руку, отодвигая перед собой неви-

димую завесу, а правую подносила к кинжалу, спрятанному в узле волос на затылке. Лунные блики на непреклонном лице подчеркивали неотвратимое стремление всего тела, как и надлежало богине Воздательнице по деяниям.

Таис, не в силах побороть волнения, всхлипнула. Этот тихий звук лучше всех похвал сказал Клеофраду об успехе замысла и творения. Только сейчас афинянка заметила Лисиппа, сидевшего в кресле неподалеку от нее, сощурив глаза и сложив руки. Великий ваятель молчал, наблюдая за обеими женщинами, и наконец удовлетворенно кивнул.

— Можете радоваться, Клеофрад и Эхефил! Два великих творения появились на свет во славу Эллады здесь, в тысячах стадий от родины. Ты, афинянин, затмил все содеянное тобой прежде. А ты, ученик, отныне стал в ряд с самыми могучими художниками. Для меня отрадно, что обе богини — не фокус новизны, не угождение преходящему вкусу поколения, а образцы изначальной красоты, что так трудно даются художникам и так нужны для правильного понимания жизни. Сядем и помолчим, дожидаясь рассвета...

Таис, углубленная в созерцание обеих статуй, не заметила, как опустилась луна. Очертания скульптур изменились в предрассветном сумраке. Аксиопена будто отступила в тень, Анадиомена растворилась в воздухе. С ошеломляющей внезапностью из-за хребта вспыхнули розовые очи Эос — яркой горной зари. И явилось еще одно чудо. Багряный свет заиграл на полированном серебряном теле Анадиомены. Богиня потеряла звездную бесплотность лунной ночи и выступила перед благоговейными зрителями в светоносном могуществе, почти ощущаемом физически. И, соперничая с нею в силе и красоте резких и мощных линий тела, Артемис Воздательница уже не казалась грозной черной тенью. Она стояла как воительница, устремленная к цели без ярости и гнева. Каждая черточка изваяния, сделанного Эхефилом более резко, чем скульптура Клеофрада, отражала неотвратимость. Сила восстающей Анадиомены звучала единым целым с красновато-черным воплощением судьбы. Обе стороны бытия — красота мечты и неумолимая ответственность за содеянное — предстали вместе столь ошеломительно, что Лисипп, покачав головой, сказал, что богини должны стоять раздельно, иначе они вызовут смятение и раздвоение чувств.

Таис молча сняла с себя венок, надела его Клеофраду и смиренно опустилась перед ваятелем на колени. Растроганный афинянин поднял ее, целуя. Эрис последовала примеру подруги, но не преклонила коленей перед своим гораздо более молодым скульптором, а поцеловала его в губы, крепко обняв. Поцелуй длился долго. Афинянка впервые увидела неприступную жрицу как жену и поняла, что недаром рисковали и отдавали свои жизни искатели высшего блаженства в храме Матери Богов. Когда настала очередь Таис поцеловать Эхефила, ваятель едва ответил на прикосновение ее губ, сдерживая вздох от бешено бьющегося сердца.

Лисипп предложил «обряд благодарности Муз», как он назвал поступок Таис и Эрис, продолжить за столом, где уже приготовили черное хиосское вино с ароматом розовых лепестков, редкое даже для дома «славы эллинского искусства», и сосуд-ойнохою с водой из только что растаявшего горного снега. Все подняли дорогие стеклянные кубки за славу, здоровье и радость двух ваятелей: Клеофрада и Эхефила и мастера мастеров Лисиппа. Те отвечали хвалой своим моделям.

— Позавчера приезжий художник из Эллады рассказывал мне о новой картине Апеллеса, ионийца, написанной в храме на острове Кос,— сказал Лисипп.— Тоже Афродита Анадиомена. Картина уже прославилась. Трудно судить по описанию. Сравнивать живопись со скульптурой можно лишь по степени действия на чувства человека.

— Может быть, потому что я ваятель,— сказал Клеофрад,— мне кажется, что твой портрет Александра глубже и сильнее, чем его живописный портрет Апеллеса. А прежде, в прошлом веке, Аполлодор Афинский и Парразий Эфесский умели одним очерком дать прекрасное выше многих скульптур. Наш великий живописец Никий много помогал Праксителю, раскрашивая мрамор горячими восковыми красками и придавая ему волшебное сходство с живым телом. Ты любишь бронзу, и тебе не нужен Никий, однако нельзя не признать, что союз живописца и скульптора для мрамора поистине хорош!

— Картины Никия сами по себе хороши,— сказал Лисипп,— его Андромеда — истинная эллинка по сочетанию предсмертной отваги и юного желания жить, хотя, по мифу, она — эфиопская царевна, как Эрис. Эта серебряная Анадиомена может быть сильнее и по мастерству, и по великолепию модели. Касательно Артемис — такой

еще не было в Элладе, даже в святилище Эфесском, где на протяжении четырех веков лучшие мастера соревновались в создании образа Артемис. Семьдесят ее статуй там! Конечно, в прежние времена не обладали современным умением...

— Я знаю великолепную Артемис на Леросе,— сказал Клеофрад,— мне кажется, что в идее она сходна с Эхефиловой, хотя и на век раньше.

— Какая она?— спросила Эрис с легким оттенком ревности.

— Не такая, как ты! Она — девушка, еще не знавшая мужа, но уже расцветшая первым приходом женской красоты, наполненной пламенем чувств, когда груди вот-вот лопнут от неутолимого желания. Она стоит, так же наклонясь вперед и простирая руку, как и твоя Артемис, но перед огромным критским быком. Чудовище, еще упрямясь и уже побежденное, начинает склонять колени передних ног.

— По старой легенде, быка Крита побеждает жена, женщина,— сказала Таис,— хотела бы я увидеть подобную скульптуру.

— Раньше увидишь битву при Гранике,— рассмеялся Лисипп, намекая на грандиозную группу из двадцати пяти конных фигур, которую он никак не мог завершить, к неудовольствию Александра, желавшего водрузить ее в Александрии Троянской.

— Я долго колебался, не сделать ли Эрис, мою Артемис, с обнаженным кинжалом,— задумчиво сказал Эхефил.

— И поступил правильно, не показывая его. Муза может быть с мечом, но лишь для отражения, а не нападения,— сказал Лисипп.

— Аксиопена, как и черная жрица Кибелы, нападает, карая,— возразила Таис,— знаешь, учитель, только здесь, в Персии, где, подобно Египту, художник признается лишь как мастер восхваления царей, я поняла истинное значение прекрасного. Без него нет душевного подъема. Людей надо поднимать над обычным уровнем повседневной жизни. Художник, создавая красоту, дает утешение в надгробии, поэтизирует прошлое в памятнике, возвышает душу и сердце в изображениях богов, жен и героев. Нельзя искажать прекрасное. Оно перестанет давать силы и утешение, душевную крепость. Красота преходяща, слишком коротко соприкосновение с ней, поэтому, переживая утрату, мы глубже понимаем и ценим

встреченное, усерднее ищем в жизни прекрасное. Вот почему красива печаль песен, картин и надгробий.

— Ты превзошла себя, Таис!— воскликнул Лисипп.— Мудрость говорит твоими устами. Искусство не может отвращать и порочить! Тогда оно перестанет быть им в нашем эллинском понимании. Искусство или торжествует в блеске прекрасного, или тоскует по его утрате. И только так!

Эти слова великого скульптора навсегда запомнили четверо, встречавшие рассвет в его доме.

Таис жалела об отсутствии Гесионы, но, поразмыслив, поняла, что на этом маленьком празднике должны были присутствовать только художники, их модели и главный вдохновитель всей работы. Гесиона увидела статуи на следующий день и расплакалась от восторга и странной тревоги. Она оставалась задумчивой, и только ночью, укладываясь спать в комнате Таис (подруги поступали так, когда хотелось всласть поговорить), фиванка сумела разобраться в своем настроении.

— Увидев столь гармоничные и одухотворенные произведения, я вдруг почувствовала страх за их судьбу. Столь же неверную, как и будущее любого из нас. Но мы живем так коротко, а эти богини должны пребывать вечно, проходя через грядущие века, как мы сквозь дующий навстречу легкий ветер. А Клеофрад...— Гесиона умолкла.

— Что Клеофрад?— спросила взволнованная Таис.

— Отлил твою статую из серебра вместо бронзы. Нельзя усомниться в великолепии такого материала. Но серебро — оно дорого само по себе, оно — деньги, цена за землю, дом, скот, рабов. Только могущественный полис или властелин может позволить себе, чтобы двенадцать талантов лежали без употребления. А сколько жадной дряни, к тому же не верящей в наших богов? Они без колебания отрубят руку Анадиомене и, как кусок мертвого металла, понесут торговцу!

— Ты встревожила меня!— сказала Таис.— Я действительно не подумала о переменчивой судьбе не только людей, а целых государств. Мы видели с тобой за немногие годы походов Александра, как разваливаются старые устои, тысячи людей теряют свои места в жизни. Судьбы, вкусы, настроения, отношение к миру, вещам и друг другу — все шатко, быстроизменчиво. Что ты посоветуешь?

— Не знаю. Если Клеофрад подарит или продаст ее какому-либо знаменитому храму, будет гораздо спокой-

нее, чем если она достанется какому-нибудь любителю ваяния, хотя бы и богатому, как Мидас.

— Я поговорю с Клеофрадом!— решила Таис.

Намерение это афинянке не удалось выполнить сразу. Ваятель показывал Анадиомену всем желающим. Они ходили в сад Лисиппа, где поставили статую в павильоне, и подолгу не могли оторваться от созерцания. Затем Анадиомену перенесли в дом, а Клеофрад куда-то исчез. Он вернулся в гекатомбеоне, когда стало жарко даже в Экбатане и снеговая шапка на юго-западном хребте превратилась в узкую, похожую на облачко полоску.

— Я прошу тебя,— встретила его Таис,— сказать, что хочешь ты сделать с Анадиоменой.

Клеофрад долго смотрел на нее. Грустная, почти нежная улыбка не покидала его обычно сурового, хмурого лица.

— Если бы в мире все было устроено согласно мечтам и мифам, то просить должен был бы я, а не ты. И в отличие от Пигмалиона, кроме серебряной богини, передо мной живая Таис. И все слишком поздно...

— Что поздно?

— И Анадиомена, и Таис! И все же я прошу тебя. Друзья устраивают в мою честь симпосион. Приходи обязательно. Тогда мы и договоримся о статуе. В ней не только твоя красота, но и серебро. Я не могу распорядиться ею единолично.

— Почему там, а не сейчас?

— Рано!

— Если ты хочешь мучить меня загадками,— чуть сердясь, сказала афинянка,— то преуспел в этом неблагородном деле. Когда симпосион?

— В хебдомерос. Приведи и Эрис. Впрочем, вы всегда неразлучны. И подругу Неарха.

— Седьмой день первой декады? Так это послезавтра?

Клеофрад молча кивнул, поднял руку и скрылся в глубине большого Лисиппова дома.

Симпосион начался ранним вечером в саду и собрал около шестидесяти человек разного возраста, почти исключительно эллинов, за узкими столами, в тени громадных платанов. Женщин присутствовало всего пять: Таис, Гесиона, Эрис и две новые модели Лисиппа, обе ионийки, выполнявшие роль хозяек в его холостом доме. Таис хорошо знала одну из них, маленькую, с очень высокой шеей, круглым задорным лицом и постоянно улыбавшимися пухлыми губами. Она очень напоминала афинянке

кору в Дельфах, у входа в сифнийскую сокровищницу Аполлонова храма. Другая, в полной противоположности первой, показывала широкие вкусы хозяина — высокая, с очень раскосыми глазами на удлиненном лице, со ртом, изогнутым полумесяцем, рогами вверх. Она недавно появилась у Лисиппа и понравилась всем своими медленными плавными движениями, скромным видом и красивой одеждой из темно-пурпурной ткани.

Сама Таис оделась в ошеломительно яркую желтую эксомиду, Эрис — в голубую, как небо, а Гесиона явилась в странной драпировке из серого с синим — одежде южной Месопотамии. Обольстительная пятерка заняла места слева от хозяина, справа сидели Клеофрад и другие ваятели: Эхефил, Лептинес, Диосфос и Стемлос. Опять черное хиосское вино, вперемешку с розовым книдским, разбавлялось ледяной водой, и сборище становилось шумным. Многоречивость ораторов показалась Таис не совсем обычной. Один за другим выступали они, вместо тостов рассказывая о делах Клеофрада, его военных подвигах, о созданных им скульптурах, восхваляя без излишней лести. По просьбе Клеофрада новая модель пела ему вибрирующим низким голосом странные печальные песни, а Гесиона — гимн Диндимене.

— Я мог бы просить тебя петь нагой, как и полагается исполнять гимны, откуда и название,— сказал Клеофрад, благодаря фиванку,— но пусть будут гимнами красоты танцы, которые я прошу у Таис и Эрис. Это последняя моя просьба.

— Почему последняя, о Клеофрад?— спросила ничего не подозревающая афинянка.

— Только ты и твои подруги не знают еще назначения этого симпосиона. Скажу тебе стихами Менандра: «Есть меж кеосцев обычай прекрасный, Фания: плохо не должен тот жить, кто не живет хорошо!»

Таис вздрогнула и побледнела.

— Ты не с Кеи, Клеофрад. Ты афинянин!

— С Кеи. Аттика моя вторая родина. Да и далеко ли от моего острова до Суниона, где знаменитый храм с семью колоннами поднят к небу над отвесными мраморными обрывами в восемьсот локтей высоты. С детства он стал для меня символом душевной высоты создателей аттического искусства. А приехав в Сунион, я оттуда увидел копье и гребень шлема Афины Промахос. Бронзовая Дева в двадцать локтей высоты стояла на огромном цоколе на Акрополе, между Пропилеями и Эрехтейоном.

Я приплыл на ее зов, увидел ее, гордую и сильную, со стройной шеей и высокой, сильно выступающей грудью. Это был образ жены, перед которым я склонился навсегда. И так я сделался афинянином. Все это уже не имеет значения. Будущее сомкнется с прошлым, а потому — танцуй для меня!

И Таис, послушная, как модель, импровизировала сложные танцы высокого мастерства, в которых тело женщины творит, перевоплощаясь, мечту за мечтой, сказку за сказкой. Наконец Таис выбилась из сил.

— Глядя на тебя, я вспомнил твое афинское прозвище. Не только «Четвертая Харита», тебя еще звали «Эриале» («Вихрь»). А теперь пусть Эрис заменит тебя.

По знаку Клеофрада Эрис танцевала, как перед индийским художником. Когда черная жрица замерла в последнем движении и Эхефил набросил на разгоряченную легкий плащ, Клеофрад встал, держа большую золотую чашу.

— Мне исполнилось шестьдесят лет, и я не могу сделать большего, чем сделал: последнюю мою Анадиомену. Не могу любить жен, распевать громкие песни. Впереди духовно пищая, жалкая жизнь, а мы, кеосцы, издревле запретили человеку становиться таким, ибо он должен жить только достойно. Благодарю вас, друзья, явившиеся почтить меня в последний час. Радуйтесь, радуйтесь все, и ты, великолепная Таис, как бы я хотел любить тебя! Прости, не могу! Статуей распорядится Лисипп, я отдал ее ему. И позволь обнять тебя, богоравный друг!

Лисипп, не скрывая слез, обнял ваятеля.

Клеофрад отступил, поднял чашу. В тот же миг все подняли свои до краев налитые живительным вином, подняла свою и Таис, только Гесиона с расширенными от ужаса глазами осталась стоять неподвижно да Эрис восхищенно следила за каждым жестом афинянина.

Запрокинув голову, он выпил яд залпом, пошатнулся и выпрямился, опираясь на плечо Лисиппа. Чаша с едва слышным звоном упала на землю. Остальные гости, как один, выпили и бросили свои чаши, разбивая вдребезги стекло, фаянс, керамику. Эти черепки насыплют под будущее надгробие.

— Хайре! Легкий путь через Реку! Наша память с тобой, Клеофрад!— раздались громкие выкрики со всех сторон.

Ваятель с серым лицом, с непроизвольно подергивающимися губами сделал последнее громадное усилие, ши-

роко улыбнулся, глядя перед собой глазами, уже увидевшими мрак Аида, и рухнул навзничь.

В тот же момент, по крайней мере так показалось Таис, солнце скрылось за хребтом, и легкие летние сумерки окутали молча стоявших людей.

Среди гостей присутствовали два врача. Они осмотрели Клеофрада, положили на носилки. На голову его надели венок, как на победителя в состязании. Да и разве он не прошел победителем по трудам жизненного пути? При свете факелов и луны ваятеля понесли на кладбище эллинов и македонцев.

Высоко над городом, в роще древовидного можжевельника, низкие деревья своей сумрачной хвоей, как бы отчеканенной из бронзы, осеняли немногие могилы. Афинский ваятель просил предать его земле, а не устраивать погребального костра. Могила была вырыта заранее. На нее положили временную плиту, до того, как друзья покойного, ваятели, придумают и изготовят надгробие.

Прямо с кладбища участники печальной церемонии вернулись в дом Лисиппа, на полуночный поминальный пир. Время близилось к рассвету. Потрясенная, усталая Таис вспомнила совсем другой рассвет, когда она любовалась силой таланта только что ушедшего в Аид ваятеля. Как бы угадав ее мысли, Лисипп позвал ее и Эрис вместе с Эхефилом и несколькими друзьями в освещенную алебастровыми лампионами рабочую комнату.

— Ты слышала от Клеофрада, что он отдал мне Анадиомену,— сказал Лисипп, обращаясь к Таис.— Еще раньше он сказал мне о твоем щедром пожертвовании для завершения статуи. Таким образом, ты и я — совладельцы Анадиомены, наследники Клеофрада. Скажи, что хотела бы ты: получить изваяние себе, оставить у меня или поручить мне продать скульптуру богини. Стоимость ее, не говоря уже о материале, громадна. Вряд ли я смогу выплатить твою часть. Ты, наверное, сможешь возместить мне мою, но, мне кажется, подобная статуя не годится тебе и вообще всякому человеку, понимающему, что чудо искусства и богиню нельзя иметь в единоличном владении.

— И ты прав, как всегда, учитель. Позволь мне отказаться от моей, как ты называешь, доли и оставить статую у тебя.

— Щедрая моя Таис!— довольно воскликнул Лисипп.— Может статься, и не будет нужды в твоем великодушии. Признаюсь тебе, что я когда-то говорил с Алек-

сандром о намерении Клеофрада изваять тебя, и...— Сердце Таис забилось, она глубоко вздохнула.

— И он сказал,— невозмутимо продолжал Лисипп,— если, по моему мнению, статуя удастся, он будет первым покупателем у Клеофрада. Я тогда спросил, почему же он просто не закажет ее ваятелю? А он посмотрел на меня так, будто я задал нескромный вопрос. Я полагаю, что ты согласишься, чтобы я продал Анадиомену Александру. Он пошлет ее в Элладу, может быть, в Афины, может быть, на Китеру.

Таис опустила ресницы и молча наклонила голову, потом спросила, по-прежнему не поднимая глаз:

— А что решил Эхефил со своей Аксиопеной?

Молодой ваятель упрямо сказал:

— Я оставлю Аксиопену у себя до тех пор, пока Эрис не согласится быть моей!

Эрис гневно и громко ответила:

— Об этом не договариваются при всех, как с блудницей на базаре. Великая Мать требует ночи для своего таинства. Те, кто осмеливается нарушать ее заветы, уподобляются скотам, не знающим, что любовь священна и нуждается в подготовке души и тела. Или вы, эллины, забыли веления Матери Бездны, Кибелы?

Таис с изумлением посмотрела на черную жрицу. Что заставило ее произнести такую тираду? Догадавшись, она улыбнулась, и веселые огоньки мелькнули в ее печальных глазах.

— Эхефил, или лучше тебя называть Эрифилом?! Не будь ты художником, я постаралась бы всеми силами отвратить тебя от безумного стремления, означающего твою гибель. Даже художнику, создателю Аксиопены, я говорю: берегись, берегись и еще раз берегись! Ты не добьешься счастья, но узнаешь Эрос, какой встречают ценой смерти и только редкие люди.

— Что говоришь ты, госпожа?— резко повернулась к ней Эрис.— Ты поощряешь его?

— Почему бы нет? Давно пора сбросить мрак, окутавший тебя в храме Кибелы. Хочешь ты этого или нет, но часть тебя уже взята в изваяние.

— И ты предлагаешь мне служить мужу?

— Совсем наоборот. Муж будет служить тебе. Смотри, он едва удерживается от желания обнять с мольбой твои колени.

— Я не могу нарушить обетов и покинуть тебя!

— Это уж твое и его дело прийти к согласию. А нет, так ты лучше убей его, избавь от мучений!

— Согласен, госпожа Таис!— просияв, вскричал Эхефил.

— Не радуйся,— сурово оборвала Эрис,— ничего не случилось.

— Случится!— уверенно сказала Таис и попросила прощения у Лисиппа, с любопытством следившего за «семейной сценой».

Как бы то ни было, по прошествии нескольких дней Артемис Аксиопена покинула дом Лисиппа, купленная за громадные деньги и даже не эллином, а одним из тех индийских художников, кто некогда был гостем Лисиппа. Он приобрел изваяние для древнего храма странной веры, называвшегося Эриду и находившегося в низовьях Евфрата, около самого древнего города Месопотамии. Ваятель увидел в названии храма, почти однозвучном с его любовью, особо счастливое предзнаменование.

Что произошло между ним и Эрис, навсегда осталось под покровом ночи. Таис, наблюдательная от природы, заметила, что быстрые движения Эрис стали чуть более плавными, а синие глаза иногда теряли холодный голубой отблеск.

Месяца через два после продажи статуи Эхефил явился к Таис с несчастным видом, прося пройтись с ним по саду. Недалеко от каменного забора, там, где ручей из бассейна протекал через небольшую яму, скульптор, пренебрегая отглаженной одеждой, бросился в воду, доходившую ему до пояса. Став на колени, Эхефил погрузил обе руки в дно ямы и поднял их сложенными в двойную горсть. Под солнцем засверкали крупные рубины, смарагды, сапфиры, сардониксы, золотые и серебряные браслеты, пояса, отделанная бирюзой золотая чашка.

Сообразив, в чем дело, Таис расхохоталась и посоветовала молодому ваятелю собрать свои дары в мешок, унести домой и более не пытаться подносить Эрис никаких драгоценностей. Она ничего не примет, кроме как от самой Таис.

— Почему же так?

— Мы связаны с ней жизнью и смертью, взаимным спасением. Если очень хочешь, то дари ей сандалии с серебряными ремешками — единственное из одежды и украшений, которое она не в силах отвергнуть. И не только от тебя, от любого, кто захочет сделать ей подарок.

После смерти афинского художника началась новая

олимпиада. Время шло быстро к назначенному Птолемеем сроку. В Экбатане зимние ночи стали совсем прохладными. Таис долгие вечера проводила в беседах с Лисиппом и его учеными друзьями.

От Александра и его сподвижников не приходило совершенно никаких вестей. Ни караванов с добычей, ни обозов с больными и ранеными. Может быть, и в самом деле великому завоевателю удалось осуществить свою мечту и выйти за пределы Ойкумены, на заповедный край мира?

Гесиона беспокоилась, а Таис начала подумывать о жизни без Птолемея, если он не пожелает возвратиться из Садов Мудрости, изведав Воду Жизни. Леонтиск в четыре года уже смело ездил на маленькой коняшке, доставленной из-за Иберии, с Моря Птиц, и плавал наперегонки с матерью в озере-запруде. Таис очень не хотелось расставаться с сыном. Все же приходилось выполнить просьбу Птолемея и оставить его под надежным наблюдением македонского ветерана Ройкоса, его жены и преданной мальчику рабыни-сирийки. Леонтиск, еще не научившись читать, говорил на трех языках — аттическом, македонском и арамейском.

В месяце гамелионе Таис покинула Экбатану. Вместе с нею встречать своего покровителя и главного заказчика ехал Лисипп, а с ним увязался Эхефил, якобы из желания увидеть свою Аксиопену, потому что Лисипп обещал поездку в Эриду. Ему досталось немало «леуса дрегма драконтос» — брошенных на него драконьих взглядов, как называла Таис неласковые взоры Эрис. Ваятель перенес их отважно.

Вавилон встретил их огромным скопищем народа, криками базаров, говором на невообразимых языках, смесью диковинных одежд. Послы из разных стран ожидали Александра, а от него по-прежнему не приходило вестей. Более того, распространились слухи о его гибели — сначала в водах Инда, потом будто бы на горных высотах. Наместник Александра в Вавилоне приказал немедля хватать распространителей слухов и вести их к нему на допрос, чтобы под угрозой бичевания или даже смерти выяснить источник сведений. Нити вели к иноземным торговцам или политикам, рассчитывавшим вызвать смятение и так или иначе поживиться.

Таис, поняв, что ожидание может стать долгим, решила снова арендовать дом в Новом Городе, по ту сторону Евфрата, у ворот Лугальгиры, где она жила прежде.

К полному изумлению, она не нашла там прежнего дома. Только сад, старая деревянная пристань и дорожка к ней остались нетронутыми. На месте дома построили красивый павильон, отделанный полупрозрачным розовым мрамором, с колоннами из ярко-синего с золотом камня по сторонам прямоугольного бассейна с чистой проточной водой. Все это принадлежало самому Александру и охранялось двумя дикого вида скифами, которые без церемонии прогнали Таис прочь. Разгневанная Эрис предложила тут же без промедления их прикончить. Афинянка, тронутая доказательством памяти Александра, категорически приказала Эрис ничего не делать. В конце концов все экбатанцы поселились вместе у Гесионы, к великой радости Эхефила. Город оказался переполненным.

Таис нашла в Вавилоне и другие новости. Громадный театр Диониса, о котором она знала от Гесионы, оставался все еще незаконченным. Материал для него из разобранной башни Этеменанки, по слухам, откупили жрецы храма Мардука. Александр разрешил восстановить его вопреки совету старого прорицателя Аристандра. Старик предвещал большую беду лично для царя после возрождения зловещего храма. Однако Александр, повсюду стараясь усилить свое влияние с помощью жрецов разных религий, не послушался.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
МУДРОСТЬ ЭРИДУ

Кончилась теплая вавилонская зима. Близкое лето грозило жарой, по-прежнему без вестей от Александра. Лисипп решил осуществить поездку в Эриду. Шутя, ваятель говорил, что Эриале и Эрис отправились в Эриду с Эрифилом. Четверо друзей поплыли вниз по Евфрату. Гесиона осталась дома поджидать Неарха, хотя и клялась, что это будет в последний раз, или она покинет его навсегда. Река на юге разделялась на множество рукавов, стариц и протоков, образуя громадное болото в полтысячи стадий протяженностью — сплошное море тростников и осоки. Толь-

ко очень опытные кормчие могли разыскать в этом лабиринте главное русло, отклонявшееся к западу, где вязкие глипы и солончаки охраняли восточный край сирийской пустынной степи. Они проплыли около пятидесяти парасангов, или полторы тысячи стадий, за три дня, не приставая к берегу ни на час. Дальше Евфрат тек широким руслом, направляясь на восток. Еще через двадцать пять парасангов река стала огибать с севера каменистую возвышенную равнину, где некогда располагались изначальные города Месопотамии. Болота и солончаки простерлись на левый берег к северо-востоку и востоку. Нескончаемое пространство тихой воды, болот и тростников, населенное кабанами, доходило до русла Тигра и еще дальше приблизительно на тысячу стадий.

На пятый день плавания к вечеру они причалили к древней, наполовину разрушенной пристани на правом берегу реки с лестницей из огромных глыб камня. Отсюда широкая дорога, утонувшая в горячей пыли, повела их сначала к развалинам города незапамятной древности, а затем, минуя их, дальше на юго-запад к небольшому городку на плоском холме. Величественные развалины с убогими новыми жилищами и большой постоялый двор окружали три великолепных храма. Два из них, вернее, один более целый, напомнил Таис главное здание святилища Кибелы и похожие постройки Вавилона и Сузы. Третий храм со следами неоднократного восстановления отличался особенной архитектурой. Платформа с закругленными углами, облицованная кирпичом, поддерживала его основание. В центре ее широкая лестница вела к портику из трех колонн, под тяжелой пирамидальной крышей. Позади этого помещения поднималась огромной высоты круглая башня с несколькими скошенными уступами.

Предупрежденные о приезде гостей, жрецы и служители встретили экбатанцев на платформе, отдавая им поклоны с достоинством и смирением. Среди них преобладали темнокожие, вроде знакомых Таис индийцев, приезжавших в Экбатану.

После церемонии приветствий гостей проводили в боковой придел, приспособленный, очевидно, для отдыха и ночлега, подали орехи, финики, мед, ячменные лепешки и молоко. Путники насыщались после омовения. Вошел высокий жрец в белой одежде с густой бородой до глаз и присел на скамье, избегая, однако, соприкосновения с чужеземцами. Таис увидела, как Лисипп начертил в воздухе знак и показал глазами на нее. Жрец встал, видимо

взволнованный, и тогда Лисипп вторично начертил в воздухе овал. Жрец сделал приглашающий жест и повел Таис с Лисиппом через высокий и узкий проход в помещение внутри башни. По дороге к ним присоединились еще двое жрецов: один темнокожий, широкоплечий, видимо, громадной силы, а другой одетый в цветную одежду вавилонянина с тупо подрезанной узкой бородой и гривой завитых волос. Этот последний оказался переводчиком. После обмена какими-то сведениями (Таис поняла, что посвященные орфики имеют доступ к тайнам храма) оба жреца выразили готовность служить эллинам своими познаниями.

Как бы желая доказать это, Лисиппа и Таис привели в длиннейший коридор, по стене которого блестели вертикальные ряды туго натянутых серебряных струн разной длины. Высокий жрец шел, касаясь то одной, то другой группы струн, отвечавших красивым долгим стоном, разносившимся эхом по каменному проходу.

— Это звучит в каждом человеке, соединяет поколения,— пояснил жрец,— сквозь века и проносится в неизвестную даль грядущего. Если понимаете этот символ, то не нужно разъяснять другой,— жрец показал на глубокие канавы поперек коридора, перекрытые досками с изображениями зверей или сказочных чудовищ. Таис посчитала это разъединение поколений темнотой и невежеством, доводящими человека до озверения. Она не постеснялась спросить у индийца. Жрец приветливо заулыбался.

— Первые капли дождя не напитывают землю, но предвещают ливень плодородия,— сказал второй темнокожий жрец,— и вы тоже — капли. Удалимся для беседы в место ненарушаемого покоя.

В круглой невысокой зале на выступах квадратных полуколонн горели какие-то странные факелы без дыма и копоти. На циновках были разбросаны большие подушки из мягкой, тонкой кожи. Здесь стояли еще два небольших восьмигранных стола и твердые табуреты темного дерева, на которые уселись оба жреца.

Таис заметила между колоннами раскрашенные изображения зверей: тигров, носорогов, диких быков. Чаще всего попадались изображения слонов, исполинских животных, известных в Месопотамии и иногда приводимых в Вавилон, но никогда не изображавшихся в местных храмах, дворцах или на воротах, подобных воротам Иштар. Тяжелый ароматичный дым из двух бронзовых курильниц ложился в зале голубоватым туманом.

— Что хотите вы взять темой беседы?— спросил тем-

нокожий жрец, явно старший по рангу величественного высокого индийца.

— На протяжении нескольких лет нашей дружбы моя ученица не раз задавала мне вопросы, на которые я не сумел ответить. Может быть, вы, владеющие тысячелетней мудростью, соблаговолите просветить обоих,— скромно сказал великий художник.

— Знание, подобно добру,— ответил старший жрец,— не должно разбрасываться как попало. Подобно богатству или военной силе, знание, попав в негодные руки, служит глупому возвеличению одного народа и унижению других. Кроме того, и это очень важно, великие открытия вроде того, что Солнце — шар, вокруг которого ходят планеты, и сама Земля — тоже шар, а не плоская, и висит в пространстве, могут разрушить веру в тех богов, что созданы лишь человеческим воображением. У мудрого познание не сокрушит веры в величие мира и целесообразность его законов, которые так хорошо чувствуют поэты и художники. Глупец лишится вообще всякой веры и скатится в черную яму бессмысленного животного существования. К счастью, тупость невежды спасает неосторожных открывателей истины — им просто не верят или осмеивают, как получилось с вашим философом Анаксагором, впервые в Элладе учившим, что Солнце раскаленный шар. От этого «смешного заблуждения» даже великая его мысль о «нус»— мировом разуме, совпадающая с нашей философией, не оказала на эллинов заметного влияния. Еще раньше был у вас исполин мысли Анаксимандр, который учил, что человек явился в результате длинной цепи поколений животных от первичных рыбообразных существ. Он же понял безбрежность космоса и обитаемых миров. Был Алкмеон, врач, ученик Пифагора, который открыл за два века до нашего времени, что мозг есть орган разума и восприятия чувств. Он же узнал, что планеты вращаются по орбитам, и также подвергся осмеянию. Но орфическое учение, индийское по духу, взято или от нас, индийцев, или наших общих предков, и вы свободны в овладении мудростью без тупого самовозвеличивания.

— Ты сказал об осмеянии,— нерешительно начала Таис,— у нас есть бог Мом, порождение Ночи и бездны Тартара, который все отрицает и смеется над всем, разрушая даже покой олимпийских богов. Здесь я видела народы, у которых осмеяние и разрушение всего древнего, великого и прекрасного составляет основу бытия. Они осмеивают и Эрос, придумывая низкие кривляния и низ-

водя божественную страсть до скотской похоти. В их глазах я, например, просто блудница, которую следует побить камнями.

— Я согласен с тобой относительно вредности невежественного осмеяния,— ответил высокий индиец,— но причина его, нам думается, не в том, что есть какой-то занятый этим бог. Маленькие народы, обитающие между могущественными государствами Египтом и Месопотамией, всегда находились в унижении. Человек платит за унижение осмеиванием того, кто унизил, если не имеет силы. В малых народах жизнь людей неверна и быстротечна, нет ничего постоянного и не успевает установиться прочная вера и философия.

— Я прибавлю к этому сходство с обезьянами,— сказал старший жрец,— у нас в стране их очень много, и некоторые считаются священными! Обезьяны самые бездельные из всех животных. Живя в безопасности на деревьях, в рощах, изобилующих плодами, обезьяны не тратят времени и усилий на пропитание, как другие звери — тигр, упорно гоняющийся за добычей, слон или бык, вынужденные подолгу есть траву, чтобы прокормить свое огромное тело. Поэтому они ценят время и не тратят его на пустяки. Бездельные же обезьяны, быстро насытившись, ищут развлечения в пакостях. Швырнуть орехом в глаз тигру, нагадить на голову слону и потом издеваться над ними, трясясь от хихиканья с безопасной высоты! Они чувствуют свое ничтожество и бесполезность и мстят всем другим достойным зверям за это.

Эллины было засмеялись, но индиец говорил серьезно, и Лисипп и Таис сконфуженно умолкли.

Давно наступил вечер, а беседа продолжалась, пока не разошлись за полночь. Таис поняла необходимость погостить здесь несколько дней. Она предчувствовала, что другой возможности узнать древнюю мудрость далекой страны не представится.

Эрис сидела, поджав ноги, в обычной позе, поджидая Таис. Афинянка устало повалилась на подушки и забылась во сне, переполненном фантастическими обликами неведомых богов.

В последующие дни Таис узнала про двенадцать Нидан, или Причин Бытия. Каждая из них считалась следствием предыдущей и причиной последующей. Великая Природа, иначе — порождающая сила Шакти, очень мало отличалась от Великой Матери доэллинских верований с главенством женского божества. Шестой знак зодиака

Канья, или Дева, представляющая Шакти — Силу Природы или Махамайю — Великую Иллюзию, указывает, что первичные силы должны соответствовать числу 6 и стоять в такой последовательности:

1. Парашакти — высочайшая сила тепла и света, порождающая все на земле.

2. Джнанишакти — сила разума или мудрого знания, она двусторонняя: Смрити, или память,— гигантская сила, способная оживлять прежние представления и будущие ожидания, и вторая сторона: ясновидение — прозрение сквозь завесу Майи во Время, которое едино во всех трех его аспектах — прошедшем, настоящем и будущем — и гораздо сложнее, чем то, какое ощущается человеком по биению своего сердца.

3. Иччхашакти — сила воли, напряжение токов внутри тела для выполнения желания.

4. Крияшакти, или сила мысли, которая материальна и может производить действия своей энергией.

5. Кундалини-шакти — жизненный принцип всей Природы. Сила эта движется, змеевидно извиваясь, сочетая две великие противоположности притяжения и отталкивания, почему называется еще змеем. Кундалини уравновешивает внутреннее и внешнее в жизни. Поступательное ее движение внутри человека дает силу Камы-Эроса и ведет к перевоплощению.

6. Мантрикашакти, или сила речи и музыки, знаков и букв.

Из всего этого перечисления материнских сил больше всего понравилось эллинам Кундалини-шакти, понятие близкое им обоим, художникам и поэтам по духу, родственное диалектике Эфесского Гераклита, Анаксагора и Антифонта. Лисипп заметил, что у мудрых философов еврейских народов змей является силой зла, погубившей счастливую жизнь первых людей.

Оба индийца улыбнулись, и старший сказал:

— Наша священная книга Айтарея называет вашу Гею-Землю Сарпораджини, царицей змеев, матерью всего, что движется, ибо змей — символ движения в игре противоположных сил. По нашим преданиям, была прежде раса змеевидных людей, или Нагов, числом всего не более тысячи. Теперь новая порода людей, пятая по счету, символ которой Бык и Корова. Бык священен у вас на Западе, корова — у нас. От Нагов перешла к моему народу способность властвовать над страшными ядовитыми змеями Индии. Здесь, в нашем храме, есть жрица Нага, исполняю-

щая обряд поцелуя священного змея. Никто из смертных даже высшей касты не может совершить этого обряда и остаться в живых!

Таис, загоревшись любопытством, заручилась обещанием старшего жреца, это ей будет показан страшный обряд.

Многое в рассказах индийцев осталось непонятным и для Таис и для Лисиппа. Огромная продолжительность времени, исчисляемого ими от сотворения мира, в корне противоречила подсчетам египетских, финикийских, еврейских и пифагорейских мудрецов. Всего короче оно считалось у евреев — шесть тысяч лет. По индийским данным, первые настоящие люди появились на Земле восемнадцать миллионов шестьсот шестнадцать тысяч пятьсот шестнадцать лет тому назад. С такой пугающей точностью индийцы вычислили длительность грозного и темного периода бедствий в истории человечества, наступившей после великой битвы в Индии, когда погиб цвет человечества две тысячи семьсот семьдесят лет тому назад. Эта эпоха, или, как они называли, Кали-Юга, должна продлиться еще четыреста двадцать девять тысяч лет.

— Другие мудрецы исчисляют ее гораздо короче,— сказал высокий индиец,— всего в пять с небольшим тысяч лет.

Лисипп и Таис переглянулись. Такое громадное расхождение противоречило точности предыдущих колоссальных цифр. Заметив недоумение эллинов, индийцы продолжали повествовать о точных исчислениях, разработанных их математиками. В книге «солнечной науки» время делится особым, незнакомым эллинам способом. Один час равен 24 минутам эллинов, а минута, или викала,— 24 секундам. Дальше время дробится последовательно по 60 крат, и дробление это доходит до кашты: невообразимой человеку краткости мгновения в одну трехсотмиллионную долю секунды. На вопрос Лисиппа, зачем придуманы числа, которые нельзя ни измерить, ни вообразить, индиец ответил, что человеческий разум имеет две ступени сознания. На высшей ступени, называемой «буддхи» он способен осмысливать столь малые величины и познать построения мира из мельчайших частиц, центросил, вечных и несокрушимо прочных, хотя они всего лишь точки энергии.

Эллины узнали о великом враче Дживаке, жившем триста лет назад, обладателе камня, который освещал органы внутри тела, о другом враче, умевшем предохранять лю-

дей от заболевания оспой, втирая им в маленькую ранку кровь, взятую от перенесшего болезнь человека.

— Почему же теперь врачи повсеместно не пользуются этим способом,— воскликнула Таис,— и сами вы говорите о них, как о чем-то полузабытом?

Старший жрец посмотрел на нее длительно и безмолвно, а младший вскричал с негодованием:

— Нельзя говорить так, прекрасная посвященная! Все это и еще многое другое — тайна, запертая в древних книгах. Если она забыта, значит, так угодно богам и Карме. Когда мы, жрецы высшей касты, узнаем, что чтение священных книг подслушано человеком низшей касты, мы вливаем ему в уши расплавленный свинец!

— Как же вы тогда заботитесь о распространении знаний?— спросила не без язвительности Таис.— Только что я слышала речь о бедах невежества.

— Мы заботимся не о распространении, а о сбережении знания среди тех, кому надлежит им обладать!— ответил высокий жрец.

— Среди одной касты? А как же с другими — пусть пребывают в невежестве?

— Да. И выполняют предназначенное. Если они его хорошо исполнят, то в будущей жизни они родятся в другой, более высокой касте.

— Знание, хранимое в узком кругу, неминуемо будет слабеть и забываться,— вмешался Лисипп,— а замкнутые круги каст хороши для выведения пород животных, а не людей. Спартанцы пытались создать породу воинов, даже преуспели в этом, но в жизни все меняется скорее, чем рассчитывают люди. И военная жизнь поставила лакедемонян на край гибели.

— У нас не одна, а много каст на все, что потребно для жизни человека,— возразил индиец.

— Все же мне эллинское отношение к людям кажется более последовательным. Вы в своих священных книгах и творениях философов считаете людей наравне с богами, а на деле разводите, как животных, держа в невежестве,— твердо сказал Лисипп.

— Разве эллины не признают благородства происхождения?— нахмурился старший жрец.

— Признают. Разница одна, но очень существенная. Мы считаем, что благородный человек может родиться у кого угодно, и он заслуживает и знания, и искусства, и мастерства, какое он может усвоить и применить. Если он найдет себе такую же хорошую пару, то благородная

линия потомков пойдет от такого человека во дворце Афин или в доме земледельца в Халкидике равно. Так и там может родиться и хорошее и плохое. Обычно считают, что особо прекрасные люди появляются на свет при участии богов или богинь.

— Но рабов вы не считаете за людей и унижаете до скотского состояния!— воскликнул индиец.

Таис хотела возразить. Лисипп остановил ее, незаметно сжав руку. Он поднялся и, оставив афинянку наедине с индийцами, вышел знакомой дорогой к своей келье и вернулся с большим ящиком из фиолетовой амарантовой древесины, окованным золотыми уголками. Осторожно поставив его на восьмигранный столик, ваятель открыл защелку. На свет появился странный механизм — переплетение зубчатых колес и рычагов самой различной величины. На посеребренных ободках были нанесены буквы и знаки.

Заинтересованные индийцы склонились над ящиком.

— Ученик пифагорейцев, Гераклит Понтийский, близкий с Аристотелем, открыл, что шар Геи вращается, подобно волчку, вокруг себя и что ось этого волчка наклонена по отношению к плоскости, в которой ходят планеты и Солнце.

Эта машина для расчета движения планет, без чего не может быть ни предсказания будущего, ни верного мореплавания. Здесь разум утверждает себя один раз, создав машину, а дальше работают лишь руки да памятные таблицы, начертанные на крышке. Человек освобождается от долгих вычислений и может заняться высокими размышлениями.

Пораженные жрецы притихли. Лисипп воспользовался их растерянностью и сказал:

— Мы, эллины, вместо того чтобы казнить искателей знания расплавленным свинцом, открываем настежь портики и сады наших академий, философских школ. И догоняем вас, начавших размышлять о мире не на одно тысячелетие раньше.

— Это потому, что вас мало и вы принуждены беречь учеников, дабы обеспечить передачу факела знания! А нас очень много! Знание, если мы прокричим его на площади, будет немедленно искажено невеждами и обращено против истинных мудрецов. В Крияшакти и Кундалини мы нашли секреты личной силы и очень тщательно охраняем технику обучения и пользования ею. Будет беда, если знание это попадет человеку несовершенной Кармы!

И Таис узнала о законе Кармы, или воздаяния, перед

которой наивной, маленькой и слабой выглядела Немесис, дочь Нюкты (Ночи),— богиня справедливого возмездия эллинов.

Колоссальный космический механизм, работа которого лежит в самой основе мира! Все на свете — и боги, и люди, и звери подлежат Карме. Они должны изживать свои ошибки, несовершенства и тем более преступления в череде последующих воплощений, судьба которых или ухудшается, или улучшается в зависимости от личного и общественного поведения. Ложь и обман, особенно написанные в книгах, составляют страшные преступления, потому что ведут за собой вредные следствия для многих людей и могут быть изжиты лишь через тысячи лет. Разрушение прекрасного также относится к самым тяжким поступкам. Запрещение кому-либо чего-либо означает, что запрещающий берет на себя Карму подневольного, какая бы она ни была.

— Значит, запрещая низшим кастам знание, вы берете их невежество на себя? Миллионов людей?— внезапно спросила Таис.

Старший жрец даже отшатнулся, а глаза высокого выразили злобу.

— Так же, как и вы, эллины, не допуская к учению рабов,— ответил старший индиец,— вас, свободных, мало, а их очень много и делается все больше. От этого ваш мир скоро погибнет, несмотря на великие ваши завоевания.

И опять Лисипп остановил порывающуюся возразить афинянку. Таис остыла, сообразив, что у каждой веры есть свои слабости. Бить по ним уместно разве в публичном диспуте, а не в мирной беседе. Вместо спора афинянка решилась наконец задать давно мучивший ее вопрос.

— Мой учитель, великий художник Лисипп, ужасно порицал меня за один проступок и отдалил от себя на целый год. Красота — единственное, что привязывает людей к жизни и заставляет ее ценить, бороться с ее невзгодами, болезнями и опасностями. Людям, разрушающим, искажающим или осмеивающим красоту, нельзя жить. Их надо уничтожать, как бешеных собак — носителей неизлечимого яда. И художники — волшебники, воплощающие прекрасное, отвечают особенно строго, строже нас, не видящих, ибо они зрячие. Так сказал мне Лисипп три года назад.

— Учитель твой прав совершенно, в полном соответствии с законом Кармы,— сказал темнолицый.

— Следовательно, я, разрушив прекрасные дворцы

Персеполиса, подлежу ужасному наказанию в этой и в будущих жизнях?— печально спросила Таис.

— Ты та самая женщина?— индийцы с любопытством воззрились на свою гостью. Помолчав довольно долго, старший сказал, и его слова, веские и уверенные, принесли облегчение афинянке.

— Хотящие повелевать строят ловушки для легковерных людей. И не только легковерных, ибо всем нам, от мала до велика, свойственна жажда чудес, порождающая тягу к необыкновенному. Те, кто хочет повелевать умами людей, строят ловушки игрой цифр, знаков и формул, сфер и звуков, придавая им подобие ключей знания. Желающие повелевать чувствами, особенно толпы, как деспоты и политики, строят огромные дворцы, принижающие людей, завладевающие их чувствами. Человек, попав в эту ловушку, теряет свою личность и достоинство. Дворцы Портипоры, как мы зовем Персеполис, и есть подобная ловушка. Ты верно угадала это и явилась орудием Кармы, подобно тому как зло в наказании иногда служит добру. Я бы снял с тебя обвинение Лисиппа.

— Я сам понял и простил ее,— согласился скульптор.

— И не пояснил мне?— упрекнула Таис.

— Не умом, а чувством, словесно объяснили нам только они, знающие Карму, учителя из Индии,— Лисипп поклонился, по азиатскому обычаю приложив руки ко лбу.

В ответ жрецы склонились еще ниже.

В этот день Таис вернулась к себе ранее обычного.

Эрис, подвинув к ней столик с едой, подождала, пока афинянка насытилась, и, улыбаясь одними глазами, поманила за собой. Она бесшумно привела Таис к ступенчатому переходу из передней части храма в главную башню. На широком возвышении с лестницами по обеим сторонам перед тьмой глубокой неосвещенной ниши стояла Артемис Аксиопена. Лучи света, падая из боковых оконцев вверху, скрещивались впереди статуи, усиливая мрак позади. Бронза резко блестела, будто Артемис только что вышла из мрака ночи по следам какого-то преступления. У подножия ее сидел Эхефил, молитвенно подняв взгляд на свое создание. Углубленный в думы, он не пошевельнулся и не почувствовал появления женщин. Таис и Эрис беззвучно отступили и вернулись в келью.

— Ты погубила его, халкеокордиос (медное сердце)!— резко сказала афинянка, гневно глядя на черную жрицу.— Он не может теперь продолжать ваяние.

— Он губит сам себя,— безразлично сказала Эрис,—

ему нужно лепить меня, точно статую, сообразно своим желаниям.

— Тогда зачем ты позволила ему...

— В благодарность за искусство, за светлую мечту обо мне!

— Но не может большой художник волочиться за тобой, как прислужник!

— Не может!— согласилась Эрис.

— Какой же для него выход?

Эрис только пожала плечами.

— Я не прошу любви!

— Но сама вызываешь ее, подобно мечу, подрубающему жизни мужей.

— А что велишь мне делать, госпожа?— тоном прежней рабыни спросила Эрис. Афинянка прочла в ее синих глазах печальное упрямство.

Таис обняла ее и прошептала несколько ласковых слов. Эрис доверчиво прижалась к ней, как к старшей сестре, утратив на миг богинеподобный покой. Таис погладила ей буйную гриву непослушных волос и пошла к Лисиппу.

Великий ваятель всерьез озаботился жалкой судьбой лучшего ученика и повел Таис снова к жрецам.

— Вы говорили о знании,— начал он, когда четверо опять уселись в круглом зале,— как о спасении. По-вашему, не было бы и малой доли того страдания, какое есть в мире, если бы люди больше задумывались над горем, происходящим от невежества. Абсолютно правильное это утверждение уживается у вас с бесчеловечными законами тайны знаний. Однако кроме разума есть чувства. Что вы знаете о них? Как справиться с Эросом? Гибнет великий ваятель, создатель статуи, приобретенной вашим храмом.

— Если ты имеешь в виду богиню ночи Ратри, она не для храма и стоит здесь на пути в Индию.

— У нас она считается богиней луны, здоровья и юных жен, равной Афродите,— сказала Таис.

— Наша богиня любви и красоты Лакшми — лишь одна светлая сторона божества. Черная сторона — богиня разрушения и смерти, карательница Кали. Прежде, в древности, когда каждое божество было одновременно и благожелательным и враждебным, обе они сливались в образе богини ночи Ратри, которой поклоняюсь я,— сказал темнокожий жрец.

— Как можешь ты поклоняться лишь женской богине, если ваши боги посылают небесных красавиц, чтобы сокрушить могущество мудрецов?— спросил Лисипп.— В этом

ваша религия кажется мне одновременно и высокой, ибо ставит человека наравне с высшими богами, и низкой, ибо ее божества используют красоту как оружие недостойного соблазна.

— Не вижу ничего недостойного в таком соблазне,— улыбнулся жрец,— соблазняет ведь не простая якшини, демон похоти, а солнечная красавица, наделенная искусствами и высоким умом, вроде нее,— он покосился на Таис.

Озорство, долго сдерживаемое, вдруг взмыло в ней, и она послала жрецу пламенный долгий взгляд.

— О чем говорил я?— жрец потер лоб в усилии вспомнить.

— Есть два пути совершенствования и возвышения, оба тайных. Один — это аскетизм, полный отказ от желаний, путь углубленной мысли, смыкающей низшее сознание с высшим. И прежде всего — уничтожение малейших помыслов о том, что вы называете Эросом. Здесь женщина с ее силой — враг!

— Как у евреев, где она — причина первородного греха, разрушения рая и прочих несчастий.

— Нет, не так. Кроме того, ты, видимо, не знаешь всей глубины их религии, тайно следующей вавилонской мудрости, не знаешь Каббалы. Как у нас на высотах философии священных Упанишад нет личного бога, а только Парабрахман — реальность всеобъемлющего Космоса, так и у Каббалы нет грозного личного Иеговы, а есть Эйн-Соф — бесконечное и беспредельное бытие. Откровение Истины дается в виде нагой женщины, скрытой под именем Сефиры. Сефира вместе с мудростью Хокма, мужским началом, и женским разумом Бина составляют троицу, или корону Кэтер, голову Истины. Запрета женщинам в святилищах нет. Девушки Кадешим священны в своей наготе, посвящены богу, подобно нашим храмовым танцовщицам — финикийским и вавилонским женщинам храмов, не говоря уже о ваших служительницах Афродиты, Реи и Деметры. Очень много похожего во всех древних верхах, исходящих из одного и направленных к одному.

— Почему тогда яростные проповедники евреев кричат, называя нас идолопоклонниками, ненавидя наши законы и утверждения?

— Есть писания элохические, где высока мудрость, и составленные на пять веков позднее писания о всемогущем единственном боге, занятом только людскими делами, подобно верховному управителю Земли. Религия, направлен-

ная к одной цели — сохранению древнего и малочисленного народа в окружении врагов. В них и найдешь ты прежде всего понятие греха, в равной степени незнакомое вам, эллинам, и нам, индийцам. Естественное назначение любви для продолжения рода у нас — священная обязанность человека. С самых древних времен женщины никогда не были отделены от мужчин и столь же свободны. Так пишут наши святые Веды. Как можем мы считать нечистой страсть, естественную, как сама жизнь, в пламени которой рождаются будущие поколения?

— Тогда почему ваши боги мешают мудрецам подняться в высший мир с помощью страсти апсар — небесных гетер?— Таис показала вверх, вызвав улыбку у обоих жрецов.

— Высший мир мы называем так не потому, что он находится где-то наверху, а обозначая его качество по сравнению с окружающим,— сказал темнолицый,— я начал говорить тебе о двух разных путях к достижению совершенства. Первый путь, повторяю, путь ясности мысли — это уничтожение всех физических желаний, даже желания продолжать жизнь. Но у темнокожих древних обитателей Индии, к которому принадлежу я, разработан другой путь, философия изначальная для всей индийской мысли и особенно пригодная для современной эпохи невежества, зависти и злобы, именуемой Кали-Югой. В ней самые глубокие познания и самое мощное умение повелевать силами человеческого тела. Она называется Тантрой. Краткая суть ее в том, что человек должен испытать все главные желания жизни с высочайшим напряжением, чтобы в короткий срок изжить их и освободиться.

— И ты последователь Тантр?— спросила Таис.

Жрец ответил утвердительным жестом.

— И освободился навсегда от соблазнов и желаний?— Она посмотрела на жреца так выразительно, что все мышцы его могучего тела напряглись. Он набрал полную грудь воздуха и продолжал:

— Тантра не отвергает желания, особенно Эроса, признавая в нем движущую силу жизни и возможность духовного возвышения. И мы никогда не отказываемся помочь другому в этом восхождении, памятуя историю Брахмы.

Индиец рассказал прелестную легенду о любви небесной апсары к главному богу индийской троицы Брахме. Занятый созерцанием и совершенствованием, он не ответил на ее призыв. Тогда апсара прокляла его, напророчив ему

почитание от верующих меньшее, чем для всех других богов. Брахма отправился к другому богу троицы Вишну, и тот разъяснил ему, что совершен тяжкий грех, для исправления которого он должен стать любовником апсары и совершить еще тридцать других покаяний для очищения, ибо женщина — величайшая драгоценность и действенные руки Природы-Шакти. Мужчина, отказывающий женщине в страсти, кто бы она ни была, совершает большой грех. Поэтому последователи Тантры поклоняются Шакти и весьма изощрены в Эросе.

— И мужчины и женщины?

— Разумеется!— ответил жрец.— Необходимо действие. Одного лишь желания мало. Чтобы возвыситься до великого духовного подъема, освобождающего от низких мимолетных желаний, он и она, совершающие обряд, или, по крайней мере, хоть один из них, должны пройти долгую подготовку тела и всех чувств.

— Мы также проходим долгое обучение,— заметила Таис.

— Не знаю, каково оно,— сказал темнолицый,— если ты увидишь поцелуй змея, то поймешь сама могущество наших тантрических путей.

— Когда можно увидеть?— нетерпеливо спросила Таис.

— Хоть сейчас.

— Можно ли послать за моей подругой?

Таис, Лисипп и Эрис спустились по узкой лестнице в обширное подземелье под башней. Переводчик остался наверху. Эллины сносно понимали по-персидски, а индийцы свободно владели этим языком.

В просторном квадратном помещении, сильно освещенном бездымными индийскими факелами, их встретили две светлолицые и одна темнокожая маленькая и крепкая молодая женщина лет тридцати, походившая на старшего жреца.

— Моя сестра,— сказал он, угадывая мысли гостей,— она и есть наша Нагини, повелительница змей.

— И посвященная в Тантру?— спросила Таис.

— Без этого — смерть!— сурово ответил жрец.— Она выполнит не только обряд, но и все приготовления к нему. Сядьте.

Они уселись у стены на холодноватую каменную скамью. Явилась четвертая девушка, неся большую плоскую чашу с теплым душистым молоком и пучок пахучей травы. Повелительница змей сбросила одежду. Девушка вытерла все ее бронзовое тело травой, намоченной в мо-

локе, высоко зачесала волосы и привязала мягкий кожаный передник, доходивший от ключиц ниже колен. Не глядя на посетителей, спокойная и серьезная, повелительница змей подошла к тяжелой металлической двери, держа в руке золотую чашку, до краев наполненную молоком. По ее знаку опустилась частая решетка, отгородившая ее помощниц и гостей. Девушки поднесли к губам инструменты вроде флейт. Одна повела протяжную тихую мелодию, вторая разбивала ее ритмом свистящих звуков. Маленькая темнокожая жрица запела высоким голосом, вместо припева издавая резкий вибрирующий свист. Она распахнула дверь и раскинула руки крестом, продолжая держать чашу. За дверью зияла черная пустота пещеры. В самом конце ее неясно светилась щель, видимо, там существовал узкий проход к свету. Некоторое время жрица пела под аккомпанемент флейт, очень долго, как показалось Таис в напряженном ожидании чего-то ужасного. Вдруг темнокожая женщина согнулась и поставила чашу за порогом двери. Флейтистки смолкли. Отчетливо послышалось шуршание тяжелого тела, скользившего по каменному полу. Из тьмы пещеры высунулась плоская голова с очень широким затылком. Два ясных, отливающих пурпуром глаза пронзительно оглядели всех, как показалось Таис. Голова с квадратами чешуй, подобных нагрудной броне воина, мимоходом окунулась в молоко. Жрица позвала мелодичным свистящим звуком. В подземелье скользнула гигантская змея двадцати локтей длины с черновато-зеленой спиной, кое-где ниже по бокам очень густого оливкового цвета. Неробкая афинянка почувствовала холодок по спине, нашла руку Эрис, и та ответила ей взволнованным сжатием пальцев.

Змей свернулся кольцами, устремив не ведающий жалости или страха взгляд на жрицу, почтительно ему поклонившуюся. Продолжая свой напев, она подняла высоко над головой сложенные ладонями руки и, вытянувшись на пальцах, стала раскачиваться в стороны боковыми изгибами на плотно сомкнутых ногах, сохраняя удивительное равновесие. Раскачивание учащалось. В такт ему громадный змей стал ерзать по полу, извиваясь, и поднялся так, что его голова оказалась на уровне прически жрицы. Только сейчас Таис заметила вплетенные в волосы девушки три перевязи, снабженные рядами сверкающих полированных острий. Змей раскачивался в такт со жрицей, медленно приближаясь. Внезапно она вытянула правую руку и погладила чудовище по голове, неуловимо быстро отпрянув

от разинутой пасти, которая ударила в место, где за долю секунды перед этим было ее лицо.

Снова повторилось раскачивание и пение, жрица с красотой и соразмерностью танцовщицы, переступая босыми ногами, приближалась к змею. Улучив момент, она взяла обеими руками его голову, поцеловала и опять отпрянула. Змей бросался с едва заметной глазу быстротой, но всякий раз повелительница змей точно угадывала его намерение и отстранялась еще быстрее. Трижды молодая женщина целовала змея в голову, с непостижимой легкостью ускользая от его укуса или подставляя змею край своего передника, куда он погружал свои длинные ядовитые зубы. Наконец раздраженный змей взвился спиралью, бросился на девушку, промахнулся и замер, качаясь и нацеливаясь снова. Жрица выгнулась, хлопнула в ладоши опущенных рук и молниеносным рывком вперед на одно кратчайшее мгновение прижалась губами к змеиной пасти. Змей ударил в ту же секунду. На этот раз он не остановился и погнался за жрицей. Непостижимо, как она смогла увернуться и ускользнуть в узенькую дверь за решетку, которую заранее распахнула и захлопнула четвертая девушка.

Лязг металла, тупой удар тела змеи и свист разозленного гада отозвались стихийной силой на натянутых, точно струны, чувствах Таис.

— Что будет теперь?!— громко вскрикнула она на аттическом наречии, и индийцы удивленно уставились на нее.

Лисипп перевел, и старший жрец усмехнулся.

— Ничего. Мы уйдем, факелы погасят, и Наг возвратится к себе в пещеру. Там устроена площадка, куда он выползает греться на солнце. А в это время закроют дверь.

— Он сильно ядовит?— спросила Таис.

— Подойди к моей сестре,— ответил жрец.

С почтительностью и не без примеси страха афинянка приблизилась к женщине, стоявшей без волнения и позы, с любопытством глядя на эллинов. Почувствовав резкий запах, напоминавший раздавленный лист чемерицы, Таис увидела, что передник повелительницы змей залит желтозеленой жидкостью, медленно стекавшей на пол.

— Яд!— пояснил жрец.— С каждым броском Наг, готовясь укусить, выбрызгивает его из своих зубов.

— И яд силен?— спросил Лисипп.

— Это самая большая и самая ядовитая змея Индии. Конь и слон умирают через минуту, человек и тигр живут

дольше — две, по вашему счету времени. Этого яда хватит на три десятка человек.

— Она приручена сколько-нибудь?— спросила Эрис.

— Приручить Нага невозможно! Тварь не ведает благодарности, привязанности, страха или беспокойства. Она лишена почти всех чувств, свойственных животному с теплой кровью, и походит в этом на людей толпы самого низшего разряда. Только необычайное искусство нашей Нагини спасает ее от смерти, стерегущей каждое мгновение.

— Тогда зачем она делает это?— Таис взглянула на жрицу, осторожно сворачивающую обрызганный ядом передник и теперь совсем похожую на древнюю бронзу с сильными формами женщины, привычной к труду земледельца.

— Каждый из нас имеет потребность вновь и вновь испытывать себя в искусстве, особенно если оно опасно и не исполнимо другими людьми. Кроме того, могущество тантрической подготовки дает ей надежный щит!

— Если Тантра столь сильно влияет на чувства, сердце и тело людей, то можешь ли ты исцелить молодого художника от чрезмерной и безнадежной любви к моей подруге?

— Художники занимают место посредине, между последователями аскетизма и Тантры. Поэтическая мысль не боится искушения, поскольку сама позиция коренится в любви, которая есть желание, а желание — надежда продолжать жизнь. Истинная поэзия отбрасывает все фальшивое и в этом подобна аскезе, но в то же время сгорает в пламени Эроса к возлюбленной или Музе. Эта двусторонняя способность художника затрудняет лечение. Все же попробуем.

— В чем состоит лечение?

— Каждая мысль проявляется внешне, если внимание сильно сосредоточено на ней. Напряженное желание вызовет нужное следствие.

— Ты имеешь в виду сэтэп-са, гипноз?

— И это. Однако для художника более важно заострить тоску о Кхадо-Лилит, скрытую в сердце каждого мужчины. Так же, как и у вас, эллинов, у нас есть предание о нескольких расах людей, которые предшествовали теперешним. Эллины верят в людей золотого, серебряного и медного веков, что доказывает единство происхождения мифов. Одна существенная разница — мы считаем прежних людей более небесными, а вы — более земными, чем современные, и, следовательно, менее совершенными.

— Ты не прав, жрец,— вмешался Лисипп,— разве титаны и титаниды хуже современных? Прометей и его сподвижники жертвовали собой, чтобы избавить людей от невежества.

— И только прибавили им страдания от осознанной ответственности, дав мечту о свободной воле, но не подняв из мрака несвободной жизни,— прибавил высокий жрец.

— По нашим мифам, Кронос пожирает своих детей от Реи-Геи. Уран тоже истребляет их. Иначе говоря, Время и Небо стирают с лица Земли плоды свои. Означает ли легенда неспособность Земли, Природы или Шакти создать настоящих богоравных людей?

— Означает, что человечество должно в конечном итоге пересоздать само себя, совершенствуясь в познании и самовосхождении. Наши священные писания говорят о прежних расах людей — духов. Не буду говорить о трех первых, они очень далеки от нас. Непосредственно предшествовала нам четвертая раса с прекрасными женами небесного происхождения. Еврейская мифология не признает чередования нескольких рас, а единожды сотворенную пару людей, одинаковых с современными. Однако и у них есть предание, будто у первого из людей, Адама, была до его человеческой жены Евы еще одна — Лилит. Предание сделало из нее вредоносного демона, прекрасного, но всячески вредившего Еве, пока бог не послал трех ангелов, которые изгнали Лилит в пустыню.

Индийские Лилит совсем другие. Они также способны летать по воздуху, но бесконечно добры к людям. Царица всех этих праженщин, называемых у нас Кхадо, именовалась Сангиэ Кхадо и красотой превосходила всякое воображение. В отличие от апсар Кхадо не обладали разумом, а лишь чувствами. И мечта о прекрасном человеческом теле и нечеловеческой силе Эроса живет у нас как память об этих Лилит.

— Я слышала от восточных людей легенду о пери, небесных красавицах, порождениях огня. Они тоже летают по воздуху и сисходят к смертным избранникам,— сказала Таис, вспомнив свое пребывание на озерах близ Персеполиса.

— Несомненно, тоже отзвук памяти о Лилит,— согласился старший жрец, проявляя в отношении Таис все большую внимательность.— Наша задача — разбудить эту память в душе художника, овладеть ею и предоставить особенно искусным в своем деле священным танцовщицам довершить остальное, вытеснив из сердца художника его

губительную страсть к модели, не желающей связать с ним судьбу!

— Я видела настоящую Лилит древних месопотамцев на Евфрате,— и Таис рассказала о маленьком святилище на дороге через перевал с изображением крылатой женщины в нише алтаря.— Я думаю, что из всех древнейших женских изображений у этой богини было наиболее совершенное тело. А можно мне взглянуть на особенно искусных танцовщиц?

Старший жрец снисходительно улыбнулся, ударяя в небольшой бронзовый диск и одновременно повелительным кивком приказывая переводчику покинуть зал. Приглаживая бороду, вавилонянин заторопился. Очевидно, избранные танцовщицы храма показываются далеко не всем. Эрис, вдруг что-то вспомнив, поспешила к себе.

Из незаметной двери между слонами явились две девушки в одинаковых металлических украшениях на смуглых гладкокожих телах, косо надетых широких поясах из золота, ожерельях, ножных браслетах, серьгах большими кольцами и сверкающими крупными рубинами налобниках на коротких жестких волосах. Лица их, неподвижные, как маски, с сильно раскосыми и узкими глазами, короткими носами и широкими полногубыми ртами, были похожи, как у близнецов. Похожими были и тела обеих странного сложения. Узкие плечи, тонкие руки, небольшие, дерзко поднятые груди, тонкий стан. Эта почти девичья хрупкость резко контрастировала с нижней половиной тела — массивной, с широкими и толстыми бедрами, крепкими ногами, чуть-чуть лишь не переходящей в тяжелую силу. Из объяснений старшего жреца эллины поняли, что эти девушки — из дальних восточных гор за рекой Песков. В них наиболее ярко выражена двойственность человека: небесно легкой верхней половиной тела и массивной, исполненной темной земной силы нижней.

Таис усомнилась, могут ли они танцевать.

— Жены небольшого роста всегда гораздо более гибкие, чем те, которые подобны корам и величественным статуям. Я совсем не знаю этих народов из далеких восточных гор и степей, куда не проникали шагатели Александра.

Короткое приказание — и одна из девушек уселась на пол, скрестив ноги, и ритмически захлопала в ладони, звеня блестевшими в свете факелов браслетами. Другая начала танец с такой выразительностью, какую дает лишь талант, отточенный многолетним учением. В отличие от танцев Запада ноги принимали малое участие в движе-

ниях, зато руки, голова, торс совершали поразительные по изяществу изгибы, раскрывались пальцы, подобно цветкам.

Таис разразилась рукоплесканиями одобрения. Танцовщицы остановились и по знаку жреца исчезли.

— Они очень своеобразны — эти девушки,— сказала Таис,— но я не понимаю их обаяния. Нет гармонии, харитоподобия.

— А я понимаю!— вдруг сказал молчавший все время Лисипп.— Вот видишь. Мужчина знает, что в этих женщинах сочетание двух противоположных сил Эроса.

— И ты согласен, учитель?— усомнилась Таис.— Зачем же следуешь ты всегда совершенству в своем искусстве?

— В искусстве прекрасного — да,— ответил Лисипп,— но законы Эроса иные.

— Как будто поняла,— пожала плечами Таис,— и ты считаешь, что Эхефил того же мнения?

— Похоже, раскосые девчонки вылечат его,— улыбнулся Лисипп.

— И Клеофраду они понравились бы тоже? Он так трудился над Анадиоменой, выбрав меня. Зачем?

— Не могу говорить за того, кто перешел Реку Забвения. Сам я думаю так: ты не Лилит, а, как они называют своих небесных гетер, апсара. Владеть тобою, взяв у тебя все, что можешь ты дать, суждено лишь немногим, способным сделать это. Для всех других — бесконечно снисходительные, безумные и пламенные Лилит. Каждый из нас может быть их избранником. Сознание щедрости Лилит ко всем мужам тревожит наши сердца и необоримо влечет к ним памятью прошлых веков.

— А Эрис, по-твоему, кто?

— Только не Лилит. Она безжалостна к слабостям и не снисходительна к неумению. Эхефил увлекся носительницей образа. На его беду, и образ и модель оказались одним и тем же.

— Клеофрад говорил о своем увлечении мной.

— Для него это было бы еще хуже, чем для Эхефила. Эхефил хоть молод.

— И по-твоему, меня уже нельзя любить? Благодарю, друг мой!

— Не пытайся корить меня за попытку разобраться в твоем пастроении. Ты знаешь, если захочешь, к твоим ногам упадет каждый. Этот жрец, все познавший и преодолевший, сражен тобою. Как это просто для такой, как ты! Всего несколько взглядов и поз. Напрасно, ты не ответишь

ему, как Лилит. Сидит в тебе наконечником копья испытанное тобой чувство, достойное апсары. Полагаю, ты была возлюбленной Александра и ему отдала всю силу Эроса!

Таис залилась краской.

— А Птолемей?

— Ты родила ему сына — значит, его Эрос к тебе сильнее, чем у тебя к нему, иначе была бы дочь.

— А если бы поровну?

— Тогда не знаю. Могло бы быть и так и этак... Хозяева наши вежливо ждут нашего ухода.

Они поблагодарили жрецов, повторили просьбу об Эхефиле и пошли по темному храму в свои кельи. Четыре горящих в преддверии факела отмечали время, оставшееся до рассвета.

— Благодарю тебя, Лисипп. Когда ты со мной, я не боюсь наделать глупостей,— сказала Таис на прощанье,— твоя мудрость...

— Мудрость, афинянка, малоприятна для ее обладателя. Мудрых людей мало. Мудрость копится исподволь у тех, кто не поддается восхвалению и отбрасывает ложь. Проходят годы, и вдруг ты открываешь в себе отсутствие прежних желаний и понимание своего места в жизни. Приходит самоограничение, осторожность в действиях, предвидение последствий, и ты — мудр. Это не есть счастье в твоем поэтическом понимании, вовсе нет. Люди излечиваются от тревоги и гнева песней и танцами, ничего не зная о сущности их. Не следует много рассуждать о знании богов и людей, ибо молчание есть истинный язык мудрости. Открытые сердца это хорошо понимают. Тем более не мудро говорить истины людям, предпочитающим чудеса и достижения кратчайшими путями, которых нет, а есть лишь постепенное восхождение. Но вот что я скажу тебе определенно, как величайшую мудрость: преклонение для того, на кого оно направлено, самая быстрейшая порча.

— Ты имеешь в виду преклонение перед женой?

— Ни в коем случае. Это естественное воздание красоте и Эросу. Говорю о низкопоклонстве перед царями, военачальниками, в чьих руках находятся людские судьбы, надолго или на мгновение — все равно.

— И ты думаешь об Александре?

— Представь себя на минуту человеком, на кого направлено поклонение миллионов людей, самых разных, правдивых и лгунов, благородных и рабских душ, храбрых и трусов. Поистине надо обладать божественной силой, чтобы не сломиться и не предать собственные мечты.

— Изменить своей судьбе?

— Предатель своей страны заслуживает смерти у всех народов. Но почему не видят люди предателей своей собственной души? Ведь такие изменники не имеют уже правдивости. На человека этого нельзя положиться ни в чем. Он будет идти от дурного к худшему, и зло внутри будет возрастать. Кто бесчестен в самых великих вещах, скоро вообще потеряет всякое достоинство. Много говорили о честности. Я действительно стараюсь неизменно быть таким, никогда не разглашая тайн и не допытываясь о том, чего мне не хотят сказать. Великое преступление возникает из цепи малых ошибок и проступков, а великое достоинство, равное богам, родится из бесчисленных действий сдержанности и обуздания самого себя.

— И ты думаешь...

— Оценивай только саму себя — и это очень трудно, а в оценке больших, тем более великих людей положись на время и народ. Мало делать правильные поступки, надо еще распознать время, в которое надлежит их сделать. Мы не можем сесть в лодку, которая уже проплыла мимо, или в ту, которая еще не пришла. Знать, как действовать,— половина дела, другая половина — знать время, когда совершать действие. Для всех дел в мире есть надлежащее время, но чаще всего люди упускают его.

— Александр тоже упустил?

— Нет, подозреваю, что он совершил свое слишком рано. Но ты опять заставляешь мень судить о том, кто занимает тебя больше всего в мире. Иди спать!

Таис повиновалась. Она поведала Эрис о том, как жрецы храма Эриду взялись выбить из сердца Эхефила его безумную любовь к ней. Черная жрица не выразила ни радости, ни огорчения. Таис поставила себя на ее место. Она была бы чуть опечалена утратой хотя и нелюбимого, и все же яркого и преданного поклонника. Но Эрис думала только о Нагини — повелительнице змей. Ее невозмутимую душу всколыхнул страшный обряд с такой громадной и ядовитой змеей, о которых она даже не слыхала. Таис тоже была потрясена не меньше. Стоило ей закрыть глаза перед сном, как образно, резко, будто чередой бронзовых изваяний, вставала перед ней молодая индианка и колоссальный змей в смертельном танце...

Прошло несколько дней их пребывания в храме Эриду, когда задул горячий западный ветер. Таис плохо спала в знойную ночь. Ветер из Сирийской пустыни с раздражающим однообразием шумел и свистел сквозь бесчисленные

проемы и оконца в потолках храма, неся с собой расслабление тела и угнетение души. Он дул и на следующие сутки, не усиливаясь и не стихая. На афинянку напала меланхолия. Стало казаться бесцельным ее существование: память об ушедших, глубоко запрятанная любовь, долгое ожидание Птолемея, роль хозяйки большого дома и хранительницы общих богатств, по существу, доли награбленных войной сокровищ. Она могла умножить сокровища — зачем? Она могла... много чего она могла, и всегда перед ней вставал вопрос: зачем? Устала ли она от своего всегдашнего азарта, с каким бралась за любое дело, от вспышек сильных чувств? Может быть, она незаметно постарела и больше не может загораться, как прежде, скакать сломя голову, сдерживать слезы восхищения при встрече с прекрасным, слушать затаив дыхание рассказы и песни?

Даже Эрис уподобилась афинянке. Обе валялись нагишом на кожаных подушках, положив головы на скрещенные руки и безмолвно уставясь на расписанную синей краской стену.

Лисипп укрылся где-то в глубине храма, а Эхефила увели для «выколачивания любви», как грубовато сказал учитель.

Прошло несколько дней. Или целый месяц? Время обычного счета перестало существовать для Таис. Потеряло значение многое с ним связанное из прошлого, настоящего и будущего. Все это в равной степени спокойно, без горя и азарта, чаяния радости, режущих воспоминаний и сожаления о несбывшемся смешалось в уравновешенном сердце Таис...

Лисипп появился, чему-то ухмыляясь, и нашел обеих лениво возлежавшими рядышком и с большим аппетитом уничтожавшими лепешки со сливками. Приглядываясь к ним, ваятель не заметил никаких перемен, кроме западинок на щеках и воистину олимпийского спокойствия обеих.

— Чему ты смеешься, учитель?— равнодушно спросила Таис.

— Излечили!— Лисипп рассмеялся еще откровеннее.

— Кого? Нас?

— От чего вас лечить? Эхефила! Он решил остаться в Эриду!

Таис, заинтересованная, приподнялась на локте. Эрис повела глазами в сторону Лисиппа.

— Остаться в Эриду и сделать здесь статуи этих, как их, словом, раскосых Лилит.

— В самом деле излечили!— засмеялась Таис.— А ты все же потерял своего ученика, Лисипп.

— Для искусства он не потерян, это главное!— ответил ваятель.— Кстати, они хотят клеофрадовскую Анадиомену. Дают двойной вес золота. Оно теперь стало дороже серебра. За статер, прежде стоивший две драхмы, дают четырехдрахмовую сову. Многие торговцы Эллады разоряются.

— Так продай!— спокойно сказала Таис. Лисипп удивленно посмотрел на нее.

— А желание Александра?

— Мне кажется, Александру, если он вернется, будет не до Анадиомены. Вспомни, какое огромное количество людей ждет его в Вавилоне. А кроме людей горы бумаг, прошений, отчетов со всей громадной его империи. Если прибавится еще Индия...

— Она не прибавится!— уверенно сказал Лисипп.

— Я не имею понятия, сколько может стоить Анадиомена.

— Много! Хоть и не дадут, наверное, столько, как за Диадумена моего учителя Поликлета. Всему миру известно, что за него было заплачено сто талантов в прежние времена, когда деньги были дороже. Анадиомена настолько прекрасна, что, включая стоимость серебра, за нее дадут не меньше чем тридцать талантов.

— Это громаднейшая цена! А сколько вообще берут ваятели?— спросила удивленная Таис.

— За модели и парадигмы хороший ваятель берет две тысячи драхм, за статуи и барельефы до десяти тысяч.

— Так это всего полтора таланта!

— Разве можно сравнивать исключительное творение, созданное Клеофрадом, и работу хорошую, но обычную?— возразил ваятель.— Так подождем все же с Анадиоменой?

— Подождем,— согласилась Таис, думая о чем-то другом, и Лисипп удивился отсутствию всяких признаков волнения, какое вызывало прежде упоминание об Александре.

Афинянка взяла серебряный колокольчик, данный ей старшим жрецом, и встряхнула его. Спустя несколько минут в келью явился он сам и остановился на пороге. Таис пригласила его сесть и осведомилась о здоровье его младшего собрата.

— Он заболел серьезно. Не годится для исполнения высших обрядов Тантр с нею,— кивок в сторону Эрис.

— У меня к тебе большая просьба, жрец. Нам время покинуть храм, а мне хотелось бы испытать себя еще в одном.

— Говорь.

— Получить поцелуй змея, как ваша повелительница нагов!

— Она обезумела! Вы сделали из нее мэнолис, охваченную исступлением менаду!— закричал Лисипп так громко, что жрец укоризненно взглянул на него.

— Ты чувствуешь себя в силах выполнить страшный обряд?— серьезно спросил индиец.

— Да!— уверенно сказала Таис с беспечной отвагой, издавна знакомой Лисиппу.

— Ты губишь ее,— сказал ваятель жрецу,— ты убийца, если позволишь ей.

Жрец покачал головой.

Желание в ней возникло неспроста. Определить соразмерность своих сил необходимо перед выполнением задач жизни, ибо жизнь — искусство, а не хитрость, для открытых глаз и сердец. Возможно, она погибнет. Значит, таково начертание Кармы — прервать ее жизнь в этом возрасте. Если не погибнет, испытание умножит ее силы. Да будет так!

— И я тоже,— Эрис стала рядом с Таис.

— Иди и ты, я не сомневался в твоем желании.

Лисипп, потеряв дар речи от страха и негодования, вцепился себе в бороду, как если бы это была борода жреца.

Таис и Эрис спустились в подземелье. Повелительница змея сняла с них все одежды и украшения, вытерла молоком и полынью, надела передники. Обучиться простому напеву для музыкальной афинянки было делом нескольких минут. Обучение Эрис потребовало больше времени, но ритмы обе, как танцовщицы, поняли сразу.

Повелительница змей вызвала свое чудовище, и Таис первая начала смертельно опасную игру. Когда змей поднялся, склоняя вниз чешуйчатую морду, Таис услышала шепот на непонятном языке, прижалась губами к носу чудовища, молниеносно отпрянув. Змей бросился, брызгая ядом на передник, но Таис, трепеща от пережитого, была уже вне опасности. Змею дали отведать молока, и вперед выступила Эрис. Черная жрица не стала выжидать, и, едва змей поднялся на хвосте, звонко чмокнула его в нос и отпрянула, даже не дав ему забрызгать себя ядом. Повелительница змей вскрикнула от неожиданности, и разъяренное чудовище кинулось на нее. Индианка уклонилась от укуса, плеснула в морду змея из второй чашки молоко, которую держала в руках, оттолкнула Таис и Эрис за решетку и облегченно вздохнула. Таис расцеловала ее и подари-

ла дорогой браслет. В тот же вечер старший жрец надел Эрис ожерелье необычайной редкости из ядовитых зубов самых гигантских змей, когда-либо пойманных в индийских лесах. Таис получила другой подарок — ожерелье из когтей черных грифов, окованных золотом и нанизанных на цепочку.

— Это наряд хранительницы заповедных троп, ведущих на восток за горы,— пояснил жрец.

— А мое?

— Как и полагается, символ бесстрашия, неутомимости и воздаяния,— ответил индиец, глядя на черную жрицу с гораздо большим, чем ранее, уважением.

Кроме того, старший жрец подарил Таис чашу из прозрачного халцедона с вырезанным на ней изображением змеиного танца.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Верховой на взмыленной лошади примчался с Евфрата. Там, на древней пристани, ждала Гесиона с тридцативесельной гребной лодкой — преимущество жены начальника флота! Короткая записка гласила: «Вести от Неарха и Александра. Армия возвращается. Я — за вами». Этого было достаточно, чтобы Лисипп, Таис и Эрис немедленно собрались, и после долгого прощания с индийцами — жрецы поднесли всем огромные венки невесть откуда взявшихся голубых цветов.

Эхефил, забравшись на выступ портика, долго махал вслед облаку пыли, поднятому конскими копытами.

Эллины без передышки проскакали несколько парасангов на выносливых и худощавых местных лошадях.

Еще издали они увидели на сверкающей глади реки длинное коричнево-красное судно, а на плитах пристани — навес из полотна. Фиванка стремглав кинулась навстречу Таис.

— В Индии они не достигли пределов Ойкумены! — возбужденно, торопясь, заговорила она.— Армия взбунтовалась на пятой реке, отказавшись идти дальше, когда мой Неарх открыл, что Инд течет из гор, очень далеких от источников Нила, и не на восток, а на юг, в океан. Устье Инда лежит в направлении солнца. Громадные пространства суши и моря разделяют эти две реки, такие огромные, что никто не представлял себе...

Лисипп, успокаивая, положил руку на плечо Таис. Она вздрогнула от прикосновения мудреца.

— Александр был тяжело ранен при атаке крепости, его спас твой Птолемей и получил за это прозвище Сотера (Спасителя). Они сражались со множеством слонов. Букефал погиб. Потом они спустились вниз по Инду. Армия пошла через пустыни, а Неарх поплыл морем вдоль берегов Индии, плыл восемьдесят дней и едва не умер от голода, а в это время Александр погибал от жажды в пустыне. Потом Александр долго ждал его в условленном месте, откуда в Персеполис и прибыли гонцы с известиями...

Все это фиванка выпалила одним духом и умолкла, чтоб перевести дыхание.

Лисипп шутливо встряхнул Гесиону за плечи.

— Остановись, иначе ты погибнешь, и мы ничего не узнаем дальше. Жене такого флотоводца, как Неарх, надлежит излагать сведения в лучшем порядке. Кто рассказал тебе все это?

— Дейномах, один из помощников Неарха. Он заболел и был послан с караваном вперед, в Персеполис, а оттуда прибыл в Вавилон ждать Неарха.

— Так где же сам Неарх?

— Ведет флот в Вавилон, а по дороге изыскивает удобный путь для плавания к Аравии и Либии.

— Путь для еще одного плавания!— воскликнула Таис.

— Да! Сам Александр хочет плыть морем, более не надеясь на карты и периэгесы — описания суши, жестоко обманувшие его и в Бактрии и в Индии.

— Что же говорил тебе Дейномах?

— Все! Он привел одного лахогоса из тех, что шли с Александром через Гедрозию*. Два дня и две ночи оба попеременно рассказывали о невероятных испытаниях, перенесенных ими в походе. Потом я оставила их в своем доме отсыпаться и отдыхать, а сама поспешила сюда. О, я запомнила все подробности. Ты знаешь мою хорошую память,— добавила Гесиона, заметив взгляд Лисиппа, брошенный на Таис.

— Если так,— решил ваятель,— то поступим подобно Дейномаху. Мы поплывем, а ты будешь рассказывать, только не по ночам: времени хватит!

«Рожденная змеей» не преувеличивала своих способностей, и Таис узнала об индийском походе более подробно, чем если бы получила письмо от Птолемея, который стал главным лицом у Александра после Гефестиона, хилиарха, то есть заместителя самого царя — выше не было должности,— по-прежнему самого близкого из друзей великого полководца.

Переправившись через Инд по наплавному мосту, построенному отрядом Гефестиона, македонская армия попала в дружественную страну. Индийцы чествовали Александра как царя царей Запада. В то же время аристократия, именовавшаяся здесь «высшими кастами», считала македонцев варварами, дав им прозвище пастухов, поскольку они прежде всего интересовались скотом. В столице этой страны Таксиле Александр устроил блестящее празднество и стал готовиться к переходу через следующую реку — границу враждебного царства Пауравов. На этой реке, названной географами Гидаспом (Джхелам), и произошла самая тяжкая битва из всех, какие приходилось выдерживать армии Александра после Гавгамелы. Сражение было даже опаснее Гавгамелы, потому что Александр на какое-то время совсем утратил управление войсками. Шли беспрерывные дожди, Гидасп вздулся и разлился, илистые берега превратились в топь. На восточном берегу реки македонцев поджидало индийское войско с царем Пором во главе. Александр рассчитывал легко сломить сопротивление индийцев — сделал большую ошибку. Лучшие отряды македонского войска под началом Птолемея, Гефестиона, Кеноса и Селевка переправились на восточный берег, а Кратер остался с резервом на западном берегу.

---

* Современный Северо-Западный Пакистан и юго-восточная окраина Ирана.

Македонцев встретили две линии боевых слонов, шедших с промежутками в шестьдесят локтей друг от друга. Между ними шли пешие с громадными луками, из которых можно было стрелять лишь с упора. Стрелы этих луков пробивали броню и щиты.

Индийцы стали теснить македонцев. Увязая в грязи, отчаянно бились новые, бактрийские и согдийские, конные лучники во главе с Александром. На помощь им бросились агриане и гипасписты, но остановить напор индийцев не смогли. Боевые слоны индийцев упорно отжимали македонцев к вязкому берегу, а резервы все не подходили. Оказалось, отряд Кратера стоял за протокой и, выйдя на остров, очутился перед вторым руслом Гидаспа, переправиться через который было непросто.

В самый напряженный момент сражения пал конь под Александром. Букефал не был ранен. Просто сердце старого боевого коня не выдержало целого дня битвы в вязкой грязи. Александр, пересев на свежую лошадь, послал против слонов доблестную фалангу, от которой осталось всего шесть тысяч человек. Отважные ветераны пошли в атаку с боевым кличем «Эниалос, Эниалос!». Слоны не устояли перед ударами длинных македонских сарисс, повернули назад и стали топтать собственное войско, совершенно расстроив ряды превосходной индийской кавалерии. Македонцы, потеряв строй, как демоны, погнались за ними. С фланга ударила запасная кавалерия Пора. Фаланга могла бы потерять многих, но подоспевший Александр заставил пехоту построиться и сомкнуть щиты, отбросив конницу. Тут наконец подоспел резервный отряд Кратера. Индийское войско побежало. Надо было завершить разгром, но главным боевым силам Александра было не до преследования противника.

С этого дня, в таргелионе третьего года сто тринадцатой олимпиады, македонское войско как бы надломилось. Воины, еще на Инде узнав об открытии Неарха, с неохотой пересекли пресловутую реку. Ужасное побоище на Гидасне, грозные слоны и высокие боевые качества индийского войска совсем обескуражили македонцев. А ведь недавно, слушая Александра, который уверял их, что Индия лежит перед ними открытая и доступная, они думали, что наконец-то их поход близится к завершению.

Великий завоеватель обошелся очень милостиво с побежденным царем Пауравов. Он оставил его царствовать.

Среди живописных холмов на Гидаспе, выше места битвы, Гефестион по велению Александра начал строить два

новых города: Никею (Победу) и Букефалию, в память боевого коня, погребенного там.

Неарх еще до битвы предлагал Александру построить большой флот и переправить армию вниз по Инду. Царь сначала не соглашался, а затем разрешил для того, чтобы плыть на восток, когда он дойдет до легендарной реки Ганг, текущей у самых границ Мира. Неарх не послушал повелителя и кроме легких тридцативесельных гребных судов, годных для перетаскивания волоком из реки в реку, с помощью финикийцев построил несколько тяжелых широких плоскодонок по собственным чертежам. Эти корабли впоследствии выручили армию.

Александр с прежним упорством стремился на восток, пересекая одну реку за другой, передвигаясь с боями в холмистой области, населенной араттами — храбрыми племенами индийцев, жившими без царей. При взятии крепости Сангала армия Александра потеряла тысячу двести человек. Тридцать восемь укрепленных городков и поселений было взято македонцами, прежде чем они пересекли реки Акесинас (Ченаб) и Гидраот (Рави). Войско дошло до пятой реки — Гифасис (Биас). В природе по-прежнему не было перемены. Бесконечные цепи гор тянулись в отдалении. Ничто не указывало на приближение к какому-нибудь пределу. Вся верхняя Индия осталась позади, а что лежало впереди, никто не знал. Самые опытные криптии, не ведая языка обитателей, не могли разузнать путь сколько-нибудь далеко вперед.

И вот пятая река текла перед ними, такая же быстрая и холодная, как уже пройденные. Такие же холмы в голубой дымке и зелени густых лесов простирались за нею. Армия остановилась.

Пор рассказывал своему победителю о стране Магадха за Гифасисом, царь которой имел двести тысяч воинов пехоты, двадцать тысяч всадников и три тысячи слонов. Бежавший оттуда военачальник Чандрагупта подтвердил слова Пора. На юго-западе, правее страны Магадхи, обитали грозные племена апараджитов (непобедимых), владевших множеством особенно больших боевых слонов. И никаких слухов о пределах мира, об океане! Внезапно македонским воинам стало ясно, что дальнейший путь бесцелен. Страну, где умеют хорошо сражаться, не взять налетом. Пространства Индии столь велики, что все войско Александра рассеется здесь, оставив свои кости на этих бесконечных холмах. Военная добыча более не прельщала усталое войско. Их непогрешимый и непобедимый вождь

зашел слишком далеко в своем стремлении к великому океану, а неизменная удача чуть было не покинула его на Гидаспе. Там армию спасла самоотверженная храбрость фаланги и щитоносцев. На этот раз спасла! А впереди еще более грозные противники. У войска не было больше сил. Македонцы были надломлены страшной битвой и всей этой бесконечной войной. Войско отказалось повиноваться, стояло на своем: путь вперед бессмыслен, надо возвращаться домой, пока еще есть силы для преодоления пройденных просторов.

Александр был вне себя. Он утверждал, что конец похода близок. Совсем недалеко Ганг, а за ним океан, и все они спокойно поплывут домой, мимо Индии, в Египет.

На совещании у Александра представителем армии выступил Кенос, герой битвы на Гидаспе. Он сказал, что сведения, собранные криптиями, утаили от воинов: Ганг вовсе не близок. До него три тысячи стадий. За Гангом нет никакого океана, только цепи нескончаемых гор. Разве Александр не видит, как мало осталось македонцев и эллинов в его войске, не ведет счета убитым, израненным, умершим от болезней, оставленным надолго, если не навсегда в построенных им городах? Все, которые еще целы, износились подобно лошадям, на которых ездили слишком много и долго.

По знаку Кеноса семь высоких македонцев предстали перед царем обнаженными, в одних шлемах, показывая множество рубцов и струпьев от заживших и еще не залеченных ран. Они закричали: «Александр, не заставляй нас идти против воли! Мы уже не те, что прежде; приневоленные, станем и того хуже. Мы тебе не опора, или твои глаза перестали быть зрячими?»

Великий полководец в ярости разодрал на себе одежду в намерении показать этим малодушным свои собственные рубцы и раны, которых у него было больше, чем у любого из воинов, но быстро одумался и укрылся в своем шатре, не принимая пищи. Наконец он прислал сказать воинам, что послушается воли богов.

Давно уже армия не смотрела с таким волнением на старого, едва осиливавшего трудности похода прорицателя Аристандра, когда поутру на берегу Гифасиса, готовя гадания, он рассек жертвенную овцу. Аристандр не успел еще возвестить о грозном предсказании — Птолемей, Селевк, Кенос и все стоявшие рядом военачальники и сами увидели явные знаки неудачи и гибели. Ни в коем случае нельзя было переходить реку! Бурное ликование армии,

когда Александр отдал приказ повернуть назад, показало, что терпение воинов дошло до предела. Он велел поставить на берегу Гифасиса двенадцать каменных колонн, обозначавших конец его индийского похода. Армия вернулась в затопленную непрерывными дождями Никею на Гидаспе, где строился флот. Едва добравшись до Никеи, умер от истощения Кенос, перед смертью сослужив товарищам великую службу.

Отсюда войско Александра поплыло вниз. Большинство легких гребных судов погибло на порогах и стремнинах. Широкобокие корабли Неарха преодолели вздувшийся Гидасп и быстрины Инда куда успешнее. Неарх предложил остановиться и построить побольше таких судов. Александр отказался. Утратив мечту о достижении Восточного океана, он заспешил к покинутой надолго империи.

Конница пошла обоими берегами Инда. На одном берегу отряд под командованием Гефестиона, на другом — Кратера, двух вечно ссорящихся высших военачальников Александра. Пехота вместе с Александром и Птолемеем плыла на судах. Время от времени происходили сражения с храбрыми племенами, яростно оборонявшими свои земли от македонцев. В Александра вселился злобный демон. Начались ненужные избиения, ибо македонцы не брали в плен, они больше не нуждались в рабах: прокормить их и тем более довести до рынков не было никакой возможности.

В стране Малли — на окраине большой пустыни Тар, где храбрость жителей превзошла других, македонское войско надолго задержалось около хорошо построенной и бесстрашно защищавшейся крепости.

Разъяренный сопротивлением, Александр ринулся на стену сам. Едва он достиг верха, как лестница подломилась. Александру ничего не осталось, как под дождем стрел спрыгнуть со стены внутрь крепости. С ним были только двое: Певкетос — его постоянный щитоносец, носивший за ним взятый в Трое черный щит Ахиллеса, и Леоннат. Певкетосу Александр более всего обязан жизнью. Стрела пробила Александра насквозь через легкое, и он свалился замертво. Упал на колени и раненый Певкетос, а Леоннат, тоже истекавший кровью, прикрыл обоих священным щитом героя Троянской войны и, могучий, как Геракл, отражал врагов, пока в крепость не прорвались освирепевшие до безумия македонцы. В несколько минут защитников крепости перерезали всех до единого. Царя с торчав-

шей из груди стрелой понесли к кораблю, на котором находился шатер Александра...

— Погоди!— перебила Гесиону Таис.— А где был Птолемей и почему он Сотер (Спаситель), а не Певкетос или Леоннат?

— Не знаю. И Дейномах не знал тоже. Вероятно, Птолемей сумел прорваться к Александру с достаточной воинской силой и спасти всех. Воинская молва называет Спасителем именно его, а не кого-нибудь другого. Армия знает лучше!

— И что же случилось дальше?— поторопил Лисипп.

— Когда Александра принесли на корабль, никто не смел прикоснуться к торчавшей из груди стреле, думали, что царь умирает. Пердикка, самый опытный военачальник, велел повернуть Александра на бок, могучими пальцами отломал прошедшее насквозь острие и вытащил древко. Потом туго перебинтовал грудь и, положив царя на бок, велел поить водой с вином, настоянным на тысячелистнике. Когда подоспели врачи, кровотечение уже прекратилось. Александр пришел в себя от криков и воплей воинов. Армия требовала, чтобы им показали царя живого или мертвого. Александр приказал перенести себя на берег под навес, чтобы люди, проходя мимо, могли его видеть.

Когда судно причалило к удобному месту, где раскинули долговременный лагерь, подальше от заваленных трупами, дымящихся руин крепости, Александр, бледный как мел, нечеловеческим усилием воли сел на коня вопреки сопротивлению друзей и сумел доехать до своего шатра среди ликующего войска. Это последнее напряжение исчерпало его силы. Много дней он лежал, ужасно страдая от боли в пробитом легком, безразличный ко всему на свете.

В это время Неарх, взяв в помощники всех сколько-нибудь умеющих плотничать воинов — а таких оказалось тысячи среди македонцев и приморских жителей,— спешно строил корабли.

К македонскому лагерю стекались со всех сторон не только любители приключений, торговцы, женщины, но и ученые, философы, художники и артисты. Начался новый год, первый год сто четырнадцатой олимпиады. Армия медленно сплавлялась по Инду. Нечеловеческая сила жизни Александра одолела еще одну тяжкую рану, смертельную для большинства людей. Еще больной, он подолгу беседовал с индийскими философами. Эллины называли их гимнософистами — нагими мудрецами, потому что в их

обычае было ходить почти без всякой одежды, подчеркивая отсутствие суетных желаний. С горечью узнал Александр, что напрасно преодолевал реку за рекой, истощив терпение своей армии. Оказывается, Гидасп сливался к Акесинасом и Гидраотом, а еще ниже в единую реку впадал Гифасис, а в итоге слившиеся реки впадали в большой левый приток Инда Ларадзос (Сатледж), в четырех тысячах стадий ниже переправы через Инд, построенной Гефестионом. Если не пробиваться так упрямо к востоку по предгорьям исполинских хребтов, а спуститься к югу, то после переправы через Инд вся великая индийская равнина лежала бы открытая перед армией Александра. Но все было кончено. Александр больше не стремился никуда, кроме Персии и моря на западе. На Инде у Ларадзоса он основал еще одну Александрию — Оппану. Говорили, что царь тайно посетил несказанно древний храм в развалинах огромного города, в тысяче стадий ниже слияния Инда и Ларадзоса. Жрецы этого храма открыли Александру никому не ведомую тайну. И он больше ни разу не заговаривал об Индии даже с самыми близкими друзьями. Эта весть распространилась с быстротой ветра среди воинов, осведомленных гораздо лучше, чем того хотели бы военачальники.

Медленно сплавляясь по Инду, македонцы знакомились со страной, гигантские размеры которой они постигли теперь воочию. Хорошо, что они остановили безумный порыв Александра броситься очертя голову в глубь Индии. Теперь с запозданием вспоминали о Ктесии, эллинском враче при дворе Артаксеркса, составившем описание Индии как очень большой страны. Один из индийцев, гимнософист Калинас, отправился сопровождать Александра, предупреждая царя об опасных местах и отговаривая военачальников от ненужных нападений на близлежащие города...

Гесиона остановилась перевести дух. Лисипп налил ей вина, сильно разбавленного ключевой водой. Таис глубоко задумалась, словно все еще была там, в Индии, и вдруг спросила:

— А где была Роксана?

— Все время с Александром, она занимала отдельный шатер и плыла на отдельном корабле. А по суше ездила на слоне, как и подобает великой царице.

— А как ездят на слонах?

— Не знаю. Приедем в Вавилон — расспросим...

— Продолжай, прошу тебя!

— В скирофорионе Александр доплыл до устья Инда,

похожего на дельту Нила, в шести тысячах стадий ниже слияния притоков. Здесь не только македонцы, но и бывалые моряки перепугались, увидев гигантские волны, мчавшиеся вверх по течению реки, поднимая уровень воды на два-три десятка локтей. Все стало понятным, когда дошли до океана. Приливы достигали здесь небывалой на Внутреннем море высоты. Примерно в пятистах стадиях от океана, выше дельты реки, Гефистион стал строить гавань в Патале. В это же время, в месяце гекатомбеоне, Александр с Неархом плавал в океан, удаляясь от берегов в голубую даль на пятьсот стадий. Там он совершил жертвоприношение Посейдону и бросил в волны золотую чашу.

Через месяц Александр выступил на запад вдоль берега моря через пустыни Гедросии и Кармании. Он шел налегке с пехотой и частью конницы, отправив Кратера со всеми обозами и семьями, добычей, слонами и скотом по сравнительно легкому — с кормом для животных и водой — пути через Арахосию и Дрангиану*. С Кратером остался Селевк, который после сражения на Гидаспе навсегда отдал свое сердце слонам и собирал их столь же самозабвенно, как Птолемей драгоценности...— Гесиона зашнулась, глядя на подругу.

— Продолжай!.. И женщин,— спокойно сказала Таис.

Впервые фиванка поняла окончательно, насколько безразличны подруге любовные подвиги Птолемея.

Кратер основал еще одну Александрию на реке Арахотос и двигался не спеша к назначенному месту встречи в Кармании на реке Аманис, впадающей в глубокий морской залив Гармосию.

Александр шел с обозом, чтобы устроить на морском берегу несколько складов продовольствия для Неарха. Критянин выступил из Паталы со всем флотом на два месяца позднее, в маймактерионе, после перемены ветров на зимние. Вначале Александр хотел поручить флот Онесикриту. Неарх был против, упирая на легкомыслие и известную всем лживость своего заместителя. Как ни хотелось Александру быть вместе с Неархом, пришлось согласиться с доводами флотоводца. Для Александра проследить береговую линию и морской путь, соединяющий Индию и Персию, стало важнее всего. Именно потому он решил сам вести отряд сквозь прибрежные пустыни. Поход оказался едва ли не самым трудным из всего испытанного армией

* Все перечисленные страны занимали пустынные области окраин Пакистана, Южного Афганистана и Юго-Восточного Ирана.

македонцев. Сначала за войском увязалось множество невоенных людей: торговцев, ремесленников, женщин — все они погибли от голода и жажды, а большая часть утонула...

— Да, утонула,— повторила Гесиона, заметив недоумение слушателей,— когда войско остановилось лагерем в сухой долине среди холмов, ливень, прошедший где-то в горах, дал начало могучему потоку, мгновенно обрушившемуся на ничего не подозревавших людей. Воины, привычные к внезапным нападениям, спаслись на склонах, а все остальные погибли.

Серый песок и камни пустынь Гедросии даже ночью излучали жар, напоенный сильным ароматом мирровых деревьев. Будто тысяча курильниц дымились драгоценным нардом Арабии. Крупные белые цветы сплошь покрывали густые, непроходимые заросли низких, крепких, усеянных шипами деревьев. Дальше пошли безводные пески. Путь становился все тяжелее, пришлось экономить на еде, а с водой стало совсем плохо. Вышедшие из повиновения воины разграбили часть повозок с продовольствием для Неарха. Всего один склад удалось сделать на берегу. В поисках воды пришлось отклониться в глубь страны. Кормчие и криптии заплутались. Пришлось снова выходить к морю, определить направление и взять прямо на север. Так они пришли в город Пура, на той самой реке, где было назначено свидание трех отрядов. Отдохнули и продолжали путь вдоль реки вниз до города Гуласкиры в Гармосии. Кратер со своей армией, женщинами и слонами прибыл к сроку. Поход отряда Кратера, двигавшегося дальним путем, прошел на редкость удачно. Не было ни потерь среди людей и животных, ни значительных задержек в пути. Кратер, ярый охотник, даже позволил себе несколько раз совершать разведки в стороны от движения главного каравана, памятуя поручение Александра — поискать страшного зверя «человекоглотателя». Зверь этот упоминается в описаниях Ктесия, правда изобилующих неправдоподобными россказнями, но со ссылками на многих очевидцев и на страх, внушаемый им персам, которые назвали его «мартихором» (глотателем людей). Громадные размеры, ужасная пасть, костяная броня и хвост, усаженный шипами, делали зверя чем-то средним между крокодилом и бегемотом. Кратер сам слышал о нем рассказы, но, подобно борию в Ливийской пустыне, никто не мог указать место его обитания, и поиски Кратера оказались тщетными.

Не было известий только о Неархе. Александр терпеливо ждал, отказываясь верить, что критянин погиб, и не желал идти дальше без верного друга. Время от времени он посылал колесницы и всадников на разведку к устью реки и морскому заливу, но никто ничего не слышал о флоте. Шел третий месяц ожидания, кончилась осень, наступил гамелион, когда внезапно колесницы разведчиков привезли пятерых исхудалых оборванцев, среди которых Александр с трудом узнал Неарха и Архиаса. Царь обнял критянина, изумленный, как он мог добраться сюда и остаться в живых, потеряв флот. Неарх удивился в свою очередь. Весь флот цел, из восьмидесяти судов погибло только пять. Корабли стоят в устье реки, а он поспешил отыскать место встречи, чтобы быстрее доставить припасы изголодавшимся морякам. Радости Александра не было границ.

Неарх, вымытый и умащенный ароматными маслами, украшенный золотым ожерельем и венком, шел во главе торжественной процессии. Самые красивые девушки, нагие, обвитые цветами, плясали вокруг него и пели, славя его победу над морем. Победа нешуточная! Восемь тысяч стадий вдоль дикого пустынного побережья, обитаемого только ихтиофагами — рыбоедами, питавшимися сушеной рыбой, моллюсками и печенными на солнце крабами. Несколько лучше выглядели хелонофаги — черепахоеды, избегавшие сырой снеди. Ценные пластины черепаховых щитов они бросали как попало. Неарх велел набрать их сколько возможно. На всем огромном пути им не встретилось ни города, ни храма, ни просто порядочного строения. Иногда попадались хижины из огромных костей неведомых чудовищ. Мореходы увидели их живьем — неописуемо громадных черных рыб, выбрасывавших вверх свистящие белые фонтаны. Неарх вел точный дневник пройденных расстояний, описи береговых примет и наблюдений над тенями луны.

До Неарха по этому морю проплыл сатрап Дария Первого Скилак, проделавший весь путь благополучно. Однако критянин не верил Скилаку, потому что, побывав на Инде, тот описал его как реку, текущую на восток! Сколько можно было бы избежать трудов и потерь, если бы Александр с самого начала знал про Персидский залив и истинное течение Инда! Сам Аристотель считал, будто истоки Нила и Инда находятся в одной стране, потому что и в Ливии и в Индии водятся слоны, которых нет нигде в других странах. Считая Скилака лгуном, Неарх пустился в

плавание с большими опасениями. На этот раз все сообщения Скилака были правильны.

В середине плавания корабли достигли Астолы, острова нереид-русалок, известного по финикийским легендам. Храбрые финикийцы не решились приблизиться к заколдованному месту. На корабле Неарха с эллинским экипажем, наоборот, все стремились высадиться на острове, повидать прекрасных дев моря. Критянин приказал бросить якорь в отдалении и сам отправился на лодке на свидание с русалками. К великому разочарованию Неарха, Архиаса, Дейномаха и всех их спутников, остров был гол и совершенно безлюден. Две полуразрушенные хижины из костей, обломки щитков черепах — свидетельство временного пребывания на острове хелонофагов, черепахоедов,— так развеялась еще одна сказка дальних морей.

Впоследствии Онесикрит клялся, что на самом деле остров был населен нереидами, но боги отвели глаза людей от священной земли, приведя флот к совсем иному месту. Спокойный, скептический Неарх лишь усмехался в дико отросшую бороду, слушая красноречивые фантазии. Онесикрит чуть было не сыграл роковой роли в судьбе флота. Когда они увидели острый выступ Аравии*, он стал настаивать на высадке у этого мыса. Неарх приказал повернуть в противоположном направлении и войти в залив Гармосии**.

От бухты Гармосии и устья Аманиса Неарх решил дальше вести флот до устья Евфрата и в Вавилон, а по пути осмотреть противоположный берег — то ли остров, то ли выступ Аравии, близко подходивший к берегам Карманнии, как раз у бухты. Александр хотел проплыть вокруг Аравии и сыскать путь в Эфиопию. Он согласился с Неархом, что для этого нужен другой флот — из крупных кораблей, способных нести большой запас воды и продовольствия, и особенно дерева для починки. На пути из Индии одним из главных затруднений явилось отсутствие хорошего дерева для исправления поломок. Слава богам, погода у побережья в этом месяце, после захода Плеяд, была спокойной. Если бы плавание совершилось в месяцы бурь, потери кораблей были бы много больше...

И снова войско Александра разделилось на три части. Гефестион повел армию, обозы и слонов вдоль берега на Пасаргады и Сузу, Александр налегке, с конницей, поспе-

---

* Современный Оман.
** Ормузский пролив.

шил туда же через Персеполис. Теперь все они, конечно, уже в Сузе. Мой Неарх не проплывет мимо нас на пути в Вавилон. Мне бы хотелось встретить его тут, и потому я не тороплюсь!— Так закончила свой долгий рассказ Гесиона.

Чаяния фиванки не сбылись. Они приплыли в Вавилон задолго до Неарха и полмесяца жили у Гесионы. Город был взбудоражен вестями о возвращении Александра, его переполняли толпы пришельцев. Они прибывали отовсюду. Впервые Таис увидела стройных ливийцев с темно-медным оттенком кожи. Афинянка со своим медным загаром казалась совсем светлой рядом с этими жителями лидийских степей. Невиданное зрелище представляли этруски с италийских берегов — могучие, коренастые люди среднего роста, с резкими профилями египетского склада. Лисипп читал исторические книги Тимея и Теопомпа и слышал рассказы путешественников, будто жены этрусков пользуются удивительной даже для спартанцев свободой. Они баснословно красивы и очень заботятся о своем теле, часто появляясь обнаженными. На обедах они сидят наравне с мужьями и другими мужами, держатся неслыханно свободно. Мужи часто делят их любовь между собою: таков обычай.

— Если таковы обычаи этрусков, то у них нет гетер, и я бы не имела там успеха,— полушутя сказала Таис.

— Действительно, у них нет гетер!— удивленно согласился Лисипп и, подумав, прибавил:— Там все жены — гетеры, или, вернее, они таковы, как было у нас в древние времена. Гетеры были не нужны, ибо жены являлись истинными подругами мужей.

— С тобой вряд ли согласятся соотечественники!— засмеялась афинянка.— Сейчас меня больше интересуют слоны, чем этруски. Вчера пришел караван в пятьдесят этих зверей, впрочем, странно называть слона зверем, он нечто другое!

— В самом деле, другое!— согласился Лисипп.

— Тебя послушаются, ты ведь умеешь повелевать, учитель!

Ласковая интонация афинянки заставила ваятеля насторожиться.

— Чего ты хочешь от меня, неугомонная?— спросил он.

— Я не ездила никогда на слоне. Как это делают? Нельзя же сесть верхом на такую громадину!

— На боевых слонах едут в домике-седле, то же и при

обычной езде, только тогда стенки делают ниже и с большими боковыми вырезами. Я смотрел издалека. Я тоже не ездил на слоне.

Таис вскочила и обвила руками шею художника.

— Поедем! Возьмем Гесиону и Эрис. Пусть провезут нас один-два парасанга.

Лисипп согласился. Они выбрали самого громадного слона с длинными клыками и недружелюбными глазами, с желтой бахромой на лбу и вокруг навеса над пестро раскрашенным домиком-седлом. Торжествуя, Таис уселась на поперечную скамейку с Эрис, напротив Лисиппа. Гесиона осталась дома, наотрез отказавшись от поездки. Вожатый поднял гиганта, слон бодро зашагал по дороге. Толстая кожа его странно ерзала по ребрам, домик кренился, качался и нырял. Таис и Эрис попали в ритм слоновой походки, а Лисипп едва удерживался на скамье, отирая пот и кляня слишком долгую прогулку. Не ведая неудобств езды на слоне и не имея к ней привычки, они назначили слишком удаленную цель поездки. Великий ваятель хоть и выдержал ее стойко, как подобало эллину, но с большой радостью слез со слона, кряхтя и потягиваясь.

— Не завидую Роксане!— сказала Таис, прыгая на землю прямо из домика.

Их ждала Гесиона.

— Небывалые новости!— закричала она с порога, будто истая афинянка.— Гарпал бежал, захватив массу золота из сокровищницы царя!

Гарпал, доверенный казначей Александра в Экбатане, недавно прибыл в Вавилон встречать повелителя.

— Куда бежал, зачем?— воскликнул Лисипп.

— В Элладу, к Кассандру, с отрядом из эллинов-наемников, оставленных соратниками в Вавилоне.

— И что же Александр?— спросила Таис.

— Он, наверное, еще не знает. Вторая новость! Александр в Сузе задумал жениться сам и переженить своих военачальников на азиатках. Сам царь взял старшую дочь Дария, которую, как и ее мать, зовут Статирой; Кратер породнился с Александром, женившись на сестре Роксаны; Гефестион на Дрипетис, дочери Дария, сестре своей прежней жены; Селевк взял Апаму — дочь убитого сатрапа Спитамена, Птолемей — Сириту, прозванную Атакамой, персидскую принцессу из Дариевой родни. Неарху предназначена невестой дочь Барсины Дамасской и Ментора, однако он до сих пор в море, не будет на торжестве и, насколько я знаю своего критянина, он увернется от этого

брака. Восемьдесят военачальников и гетайров женятся на девушках знатных родов, а десять тысяч македонских воинов вступают в законный брак со своими наложницами: персианками, бактрианками и согдийками. Будет празднество, достойное пира титанов, с тремя тысячами актеров, музыкантов и танцовщиц.

— Александр думает связать прочнее Македонию, Элладу и Азию,— задумчиво сказал Лисипп,— только надо ли так торопиться? Наспех переженятся, а потом побросают этих жен! Царь очень спешит. В Вавилоне его ждут тысячи и тысячи неразрешенных дел.

— Мне пора ехать домой, в Экбатану. Сын заждался меня,— вдруг сказала Таис.— Если успею собраться, поеду послезавтра. Скоро здесь наступит сильная жара.

— И ты не заедешь в Сузу?— спросила Гесиона.

— Нет, прямая дорога через Гармал и Священные Огни короче и удобнее. Ты останешься ждать Неарха, я, конечно, зря спрашиваю, а как учитель?

— Я дождусь Александра здесь, хотя первое время ему будет не до меня и не до искусства,— ответил Лисипп.

За несколько часов до отъезда верховой гонец нашел Таис через Гесиону и начальника города. Он привез ей плотно запечатанное письмо от Птолемея, который упрашивал ее не гневаться на вынужденный брак с персидской девочкой, уверял, что Александр понудил их всех к спешной женитьбе, и они сделали это только для царя. С обычной убедительностью Птолемей говорил о своем браке как пустой, незначащей уступке Александру, обещал при свидании объясниться и поведать какую-то тайну, важную для них обоих. Вскользь Птолемей упоминал о драгоценных камнях невиданной прелести, собранных для нее. Вскользь потому, что знал, как ответила бы афинянка на прямую попытку подкупить ее.

Таис взяла булавку, приколола письмо к столешнице, острым кинжалом изрезала на кусочки и бросила их на ветер.

Она простилась с Гесионой и Лисиппом нежно, но коротко, не ведая, что видит их в последний раз. Ее маленький отряд прошел ворота Иштар и скрылся из виду на северной дороге.

В Экбатане Таис прожила роковой третий год сто четырнадцатой олимпиады. Таис хорошо помнила каждый месяц его до тяжелых дней таргелиона, в которые, по

странному стечению судьбы, умер Александр. И страшная битва на Гидаспе, сломившая македонскую армию, также пришлась на конец таргелиона, третьего года предыдущей олимпиады! Может быть, будь жив старец Аристандр, он сумел бы предостеречь... нет, Александр давно уже не слушал его.

Птолемей долгое время не появлялся в городе. Сначала Таис наслаждалась своим подросшим Леонтиском, сильно привязавшимся к матери, потом почувствовала себя одинокой без Лисиппа. Как-то она поднялась на высокое кладбище и долго смотрела на ослепительно белую плиту на могиле Клеофрада. Ветер колыхал над ней ажурную тень можжевельника, похожую на письмена. Преклонив колени, в знойной тишине она вспомнила великолепную надпись на могиле Анакреонта: «Анакреонта плита! Под нею лебедь теосский спит и безумная страсть пламенных юношей спит...» У Таис начали складываться строфы эпитафии, которую она решила высечь на этой немой белой плите, уже начавшей зарастать плющом — любимым надгробным растением эллинов: «Здесь погребен Клеофрад, ваятель афинский, спаявший женского тела красу с обликом вечных богинь...»

После Нового года в разгар южной летней жары в Экбатану приехал Гефестион и привез письмо Птолемея, огромное количество драгоценностей и неожиданный дар Александра — золотую статуэтку женщины, похожей на Таис, в наряде менады, спутницы Диониса, то есть с головы до бедер одетую плетями плюща. Искусно отчеканенные листья пышным гнездом громоздились на голове и плечах, отдельными веточками спускаясь ниже талии. Таис, восхищенная мастерством скульптуры, поняла значение дара лишь после свидания с царем.

Гефестион навещал афинянку в ее доме, рассказывая о приключениях в походе. Таис тревожно всматривалась в давно знакомый облик веселого гиганта, находя в нем черты безмерной усталости и страшного опустошения. Иногда взгляд Гефестиона останавливался на чем-то невидимом, и, казалось, жизнь покидала его незрячие глаза.

В честь самого близкого друга Александра и хилиарха в Экбатане осенью устроили грандиозное празднество. По числу актеров оно почти сравнялось с праздником бракосочетания в Сузе.

Недобрые предчувствия Таис оправдались. В начале празднеств Гефестион заболел и слег в сильной лихорадке. Больному становилось все хуже. Едва весть достигла Вавилона, Александр, взяв лучших лошадей, понесся в Экбатану вместе с Птолемеем и самыми знаменитыми врачами. Но было поздно. Один из столпов империи Александра, самый близкий друг царя, жизнерадостный гигант, легко переносивший невероятные трудности походов и боев, умер на седьмой день болезни в пианепсионе третьего года сто четырнадцатой олимпиады.

Никогда еще не видели великого полководца в таком глубоком горе, даже после того, как он убил Черного Клейта. Александр пил в одиночестве ночи напролет, а днем совещался с архитектором из Афин Стасикратом, прославившимся величественными постройками.

Стасикрат сложил для Гефестиона исполинский погребальный костер в виде храма из кедра и сандалового дерева, с огромным количеством мирра и нарда. Пламя, напоминавшее Таис пожар Персеполиса, поглотило тело героя. Александр после семидневного пьянства на поминках — в них участвовало несколько тысяч человек — отправился в северные горы покорять касситов — горцев, не боявшихся великого царя, от одного имени которого разбегались иные войска.

С ним пошел Птолемей, последний из его близких друзей, не считая Неарха, а теперь главный начальник империи. В расстройстве от смерти друга, опухший от ночных пиршеств, в которых он вынужден был принимать участие, Птолемей явился к Таис перед выступлением, долго говорил с ней. Он поведал страшную тайну, которую он хранил десять лет, со времени посещения Александром оракула Аммона в оазисе Ливийской пустыни. Тогда Птолемей подкупил младшего служителя талантом золота, чтобы он подслушал пророчество оракула. Александру предсказана смерть в молодом возрасте, он проживет немногим более тридцати лет...

— Сейчас ему тридцать два года, и если...— Птолемей не решился произнести страшного слова,— тогда огромное завоеванное царство развалится, перестанет существовать, ибо один Александр может управлять им, изнемогая от великого множества дел... Ты не слушаешь меня?

— Нет, слушаю. Только я сейчас догадалась, почему Александр был так неистов, так спешил пробиться на край Мира, к берегам Восточного Океана. Ведь он-то знал пред-

сказание и носил в себе как отравленный нож на голом теле!

— Наверное, ты права. Но это уже не имеет значения! Если предвидение Аммона верно, тогда я первый выступлю за раздел империи и буду требовать себе только Египет. Он далеко в стороне и лежит на Внутреннем море, это мне и нужно. А ты поедешь со мной, чтобы стать царицей Египта?

— А если предсказание не исполнится?

— Тогда все пойдет, как оно идет теперь. Александр поплывет с Неархом, а я останусь в Вавилоне его наместником и верховным стратегом Азии. Но ты не ответила мне на очень важный вопрос!

— А Сирита?

— Клянусь молотом Гефеста, ты знаешь сама и спрашиваешь из лукавства. Персиянка останется в Персии, я отдам ее замуж за одного из сатрапов восточных границ... Но берегись испытывать мое терпение, я могу увезти тебя когда хочу и куда хочу, связанную и под сильной стражей!

Не отвечая, Таис встала и подошла к Птолемею.

— Слишком долго ты воевал в Скифии и в Индии и совсем забыл, какова твоя венчанная жена. Милый военачальник, таких, как я, силой не берут. Мы или умираем, убив себя, или убиваем того, кто позволил себе это насилие. Впрочем, ты не эллин, а македонец, одичавший в походах, хватая беззащитных жен, как всякую другую валяющуюся под ногами добычу.

Птолемей побагровел, протянул было к ней руку с хищно скрюченными пальцами, опомнился, отдернул, будто обжегшись.

— Пусть так! Я и в самом деле привык к безграничному повиновению жен.

— Хорошо, что ты убрал руку, Птолемей. Схвати ты меня, и я не знаю, может быть, высшего военачальника Александра унесли бы отсюда бездыханным трупом.

— Твой черный демон в образе Эрис! Ее и тебя предали бы мучительной казни!..

— Эрис стала уже демоном, а не благодетельной охранительницей? Научись сдерживаться, когда твои желания не исполняются, иначе ты не станешь настоящим царем, Птолемей! Насчет казни не слишком уверена, пока жив Александр! Кроме того, есть и яд.

Птолемей впервые смутился. Пробормотав нечто вроде того, что он прошел долгую войну, бесконечные убийства

и насилия, привык к беспрекословному и мгновенному повиновению, он повторил свой вопрос о Египте.

Таис, смягчившись, протянула ему маленькую твердую руку.

— Если ты снова научишься понимать меня, тогда я согласна. Только чтобы при мне не было ни второй, ни третьей царицы. Зачем тебе я, непокладистая и непреданная?

— Мне достаточно твоей абсолютной честности. Нечего говорить про красоту, ум, знания и умение обращаться с людьми, понимание искусства. Лучшей царицы мне не найти для древней страны, где вкусы людей устоявшиеся и безошибочные, где легко отличают настоящее от пустяка.

— А если дикая амазонка или беспечная нереида вдруг воскреснет во мне?

— Об этом позаботишься ты сама. Ты согласна?

Таис после непродолжительного раздумья молча кивнула.

— Можно скрепить договор поцелуем?

Афинянка разрешила.

Несмотря на зимнее время, конница Александра ушла в горы и пробыла там гораздо дольше, чем того требовало покорение касситов, разбежавшихся по Парфии и Гиркании. Не собирался ли Александр вновь посетить Море Птиц?

Таис думала о другом. Усталый завоеватель удрученный утратой лучшего друга, измученный горой ненавистных дел по управлению империей, где его привычка к молниеносным решениям не помогала, а скорее мешала ему, он просто не хотел возвращаться в Вавилон. Из Эллады прибыли нехорошие вести. Гарпал, беглый казначей, и Кассандр объявили Александра безумцем, объятым манией величия. Однако слава великого полководца была слишком велика. В Элладе считали величайшим его деянием возвращение всех статуй из Азии, вывезенных прежними завоевателями. Ему поклонялись, как современному Гераклу. Изменник Гарпал плохо кончил — его казнили.

Архитектор Стасикрат рассказывал в Элладе противоположное. Он предложил Александру совершить неслыханное — изваять его статую высотой в шестьсот локтей,

обработав гору Атос в Халкидике. Александр лишь рассмеялся и сказал, что исполинские пирамиды Египта ничего не говорят о построивших их владыках. Сам по себе великий размер еще не означает великой славы.

Еще большее впечатление произвело на Элладу прибытие македонских ветеранов под начальством Кратера. Они были отпущены Александром с почестями и огромными наградами. Фаланга и агрианская конница перестали существовать. Все эллинские наемники, оставленные в построенных крепостях и Александриях, тоже вернулись на родину.

Прах Гефестиона временно поместили в мавзолей из белоснежного известняка на холме около Экбатаны, откуда открывался вид на восточную равнину, поросшую серебристой травой. Таис полюбила ездить сюда вместе с Эрис. Она вспомнила, как незадолго до своей болезни Гефестион рассказывал ей об удивительном подвиге индийского мудреца гимнософиста Калинаса. Калинас пришел к Александру и объявил о своем решении покинуть пределы этой земли. Царь сначала не понял его и обещал ему сильный конвой. Старик пояснил, что чувствует себя плохо и не желает больше жить, так как находится далеко от родины и не сможет ее достигнуть. По просьбе индийца воины сложили большой костер. Александр, думая о жертвоприношении, подарил Калинасу коня в полной сбруе и пять золотых чаш. Мудрец отдал дары строителям костра, а сам улегся наверху и велел поджигать со всех сторон. Старик лежал совершенно неподвижно в дыму и пламени кострища. Александр, потрясенный таким мужеством, велел трубить во все трубы, приказал, чтоб и слоны отдали гимнософисту царский привет своим ревом. Со смертью Калинаса воины долго не могли смириться. По их мнению, они утратили человека, охранявшего армию в походе. Гефестион считал смерть индийца великим подвигом, достойным подражания. Он хотел бы найти в себе такую же стойкость и, без сомнения, говорил об этом Александру. Гигантский костер был посмертным ответом царя на слова друга. Пустынный холм, где месяц назад кипела работа, прибрали, вычистили. Вокруг мавзолея посадили кусты и цветы. Таис хорошо мечталось здесь о надвигающихся переменах жизни. Птолемей пока ничего не устроил сыну, клянясь найти лучших учителей гимнастики и военных упражнений сразу после возвращения в Вавилон с Александром, которого он не смог оставить сейчас одного.

В один из дней элафеболиона, месяца особенно лучезарной погоды. Таис, приехав к могиле, увидела с холма приближавшийся большой отряд. Они остановились примерно в пяти стадиях от мавзолея. Двое отделились от них и медленно поехали к холму, высокие, в сверкающих шлемах на вороном и сером в яблоках конях. Сердце Таис взволнованно забилось. Она узнала Александра и Птолемея. Царь в память своего Букефала впредь всегда выбирал вороных лошадей. Шесть персидских юношей ее охраны, назначенной Птолемеем, повскакали в тревоге и выбежали из тени одинокого вяза, где ожидали свою подопечную. Таис успокоила их. Воины не стали садиться на коней, а выстроились поодаль, почтительно склонив головы.

Царь с удивлением смотрел на афинянку и Эрис в одинаковых светло-синих эксомидах, словно две статуэтки коринфской и египетской бронзы, стоявших на белых ступенях временного мавзолея. Он спрыгнул с коня на ходу и быстро подошел к Таис, протягивая ей обе руки.

— Я рад, что нахожу тебя здесь, почитающей память друга,— сказал Александр. Он улыбался, но глаза его смотрели печально.— Мне бы хотелось поговорить с тобой до возвращения в Вавилон.

— Когда захочешь, царь! Хоть сейчас!

— Нет, слишком много людей будет ждать меня, томясь желанием отдохнуть с концом похода. Я назначу тебе свидание здесь и извещу тебя. Ты разрешишь мне, Птолемей? Ведь твоя жена — мой друг!

— Она не спрашивает позволения,— рассмеялся Птолемей,— зачем же просишь ты, всемогущий царь?

— Царь должен соблюдать обычаи еще строже, чем последний из его подданных,—серьезно сказал Александр,— ибо как же иначе вселить в людей уважение к закону и чувство меры?

Птолемей слегка покраснел под темным загаром. При своей репутации мудрого государственного мужа он не любил даже мелких своих промахов.

Спустя четыре дня прискакал гонец и передал, что Александр ждет ее на могиле Гефестиона. Таис завертелась перед зеркалом, надевая для верховой езды эксомиду сиреневого цвета выше колен и серьги из Небесной страны, дар желтолицего путешественника. Подумав немного, она надела ожерелье из когтей черного грифа, память храма Эриду.

Только категорическое требование заставило Эрис остаться «дома», то есть проводить афинянку не дальше стен города. Двенадцатилетний Боанергос рассыпал по степи мерную дробь иноходи с той же быстротой, как и в прежние времена.

Александр сидел на верхней ступеньке мавзолея без брони, без шлема и оружия, только в бронзовых поножах, которые он не любил снимать, может быть, потому, что они прикрывали рубцы страшных ран на его ногах.

Он принял поводья иноходца и спрыгнувшую с него Таис, ласково подбросив ее в воздух Умный конь отошел без команды и укрылся в тени вяза. Александр испытующе оглядел афинянку, как после долгой разлуки, притронулся к ожерелью из когтей, с любопытством коснулся звенящей резной серьги Таис объяснила назначение грифового когтя — знака Хранительницы Путей — и рассказала, как она приобрела его

Александр слушал, скользя взором по ее фигуре, четко освещенной сквозь прозрачную эксомиду.

— Ты носишь поясок по-прежнему?— спросил он, увидев проблеск золота,— и там все еще «КСИ»?

— Другой не будет, невозможно!— тихо ответила Таис.— Я хотела поблагодарить тебя, царь! За дом в Новом городе, у ворот Лугальгиры.

— Я иногда спасаюсь там,— невесело усмехнулся царь,— но не могу оставаться подолгу.

— Почему?

— Не позволяют дела, и потом...— Александр вдруг отбросил вялую манеру разговора, ныне вошедшую в его обыкновение.

— Иногда мне хочется опять бросить себя в пламенный Эрос,— заговорил он энергично,— снова ощутить себя юношей. В тебе я нашел божественную исступленность, какая лежит и в моей душе, подобная подземному огню. Ты расколола каменные своды и выпустила его наружу. Какой муж устоит перед этой силой?

— Чтоб разбудить ее, нужна встречная сила, как саламандре — огонь!— ответила Таис.— А ее нет, нет никого, кроме тебя.

— Да, когда я был тот встреченный тобой в Мемфисе, нет, на середине Евфрата. Он далек от меня теперь,— добавил Александр, потухая.

Таис смотрела на прекрасное лицо царя, находя незнакомые черты усталой и презрительной жестокости, не свойственные прежнему облику Александра — мечтателя и

храбрейшего из храбрых воинов. Такие никогда не бывают ни презрительными, ни жестокими. Его низкий лоб казался покатым из-за сильно выступавших надбровий. Прямой крупный нос подчеркивали резкие складки вокруг рта, полные губы которого уже слегка растянулись над крепким круглым подбородком. Глубокие вертикальные борозды прорезали некогда нежные округлости щек. Кожа оставалась по-прежнему гладкой, напоминая о совсем еще молодом возрасте великого царя. В Спарте Александр только два с половиной года назад достиг бы возраста взрослого мужа.

— Ты очень устал, мой царь?— спросила Таис, вложив в вопрос всю нежность, на какую была способна, будто великий завоеватель и владыка стал мальчиком, немногим больше ее Леонтиска.

Александр опустил голову, отвечая молчаливым согласием.

— Стремление к пределам Ойкумены еще горит в тебе?— тихо спросила афинянка.— Может быть, ты избрал не тот путь?

— Иного нет! Нельзя пройти Азию на восток, или на юг, или на север, чтобы не встретить вооруженных отрядов или целых армий. Они уничтожат тебя или возьмут в рабство, если у тебя будет и пятьсот, и пять тысяч спутников, или пять — все равно. Только собрав грозную силу, можно пробить преграду из враждебных, ничего не понимающих в моей цели иноязычных и иноверных людей. Видишь сама, мне пришлось опрокинуть огромные царства, разбить бесчисленных врагов. Но не прошло и двух лет, а в Индии Чандрагупта уже отобрал у меня часть завоеванной земли, выгнал моих сатрапов! Нет, не смог я достичь пределов Ойкумены по суше. Теперь попытаюсь морем.

— Может быть, странствуя в одиночестве, подобно желтолицему обитателю Востока, тебе удалось бы пройти больше?

— Может быть. Но слишком много случайностей на пути, и каждая грозит гибелью. И времени потребуется слишком много. Медлен путь пешком. Нет, я был прав, идя дорогой силы. Неверны исчисленные величайшими учеными Эллады размеры Ойкумены. Она гораздо больше, но это их ошибка, а не моя!

— И ты вновь пойдешь в безвестные дела?

— Я устал не от пути, а от забот огромного государства. Они обрушились на меня, как река в половодье.

— Разве нельзя разделить заботы, возложив их на верных соратников?— спросила Таис.

— Мне казалось сначала, что я окружен достойнейшими, что мы вместе составляем острие копья, способного сокрушить все на свете. Впервые спартанская стойкость распространилась на десятки тысяч моих воинов. Заслуга моего отца Филиппа! Это он сумел собрать и воспитать войско такого мужества и выносливости, чтобы оно качеством отдельных воинов приблизилось бы к лакедемонскому. С этими отборными тридцатью пятью тысячами я отразил и сломил силу, по численности во много раз большую, но худшую по качеству людей. Все шло хорошо, пока едина была цель, грозен враг и нас не обременял груз колоссальной военной добычи. Сплоченность изнашивается, как физическая сила. Чистота сердца и бескорыстие, как железо ржавчиной, разъедаются лестью окружающих, толпами продажных женщин и торговцев, жрецов и философов, родственников и мнимых друзей.

Тех людей тверже орлиного когтя, которые не износились за десять лет войны и владычества в покоренных странах, осталось мало — горсточка на всю великую империю. И я теряю их одного за другим, как потерял несравненного героя Гефестиона. С другими я стал враждовать, иногда справедливо — они не понимали меня, иногда несправедливо — я не понял их. Но самое страшное: чем дальше, тем сильнее расходились наши цели! Я не смог больше думать о гомонойе, равенстве среди народов, когда ее не нашлось среди ближайших друзей и соратников. Главный яд в сердцах всех людей: идиотская спесь рода, племени и веры. С этим я бессилен справиться. Таков конец азиатских завоеваний: я, владыка полумира, опускаю руки, чувствуя себя путешественником у начала дорог. Ты права, я был бы счастливее, бредя одиноким свободным странником в нищенской одежде, положась на милость богов и любого вооруженного встречного!

Таис привлекла к себе львиную голову македонца, гладила ее материнski-нежно, слыша взволнованное дыхание, отдававшееся скрипом в пробитой стрелой груди. По мощным рукам, некогда божественно спокойным, пробегала нервная дрожь.

— Хочешь стать моей царицей?— распрямившись, с всегдашней внезапностью спросил Александр.

Таис вздрогнула.

— Одной из жен царя царей? Нет!

— Ты хочешь быть первой среди всех или единственной,— усмехнулся неласково македонец.

— Ты всегда не понимаешь меня, царь мой,— спокойно ответила Таис,— и не поймешь, пока мы не будем вместе совсем. Мне самой не нужна ни исключительность, ни изгнание соперниц. Нужно, чтобы я получила право охранять тебя — иногда вопреки твоему минутному желанию или против воли друзей и соратников. Иначе ты не сможешь опереться на меня в трудный час измены или болезни.

— Так ты хочешь?..

— Я ничего не хочу, я лишь поясняю. Поздно! Речи эти надо было вести много раньше.

— Я еще молод, и ничего для меня не поздно!

— Мне ли говорить тебе, повелителю людей, что истинную царицу нельзя назначить или ограничить ночным ложем. Тут необходимы усилия обоих, но так, чтобы это видели и чувствовали все окружающие. Чтоб стать царицей, требуется много лет, а у тебя, как я вижу, нет в распоряжении и года.

— Да, я уплыву с Неархом искать пути в Эфиопию. Девяносто кораблей готовы и готовятся на верфях Вавилона и Александрии Евфратской.

— И ты возьмешь меня туда, в океан, с собой? Не царицей, только спутницей?

Помолчав, Александр угрюмо ответил:

— Нет. Неверна судьба боевых дорог, страшны лишения на бурных берегах безводных пустынь. И драгоценна ты! Жди меня в Вавилоне!

— Женой Птолемея?

— Я назначу Птолемея хилиархом вместо Гефестиона. Он будет править империей во время моего отсутствия.

Таис встала, ласково и печально глядя на царя. Встал и Александр. Неловкое молчание нарушил топот скачущей во весь опор лошади. Всадник из персидской знати — гетайров нового набора — поднял над головой сверток письма. Александр сделал разрешающий жест, и, спешившись, гонец подбежал, держа послание у низко склоненного лица.

— Прости, я прочитаю,— царь развернул пергамент, Таис увидела несколько строчек, исписанных крупным почерком.

Александр повернулся к Таис с кривой улыбкой.

— Мне надо спешить в Вавилон. Явился Неарх из разведки Арабии, теперь можно плыть. Селевк приближается с большим караваном слонов, а Певкест ведет молодых воинов из Арианы.

Таис свистнула через зубы, как афинский мальчишка. Боанергос поднял голову, насторожил уши и на повторный зов подбежал к хозяйке. Махнул рукой и Александр, подзывая скифа-коновода.

— Объясни на прощанье, мой царь,— афинянка взяла под уздцы иноходца,— значение твоего дара, привезенного Гефестионом?

— Это моя греза в Нисе, когда я увидел плющ и быков критской породы. Ты знаешь, войско Диониса в его походе состояло из одних менад, а в индийском — наполовину. И ты приснилась мне менадой, нагой и могуче притягательной, увитой плющом. Сверкающий жезл Диониса указал мне на тебя... И я велел ваятелю из Сузы отчеканить по моему сну и памяти твое изображение менадой.

— За это я благодарю тебя всем сердцем, как и за дом у Лугальгиры.

Таис смело обвила руками шею царя и на миг замерла в его объятиях. Побледнев, она вырвалась и вскочила на иноходца. Александр сделал шаг к ней, протягивая руку, и словно споткнулся о ее твердый взгляд.

— Судьба и я трижды предоставляли тебе возможность. Первый раз — в Мемфисе, второй — на Евфрате, третий — в Персеполисе. Четвертого не дает судьба, и я тоже. Гелиайне, великий царь, «тон эона» (навеки), как говорил Платон!..

Таис тронула иноходца, опустив голову. Крупные слезы покатились из-под намокших длинных ресниц, падали на черную гриву коня. Александр поехал рядом, голова в голову. На одну стадию позади пылили всадники царской охраны. Александр нагнул непокрытую голову, широкие плечи его обвисли, перевитая жилами рука вяло опустилась. Таис никогда не видела божественного победителя таким — обличье человека, истощившего свои силы и ни на что больше не надеющегося. Клеофрад на последнем кеосском пиру выглядел крепче и бодрее. А если Александр снова вернется к делам огромной империи в Вавилоне, что будет тогда?

— Во имя Афродиты и всего, что влечет нас друг к

другу, Александр, мой царь, уезжай из Вавилона немедленно. Не задерживайся лишнего дня! Поклянись мне в этом,— она взяла его руку и сильно сжала.

Александр заглянул в огромные серые глаза и ответил нежно и искренне:

— Клянусь Стиксом, моя Айфра (сияющая)!

Таис ударила пятками Боанергоса, и он далеко обогнал медленно ехавшего царя и его охрану. Афинянка вихрем пронеслась через ворота Экбатаны, проскакала по улицам и, бросив поводья слуге, побежала через сад в павильон Эрис, где заперлась до вечера.

А через два месяца, в последние дни таргелиона, горным обвалом разнеслась весть о внезапной смерти Александра.

Не прошло и декады, когда нарочный доставил Таис сразу два письма — от Птолемея и Гесионы. Фиванка писала подробно о последних двух днях жизни царя. Усталый донельзя, он собрал военачальников, чтобы распределить корабли, и вместе с Неархом отдавал распоряжения, вникая во все мелочи подготовки огромного флота. Мучаясь от бессонницы, он плавал ночью в Евфрате. С приступом лихорадки царь покинул дворец Навуходоносора, где жил постоянно, и перебрался в Новый Город, в свой дом с затененным бассейном. Он не хотел никого видеть, кроме Неарха, купался, изнемогая от жары, но лихорадка все усиливалась. И по-прежнему не было сна. Александр велел сделать жертвоприношение двенадцати олимпийцам и Асклепию. Говоря с Неархом, он настаивал на отплытии через два дня. Критянин впервые видел своего божественного друга в таком неестественном беспокойстве, он без конца говорил об океане и отдавал распоряжения, повторяясь и временами путаясь. Наутро, когда жар спал, Александр приказал нести себя в Старый Город, во дворец, чтобы сделать жертвоприношение. Он был уже настолько слаб, что почти не мог говорить.

Великий вождь до последней минуты боролся со смертью. За несколько часов до кончины он захотел проститься с друзьями и войском. Сдерживая рыдания, молодые гетайры и воины из царской охраны молча проходили мимо ложа. Александр нашел силы приветствовать каждого поднятием правой руки, время от времени приподнимая и голову. Он был в сознании до последней минуты.

Военачальники, теперь прозванные диадохами, наследниками Александра, собрались на чрезвычайном совете.

Прежде всего они бережно омыли тело героя, испещренное рубцами тяжелых ран, и залили его смесью ароматных смол, крепкого вина и меда. А чеканщики и кузнецы уже ковали золотой саркофаг.

Слезы не дали Таис читать дальше, сдерживаемое горе вырвалось наружу. Упав ничком, афинянка безутешно рыдала, по старому обычаю разодрав одежду и распустив волосы.

Александр, величайший герой Македонии, Эллады и Ионии, ушел во мрак Аида в возрасте всего тридцати двух лет и восьми месяцев! Сердце щемило сознание, что накануне смерти, измученный и одинокий, он, может быть, вспоминая о ней, плавал в Евфрате и удалился в дом на той стороне реки, у ворот Лугальгиры, в тот дом. С новым приступом плача Таис подумала о великом одиночестве царя. Все окружавшие его люди без конца требовали от него мудрых распоряжений, золота, защиты, любви, не догадываясь о безмерной его усталости и не следя за ним чуткими, понимающими глазами и сердцем. Может быть, он бессознательно искал опоры в призраках прошлого? Если так, то, будь она с ним хотя бы эти несколько часов, она сумела бы усмотреть грозные признаки надвигающейся беды. Сумела бы. Александр хотел ведь выполнить данную Таис клятву — вырваться из Вавилона с флотом Неарха!

Афинянка зарыдала так, что Эрис, испуганная впервые за их совместную жизнь, помчалась за врачом. Таис отказалась впустить врача, но подчинилась подруге и выпила какого-то густого и горького коричневого питья, бросившего ее в черный и долгий сон.

Только через четыре дня Таис нашла в себе силы выйти из темной комнаты, заняться обычными материнскими и домашними делами. И еще через несколько дней она собралась с духом прочитать и письмо Птолемея.

Он писал, что все свершилось по его предвидению. На совете диадохов он первый предложил раздел империи и выговорил себе Египет. Заместителем Александра и верховным стратегом Азии назначен Пердикка. Ему вменено в обязанность охранять Роксану, беременную от царя на седьмом месяце. Антипатр стал начальником войска в Элладе и Македонии, верховным стратегом стран к западу от Ионии. Начальнику гетайров Селевку досталась Вавилония и Индия, Антигону Одноглазому — Малая Азия, за исключением Ионии и Фракии, отошедших Лисимаху.

Неарх не захотел ничего, кроме флота, получил его и готовился уплыть в Арабию. Теперь уж без Александра. Птолемей напомнил Таис обещание ехать с ним в Египет. Ему придется подождать родов Роксаны. Если будет сын — все останется по-прежнему, если дочь — совет диадохов будет избирать царя.

Так приключилась новая удивительная перемена в жизни Таис. У Роксаны родился сын, Александр Четвертый, и Птолемей срочно вызвал афинянку в Вавилон. С отборными преданными ему войсками он захватил саркофаг с телом Александра и поспешил в Египет.

С тех пор Таис здесь, в Мемфисе, царицей сказочной для великого эллина древней Земли Нила.

И вот он, Нил, плещущий едва слышно о ступени храма Нейт.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
МЕМФИССКАЯ ЦАРИЦА

«Ты будешь править Мемфисом, а я останусь в Александрии»,— сказал Птолемей в споре с Таис. Впервые они были на грани разрыва. Она упрекала его в нарушении клятвы — не брать другой жены после брошенной им в Вавилоне Сириты, если Таис согласится поехать с ним в Египет. Теперь он, признанный царь Египта, полюбил Беренику, женился на ней тайно, и в Александрии тоже будет царица... А прежде была еще Эвридика, родившая ему сына Птолемея, которую он взял силой еще в Иопии и привез в Персию.

Впервые Птолемей не уступил требованиям Таис. За десять лет победоносных походов с армией Александра, когда сокрушались города и тысячи тысяч гибли и подвергались насилию, он привык, не задумываясь, менять сотни женщин. «Одной больше — одной меньше, стоит ли об этом говорить?» — искренне думал Птолемей. Другое заботило его — недавно он понял всю тщету усилий преобразовать Египет, внедрив сюда дух Эллады и гений Александра.

— Эту глыбу древних верований, обычаев и уклада жизни, подобную скале из черного гранита Элефантины,— объяснял он Таис, как всегда, умно и убедительно,— невозможно изменить иначе как расколов ее на части. Но поступать так немудро. Разрушая, невозможно сразу заменить прежнее новым, ибо страна останется без закона и обычая, обратясь в сборище одичалых негодяев. Я начну с Александрии и превращу ее в город, открытый всему миру, открытый для всех вероучений и верований, для философов любых школ и прежде всего для торговли между Азией и Внутренним морем. Александрия, где я храню в золотом саркофаге тело великого Александра, моего друга детства и сводного брата, станет самым прекрасным из всех городов в Ойкумене. Маяк на Фаросе будет более знаменит, чем башня Этеменанки, а для философов я построю Мусей. В Библиотеке* мной уже собрано рукописей и книг больше, чем в любом из городов Эллады. Я дал приказ, чтобы начальники всех судов, приходящих в гавань Александрии, сообщали мне о новых произведениях искусства, открытиях ученых и знаменитых книгах. У меня достаточно золота, чтобы купить многое. Если бы не война!..

Птолемей нахмурился, и Таис сочувственно погладила его по плечу, зная о непрекращавшейся войне среди диадохов — наследников Александра. Верховный стратег Азии, старый сподвижник Александра Пердикка, назначенный советом диадохов управителем царства, пока подрастает сын Роксаны, пошел на него, чтобы взять себе и Египет. Собственные полководцы убили его, едва он достиг Дельты, а войско перешло к Птолемею.

— Я буду воевать за Египет, за Кипр, может быть, за Элладу, но для свершения всех замыслов мне надо жить

---

* Созданное Птолемеем в Александрии хранилище древнегреческих рукописей — знаменитая Библиотека — было крупнейшим в древнем мире.

в Александрии. Сюда я призываю всех, в ком сильна предприимчивость, кто умеет смотреть вперед, умеет работать, кто талантлив и умен. Я пригласил из Вавилона, Сирии, Иудеи евреев жить свободно и торговать в Александрии. На этот способный и строгий народ я возлагаю надежду в умножении богатств и процветании города, так же как и на твоих соотечественников, быстрых в принятии решений и в исполнении их. Правда, иногда афиняне смелы не по силам, но они всегда рискуют и спокойны в опасности. Я умею воевать и строить. В глубине Египта воевать незачем и нечего строить. Все построено тысячелетия назад, частью уже заброшено и занесено песком. Тебя любит Мемфис, и ты понимаешь египтян, разные верования и тайные учения, посвящена в сокровенные обряды. Будь царицей в Мемфисе, где мы оба венчаны на царство, помогай мне здесь, и я кляпусь перушимой клятвой Стиксовых вод, что не назову царицей никакую другую, пока ты со мной!

— Пока я с тобой,— медленно повторила Таис, соглашаясь с доводами своего мудрого мужа.

И она осталась в Мемфисе одна, если не считать малолетней Иренион, или Ираны, как ее называла Таис на дорическом диалекте. Имя дочери напоминало ей Персию, а сама девочка становилась все больше похожей на Птолемея. Леонтиск находился в Александрии при отце. В мальчике проявилась та же глубокая любовь к морю, какая пронизывала все существо Таис, по насмешке судьбы живущей вдали от его ласковых волн и сверкающей сипевы.

Мемфисцы почитали царицу скорее за ее добрые глаза и поразительную красоту, чем за действительную власть, фактически сосредоточенную в руках наместника Птолемея. Таис и не старалась быть грозной повелительницей, взяв на себя дворцовые праздники, приемы послов и храмовые церемонии. Все это очень тяготило живую и веселую афинянку. Египетские обычаи требовали от царицы недвижно восседать часами в тяжелых украшениях на неудобном троне. Таис старалась сделать свои приемы и участие в празднествах как можно короче. Верховые прогулки пришлось ограничить вечерними сумерками или рассветом. Египтяне не могли представить свою царицу носящейся верхом вместо торжественной и медленной поездки в золоченой колеснице. Салмаах нашла здесь свой конец, и для Эрис пришлось приобрести похожую серую ливийскую кобылу. Боанергос приближался к двадцати-

летнему возрасту и, хотя перестал резвиться, был по-прежнему легок и быстр, ревниво не позволяя обгонять себя ни одной лошади. Красавец иноходец, по слухам купленный у царицы амазонок, всегда привлекал особое внимание мемфисцев, что также не помогало хранить в тайне верховые прогулки. По вечерам Таис любила сидеть на обращенных к Нилу ступенях храма Нейт, созерцая мутную могучую реку, катящую воды в родное Внутреннее море, и дожидаясь, пока замерцают в реке отражения звезд. Эти вечерние сидения стали ее лучшим отдыхом. Из обязательных знаков власти она оставляла на себе лишь золотую диадему в виде змеи, священный уреос, спускавшийся на лоб. На ступеньку ниже восседала Эрис, косясь на двух застенчивых знатных египетских девушек с опахалом и зеркалом, обязанных неотступно сопровождать царицу. По реке иногда тянул прохладный ветер, и египтянки, совсем нагие, если не считать поясков из разноцветных бус и таких же ожерелий, начинали ежиться и дрожать. Эрис молча делала им знак, указывая в сторону, где лежало большое покрывало из тончайшей шерсти. Девушки, благодарно улыбаясь, закутывались в него вдвоем и сидели в сторонке, оставив свою царицу в покое.

Храм Нейт, где она приняла орфическое посвящение и начала познавать мудрость Азии, давно уже стал для Таис родным. Жрецы храма хорошо помнили и делосского философа, и ее прежние посещения храма и не удивились, когда девять лет спустя она снова посетила храм во всем величии прекрасной царицы Египта. С тех пор Таис иногда уединялась в прежней комнате, в толще стен пилона, и подружилась с главным жрецом богини. Дружба молодой царицы и старого священнослужителя началась с попытки афинянки узнать о судьбе Гесионы и Неарха. Выполняя завет покойного царя и друга, данный ему накануне смерти, Неарх получил весь флот и поплыл вокруг Аравии, чтобы сквозь Эритрейское море продолжить путь в Египет и Нубию.

По истечении двух лет, ничего не ведая о судьбе Неарха, Таис решила, что, как бы огромна ни оказалась Аравия, моряки уже должны были достичь цели и дать о себе знать. Она слыхала о плаваниях египтян в Пунт по Эритрейскому морю во времена, когда не существовало Эллады, и принялась искать знающих людей. Поиски вышли короткими. Главный жрец храма Нейт имел доступ к архивам тайных дел, где хранились записи и карты

плаваний в Пунт, на тот далекий восточный берег Либии, откуда еще две тысячи лет назад египтяне везли золото, слоновую кость, благовония, черных рабов и редких зверей.

Запомнилось Таис посещение архива, где-то в подземельях древнего храма, около малой пирамиды. Четыре служителя или жреца с исхудалыми лицами аскетов-фанатиков, одетые с ног до головы в зеленые мантии Ведателей Разных Стран, сопровождали царицу и жреца Нейт, который служил переводчиком с древнего священного языка. На другом зеленые фанатики не говорили или не желали изъясняться.

Перед Таис расстелили обветшалые листы коричневого пергамента с непонятными линиями, иероглифами и значками в виде летящих птиц.

— Ты говорила, что незадолго до смерти великого Александра Неарх прибыл в Вавилон с новыми открытиями?— спросил жрец Нейт.

— Его помощник Архиас подтвердил, что море от устья Евфрата — только залив между Индией и Аравией,— сказала Таис,— а Гиерон утверждал, будто южный берег Аравии бесконечно далеко протягивается на юго-запад.

Жрец Нейт перевел хранителям архива, и они как по команде засверкали глазами. Один глухо сказал непонятные слова, стукнул костяным пальцем в самый большой из развернутых на каменной плите листов.

— Мы не знаем о заливе,— перевел спутник Таис,— но вот он, берег Аравии, идущий на запад и юго-запад. Вот здесь он кончается углом, отворачивая на северо-запад в узких воротах моря, называемого вами Эритрейским. Это море пройдено нашими мореходами взад и вперед; его длина измерена в пятьсот схенов, или парасангов, от Ворот до канала Нехао — два месяца плавания при милости богов.

— Значит, Неарх давно должен был приплыть в Египет?— спросила Таис.— Не могли же погибнуть все девяносто кораблей его флота.

— Царица, твое величество рассудило верно.

— Что же могло случиться?

Жрец Нейт перевел ее вопрос. Хранители архива бормотали непонятные, как заклинания, слова, тыкали темными, иссохшими пальцами в разные места пыльной карты и наконец пришли к соглашению.

— Ведатели стран говорят, флотоводец не попал в Эритрейское море!— авторитетно сказал жрец Нейт.

— Это не могло быть с Неархом, искуснейшим из моряков! У него лучшие кормчие Финикии, Египта и Кипра.

— В тех местах это могло произойти. Пусть смотрит твое величество сюда. Это южный край Арабии, протянувшийся в направлении Индии к востоку и северу на несколько сот схен. С юга ему противостоит громадный выступ Нубии, или, по-вашему, Либии, мыс Благоуханий*, подобный рогу, вдавшемуся в Великий Океан. Мыс с трудом и большими опасностями огибали наши мореплаватели на пути в Пунт. Он доходит до половины протяжения края Арабии... Теперь смотри сюда, царица! Флот Неарха плыл вдоль берега на юго-запад. Там часто бывают страшные бури. Из пустынь Арабии они несут песок и пыль, застилающие море на много схенов. Такая буря могла настигнуть Неарха, когда его флот находился против самого конца мыса Благоуханий. У округлого залива берег Арабии отклоняется прямо на юг выступом мыса Жемчугов. Как раз напротив Рог Нубии приближается на восемьдесят схенов. Вообрази теперь, что сильная песчаная буря понесла флот на юг. Корабли незаметно пересекли промежуток между Арабией и Нубией. Дальше, с восточной стороны Рога, берег идет на юг, все больше отклоняясь к западу. Что будет делать флотоводец, шедший вдоль Арабии на юг и запад?

— Продолжать плыть вдоль берега Либии, думая, что идет у Арабии!— без колебания ответила Таис.

— Разумеется! И видишь, берег южнее мыса Благоуханий идет на юго-запад до самого Пунта еще на пятьсот схенов. Дальше он повернет на юго-восток, и тут-то флотоводец обнаружит свою ошибку.

— И что тогда?

— Этого я не могу сказать тебе, я пе знаю Неарха. Может повернуть назад. Если стоек и смел, то пойдет вперед и кругом, как сделали финикийцы по приказу великого Нехао.

— Критянин очень упрям и стоек,— печально сказала Таис,— кроме того, Александр сам мечтал послать корабли вокруг Либии, не зная о Нехао.

— Тогда жди флот через три года, как финикийцев,— ответил жрец,— два года уже прошло...

---

* Полуостров Сомали.

Таис надолго задумалась.

Да, не пройдет и пяти лет, и станет очевидно, что флот Неарха безвестно исчез в просторах беспредельного моря. Вместе с ним навсегда уйдет из жизни Таис и «Рожденная змеей». Останется одна Эрис. Неизбежные утраты следовали одна за другой. Очень давно не было вестей от Лисиппа. С тех пор как он известил афинянку, что продал Анадиомену Селевку, а тот обменял ее индийцам на слонов. Сколько дали слонов, Лисипп не знал, а двадцать пять талантов, прибавленные к двенадцати талантам стоимости серебра, то есть около двухсот двадцати тысяч драхм, были огромной суммой. Она написала учителю, чтобы он взял их для школы ваятелей в Карии, основать которую мечтал давно, но не получила ответа. Что-то случилось с великим ваятелем. Или беспрерывная война в Иопии и Месопотамии из-за наследства Александра помешала дойти письму?

Смутное чувство Таис, что ее учителя нет в живых, было верным. После отъезда в Элладу, где он встретился с Кассандром, будто бы заказавшим ему статую, Лисипп почувствовал себя плохо и вскоре умер. Его наследник, старший сын Евтикрат, вскрыл заветный ящик великого ваятеля. Лисипп издавна придерживался правила: после продажи каждой статуи класть один кусочек золота в этот ящик. Евтикрат насчитал полторы тысячи кусочков, и только тогда стал очевиден гигантский труд ваятеля. Таис изумилась бы еще больше, узнав, что из всех полутора тысяч статуй Лисиппа не дошла до наследников искусства Эллады ни одна! Лишь несколько остались известны грядущим поколениям благодаря римским мраморным копиям с бронзовых оригиналов Лисиппа. Знай это, афинянка поняла бы, сколь малы надежды на сохранение ее серебряной статуи, если даже бронза была переплавлена на военные орудия будущими невежественными завоевателями Эллады, Малой Азии и Египта.

Много людей погрузилось в Амелет — Избавляющий от Забот — поток в царстве Эгесигея-Аида. Как много перемен, впечатлений, необычайных переживаний произошло за десять лет. Они пронеслись вихрем с того часа, как Таис покинула Афины для Египта и снова вернулась сюда царицей. И как мало перемен теперь! Время течет медлительно, как Нил зимой. Или это так у всех, кто царствует не правя? У цариц, чьи мужья — подлинные владыки? Так чувствовала себя Роксана при Александре, а теперь, наверное, еще хуже? Маленького Александра, ро-

дившегося спустя два месяца после смерти великого полководца, охраняют, как талисман и право на владычество, сначала Антипатр, верховный стратег Эллады и Македонии, а теперь, после его смерти, Антигон Одноглазый.

Умер и Аристотель, всего на один год пережив своего великого ученика. Ликей в Афинах теперь ведет знаток растений Теофраст. По-прежнему там прогуливаются среди великолепных сосен и каштанов серьезные ученики, допущенные к изучению скрытых знаний, а вечером сюда сходятся афиняне послушать философские проповеди. Лисипп говорил ей в Экбатане о зарождении нового учения стоиков, утверждавших, что все люди — равноправные граждане мира, и основавших первую истинную систему оценки поведения человека не на вере в божественное слово, а на общественной необходимости человеческой жизни...

Жрец прервал ее думы, спросив:

— Твое величество более ничего не желает узнать?

Таис очнулась. Они подходили к храму Нейт, где обеспокоенная Эрис плавными шагами мерила поперек широкую лестницу.

— Скажи мне, отец, почему открыли мне тайные чертежи морей и земель, но не сделали этого для Александра или того же Неарха?

— Нас никто не спрашивал, а знание дается лишь тем, кто ищет. Ты одна из нас, ты безвредна и не могущественна, потому что не стремишься к власти. Еще не бывало, чтобы великий гений, полководец, владыка, какому бы народу он ни принадлежал, принес бы счастье людям! Чем более он велик, тем больше беды. Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую в бездну Тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, когда они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники.

— По-твоему, Александр принес только страдания и несчастья?

— Еще не взвешены его деяния на весах времени, еще боги-судьи не считали белую и черную стороны его жизни. И я мал разумом, чтобы охватить всю огромность его свершений. Ему были даны сначала красота и телесная сила,

храброе сердце и ясный всеохватывающий ум, затем знание. Потом он получил силу военную: твердые сердца и закаленные тела македонских и эллинских воинов. Он хотел умножить знание, вместо того умножил богатство, взяв разом то, что копилось веками в большом народе, в огромной стране. По молодости своей он роздал сокровища необдуманно, сам не будучи ни жадным, ни расточительным. Но роздал в руки столь же недостойные, как и раньше, Только прежние держали его в своей стране, а новые, получив легко, разбросали на пустяки и по чужим странам, обогатив жадных и расчетливых купцов, продав за гроши древние художества и десятки тысяч порабощенных жителей. И сила Александра раздробилась, теряя всякую цель. Естественное сопротивление народов, отражающих вторжение в их родные земли, родило свирепость, жестокое и кровавое насилие, неугодные богам избиения беззащитных. Вместо познания земли, умиротворения, общности в тех обычаях, верованиях и целях, в каких похожи все люди мира, возникли бесчисленные круги будущей борьбы, интриг и несчастий. Вот и сейчас, несколько лет спустя после раздела империи, продолжает литься кровь, и война не потухает в Элладе, Ионии, Месопотамии и на островах Зеленого моря.

— Почему же получилось так, а не иначе, отец?— спросила Таис.

— Иначе не может быть, если тот, кому даны Сила, Золото, Воля менять судьбы государств и людей, не понимает, что у каждой из этих частей могущества есть его обратная сторона, которую судьба неминуемо повернет к человеку, если не принять мер предосторожности. У Золота — унижение, злобная зависть, борьба за богатство во имя богатства; у Силы — свирепая жестокость, насилие, убийство; у Воли — упорство в применении Силы и Золота, тупая слепота.

— Какая же защита от этих злых сил?

— Любовь, дочь моя. Если все три могучих рычага применяются с любовью и во имя любви к людям.

— А у Любви нет оборотной стороны?

— Увы, есть, однако на другом, более личном уровне. Отношения людей между собою могут породить желание унизить другого, мучить и топить в грязи, у светлых сердец этого не бывает, но человеку толпы, битому, униженному если не в себе, то в своих предках или близких,— свойственно.

— Ты не ответил, как уберечься от этого, отец.

— Всегда держись середины, оглядываясь на края.

— О, я знаю. Мой учитель говорил мне то же. Видимо, мудрость повсюду приходит к одному.

— А ты читала надпись на фронтоне нашего храма, вот эту?

— Я не могу читать священный язык и древние письма Египта!

— «Меден аган»— «Ничего излишнего»; «Мера — самое благородное»; «Убрис (наглое высокомерие) — самое худшее»; «Познай глубину своего сердца!»

— Такие же изречения написаны на храме Аполлона в Дельфах.

— Вот подтверждение слов, тобой сказанных!

— То есть лик высшей мудрости везде и всегда обращается к самому человеку, минуя богов?

— Это так, но остерегись говорить подобные истины верующим всех видов и детски наивным и яростным фанатикам! Истина и добро светят, как факелы, освещая дорогу блуждающим впотьмах. Но ведь можно с факелом войти в склад горючего масла, которое вспыхивает от малейшей искры!

Таис пристально взглянула на старого жреца и вдруг спросила:

— Скажи, тебя не удивляет египетская царица, не могущая читать по-египетски?

— Нет. Или ты думаешь, много цариц владело священным языком? Тогда ты ошиблась! И ты превзошла многих не только красотою, но и знанием разных верований. Вера — душа народа, из нее исходят обычаи, законы и поведение людей! А ты поешь на церемонии Зеркала Исиды, как прирожденная египтянка, пляшешь священный Танец Покрывала, как финикиянка, скачешь на лошадях, будто ливийка, и плаваешь, как нереида Зеленого моря. Это привораживает к тебе всех, кто населяет Черную Землю.

— Откуда ты знаешь?

Старик только усмехнулся.

— Скажи, отец мой, если я захочу узнать больше о далеких странах Либии, Нубии, ты поможешь мне в этом?

— Помогу,— согласился без колебания старый жрец.

И Таис стала собирать все географические сведения, описания редких зверей, камней и растений, какие накопились в Египте за четыре тысячелетия. Больше всего открытий совершили тридцать и двадцать веков назад наместники фараонов в Верхнем Египте, избравшие своей резиденцией нынешнюю Сиенну, или Элефантину. Эти

гордые и храбрые люди именовали себя «главными караванвожатыми Юга» и «заведующими всем, что есть и чего нет». Титулование это особенно понравилось молодой царице. «Заведующие» проложили по суше пути в глубь таинственного материка, о котором эллины не имели ясного представления даже после Геродота, хотя еще морские владыки Крита, несомненно, знали больше.

Так возникла дружба жреца и царицы. Мемфисцы знали, что царица Таис любит по вечерам одиночество, и никогда не нарушали ее покоя. И афинянка предавалась воспоминаниям в необыкновенно тихие нильские вечера, когда сумеречный свет набрасывал на все гнетущее, земное, резкое прозрачную ткань: без цвета и тени. Таис перестала мечтать и часто думала о былом. Может, это признаки надвигающейся старости, когда нет больше грез о грядущем, печали о несбывшемся и желания нового поворота жизни?

Наблюдательная афинянка не могла не заметить резкого раздвоения жизни египетского народа и его правителей. Совсем иначе было в Элладе, где даже во времена тирании народ и правители составляли одно целое, с одними обычаями, привычками, обязанностями перед богами и духовной жизнью.

Египетский народ жил сам по себе, жалко и бесцветно. Правители составляли небольшую кучку привилегированных, само существование которых не имело цели и смысла даже для них самих, кроме борьбы за власть и богатую жизнь. С воцарением Птолемея дело не изменилось, во всяком случае, здесь, внутри Египта, если не в Александрии. Тогда зачем она, мемфисская царица? Умножить собою кучку паразитов? После того как отошло первое увлечение внешней стороной власти, все это казалось Таис постыдным. Теперь она понимала, почему разрушаются памятники и храмы, заносится песками гордая слава великого прошлого. И народ, потерявший интерес к жизни, и знать, не понимающая значения древней красоты и не заботящаяся ни о чем, кроме мелких личных дел, конечно, не могли охранить великое множество накопленных тысячелетиями сокровищ архитектуры и искусства Египта.

Тревожные мысли мучили Таис. Она уединялась в верхней зале дворца с голубым потолком и столбами черного дерева, между которыми вместо стен висели тяжелые драпировки из светло-серой ткани со множеством складок, напоминавшие ей рифленые колонны персепольских дворцов.

Немилосердный верхний свет в двух огромных металлических зеркалах отражал голубизну потолка. Таис становилась перед ними, держа в руке третье, круглое, с ручкой в виде лежащей львицы, и досконально осматривала себя с головы до ног.

Ее сильное тело утратило вызывающий полет юности, но оставалось безупречным и сейчас, когда возраст Таис перевалил за тридцать семь лет и подрастало двое ее детей. Окрепло, уширилось, приобрело более резкие изгибы, но, как и лицо, выдержало испытания жизни. Годы прибавили твердости в очерке губ и щек, но шея, самая слабая перед временем черта любой женщины, по-прежнему гордо держала голову, подобно колонне мрамора, искусно подкрашенного Никием. Озорство, дикое желание сделать нечто запрещенное взмывало в Таис, кружа голову, как в далекие афинские дни. Она звала Эрис, и обе украдкой, ускользнув от провожатых, ехали верхом в пустыню. Там, сбросив одежды, они бешено носились нагими амазонками, распевая боевые либийские песни, пока с коней не начинала лететь пена. Тогда они медленно и чинно возвращались во дворец.

Чтобы легче скрыться от придворных и воинов охраны, Таис стала держать лошадей в доме старого нубийца на южном краю восточной части города.

Все же подобные скачки, как и плавание в защищенной от крокодилов протоке, удавались редко. Гораздо чаще Таис, усталая от какой-либо по-египетски тягучей церемонии, повозившись с дочерью, отправлялась сумерничать на ступеньках храма Нейт.

Девушки-египтянки мирно спали укутавшись. Эрис, уперев подбородок в высоко поднятые колени, застывала с широко открытыми глазами. Она умела впадать в состояние, подобное сну, не теряя бдительности.

В сумерках загорался зловещим свинцовым светом Никтурос — Ночной Страж, напоминая Таис ее первый приезд в Египет, когда, назначенную в жертву Себеку, ее спас Менедем — воин гераклового мужества.

Таис собиралась возвести памятник Эгесихоре и Менедему, построив им кенотаф здесь, в Мемфисе, откуда река унесла их пепел в родное море. Но потом передумала. Надгробие стало бы чужим среди тысяч памятников иных чувств и обычаев иной веры. Изваяния Эгесихоры и Менедема стояли бы здесь одинокими, как она сама. А когда не станет Таис, кто позаботится о кенотафе? Это ведь не Эллада, где красоту изваяний бережет каждый с детства и

никогда никому не придет в голову повредить скульптуру.

Если в Мемфисе любители муз, особенно эллины, еще помнили золотоволосую спартанку, то кто знал о Менедеме — одном из тысяч лаконских наемников? И Таис отказалась от постановки памятника. В Александрии изваяли великолепный мраморный горельеф и отправили на родину Эгесихоры и Менедема. Появление Ночного Стража будило в сердце Таис тоску по ушедшим и неопределенную тревогу...

Во дворце ее ожидала приятная новость. Птолемей прислал красавца раба из Фракии, опытного в уходе за лошадьми, и уздечку для Боанергоса поразительной работы, отделанную под его масть красным золотом. Птолемей, как и прежде, чувствуя вину перед Таис, делал неожиданные и роскошные подарки.

Наутро афинянка велела привести иноходца, чтобы покрасоваться на нем в новой сбруе. Раб вывел черногривого коня в сверкающей уздечке, с чеканным налобником, изображающим пантер в свирепой схватке. Таис погладила своего любимца, поцеловала в теплую морду между чуткими ноздрями. Боанергос с коротким нежным ржанием терся головой о голое левое плечо хозяйки и нетерпеливо ударял копытом, покусывая удила. Только собралась Таис вспрыгнуть на коня, как прибежала няня Ираны, крича, что девочка заболела. Бросив поводья красивому конюху, афинянка побежала обратно во дворец и нашла дочь больной в постели. Оказывается, девочка, убежав в сад, наелась зеленых персидских яблок, а няня накормила ее еще миндальным печеньем.

Дворцовый врач быстро устранил боли. Растерев и утешив дочь, Таис вспомнила наконец, что иноходец совсем заждался ее и мог разбить коновязь. Хорошо, если Эрис догадалась промять коня.

Посланная в конюшню служанка примчалась в сопровождении старого конюха и выпалила, падая на колени перед царицей, что Боанергоса отравили, а Эрис исчезла со своей лошадью.

Афинянка схватила за плечо старого конюха, также преклонившего колени. Тонкая ткань его одежды затрещала от рывка.

— Не я виноват, царица,— с достоинством сказал старик,— коня отравил тот, кто сделал золотую уздечку. Солнце Египта, пойди и посмотри сама!

Таис опомнилась, стремглав сбежала с лестницы и понеслась в конюшню. В короткой верховой эксомиде вместо

длинного царского одеяния бежать было удобно, и Таис обогнала всех.

Боанергос лежал на левом боку, вытянув ноги с черными точеными копытами. Прядка густой челки наполовину прикрыла остекленевший глаз. В углу сведенных судорогой губ расползлась зловещая голубизна.

Таис показалось, что верный конь смотрит с укором и ожиданием на нее, не поспевшую помочь. Царица Египта упала на колени, не скрывая слез, и в отчаянной надежде протянула руки, чтобы поднять тяжелую голову. Сильный рывок сзади не дал ей притронуться к иноходцу. В гневе Таис обернулась с быстротою пантеры и встретилась с синевой мрачного взгляда Эрис. Подруга тяжело дышала. Позади нее воин охраны ловил поводья взмыленной кобылы.

— Не трогай, может, отравлена вся сбруя! Проклятый раб прикасался к ней в рукавицах, а я глупо вообразила, что он поступает так из боязни запачкать сверкающее золото. Если бы ты поехала сразу... Великая Богиня охраняет тебя!

— Где негодяй? Где убийца?

— Я заметила неладное, когда он испугался твоей задержки, метнулся туда-сюда, а когда Боанергос внезапно упал на колени, пустился прочь. Я прежде всего бросилась к копю и не сразу кликнула стражу. Мерзкая тварь скрылась. Его ищут!

Таис выпрямилась, утерла слезы.

— Не понимаю смысла отравить Боанергоса, а не меня.

— Это труднее. За твою пищу и питье отвечают много людей.

— Но при чем тут бедный мой иноходец?

— Яд действовал не сразу. Тебе дали времени как раз столько, чтобы выехать на прогулку и удалиться от города. Там Боанергос бы пал...

— Ты думаешь, там была засада?

Вместо ответа Эрис взяла Таис за руку и повела к воротам. Кольцо воинов, расступилось, головы низко склонились, и Таис увидела тела двух неизвестных людей, по одежде — жителей Дельты. Искривленные лица и вздутые рты указывали причину смерти.

— Вот доказательство. Мы обе спешились бы, занялись конем, а у этих длинные ножи. Я с отрядом всадников поскакала в наше излюбленное место, за красным обе-

лиском. Мы окружили их, но гиены успели принять яд. Тот, кто посылал, знает толк в подобных делах, и снабдил всем, чтобы замести следы. Они знали время и место наших прогулок, а мы воображали, что ездим в уединении!

— Но ты не можешь думать, что...

— Нет, конечно. Доблестный воин, справедливый царь и любитель женщин никогда не будет способен на это! Нет, здесь рука опытного в придворных кознях человека, возможно женщины...

Таис вздрогнула и сжала кулаки.

— Пойдем к Боанергосу!

Вокруг иноходца стояли воины и конюхи, ожидая распоряжений.

— Наденьте рукавицы, снимите уздечку!— приказала Таис.— Мне бы иметь время подумать,— горько посетовала она Эрис, показывая на сцепившихся пантер, отчеканенных в золоте налобника,— приславший дар проявил неосторожность. Или такие люди считают себя умнее всех других?

— А если это доказательство того, кому придется напоминать о заслуге?— спросила Эрис.

— Мудрая моя богиня!— воскликнула афинянка, обнимая черную жрицу.— Так это могла быть и не она?

— Эрис согласно наклонила голову.

— Не она, но тот, кому выгодно ее царствование? Странное это слово «выгодно», когда оно звучит в устах человека, имеющего власть над людьми. Сколько подлейших дел совершено из-за выгоды!

Таис приняла решение.

— Заверните сбрую в холст, окуните в горячий воск и зашейте в толстую кожу. Я приложу свою печать. Моего Боанергоса отвезите к красному обелиску. Пусть выдолбят могилу для него на краю плоскогорья, над равниной. Позовите камнетесов, работающих над новым пилоном храма Нейт, я поговорю с ними. И скульптора царских мастерских Хаб-Ау!

До вечера Таис совещалась с мастерами, пока не решила поставить на могиле Боанергоса вертикальную плиту со смелым очерком иноходца, бегущего навстречу солнцу. Скульптор настаивал на изображении царицы и ее священных имен. Таис строго запретила ему делать какие-либо надписи, кроме греческой: «Боанергос, конь Таис».

Одновременно она попросила Эрис собрать все люби-

мые ее вещи, украшения и одежды. Редкости из Индии и Месопотамии Таис велела сложить в одну кладовую, поручив это верному Ройкосу. Семейство тессалийца состояло уже из семи человек, считая вторую жену-финикиянку. Таис давно заметила у македонцев и эллинов тягу к финикиянкам и раскосым скифкам из далеких восточных гор. И те и другие были великолепными женами, преданными, выносливыми и заботливыми хозяйками.

Старший сын Ройкоса, обученный наукам, состоял казначеем в доме Таис. Он получил приказание подсчитать и собрать все наличные деньги, золото и драгоценности, которых набралось немало.

Покончив с делами, Таис опустилась в кресло слоновой кости.

— Что ты задумала, госпожа царица?— необычайно мягко сказала Эрис, гладя и перебирая ее распущенные черные косы.

Таис молчала.

— Разве когда-нибудь царица бросала царство и уезжала из страны, которой правила?— сказала снова Эрис.— Не будет ли это малодушием, не соответствующим высоте положения и судьбы?

— Если царица не правит, то ее положение мнимое,— в тон ей ответила Таис,— не будет ли разумнее уступить место тому, кто не будет мнимым?

— В Мемфисе?

— В Александрии. Здесь не будет больше цариц, только наместник, который и так уже повелевает всем. Однако эти слова преждевременны. Я хочу поехать к Птолемею и рассудить с ним все обстоятельства.

— Давно ли царь изъявил высочайшую похвалу твоей деятельности здесь? Собранные тобой сведения о Нубии, Пунте и вообще Либии стали основанием для изучения географии всей страны в александрийском Мусее. Он хвалил и лодочников царицы Таис...

Черная жрица напоминала об отрядах молодых людей, призванных Таис нести спасательную службу в густонаселенных местах по берегу Нила. Очень много маленьких детей, живущих в непосредственной близости от огромной реки, тонуло или гибло от крокодилов. Легкие быстрые лодки с зеленым флагом на шесте плавали теперь дозором вдоль берегов, всегда готовые прийти на помощь детям и

животным. Тех и других очень любила Таис, и они платили ей полным доверием.

Эрис почудился шорох в кустах сада. Загасив светильник, она выглянула вниз.

Темная безветренная ночь обступила маленький дворец, выбранный Таис для жилья в середине парковой части Мемфиса. Не колыхалась листва, не лаяли собаки, только летучие мыши носились взад и вперед. Обе подруги слышали их еле различимый писк. Слышать писк летучих мышей — мерило возраста у эллинов и египтян. Когда человек переставал слышать летучих мышей, наступал перелом жизни, начиналась старость.

— Я выйду посмотреть на галерею,— шепнула Эрис,— беспокоит меня красавец, который успел удрать!

— Не посмеет после гибели сообщников,— возразила Таис.

— Наверное, так. А все же я взгляну. Не зажигай света!— И Эрис растаяла во тьме.

Верхние комнаты дворца выходили на галерею, сообщавшуюся с открытой верандой на восточной и северной сторонах дома. Галерея отделялась от веранды раздвижными стенками из папирусных циновок, а от комнат — голубыми полупрозрачными занавесями, туго натянутыми меж деревянных колонн. В северной галерее горели лампионы, бросавшие в темную комнату, где сидела Таис, подобие лунного света.

Внезапно на занавесях возник четкий силуэт почти голого мужчины, притаившегося с короткой булавой в руках. Таис бесшумно встала, нашаривая что-либо пригодное для обороны, и взяла обеими руками ониксовую вазу, чуть ли не в талант весом. Позади первой тени так же беззвучно появилась вторая — Эрис, вот она извлекла страшный кинжал. Первая тень остановилась, слушая. Таис медленно приближалась, подняв вазу над головой. Замерла и Эрис. Человек с булавой постоял, затем издал тихий, чуть громче летучей мыши свист. Позади Эрис появилась третья тень с длинным ножом. Дальнейшее произошло в мгновение ока. Первый человек левой рукой достал из-за набедренной повязки нож и одним взмахом распорол туго натянутую ткань, которая разошлась. Второй, увидев Таис, издал глухой предостерегающий крик своему сообщнику, но тот не успел обернуться, как получил удар в левое плечо кинжалом, вонзившимся по рукоятку. Таис крикнула: «Берегись!», черная жрица повернулась, второй

убийца бросился на нее. Афинянка изо всех сил швырнула ониксовую вазу в знакомое лицо фракийца; убийца успел метнуть нож одновременно с броском Таис, и Эрис упала на пол у ног своей жертвы, заливаясь кровью.

На крик царицы сбежалась стража и почти вся челядь ее дворца, среди которой по настоянию Птолемея был искусный врач.

Зажгли десяток лампионов. Таис запретила переносить Эрис. Ее положили на ложе царицы. Первый убийца был сражен наповал, а второй еще был жив и силился подняться на четвереньки. Таис вырвала священный кинжал Эрис и занесла его над ним, но, осененная догадкой, остановилась.

— Трясите его!— приказала она воинам.— Может быть, он придет в себя. Облейте водой. Бегите за моим переводчиком!

Прибежал переводчик, знавший восемь языков. Но афинянка, забыв о нем, упала перед ложем подруги, по другую сторону которого хлопотал врач, останавливая обильно льющуюся кровь. Она взяла похолодевшую руку Эрис, прижимая ее к своей щеке.

Веки черной жрицы дрогнули, раскрылись незрячие синие глаза, в них зажегся огонек сознания, и серые губы тронула улыбка.

— Как эллинка!..— едва слышно шепнула Эрис.

Горестный вопль царицы заставил всех в комнате опуститься на колени.

— Эрис, подруга любимейшая, не уходи! Не оставляй меня одну!

Только сейчас полностью ощутила она, насколько драгоценна эта «мелайна эйми эго, кай кале»— «черная, но насквозь прекрасная», как называли Эрис ее друзья. Эрис была дороже всего на свете, дороже самой жизни, ибо жизнь без божественно стойкой, спокойной и умной подруги показалась Таис немыслимой.

Все приближенные царицы почитали Эрис, несмотря на ее внешнюю суровость. Она любила хороших людей и хорошие вещи, хоть никогда не старалась приобрести дружбу первых и покупать вторые. Не имела она и ложной гордости, никогда не хотела унизить других или требовать себе особенных знаков почитания и внимания.

Непобедимая простота, полное отсутствие недостойных желаний и зависти давали ей крепость переносить любые трудности. Эрис понимала с первого взгляда прелесть явлений и вещей, ту, что обычно проходит мимо большинства

людей. Ее удивительная красота перестала служить оружием с тех пор, как она покинула храм Кибелы-Геи, хотя поэты воспевали, а художники всячески старались заполучить ее моделью, афинянка удивлялась, как немного людей понимало истинное значение и силу прекрасного облика Эрис. В сравнении с Таис она производила впечатление более взрослой, как будто ей было открыто более глубокое понимание дел и вещей, чем всем другим людям. И в то же время в часы веселья Эрис не уступала афинянке, в глубине души оставшейся прежней афинской девчонкой, падкой на безрассудные, озорные поступки. Эта дивная ниспосланная Великой Матерью, или Афродитой, подруга уходила от нее в подземное царство. Таис казалось, что сердце ее умирает тоже, что вокруг уже собираются тени мертвых: Менедем, Эгесихора, Леонтиск, Александр...

Сдерживая рыдание, Таис шептала трем всемогущим богиням, моля вернуть ей Эрис. Словно в ответ на ее мольбу, еще раз открылись синие глаза, озаряясь теплым светом любви.

— Не печалься, мой друг, я буду ждать!

Эрис даже в тяжелом своем состоянии не забыла про обещание дожидаться Таис в Аиде, на полях асфоделей перед Рекой, чтобы перейти ее вместе с подругой, рука в руке.

И тогда Таис больше не могла сдержать отчаянный приступ горя. Ройкос решил послать за главным жрецом Нейт в страхе, что царица умрет от потрясения.

Старик жрец вошел, едва дыша, но не теряя величественной осанки. Он склонился над бесчувственной Эрис, взял ее руку и долго держал. Потом тронул за плечо царицу. Таис подняла искаженное горем лицо и встретила спокойный и печальный взгляд своего друга.

— Мне думается, она будет жить,— сказал жрец. Таис задохнулась, не в силах вымолвить ни слова.— Я послал за нашими врачами в помощь твоему эллину. Помнится мне, ты как-то упоминала о веществе из гор около Персеполиса. Сохранилось ли оно у тебя?

— Да, да! Сейчас принесу!— Таис заторопилась к ларцу, где хранились диковинные лекарства Месопотамии, Индии и Бактрианы.

Жрец нашел кусок темно-коричневого цвета, напоминавший смолу, и передал появившимся двум пожилым египтянам в простых белых одеждах. Скромные, но уве-

ренные, они поговорили о чем-то с врачом дворца, растерли кусок лекарства в молоке и, разжав зубы Эрис, напоили ее. На рану положили пучок голубоватой травы с сильным странным запахом и крепко забинтовали.

— Теперь твое величество пусть выпьет,— сказал жрец, протягивая Таис полчашки напитка, похожего на прозрачную, чуть опалесцирующую воду,— иначе потрясение, подобное сегодняшнему, может дорого обойтись. Рану сердца надо лечить немедленно, ибо далеки и неожиданны последствия.

Таис хотела взять питье, вспомнила о другом и отвела чашку.

— Благодарю! У меня осталось еще одно дело. Позовите переводчика! Что можешь ты сказать мне?— обратилась она, выйдя на галерею к ожидавшему ее бледному финикиянину.

— Очень мало, царица! Сын гиены проронил только несколько слов на фракийском языке. Из них мы поняли, что посланных было четверо, значит, попались все. И он назвал имя. Я записал его во избежание ошибки, могущей стать роковой. Вот,— переводчик подал Таис дощечку.

— Имя мужское, звучит по-ионийски,— сказала, подумав, афинянка.

— Твое величество сказало верно!— склонился переводчик.

— Где убийца?

— Сын гиены совсем обезумел от боли. Мы прирезали его, прекратив муки, непозволимые живому существу.

— Вы поступили правильно. Благодарю тебя!

Вернувшись в комнату, Таис послушала слабое, ровное дыхание Эрис и обратилась к старому жрецу:

— А теперь дай мне лекарство, мой друг. Я приду к тебе на днях, если минует опасность для Эрис, и попрошу важного совета.

— Я буду ждать твое величество,— поклонился старик,— и мне очень печально будет расстаться с тобой!

Таис вздрогнула, взяла чашку и выпила залпом. У постели Эрис остались один из египетских и эллинский врачи, Ройкос и его первая жена. Уверенная в том, что с Эрис не будут спускать глаз, Таис улеглась рядом на принесенное ложе. Перед глазами поплыли мерцающие пятна — питье египтян действовало быстро.

Эрис на третий день уже приподнималась на ложе.

Слабо улыбаясь, она заявила, что никогда еще не была так близка к порогу Аида и не думала, что смерть от потери крови может быть столь приятной.

— Просто теряешь силы и себя, растворяясь в небытии. Если бы не ты, мне не хотелось бы возвращаться,— вздохнула Эрис.

— Неужели тебе так плохо со мной?— нежно упрекнула ее афинянка.

— Не думай так. Просто, чем старше становишься, тем больше печали приходит от понимания жизни в неотвратимом ее течении. И уж если случилось сделать легкий шаг к Великой Матери, то жаль возвращаться. Не будь тебя, я не стала бы!

Таис нежно поцеловала подругу, и слезы снова закапали на ее лицо. Эрис ласково смахнула их и сказала Таис, что хочет спать.

На следующий день Таис собралась идти в храм Нейт пешком, но уступила черной жрице и поехала по всем правилам: в колеснице под опахалами в сопровождении тридцати всадников. Шесть гигантов нубийцев провожали ее по лестнице, держа руки на мечах и булавах, выкатывая настороженные глаза. Таис улыбалась про себя. После искоренения четверых подосланных близкой опасности не существовало, хотя она сама поставила сильную стражу вокруг комнаты, где лежала Эрис. Внутри афинянки все пело от радости. Эрис осталась живой, неискалеченной и быстро выздоравливала. В этом настроении главный жрец Нейт показался ей очень худым, постаревшим и печальным.

— Что с тобой, мой друг?— спросила Таис.— Может быть, тебе самому нужна помощь врачей? Или мое коричневое лекарство?

— Лекарство береги. В нем великая целительная сила соков самой Геи, источаемых ее каменной грудью. Я печален потому, что ты решила покинуть нас.

— И ты не осудишь меня за это решение? Я приняла его окончательно после ранения Эрис. Мы связаны жизнью и смертью. Я не могу рисковать подругой, всегда готовой подставить свое тело вместо моего под удар убийцы. Я потеряла здесь, в Мемфисе, двух любимых и умерла бы, утратив третью.

Старый жрец поведал афинянке древнее пророчество о последней мемфисской царице, удивительно совпавшее с ее собственным ощущением. И добавил про народную

молву о царице Таис, явившейся из чужой страны, сделавшейся египтянкой и сумевшей проникнуться духом Черной Земли настолько, что саисские жрецы, ведущие счет истинных царей Египта, решили включить ее в списки, дав египетское имя.

— Какое?

— Это тайна! Спроси у них! Поплывешь в Александрию и заезжай в Саис.

— Я не заслужила этого!— грустно возразила Таис.— Неужели не видели египтяне, что я лишь играла роль, заданную мне свыше?

— Если актриса, исполнившая роль, пробудила в людях память об их прошлом, благородные чувства настоящего и мысли о будущем, разве не является она вестницей богов и рукою судьбы?

— Тогда она обязана продолжать, хотя бы ценою жизни!

— Нет. Все предназначенное исчерпывается, роль кончается, когда силы темных западных пустынь угрожают самому театру. Действо оборвется трагически, вызвав страх и погасив только что рожденные стремления.

Царица Мемфиса вдруг опустилась к ногам старого египтянина.

— Благодарю тебя, друг! Позволь назвать тебя отцом, ибо кто, как не отец, духовный учитель малосведущих людей. Мне посчастливилось: здесь в Мемфисе, в твоем храме, я училась у мудреца из Делоса, потом у Лисиппа, и наконец в здешнем своем одиночестве вновь в этом храме я обрела тебя. Позволь принести большую жертву Нейт. Я принесу еще жертву Артемис в сто быков за спасение моей подруги.

— Только на низшем уровне веры люди пуждаются в кровавых жертвах, умилостивляя богов и судьбу потому, что ставят своих богов на один уровень с собою или даже хищными зверями. Это наследие темных времен, это обычай диких охотников. Не делай этого, лучше отдай деньги на какое-нибудь полезное дело. Я приму бескровную жертву, чтобы продолжать учить здесь истинным путем молодых искателей правды.

— А Нейт?

— Разве несколько наставленных в истинном знании людей не милее богине, чем бессмысленные животные, ревущие под ножом, истекая кровью?

— Тогда зачем совершаются эти обряды и жертвы?

Старик слабо усмехнулся, посмотрел вокруг и, убедившись в отсутствии посторонних, сказал:

— Глупые и самонадеянные философы иных вер не раз задавали нам убийственные, как им казалось, вопросы. Если ваш бог всемогущ, то почему он допускает, что люди глупы? Если он всеведущ, то зачем ему храмы, жрецы и обряды? И многое в том же роде.

— И ответ на это?— взволнованно спросила Таис.

— Бог, занятый всеми людскими делами и похожий на человека,— лишь воображение людей, не слишком глубоких в фантазии. Он нужен на их уровне веры, как нужно место для сосредоточения и мольбы, как посредники — жрецы. Миллионы людей еще требуют религии, иначе они лишатся вообще всякой веры и, следовательно, нравственных устоев, без которых нельзя существовать государствам и городам. Вот почему, пока люди еще очень невежественны, мы охраняем древние верования, хотя сами избавились от предрассудков и суеверий. Еще мало кто, даже из числа мудрых правителей, знает, что нравственность народа, его воспитание в достоинстве и уважении к предкам, труду и красоте важнее всего для судьбы людей и государства. Важнее боевых машин, слонов, носящих броню воинов, пятирядновесельных кораблей... Все это рушится, когда падает нравственность и воспитание народа. Маленькие и большие люди пускаются в пьянство и дикие развлечения. В вине тонет вера, честь и достоинство, пропадает любовь к отечеству и традициям своих предков. Так погибло немало царств Месопотамии, Персия, назревает гибель Египта, Эллады, Карфагена и нового, грозного своими легионами Рима. Главное, на чем стоит человек,— это не оружие, не война, а нравственность, законы поведения среди других людей и всего народа.

— Ты сказал, отец, и Эллады?

— Да, царица. Я знаю, ты эллинка, но разве не замечала ты, что, чем ниже падает нравственность и достоинство в народе, тем сильнее старается он доказывать свое превосходство перед другими, унижая их? Даже такие великие ученые, как Аристотель, преуспели в этом низком деле — так высоко проник яд...

— Александр всегда противостоял Аристотелю,— возразила Таис.

— И слава ему в этом! Не спеши огорчаться; теперь уже дикому разъединению народов приходят на смену идеи равенства и объединения.

— Я знаю про стоиков, отец.

— Есть и более древние учителя. Ты вспомнишь о них, когда будешь размышлять на досуге.

— А наши прекрасные боги...— начала было афинянка.

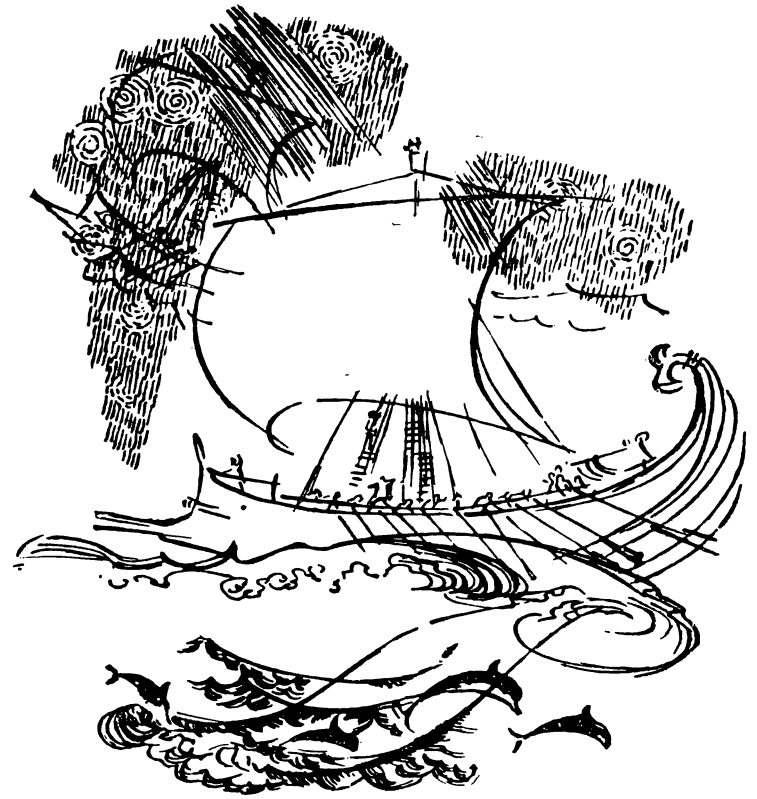
Жрец предостерегающе поднял руку.

— Я не касаюсь твоих олимпийцев, прежде чуждых нам, хотя в последнее время верования Эллады и Египта начали сливаться в общих божествах. Не трогай их и ты. Понимание требует многих лет раздумий и ломки прежних чувств, а поспешность приведет лишь к одному — утрате веры в жизнь человека и будущее. Будь осторожна!

Таис поцеловала руку старого жреца и вернулась к ожидавшей ее колеснице.

Сборы в путь прошли незамеченными. Все же распространились слухи об отъезде царицы в Александрию к царю и мужу. Вместе с Таис покидало Мемфис хорошо устроенное здесь семейство Ройкоса. Покидало без сожаления, ибо глава семьи и старшая жена не могли расстаться с хозяйкой, а финикиянка рвалась к морю. Ехала и няня Ираны — молодая полуэллинка-полуливийка, достаточно образованная. Она не была рабыней, но привязалась к девочке и заглядывалась на старшего сына Ройкоса. Накануне отъезда Таис повезла еще слабую Эрис кататься среди цветущих лотосов. Лодка бесшумно скользила по широкой протоке — озеру, с шуршанием вторгаясь в заросли голубых цветов и крупных толстых листьев. Когда-то давно здесь также цвели лотосы и они плыли на лодке вдвоем с Менедемом. Разве ее царская привилегия — роскошный раззолоченный челн, полосатый навес от солнца, вышколенные нубийские рабы-гребцы лучше, приятнее? Никогда! Юные люди, стремясь к высокому положению, не знают о цене, которую заплатят. Не подозревают, что молодость кончается и придет время, когда они готовы будут отдать все приобретенное, чтобы вернуть счастливые часы их внешне простой, а душевно глубокой жизни и переживания юности! Может статься, власть и богатства ослепят их и забудется все прошлое? Кажется, так и есть у многих людей, ну пусть и они будут счастливы! А ей нет сейчас большей радости, чем смотреть на оживленное созерцанием окружающей красоты исхудалое лицо Эрис, видеть и слушать радость маленькой Ираны... Прощание с Египтом останется в памяти прекрасным.

Хоть и держали в секрете срок отъезда и выбрали ранний час, громадная толпа мемфисцев явилась проводить Таис. Искренне огорченные люди призывали ее возвращаться скорее. В воду и на корабль летели сотни венков из священного лотоса, цветы которого разрешалось рвать лишь для таких исключительных случаев. Тихо отчалило судно, плеснули весла, отошли за корму дома, храмы, потом и пирамиды. Больше Таис никогда не увидит странного древнего города, взявшего у нее столько чувств и лет жизни. Не побывает в убежище философов — храме Нейт. Снова «тон эона»— навсегда!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

АФРОДИТА АМБОЛОГЕРА

Александрия поразила Таис скоростью, с которой она строилась. За те несколько лет, которые она безвыездно прожила в Мемфисе, город стал больше древней столицы Египта, обзавелся прекрасной набережной, по вечерам заполненной шумной веселой толпой. Множество судов покачивалось в гавани, а поодаль поднимался над морем фундамент исполинского маяка, заложенного на Фаросе. Город не был египетским. Таис нашла в нем много сход-

ства с Афинами, возможно, намеренного, а не случайного. Даже стена, подобная Керамику, отделяла амафонтскую часть города от домишек Ракотиса. Здесь тоже писали приглашения известным гетерам, как в Афинах, Коринфе и Клазоменах. Мусей и Библиотеку Птолемей строил быстрее других сооружений, и они возвышались над крышами, привлекая взор белизной камня и величавой простотой архитектуры. Пальмы, кедры, кипарисы и платаны поднялись в садах и вокруг домов, розовые кусты заполнили откосы возвышенной части города. А прекраснее всего было сияющее синевой море! В просторе его шумящих волн развеивалась усталость однообразия последних лет и тревога, порожденная неопределенностью будущей жизни. Теперь она никогда не расстанется с морем! Сдерживая желание тут же броситься в зеленую у берега воду, она пошла прочь от моря к холму с усыпальницей Александра. Таис сняла все знаки царского достоинства, и все же прохожие оглядывались на невысокую женщину с необыкновенно чистым и гладким лицом, правильность черт которого удивляла даже здесь, в стране, где свойственные древним народам Востока и Эллады чеканные красивые лица не были редкими. Что-то в походке, медноцветном загаре, глубине огромных глаз, фигуре, очерчивающейся сквозь хитон тончайшего египетского льна, заставляло прохожих провожать ее глазами. За ней немного позади прихрамывал Ройкос, плечом к плечу со старшим сыном, вооруженные и бдительные, поклявшиеся Эрис не зевать по сторонам.

Как и несколько лет назад, афинянка подошла к искусственному холму из морской гальки, скрепленной известью, обложенному плитами серого сиенского гранита. В портике из массивных глыб помещалась стража из декеархов с сотником (лохагосом) во главе. Бронзовые двери выдержали бы удар самой сильной осадной машины. В прошлое посещение Птолемей показывал Таис хитрое устройство. Стоило только выбить крепления, и огромная масса гальки обрушилась бы сверху, скрыв могилу. Залить ее известью на яичном белке и прикрыть заранее заготовленными плитами можно за одну ночь. Таис показала лохагосу перстень с царской печатью, и он низко поклонился ей. Десять воинов приоткрыли бронзовую дверь, зажгли светильники. В центре склепа стоял золотой, украшенный барельефами саркофаг, хорошо знакомый афинянке. Сердце ее, как и прежде, стеснилось тоской. Она взяла кувшин с черным вином и флакон с драгоценным маслом,

принесенные Ройкосом, совершила возлияние тени великого полководца и застыла в странном, похожем на сон оцепенении. Ей слышался шелест крыльев быстро летящих птиц, плеск волн, глухой гром, будто отдаленный топотом тысячи коней. В этих призрачных звуках Таис показалось, что властный, слышный лишь сердцу голос Александра сказал единственное слово: «Возвращайся!»

Возвращайся, но куда? На родные берега Эллады, в Мемфис или сюда, в Александрию? Золото саркофага отзывалось холодом на прикосновение. Сосредоточиться на прошлом не удавалось. Она бросила прощальный взгляд на золотые фигуры барельефов, вышла и спустилась с холма, ни разу не обернувшись. Чувство освобождения, впервые испытанное в храме Эриду, закрепилось окончательно. Она исполнила последний долг, это было последним, что мучило ее сознанием незавершенности...

Таис вернулась в белый дом под кедрами, отведенный ей по приказу Птолемея после того, как она отказалась жить во дворце. В полном царском облачении афинянка поехала в колеснице с Эрис к величественному дому Птолемея. Таис прежде всего потребовала свидания наедине. Царь, готовивший праздничную встречу и пир, подчинился с неохотой. Однако, когда пубийский невольник внес и распечатал кожаный сверток с золотой уздечкой, Птолемей забыл о недовольстве.

— Вот подарок, привезенный мне от твоего имени молодым фракийским рабом,— сказала Таис.

— Не посылал, хоть и люблю такие вещи редкого мастерства.

— И эти две дерущиеся пантеры на налобнике ничего тебе не говорят?

Птолемей, чувствуя серьезность Таис, все же хотел отшутиться.

— Наверное, посланы одним из твоих бесчисленных обожателей?

— Возможно. Из таких, которые хотят, чтоб я была мертвая!

Птолемей вскочил в гневе и удивлении.

— Вели отнести это ученым врачам Мусея, чтобы они определили яд, от которого пал Боанергос и моя жизнь стала на край пропасти Тартара. Я давно бы была уже там, если бы не она,— афинянка показала на Эрис.

— От моего имени?— закричал Птолемей, топнув ногой. Его могучий голос разнесся по дворцу. Забегали, бряцая оружием, воины.

— Не гневайся понапрасну. Ни я, ни Эрис ни на мгновение не подумали о тебе. Но прислал это человек из твоего окружения, не сомневайся!

— Не может быть!

— Подумай сам, посмотри на изображение пантер, мудрый мой Птолемей. И еще — ты назначил наследником сына Береники, а не своего старшего сына — Птолемея Молнию. И не моего Леонтиска. За это благодарю тебя: мальчик не умрет от рук убийцы. Но мать Птолемея Молнии сошла в Аид, а я еще жива и царствую...

— Береника?!— Голос Птолемея оборвался, как у получившего смертельную рану.

— Нет!— возвращая ему жизнь, прозвучало уверенное слово.— Вот!— Таис подала табличку с именем.

Птолемей пожал плечами.

— Спроси Беренику. Я думаю, имя ей должно быть известно, хоть она и не причастна к мерзкому делу.

Птолемей вышел в бешенстве и вернулся через несколько минут, таща за собой растрепанную Беренику, очевидно одевавшуюся для пира. Ее тонкое, смертельно бледное лицо исказилось страхом, а черные глаза перебегали с Таис на мужа.

— Знаешь его?— Птолемей выхватил у Таис роковую дощечку. Береника, прочитав, упала к его ногам.

— Мой двоюродный брат с материнской стороны. Но я клянусь Стиксом и мраком Аменти...

— Не клянись, царица,— Береника замерла от четко сказанного Таис титула,— мы знаем невиновность твою.

Афинянка подняла Беренику, и та, хотя была выше ростом, показалась малепькой перед мемфисской царицей.

— Я прикажу тотчас схватить негодяя!— вскричал Птолемей, ударив в металлический диск.

— Напрасно. Он, конечно, скрылся, едва лишь получил весть о провале покушения. Но ты его запомни, царь!— почти с угрозой сказала Таис и отошла от Береники, повелительным жестом отослав прибежавших на зов слуг.— Я отменяю празднество! Сегодня я буду говорить с моим мужем наедине!

Птолемей не решился прекословить.

Они пробыли в уединении до рассвета, уложив Эрис в одной из комнат. Никто не узнал, о чем разговаривали царь и царица. На рассвете Таис положила перед Птолемеем священный уреос, сняла многоцветные царские бу-

сы и египетскую одежду, надела любимую желтую эксомиду и ожерелье из когтей черного грифа.

С огромной террасы дворца открывались виды на беспредельное море, расцвеченное розовым взглядом Эос.

Птолемей сам принес пурпурного вина критских виноградников и налил две тонкие чаши, выточенные из горного хрусталя еще при первых фараонах Египта.

— Гелиайпе, царь! Пусть хранят тебя все боги Эллады, Египта и Азии в славных делах твоих — строителя и собирателя!— Таис подняла чашу, плеснула в направлении моря и выпила.

— Говоря так, ты отрываешь частицу моего сердца,— сказал Птолемей,— я мучительно расстаюсь с тобой.

Лукаво усмехнувшись, афинянка постучала по флакону для вина из рога индийского единорогого зверя баснословной ценности.

— Ты пьешь только из него, опасаясь отравления?

Птолемей слегка покраснел и ничего не ответил.

— Ты пришел в возраст. Пора выбрать только одну царицу. И ты ее выбрал! О чем горевать?

— Незабвенно великое прошлое, когда я сопутствовал Александру и ты была с нами в Месопотамии.

— Незабвенно, но жить только прошлым нельзя. Когда будет готов корабль?

— Я дам приказ немедленно подготовить круглое судно с крепкой охраной. Через два-три дня ты сможешь отплыть, только скажи, куда направить кормчего.

— На Кипр, к Патосу.

— Я думал, ты вернешься в Афины.

— Побежденные покойным Антипатром, с Мунихией, запертой македонцами, со свежей могилой отравившегося Демосфена? Нет, пока вы вместе с Кассандром, Селевком и Лисимахом не кончите войны против Антигона, я не поеду туда. Ты, разумеется, знаешь, что военачальник Кассандра в Аргосе сжег живьем пятьсот человек, а в ответ стратег Антигона полностью разорил и опустошил священный Коринф?

— Что же, это война!

— Война дикарей. Одичали и воины, и их начальники, если могут позволить себе на земле Эллады такое, чего не смели и чужеземцы. Если все пойдет так, я не жду хорошего для Эллады!

Птолемей смотрел на Таис, внимательно ее слушая.

— Ты говоришь то же, что новые философы, недавно появившиеся в Мусее. Они называют себя стоиками.

— Знаю о них. Они пытаются найти новую нравственность, исходящую из равенства людей. Счастья им!

— Счастья не будет! На западе крепнет Римское государство, готовое весь мир низвести до рабского состояния. Почему-то они особенно ненавидят евреев. Римляне подражают эллинам в искусствах, но в своем существе они злобные, надеются лишь на военную силу и очень жестоки к детям, женщинам и животным. Вместо театров у них громадные цирки, где убивают животных и друг друга на потеху ревущей толпе.

— Они мастера приносить кровавые жертвы?— спросила Таис.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я знаю пророчество. Страны, где люди приносят кровавые жертвы, уподобляя своих богов хищным зверям,— Элладу, Рим, Карфаген ждет скорая гибель, разрушение всего созданного и полное исчезновение этих народов.

— Надо рассказать об этом моим философам. Хочешь, поговори с ними в Мусее?

— Нет. У меня мало времени. Я хочу повидаться с Леонтиском.

— Он в плавании у берегов Либии, но еще вчера, угадав твое желание, я послал быстроходный корабль.

— Преимущество быть царским сыном! Благодарю тебя еще раз за то, что ты решил сделать из него простого моряка, а не наследника, наместника или другого владыку. Он похож на меня и не подходит для этой роли.

— Ты передала ему критскую кровь безраздельной любви к морю. А что ты хочешь для Иренион?

— Пусть воспитывается у Пентанассы, моей подруги из древнего рода, чьи имена высечены кипрскими письменами на памятниках острова. Я хочу сделать из нее хорошую жену. У нее есть твой здравый смысл, осторожность в делах и, кажется мне, дальновидность. Раздел империи Александра и выбор Египта до сих пор служат мне образцом твоей государственной мудрости!

— Я выбрал Египет еще по одному соображению. Здесь я царь среди чужих мне народов и создаю новое государство по своему усмотрению, выбирая наиболее подходящих для власти людей. Во время бедствий всегда бу-

дут мне защитой те, чье благоденствие связано с моим царствованием. Не повторятся кромешная зависть, клевета, драки и соперничество сильных, но невежественных людей из древних родов, которые не позволили Элладе расцвести, как она могла бы, имея такой великий народ. Ее лучшие люди всегда подвергались клевете и позору. Благодарность знати самым выдающимся людям выражалась в казни, изгнании, предательстве и тюрьме. Вспомни Перикла, Фидия, Сократа, Платона, Фемистокла, Демосфена!.. Еще чашу, теперь мою, прощальную!— Птолемей поднял хрустальную чашу, поднял и внезапно остановился.— Мне не в чем упрекнуть тебя за все эти годы, кроме одного. Хочешь знать?

Таис заинтересованно кивнула.

— Как ты позволила продать серебряную Анадиомену, сделанную с тебя? Разве не знала ты, как я люблю тебя, и красоту женщины, и все, что с тобой связано?

— Я ничего не позволяла. Так распорядилась судьба. Лисипп предназначил статую Александру, но сначала царю не было времени, а вскоре он ушел. Тогда тебе было не до скульптур. Но я рада, что Анадиомена ушла в Индию. Там совсем особенное отношение к женской красоте, а при теперешнем состоянии Эллады я не уверена в целости статуи из серебра, даже если бы ее поставили в храм.

— Что ж, ты права, я и отбрасываю прочь свой упрек. Кстати, Селевк, когда спасался у меня, говорил о планах похода на Индию. Я посоветовал ему отказаться и уступить свою часть Индии Чандрагупте. И он сказал, что уступит, если тот даст пятьсот слонов!

— Он милый, этот гигант и собиратель гигантов!

— Не столь уж милый, на мужской взгляд. Слоны — могучая боевая сила, подвижная, лучше фаланги и тяжелой конницы. Селевк не зря собирает слонов для своей армии. Мы с ним друзья, но будет ли дружен со мной и моими наследниками его наследник?.. Чтобы противостоять его слонам, мне придется заводить своих. Индия мне недоступна, поэтому я буду добывать слонов из Либии. И тут поистине неоценимы собранные тобою сведения о путях на юг, особенно о плаваниях в Пунт. Я уже приказал снарядить корабли, они поплывут по Эритрейскому морю к мысу Благоуханий и дальше, откуда египтяне привозили всяких зверей. Слоны в Либии другие, чем в Индии, они с большими ушами, громадными бивнями и покатыми спинами, более дикие и труднее приручаются.

Однако для сражения они даже лучше индийских, ибо более злобны и отважны. Разве не забавны изломы судьбы? Ты помогла Селевку добыть слонов своей статуей, а мне того больше — узнать места, где их добывают. Еще раз благодарю тебя!

— Наступил день!— напомнила Таис увлекшемуся царю.— Береника истерзалась, и мне тоже пора.

Птолемей с Таис совершили возлияние богам, обнялись и поцеловались, как брат с сестрой. Афинянка разбудила Эрис, уснувшую под плеск фонтана. Они пошли пешком к своему дому, вызывая тот же восторг прохожих, как и много лет назад. Никто не смог бы дать сорокалетней Таис и тридцатипятилетней черной жрице больше пятидесяти на двоих.

— Если бы ты знала, как легко в эксомиде!— воскликнула Таис.— И не нужно следить за своими жестами, словами, выражением лица, чтобы не смутить подданных. Теперь у меня нет подданных и никому я не обязана! Я могу петь, хоть и не пела так давно, что, может, потеряла голос.

— Одна подданная у тебя есть всегда,— Эрис, смеясь, поклонилась на льстивый азиатский манер.

Афинянка остановилась, рассматривая подругу Эрис, недоуменно подняла брови.

— Ты напомнила мне об одном важном деле. Я чуть не забыла о нем!

— Каком?

— Увидишь! Знаю, дразнить тебя недомолвками бесполезно. Я просто еще не додумала.

Усталая после ночного бдения, Таис с наслаждением предалась неге купания и крепкого ионийского массажа. Она проспала весь день до темноты, а половину ночи просидела на террасе, обдумывая встречу с сыном. Леонтиску теперь около пятнадцати лет, близок возраст эфеба. Таис решила совместить свидание с сыном и встречу с морем. Они поедут на Фарос, туда, где Неарх показывал ей критские развалины среди кустов и песка. Там она ныряла под плеск волн и крики чаек на безлюдном берегу... Теперь она возьмет с собой Эрис. Еще неясно отношение подруги к морю. Было бы горько, если бы она приняла его иначе, чем сама Таис. Мало ли людей, которых море настораживает, укачивает, просто пугает...

Афинянка могла бы не беспокоиться. День этот стал для нее подлинным празднеством. Лебедино-белая лодка

разрезала синие волны, мягко и ласково качавшие суденышко. Леонтиск был строен, как мать, с такими же серыми глазами и медным загаром, как у Таис, уже с пушком над верхней губой; сын не сводил с нее восторженных глаз на всем пути до северного берега Фароса. Часть побережья уже обстроили тщательно притесанными камнями, уложенными на гигантских глыбах прежней критской гавани. Оставив лодку у западного причала, Таис с Леонтиском и Эрис пошли к удаленному краю набережной. Глубокая вода темнела под крутой стенкой. Невольно повторяя Александра, она вылила в море смесь вина и душистого масла и велела Леонтиску далеко зашвырнуть золотой лекитион.

— Теперь предадимся Тетис!*— весело крикнула она.

Леонтиск не смущался наготы, как и его мать. Мальчик разделся и нырнул. Размеренно катящиеся валы вблизи острова дробились на мелкие, быстро плещущие волны, сверкающие аметистовыми зеркалами под высоким солнцем.

— Мама, иди!— позвал Леонтиск, сильными рывками отплывая дальше, где волны шли медленнее и грознее, вспучиваясь тяжелыми громадами. Стая дельфинов показала угластые плавники и черные спины, приближаясь к купальщикам. Затаив дыхание, Таис скользнула в плотную, упругую воду. Наконец-то! На несколько мгновений она даже забыла об Эрис. Наклонив голову, та пристально вглядывалась в глубину.

— Эрис, милая, плыви сюда!— крикнула Таис и даже испугалась молниеносной быстроте, с какой кинулась в море черная жрица. Афинянка знала, что Эрис плавает как бы с неохотой, без подстегивающей радости, обуревавшей в воде Таис. А здесь Эрис с ее боевым воплем: «Эриале! Эриале и Эрис!», плыла, догоняя Леонтиска, нисколько не страшась глухого, угрожающего шума, с каким вздымались и опускались валы в открытом море.

— Святая Мать Богов! Как легко плывется в этой плотной воде! Здесь нет темноты болота, как в реке или озере. Море держит тебя, лаская,— радостно делилась Эрис с подругой.

И Таис ликовала.

Ветер налетел с востока, погасил сверкание зеркал на склонах валов, придавил заостренные верхушки, и Таис

---

* Богиня моря у эллинов.

показалось, будто невидимые нереиды окружили их, награждая шлепками шею и плечи, задорно плеская в лицо, оглаживая тело ласковыми руками. Она сказала об этом Леонтиску, и вновь ее удивил взгляд мальчика, пристально следивший за нею.

Эрис скоро утомилась, она еще не восстановила полностью свои силы. Таис и Леонтиск без конца ныряли, уходя в глубину, плавали и кувыркались, подражая дельфинам, носившимся бок о бок с ними, косясь маленькими дружелюбными глазками и выставляя улыбчивые белочерные пасти.

Усталые, они наконец вылезли на гладь гранитных плит. Эрис окатила подругу пресной водой, смыла соль и помогла расчесать черные косы. Леонтиск, обсыхавший поодаль, застенчиво приблизился к матери и склонился к ее ногам, обняв сильные колени.

— Скажи правду, мама, ты богиня?

Встретив молящий взгляд ясных серых глаз, Таис отрицательно покачала головой.

— Но ты не простая смертная? Ты нереида или нимфа, снизошедшая к моему отцу. Я слышал, об этом шептались слуги во дворце. Не отвергай моей просьбы, мама, скажи! Я только хочу знать!

Мальчишеские руки, окрепшие в работе с веслом и парусом, туже сдавили колени матери. Горячая вера мальчика заставила сердце Таис дрогнуть. Она вспомнила об Александре. Один намек его матери дал ему необходимую веру в себя. И одновременно всегдашняя правдивость восставала против обмана.

— Ты прав, мальчик!— вдруг сказала стоявшая рядом Эрис.— Твоя мать не простая смертная, но она и не богиня.

— Я так и знал. Ты одна из дочерей Тетис от смертного мужа. И этот поясок со звездой на тебе — заклятье смертной жизни? Как пояс Ипполиты? Да?!

Таис только смогла прошептать:

— Да!.. Я не бессмертна, не обладаю властью богини и не могу дать тебе чудесной силы или неуязвимости в бою,— поспешно добавила афинянка,— но я дала тебе любовь к морю. Тетис всегда будет милостива к тебе.

— Милая, милая мама! Вот почему ты так нечеловечески прекрасна. Это счастье — быть твоим сыном! Благодарю тебя,— Леонтиск осыпал поцелуями колени и пальцы Таис.

Она подняла сына, пригладила завитки его черных волос и сказала:

— Иди одевайся. Пора ехать!

Лицо мальчика преисполнилось печали.

— Ты не можешь взять меня с собой? Нам было бы хорошо вместе!

— Не могу, Леонтиск,— ответила Таис, чувствуя ком, сдавливающий горло,— тебе следует быть с отцом, а не с матерью. Ты мужчина, моряк. Побеждай море для радости людей, а не для избиения их. И мы вместе с Тетис всегда будем с тобою!

Леонтиск повернулся и пошел к своей одежде. И вовремя, иначе бы увидел слезы матери.

После морского купания Леонтиск словно вырос. На обратном пути он еще выше держал гордую голову с тонкими критскими чертами лица. Лодка приближалась к гавани, когда мальчик притронулся к матери и шепотом спросил, указывая на Эрис:

— Она тоже?

— Еще больше меня!— также шепотом ответила Таис.

Леонтиск вдруг взял руку черной жрицы, приложил ко лбу и щеке и поцеловал в ладонь. Несказанно изумленная Эрис поцеловала его в обе щеки — милость, никому до сей поры не оказанная. Таис подумала, как хорошо бы мальчику иметь такого друга рядом. Не будучи богиней, она не могла знать, что через пять лет в великом морском сражении у Саламина, в глубокой бухте Фамагусты, на восточном конце Кипра, Птолемей потерпит полное поражение, а Леонтиск будет взят в плен. Впрочем, благородный победитель, любимец афинян Деметрий Полиоркет, вскоре вернет сына Птолемею и сам будет разбит им. Памятник победы Деметрия — статуя крылатой Ники на острове Самотракии — будет тысячелетия восхищать людей всех народов и языков!..

Море, как бы приветствуя возвращение своей дочери, удивительно спокойно несло «Кирку», корабль Таис, на северо-восток от Александрии, к острову Кипру. Афинянка вспоминала о прежних плаваниях. Каждое отличалось очень хорошей погодой. Как тут не поверить в особую милость Тетис?

— Считают, до Патоса на Кипре пятьсот египетских схенов,— говорил Таис начальник корабля, сам опытный кормчий с Астипалайи,— а я намерил больше — две тысячи восемьсот стадий.

— Как можно мерить море?— спросила удивленная Эрис.

— Есть несколько способов, но я пользуюсь самым простым,— начальник корабля прищурился, глядя вдаль,— при такой хорошей погоде и малом волнении. Смотри сама!

По приказу начальника на палубу вышли два пожилых моряка, один с огромным луком и связкой тончайшей бечевки, другой с устойчивой на качке морской клепсидрой*. Подхваченный широким поясом, моряк с луком повис над водой, упираясь босыми ногами в борт корабля, и выпустил стрелу, потащившую бечевку с навязанными на нее раскрашенными рыбьими пузырями. Дважды бечевка ложилась неудачно, на третий пролетела прямой дорожкой. Едва нос корабля оказался у начала бечевы, кормчий ударил в медный диск, и второй моряк пустил клепсидру. Другой удар раздался, когда нос корабля прошел конец бечевы.

— Счет капель?— крикнул кормчий.

— Тридцать одна,— последовал ответ.

— Видишь,— пояснил Эрис начальник,— бечевка длиной вполстадии легла прямо, не искривилась волнами благодаря опытности моих моряков. Корабль прошел ее за тридцать один удар сердца или капель клепсидры. Надо поправить исчисление на волну и изгибы бечевы. Примерно скажу: наша «Кирка» делает около шестидесяти стадий в час — очень хороший ход под средним парусом, без весел. Считай, сколько понадобится времени дойти до Патоса, только про себя — не гневи Морского Старца! Чтобы измерить расстояние правильно, надо сделать на пути много промеров. Меняется сила ветра, течение — путь далек!..

Кормчий выбрал время, когда этесии — летние ветры, дующие к Египту,— на короткое время сменяют свое направление и несут волны с северо-запада. Море потемнело, приняв цвет хиосского вина, и по его сумрачному простору неслись рядами белогривые кони Посейдона. Сильный ветер срывал пену с их гребней, сверкавшую на солнце под безоблачным небом. Такой вид моря привычен каждому эллину, а сила ветров не смущала мореходов — они знали, что к вечеру она ослабеет, и самого страшного — ночной бури — не будет.

---

* Водяные часы.

Таис и Эрис, аккомпанируя себе на систре и китаре, распевали на носу корабля самые разные песни: эллинские — печальные и мелодичные; тягучие и заунывные персидские; отрывистые, резкие финикийские и египетские; пели песни ливийских пиратов с дикими выкриками и присвистом, вызывая великий восторг моряков и беся кормчего, потому что мореходы становились невнимательными.

Таис уединялась для игр и разговоров с дочерью в укромном месте — между задней надстройкой и краем палубы, огороженным тростниковыми плетенками от ветра и брызг. В одну из таких задушевных бесед маленькая Ирана ошеломила Таис мечтой сделаться гетерой. С наивностью детства Ирана рассказывала о богатых подарках, которые получают гетеры, о пирах с музыкой и танцами, о поклонении мужчин, поверженных к ногам гетеры одним взглядом ее.

Чем больше хмурилась мать и шире улыбалась Эрис, тем красноречивее девочка старалась доказать свою правоту. Дошло до дифирамбов поцелуям и нежным объятиям мужчин.

Разгневанная Таис поняла, с чьих слов говорила девочка, но сдержалась и стала терпеливо объяснять дочери, что ей наговорили сказок: в жизни, чем бы ни занимался человек, а особенно женщина, все происходит не так легко и безоблачно.

— Нам, женам, не так много путей в жизни дано богами,— тихо говорила она дочери, гладя ее прямые каштановые волосы и заглядывая в серьезные карие глаза,— поэтому каждая дорога должна избираться тщательно. Необходимо знать и взвесить все способности, данные нам богами, и возможности их улучшения. Путь гетеры один из самых трудных. Он подобен жизни художника, музыканта, архитектора. Кто из мужей будет настолько глуп, чтобы сделаться музыкантом, не имея слуха? А девушки часто думают, будто очарование юности, мелодичный смех и легкость походки — средства, уже достаточные для достижения успеха. Нет, неверно. Год, другой, а потом все кончается свинскою жизнью в попойках с грубыми, скотоподобными чужаками в портовых трущобах. Если даже ты обладаешь совершенным телом, красивым лицом, великолепными волосами, некоторыми способностями певицы и танцовщицы — всего этого достаточно лишь для подневольной актрисы, нередко награждаемой тумаками руководителя труппы. Но, чтобы стать хорошей гетерой,

кроме внешности и грации ты должна иметь выдающуюся память, читать на трех наречиях*, любить и помнить историю, знать основы философских учений. Тогда ты будешь говорить с поэтами и философами как равная и возвысишься над мужами менее одаренными. И этого мало! Ты должна обладать непогрешимым вкусом в одеяниях, понимать искусство скульптуры, живописи, может быть, рисовать сама. Ты должна распознавать людей с первого взгляда, подчинять мужей, не насилуя их воли, быть хозяйкой на симпосионах. Еще ты должна увлекаться атлетикой, такой, в которой сможешь соперничать с мужами. Я, например, считаюсь хорошей наездницей и еще лучше плаваю, тут я могу поспорить с любым мужчиной. Я пока не говорю тебе другое, хотя бы что надо обладать выносливостью спартанца, крепостью к вину варвара, здоровьем критского быка. Если ты, обладая зачатками всего перечисленного, от шести до тринадцати лет пройдешь в Коринфе школу и эти семь лет будут смочены твоими детскими слезами обид, испытаний, трудов и наказаний — тогда ты станешь действительно знаменитой гетерой! Если тебе повезет, если ты не заболеешь и твоя красота не увянет преждевременно...

Таис откинулась на спинку плетеного кресла и закрыла глаза, будто утомленная воспоминаниями. Притихшая Ирана долго молчала, прильнув к матери, и сказала:

— Я поняла, мама! Я больше не хочу быть гетерой.

— Ты разумна и осмотрительна, дочь царя, прославившегося осторожной мудростью. Пойди поспи, наступает жара. И пошли мне няню.

Едва девочка удалилась, Таис вскочила и в нетерпении несколько раз прошлась по палубе. Эрис обняла ее, хорошо зная настроения подруги.

— Ничего не случилось, просто девчонка созрела для замужества и бредни, мутящие ее голову, выкладывает Ирене.

— Я мало занималась с дочерью, если...

— Так это твоя вина, а не няни!— улыбнулась Эрис.

Таис топнула ногой и вдруг засмеялась.

---

* Имеются в виду наречия древнегреческого языка, довольно заметно отличавшиеся друг от друга.

— Ты права. Но я ей покажу гетеру!

— Поздно ты стала проявлять свирепость царицы. Если хочешь знать, то и тут твой недосмотр.

— В чем, о богиня справедливости!

— Проглядела. Девчонке пора. Она израсходует себя на пустые томления, тугие груди ее опустятся без любви. Кто будет виновен? Старшая! Она живет у тебя, так и заменяй ей мать.

— Беда с грамотными девчонками из хороших семей. Рано начиталась!

— Может, о твоих же похождениях? Немало книг написано уже об Александре и его приближенных...

Прибежала няня — пышногрудая быстрая девушка с черными мечтательными глазами и длинными ресницами.

— Позови Ройкоса! Скажи, чтобы принес кусок веревки.

Явился старый тессалиец, выжидательно глядя на Таис.

— Раздевайся!— приказала афинянка няне, удивленно вытаращившей глаза на хозяйку.

Эрис, скрывая улыбку, дернула застежки ее хитона. Как настоящая эллинка, девушка не носила ничего, кроме верхней одежды.

Таис притронулась к груди девушки, покачала головой и спросила:

— Ты мазала соком цикуты? Долго?

— В пианепсионе будет пятый месяц второго года,— проленетала няня.

— Безумная! Посоветовалась бы со мной... Теперь они останутся такими каменными!

— И пусть!— осмелела девушка.

— Сок цикуты столь волшебен?— удивилась Эрис.

— Если грудь мала, он заставляет ее расти и навсегда закрепляет. Только нужна строгая мера, а наша глупышка, мне сдается, перестаралась.

— Опять твой недосмотр,— строго сказала Эрис,— хозяйке следовало бы иногда заменять мать.

— Да, справедливая моя подруга, ты права,— сказала Таис, критически оглядев цветущее тело няни.

— Царица... госпожа... я не знаю, в чем...

— Нет, ты знаешь!— перебила Таис, стараясь придать голосу нужную свирепость.— Ты размечталась о любви, хочешь стать гетерой и забила своими бреднями голову моей девочке.

— Госпожа, я только рассказывала, что прочитала!

— Неправда! Прибавила и собственные мечты. Я их исполню. Иди, как есть, туда, где помещаются наши моряки. Будешь услаждать их до конца плавания. Начнешь свой путь к служению Афродите. Мореходы скучают по женам, их поцелуи крепки, тела сильны, объятия неутомимы. Чего тебе еще нужно?

— Царица!

— Я запретила вспоминать мой титул! Забудь его!

— Госпожа, пощади! Я не думала... не хотела...

— Не хочешь служить Афродите, отдав свой пояс кораблю? Тогда ты злонамеренно смущала мою дочь! Слова твои были лживы, и тебя следует отдать Морскому Старцу.

Незаметно подмигнув, Таис приказала тессалийцу:

— Ройкос! Свяжи ей руки и ноги и брось в море!

— Дядя Ройкос! Вы не сможете!— закричала девушка.

— Смогу! Давай руки!— ответил старый воин, страшно оскалив зубы.

Девушка упала к ногам Таис, дрожа и плача.

— Хватит. Игра окончена!— вдруг рассмеялась афинянка.— Вставай. Теперь десять раз подумай, прежде чем что-нибудь рассказывать Иране.

— О госпожа, ты пошутила! Ты не сердишься?

— Сержусь! Но не могу больше мучить тебя. И его,— она показала за угол постройки, где белей мела стоял старший сын Ройкоса,— сжался, готовый к прыжку.

— Я могу идти?— спросила девушка, нагибаясь, чтобы поднять хитон.

— Иди! И вот тебе на память!— Таис так шлепнула няню, что на коже отпечатались пальцы, и девушка взвизгнула.

Эрис отвесила ей второй шлепок и толкнула в спину. Девушка помчалась в отведенное женщинам помещение.

— Не стой будто потерянный,— сказала Таис сыну Ройкоса.— Будь мужем, иди и утешай.

Юношу как ветром сдуло.

— Ты ударила ее до слез,— укорила Эрис.

— Не знаю, у кого будут слезы,— ответила Таис, дуя на пальцы,—такая крепкая девчонка! А теперь, моя милая Эрис, займемся тобой.

— Ты сегодня царствуешь, о львица,— пошутила Эрис, с некоторой опаской поглядывая на подругу.

— В львицу сейчас превратишься ты,— пообещала Таис и повела подругу в свою каморку, дверью выходившую на рулевой помост, а не в кормовое помещение, оборудованное на время плавания для женщин.

— Стань передо мной и держи зеркало. Нет, не так, поверни к себе! Закрой глаза!

Эрис повиновалась, зная любовь Таис к неожиданным и всегда занятным выходкам.

Таис достала тщательно запрятанную коробку чеканного серебра, извлекла диадему в виде двух змей, сплетенных из проволоки зеленого золота. Головы пресмыкающихся, расширенные, как у Нага в храме Эриду, расходились наперекрест, и каждая держала в разинутой пасти шарик сардоникса — полосатого, белого с черным агата. Афинянка надела украшение на голову Эрис. Оно пришлось впору — и не мудрено. Его сделали по заказу Таис лучшие мастера Александрии за три дня. У них вместо диадемы или стефане получилась корона некой эфиопской царевны.

— Теперь смотри!

Эрис не сдержала возгласа удивления.

— Я велела глаза сделать сапфировыми, в цвет твоих, а не из рубина, как на амулетах еврейских красавиц,— сказала довольная Таис.

Диадема удивительно шла к черным волосам и темно-бронзовой коже подруги.

— Это мне? Для чего?

— Я подумала об этом еще в Александрии. Я не сказала тогда. Мы едем в страны, куда люди с таким, как у тебя, цветом кожи попадают или рабами, или гостями царского рода. Так вот, чтобы тебя не принимали за рабыню, ты будешь носить украшение, возможное только для очень высоких особ. Помни об этом и ходи царевной. А вместо варварского ожерелья из ядовитых зубов Нагов...

— Я не сниму его! Этот знак отличия драгоценнее всякого другого!

— Хорошо, только надевай наверх вот это.— Таис достала из шкатулки и застегнула на шее Эрис ожерелье из небесно-голубых бериллов.

— Ты отдаешь мне дар главной жрицы Кибелы?— воскликнула Эрис.

— Пока ты носишь его, никто не усомнится в твоем положении. Это истинно царская вещь!..

Наконец настал момент, когда приблизился Кипр.

Афинянка прижала руки к груди — признак особенного волнения. Корабль подходил к родному уголку Внутреннего моря, пусть удаленному, но похожему на все другие острова Эллады. После стольких лет, проведенных в чужих странах, наступил час свидания с родиной. Вершина Олимпа Трехзубчатого, обычно скрытая за облаками, выступила четко над синей дымкой покрытых дремучими лесами гор. По распоряжению Таис начальник корабля не пошел в многолюдный Патос, а обогнул Северный мыс и вошел в Золотой Залив, где находились владения друзей афинянки.

Лучезарный воздух, лазурная бухта, амфитеатром врезанная в пурпурные холмы, переносили Таис в родную Аттику. Каменная пристань, белая дорога в гору, на уступах которой расположились окрашенные розоватой глиной домики под кипарисами, платанами и раскидистыми соснами. Чистая струйка источника, падавшего с высоты в плоский бассейн на берегу, разбиваясь в мелкие капли. Выше домов шли полосы темной зелени миртовых зарослей, испещренных белыми цветами, признаком жаркой половины лета. Неповторимый аромат морского берега в солнечный летний день будил детские воспоминания о жизни в аттическом селении под нежной опекой взрослых. И Таис, отправив назад корабль с благодарственной запиской Птолемею, как бы окунулась в детство.

Каждый день вместе с Ираной, ее няней и Эрис они уплывали на западную сторону бухты, защищенную длинным мысом, вползавшим в море, будто хребет дракона. Купались до изнеможения, лазали на скалы, жевали любимые в детстве сладкие коричневые рожки и обстреливали друг друга их твердыми, с металлическим отливом зернами. У друзей Таис оказалась целая стайка девчонок от восьми до двенадцати — свои дочери и племянницы, дети слуг и рабов. По стародавним обычаям они все играли вместе: бешено носились в пятнашки, плели венки и плясали неистовые танцы, опоясанные гирляндами, под знойным солнцем или, совсем нагими, под яркой лупой; ныряли, пытаясь найти уголок с уцелевшими от ловцов кустиками кроваво-красного коралла. Или в почи полнолуния соревновались, кто дальше заплывет по лунной серебряной дорожке с чашей в руке, чтобы совершить возлияние Тетис, Посейдону и Гекате.

Таис и Эрис принимали участие в этих забавах, будто тринадцатилетние — таинственный возраст, когда в телах девочек наступало равновесие в развитии всех сторон и

Гея-Земля пробуждала силы ясновидения и бессознательного понимания судьбы, когда крепнут связи с Великой Матерью, Артемис и Афродитой.

Иногда Таис и Эрис брали небольших, но крепких лошадок кипрской породы, хорошо лазавших по горам. После гибели Боанергоса афинянка больше не хотела приобретать собственного коня. Или, как некогда в Экбатане с Гесионой, поднимались пешком в горы по крутым тропам, выбирали сильно выступающую скалу, нависшую в воздухе на страшной высоте, и располагались на ней.

Эрис высота опьяняла. Сверкая глазами, запрокидывая голову, черная жрица пела странные песни на неизвестном ей самой языке, выученные в раннем детстве в храме, а может быть, еще раньше на забытой теперь родине. Без конца и начала тянулась печальная мелодия, и вдруг вспыхивали созвучия слов, полные страсти и гнева, и возносились в ясное небо, как вопль о справедливости. Ноздри у Эрис раздувались, сверкали зубы, дико темнели глаза. Внутри Таис все начинало отвечать этому порыву. От колдовской песни хотелось встать на край утеса, широко раскинуть руки и броситься вниз, в темную зелень прибрежных лесов, отсюда казавшуюся мшистым покрывалом.

Таис не боялась высоты, но дивилась хладнокровию Эрис, которая могла стать спиной к пропасти на самой кромке обрыва и еще показывать подруге на что-нибудь увиденное.

Вооруженные копьями, они отправлялись и в более далекие путешествия. Таис хотела дать почувствовать подруге все очарование лесов и гор Кипра, схожего с природой милой сердцу Эллады.

Рощи раскидистых сосен с длинными иглами, дубы с круглыми, мелкозубчатыми, очень темными листьями и красной корой, чередующиеся с огромными каштанами, орехами и липами,— все это Эрис видела впервые, так же как и леса высоких можжевельников, с сильным ароматом, похожих на кипарисы, или черные, мрачные заросли другой породы можжевеловых деревьев, тоже издававших острый бодрящий аромат.

Таис сама впервые увидела леса высоченных кедров, иных, чем на финикийском побережье,— стройных, с очень короткой зеленовато-голубой хвоей. Море кедровых лесов простиралось по хребтам, уходя на восток и на юг в тишине и сумраке бесконечных колоннад. Ниже, на уступах из-под скал, били кристальные источники и росли

вязы с густыми округлыми шапками зелени, подпертыми скрученными, угольно-серыми стволами.

Таис любила залитые солнцем каменистые плоскогорья, поросшие темными кустиками финикийского можжевельника и душистого розмарина, ползучими стеблями тимьяна и серебристыми пучками полыни. Воздух, насыщенный теплым ароматом множества душистых растений, заставлял дышать полной грудью. Солнце само вливалось в жилы, отражаясь от белых бугров мрамора, выступавшего грядами на небольших высотах.

Эрис ложилась на спину, устремляя в небо синеву мечтательных глаз, и говорила, что теперь не удивляется, почему в Элладе столько художников, красивых женщин и почему все встреченные ею люди так или иначе оказывались ценителями прекрасного. Природа здесь — сияющий и бодрящий мир четких форм, зовущий к мыслям, словам и делам. Вместе с тем эти сухие и каменистые побережья, скудные водой, отнюдь не поощряли легкой жизни, требуя постоянного труда, искусного земледелия и отважного мореплавания. Жизнь не разнеживала людей, но и не отнимала у них все время для пропитания и защиты от стихийных невзгод. Если бы не злоба, война и вечная угроза рабства... Даже в столь прекрасной части Ойкумены люди не сумели создать жизни с божественным покоем и мудростью.

Эрис переворачивалась на живот и, устремляя взгляд на далекие леса или голубое сияние моря, думала о бесчисленных рабах, которые создавали эту красоту — великолепные белые храмы, портики, стои и лестницы, набережные и волноломы. Что несет эта красота? Смягчает ли она нравы людей, уменьшается ли насилие и жестокость, больше ли становится людей, похожих на Таис и Лисиппа, справедливых и человечных? Куда движется жизнь? Никто не знает, а получить ответ на этот вопрос — означает понять, куда идут Эллада, Египет и другие страны. К лучшему, к процветанию и справедливости или к жестокости и гибели?

Совсем другие мысли занимали Таис. Впервые за много лет свободная от обязанностей и тягот высокого положения, утратившая интерес к тому, что люди восхищались ею, не нуждавшаяся более в постоянных упражнениях для дальнего похода, афинянка предалась созерцанию, к которому всегда имела склонность. Все вокруг нее было родным. Само тело вбирало в себя искрящийся свет

неба и лазурь, запахи и сухое тепло земли, а подчас и суровую синеву моря.

Таис хотелось прожить так целые годы, ни от кого не завися, никому не будучи обязанной. Но прошло лето, миновала дождливая и ветреная зима, вновь закачались вдоль дорог и троп белые соцветья асфоделей. И живой ум, сильное тело афинянки потребовали деятельности, новых впечатлений и, может быть, любви.

Кончалась сто семнадцатая олимпиада, и Таис впервые почувствовала все значение слова «аметоклейтос» в применении к судьбе: неумолимой, неотвратимой и бесповоротной. Ее египетское зеркало стало отражать серебристые нити в густых, черных как ночь волосах. И на гладком, подобно полированному эфесскому изваянию, теле Таис заметила первые морщины, там, где их не было раньше и не должно быть. Даже ее несокрушимо юное тело уступило напору все уносящего времени! Афинянка никогда не думала, насколько больно ранит ее это открытие. Она отложила зеркало и укрылась в зарослях лавра, чтобы погоревать в одиночестве и смириться с неизбежным.

Здесь и разыскала ее Эрис, чтобы передать спешное письмо от Птолемея. Да, все совершилось точно так, как предвидела Таис еще в Вавилоне, объясняя Эрис неверную судьбу царских детей!

Кассандр схватил мать Александра Олимпиаду и обвинил ее в каком-то заговоре, схватил вдову Александра Роксану и двенадцатилетнего сына солнцеликого полководца, наследника Македонии, Эллады и Азии, Александра IV. Жестокий тиран повелел побить камнями мать великого царя, бывшую верховную жрицу в Пелле и убить его вдову и сына. Воины не посмели поднять руки на Александрову плоть. Тогда Кассандр, связав вместе сына с матерью, сам утопил их. Вся Эллада, все оставшиеся в живых диадохи и воины Александра возмутились отвратительными злодеяниями. Но, как это обычно бывает, преступник остался безнаказанным. Никто из имущих власть и военную силу не поднял на него оружия. Злодеяния Кассандра не ограничились убийством кровной родни Александра. Тиран Македонии совершил еще множество жестокостей.

Эрис горько сожалела, что не состоит в окружении Кассандра и не живет в Македонии. Она убила бы его без промедления, впрочем, она не сомневалась, что боги накажут злодея. И ее пророчество о скором конце Кас-

сандра оказалось верным. Известие о мерзком злодеянии отозвалось на Таис сильнейшим душевным кризисом, может быть, потому, что совпало с сознанием уходящей молодости. Теперь уже Эрис развлекала ее: водила на тайные женские пляски под луной в честь Гекаты, добывала с ней краски на востоке от Золотой Бухты, где в горах выступали зеленые и синие жилки малахита и азурита, удивительно яркие и чистые.

Осенью сама Таис решила, что слишком долго прожила в сельском уединении, и собралась в Патос. Оживленный город, центр торговли медью, кедром и особым волокном для фитилей ламп, несгораемым ни в каком огне, славился на весь мир храмом Афродиты Анадиомены. Здесь, около Патоса, богиня возникла из морской пены и света звезд, почему и носила прозвище Патии, или Киприды (рожденной на Кипре).

Священная дорога от храма вела к части взморья, отделенной стеной от гавани. Девять мраморных колонн в честь девяти достоинств Афродиты обрамляли открытый портик набережной из кубических глыб темного плотного камня, привезенного с Олимпа Трехзубчатого. Две ступени вели на покрытую водой площадку из того же камня. Прозрачные зеленые волны катились из моря, разбивались на отмели, и длинные полосы белой пены кружились причудливыми извивами над ровной поверхностью площадки. По этим извивам жрицы богини пытались прочесть знаки пророчества, ибо, по древнейшим преданиям, именно тут вышла из пены златоногая Афродита, радость богов и людей.

Красавицы острова — женщины знатного рода, гетеры, дочери земледельцев и пастухов — купались здесь после моления в храме, веря, что богиня одарит их частицей своей неотразимой притягательной силы. В пятый день недели, посвященный Афродите, здесь собирались любопытные искатели невест, художники с принадлежностями для рисования, моряки с кораблей, приходивших в порт со всех островов Эллады, из Финикии, Ионии, Египта, Сицилии и даже Карфагена.

После некоторого колебания Таис тоже решила выполнить обряд. Эрис, критически осмотрев подругу, уверила ее, что она достаточно хороша, чтобы купаться днем. Таис вопреки ей пошла купаться почью за час до полуночи, во время, посвященное Эросу. Полная луна светила над водой на первой ступени, доходившей лишь до колен, когда

обе подруги, принеся бескровную жертву в храме, вошли в море.

Сосредоточенная и печальная, стояла Таис в лунном море, и маленькие волны плескались вокруг, поглаживая ее плечи, как будто богиня Тетис собралась утешить ее. Во внезапном порыве афинянка подняла руки к небу, шепча: «Пенорожденная, на том месте, где явилась ты миру, подай мне знак, что делать дальше? Пройдет немного времени, и я перестану радовать людей, испытывать их силу и стремление к прекрасному... перестану служить тебе! Коротка жизнь! Пока соберешь крохи знания и увидишь, как надо жить, уже не сможешь идти дальше. Молю тебя, златоногая, яви мне путь или убей меня! Прибавь ласковую смерть ко всем твоим прежним бесценным дарам, чтобы твоя божественная воля сопроводила меня за Реку».

Таис долго стояла, глядя на сверкающее темным зеркалом море, иногда поднимала голову, чтобы взглянуть в затянутое топким покрывалом небо. Ни знака, ни слова, только волны шептались вокруг тела Таис.

Внезапно восторженные крики, удары в маленькие бубны и плеск воды оглушили удивленных женщин. Они оказались в кольце молодых девушек и юношей, веселым хороводом увлекших их на вторую ступень площадки, где вода была выше плеч. Не дав подругам покинуть покрывала по выходе из моря, молодые люди — художники, поэты, их модели и возлюбленные — оплели Таис и Эрис гирляндами серебрившихся при луне белых цветов и, не обращая внимания на протесты, повели на симпосион в качестве почетных гостей. Таис сумела отвоевать одежды и появилась на пиру одетой, к разочарованию ваятелей, наслышанных о красоте тел афинянки и эфиопской царевны. Во время симпосиона Таис украдкой следила, кто больше привлекает восхищенных взглядов: она ли, в простой прическе с тремя серебряными лентами на голове и в ожерелье из когтей грифа, открыто и весело смеющаяся, или Эрис, замкнутая, гордо несущая голову, увенчанную короной из грозных змей, на высокой шее, охваченной голубыми бериллами, сиявшими на темной коже.

«На Эрис смотрят больше!.. Нет, пожалуй, на меня?.. Нет, на Эрис...» Так и не утвердившись, за кем первенство, Таис увлеклась пением и танцами — ведь это был первый после многих лет настоящий симпосион эллинских поэтов и художников! Даже Эрис поддалась атмосфере

веселья и юной любви, вызвав своими танцами поистине бешеное восхищение гостей.

Но увлечения афинянке хватило ненадолго. Подперев щеку рукой, Таис уселась в стороне, с удовольствием наблюдая за молодежью и чувствуя в то же время странное отчуждение.

Несколько раз она ловила внимательный взгляд хозяина дома, высокого ионийца с сильной проседью в густой гриве волнистых волос. Он словно бы старался понять и взвесить происходившее в сердце Таис. Его жена, прежде знаменитая певица, руководила симпосионом, как опытная гетера. Повинуясь еле заметному знаку мужа, она вышла между столами на середину пиршественного зала. Пошепталась с музыкантами, те взяли первые аккорды отрывистого аккомпанемента, и в наступившей тишине голос хозяйки взвился ввысь освобожденной птицей.

Таис вздрогнула, мелодия дошла до самого ее сердца. Это была песня о Великом Пороге, неизбежно встающем на пути каждого мужа или жены, на всех дорогах жизни. Воздвигает его Кронос после отмеренных Ананкой-Судьбою лет. Для многих людей они счастливы, Порог — лишь незначительное возвышение. Его перешагивают, почти не замечая, мирные земледельцы. Старые воины в последних боях также не видят Порога. А люди переменчивой, полной событий жизни — созидатели прекрасного, путешественники, искатели новых стран — встречают нечто подобное ограде, а за нею грядущее, темное даже для очень проницательных людей. Этот Великий Порог или не переходят, дожидаясь перед ним конца своих дней, или смело бросаются в неведомое будущее, оставляя позади все: любовь и ненависть, счастье и беду...

Певица пела на эолийском наречии, обращаясь к Таис, словно прозревая в ней пришедшую к Порогу и стоящую в благородном бесстрашном размышлении.

Песнь затронула и молодежь, еще очень далекую от Порога Судьбы. Тень его легла на пылкую радость симпосиона, как знак окончания праздника. Парами и группами гости исчезали в лунной ночи. Погасли люкносы между портиком входа и залом для пира. Таис и Эрис поднялись, благодаря хозяев.

— Вы гости нашего города,— сказал хозяин дома,— соблаговолите отдохнуть здесь, под нашим кровом. Гостиница далека от Священной дороги, и уже поздно.

— Достойный хозяин, ты даже не знаешь, кто мы,— ответила афинянка,— мы явились без приглашения. Нас

привели насильно твои друзья. Они были милы, и не хотелось обидеть их...

— Напрасно ты думаешь, что жители Патоса не знают Таис,— усмехнулся хозяин,— даже если бы мы и не слыхали о тебе, достаточно твоей красоты и поведения на симпосионе. Посещение моего дома тобой и твоей царственной подругой — праздник. Продли же его, оставшись на ночлег!

Таис осталась, не подозревая о большой перемене в своей судьбе, какую готовило ей посещение дома близ берега Киприды.

На следующий день, купаясь с женою и дочерьми хозяина, афинянка узнала о святилище Афродиты Амбологеры. До сих пор она, как и многие афиняне, думала, что воплощение Афродиты, Отвращающей Старость, есть лишь один из символов многоликой богини. Возможно, наиболее юный из ее образов, подобный статуям едва расцветшей девушки из прозрачного родосского розового мрамора. Его любили ваятели и запрещали в храмах строгие блюстители канонов.

Здесь, на Кипре, родине Афродиты, существовал древний храм Амбологеры, Отвращающей Старость. Его посещали любимцы богини, жены или мужи, равно приближавшиеся к Великому Порогу Всематери. Приносили жертвы, выслушивали прорицания, выбирали новый путь жизни и шли домой ободренные, либо склонив в унынии лицо, глядя на пыль дороги под своими сандалиями.

Храм Афродиты Амбологеры находился в трех днях пешего пути от Патоса, на границе старинной финикийской колонии на юго-востоке острова. Говорили, будто храм построен сообща эллинами и финикийцами, также поклонниками Отвращающей Старость. Таис загорелась желанием посетить его.

— Это не принесет тебе покоя или счастья,— уверенно сказала Эрис, предостерегая подругу.

Таис отвечала, что у нее сейчас нет ни того, ни другого и не будет, пока не найдет она дальнейшую дорогу.

— Разве у тебя самой не так?

— Не так. Я никогда не расставалась с печалью, а потому и не утрачивала путеводного света жизни,— загадочно ответила Эрис.

Афинянка не послушалась. В сопровождении новых друзей они ехали по петляющей каменистой дороге, поднимаясь в горы сквозь высокоствольные сосновые рощи и темные кедровые леса. После тишины и сухого смолистого

воздуха на жарком южном склоне хребта путники выехали на простор степного плоскогорья. Синеватые кампи выступали среди клонившихся под ветром серебристых трав. Впереди высился увал, рассеченный пополам широкой долиной, в вершине которой располагалось святилище. В устье долины прежде находились строения, ныне полностью разрушенные. От них остались лишь широкие выровненные уступы, отгороженные громадными каменистыми плитами и заросшие деревьями, посаженными человеком. Многовековые орехи, каштаны и платаны стояли в осеннем багряном уборе, а перед ними подобием ворот — четкие силуэты двух гигантских кедров, чьи разлапистые горизонтальные ветви были настолько плотными, что удерживали падавшие сверху мелкие камни.

Пламенно-золотая аллея вела в глубь долины. Ощущение удивительного света и покоя охватило Таис. Люди притихли, говорили вполголоса, избегая нарушить шелест осенних листьев и журчание сбегавшего по дну долины ключа, маленькими каскадами лившегося через края ступенчатых бассейнов, среди замшелых плоских кампей.

В просветах между деревьями высились скалы, покрытые мхом столетий, с непонятным очарованием прошедших времен.

В глубь долины уходили поперечные ряды темных кипарисов, среди которых багрянцем выделялись пирамидальные тополя.

Запах разогретой осенней листвы и хвои, свежий, горький и сухой одновременно, без малейшего привкуса пыли горных дорог. Позади долина расширялась и лежала внизу в разливе вечернего солнца, полная мира и тепла. Там клубились багрянеющие кроны дубов, вязов и кленов среди разлета плоских вершин сосны.

Храм Афродиты Амбологеры походил скорее на крепость. Стены из серых камней вдавались в ущелье, замыкая с запада перевальную точку вершины. Фронтон святилища с колоннадой был обращен на восток, господствуя над обширным плоскогорьем, засаженным виноградом и фруктовыми деревьями. Патосские друзья попросили их обождать и прошли через узкий темный ход, ударив три раза в бронзовый лист, подвешенный на короткой цепи. Вскоре они вернулись вместе с двумя жрицами, несомненно, высокого положения. Сурово и серьезно осмотрев Таис и Эрис, одна из них, в светло-сером одеянии, вдруг улыбнулась приветливо, положила руки на плечи

обеим и, слегка кивнув головой пятосцам, провела женщин в глубь храма.

Последовали обычные обряды вечернего поста, омовения и ночного бдения — на полу у дверей святилища, в молчании.

С рассветом явилась старшая жрица, велела съесть по яблоку, сбросить одежды и повела подруг к Отвращающей Старость богине — Афродите Амбологере. Ни афинянка, ни черная жрица, много путешествовавшие, еще никогда не видели подобного храма. Треугольный просвет в крыше бросал сияние яркого неба на сходившиеся впереди стены, обращенные на восток.

На стенах цвета лепестков гелианта бронзовые гвозди удерживали громадные, не меньше десяти локтей в ширину, доски, выпиленные из цельного дерева. Только тысячелетние деревья, вроде ливанских кедров, могли иметь такие стволы. На них чистыми минеральными красками вечных фресок художником гениальнее Апеллеса были написаны две богини.

Левая, в горячих тонах красных земель и пылающего заката, изображала женщину в расцвете земной силы плодородия и здоровья. Ее полные губы, груди и бедра настолько переполняли желание, что, казалось, они разорвутся от дикого кипения страсти, источая темную кровь Великой Матери, Владычицы Бездны. Руки, простертые к зрителю в неодолимом призыве, держали темную розу — символ женского естества и квадратный лектион со звездой, хорошо знакомый Таис.

— Лилит!— едва заметным движением губ сказала Таис, не в силах оторвать глаз от картины.

— Нет!— чуть слышно ответила Эрис.— Лилит добрая, а эта — смерть!

Жрица подняла брови, услышав шепот, и резким выбросом руки указала на правую стену. И афинянка невольно вздохнула с облегчением, увидев воплощенной свою мечту.

Голубая гамма красок сливала море с небом и низкий горизонт. На этом фоне тело богини приняло жемчужно-опаловый оттенок раннего рассвета, когда крупные звезды еще горят в вышине, а опаловое море плещется на розовых песках. Урания шла, едва касаясь земли пальцами босых ног, простирая руки к рассветному небу, ветру и облакам. Лицо богини, вполоборота через плечо, одновременно смотрело вдаль и на зрителя, обещая утешение во

взгляде серых, как у Таис, глаз. На лбу между бровей светился огонь, не гася взора.

Перед каждой картиной на низком жертвеннике дымилась почерневшая от времени курильница.

— Вам говорили о двух ликах Амбологеры?— спросила жрица.

— Да!— дружно ответили Таис и Эрис, вспомнив вечернюю беседу с философом храма.

— Отвратить телесную старость смертного не могут ни олимпийцы, ни сама Великая Мать. Все в мире подчиняется течению времени. Но есть выбор. Он перед вами. Сгореть дотла в последнем пламени служения Афродите. Или перенести это пламя на всеобъемлющую любовь, зовущую к небу, служа Урании, в неустанной заботе о счастье детей и взрослых. Положите перед той, которую выбрали, вещь, не обязательно дорогую по денежной стоимости, но самую драгоценную для каждой из вас.

Таис без колебаний подошла к Урании, отстегнула цепочку — поясок со звездой, дар Александра, и положила его на жертвенник.

Эрис осталась неподвижной. Жрица Амбологеры с удивлением посмотрела на нее.

— Разве нет пути посредине?— спросила Эрис.

— Есть!— понимающе улыбнулась жрица, трижды хлопнув в ладоши.

Медленно раскрылись тяжелые створки стены между картинами.

Высоко над мирной долиной с виноградниками, маслинами и полем пшеницы выступал полукруглый балкон. Мужчины и женщины трудились прохладным утром, взращивая плоды Геи-Деметры. Среди них было немало старых людей, седобородых мужчин и женщин в плотных одеждах, темных головных покрывалах.

— Мирный труд на земле в тиши и покое последних лет жизни — благородный конец земледельца,— сказала жрица.

— Тогда есть четвертый путь!— ответила Эрис.

— Зачем ты пришла к Амбологере?— жрица раскинула руки крестом, как бы преграждая Эрис обратный путь в святилище.

Черная жрица — прямая, гордая и суровая, показалась Таис как никогда значительной. Ее синие глаза взглянули на жрицу с высокой уверенностью, без вызова или насмешки, и та успокоилась.

— Зачем мне оскорбление иной веры?— спросила

Эрис.— Ты указала три пути, и все три — для одиноких мужей и жен. А человек покидает общество людей только со смертью. Должен быть еще путь служения людям — не только личным совершенством, но прямым действием на их пользу!

— Тогда ты не поняла глубины показанных тебе символов. Средний путь дает людям пищу, ибо у земледельца всегда есть излишки, чтобы накормить художника и поэта и тем умножить украшение мира. Путь Урании — для мудрой и нежной жены. Он выражен только через любовь и помощь людям. То, что жена всегда должна делать и делает для сердца. Потому Урания — образ жен, потому великий Платон счел эту богиню самой главной для будущего человечества.

— И забыл про несчастья и стоны рабов, отдающих свою жизнь, подобно вьючным животным, чтобы поклонники Урании могли изливать любовь на ближних, таких же высокопоставленных!— гневно ответила Эрис, и афинянка с удивлением воззрилась на подругу.— Нет!— наклоняясь вперед, как изваяние Аксиопены, воскликнула Эрис.— Никакая небесная любовь и достижение неба невозможны ни по трупам побежденных, ни по спинам рабов. Вы, люди Запада, достигшие высот философии и кичащиеся свободой, не видите изначальной ошибки всех ваших рассуждений. Вы представляете себе силу только в убийстве и жертвах. Сильны, следовательно, правы, только те, кто искуснее убивает. Таковы ваши боги, образы ваших героев, таковы и вы сами. Это проклятие Великой Матери, которое вы будете нести до конца, пока существуют народы Запада. Поэтому второй лик Амбологеры, Урания,— это ложь для поэтов и неудачливых любовников!

— А другой лик?— хрипло спросила пораженная жрица.

— Богиня Темного Эроса! Она — правда, и я некогда служила ей со всем пылом юной веры. И это хороший путь для тех, в ком много животной силы...

— Тех, кто еще не понимает Урании,— вступилась Таис.

— Тысячелетия тому назад Великая Мать представала перед людьми в таких же двух ликах — разрушения и созидания, смерти и вечности. Только вечности нам не дано, и не надо обманывать себя и других этим символом

стремления нашего сердца. Это лишь сокрытие жестокой правды Великой Матери. Мы все знаем — это знание глубоко внутри нас,— что вечные силы природы всегда готовы к разрушению. И мы создаем в своих мечтах — высоких и чистых, низких и темных — множество богов и богинь, чтобы, как тонкими занавесями от лютого ветра, отгородиться ими от сил Великой Матери. Слабые молят о чудесах, как нищие о милостыне, вместо действия, вместо того, чтобы расчищать путь собственной силой и волей. Бремя человека, свободного и бесстрашного, велико и печально. И если он не стремится взвалить его на бога или мифического героя, а несет его сам, он становится истинно богоравным, достойным неба и звезд!

Ошеломленная жрица Амбологеры закрыла лицо руками.

— Есть вечное перевоплощение!— Таис решилась приоткрыть ей орфическую тайну.

— С расплатой за прежнее, когда уже не можешь ничего поправить?— продолжала Эрис.— Меня учили в Эриду попятию Кармы, и я поверила в него. Оттого так труден для меня четвертый путь. Я могла бы убивать всех, причиняющих страдания, и тех... кто ложным словом ведет людей в бездну жестокости, учит убивать и разрушать якобы для человеческого блага. Я верю, будет время, когда станет много таких, как я, и каждый убьет по десятку негодяев. Река человеческих поколений с каждым столетием будет все чище, пока не превратится в хрустальный поток. Я готова посвятить этому жизнь, но мне надо учителя. Не того, который только приказывает. Тогда я стала бы простой убийцей, как все фанатики. Учителя, который покажет, что правильно и что неправильно, что светло и что темно, а последнее решение останется за мной. Разве не может быть такого пути? И такого учителя, который знает, как отличить мертвую душу от живой, знает, кто недостоин лишнего часа ходить по земле! Чтобы человек мог взять на себя тяжкую обязанность кары, он должен обладать божественной точностью прицела. Только самое высокое сознание, подкрепленное мудрым учителем, поможет избежать того, что всегда получается при насилии. Рубят здоровое дерево, оставляя гнилушку, убивают драгоценные ростки будущих героев, способствуя процветанию людских сорняков...

Жрица Амбологеры не смела поднять головы под горящим взглядом Эрис.

Таис подошла и, обняв подругу, почувствовала, что в той дрожит каждая мышца.

— Я не могу ответить тебе, даже черпнув древней мудрости в храме Эриду,— печально сказала афинянка,— может быть, ты и подобные тебе будут орудием Кармы и не обременят себя ответственностью. Я знаю мало и не слишком умна. Но я чувствую, с такими, как ты, было бы куда меньше горя и яда в Ойкумене.

— Не знаю, откуда явилась ты, опаленная солнцем,— наконец заговорила жрица Амбологеры,— и кто вложил в твои уста слова, на которые я не знаю ответа. Возможно, ты провозвестница новых людей, посланных к нам из грядущего, а может быть, ты явилась как последыш отошедшего в прошлое. Твои мысли об Урании неверны и некрасивы. Подруга твоя скажет, что, занимая высокое положение, можно сделать многое для Небесной Любви!

— Вижу, ты никогда не возносилась высоко!— улыбнулась Таис.— Властительница беспомощна более других. И не только потому, что скована правилами поведения, предписаниями религии и обычаев и ограничена царственной недоступностью. Над тобой стоят советники, говорящие: «Это выгодно, а это нет». Выгодно для власти, выгодно для накопления сокровищ, выгодно для войны. И совсем нет речей, что выгодно для сердца, твоего и других людей. Ты сказала, что жена должна делать для сердца. Я была царицей и как же мало преуспела в этом. Я даже не смогла спасти свое дитя от мужского воспитания, превращающего юношу в боевую машину, а не служителя Урании!

Таис вспомнила Леонтиска, его мальчишескую веру в красивых нереид, и глаза ее наполнились слезами.

Эрис тихо сказала:

— Мы привыкли думать о богах как о завистливых существах, уничтожающих совершенство людей и их творения. Разве истинный ценитель прекрасного способен на такое? Означает ли это, что человек выше всех богов? Разумеется, нет! Только то, что боги придуманы и наделены худшими человеческими чертами, отражающими всю неправоту и недостойность нашей жизни, в которой судьба, то есть мы сами, изымает из жизни хороших, оберегая плохих. Такую судьбу надо исправлять самим, и если нельзя спасти хороших, то, по крайней мере, можно истребить человеческую пакость, не дав ей жить дольше и лучше.

Жрица Амбологеры, растерянная, стояла около двух необыкновенных, впервые встреченных ею женщин, таких разных и таких схожих своим внутренним величием.

Она низко поклонилась им, чего не делала еще никогда и ни перед кем, и скромно сказала:

— Вы не нуждаетесь в моих советах и помощи Амбологеры. Соблаговолите одеться и сойти вниз. Я призову мудреца, друга нашего философа. Он недавно приехал сюда из Ионии и рассказывал странные вещи об Александрхе, брате Кассандра.

— Брате гнусного убийцы? Что хорошего можно ожидать от такого человека?— резко сказала Таис.

— И все же, мне думается, вам обеим следует узнать об Уранополисе, Городе Неба, месте для деятельности подобных вам людей...

И подруги узнали небывалое, еще ни разу не случавшееся нигде в Ойкумене, не запечатленное в крепкой памяти надписей на камне, в народных преданиях и пергаментах историков. Александрх, сын Антипатра и младший брат Кассандра, получил от брата, правителя Македонии, кусок земли в Халкидике, на том перешейке позади горы Атос, где некогда Ксеркс повелел рыть канал. Там Александрх основал город Уранополис, тридцати стадий в окружности. Александрх, будучи ученым знатоком словесности, придумал особый язык, на котором должны были говорить жители города. Он не велел называть себя царем, принял лишь титул Высшего Советника в Совете философов, управителей города. Его собственный брат, некогда объявивший сумасшедшим Александра, назвал Александрха безумцем. Тогда Александрх бросил строительство в Халкидике и перенес Уранополис в Памфилию*. Из прежнего города он вывез потомков пеласгов, обитавших у горы Атос. К ним примкнули вольнолюбивые эфесцы, клазоменцы и карийцы. Жители Уранополиса — все, как братья и сестры, равны в правах, они гордо называют себя уранидами — Детьми Неба. Они поклоняются Деве Неба — Афродите Урании, как афиняне — Деве Афине, и чеканят ее изображение на своих монетах. Другие боги жителей города: солнце, луна и звездное небо — тоже изображены на монетах наряду с наиболее известными горожанами. Александрх мечтает распространить идею братства людей под сенью Урании, всеобщей любви, на всю Ойкумену.

---

* Часть Западного Тавра и Ичель — на южном побережье Турции.

А прежде всего он хочет уничтожить разницу языков и вер. Он пишет письма Кассандру и другим правителям на языке, изобретенном для Города Неба. Мудрец видел два подобных письма, их никто не может прочесть...

Услышанное перевернуло все намерения Таис.

То, о чем она мечтала бессонными ночами в Афинах, в Египте, в Вавилоне и Экбатане, свершилось! На нее словно бы повеяло теплом Ликийских гор. Любовь, не служащая завистливым божествам, не влачащаяся за войсками, становилась опорой города-государства Афродиты, дочери Неба, верховного божества, мудрости и надежды!

У нее есть цель, есть куда приложить ее искусство вдохновлять художников и поэтов и собственные мысли о путях к Урании! И эта цель так близка, через море, на север от Золотой Бухты, всего в какой-нибудь тысяче стадий! Слава Амбологере! Без нее она могла никогда не узнать о существовании города ее волшебного сна!..

Через несколько месяцев, собрав все свои богатства и оставив Ирану воспитываться на Кипре, Таис с неразлучной подругой оказалась на корабле, спешившем в широкий Адалийский залив. На горизонте из лазурного моря тяжелыми каменными куполами, с шапками ослепительно белых снегов, как обещание особенной чистоты, поднимались Ликийские горы. Корабль медленно обогнул острый утес, показалась небольшая синяя бухта и в глубине ее устье быстрой речки. На ее западном берегу за невысокой стеной розовели под лучами восходящего солнца постройки Уранополиса. Кипарисы и платаны успели подняться вдоль улиц и фасадов небольших домов. На центральной площади сверкало свежеотесанным белым известняком и цоколем из голубоватого камня видное издалека только что отстроенное здание Совета Неба.

Корабль подошел к пристани.

Таис окинула взором не слишком могучие стены, прямые улицы, невысокий пологий холм Акрополя. Вихрем пронеслись видения громадных семи- и девятистенных грозных городов Персии, финикийского побережья, огражденных раскаленными пустынями городов Египта, павших перед завоевателями, разграбленных и опустошенных. Белое величие Персеполиса, превращенное ее собственной волей в обугленные руины... Хрупким жертвенником небесной мечте человека, нестойко поставленным на краю враждебного мира, показался ей вдруг Уранополис. Великая печаль обреченности сдавила сердце Таис жестокой

рукой, и, взглянув на Эрис, она и в ее лице прочитала тревогу. Город Неба не мог просуществовать долго, но афинянка не ощутила сомнения или желания искать надежное место жизни на Кипре или в Александрии, или одном из укромных уголков Эллады. Город Неба, ее мечта и смысл жить дальше. Исчезни он, и что останется, если уже отдала всю себя служению Детям Неба. Отвечая на ее мысли, Эрис крепко сжала ее руку и подтолкнула к сходням.

Таис и Эрис сошли на пристань. Моряки под присмотром Ройкоса понесли тяжелые тюки и ящики с многоценным приношением делу Алексарха и Урании...

ЭПИЛОГ

Так окончилась история удивительной жизни Таис Афинской. Тьма Аида, глубина прошедших веков, поглотила ее вместе с первым на Земле Городом Любви и Неба.

Город светлой мечты не мог долго существовать среди могучих и свирепых царей, полководцев, жрецов фальшивой веры, корысти и обмана.

Крохотный островок только начинавшей зарождаться новой нравственности в море невежества, Уранополис скоро был стерт с лица Геи ордой опытных в войне и насилии захватчиков.

Вместе с Уранополисом исчезли и две подруги. Успели ли они скрыться от плена, уплыв на иные, пока мирные острова? Или, преследуемые воинами, бросились в море, отдав себя Тетис? Или Эрис твердой рукой черной жрицы сначала послала в подземный мир свою Таис и сама пошла за нею? Можно придумать любой конец соответственно собственной мечте. Несомненно одно: ни Таис, ни Эрис не стали рабынями тех, кто уничтожил Уранополис и положил конец их доброму служению людям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Глава I. ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ 18
Глава II. ПОДВИГ ЭГЕСИХОРЫ 37
Глава III. БЕГСТВО НА ЮГ 59
Глава IV. ВЛАСТЬ ЗВЕРОБОГОВ 83
Глава V. МУЗА ХРАМА НЕЙТ 111
Глава VI. НИТЬ ЛАКОНСКОЙ СУДЬБЫ 136
Глава VII. ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕСИОНЫ 156
Глава VIII. РЫЖИЙ ИНОХОДЕЦ 175
Глава XI. У МАТЕРИ БОГОВ 208
Глава X. ВОДЫ ЕВФРАТА 245
Глава XI. РОК ПЕРСЕПОЛИСА 269
Глава XII. НАСЛЕДНИКИ КРИТА 296
Глава XIII. КЕОССКИЙ ОБЫЧАЙ 328
Глава XIV. МУДРОСТЬ ЭРИДУ 361
Глава XV. НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА 388
Глава XVI. МЕМФИССКАЯ ЦАРИЦА 418
Глава XVII. АФРОДИТА АМБОЛОГЕРА 443
Эпилог 477

Ефремов Иван Антонович
ТАИС АФИНСКАЯ

Редактор *К. Бакбергенов*
Художники *Г. Бойко, И. Шалито, В. Максин*
Портрет на фронтисписе работы художника *С. Алтаева*
Художественный редактор *Л. Тетенко*
Технический редактор *Л. Алехина*
Корректоры *Е. Шкловская, А. Тимофеева*

ИБ 1841

Сдано в набор 12. 05. 80. Подписано к печати 14. 08. 80. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Обыкновенная новая гарнитура. Бумага № 2. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 475 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 2402. Цена 2 руб.
Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.
Отпечатано с матриц фабрики книги на полиграфкомбинате производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Ефремов И. А.

Е 92 Таис Афинская: Исторический роман/ Изд. 4-е.— Алма-Ата: Жазушы, 1980.— 480 с.

Последнее произведение Ивана Ефремова освещает один из переломных моментов истории — переход от национализма пятого — четвертого веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, происшедший под влиянием войн Александра Македонского, а также благодаря проявлениям общечеловеческой морали в учениях греческих философов-гуманистов. В романе красной нитью проходит мысль о вечности красоты искусства и ее вдохновительницы — женщины.

Главная героиня романа — знаменитая гетера Таис Афинская — такая же подлинная историческая личность, как и Александр Македонский. Она участница его походов. Ею сожжена одна из столиц персидского царства — Персеполис. Этот эпизод лег в сюжетную основу романа.

Р2

Е $\frac{70302-141}{402(05)-80}$ без объявления 4702010200

2р.

ТАИС АФИНОГЕНА И. ЕФРЕМОВ